

ИСТОРИЯ РОССИИ

Е.Ю. СПИЦЫН

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ IX—XVII вв.

ПОЛНЫЙ КУРС ИСТОРИИ РОССИИ

Е.Ю. СПИЦЫН

КНИГА
ПЕРВАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Е.Ю. Спицын

**ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ
IX–XVII ВВ.**

**Полный курс истории России для учителей,
преподавателей и студентов**

КНИГА 1

Москва
2015

УДК 94(47)075.8
ББК 63.3(2)я73
С72

Спицын, Е.Ю.
С72 **Древняя и Средневековая Русь IX–XVII вв.:** Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. Книга 1 / Е.Ю. Спицын. — М.: Концептуал, 2015. — 400 с.
ISBN 978-5-906756-67-1

Предлагаемый четырехтомный труд по истории России создавался более 15 лет и предназначен прежде всего учителям истории и преподавателям исторических факультетов. Он также представляет несомненный интерес для преподавателей, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, старшеклассников и абитуриентов, а также для всех интересующихся прошлым нашего Отечества, дезориентированных существующей четверть века на книжном рынке и в сети Интернет литературой сомнительного содержания и качества, с крайне субъективными оценками и вульгарной трактовкой исторических событий, не имеющей ничего общего с научной интерпретацией фактов.

УДК 94(47)075.8
ББК 63.3(2)я73

ISBN 978-5-906756-67-1

© Издательство «Концептуал», 2015
© Спицын Е.Ю., 2015

Репродуцирование (воспроизведение)
данного издания любым способом без
договора с автором запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Древняя Русь в раннем средневековье (IX–XIII вв.).....	7
Этногенез славян	7
Образование Древнерусского государства. Современный норманизм как диагноз	18
Социально-экономический и политический строй Древнерусского государства в IX–XII вв.....	30
Политическая история Древней Руси при первых князьях в середине IX – последней четверти X вв.....	46
Древняя Русь при Владимире Святom и Ярославе Мудром в конце X – первой половине XI вв.	59
Древняя Русь на путях к феодальной раздробленности (середина XI – середина XII вв.).....	80
Русские земли в XII – первой трети XIII вв.....	94
Культура Киевской Руси IX – XII вв.....	112
Культура русских земель второй половины XII – первой трети XIII вв.	135
Борьба Руси с иноземными захватчиками	151
Литература	170
ГЛАВА ВТОРАЯ. Русь в позднем средневековье (XIII–XVII вв.).....	176
Русь и Орда во второй половине XIII – начале XIV вв.	176
Борьба Твери и Москвы за гегемонию в Северо-Восточной Руси (I этап объединения русских земель 1300–1389).....	191
Русь и Литва во второй половине XIII – первой половине XV вв.....	215
Русь в конце XIV – середине XV вв. (второй этап объединения русских земель 1389–1462)	220
Русская культура XIV – первой половины XV вв.	231
Завершение политического объединения Руси (1462–1533). Государственные реформы Ивана III	246
Россия при Иване Грозном (1533–1584).....	264
Русская культура конца XV–XVI вв.	285
Россия в конце XVI – начале XVII вв. Смутa в Русском государстве	303
Социально-экономическое и политическое развитие России в XVII в.	317
Русская православная церковь в XVII в. церковный раскол.....	331
Социальные движения в России в XVII в.....	337
Внешняя политика России в XVII в.....	343
Русская культура XVII в.	357
Литература	385

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга родилась из моих лекций, которые на протяжении всех **1990-х и начала 2000-х гг.** я писал к урокам истории для старшеклассников двух московских школ, в которых работал учителем истории, а потом директором одной из этих школ. Затем, в первой половине **2000-х гг.**, ряд лекций были опубликованы в виде трех отдельных книг. Но значительная часть материала осталась необработанной в силу разных причин. Весной прошлого года, когда был объявлен конкурс на создание нового учебника истории на базе нового историко-культурного стандарта, созданного по поручению президента В.В. Путина, я плотно сел за написание полного курса истории России, но так и не был допущен к участию в этом конкурсе...

Более писать ничего не буду и предоставляю слово своим коллегам, но замечу только, что: 1) пусть уважаемого читателя не пугает обилие фактов, событий, имен и т.д., поскольку я хотел дать максимальный объем сведений, чтобы вам не пришлось «лазить» в поисках нужной информации по другим источникам и ресурсам; 2) эта книга, как и предыдущие, вполне сознательно написана через призму историографии, поскольку в современном информационном мире изучать историю можно только историографически, что сразу снимет много проблем, в том числе и пресловутый вопрос о «едином учебнике истории», который в последний год приобрел характер настоящей истерии и разного рода спекуляций.

Е.Ю. Спицын

Данная работа **Евгения Юрьевича Спицына** — выпускника знаменитого истфака **МПГИ им. В.И. Ленина** весьма актуальна и очень нужна не только учителям истории, но и преподавателям высших учебных заведений, потому как дает, в условиях все более возрастающего объема информации по истории России, в которой много псевдонаучного и политически спекулятивного, по сути, в полном объеме и на высоком научном уровне историографию — дореволюционную, советскую, современную — по всем проблемам отечественной истории, начиная с этногенеза славян и кончая XVII веком. Тем самым представляя собой прекрасный историографический путеводитель, который позволит читателю — и прежде всего учителю, которому скоро придется преподавать по так называемому единому учебнику истории, — быть в курсе основных точек зрения на все аспекты нашей многовековой истории. Следовательно, в какой-то мере он позволит скорректировать и нейтрализовать многие ошибки и просчеты таких учебников.

Подобных, весьма обстоятельных, пособий для учителей у нас никогда не было, хотя учителями всегда обращалось особое внимание на острейший дефицит именно историографической информации. Автор, проработав много лет учителем истории и директором одной из московских школ, в курсе этих проблем, что, видимо, и стало одной из причин его обращения к решению этой, весьма непростой задачи, требующей основательных знаний и способности разобраться во всех аспектах мнений по самому широкому спектру проблем отечественной истории. И автор блестяще справился с поставленной задачей: книга написана

живо, хорошим языком, все им аккуратно и совершенно по делу разложено «по полочкам».

*Доктор исторических наук,
профессор В.В. Фомин*

Проделанная **Евгением Юрьевичем Спицыным** работа по написанию фундаментальной книги по истории России XVIII – XX веков заслуживает большого уважения и представляет несомненный интерес не только для специалистов-историков, но и для всех интересующихся прошлым нашего Отечества. Особую ценность данный труд, конечно, имеет для учителей общеобразовательных школ, дезориентируемых наличием на книжном рынке и в сети Интернет обилием самой разнообразной литературы, часто весьма сомнительного содержания, с крайне субъективными оценками и вульгарной трактовкой событий, не имеющей ничего общего с научной интерпретацией фактов. В этих условиях крайне важной видится попытка автора предоставить учителям добротный навигатор, дающий четкие ориентиры в море самых различных изданий, наводнивших за последние десятилетия не только книжные развалы, но и осевшие на стеллажах школьных библиотек. Именно эту роль и призвана выполнить прекрасная работа **Е.Ю. Спицына**.

К ее безусловным достоинствам следует отнести ясность формулировок, органическое включение историографических сюжетов в канву изложения всех исторических событий, подробную характеристику источников и внятную методологическую позицию автора. Эмоциональная окрашенность текста, не портит общего впечатления от изложения. Напротив, она призвана акцентировать внимание читателей на многие проблемы, которые до сих пор не имеют однозначного решения в науке, что требует особой концентрации и включения в процесс познания истории всего внутреннего мира читателя. Ведь, без попытки установить сопричастность и неразрывную связь с минувшим, с восстановлением всего культурно-исторического контекста, понять всю сложность и многомерность этих проблем, вряд ли удастся.

*Доктор исторических наук,
профессор А.В. Лубков*

***Посвящаю своей маме
Спицыной Надежде Николаевне***

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (IX–XIII ВВ.)

Тема: ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН

План:

1. Краткая классификация источников.
2. Первые упоминания о славянах в письменных источниках.
3. Когда возник славянский этнос.
4. Где была прародина славян.
5. Распад единого славянского этноса.
6. Общественный строй восточных славян.
7. Хозяйственный строй восточных славян.
8. Религиозные верования восточных славян.

1. Краткая классификация источников

При изучении такой чрезвычайно сложной и дискуссионной проблемы, как этногенез славян, огромное значение имеют несколько основных видов источников, в частности **письменные, археологические, лингвистические и антропологические**. Однако каждому из них свойственны свои «родовые пороки» и недостатки, которые всегда необходимо учитывать.

1) Практически все **письменные источники** о славянах можно датировать с максимальной точностью, поскольку многие из них принадлежат перу хорошо известных византийских, римских и арабских авторов. Но при этом надо помнить и о том, что многие из них: 1) содержали какой-то объем «легендарной» информации, почерпнутой из других, более ранних и не дошедших до нас источников; 2) могли быть подвергнуты значительной редактуре в более поздние века. Поэтому полностью доверять им, конечно, нельзя и необходимо проводить тщательную научную критику всех письменных источников и их разных редакций.

2) **Археологические источники**, которые также поддаются относительно точной датировке, к большому сожалению, практически не дают неоспоримых сведений о языке, а, следовательно, не позволяют этнически идентифицировать многие ранние **археологические культуры**, которые представляют собой совокупность памятников только материальной культуры, относящихся к одной, относительно локальной, территории и определенной исторической эпохе.

3) **Лингвистические источники**, прежде всего, **топонимика** (название географических объектов), **ономастика** (личные имена) и **морфология** (основы словообразования), которые наиболее точно могут ответить на вопрос о принадлежности той или иной родоплеменной общности к определенному этносу или этнической общности, напротив, не могут быть сколько-нибудь точно датированы.

4) **Антропологические источники**, прежде всего, **краниологические данные**, которые дают возможность довольно точно установить различные антропологические типы людей по особенностям строения их черепной коробки, не всегда удается точно соотнести с конкретной этнической общностью. Кроме того, антропология может быть крайне полезна только там, где у древних этнических групп был обряд трупоположения, но она совершенно бессильна там, где существовал обряд трупосожжения.

Поэтому при изучении ранней истории славянства необходимо очень бережно и, по возможности, точно соотносить между собой все эти виды источников, что, к сожалению, довольно редко делалось ранее, а во многих случаях и сейчас. Именно это обстоятельство значительно затрудняет поиск истины и приводит к тому, что многие ключевые аспекты этногенеза славян до сих пор являются предметом самых ожесточенных споров в науке и околонаучной среде, где на сей счет слишком много различного рода спекуляций, типа мифических «укров», ставших под пером нынешних украинских фантазеров и мракобесов националистического толка прародителями древних египтян, шумеров и других древнейших народов человечества.

2. Первые упоминания о славянах в письменных источниках

До недавнего времени практически все историки, начиная с выдающегося русского историка **В.Н. Татищева**, идентифицировали (**П. Шафарик**, **Л. Нидерле**, **Б. Рыбаков**), а ряд из них (**М. Брайчевский**, **А. Сахаров**) до сих пор продолжают идентифицировать со славянами знаменитых **венедов-венетов**, о которых впервые на рубеже нашей эры поведали миру знаменитые античные авторы **Полибий**, **Тацит**, **Плиний Старший** и **Птолемей**, а несколько позднее известный западноевропейский историк готы **Иордан**. Однако еще в **начале XX в.** на базе новейших археологических и лингвистических данных, в первую очередь топонимики и гидронимики, ряд крупных ученых того времени, в частности академик **А.А. Шахматов**, вполне определенно доказали, что **венеды-венеты** не имели никакого отношения к славянам и, вероятнее всего, были кельтами или германцами. В настоящее время эту точку зрения разделяет целый ряд известных авторов, в частности **О.Н. Трубачев**, **А.Г. Кузьмин** и **А.Ю. Дворниченко**.

Первые достоверные сведения о славянах, известных нам под именем **склавинов** и **антов**, относятся только к **VI веку н.э.**, когда были созданы знаменитые трактаты **Прокопия Кесарийского**, **Маврикия Стратега**, **Иордана** и ряда других известных византийских и западноевропейских хронистов. Однако это вовсе не означает, что славяне были «молодым народом» и появились в Европе именно в **VI веке н.э.**, поскольку тогда они были не только самым большим этносом Европы, но и заселяли огромную территорию от верховьев **Волги** и **Дона** до берегов **Одера** и **Дуная**. Следовательно, славяне расселились в Центральной, Южной и Восточной Европе значительно раньше знаменитого гуннского нашествия **375 г. н.э.** При этом анты, обитавшие восточнее **Днестра**, вероятнее всего, были носителями **пеньковской археологической культуры**, а **склавины**, жившие юго-западнее **Днестра**, сформировали южный вариант **пражской археологической культуры**.

3. Когда возник славянский этнос

Время зарождения славянского этноса, а точнее выделение его из огромной индоевропейской общности, большинство ученых датируют **II тыс. до н.э. — серединой**

I тыс. н.э. При этом, исходя из собственных методологических установок, более глубокие датировки обычно предлагают антропологи и лингвисты, а менее глубокие — археологи, которые решают проблемы этногенеза на своем, сугубо археологическом, материале. Так, один из крупнейших советских археологов, академик **В.В. Седов** в своей известной работе **«Происхождение и ранняя история славян» (1979)** прямо писал, что «в исследовании древнейшей истории славян археологии принадлежит ведущее место», поэтому «на первых этапах этногенетических исследований археологи должны решать вопросы самостоятельно, независимо от данных лингвистики и других смежных наук, и только потом допустимы сопоставления полученных результатов с выводами других наук». Диаметрально противоположную точку зрения высказывал известный советский и российский лингвист академик **О.Н. Трубачев**, который в своей не менее известной работе **«К истокам Руси (заметки лингвиста)» (2005)** утверждал, что без лингвистических данных, в первую очередь этимологии и ономастики, «проблема происхождения славян никогда не найдет своего окончательного решения».

К проблеме славянского этногенеза вплотную примыкает и проблема существования так называемой **балто-славянской общности**. В **XIX в.** многие авторитетные историки и лингвисты (**М. Погодин, А. Шлейхер, Л. Нидерле, А. Шахматов**) исходили из представлений изначального существования единой балто-славянской общности, распавшейся затем на субстраты балтов и славян. Эту точку зрения сегодня разделяют и ряд современных авторов (**А. Новосельцев, В. Топоров, М. Свердлов, И. Данилевский**). Однако их оппоненты, прежде всего, такие авторитетные ученые, как **О.Н. Трубачев, В.В. Седов** и **А.Г. Кузьмин**, склоняются к мнению, что близость славянских и балтских языков носит вторичный характер, поскольку явилась следствием многовекового соседства и взаимодействия этих ветвей индоевропейцев, а не наоборот.

Естественно в рамках предложенного курса мы не можем подробно остановиться на проблеме этногенеза славян, поэтому, не вдаваясь подробно разногласия ученых разных специальностей и направлений, мы ограничимся только упоминанием наиболее распространенных точек зрения, принадлежащих крупным историкам, археологам, антропологам и лингвистам, которые профессионально занимались проблемой славянского этногенеза последние полвека.

Известный археолог профессор **А.Л. Монгайт**, будучи ярким представителем советских сторонников печально знаменитой **«скептической школы»**, в своей монографии **«Археология Западной Европы» (1974)** утверждал, что «формирование крупных этнических общностей», в частности кельтов, славян и германцев, «происходит во время, близкое к тому, когда впервые о каждом из них упоминают письменные источники». Исходя из данного тезиса, он считал славян «молодым народом» Европы и датировал становление славянского этноса **рубежом V–VI вв. н.э.**

Другой известный советский археолог профессор **И.П. Русанова** в своих многочисленных работах, в частности в фундаментальном труде **«Славянские древности VI–VII вв.» (1976)**, утверждала, что славянский этнос зародился в Европе в **IV веке н.э.** и связывала его становление и развитие с **пшеворской археологической культурой**.

Крупнейший специалист по проблеме славянского этногенеза, автор таких блестящих научных работ, как **«Происхождение и ранняя история славян» (1979)** и **«Восточные славяне в VI–XIII вв.» (1982)**, академик **В.В. Седов** относил заро-

ждение славянского этноса ко **второй половине — концу I тыс. до н.э.** и связывал с ними **позднюю лужицкую археологическую культуру V—II вв. до н.э.**, которую часто именуют **культурой подклошевых погребений**.

Этим же временем датировал рождение славянского этноса и другой известный советский ученый профессор **В.П. Кобычев**, написавший по данной проблеме специальное исследование **«В поисках прародины славян» (1973)**, хотя основной сферой его научных интересов всегда являлась проблема этногенеза кавказских народов, а не славян. Конкретную археологическую культуру, напрямую связанную со славянским этногенезом, он не называл, хотя исходной археологической культурой, связанной со славянским этногенезом, он считал **культуру ленточной керамики V—VI вв. до н.э.**

Выдающийся советский антрополог академик **Т.И. Алексеева**, автор фундаментальной монографии **«Этногенез восточных славян по данным антропологии» (1973)**, установила, что славянскому антропологическому типу соответствовало население **культуры колоколовидных кубков**, которая была распространена в Западной и Центральной Европе в **III—II тыс. до н.э.**

Известный советский историк-лингвист академик **Ф.П. Филин**, автор довольно спорной работы **«Образование языка восточных славян» (1962)**, достаточно осторожно подходил к решению данной проблемы и датировал формирование славянского этноса **началом I тыс. н.э.** Первоначально эту точку зрения разделял и известный советский археолог профессор **П.Н. Третьяков**, написавший фундаментальную монографию **«У истоков древнерусской народности» (1970)**. Однако позднее, уже в посмертно изданной работе **«По следам древних славянских племен» (1982)**, он пересмотрел свои прежние оценки и связал зарождение всего славянского этноса с **зарубинецкой археологической культурой**, памятники которой датируются **III до н.э. — II в. н.э.**

Выдающийся советский археолог и историк академик **Б.А. Рыбаков** в целом ряде своих знаменитых работ, в частности **«Язычество древних славян» (1981)** и **«Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.» (1982)**, вслед за польским археологом **С. Носеком**, утверждал, что славянский этнос зародился в эпоху поздней бронзы и связывал со славянами **тшинецко-комаровскую археологическую культуру XV—XII вв. до н.э.**

Крупнейший советский историк-лингвист академик **О.Н. Трубачев**, автор таких фундаментальных работ, как **«К истокам Руси» (1992)** и **«Этногенез и культура древнейших славян» (2000)**, изучая древнеславянский язык, обратил внимание на то обстоятельство, что он насыщен огромным количеством архаизмов и потому считал славянский язык одним из древнейших в индоевропейской языковой группе, относя его зарождение ко времени существования **чернолесской археологической культуры X—VII вв. до н.э.**

Аналогичную точку зрения разделял и крупнейший советский историк профессор **А.Г. Кузьмин**, который в своем фундаментальном труде **«Начало Руси» (2003)** утверждал, что **чернолесская археологическая культура** является надежным звеном решения проблемы славянского этногенеза.

Современные украинские «автономисты» (**Н. Бурдо, Н. Видейко, Н. Шмаглий**) считают, что истоки славянского и, прежде всего украинского, этногенеза следует вести с **трипольской археологической культуры V—III тыс. до н.э.** Однако эти, явно антинаучные и фантастические построения современных украинских националистов вызывают законную иронию и отторжение даже у самих украинских ученых, в частности таких авторитетных археологов, как академики **П.П. Толочко** и **Л.Л. Зализняк**.

4. Где была прародина славян

Другим не менее сложным и дискуссионным вопросом является проблема определения исторической прародины славян. Практически все историки, как у нас в стране, так и за рубежом, считают славян **автохтонами**, т.е. коренными жителями, Европы. Но вместе с тем, многие из них по-разному определяли их историческую прародину, т.е. ту относительно небольшую территорию, где зародился и откуда, затем, расселился славянский этнос по огромной территории Центральной и Восточной Европы.

Известные советские археологи, доктора исторических наук **И.П. Рusanова** и **И.И. Ляпушкин**, вслед за видными польскими «автономистами» **В. Гензелем**, **К. Мошинским** и другими, называли славянской прародиной **междуречье Вислы и Одера**, т.е. территорию современной этнической Польши, и связывали с ней **шпеворскую археологическую культуру**.

Знаменитый чешский славист профессор **П.Й. Шафарик** и его коллега, выдающийся русский историк академик **С.Ф. Платонов** утверждали, что исторической прародиной славян, вероятнее всего, были **Карпаты**, где позднее сформировалось **Велико-Моравское государство**.

Известный чешский историк профессор **Л. Нидерле**, автор фундаментального исследования «**Славянские древности**» (1904), искал славянскую прародину в **междуречье Вислы и Днестра**.

Академик **Т.И. Алексеева** довольно осторожно подходила к решению данного вопроса, но все же считала исторической прародиной славян территорию современной **Центральной Европы**, а именно бывшую римскую провинцию **Норик** и **Моравию**.

Профессор **В.П. Кобычев** был сторонником **карпатско-дунайской теории** и пытался отыскать прародину славян на территории современной **Трансильвании**, т.е. бывшей римской провинции **Дакии**.

Крупный советский археолог профессор **П.Н. Третьяков** называл исторической прародиной славян территорию **белорусского Полесья** и связывал с ней **зарубинецкую археологическую культуру**, хотя целый ряд авторитетных авторов (**И. Ляпушкин**, **М. Артамонов**, **А. Кузьмин**, **В. Седов**), основываясь на богатых данных топонимики и археологии, выдвинули предположение о балтском характере этой археологической культуры.

Академик **Ф.П. Филин** и его украинские коллеги **М.Ю. Брайчевский**, **В.Д. Баран** и другие искали славянскую прародину в **междуречье Днестра и Буга**, где во **II–IV вв. н.э.** существовала **черняховская археологическая культура**. Хотя, данная точка зрения в настоящее время отвергается большинством исследователей (**В. Седов**, **А. Кузьмин**), которые не считают черняховцев этническими славянами и полагают, что они представляли собой огромный конгломерат разноразличных народов: дако-фракийцев, скифо-сарматов, германцев, славян-антов и т.д.

Академик **Б.А. Рыбаков**, опираясь на собственные изыскания и труды сторонников **Висло-Одерской** и **Днепровско-Бугской теорий**, называл славянской прародиной огромную территорию Центральной и Восточной Европы **от берегов Днестра до Одера**.

Академик **В.В. Седов** считал исторической прародиной славян **южный берег Балтики** от земель балтского племени пруссов до **Ютландского полуострова**, т.е. территории современной Дании. При этом он утверждал, что «остается несомненным,

что славяне могли быть только западными или юго-западными соседями балтов». При этом надо сказать, что сходную точку зрения еще в **начале XX в.** высказывал и академик **А.А. Шахматов**, который называл славянской прародиной южное побережье **Балтийского моря** от **Немана** до **Вислы**.

Многие современные историки, археологи и лингвисты, в том числе такие авторитетные ученые, как академик **О.Н. Трубачев** и профессор **А.Г. Кузьмин**, называли славянской прародиной **среднее течение реки Дунай**, в частности территорию бывших римских провинций **Норик** и **Паннония**. Кстати, о **Дунае**, как исторической прародине славян, говорил и летописец «**Повести временных лет**» (**ПВЛ**), что, конечно, нельзя без серьезных оснований сбрасывать со счетов.

5. Распад единого славянского этноса

Со всей очевидностью можно утверждать только одно, что к концу так называемого «**Великого переселения народов**» (**III–VII вв. н.э.**) славяне занимали огромную территорию **Центральной и Восточной Европы** и представляли собой единый суперэтнос. Однако на **рубеже VII–VIII вв. н.э.** этот суперэтнос под воздействием, как внутренних, так и внешних факторов, в частности острой борьбы с воинственными германскими племенами, распался на три больших и относительно локальных группы, что довольно четко прослеживается археологами в появлении значительно большего количества обособленных археологических культур и сужении территории их распространения:

1) Южных славян (драгавиты, верзиты, велегезиты, хорутане, захумляне), потомками которых являются современные болгары, словенцы, сербы, черногорцы, хорваты, македонцы и боснийцы (наследники **ипотешти-кындештской археологической культуры V–VII вв. н.э.**).

2) Западных славян (ободриты, мазовшане, лужичане, полабские словяне), потомками которых являются современные чехи, словаки, поляки, кашубы и лужичане (наследники **пражской археологической культуры V–VII вв. н.э.**).

3) Восточных славян (северяне, древляне, кривичи, дреговичи, радимичи, вятичи), потомками которых стала единая русская нация: великороссы, малороссы и белорусы (наследники **луки-райковецкой и роменско-борщевской археологических культур VII–VIII вв. н.э.**).

6. Общественный строй восточных славян

Вопрос об общественном строе восточных славян до сих пор является предметом довольно острых научных споров. Как правило, в центре внимания историков и археологов находятся две крупных проблемы: **1) характер восточнославянской общины** и **2) эпоха «военной демократии»**.

1) По первой проблеме расхождения касались, в основном, вопроса о времени перехода от родовой к соседской (территориальной) общине, количества переходных ступеней этого процесса и их типологизации. В настоящее время существует несколько основных точек зрения по данной проблеме. Одни авторы (**С. Юшков**, **И. Фроянов**) утверждают, что еще в период «**Киевского**» государства в недрах восточнославянского общества сохранялись кровнородственные отношения, и основой ячейкой славянского общества была родовая община и большая патриархальная

семья. Другие авторы (**Б. Греков, Б. Рыбаков, О. Рапов, М. Свердлов**) фиксируют процесс перехода от родовой к соседской общине накануне образования Древнерусского государства, то есть **рубежом VIII–IX вв.** Третья группа авторов (**В. Мавродин, Я. Щапов, Л. Данилова, В. Горемыкина**) говорит о многоукладности общественного строя восточных славян, где одновременно встречались родовая, соседско-родовая и соседская общины с большими (патриархальными) и малыми семьями.

Известный украинский археолог и историк, профессор **Б.А. Тимошук** в двух своих последних работах **«Восточнославянская община VI–IX вв.» (1990)** и **«Восточные славяне: от общины к городам» (1995)**, опираясь на богатейший археологический материал, утверждал, что в недрах восточнославянского общества четко наблюдается последовательная смена трех типов общин — кровнородственной общины с большой патриархальной семьей (**VI–VII вв.**), соседской общины с большой патриархальной семьей (**VIII–IX вв.**) и территориальной общины с малой семьей (**IX–XII вв.**). Однако он так и не смог убедительно объяснить тот крайне интересный факт, что во всех славянских археологических культурах **VI–XII вв.** не найдено больших жилищ (патронимий), характерных для больших патриархальных семей, а существовали только малые жилища, размеры которых не превышали **20 кв. м.**

Наконец, выдающийся русский историк профессор **А.Г. Кузьмин** и современные представители его «научной школы» — профессора **С.В. Перевезенцев** и **Г.А. Артамонов**, опираясь на детальный анализ разнообразных источников, пришли к убедительному выводу, что подавляющее большинство советских и российских историков, находясь в «плёну» известных положений **Ф. Энгельса** о германской кровнородственной общине и ее трансформации в соседскую общину или «общину-марку», абсолютизировали этот процесс и распространили положение о подобной стадильности общины на все древнейшие народы Европы. Однако, к моменту распада единого славянского этноса, восточные славяне уже давно миновали стадию «дикости» и, в отличие от соседних германцев и степняков, жили в рамках соседской (территориальной) общины, основу которой составляла малая семья. Этот принципиально иной взгляд на славянскую общину подтверждается целым рядом достоверных исторических фактов, в частности: **1)** существованием в составе восточнославянского этноса как минимум двух антропологических типов, **2)** малым размером жилищ во всех известных и точно установленных славянских археологических культурах, **3)** длительным отсутствием родовых славянских генеалогий, характерных, например, для тех же германцев, довольно продолжительное время живших в кровнородственной общине, **4)** многоженством славян в дохристианскую эпоху и т.д. Именно на базе таких близлежащих соседских общин, занимавших, как правило, довольно компактную территорию в определенном бассейне рек и озер, и возникали восточнославянские племена, которые затем объединялись в союзы племен.

2) Что касается так называемой эпохи **«военной демократии»**, о существовании которой впервые заявил известный американский этнограф и историк **Л. Морган**, то здесь тоже наблюдается довольно большая разногласия мнений. Хотя, большинство современных авторов согласны с тем, что эпоха **«военной демократии»** — это **горизонтально организованная политическая структура**, в которой сосуществуют три **равноправных** органа управления: народное собрание или собрание воинов, совет старейшин и вождь. Эта первичная форма **политогенеза**, т.е. образования

государства, вероятнее всего, возникла в процессе слияния нескольких родственных восточнославянских племен в более крупные **племенные союзы-княжения**. При этом одни историки (**С. Юшков, П. Третьяков, А. Кузьмин, М. Свердлов**) утверждали, что эти племенные союзы уже представляли собой ранние государственные образования восточных славян, которые сложились раньше вокняжения каких-либо династий. Поэтому в этих племенных союзах, которые в византийских источниках именовались «**Славиниями**», государственная власть еще не приобрела политического статуса и носила **потестарный (бесклассовый) характер**, который базировался на нормах обычного права и личном авторитете вождя. Другие историки (**Б. Рыбаков, В. Мавродин, И. Фроянов, А. Горский**) полагали, что эти племенные княжения были переходными политическими формами «эпохи военной демократии от последних этапов первобытнообщинного строя к первым этапам нового классового строя», когда родовой строй достиг своего апогея. При этом академик **Б.А. Рыбаков** выдвинул гипотезу, что в условиях внешней угрозы, исходившей от хазар, под эгидой полян сложился «**союз союзов**», в состав которого вошли северяне, воляныне, дулебы и хорваты. Наконец, оппоненты и тех, и других (**А. Дворниченко, Н. Крадин, Е. Пчелов**) полагают, что все эти «племенные союзы» и «союзы союзов» не более чем научная фикция, поскольку на смену «военной демократии» неизбежно приходит еще одна, более сложная и уже **иерархическая форма управления**, которую они именуют «**вожжеством**», где власть вождя (князя), сохраняя прежний выборный характер, постепенно приобретает клановый теократический характер и возвышается над двумя другими органами управления — народным вече и советом старейшин. Именно на базе этих «вожеств», где уже существует социальное и имущественное неравенство, но пока отсутствует легальный аппарат насилия и принуждения, и возникает полноценное «**дружинное государство**». Правда, в трактовке этих ученых мужей Древнерусское «дружинное государство», возникшее в землях восточных славян, отдает сильным «норманнским духом».

Вероятнее всего, именно такие восточнославянские племенные союзы, где уже сложились самостоятельные княжения, и были упомянуты легендарным летописцем в «**Повести Временных лет**» (ПВЛ) — **поляне, северяне, древляне, воляныне, кривичи, радимичи, дреговичи, вятичи, ильменьские славяне** и другие. При этом надо подчеркнуть тот поразительный факт, впервые подмеченный профессором **А.Г. Кузьминым**, что в самой ПВЛ были детально описаны обычаи полян в сопоставлении с другими славянскими племенами, где весьма точно отразились разные истоки этих племенных образований. Причем, эти различия касались практически всех **этнообразующих признаков**.

В частности, у полян была большая семья с характерной для нее иерархией «старших» и «младших» членов семьи, а соседние славянские племена жили малыми семьями в небольших полуземлянках. У полян был моногамный и покупной брак, а у других славян — брака, в смысле традиционной коммерческой сделки, не существовало и молодые на «игрищах между селами» договаривались сами между собой. При этом у всех славян допускалось многоженство. Не менее значимы были различия и в способах погребения полян и славян. У всех славянских племен было трупосожжение, а у полян — трупоположение, и могильники этого типа были открыты, как в самом **Киеве**, так и в прилегающих к нему районах. А разные способы погребений означали и разную систему верований, и разное представление

о загробном мире, и разные представления о мироздании в целом. При этом самое примечательное заключалось в том, что ближайшие аналогии специфическим обычаям полян находились на территории **Моравии и Баварии**, откуда, вероятнее всего, они как раз и пришли в **Среднее Поднепровье**.

7. Хозяйственный строй восточных славян

По мнению всех советских и ряда русских (**А. Пресняков, С. Платонов**) историков, основой хозяйственной жизни восточных славян являлось **пашенное земледелие**, которое развивалось в основном экстенсивным путем за счет освоения новых территорий. Данное утверждение имеет принципиально важное значение, поскольку в русской (в том числе марксистской) исторической науке начала прошлого столетия (**Е. Шмурло, Н. Рожков, М. Покровский**) существовало довольно предвзятое представление, что древние славяне вели кочевой образ жизни и в их хозяйственном укладе главенствующую роль играли скотоводство, а также лесные и речные промыслы.

По природно-климатическим условиям территория Древней Руси делилась на две зоны: лесостепную (на юге) и лесную (на севере). В лесостепи, где земли были мягче и плодороднее, господствующей формой земледелия был **перелог** и здесь, в основном, пахали плугом. В лесной, менее пригодной, зоне господствовала **подсечно-огневая система земледелия**, а в качестве основных орудий труда использовали соху или рало. Правда, ряд современных авторов (**А. Сахаров, М. Свердлов**) говорят о том, что уже в **VII–VIII в. н.э.** подсечное земледелие у восточных славян стало интенсивно вытесняться двух или трехпольной системой земледелия. Однако эта точка зрения пока не находит достоверного подтверждения в источниках и остается предметом научной дискуссии. Причем, как верно отмечали ряд историков (**С. Соловьев, Л. Милов, Н. Павленко**), значительная часть восточнославянских земель находилась в зоне рискованного земледелия, поэтому уровень урожайности всех зерновых культур целиком зависел от **крайне неблагоприятных природно-климатических условий**, которые кардинальным образом отличались от Центральной, Западной и Южной Европы. Именно это обстоятельство, по мнению этих историков, и станет «проклятием» нашей страны и во многом определит весь ход ее исторического процесса.

Основными сельскохозяйственными культурами были пшеница, ячмень, гречиха и просо. Рожь и овес, которые в позднем средневековье станут основными сельскохозяйственными культурами, тогда практически не сеяли, за исключением небольшой территории в районе **Ладоги** и озера **Ильмень**. Среди огородных культур наибольшее распространение получили репа, капуста, свекла и морковь.

Помимо земледелия у восточных славян хорошо было развито скотоводство: они разводили свиней, лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Значительную, но не решающую, роль в их жизни играли речные и лесные промыслы, в частности **бортничество** (сбор меда диких пчел), **рыболовство** и **охота**, в основном, на крупного (лось, медведь, кабан) и пушного (соболь, куница) зверя.

По мнению большинства историков, эпоха «военной демократии» стала временем **«второго общественного разделения труда»**, т.е. отделения ремесла от других видов хозяйственной деятельности, в первую очередь, сельского хозяйства. Опираясь на многочисленные археологические источники, академик **Б.А. Рыбаков**,

автор фундаментального исследования **«Ремесло Древней Руси» (1948)**, вполне убедительно доказал, что наибольшее развитие у восточных славян получило кузнечное, литейное, гончарное, кожевенное и ювелирное ремесло.

Основная масса восточных славян жила в небольших деревянных или глинобитных поселках по берегам больших и малых рек, которые представляли собой своеобразный **«кормящий ландшафт»**. При этом реки являлись не только традиционной средой обитания восточных славян, но и прекрасной транспортной артерией и естественной защитой от многочисленных набегов соседних кочевых племен. Несколько таких поселков, вероятно, составляли древнерусскую (славянскую) соседскую общину, которая в источниках называлась **«вервь»**.

В целом хозяйство восточных славян носило **полунатуральный характер**, и в силу этого обстоятельства было крайне слабо связано с внутренним рынком. Именно поэтому внутренняя торговля была практически не развита. Зато внешняя торговля, благодаря знаменитому торговому пути **«из варяг в греки»** и другим транзитным путям, напротив, была развита довольно хорошо. Кстати, именно это обстоятельство дало повод ряду русских и советских историков (**В. Ключевский, Н. Рожков, М. Покровский**) утверждать, что именно внешняя торговля, наряду с лесными и речными промыслами, а не земледелие, составляли основу хозяйственной жизни восточных славян. Однако это утверждение в настоящий момент справедливо отвергается большинством историков.

По мере развития хозяйственной деятельности, в первую очередь ремесла и внешней торговли, в жизни восточных славян, все большую роль стали играть города. Первоначально они возникли либо как резиденции князей-правителей племенных союзов и культовые центры (**И. Фроянов, А. Дворниченко**), либо как центры волостных общин (**А. Кузьмин, Г. Артамонов**), либо как центры международной торговли (**Г. Лебедев, И. Дубов, Е. Носов**). При этом ряд авторитетных авторов (**В. Мавродин, М. Свердлов, Н. Котляр, А. Горский**) считают, что эти «племенные центры» так и не смогли перерасти в полноценные города и постепенно зачахли. Однако их оппоненты (**В. Петрухин, И. Фроянов, А. Куза, П. Толочко**) полагают, что ряд наиболее крупных «племенных центров» все же стали полноценными городами, где сохранились княжеские столы.

Затем, в условиях развивающейся государственности, города постепенно стали превращаться в центры ремесла и торговли, продолжая одновременно сохранять свой прежний аграрный характер. Особенно быстрыми темпами этот процесс шел там, где проходили важнейшие международные транзитные торговые пути, в частности **Дунайско-Днепровский, Балтийско-Черноморский и Волжско-Балтийский**. При этом надо подчеркнуть, что попытки ряда современных норманистов (**Г. Лебедев, Т. Пушкина, Е. Мельникова, В. Петрухин**) представить в качестве опорных пунктов государственной власти в землях восточных славян скандинавские погосты **Гнёздово** близ **Смоленска**, **Шестовице** близ **Чернигова**, **Тимерево** близ **Ярославля** и другие не согласуются с хорошо известными фактами и тем немаловажным обстоятельством, что ни один из этих погостов не превратился в полноценный древнерусский город. Кроме того, важным представляется и то обстоятельство, что ни одно из этих поселений, открытых самими археологами, не упоминается в **«Повести Временных лет»** — древнейшем летописном своде Древней Руси.

Надо сказать, что вопрос о времени возникновения городов у восточных славян до сих пор остается спорным. Ряд исследователей (**Б. Рыбаков, П. Толочко, Б. Тимошук**) утверждают, что первые города у восточных славян возникли в эпоху «военной демократии» в VI–VIII вв. Однако их оппоненты (**М. Тихомиров, А. Кузьмин, В. Седов, А. Куза**) относили появление первых русских городов только ко второй половине IX в., т.е. времени возникновения Древнерусского государства. При этом надо подчеркнуть, что большинство историков солидарны в том, что практически все древнерусские города возникли в результате **синойкизма**, т.е. слияния нескольких небольших славянских поселений в крупный административный или торгово-ремесленный центр.

8. Религиозные верования восточных славян

Древние славяне, как и все народы, находившиеся на ранней стадии своего развития, были так называемыми «язычниками», обожествлявшими непознанные силы природы и умерших предков (пращуров). При этом, по мнению большинства авторов (**Б. Рыбаков, В. Топоров, Б. Тимошук**), в своем развитии восточнославянское язычество прошло ряд важных этапов:

1) На первом этапе, который в современной науке принято называть **фетишизмом** или **анимизмом**, восточные славяне обожествляли и поклонялись предметам и явлениям, которые непосредственно окружали их, т.е. камням, деревьям, рощам и т.д.

2) На втором этапе на смену **фетишизму** и **анимизму** пришел **тотемизм**, т.е. система религиозных верований в то, что человеческий род происходит от различных видов животных и птиц, в частности вепрей, оленей и волков, чьи тотемные амулеты охраняли людей от «злых духов».

3) На третьем этапе своего развития язычество вступило в стадию **полидемонизма**, когда восточные славяне стали обожествлять водяных, лесных и полевых духов, т.е. разного рода упырей, береговинь, леших, домовых и других духов.

4) Наконец, на четвертом, заключительном этапе своей эволюции, славянское язычество приобрело ярко выраженные черты **политеизма**, т.е. веры в богов и умерших предков — прашуров. Именно в это время у всех восточных славян возникает оригинальный пантеон языческих богов индоевропейского, хеттского, иранского и собственно славянского происхождения. Причем, в зависимости от специфики и характера основных занятий, у каждого племенного союза возникал собственный пантеон языческих богов, который представлял собой определенную и устоявшуюся веками иерархическую структуру.

Общеславянского пантеона языческих богов никогда не существовало, но наиболее почитаемыми божествами у них были: бог неба и земли — **Род**; бог солнца — **Ра** и четыре его ипостаси **Хорос, Ярило, Ясень** и **Дажьбог**; бог молний, грома и войны — **Перун**, бог мудрости, скотоводства и торговли — **Велес**; бог ветра и вихрь — **Стрибог** и ряд других божеств. Языческий культ, в том числе жертвоприношения животных, отправлялся в специально устроенных **капищах**, где помещались статуи языческих идолов-богов. При этом отличительной чертой славянского язычества было **отсутствие человеческих жертвоприношений**. Князья и племенные старейшины выступали в роли «духовных пастырей», а непосредственно языческим культом ведали **кудесники** и **волхвы**.

Тема: ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА. СОВРЕМЕННЫЙ НОРМАНИЗМ КАК ДИАГНОЗ

План:

1. Теории происхождения государства.
2. Возникновение «норманнской теории» и ее суть.
3. Борьба норманистов и антинорманистов.
4. Дискуссии по основным проблемам истории Древней Руси.
5. Каким путем возникло Древнерусское государство.
6. Когда возникло Древнерусское государство.
7. Вынужденные пояснения.

1. Теории происхождения государства

В настоящее время в науке существует несколько десятков различных теорий политогенеза, т.е. происхождения государства, в том числе **теория насилия**, **иригационная теория**, **теория общественного договора**, **патриархальная теория** и, наконец, хорошо известная **марксистско-ленинская** или **классовая теория**. В конечном счете, суть большинства теорий сводилась к главной проблеме — является ли государство следствием внутреннего развития различных этносов, в том числе возникновения классов, или государство возникает в результате завоевания и подчинения одного этноса(ов) другим(и).

При этом из рассуждений большинства современных авторов, которые до недавнего времени были вполне правоверными марксистами, ускользает знаменитый постулат **К. Маркса** о «реальном» и «мнимом» государстве, впервые высказанный им в работе **«К критике гегелевской философии права» (1844)**. Под «реальным» государством основоположник научного марксизма подразумевал территориальную организацию народа с национальными, идущими из глубины веков, традициями самоуправления, а под «мнимым» государством — он имел в виду публичную власть, обособившуюся от самого общества и вставшую над ним. Более того, другой основоположник марксизма **Ф. Энгельс** в своем знаменитом трактате **«О происхождении семьи, частной собственности и государства» (1884)**, говоря о трех возможных путях его возникновения, — греческом, римском и германском, признавал, что в реальной исторической практике «мнимое» государство зачастую возникало как симбиоз внутренних и внешних факторов, а завоевание было одной из главных причин этого процесса. Но именно этого важного нюанса, на которое впервые обратил внимание профессор **А.Г. Кузьмин**, и не уловили многие советские историки-марксисты, которые предельно догматизировали два известных марксистских постулата о том, что: **1)** государство есть результат внутреннего развития и не может быть навязано извне, и **2)** государство возникает в результате образования классов и представляет собой только аппарат насилия правящего класса над другими. Но в первом случае классики марксизма говорили о «реальном государстве», т.е. территориальной самоорганизации общества, а во втором речь шла о «мнимом» государстве, вставшим в качестве публичной власти над «реальным» государством.

2. Возникновение «норманнской теории» и ее суть

В связи с этим обстоятельством возникает вполне законный вопрос о путях возникновения Древнерусского государства. Традиционная точка зрения на эту проблему состоит в том, что начало этой давнишней дискуссии, которая продолжается почти триста лет, положили известные немецкие ученые **З. Байер** и **Ф. Миллер**, которые в **середине XVIII в.** опубликовали в России ряд своих научных работ: **«О варягах» (1737)**, **«О происхождении Руси» (1737)** и **«Происхождение имени и народа российского» (1749)**, положивших начало пресловутой **«норманнской теории»** происхождения Древнерусского государства. Хотя, по справедливому мнению ряда современных авторов, в частности профессора **А.Г. Кузьмина** и его учеников **В.В. Фомина**, **В.И. Меркулова** и **Л.П. Грот**, настоящими родоначальниками норманизма стали сами шведы, в частности шведские историки и дипломаты **П. Петрей**, **Ю. Видекинд** и **О. Далин**, создавшие еще в **XVII–XVIII вв.** ряд явно тенденциозных исторических трактатов (**«Московские хроники»**, **«История шведского государства»**) с чисто политическим контекстом, в которых выдвинули тезис о скандинавском происхождении летописных варягов. И лишь затем, в период знаменитой **«бирюзовщины»**, эта старая концепция была вынута из сундука, пропахшего нафталином, и вновь запущена в ход.

Суть самой **«норманнской теории»** в их изложении состояла в том, что государственность в земли восточных славян была привнесена извне **норманнами-викингами**, которых на Руси называли **варягами**, поскольку сами славяне в силу своих природных качеств, в том числе низкого интеллекта (**«варварства»**), были просто не способны без посторонней помощи создать собственного государства и управлять им.

Основанием для возникновения этой теории послужил летописный рассказ знаменитой **«Повести Временных лет»** о призвании в **862 г.** на княжение в земли чуди, кривичей и ильменьских славян трех варяжских конунгов-братьев **Рюрика**, **Синеуса** и **Трувора**. Как явствует из летописного повествования, изнуренные взаимной враждой, эти племена сошлись на совет и решили поискать себе князя на стороне. Послав посольство **«за море к варягам, к руси»**, славянские послы заявили тамошним правителям: **«земля наша велика и обильна, а наряда в ней нетъ, да поидете княжить и володеть нами»**. При этом в **Лаврентьевской летописи** утверждалось, что пришедшие князья сели править в **Новгороде**, **Белоозере** и **Изборске**, а **Ипатьевская летопись** называла в качестве таких княжеских резиденций **Ладогу**, **Белоозеро** и **Изборск**.

Вплоть до **середины XIX в.** все историки с полным доверием относились к этой легенде и спорили лишь об этнической природе варягов. Все норманисты (**Н. Карамзин**, **М. Погодин**, **А. Шлецер**, **А. Куник**) считали их норманнами-викингами, то есть древними скандинавами, а антинорманисты (**М. Ломоносов**, **Н. Венелин**, **С. Геденов**) — одним из славянских или близких к ним балтских племен, обитавшем на южном берегу **Балтийского (Варяжского) моря**. Однако во **второй половине XIX в.** известный русский историк профессор **Н.М. Костомаров** в ходе знаменитого диспута с академиком **М.П. Погодиным** в ряде своих статей впервые подверг сомнению достоверность варяжской легенды, заявив, что она является чистым вымыслом, поскольку отразила какие-то события не **IX**, а **начала XII в.**, когда собственно и создавалась **ПВЛ**. Позднее эту точку зрения в своем трактате **«Разыскания о начале Руси» (1876)** обосновал и профессор **Д.И. Иловайский**.

Новый этап в изучении этой проблемы наступил на рубеже XIX—XX вв., когда были опубликованы несколько знаковых работ академика А.А. Шахматова, в частности его знаменитый труд «Разыскания о древнейших летописных сводах» (1908). Создав оригинальную схему древнерусского летописания, он убедительно доказал, что легенда о призвании варягов является позднейшей вставкой в ПВЛ, а ее включение в общерусский летописный свод преследовало определенные политические цели.

Позднее, уже в советской историографии этот вывод выдающегося русского ученого пытались всячески обосновать. Одни авторы (Б. Греков, В. Мавродин) полагали, что появление «варяжской легенды» было связано с необходимостью оправдать незаконное (вопреки старшинству) призвание Владимира Мономаха на великокняжеский киевский престол в 1113 г. Другие (Д. Лихачев) считали, что включение этой легенды в ПВЛ преследовало две основных цели: 1) утвердить в общественном сознании родовое единство всех князей «Рюрикова дома» и положить конец кровавой междоусобице и вражде, и 2) охладить необоснованные притязания Византии на роль патрона Киевской державы, поскольку легенда убедительно доказывала северное, а не южное происхождение великокняжеской династии. Третьи (Б. Рыбаков) утверждали, что появление этой легенды в ПВЛ было связано с обострением политической борьбы между Киевом и Новгородом за гегемонию на Руси, и называли авторами этой легенды новгородских летописцев, желавших так же подчеркнуть северное, а не южное происхождение русской великокняжеской династии. Четвертые (В. Пашуто) связывали появление «варяжской легенды» в ПВЛ с женитьбой Владимира Мономаха на английской принцессе Гите. Наконец, пятая группа авторов (А. Кузьмин, И. Фроянов) подозревала, что само появление этой легенды в ПВЛ было связано с региональным противостоянием двух наиболее крупных городских центров северной Руси — Ладоги и Новгорода. При этом профессор И.Я. Фроянов полагал, что это было обусловлено и переменами в характере самой княжеской власти и укреплением вечевого строя во всех русских землях, в том числе и в самом Киеве.

В целом, в настоящий момент можно выделить три основных подхода в оценке «варяжской легенды»: 1) полное доверие к этой легенде, которое демонстрируют все норманисты, как прошлого (Ф. Миллер, Н. Карамзин, М. Погодин, А. Куник, В. Томсен), так и настоящего (Л. Клейн, Р. Скрынников, В. Петрухин, Е. Мельникова, Т. Джаксон, Е. Пчелов); 2) полное отрицание достоверности легенды, которое было характерно, в основном, для советских историков (В. Пархоменко, Б. Греков, С. Юшков, Б. Романов, Д. Лихачев), и 3) частичное доверие к легенде, поскольку в ней были отражены какие-то реальные события того времени, а сама эта легенда представляет собой сложное и многослойное произведение, создававшееся на протяжении довольно длительного времени и заключавшая в себе отголоски различных эпох восточнославянской и древнерусской истории (А. Кузьмин, И. Фроянов, В. Фомин).

3. Борьба норманистов и антинорманистов

С момента возникновения «норманнской теории» практически все историки-медиевисты разделились на два непримиримых лагеря — норманистов и антинорманистов. По устоявшемуся мнению в русской исторической науке более сильные позиции традиционно занимали норманисты, а в советскую эпоху главным направлением

научной мысли стал антинорманизм. Однако это мнение не вполне справедливо, поскольку:

1) Начиная в **середине 1870-х гг.**, после выхода в свет фундаментальных работ **С.А. Геденова, И.Е. Забелина и В.Г. Василевского**, позиции норманистов в России были серьезно подорваны, и их идеологический центр переместился в Европу, где первую скрипку стал играть известный датский филолог **В. Томсен**, который быстро подменил научную полемику со своими оппонентами пренебрежительной оценкой их трудов.

2) Начиная с **1920-х гг.**, в условиях борьбы вождей большевизма с «великодержавным шовинизмом», которым прикрывалась откровенная русофобия тогдашней правящей элиты, норманизм в России вновь поднял голову, свидетельством чему стала публикация целого ряда трудов видных норманистов, в частности знаковой работы **В.А. Брима «Происхождение термина «Русь» (1923)**, и пышные торжества по случаю юбилея датского русиста **В. Томсена в 1927 г.**

3) С **середине 1930-х гг.**, когда к власти в Веймарской Германии пришли нацисты с их расистской теорией о неполноценности славянской расы и неспособности славян создать собственное государство и управлять им, советское политическое руководство в лице **И.В. Сталина** и **А.А. Жданова** негласно дало отмашку на борьбу с норманизмом. При этом ряд современных норманистов (**В. Петрухин, Д. Раевский**) совершенно надуманно отождествляют эту борьбу с известной сталинской компанией против «космополитизма», что, конечно, является сугубо политизированным мифом наших доморожденных «либералов». Вместе с тем, как верно заметил профессор **А.Г. Кузьмин**, эта борьба в методологическом и источниковедческом отношении оказалась довольно уязвимой, поскольку, отказавшись от поиска новых доказательств ущербности «норманнской теории», советские историки взяли на вооружение известный марксистский постулат, что «государство не может быть привнесено извне», вырвав из контекста это знаменитое положение **Ф. Энгельса**, сформулированное им в его известной работе «**О происхождении семьи, частной собственности и государства**».

4) Именно это обстоятельство стало причиной того, что уже в **1960-х гг.** норманизм в нашей стране опять поднял голову, свидетельством чему стала известная работа ленинградского историка **И.П. Шаскольского «Норманнская теория в современной буржуазной науке» (1965)**, в которой он, по сути, реабилитировал норманизм как «определенную теоретическую концепцию, заслуживающую самого серьезного внимания к ней». С этого момента и сам **И.П. Шаскольский**, и многие его коллеги, в основном из северной столицы, в частности **Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко, Д.С. Лихачев, В.В. Мавродин, Я.С. Лурье** и другие, под личиной марксистской фразеологии, стали яркими апостолами и проводниками норманизма в советской исторической науке. Скоро к этому хору ленинградских ученых присоединились и их московские коллеги, в частности **Д.А. Авдусин, А.П. Новосельцев, А.А. Зимин, В.Б. Кобрин** и другие, многие из которых не являлись специалистами по данной проблематике. Не избежал этой участи и видный советский археолог академик **Б.Б. Рыбаков**, которого ряд современных норманистов (**И. Данилевский**), так и не сумев познать истинной сути «советского антинорманизма», называют лидером советских антинорманистов. В этой ситуации, когда серьезная дискуссия с мнимыми антинорманистами была сродни обвинением в ревизии марксизма, лишь немногие

тогдашние ученые, в частности профессора **А.Г. Кузьмин, В.Б. Вилинбахов, В.П. Шушарин, О.М. Рапов** и ряд других, имели мужество реально противостоять им.

5) С конца 1980-х гг., в условиях краха коммунистической системы и государственной марксистской идеологии, мнимые антинорманисты окончательно вышли из окопов и начали отчаянную компанию по внедрению своих взглядов в широкое общественное сознание. При этом по признанию самих норманистов на вооружение был взят «ультранорманизм шлецеровского типа», который стали агрессивно насаждать профессор **Л.С. Клейн** и его идейные последователи **Е.Н. Носов, А.А. Хлезов, А.С. Кан, Е.В. Пчелов, В.Я. Петрухин, Е.А. Мельникова, Т.А. Пушкина, А.Ю. Дворниченко** и другие непримиримые борцы с «великодержавным шовинизмом» и «русским национализмом». Причем, строго научной полемике со своими оппонентами, эти столпы современного норманизма предпочли до неприличия развязанный тон, который изобилует всевозможными, даже нецензурными оскорблениями и наклеиванием ярлыков самого низкопробного пошиба. Более того, именно современные норманисты, не найдя никаких новых аргументов, выдвинули **иезуитский тезис**, что норманнской проблемы вообще не существует, поскольку точно доказано, что «варяги» — это норманны и поэтому в этой дискуссии давно поставлена точка. Иными словами, с присущей им скромностью, они сами водрузили на себя лавры победителей и априори отвергают любое иное мнение.

Этой когорте довольно агрессивных проповедников «европейского либерализма» противостояла и противостоит школа профессора **А.Г. Кузьмина** в лице **В.В. Фомина, С.В. Перевезенцева, В.И. Меркулова, А.С. Королева, А.Г. Артамонова, Е.С. Галкиной** и ряда других известных ученых, в частности крупнейшего антрополога академика **Т.И. Алексеевой** и известных профессоров-историков **О.М. Рапова, А.Н. Сахарова** и **Л.П. Грот**, которые с фактами в руках убедительно опровергли многие замшелые «аргументы» своих научных и идейных оппонентов.

4. Дискуссии по основным проблемам истории Древней Руси

На протяжении почти трехсот лет норманисты и антинорманисты спорят между собой по целому кругу проблем, среди которых наиболее значимыми являются 1) вопрос об этнической природе варягов и происхождении княжеской династии, 2) проблема происхождения термина «Русь» и, как это не покажется странным, 3) «хазарская проблема».

1) В древнерусских и зарубежных письменных источниках существуют совершенно разные представления о происхождении и этнической принадлежности варягов. Как установил крупнейший специалист по истории древнерусского летописания профессор **А.Г. Кузьмин**, в одной только «Повести Временных лет» существует три разных и разновременных версии происхождения варягов. Так, киевские летописцы называли «варягами» всех обитателей **Волжско-Балтийского торгового пути**. Новгородские летописцы называли «варягами» и определенное племя, и все прибалтийские племена, выделяя особо «варягов-русь». При этом и те, и другие летописцы понимали под именем «варягов» просто поморян, т.е. племена, обитавшие на юго-восточном побережье **Балтийского (Варяжского) моря**.

Тем не менее, для всех норманистов варяги — это вне всяких сомнений норманны-викинги, т.е. жители древней Скандинавии. А для антинорманистов варя-

ги — это одно из славянских, балтских или кельтских, но давно славянизированных племен, обитавшее на юго-восточном побережье **Балтийского (Варяжского) моря**. При этом существует оригинальная гипотеза профессора **Л.Н. Гумилева**, что «варяги» — это всего-навсего термин, обозначавший профессиональную, а не этническую, принадлежность его носителей к военному ремеслу, однако эта версия довольно популярного нынче «евразийца» не принимается в расчет серьезными специалистами по данной проблеме. Хотя, ряд современных норманистов (**В. Петрухин**) тоже пытались представить варягов в качестве «наемников, принесших клятву верности», только так и не понятно кому.

В доказательство своей правоты современные антинорманисты — **А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин, П.П. Толочко, Т.И. Алексеева, А.Н. Сахаров, В.В. Меркулов и Л.П. Грот** приводят целый ряд довольно веских аргументов **а) археологического, б) исторического и в) религиозного характера:**

а) Археологические аргументы. 1) Среди могильников **дружинных курганов** в **Киеве, Ладоге, Гнёздово** и других погостах и городах, на которые постоянно ссылаются **Л.С. Клейн и Ко**, собственно скандинавские захоронения составляют **менее 1 %** от общего числа найденных захоронений. Даже ряд приличных норманистов (**А. Кирпичников**) вынуждены были признать, что знаменитые **камерные могильники**, которые «с легкой руки» известного шведского археолога **Т. Арне** были объявлены норманнскими, на проверку оказались весьма распространенной формой захоронений на территории всей континентальной Европы, а не только шведской **Бирки**, открытой им в **1930-х гг.** 2) Все найденные скандинавские могильники датируются не раньше **второй половины X в.**, т.е. когда князья из династии **Рюрика** правили Древнерусским государством уже несколько десятков лет. 3) По данным крупнейшего советского антрополога академика **Т.И. Алексеевой**, которая детально изучила краниологическую серию **Киевского и Гнёздовского могильников**, все здешние захоронения разительно отличаются от германского антропологического типа. 4) Среди всех скандинавских могильников не найдено сколь-нибудь значимых по убранству могил, что убедительно говорит о том, что захороненные в них воины никак не могли составлять правящую элиту древнерусского общества. 5) По довольно скудным скандинавским артефактам, найденным на территории нашей страны, довольно трудно определить, каким образом они оказались у восточных славян — либо в результате торгового обмена, либо в качестве военной добычи, либо вместе со своими владельцами и т.д. Кстати, об этом говорят и многие зарубежные специалисты, в частности крупнейший английский археолог **П. Сойер** и норвежская исследовательница **А. Стальсберг**.

б) Исторические аргументы. 1) Все авторы византийских хроник всегда различали варягов и норманнов как разные этносы. 2) Судя по письменным источникам, варяги появились на Руси и в Византии только в **начале-середине IX в.**, а норманны узнали Русь и ее южного соседа не раньше **второй половины X в.**, поскольку скандинавские саги не знают более ранних правителей Византии и Древней Руси, чем византийский император **Иоанн Цимисхия (969–976)** и Великий киевский князь **Владимир Святой (978–1015)**. 3) Скандинавские саги прекрасно знают об основателе нормандской династии герцоге **Роллоне (860–932)**, завоевавшем Нормандию и ставшим вассалом французского короля **Карла III Простоватого (898–922)**. Однако о нормандском конунге **Рюрике (820–879)** они упорно молчат, что вызывает

законное удивление, поскольку, по утверждению наших доморощенных фантастов, именно он был основателем огромного государства в землях восточных славян. 4) Варяги, пришедшие в земли восточных славян, были уже (или всегда) славяноязычными, поскольку основанные ими города **Новгород, Ладога, Изборск** и другие имели славянскую этимологию.

в) **Религиозные аргументы.** Благодаря работам многих советских ученых (**Б. Рыбаков, А. Кузьмин, В. Топоров, О. Трубачев, А. Ишутин**) хорошо известно, что у всех русов, славян и финнов, ставших ядром древнерусской народности, были собственные пантеоны языческих богов индоевропейского, хеттского, иранского или собственно славянского и финского происхождения, в состав которых входили **Перун, Хорос, Велес, Сварог, Стрибог, Дажьдбог, Мокошь** и другие божества. Однако ни одного из тринадцати скандинавских божеств, включая верховного бога **Одина** и его сыновей **Тора, Видара** или **Бальдера**, в славянской, русской или финской теонимике никогда не существовало, и не могло быть по определению.

2) В многочисленных письменных источниках разного происхождения термин «Русь» употребляется крайне противоречиво и неоднозначно. В одних источниках мы найдем прямые указания на то, что русы — это варяги, в других будет утверждаться их прямая связь со славянами, а в третьих их будут называть самобытной этнической общностью. По справедливому мнению все того же профессора **А.Г. Кузьмина**, в одной только «**Повести Временных лет**» существует две разных концепции начала Руси: полянско-славянская, которая была напрямую связана с **Нориком-Ругиландом**, и варяжская, ориентированная на **Балтийскую Русь**. Именно это обстоятельство и стало одной из главных причин раскола среди прежних и нынешних историков, археологов и лингвистов.

Одни авторы (**С. Юшков, В. Петрухин, Е. Мельникова, Р. Скрынников, И. Данилевский**) полагают, что термин «Русь» изначально имел **социальную природу** и, по всей видимости, использовался для обозначения конкретного социального слоя Древнерусского государства, вероятнее всего, княжеской дружины. При этом все правоверные норманисты, за исключением профессора **С.В. Юшкова**, настаивают именно на скандинавском происхождении этого термина, ставя знак равенства между понятиями «Русь» и «**норманнская дружина**», которых они именуют «**гребцами**» или «**мореходами**». Более того, «сладкая парочка» **В.Я. Петрухин-Е.А. Мельникова** затем выдвинули совершенно абсурдную гипотезу, что этот социальный термин позднее трансформировался в этноним, чего во всей человеческой истории не случалось никогда.

Другие историки, которых абсолютное большинство, считают, что термин «Русь» носил чисто **этническую природу** и под этим именем скрывался какой-то этнос, племя или племенной союз. Сторонники данного подхода, в свою очередь, делятся на несколько течений:

а) Большинство зарубежных и российских норманистов (**Т. Арне, Р. Пайпс, Л. Клейн, А. Кан, Г. Лебедев, Е. Пчелов**) считают, что термин «Русь» имел чисто скандинавскую этимологию и происходил от финского слова «**ruotsi**», что в переводе означает Швеция. Однако, как верно отметил крупнейший российский лингвист академик **А.А. Зализняк**, современные норманисты в своих лингвистических построениях руководствуются приемами «любительской лингвистики», строящей свои выводы «на случайном сходстве слов», не берут во внимание тот факт, что «внешнее

сходство двух слов (или двух корней) само по себе еще не является свидетельством какой-то исторической связи между ними». Более того, известный немецкий филолог-норманист Г. Шрамм в своей последней работе «*Altrusslands Anfang*» («Начало Древней Руси») (2002) назвал эту трактовку термина «*tuotsi*» «ахиллесовой пятой норманизма» и предложил сбросить этот балласт, от которого норманнская теория только выиграет. Аналогичную позицию заняли и ряд крупных российских ученых (О. Трубачев, А. Назаренко), которые, оставаясь убежденными норманистами, все же ставят интересы науки выше клановых интересов Л.С. Клейна и Ко.

Сознавая всю ущербность своей прежней трактовки происхождения термина «Русь», часть доморожденных норманистов (Е. Мельникова, А. Кан, Д. Мачинский) ударились в другую крайность, пытаясь отыскать истоки этого термина на территории самой Швеции в прибрежной провинции Руден (Roden) или Руслagen (Roslagen). Однако, как убедительно доказали ряд русских и шведских ученых (Л. Грот, К. Калиссендорф), современный Руслagen возник на географической карте Шведского королевства только в XIII в., а до тех пор эта прибрежная территория находилась еще под водой, поскольку уровень Балтийского моря в данном районе был тогда на 5–7 метров выше современного.

б) Ряд крупных современных ученых, в том числе среди самих норманистов (О. Трубачев, В. Седов), ищут истоки термина «Русь» либо в иранском языке, носителями которого были скифы или сарматы, либо видят в нем даже общую индоарийскую основу.

в) Ряд крупных советских и зарубежных антинорманистов советского образца (Б. Рыбаков, М. Тихомиров, А. Насонов, Х. Ловмянский) считали, что термин «Русь» был местного, славянского происхождения и под этим именем скрывалось одно из восточнославянских племен, обитавшее в среднем течении Днепра, на берегах небольшой речки Рось, о чем говорилось и в самой ПВЛ. Позднее это имя стало ассоциироваться со всем полянским племенным союзом, который и стоял у истоков древнерусской государственности на южной оконечности восточнославянских земель.

г) Другие советские «антинорманисты» (П. Третьяков) также склонялись к южной прародине русов, но связывали их не с восточными славянами, а с черняховцами или их потомками. При этом данные историки не исключали того обстоятельства, что именно эти русы каким-то образом были связаны с германскими или западнославянскими племенами.

д) Наконец, современные и истинные антинорманисты (А. Кузьмин, В. Фомин, Е. Галкина) считают, что истоки термина «Русь» следует искать среди различных этнических «русов», живших, как минимум, на территории Балтийской, Приднепровской, Подонской, Дунайской и Черноморской Руси. При этом к моменту возникновения Древнерусского государства эти русы были уже давно славянизированы, хотя изначально: 1) поляне-русь были потомками северных иллирийцев живших на среднем Дунае, на территории Норика-Ругиланда; 2) варяги-русь являлись одним из кельтских племен, обитавшем на южном побережье Балтийского (Варяжского) моря и близлежащих островах (Рюген), а 3) аланы-русь были потомками ираноязычных роксолан, которые являлись носителями знаменитой салтовско-маяцкой археологической культуры. К концу IX в. именно из представителей этих трех ветвей русов и сформировался так называемый «род русский», который затем составил правящую элиту Древнерусского государства.

3) Таким образом, проблема происхождения термина «Русь» связана не столько с «норманнской» или «варяжской» проблемами, сколько с так называемой «хазарской проблемой», где разного рода домыслов и спекуляций еще больше, чем у норманистов.

Еще в конце XIX в. киевский юрист, член пятой раввинской комиссии Г.М. Барац в нескольких своих статьях выступил с бредовым заявлением, что «Повесть Временных лет» является переделкой хазарско-иудейской письменности, а первыми русскими князьями были хазарские евреи. Затем эта тема надолго отошла на второй план, но с конца 1950-х гг. началось активное изучение археологических памятников знаменитой салтовско-маяцкой культуры, которую ряд тогдашних археологов, прежде всего, М.И. Артамонов и С.А. Плетнева, не вполне правомерно отнесли ко всему Хазарскому каганату, искусственно расширив саму территорию этого государства до огромных размеров. Хотя, еще тогда в рамках этой археологической культуры четко обозначились два локальных варианта: лесостепной, который в антропологическом плане был представлен долихокефальным населением, и степной с брахицефальным населением, который, в свою очередь, также состоял из несколько территориальных вариантов.

Уже тогда ряд видных советских археологов, в частности И.И. Ляпушкин и Д.Т. Березовец, поставили под веское сомнение многие выводы своих московских коллег и заявили, что лесостепной вариант салтовско-маяцкой археологической культуры принадлежал аланскому населению Подонья, которое никогда не входило в состав Хазарского каганата. Вскоре эти вполне разумные выводы были поддержаны рядом крупных советских историков (Б. Рыбаков, А. Кузьмин), а настоящее время эта перспективная гипотеза получила свое дальнейшее развитие в трудах доктора исторических наук Е.С. Галкиной, которая отождествляет донской аланский вариант салтово-маяцкой культуры с центральной частью Русского каганата, упоминаемого в византийских, западных и мусульманских письменных источниках VIII–IX вв.

Вместе с тем замшелую гипотезу о преобладающем влиянии огромного Хазарского каганата во всей Восточной Европе в настоящее время активно развивают и доморощенные норманисты (А. Новосельцев, В. Петрухин, И. Данилевский), и израильские сионисты (Н. Готлиб), и украинские националисты (О.И. Прицак), и даже «патриоты-евразийцы» (Л. Гумилев, В. Кожинов), которым очень хочется найти среди основателей Древнерусского государства не только шведов, но и иудеев-хазар. В последнее время этот вопрос, приобрел не просто острый, но крайне болезненный и актуальный для разных политических сил характер. В частности, «отмороженные» сионисты стали заявлять свои претензии на обладание «исконной исторической прародиной» еврейского народа, а наши «патриоты-евразийцы», не оценив самой сути этих «научных» открытий, ударились в другую крайность и стали говорить об особом периоде «хазарско-иудейского ига» в истории Древней Руси.

5. Каким путем возникло Древнерусское государство

В настоящее время по данной проблеме существует несколько основных точек зрения.

1) Если раньше подавляющее большинство зарубежных и отечественных норманистов (А. Шлецер, А. Куник, В. Томсен, А. Шахматов) больше склонялись

к теории норманнского завоевания восточнославянских земель, то современные норманисты (Л. Клейн, В. Петрухин, Е. Мельникова, Т. Джаксон, А. Кан, Е. Пчелов, Р. Пайпс, И. Янссон), «творчески» развив идеи своих предшественников, довели до совершенства теорию норманнской колонизации восточнославянских земель, у истоков которой стояли М.П. Погодин, В.О. Ключевский, Т. Арне и А. Стендер-Петерсен. Они не только талдычат о том, что Древнерусское государство возникло как побочный продукт торговых связей Византии и Скандинавии по знаменитому торговому пути «из варяг в греки», но и соревнуются в новых названиях этого монстра «славяно-скандинавского синтеза». Теперь вместо привычного названия Древняя или Киевская Русь нам предлагают называть государство наших предков «Скандославией» (Д. Лихачев), «Восточно-Европейской Нормандией» (Р. Скрынников) или «Новгородской Нормандией» (Е. Носов).

2) В советской исторической науке (Б. Греков, М. Тихомиров, Б. Рыбаков, В. Мавродин, М. Свердлов), методологической основой которой был превратно трактуемый исторический материализм, утверждалось, что Древнерусское государство возникло в результате **внутреннего развития** и, прежде всего, естественного и закономерного **процесса возникновения классов** у восточных славян, напрямую связанного с развитием производительных сил, появлением частной собственности, прибавочного продукта и социального неравенства. Хотя, надо признать, что ряд советских историков (С. Юшков, И. Фроянов) уже тогда довольно осторожно, во избежание всевозможных обвинений в ревизии марксизма, говорили о доклассовом характере Древнерусского государства. Но поскольку в целом все советские историки, археологи и лингвисты были лишь формальными антинорманистами, они уцепились именно за эту трактовку происхождения Древнерусского государства и исподтишка стали протаскивать на страницы научной и учебной литературы фактический норманизм. Особо в этом преуспели видные представители ленинградской научной школы, в частности академик Д.С. Лихачев, И.П. Шаскольский, Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, А.Н. Кирпичников, Е.Н. Носов и другие.

3) Часть современных антинорманистов (А. Кузьмин, В. Фомин, Г. Артамонов) справедливо утверждают, что возникновение Древнерусского государства стало результатом развития нескольких взаимосвязанных и параллельных процессов: а) возникновения классов, но не в рамках самих племен, как утверждалось ранее, а на корпоративном уровне, между этими племенными союзами, в частности **полянами** и попавшими под их власть **древлянами** и **северянами**; б) объединения усилий восточных славян и их соседей с борьбой с внешней угрозой, которая исходила не от мифических норманнов-викингов, а со стороны восточного соседа — Хазарского каганата, обложившего ряд восточнославянских племенных союзов (**северян, кривичей, вятичей**) данью; в) тесного взаимодействия нескольких крупных этнических общностей — восточных славян, финно-угров, балтов и славянизированных русов, на базе которых и сформировалась **единая древнерусская народность**. При этом основой самой древнерусской государственности стала именно **славянская территориальная община**, сумевшая достаточно легко инкорпорировать другие этносы в свой состав.

Последний тезис имеет принципиально значение, поскольку в условиях кровнородственной общины такой инкорпорации никогда бы не произошло. Далеко за примерами ходить не надо, поскольку кровно-родовые структуры многих наро-

дов современного Кавказа зримо демонстрируют, что любой пришлый инородец, даже принявший ислам и их вековые традиции, так и останется чужеродным телом в их кровной общине и всегда будет человеком «второго сорта». Именно этого ключевого обстоятельства так и не смогли понять многие крупные историки, что именно славянская (русская) территориальная община и позволила нашим предкам создать огромное государство и инкорпорировать в его состав более **150 различных этносов**, не уничтожив ни один из этих, даже самых малочисленных, народов.

6. Когда возникло Древнерусское государство

По данной проблеме так же существует несколько распространенных точек зрения:

1) Значительная часть русских и советских историков (**С. Соловьев, Б. Греков, М. Тихомиров, В. Пашуто, Л. Черепнин**) утверждали, что Древнерусское государство возникло во **второй половине IX в.**, и в качестве отправной даты древнерусской государственности называли либо **862 г.**, т.е. летописную дату призвания варягов, либо **882 г.**, т.е. дату захвата **Олегом Киева** и провозглашения его «матерью городов русских».

2) Знаменитый советский историк и археолог академик **Б.А. Рыбаков** полагал, что в землях восточных славян последовательно существовало три крупных государственных образования: «Геродотова Скифия» (VI–IV вв. до н.э.), «Черняховцы» (II–VI вв. н.э.) и «Киевская Русь» (IX–XII вв. н.э.). О том, что раннее государство существовало на территории **черняховской археологической культуры** признают и ряд других современных историков и археологов (**В. Седов, А. Кузьмин**), которые, однако, справедливо полагают, что оно было полиэтническим государственным образованием, где основными этническими группами были готы, сарматы, фракийцы и славяне. В целом «архаичная концепция» академика **Б.А. Рыбаков**, занимавшего особое место в советской исторической науке, в постсоветской историографии стала подвергаться жесткой и не всегда обоснованной критике, особенно со стороны его личных недоброжелателей, например, таких как профессор **А.П. Новосельцев**.

3) Известный петербургский историк и филолог профессор **Ю.К. Бегунов**, опубликовавший незадолго до своей кончины двухтомный труд «История Руси» (2007–2012), утверждает, что существовало две «киевских цивилизации» — «Государство Кия» или **Первая Киевская Русь (410–543)** и «Государство Олега» или **Вторая Киевская Русь (882–1132)**. Причем, между этими великими цивилизациями существовали промежуточные государственные образования, как-то **Волынская Русь (543–560)**, **Новгородская Русь (862–882)** и ряд других. Вместе с тем надо признать, что ряд исторических построений этого крупного ученого, известного поклонника «**Велесовой книги**», подвергаются критике многими его коллегами.

4) Многие современные авторы (**А. Новосельцев, А. Сахаров, А. Кузьмин, М. Брайчевский, В. Кожин**) утверждают, что в восточнославянских землях практически одновременно, с интервалом примерно в полвека, сложилось два, независимых друг от друга, центра древнерусской государственности: один на юге, в **Среднем Поднепровье**, на территории полянского племенного союза, на **рубеже VIII–IX вв.**, а другой — на севере, в землях чуди, кривичей и ильменских славян, в **середине IX в.** Затем, на **рубеже IX–X вв.** сложилось единое Древнерусское го-

сударство, которое представляло собой союз различных земель-княжеств, общим главой которых был Великий киевский князь, представлявший «род русский».

5) Еще одна группа современных историков (**И. Фроянов, А. Дворниченко, А. Петров**), развивая взгляды ряда русских историков (**Н. Костомаров, М. Покровский**), утверждала, что до **начала XI в.** Киевская Русь не являлась государством в полном смысле этого слова, а представляла собой довольно аморфную **федерацию племенных союзов**. Позднее профессор **И.Я. Фроянов** и многие его ученики, следуя в русле взглядов академика **В.О. Ключевского**, говорившего о существовании у восточных славян «городовых областей», вообще пришли к выводу, что вплоть до монгольского нашествия **единого государства у восточных славян так и не сложилось** и применительно к этому периоду можно говорить лишь о существовании у них так называемых **городов-государств (полисов) республиканского типа**, наподобие тех, что существовали в Древней Греции. Правда, ряд современных представителей этой известной научной школы, в частности профессор **А.Ю. Дворниченко**, постоянно путаются в своих «показаниях», называя Древнерусское государство то «вождеством», то «дружинным государством», то представляют его в виде «городов-государств» республиканского типа.

7. Вынужденные пояснения

Всего четверть века назад нам абсолютно не пришло бы в голову поднимать вопрос о т.н. втором, довольно расхожем, названии Древнерусского государства — Киевская Русь. Но в современных условиях мы вынуждены это сделать, поскольку на территории современной «самостийной» Украины на **государственном уровне** всячески культивируется именно это название Древнерусского государства и подчеркивается особая роль украинского народа в истории Древней Руси. А это абсолютно не соответствует действительному положению вещей, поскольку:

1) Во-первых, **никакой самобытной украинской нации в тот период не существовало**, ибо нация является более поздним продуктом развития этноса, обусловленным целым рядом социальных, экономических, политических и иных факторов. В Древней Руси существовала **единая древнерусская народность**, которая затем стала основой возникновения и развития **единой русской нации**, т.е. великороссов, малороссов и белорусов. При этом сам термин «Украина» изначально имел не этническую, а чисто **географическую характеристику**, обозначавшую «окраину» или «украину» Древнерусского, Польского, а затем и Российского государства.

2) Во-вторых, всячески почитаемый современными украинскими националистами термин «**Киевская Русь**» впервые был введен в научный оборот первым ректором Киевского Императорского университета **М.А. Максимовичем** в его работе «**Откуда идет русская земля**», которая была опубликована в **1837 г.** Первоначально этот термин стал использоваться в узком, географическом, смысле для обозначения **Киевского княжества**, в одном ряду с такими терминами, как «**Червонная Русь**», «**Новгородская Русь**», «**Владимирская Русь**» и другими. Затем, со **второй половины XIX в.**, этот термин приобрел новое, хронологическое значение как начального периода русской государственности, продолжавшегося вплоть до монгольского нашествия в **XIII в.** Именно в таком качестве этот термин использовали многие русские историки, в том числе **С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Плато-**

нов и А.Е. Пресняков. При этом родоначальник украинской националистической школы профессор М.С. Грушевский никогда не использовал этот термин в своих научных и публицистических работах и предпочитал ему иное название — «Киевская держава».

Окончательно термин «Киевская Русь», как синоним терминов «Древняя Русь» и «Империя Рюриковичей», закрепился в советской исторической науке только после выхода в свет знаменитых работ академика Б.Д. Грекова «Киевская Русь» (1939) и «Культура Киевской Руси» (1944), что после развала Советского Союза и сыграло на руку украинским националистам, «приватизировавшим» историю Древней Руси.

С большим сожалением приходится констатировать, что сегодня на территории «самостийной» Украины исторические небылицы и преднамеренное искажение исторических фактов возведены в ранг государственной политики и массово тиражируются во всех школьных и вузовских учебниках, что вызывает законное возмущение даже у части самих украинских историков, не зараженных бациллами пещерного национализма, в частности такого авторитетного ученого, как академик П.П. Толочко.

Тема: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В IX–XII ВВ.

План:

1. Предварительные замечания.
2. Дискуссии по проблеме определения общественной формации Древней Руси.
3. Социально-классовая структура и политический строй Древней Руси.
 - а) Великий киевский князь и его полномочия.
 - б) Княжеская дружина, ее состав и полномочия.
 - в) Зависимое население Древней Руси: смерды, челядь, рядовичи, закупы, изгои.

1. Предварительные замечания

Многие современные отечественные историки, которые еще вчера были ревностными апологетами исторического материализма, сегодня с необычайной легкостью превратились в не менее ревностных поклонников цивилизационной теории, основоположниками которой были русские и европейские ученые позапрошлого и прошлого веков — А. Тойнби, О. Шпенглер, Ф. Бродель, Н.Я. Данилевский и другие историки, философы и культурологи. Между тем, **разница между формационной и цивилизационной теориями принципиальна** и суть расхождений состоит в следующем:

1) Сторонники формационной теории утверждают, что в основе развития всей человеческой цивилизации лежит так называемый **экономический базис**, т.е. го-

сподствующая форма собственности и эксплуатации, которые определились уровнем развития и соотношения производительных сил и производственных отношений. Их оппоненты, напротив, отдают приоритет изучению так называемых **«исторических культурных типов»**, т.е. основополагающих идеалов и идей, которые лежат в основе индивидуальной, общественной и государственной жизни разных народов.

2) Сторонники формационной теории считают, что главной задачей гуманитарных наук является выявление **объективных закономерностей развития всей человеческой цивилизации**, в то время как сторонники цивилизационной теории делают особый акцент на изучении **трех типов цивилизаций**: а) **«локальных»**, таких, как Древний Египет, Ассирия, Вавилон, Античная Греция, Древний Рим и других; б) **«особенных»**, т.е. западноевропейской, православной, исламской, китайской и других; и в) **«современных»**, т.е. традиционных (аграрных), индустриальных и постиндустриальных.

3) Ученые-марксисты традиционно утверждают, что история человеческой цивилизации — это есть история закономерной, последовательной и прогрессивной смены **пяти общественно-экономических формаций** — первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. Их же идейные оппоненты, напротив, полагают, что история человечества — есть история зарождения, развития, гибели или трансформации **трех типов цивилизаций, для которых не существует единых закономерностей**.

Конечно, формационному подходу, основанному на экономическом детерминизме и пресловутом классовом подходе, были свойственны довольно существенные недостатки. В частности, специфика развития разных народов и государств приносилась в жертву абстрактным «общим закономерностям», под которые зачастую подгонялась конкретная история, что далеко уводило от изучения и анализа реальных исторических процессов, протекавших на протяжении многих веков. Вместе с тем, именно исторический материализм, а вернее его **методология**, в основе которого лежала диалектика, позволяет изучать тысячелетнюю историю России не только как единое целое, но и как составную и важную часть всей человеческой цивилизации. Тогда как цивилизационная теория предлагает изучать многовековую российскую историю только в рамках общей православной цивилизации, что абсолютно не дает каких-либо новых инструментов для ее познания, а только затрудняет поиск истины, предлагая новый набор околonaучных «модернистских» теорий и опций.

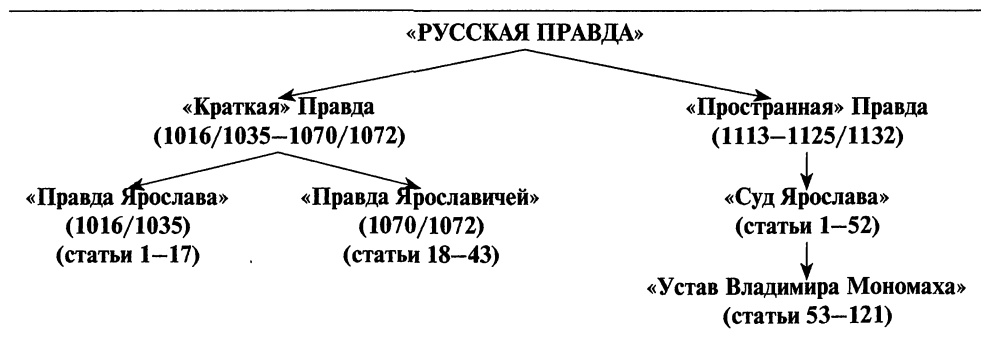
Более того, как абсолютно справедливо отметил выдающийся современный историк профессор **Б.Н. Миронов**, в последнее время на основе цивилизационного подхода уже успела вырасти **масштабная рефлексия** по поводу «особой трагедийности» и «кровавой драматичности» российского исторического процесса, его «цикличности», бесконечных «инверсионных поворотов» и т.д. При этом наряду с известными западными русофобами типа **А.Л. Янова** и **Р. Пайпса**, в эту псевдонаучную бредятину ударились и доморощенные русофобы типа **А.Н. Медушевского**, **А.С. Ахиезера**, **М.Н. Афанасьева** и других, явно страдающих комплексом знаменитой «унтер-офицерской вдовы». Достаточно сказать, что беглый комсомольский журналист **А.Л. Янов**, в одночасье обратившись за кордоном в авторитетного профессора русской истории, в целом ряде своих примитивных фальшивок — **«Россия: у истоков трагедии 1480–1584» (2001)**, **«Россия против России: 1825–1921» (2003)**,

«Россия и Европа» (2007), изобилующих огромным количеством даже фактических ошибок, выдвинул антинаучную теорию цикличности русской истории. Суть этого теоретического «шедевра», которым так восторгался закулисный архитектор «горбачевской перестройки» и придворный академик А.Н. Яковлев, состоит в том, что история России есть история чередования либеральных и прозападных реформ с реакционными и консервативными националистическими контрреформами. И таких «исторических циклов» за последние 500 лет этот новоявленный теоретик насчитал аж 14 штук.

Между тем, явно поспешный отказ от формационного подхода, произошедший после гибели Советского Союза, во многом был связан с отказом от марксистско-ленинской методологии, которая господствовала в советской исторической науке. Вместе с тем, надо сказать, что вопреки устоявшему стереотипу, у истоков формационной теории стояли отнюдь не К. Маркс, Ф. Энгельс или В.И. Ленин, а известные французские историки «эпохи реставрации». А основоположники «научного коммунизма», наряду с политэкономией А. Смита и Д. Рикардо, утопическим социализмом Ш. Фурье, А. Сен-Симона и Р. Оуэна и классической немецкой философией Г. Гегеля и Л. Фейербаха, взяли на вооружение формационную теорию Ф. Гизо, Ф. Мишле и О. Тьерри и, творчески переработав ее через призму гегелевской диалектики и своей теории классовой борьбы как локомотива истории, сделали основой исторического материализма. Так, что марксизм и формационная теория, как говорят в Одессе, две большие разницы. Однако эту элементарную истину не смогли познать даже многие профессиональные историки, увенчанные академическими титулами и званиями.

2. Дискуссии по проблеме определения общественной формации Древней Руси

Вопрос об определении общественно-экономической формации Древней Руси до сих пор остается крайне дискуссионным. Основной причиной такого положения вещей является фактическое отсутствие достоверных, аутентичных источников. Практически единственным и главным источником, который позволяет каким-то образом ответить на этот непростой вопрос является древнейший правовой свод Древней Руси — «Русская Правда». В данном случае, из трех ее редакций — «Краткой», «Пространной» и «Сокращенной», особый интерес представляют первые две, поскольку именно они напрямую относятся к эпохе Киевской Руси, т.е. XI–XII вв.

Хотя, определенную и очень важную информацию на сей счет содержит и «**Повесть Временных лет**», в частности тексты русско-византийских договоров X в., поскольку именно в них были отражены нормы обычного (неписанного) «**Закона Русского**», который предшествовал «**Русской Правде**».

В дореволюционной исторической науке проблеме определения общественно-экономической формации, существовавшей в Древней Руси, не придавалось практически никакого значения. По сути, единственным исключением из правила стал известный труд **Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в России»**, опубликованный в **1908 г.** Однако сам автор относил существование феодализма только к удельному периоду русской истории и напрямую связывал его с **политико-правовым институтом вассалитета**, основанным на иерархии земельной собственности.

В советской исторической науке, базировавшейся на марксистской методологии, проблеме определения общественно-экономической формации Древней Руси, напротив, придавалось приоритетное значение. С точки зрения советских историков в основе любой общественно-экономической формации лежит **господствующая форма собственности**. На этом сходились все сторонники формационного подхода. Однако при конкретном и детальном рассмотрении вопроса возникали серьезные расхождения по целому ряду более частных проблем. В частности, речь шла: **1)** о различном понимании характера феодальной собственности и роли феодального землевладения в процессе генезиса феодализма; **2)** о соотношении дани и феодальной ренты (являлась дань формой феодальной ренты или это было простое налогообложение); **3)** о месте и роли города в процессе генезиса феодализма; **4)** о различной оценке категорий зависимого населения Древней Руси и т.д.

В **1920-х гг.** под влиянием «школы академика **М.Н. Покровского**» в советской исторической науке утвердилось представление о том, что общественный строй Древней Руси представлял собой настоящий винегрет, состоящий из элементов рабовладения, феодализма и торгового капитализма. Даже такой авторитетный историк, как профессор **А.Е. Пресняков**, ставший одним из первых советских ученых, который признал наличие феодальных отношений в Древней Руси, полагал, что основной рабочей силой в княжеских и боярских вотчинах этого периода были холопы-рабы. Однако уже в **первой половине 1930-х гг.** в ряде своих новаторских работ «**Начальный период в истории русского феодализма**» (1933), «**Рабство и феодализм в Древней Руси**» (1934) и «**Феодальные отношения в Киевском государстве**» (1935) будущий академик **Б.Д. Греков** выступил оппонентом академика **М.Н. Покровского** и стал активно разрабатывать теорию «**русского феодализма**» эпохи **Киевской Руси**.

В **1939 г.** прошла довольно острая дискуссия об общественно-экономическом строе Древней Руси, в ходе которой выявились два противоположных подхода к решению этой проблемы. Одни историки (**П. Смирнов, А. Шестаков**), опираясь на формационную теорию и основные положения «**Краткого курса истории ВКП(б)**», заявили о том, что Киевская Русь, как и все древнейшие цивилизации, не могла миновать рабовладельческой формации. Однако их оппоненты, прежде всего, профессор **Б.Д. Греков** в своем докладе «**Общественный строй Киевской Руси**» отверг это утверждение своих коллег и заявил, что Древняя Русь изначально была **раннефеодальным государством**. В том же году вышла его знаменитая монография «**Киевская Русь**» (1939), основные положения которой, в том числе об отсутствии института рабства в Древней Руси, поддержали не только такие авторитетные руси-

сты, как профессора М.Н. Тихомиров, А.Н. Насонов и Б.А. Рыбаков, но и крупные историки-медиевисты — академик Е.А. Косминский и профессор А.И. Неусыхин, не нашедшие рабовладельческой формации и в варварских государствах Западной Европы.

Правда, тогда же профессора С.В. Юшков, С.В. Бахрушин и Н.Л. Рубинштейн упрекнули Б.Д. Грекова в том, что он не вполне правомерно синхронизировал процесс образования государства у восточных славян с генезисом феодализма, заявив, что первоначально Древнерусское государство возникло и развивалось как дофеодальное. Кроме того, они выступили против необоснованных попыток полного исключения института рабства из истории Древней Руси. Тем не менее, именно тогда концепция Б.Д. Грекова стала господствовать в отечественной исторической науке и сохраняет свои ведущие позиции до сих пор.

Однако его концепция феодализма, логичная и стройная на первый взгляд, страдала очевидной схематичностью и несоответствием ряда своих концептуальных положений историческим фактам. В частности, самому академику Б.Д. Грекову и его сторонникам, профессорам М.Н. Тихомирову, В.В. Мавродину, П.Н. Третьякову, А.В. Арциховскому и другим не удалось доказать фактическими данными наличие вотчинного землевладения в Древней Руси в IX–X вв. А это обстоятельство подрывало устои его главной идеи о феодальном и классовом характере древнерусского общества, что разрушало всю научную конструкцию, представлявшую Киевскую Русь в виде раннефеодальной монархии. Поэтому с конца 1940-х гг. ряд видных советских историков начали поиски новых путей феодализации в древнерусском обществе. Итогом этих научных поисков стало становление знаменитой концепции «государственного феодализма», окончательно сформировавшейся в трудах академика Л.В. Черепнина и многих его последователей — В.Т. Пашуто, О.М. Рапова, Я.Н. Щапова, Н.Н. Покровского, П.П. Толочко и других известных советских историков. В отличие от Б.Д. Грекова, который рассматривал становление феодальных отношений через призму формирования вотчинного землевладения и эксплуатации в рамках княжеских и боярских вотчин различных категорий крестьянства, Л.В. Черепнин и его сторонники вели речь о формировании верховной княжеской собственности на всю землю и эксплуатации государством лично свободного крестьянства посредством сбора дани-ренты с их индивидуальных хозяйств. Иными словами, вся земля в Древней Руси являлась коллективной (корпоративной) собственностью всего класса феодалов (князей и бояр), осуществлявших совместную эксплуатацию различных категорий крестьянства Древней Руси.

Концепция «государственного феодализма» была призвана спасти основную идею их главного оппонента о феодальном характере древнерусского общества, но она принципиально отличалась от его доктрины. Однако общим положением обеих концепций было твердое убеждение в том, что Киевская Русь была именно раннефеодальным государством.

В 1960-х гг. в исторической литературе был вновь поднят вопрос о рабовладельческой формации в Древней Руси, который инициировали два профессора истории Белорусского государственного университета В.И. Горемыкина и А.П. Пьянков, из-под пера которых затем вышли монографии «К проблеме истории докапиталистических обществ» (1970) и «Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси» (1980). Одновременно эта проблема стала изучаться и в стенах

Ленинградского университета, где знаменитый ученик профессора В.В. Мавродина **И.Я. Фроянов** успешно защитил сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертации «**Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды)**» (1966) и «**Киевская Русь. Главные черты социального и политического строя**» (1973). Затем на базе этих диссертаций были созданы две монографии «**Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории**» (1974) и «**Киевская Русь. Очерки социально-политической истории**» (1980), которые практически сразу были подвергнуты резкой критике за архаизацию социальных отношений Древней Руси и произвольную трактовку ряда статей «**Русской Правды**», где речь шла о различных категориях зависимого населения древнерусского общества. Однако если **В.И. Горемыкина** и **А.П. Пьянков** прямо заявляли о существовании рабовладельческой формации в Древней Руси, то **И.Я. Фроянов** гораздо деликатнее подошел к решению этой проблемы и заявил лишь о наличии института рабства у восточных славян.

Позднее в своей работе «**Рабство и данничество у восточных славян**» (1996) **И.Я. Фроянов** выступил с концепцией «**разделенной собственности**», в которой признал существование в Древней Руси и частной феодальной собственности в виде аллода (вотчины), и коллективной общинной собственности на землю. При этом он стал одним из ярких критиков концепции **Л.В. Черепнина** о государственном феодализме и вновь обосновал свой главный тезис о существенной роли рабства в экономике Древней Руси.

В том же году была опубликована фундаментальная монография еще одного петербургского историка профессора **М.Б. Свердлова** «**Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв.**» (1996), в которой автор довольно обстоятельно осветил основные спорные проблемы по данной проблематике и довольно жестко раскритиковал **И.Я. Фроянова** за слишком вольное обращение с источниками.

Затем, в 2003 г., вышла в свет фундаментальная работа (новаторский вузовский учебник) известного профессора **А.Г. Кузьмина** «**История России с древнейших времен до 1618 г.**», в которой автор предложил, во-первых, изменить угол зрения на данную проблему, и, во-вторых, существенно расширить круг исторических источников, что поможет заново осмыслить многие аспекты этой проблемы.

Тем не менее, для многих современных историков концепция древнерусского феодализма до сих пор остается незыблемым постулатом, и они признают существование в Киевской Руси, начиная с XI в., **трех основных признаков феодализма**, которые были сформулированы известным французским историком **Ф. Гизо** еще в середине позапрошлого столетия: **1) иерархия земельной собственности, 2) институт феодального вассалитета и 3) сеньориальный режим, т.е. комплекс прав на зависимое население.**

Большинство историков признают, что из этой знаменитой триады гораздо раньше возник институт феодального вассалитета. Сейчас вполне достоверно установлено, что первоначально (IX–X вв.) он носил чисто **княжеский характер**. Но понимание сути этого вассалитета целиком зависело от понимания характера княжеской собственности на землю. Целый ряд русских и советских ученых (**Б. Чичерин, В. Ключевский, Л. Черепнин, А. Горский, О. Рапов, Я. Шапов**) утверждали, что Великий киевский князь был верховным собственником всей земли и мог полностью распоряжаться ей сугубо по личному усмотрению. Однако их оппоненты

(А. Пресняков, Б. Греков, А. Копанев, А. Кузьмин И. Фроянов, Ю. Алексеев) полагали, что Великий киевский князь, наряду со своей дружиной и боярами, являлся собственником только отдельных земельных владений — **княжеского домена** и **боярских вотчин** и не мог распоряжаться всей землей, находящейся в собственности общины. При этом большинство историков (С. Юшков, В. Пашуто, А. Кузьмин) склонялись к выводу о том, что институт феодального вассалитета прошел в своем развитии два основных этапа:

1) В **середине X — середине XI вв.** существовал т.н. **княжеский вассалитет** между князьями «**Рюрикова дома**», где **сюзереном** (господином) выступал Великий киевский князь, а его **вассалами** (слугами) — его братья, сыновья и племянники, которые от имени Великого князя управляли отдельными территориями обширной Киевской державы. Причем, как справедливо утверждали Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, А.Г. Кузьмин, М.Б. Свердлов и другие известные историки, в основе этого вассалитета лежала не земельная основа, а право сбора дани с подвластной территории, т.е. так называемый **бенефиций** или **кормление**.

2) Со **второй половины XI в.**, в период кризиса дружинной организации, когда княжеская дружина начинает оседать на землю и возникают первые боярские вотчины, зарождается **княжеско-боярский вассалитет**, который приобретает земельную основу в виде **аллода (вотчины)**, т.е. частного неотчуждаемого владения, а, возможно, и **феода (поместья)**, т.е. частного, но отчуждаемого владения. С возникновением княжеско-боярского вассалитета начался процесс установления иерархии земельной собственности, т.е. **феодально-ленной системы**, который неизбежно привел к возникновению **сеньориального режима**, т.е. комплекса прав феодала (сеньора) на зависимое от него население крестьянских общин, а, возможно, и части городского посада.

Еще одной важной проблемой, напрямую связанной с проблемой определения общественной формации Древней Руси, является вопрос о соотношении «**дани**» и «**полюдья**», который до сих пор остается предметом острой научной дискуссии. По мнению одних историков (М. Приселков, В. Мавродин, И. Фроянов), дань и полюдье принципиально отличались тем, что дань, как форма государственной подати, собиралась с «внутренней» территории Русской земли, а полюдье являлось формой военной контрибуции с «внешних», покоренных **Киевом**, славянских земель и шло только на содержание самого Великого князя и его дружины. Другие авторы (Л. Черепнин, М. Свердлов, О. Рапов, А. Горский) считали, что дань, как форма подати взималась в денежном эквиваленте («по щелягѹ», «по черной кѹне») с тогдашних податных единиц, т.е. «**дыма**» (дома), «**рало**» или «**плѹга**» (земли), а полюдье представляло собой примитивную форму **феодального «кормления»**, которое взималось в натуральном виде. При этом сторонники теории «**государственного феодализма**» (Л. Черепнин, О. Рапов, Я. Шапов) рассматривали дань как первичную форму **феодальной ренты**. Академик Б.А. Рыбаков, который провел очень подробный историко-географический разбор полюдья, вначале был склонен различать дань и полюдье по местам их сбора — «**становищам**» и «**погостам**», полагая, что полюдье взималось с территории «внутренней» Руси, а дань — с территории остальной, «внешней» Руси. Однако затем он стал смешивать дань с полюдьем, распространяя его на всю территорию покоренных **Киевом** восточнославянских племенных княжений. Эту точку зрения разделяли и другие историки (М. Дьяко-

нов, С. Юшков, А. Зимин, Я. Шапов, Л. Алексеев), которые полагали, что полюдьё и дань совпадали, как частное с общим.

3. Социально-классовая структура и политический строй Древней Руси

Социальная структура древнерусского общества была достаточно размытой, поэтому не всегда удается дать точную и объективную характеристику различным социальным группам населения и установить реальный характер их взаимоотношений друг с другом.

а) Великий киевский князь и его полномочия

По устоявшемуся мнению большинства историков, главой Древнерусского государства в IX–XII вв. являлся Великий киевский князь, функции которого до сих пор крайне неоднозначно трактуются представителями различных исторических школ.

1) В русской исторической науке, условно говоря, существовало два подхода в оценке этой проблемы. Часть историков и юристов (**В. Татищев, Н. Карамзин, М. Погодин, Б. Чичерин, М. Приселков**) утверждала, что Великий киевский князь был **полновластным самодержавным монархом**, который совмещал в своем лице функции главы государства, верховного законодателя и судьи, военного предводителя и адресата дани. Однако их оппоненты, известные сторонники **общинно-вечевой** или **земско-волостной теории** (**Н. Костомаров, В. Ключевский, И. Беляев, В. Сергеевич, М. Дьяконов, А. Пресняков**), полагали, что Великий киевский князь не был подлинным государем, и его власть была **существенно ограничена**, сначала советом родоплеменной знати и народным вече, а позднее — старшей княжеской дружиной и Боярской Думой.

2) В советской исторической науке (**Б. Греков, Б. Рыбаков, Л. Черепнин, В. Мавродин, В. Пашуто**) по вполне понятным причинам восторжествовало представление, что в Древней Руси существовала **раннефеодальная монархия**, олицетворением которой стал Великий киевский князь и узкий слой правящей элиты (феодальной знати), состоящей из удельных князей и членов **Боярской Думы**. В период расцвета Киевской державы Великий князь исполнял функции главы единого Древнерусского государства, верховного законодателя и судьи, главы феодальной иерархии, военного предводителя и адресата дани. При этом объем властных полномочий Великого киевского князя во многом зависел от его личных и деловых качеств, а также авторитета среди всех остальных князей **«Рюрикова дома»**.

3) В постсоветской историографии этот вопрос по-прежнему остается дискуссионным:

а) Крупнейший русский историк профессор **А.Г. Кузьмин**, автор ряда фундаментальных работ по истории русского летописания и блестящего курса лекций по истории всего русского средневековья, развивая **славянофильскую доктрину «Земли» и «Власти»** на конкретном историческом материале, предложил оригинальную и чрезвычайно продуктивную концепцию организации власти в Древней Руси. При этом он совершенно верно заметил, что общественно-политический строй Древнерусского государства определяли не столько личные качества князей или социально-экономические отношения того периода, сколько **этносоциальные тра-**

диции и обычаи различных племен, вошедших в состав древнерусского государства, прежде всего, славян и русов.

Верховная политическая власть в Древнерусском государстве была сосредоточена в руках Великого киевского князя, представлявшего собой давно славянизированный **«род русский»**, который, однако, продолжал оставаться неоднородным полиэтническим конгломератом, вобравшим в себя различных этнических русов из **Прибалтики и Среднего Поднепровья**. Поскольку, в отличие от славян, издавна живших в территориальной общине, у русов сохранялась кровнородственная община, то в недрах **«рода русского»** и долго сохранялась **жесткая иерархия** старших и младших членов рода. При этом в отличие от тех же славян-земледельцев, русы в годы правления первых киевских князей **Олега, Игоря и Святослава** жили в основном за счет военных походов, работоторговли и фактического грабежа подвластных славянских племен посредством хорошо известного полюдья, которое было примитивной формой государственной подати. При этом само Древнерусское государство в этот период представляло собой аморфную федерацию племенных княжений, сепаратизм которых удалось подавить только в годы правления **Ольги и Владимира Святого**.

При **Владимире Святом** великокняжеская власть начинает приобретать более устойчивый характер, и наряду с традиционными функциями Великого киевского князя, как-то: **1) организации и личного руководства военными походами; 2) личного участия в дипломатических сношениях и 3) сбора дани с подвластного населения**, возникают и другие функции. В частности, управление княжеским домениальным хозяйством и всей территорией огромного государства посредством своих наместников, в качестве которых выступали его племянники и сыновья.

Однако даже после укрепления власти Великого киевского князя существенную роль в управлении Древнерусским государством играло **народное вече**. В отечественной исторической науке вопрос о социальном составе и основных функциях вече до сих пор остается дискуссионным. Большинство русских ученых видели в вече либо архаичный (**Н. Костомаров, В. Сергеевич, М. Дьяконов, М. Довнар-Запольский**), либо, напротив, новообразованный (**В. Ключевский, И. Беляев**) демократический институт, активно противостоявший княжеской власти. В советской исторической науке, даже, несмотря на общий «классовый подход», возникли разногласия по данной проблеме. Одни авторы (**М. Покровский, Б. Греков, М. Тихомиров, Л. Черепнин, И. Фроянов**) продолжали считать древнерусское вече демократическим общественным институтом, в котором принимали участие все социальные слои древнерусского общества за исключением холопов и челяди. Но при этом часть сторонников этой концепции (**Б. Греков**) выдвинули тезис о затухании вече к **концу X в.** и его возрождении только к **концу XI в.**, а их оппоненты (**И. Фроянов**), напротив, заявили о существенном росте его влияния и роли в политической жизни страны на протяжении всего **XI в.** и последующих столетий. Сторонники иной концепции (**С. Юшков, В. Пашуто, В. Янин, М. Алешковский, П. Толочко**) рассматривали вече только как собрание **феодалных верхов**, защищавших свои узкоклассовые привилегии и интересы.

Между тем, профессор **А.Г. Кузьмин**, детально исследуя этот вопрос, справедливо заметил, что древнерусское вече **изначально было неоднородно** по своему социальному составу. У всех славян, издавна живших в территориальной общине,

где отсутствовала иерархия родов и управление строилось «снизу вверх», вече всегда носило более демократический характер и представляло собой собрание всего мужского или свободного населения всех сел и городов. У русов, сохранивших традиции кровнородственной общины, вече с самого начала носило иерархический характер и, по всей видимости, представляло собой собрание **«старцев градских»** и **«бояр»**. Вероятнее всего, во всех русских городах одновременно существовали разные типы общин. Причем, если в самом **Киеве** более сильные позиции занимала городская община русов, то в **Новгороде, Ладоге, Пскове и Изборске** более сильные позиции изначально принадлежали славянской территориальной общине, которая и формировала «исполнительную» власть в виде выборных должностных лиц — **десятских, сотских и тысяцких**.

Поэтому уже первым киевским князьям пришлось совмещать интересы и традиции своей кровнородственной общины со славянскими традициями общинного самоуправления. Однако это не всегда удавалось делать, поэтому на протяжении всего периода существования Древнерусского государства происходили перманентные конфликты между **«Землей»** и **«Властью»**, что зримо отразилось в **«Повести Временных лет»**, где довольно часто и подробно говорилось о межплеменной вражде, княжеских усобицах и противостоянии городских вече и княжеской власти.

Начиная с князя **Ярослава Мудрого** одной из важнейших функций великокняжеской власти становится законодательная деятельность. Именно этот выдающийся князь стал родоначальником первого письменного кодекса норм **публичного права** — знаменитой **«Русской Правды»**, пришедшей на смену **«Закону Русскому»**, представлявшему собой устный кодекс норм **обычного (не публичного) права «рода русского»**, который отчетливо просматривался в известных русско-византийских договорах **первой половины X в.**

Что касается проблемы престолонаследия, то с точки зрения **А.Г. Кузьмина**, в **X в.** такой системы просто не существовало и власть доставалась либо сильнейшему, либо наиболее удачливому. Впервые европейский **принцип майората**, т.е. передачи власти и прав собственности по старшинству, просматривается только в **«Завещании Ярослава» (1054)**, а окончательно этот принцип наследования престола закрепится только на **Любеческом съезде** русских князей, который состоялся в **1097 г.**

б) Другой известный российский историк профессор **М.Б. Свердлов**, написавший по данной проблеме ряд фундаментальных монографий и статей, утверждал, что уже в период существования **потестарного (бесклассового) государства** при **Олеге, Игоре и Святославе Великом** киевский князь был **суверенным и полноправным правителем Древней Руси**, поскольку он обладал всеми верховными политическими, юридическими и социальными правами, даже несмотря на то, что вплоть до **середины X в.** сохранялась автономия многих племенных княжений. Это выражалось, в частности, в том, что налицо были все первичные признаки государства, а именно наличие: **1) публичной власти**, которую олицетворяли сам Великий киевский князь и все члены великокняжеской династии; **2) единой податной (налоговой) системы**, которая выражалась в форме **полюдья-кормления** всех князей и членов княжеской дружины, собиравшегося с каждого **«дыма»**, т.е. хозяйства малой славянской семьи; **3) фиксированных юридических норм**, закрепленных в **«Законе Русском»**,

который представлял собой кодекс норм обычного права; **4) постоянного войска**, состоявшего из великокняжеской дружины, дружин всех вассальных князей и племенных ополчений.

При этом надо подчеркнуть, что в вассальной зависимости от Великого князя находились все члены великокняжеской династии, все племенные князья и высшая служилая знать, т.е. члены княжеской дружины. Кроме того, внутри самой великокняжеской династии сохранялась жесткая иерархия всех представителей «**Рюрикова дома**», и вплоть до **середины X в.** верховная власть переходила по прямой линии от отца к сыну.

После знаменитых реформ княгини **Ольги**, в ходе которых был ликвидированы основные племенные княжения и проведена административно-податная реформа, на смену потестарному государству приходит полноценная **раннефеодальная монархия**, которая, несмотря на ряд политических кризисов, связанных с княжескими междоусобицами **последней четверти X в. — первой четверти XI в.**, сохранила и приумножила свои властные полномочия, что нашло свое зримое воплощение в первом кодексе феодального права — «**Русской Правде**» **Ярослава Мудрого** и его сыновей **Изяслава, Святослава и Всеволода**. При этом на смену **семейному** принципу наследования великокняжеского престола приходит **родовой принцип**, т.е. передача престола строго по старшинству, т.е. старшему князю из династии **Рюриковичей**.

в) Еще один выдающийся русский историк профессор **И.Я. Фроянов**, также посвятивший этой проблеме ряд фундаментальных работ, еще в советский период вернулся к идеям «**волостного строя**» и «**городовых областей**», показав активную роль городской общины в политической жизни Древней Руси. По мнению этого ученого, которое затем поддержали многие его ученики — **Ю.А. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев, А.В. Майоров и А.В. Петров**, огромную роль в политогенезе Древней Руси играли многие города-государства, возникшие на родоплеменной основе еще в эпоху «**военной демократии**» как **центры племенных княжений**. Однако существенную роль в политогенезе восточных славян сыграла и великокняжеская власть, «утвердившаяся на костях племенных князей, павших в неравной борьбе с Киевом».

В начальный период утверждения великокняжеской власти, когда сохранялись традиции родового строя, основными функциями Великого киевского князя были: **1)** организация и личное руководство всеми военными походами, в том числе обороной рубежей собственной державы; **2)** определение основных направлений внешней политики и личное участие в дипломатических сношениях с иноземными коллегами по «монаршему ремеслу»; **3)** довольно примитивные законодательные и судебные функции, которые были ограничены разработкой отдельных юридических казусов, дополнявших нормы обычного права, и отправление «княжого суда»; **4)** взимание дани с покоренных славянских и иных племен, вошедших в состав «**Державы Рюриковичей**».

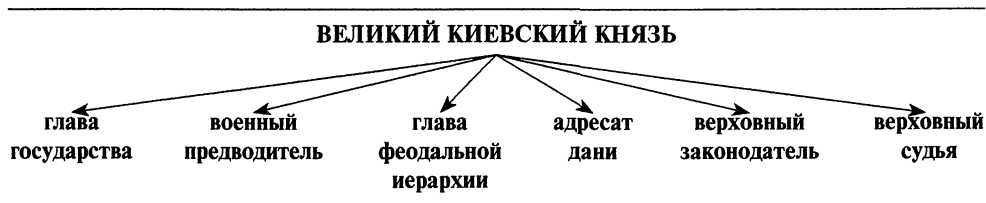
Затем, в условиях полного разложения родового строя, в **конце X — начале XII вв.** функции великокняжеской власти претерпевают существенные изменения, и на первый план выходит законодательная и судебная деятельность великих князей. Именно в этот период: **1)** «**Княжий двор**» становится привычным местом суда, а судебное разбирательство фактически превратилось в повседневное занятие князя и его судебных агентов и **2)** Великие князья выступают в роли верховных

законодателей, инициировав принятие целого свода норм публичного права — «Русской Правды» Ярослава Мудрого, «Правды Ярославичей», «Устава Владимира Мономаха» и Церковных княжеских уставов.

Однако, по мнению профессора **И.Я. Фроянова**, несмотря на столь значительный круг своих полномочий, Великий киевский князь так и не стал подлинным государем в Древней Руси, поскольку вынужден был делить свою власть с **волостными вече**, которые управляли отдельными городами и их округами. Именно с ними он и другие князья «**Рюрикова дома**» заключали специальный ряд-договор, нарушение которого вело к изгнанию любого князя, как в самом **Киеве**, так и в других городах Древней Руси. Более того, начиная с **XI в.** именно вече становится верховным демократическим органом власти, который ведал вопросами войны и мира, установления налогов и сборов, распорядителя государственных финансов и земельных фондов, призвания и изгнания князей, и т.д.

Позднее, в своей монографии «**Города-государства Древней Руси**» (1988) **И.Я. Фроянов** и его ученик и соавтор **А.Ю. Дворниченко**, предавший затем своего учителя в угоду «университетским либералам», выступили с новой концепцией, в которой заявили, что: **1)** единой Древнерусской державы никогда не существовало; **2)** Древняя Русь представляла собой довольно аморфную федерацию городов-государств полисного типа, где верховная власть принадлежала только волостным вече. Именно на этих вече выбирались и сам князь, и все должностные лица волостного (город с округой) управления — **десятские, сотские и тысяцкие**.

Вместе с тем, большинство современных историков полагают, что в период наибольшей концентрации власти в руках Великого киевского князя, который пришелся на **XI — начало XII вв.**, его функции выглядели следующим образом:

По мнению большинства русских и ряда нынешних историков (**С. Соловьев, В. Ключевский, Б. Рыбаков, М. Свердлов, В. Кожинов**), изначально в Киевской Руси существовал **родовой** или «**лествичный**» порядок наследования великокняжеского престола, когда власть переходила строго по старшинству одному из князей «**Рюрикова дома**». Однако многие советские и современные историки (**С. Юшков, А. Кузьмин, П. Толочко, И. Фроянов**) не соглашались с этим утверждением и вполне справедливо указывали на то обстоятельство, что передача власти старшему князю из **династии Рюриковичей** была скорее исключением, чем правилом. Именно это обстоятельство и стало одной из главных причин бесконечных княжеских междоусобиц, сотрясавших всю Древнюю Русь на протяжении всего периода ее существования. Вместе с тем, ряд современных авторов (**А. Назаренко, В. Петрухин**), полагали, что первые русские князья управляли своим государством коллективно на основе «**родового сюзеренитета**», и в этом смысле власть Великого киевского князя мало чем отличалась от власти других русских князей.

б) Княжеская дружина, ее состав и полномочия

Вопрос о происхождении, социальном и этническом составе и основных функциях княжеской дружины до сих пор вызывает самые горячие споры. Поэтому неслучайно эта проблема вновь стала предметом целого ряда специальных монографических исследований, которые принадлежат перу **М.Б. Свердлова, А.А. Горского, И.Н. Данилевского, П.С. Стефановича** и других современных историков.

Сам термин «**княжеская дружина**» традиционно употреблялся для обозначения небольшой, но очень влиятельной социальной группы наиболее близких «**княжских людей**», которые лично служили Великому киевскому князю и другим удельным князьям и были их опорой во всех их делах и начинаниях. При этом, как отмечают многие историки (**С. Соловьев, В. Ключевский, И. Беляев, Е. Пресняков, А. Горский**), изначально княжеская дружина набиралась и строилась не по родовому принципу, а по **принципу личной преданности князю**, поэтому она находилась вне традиционной общинной структуры и была оторвана от нее и социально, поскольку дружинники не являлись членами отдельных общин, и территориально, в силу их обособленного проживания. Вместе с тем, княжеско-дружинные отношения явились продолжением социальных отношений, существовавших в эпоху «военной демократии». Древнерусская дружина была своеобразной **военной общиной** или **корпорацией**, где князь был «первым среди равных», что нашло свое внешнее отражение и в дружинных «братчинах» (пирах), и в уравнительном порядке раздела военной добычи, доходов от внешней торговли и дани («полюдь»), являвшихся основными источниками доходов дружины на ранних этапах ее существования. Кроме того, вероятнее всего, часть княжеских дружинников обладала **правом «отъезда»** от своего «сюзерена» к другим князьям.

Время возникновения княжеской дружины историки определяли по-разному. Одни авторы (**А. Горский, И. Данилевский**) полагали, что выделение княжеской дружины происходит на этапе разрушения родоплеменной структуры, который охватил весь славянский этнос в **V–VI вв.** Другие авторы (**Б. Греков, В. Мавродин, М. Свердлов**) утверждали, что этот социальный институт возник в эпоху «военной демократии», т.е. в **VII–VIII вв.** Третья группа авторов (**С. Юшков, И. Фроянов**) связывала появление княжеской дружины только с эпохой зарождения Древнерусского государства, т.е. **серединой IX в.**

Аналогичная разногласия мнений наблюдается и при определении численного состава княжеской дружины. Так, **П.С. Стефанович** выдвинул предположение о существовании некой «**большой дружины**», численность которой составляла не менее **800–1000 дружинников**. **М.Б. Свердлов** полагал, что численность княжеской дружины составляла **500–800 профессиональных воинов**, а **А.А. Горский** и **И.Н. Данилевский** считали, что количество княжеских дружинников вряд ли превышало **200–400 ратников**. При этом практически все исследователи сходятся в том, что изначально княжеская дружина была очень **пестрым этносоциальным образованием**, в состав которой входили и разные этносы (русы, варяги, славяне, печенеги), и разные социальные группы, в том числе племенная знать.

Такое же единодушие наблюдается и в том, что княжеская дружина носила **иерархический характер**, однако саму эту иерархию каждый исследователь представлял по-своему. Одни авторы (**С. Соловьев, И. Забелин, С. Платонов, М. Свердлов, И. Данилевский**) считали, что в ее составе были «**старшая**», «**средняя**» и «**младшая**»

дружины. Другие авторы (**В. Сергеевич, В. Мавродин**) полагали, что она делилась на «старшую» и «младшую» дружины и посоху (народное ополчение), входившую в состав княжеской дружины только в период крупных военных походов. Наконец, третья группа авторов (**И. Беляев С. Юшков, А. Горский**) справедливо утверждала, что в составе княжеской дружины была только «старшая» и «младшая» дружины.

Внутренний состав этих составных частей княжеской дружины также остается предметом острых научных споров, но большинство современных авторов полагают, что:

1) **Старшая дружина**, членов которой в исторических источниках именуют **княжие мужи, бояре** или **гриди**, не только участвовала во всех военных походах и дипломатических сношениях с иностранными державами, но и принимала самое активное участие как в управлении княжеским домениальным хозяйством в качестве **тиунов** и **огнищан**, так и в управлении самим государством в качестве **посадников** (в городах) и **волостелей** (в сельской местности). Именно из членов этой дружины затем формировался высший слой древнерусской знати, часть которой, наряду с высшим епископатом и «старцами градскими», входила в состав **Боярской Думы**, существование которой профессор **В.О. Ключевский**, автор знаменитой монографии «**Боярская Дума Древней Руси**» (1881), относил еще к концу X в. Причем, как установил современный историк **П.С. Стефанович**, в состав **Боярской Думы** входило не более 20–30 представителей самых знатных боярских родов.

2) **Младшая дружина**, членов которой в письменных источниках именуют **детскими, отроками** или **пасынками**, представляла собой личную гвардию князя, которая участвовала с ним во всех военных походах, а также выполняла отдельные поручения князя как по управлению его домениальным хозяйством, так и самим государством в качестве стражей общественного порядка, **мечников** (судебных исполнителей), **вирников** (сборщиков штрафов) и т.д. Как правило, члены младшей дружины были неразлучны с князем и жили на его дворе или рядом с ним.

С середины XI в. начинается процесс разложения княжеской дружины как чисто военной и мобильной корпорации, и происходит становление **боярского вотчинного** и **феодалного землевладения**. Процесс этот, вероятнее всего, шел двумя основными путями: 1) либо через пожалование государственной земли в частное неотчуждаемое владение — **аллод** или **вотчину**, владельцами которых, как правило, являлись члены старшей княжеской дружины, в частности бояре; 2) либо через пожалование земли из княжеского домена в частное, но отчуждаемое владение — **лен** или **феод**, владельцами которых, по всей видимости, являлись члены младшей княжеской дружины, которых в источниках именовали **милостниками**.

При этом с конца XII в. «младшая» дружина постепенно поглощается **княжеским двором** и в исторических источниках впервые появляется термин «**дворяне**». Процесс становления боярского вотчинного землевладения в основном завершился тоже в конце XII в., и с этого момента многие дружинники превратились в **поземельных вассалов** Великого киевского князя и других великих (удельных) князей. Тогда же на Руси возникает и «**сеньориальный режим**», когда вместе с землей ее владелец получал административно-полицейскую власть и фискальные права в отношении зависимого от него населения.

В целом Древнерусское государство, начиная с XI в., т.е. в период его расцвета, можно охарактеризовать как **раннефеодальную монархию**, управление которым осуществлялось следующим образом:

**в) Зависимое население Древней Руси:
смерды, челядь, рядовичи, закупы, изгои**

О различных категориях зависимого населения Древней Руси в основном судят по тем же двум редакциям «Русской Правды», которые относятся к этой эпохе. Но поскольку этого источника явно не достаточно, то в исторической науке до сих пор существуют разные оценки социального статуса смердов, закупов, рядовичей и других категорий зависимого населения Киевской Руси. Не вдаваясь подробно в данную дискуссию и аргументацию сторон, мы предложим наиболее распространенные оценки этих категорий зависимого населения, которые до сих пор существуют в исторической и юридической литературе.

1) Смерды. Эта категория зависимого населения Киевской Руси вызывает самые горячие споры у историков. Так, академик **Б.Д. Греков**, автор фундаментального труда «**Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века**» (1952), и его сторонники (**С. Бахрушин**, **И. Смирнов**, **В. Мавродин**) делили всех смердов на две группы: **смердов-общинников**, независимых от частных владельцев и плативших дань только государству, и **смердов-страдников**, которые были поземельно зависимы от феодалов и несли в их пользу феодальные повинности в виде барщины и оброка. Профессор **И.Я. Фроянов** утверждал, что смерды делились на «**внутренних**», т.е. пленных, посаженных на землю феодала, и «**внешних**», т.е. покоренные племена, плативших дань Великому князю, которая представляла собой не форму обычной феодальной ренты, а только военную контрибуцию. Профессор **А.Г. Кузьмин** не разделял это мнение своего коллеги и полагал, что смердами называли все свободное население славянских сельских общин. Академики **Л.В. Черепнин** и **Б.А. Рыбаков**, развивая идеи **В.О. Ключевского**, считали смердов государственными (княжескими) крестьянами, которые находились в феодальной зависимости от государства и несли в его пользу феодальные повинности в форме дани. Профессор **С.В. Юшков** полагал, что статус древнерусского смерда был сродни правовому статусу средневекового крепостного крестьянина, не только платившего феодальную ренту, но и потерявшего личную свободу, и т.д.

2) Челядь (холопы). Практически все историки сходятся во мнении, что это была наиболее бесправная прослойка зависимого населения Древней Руси. Но дальше наблюдались довольно серьезные разногласия по этой проблеме. Так, академик **Б.Д. Греков** и его сторонники (**М. Тихомиров**, **И. Смирнов**, **В. Пашуто**)

делили всех холопов (челядь) на «**обельных**», т.е. полных, которые не вели самостоятельного хозяйства и являлись личной дворней феодала, и «**наймитов**», т.е. бывших свободных общинников, попавших в разряд рабов за долги. Профессор **С.В. Юшков** так же не разделял понятия «челядь» и «холопы» и считал, что в широком смысле под холопом (челядином) надо понимать всякого зависимого человека, а в узком смысле холоп являлся рабом. Профессор **А.А. Зимин**, автор известной монографии по данной проблеме, напротив, считал, что термином «челядь» обозначалось все зависимое население на Руси, а термином «холоп» только рабы. Профессор **М.Б. Свердлов** усматривал в челяди «широкий круг зависимого населения, которое было связано с господским владением», а в холопах видел людей, находящихся в «личной крепостной зависимости» от феодала. Профессор **И.Я. Фроянов** полагал, что челядью были рабы-пленники, а холопами — рабы местного происхождения и т.д.

На наш взгляд, данный спор не имеет столь принципиального значения, как может показаться на первый взгляд. Куда важнее другая проблема, — какова была роль рабства в древнерусском обществе. По мнению большинства ученых (**Б. Греков, М. Тихомиров, Л. Черепнин, А. Кузьмин, М. Свердлов**), рабство в Древней Руси существовало только в виде **домашнего (патриархального) рабства** и не играло существенной роли в общественном разделении труда. Другие историки (**А. Пьянков, В. Горемыкина**) утверждали, что уровень развития рабства у восточных славян позволяет говорить о **рабовладельческой формации** в Древней Руси. Наконец, третья группа авторов (**П. Третьяков, А. Зимин, С. Покровский, И. Фроянов**) полагает, что рабство в Древней Руси выходило за рамки простого патриархального рабства и в качестве **частновладельческого (вотчинного) рабства** играло существенную роль в боярской вотчине. Однако по признанию самих сторонников этой концепции феодальные вотчины были крошечными островками в море свободных крестьянских общин, поэтому говорить о рабовладельческой формации в Древней Руси не правомерно.

3) Рядовичи. По мнению академика **Б.Д. Грекова** зависимость рядовича от феодала носила чисто феодальный характер, поскольку через подписание специального **договора (ряда)** он вступал в зависимое положение от землевладельца и нес в его пользу феодальные повинности. Профессора **С.В. Юшков** и **И.Я. Фроянов** под рядовичами разумели мелких хозяйственных агентов феодала. Академик **Л.В. Черепнин** полагал, что рядович был рядовым княжеским холопом или смердом и т.д. Но в любом случае все авторы признавали, что сам этот термин был производным от термина «**ряд**» («договор»), который заключал рядович со своим феодалом, в пользу которого он нес определенные повинности до истечения срока данного договора.

4) Закупы. Вопрос об этой категории зависимого населения Древней Руси академик **Б.Д. Греков** считал «одним из самых беспокойных в историографии Киевской Руси». Сам **Б.Д. Греков** считал закупами бывших свободных смердов, которые через получение **денежной ссуды (купы)** попадали в зависимое положение от феодала. Профессора **С.В. Юшков, К.В. Базилевич, И.И. Смирнов** и **А.А. Зимин** полагали, что статус закупа был сродни статусу крепостного крестьянина, т.к. вместе с купой, он получал от феодала участок пахотной земли — «**отарицу**». Однако в отличие от крепостного, закуп получал от феодала не только средство

производства в виде земли, но и орудия труда в виде лошади, плуга, бороны и т.д. Профессора **Г.В. Вернадский** и **И.Я. Фроянов** утверждали, что закупы — это необельные холопы или полурабы, которые либо работали на барской запашке, либо составляли дворню феодала. Главное отличие закупа от обельных холопов состояло в том, что они вели личное хозяйство и могли со временем, отдав свой долг, вновь получить личную свободу.

5) Изгой. По поводу этой категории зависимого населения Древней Руси академик **Б.Д. Греков** писал, что она «меньше других поддается изучению», поэтому ответ на данный вопрос может быть только сферой предположений. В русской исторической науке изгоев считали либо иноземцами (**Н. Карамзин**, **Г. Эверс**), либо особой деклассированной категорией, порвавшей все связи со своей родовой или соседской общиной (**Н. Калачов**, **В. Сергеевич**, **М. Дьяконов**). В советской исторической науке этой категории пытались придать социальный оттенок. Сам академик **Б.Д. Греков** считал изгоев либо свободными горожанами, либо бывшими холопами, которые были посажены на землю феодала и превратились в крепостных. Профессора **А.Е. Пресняков** и **С.В. Юшков** делили изгоев на княжеских и церковных, которые стояли вне своей общины и жили под патронатом в княжеском домениальном или монастырском хозяйстве, где работали в разном качестве. Профессор **И.Я. Фроянов** считал, что изгой на Руси был выходцем из разных социальных слоев (купцов, духовенства, крестьянства), которые, порвав все отношения со своими общинами или корпорациями, оставались либо свободными деклассированными элементами, либо добровольно признавали патронаж церкви и феодалов.

Тема: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ ПРИ ПЕРВЫХ КНЯЗЬЯХ В СЕРЕДИНЕ IX – ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ X ВВ.

План:

1. Предварительные замечания.
2. Основные события политической истории Древней Руси.

1. Предварительные замечания

Предварить рассказ о начальной истории Древнерусского государства следует одним существенным замечанием: датировка и оценка многих исторических событий той поры до сих пор является условной, поскольку:

1) Необходимо всегда учитывать то обстоятельство, что основой наших знаний о политической истории Древней Руси являются несколько самых ранних списков трех знаменитых летописных сводов, созданных в **XIV–XV вв.**: **Лаврентьевский список «Лаврентьевской летописи» (1377)**, **Академический список «Ипатьевской летописи» (1425)** и **Комиссионный и Академический списки «Новгородской Первой летописи Младшего извода» (1441–1445)**. Именно в этих летописных сводах, отразивших

разные традиции владими́ро-суздальского, галицко-волынского и новгородского летописания, присутствует древнейшие, но не всегда совпадающие друг с другом редакции **«Повести Временных лет»**, поскольку аутентичных списков этого выдающегося памятника древнерусской письменности, созданного в **начале XII в.**, не сохранилось. Аналогичная картина наблюдается и в других летописных сводах, созданных в **XV–XVI вв.**, а так же в многочисленных зарубежных источниках, принадлежащих перу византийских, арабских и европейских авторов. Поэтому для выявления максимальной истины необходимо очень внимательно соотносить весь объем информации, содержащийся в них.

2) Немаловажным обстоятельством является и то, что все древнерусские летописцы, отражая летописные традиции разных монастырей и соборов, при написании своих нетленных трудов пользовались ранними византийскими и европейскими хрониками, которые ориентировались на разные **космические эры** (хронологию от сотворения мира до Рождества Христова), принятые в тогдашнем православном мире — антиохийскую (**5500 лет**), старовизантийскую (**5504 лет**), константинопольскую (**5508 лет**), болгарскую (**5511 лет**) и другие. При этом средневековый русский летописец, который впервые ввел хронологическую сетку в часть недатированных текстов **«Повести Временных лет»**, уже ориентировался исключительно на константинопольскую хронологию, поскольку именно тогда в **Русской Православной Церкви** окончательно восторжествовала византийская ортодоксия, а **Москва** стала главным суверенным центром мирового православия.

Этот примечательный факт, впервые подмеченный профессором **А.Г. Кузьминым** в его фундаментальных монографиях **«Русские летописи как источник по истории Древней Руси» (1969)** и **«Начальные этапы древнерусского летописания» (1977)**, вскоре был подвергнут резкой критике со стороны **Л.В. Черепнина, Я.С. Лурье, А.А. Зимина** и других советских историков, которые опираясь на известную работу профессора **Н.Г. Бережкова «Хронология русского летописания» (1963)**, утверждали, что все древнерусские летописцы изначально пользовались только константинопольской эрой от сотворения мира. Однако именно это фундаментальное открытие смогло объяснить многие нестыковки ранней хронологии в **«Повести Временных лет»**, которые странным образом не совпадали с датировкой многих событий, отраженных в известных византийских и европейских хрониках.

Кроме того, как установили многие историки (**Л. Черепнин, Н. Бережков, А. Кузьмин, С. Цыб**), русские средневековые летописцы использовали и разные **стили** (начало нового календарного года) — сентябрьский (византийский), мартовский (на полгода позже византийского) и ультрамартовский (на полгода раньше византийского). Таким образом, хронология одного и того же события в разных летописных сводах и внелетописных источниках могла отличаться друг от друга на год или даже два.

3) Следует также помнить и о том, что по справедливому замечанию ряда выдающихся ученых (**А. Шахматов, А. Кузьмин**), все древнерусские летописцы были отнюдь не беспристрастными хронистами, а яркими публицистами, рукой которых **«управляли политические страсти и мирские интересы»**. Поэтому довольно часто в угоду своему «заказчику» (князю или монастырю) они многократно переписывали реальную историю до неузнаваемости, и установить истинную подоплеку многих исторических событий не удастся до сих пор.

При этом мы категорически не можем принять позицию основателя «**скептической школы**» профессора **М.Т. Каченовского** и его современных манкуртов, что вся история Древней Руси носит исключительно баснословный характер. Конечно, все источники по истории Киевской Руси нужно подвергать очень тщательной научной критике, но критика источника не означает его полного отрицания. Однако, к сожалению, именно это антинаучное направление в историографии вновь подняло голову, свидетельством чему стала публикация баснословными тиражами псевдонаучных подделок дутых «**новохронологов**» **А.Т. Фоменко** и **Г.В. Носовского** и одного из их спонсоров — шахматиста-диссидента **Г.К. Каспарова**, которые просто противно комментировать ввиду их элементарного невежества, а возможно и психической патологии самих авторов и их заказчиков.

Кроме того, мы полностью согласны с мнением крупнейшего советского и украинского историка и археолога, академика **П.П. Толочко**, что в настоящее время, когда история стала в значительной степени уделом дилетантов, не обремененных ни историческими знаниями, ни методикой научной критики источников, ни ответственностью за сказанное, ниспровержение научных авторитетов и хрестоматийных положений в исторической науке стало их самым излюбленным занятием. Поэтому, освещая основные проблемные вопросы российской истории, мы считаем ниже своего достоинства далее не просто комментировать, но даже упоминать низкопробную стряпню нынешних представителей новомодной «**фолк-истории**» типа **А. Бушуева**, **В. Чудинова**, **А. Назаренко**, **Я. Кеслера** и многих других.

Для тех же, кто желает более подробно ознакомиться с серьезной научной критикой их омерзительной стряпни, мы адресуем к книге выдающегося русского историка профессора **А.Г. Кузьмина** «**Мародеры на дорогах истории**» (2005) и «**Сборнику русского исторического общества**» (2000), где опубликованы блестящие статьи других выдающихся русских историков и лингвистов, в частности академиков **В.Л. Янина**, **А.А. Зализняка**, **Л.В. Милова**, **Г.А. Кошеленко** и других.

2. Основные события политической истории Киевской Руси

854/856 — в разных редакциях **ПВЛ** неизвестные летописцы, называют этот год началом Руси, когда в **Киеве**, в землях полян, правили три брата **Кий**, **Щек** и **Хорив**. Затем, вероятнее всего, в стычке с варягами (русами) три брата погибли, и киевскими престол достался предводителям этих варяжских (русских) дружин **Аскольду** и **Диру**. Данный эпизод, отраженный в **ПВЛ**, до сих пор вызывает самые горячие споры у историков. В частности, не совсем понятно кем был **Кий** и его братья. Академики **Б.Д. Греков** и **Д.С. Лихачев**, как и современный историк **А.С. Королев**, отрицали историчность **Кия** и его братьев. Профессор **Ю.К. Бегунов** полагал, что **Кий**, ставший основателем **Первого Киевского государства**, правил в эпоху византийского императора **Феодосия II (401–450)**. Академик **Б.А. Рыбаков** относил время его правления к эпохе византийского императора **Юстиниана I (527–565)**, а академик **М.Н. Тихомиров** предположил, что **Кий** правил во времена византийского императора **Михаила III (842–867)**. Не оставили без внимания этот вопрос и ряд современных апостолов норманизма (**В. Петрухин**, **И. Данилевский**), которые вслед за **Н. Голбом** и **О. Прицаком** всячески пытаются отыскать в первых киевских князьях иудейско-хазарские корни. Но в любом случае фигура **Кия** и его

братьев носит чисто легендарный характер и вряд ли имеет прямое отношение к истории Киевской Руси.

Такой же легендарный характер носят и фигуры **Аскольда** и **Дира**. Одни авторы (**А. Королев**) признают их историчность, но ничего конкретного о них самих и их деяниях сказать не могут. Другие авторы (**Б. Рыбаков, М. Брайчевский, Л. Гумилев, П. Толочко**) считают их прямыми потомками **Кия**. Причем, академик **Б.А. Рыбаков** считает, что реальной исторической фигурой был только **Аскольд**, а имя его мифического брата являлось его титулом. Третья группа авторов (**В. Мавродин, Г. Лебедев, М. Свердлов**) полагают, что **Дир** правил раньше **Аскольда**. Еще одни авторы (**А. Толочко**) предположили, что совместное правление **Аскольда** и **Дира** представляло собой **диархию**, то есть совместное правление, однако, при этом один из князей был наделен сакральными функциями, а второй — нет, и т.д. Также не ясно кем были эти князья. Одни авторы (**М. Свердлов, Г. Лебедев, В. Петрухин**) считают их норманнами, другие (**Б. Рыбаков**) — славянами (полянами), а третьи (**А. Кузьмин**) — полагают, что они были представителями какой-то (возможно кельтской) ветви руров.

860/866 — поход князей **Аскольда** и **Дира** на **Константинополь**. До сих пор остается загадкой, когда состоялся этот поход (или походы) и кем были те русы, которые совершили его (или их). Одни авторы (**Г. Литаврин, А. Новосильцев, А. Сахаров, О. Творогов**), не соглашаясь с летописным свидетельством о походе дружин **Аскольда** на **Царьград** в **866 г.**, датируют его **860 г.** и считают, что за ним стояли днепровские русы. Другие авторы (**Ю. Бегунов, Д. Аникин**) больше доверяют летописному свидетельству и датируют этот поход **866 г.** и также считают, что его совершили днепровские русы. Еще одни авторы (**Б. Рыбаков, М. Брайчевский**) говорили о многократности «аскольдовых военных акций» против Византии. При этом известный украинский историк и археолог профессор **М.Ю. Брайчевский** утверждал, что во времена **Аскольда** русы совершили четыре похода на **Константинополь** — в **860 г., 863 г., 866 г. и 874 г.** Наконец, еще одна группа авторов (**А. Кузьмин, А. Королев**) полагает, что дата этого похода до сих пор остается неизвестной величиной и, возможно, в нем приняли участие азовско-черноморские, а не днепровские русы.

862 — летописное свидетельство о призвании **Рюрика, Синеуса** и **Трувора** на княжение в **Новгород (Ладогу), Белоозеро** и **Изборск** — официальная дата начала русской государственности, принятая в русской исторической науке и активно насаждаемая современными норманистами. Относительно этого события до сих пор существует огромное количество разнообразных точек зрения, которые касаются и достоверности самой этой легенды, и датировки этого события, и историчности всех трех персонажей, упомянутых в этой легенде. Что касается фигуры самого **Рюрика**, то многие авторы признают его историчность и спорят лишь о происхождении этого персонажа древнерусской истории. Одни сторонники норманнской теории (**Ф. Кузе, Б. Рыбаков, Г. Вернадский, С. Азбелев, А. Кирпичников, Е. Пчелов**) отождествляют **Рюрика** с датским конунгом **Рёриком Фрисландским**. Другие норманисты (**О. Далин, А. Куник, Б. Нерман**) ассоциируют его со шведским конунгом **Рюриком (Эриком) Уппсалским**. Наконец, большинство антинорманистов (**С. Гедеонов, А. Кузьмин, О. Рапов, В. Фомин, В. Меркулов**) полагают, что **Рюрик** был выходцем из земель балтийских славян, в частности известного племени **ободритов**, где располагался крупный поморский город **Рерик**, в котором правили их короли.

По **мекленбургским генеалогиям** у одного из ободритских королей **Вителава**, который был хорошо известен европейским хронистам как верный союзник **Карла Великого**, как раз и были три внука — **Рюрик**, **Сивар** и **Трувар**.

Относительно младших братьев **Рюрика** вопрос еще более запутанный, чем с ним самим, поэтому даже ряд норманистов (**Е. Мельникова**, **Л. Войтович**) пришли к печальному для себя заключению, что загадка **Синеуса** и **Трувора** навсегда останется неразрешенной. Тем не менее, именно в среде норманистов выдвигались разные версии происхождения этих братьев. **А. Куник**, **И.Т. Беляев** и **Г.В. Вернадский** утверждали, что эти имена были неверным переводом эпитетов самого **Рюрика** — «верный» и «победоносный». **Г. Байер** и **Б.А. Рыбаков** предполагали, что их имена представляют собой искаженный перевод шведского выражения «sine hus thru varing» — «со своим родом и верной дружиной». **Г.С. Лебедев**, **А.В. Кирпичников** и **Е.В. Пчелов** признают историчность **Синеуса** и **Трувора**, умерших значительно раньше старшего брата, но ничего конкретного о них самих и их деяниях сказать не могут. Ряд норманистов (**Д. Лихачев**, **М. Свердлов**) и антинорманистов (**А. Королев**) считали, что эти фигуры, как и мифические братья **Кия**, носили легендарный характер. Наконец, ряд антинорманистов (**А. Кузьмин**, **В. Меркулов**) довольно убедительно решили эту «загадку» посредством **мекленбургских генеалогий**, о которых говорилось выше.

867 — летописец сообщает о крещении каких-то русов Константинопольским патриархом **Фотием**. Ряд авторов (**М. Брайчевский**, **А. Сахаров**, **В. Кожинов**) предположили, что это были днепровские (киевские) русы, а их оппоненты (**Е. Голубинский**, **А. Кузьмин**, **Е. Галкина**) полагают, что, вероятнее всего, речь шла об азовско-черноморских русах. При этом ряд сторонников первой гипотезы (**М.Ю. Брайчевский**, **В.В. Кожинов**) именно этим годом датируют само крещение Киевской Руси, хотя и не отрицают факт ее повторного крещения во времена **Владимира Святого**.

879 — смерть или гибель **Рюрика** и переход власти к **Олегу**. Историчность этой фигуры никем из современных историков не оспаривается, однако дальше наблюдается сплошная импровизация. Одни авторы (**А. Королев**) считают, что вся летописная биография **Олега** носит сомнительный характер и не поддается реальной реконструкции. Другие авторы (**Г. Лебедев**, **А. Кирпичников**, **М. Свердлов**) полагают, что воевода **Олег** был шурином **Рюрика**, который и назначил брата своей жены **Ефанды** регентом их малолетнего сына **Игоря**. При этом часть сторонников этой версии (**М. Свердлов**) утверждают, что **Олег** узурпировал власть и до конца своей жизни не допускал племянника к престолу. Наконец, третья группа авторов признают за **Олегом** княжеский статус и считают, что он был либо смоленским князем (**Г. Ловмянский**), либо представителем «алано-русского» княжеского рода из Прибалтики (**А. Кузьмин**), либо варяжским конунгом (**О. Творогов**).

880–882 — поход **Олега** из **Ладого** или **Новгорода** (**Рюрикова городища**) на юг по днепровскому водному пути в **Киев**. По дороге он захватил **Смоленск** и **Любеч**, в которых оставил своих посадников. Дойдя до **Киева**, он убил тамошних князей **Аскольда** и **Дира** и захватил власть, положив начало новой княжеской династии, которая стала олицетворять собой «род русский». Это событие знаменовало собой объединение всех восточнославянских земель, лежащих по «варяжскому» торговому пути, в относительно единое государство, столицей которого стал город **Киев**, провозглашенный **Олегом** «матерью городов русских».

882—912 — правление Великого Киевского князя Олега. Как справедливо отметил крупнейший специалист по русскому летописанию профессор А.Г. Кузьмин, время правление этого киевского князя совершенно запутано в летописях, поскольку и в самой «Повести Временных лет» (ПВЛ), и в «Новгородской Первой летописи» (НПЛ) содержатся две совершенно разных версии княжения Олега, в том числе дата и место его кончины и погребения. В частности, в самой ПВЛ датой его смерти назван 912 г., а местом погребения — Киев, а в НПЛ его смерть датируется 922 г., а местом погребения названа Ладога. Академик Б.А. Рыбаков еще более категоричен в своих оценках и прямо характеризует Олега «как безвестного конунга, разбойнически овладевшего Киевом и умершего неизвестно где». Аналогичную, но менее категоричную, оценку Олегу дают и другие современные авторы, в частности М.Ю. Брайчевский и А.С. Королев.

883 — поход Олега в земли древлян, который завершился включением этого восточнославянского племенного союза в орбиту киевского влияния через уплату дани-контрибуции Великому князю. Однако, вероятнее всего, сразу после смерти Олега, этот славянский племенной союз отложился от Киева, и его пришлось вновь дважды завоевывать с оружием в руках при Игоре и Ольге.

884—885 — первая русско-хазарская война, причиной которой стал поход Олега в земли северян и радимичей, плативших дань Хазарскому каганату «по белой веверице с дыма» (зимней белки с дома). Ряд современных авторов (А. Кузьмин, Е. Галкина) предположили, что эта война с Хазарией стала своеобразным реваншем за разгром хазарами и венграми аланского Русского каганата в 830-х гг., в результате чего тамошние русы ушли в Прибалтику и поселились рядом с другими поморянами («варягами»), в том числе на прибрежных островах Балтийского (Варяжского) моря. В результате этой войны с русами Хазарский каганат потерпел первое крупное поражение от своих западных соседей, поскольку эти восточнославянские племенные союзы вошли в состав Киевской державы.

894/898 — русско-венгерская (угорская) война, которую ряд авторов (Г. Вернадский, Ю. Брайчевский, А. Сахаров) связали с тем, что этническим венграм, совершавшим в то время грандиозный переход из района Нижней Камы на юг, удалось нанести крупное поражение русам под Киевом и осадить его. Однако затем, получив большой выкуп с Олега, венгры ушли в степь, но оттесненные печенегами с причерноморских степей, вскоре перебрались на Средний Дунай и окончательно обосновались в Трансильвании и Паннонии, где вместе с валахами создали собственное государство. При этом ряд современных авторов (А. Сахаров) предположили, что между князем Владимиром и венгерским вождем Альмошей был заключен союзный договор, поскольку иначе трудно объяснить совместные действия русов и венгров против Византии на протяжении нескольких десятилетий. Однако подобная трактовка данной летописной статьи отвергается большинством историков (М. Тихомиров, А. Насонов, В. Шушарин).

907 — первый поход Олега на Константинополь (Царьград) и подписание первого русско-византийского договора. Согласно ПВЛ в результате этого подхода Великий киевский князь получил с византийских братьев-императоров Льва VI Философа и Александра большую контрибуцию и подписал с ним выгодный торговый договор об условиях пребывания русских купцов на всей территории Византии и беспоплатной торговли для них. Однако вопрос о достоверности этой статьи ПВЛ до сих

пор является предметом научных споров. Одни авторы (**Г. Барац, С. Бахрушин**) отрицают и сам факт этого похода, и заключение русско-византийского мирного договора. Другие авторы (**А. Шахматов, А. Пресняков**) не отрицают факт этого похода, но высказывают веские сомнения относительно его датировки. Третья группа авторов (**М. Брайчевский Л. Гумилев**) полагает, что древнерусский летописец неверно датировал более ранний поход **Аскольда** на **Царьград** в **860 г.** и ошибочно приписал его **Олегу**. Еще одна группа авторов (**Г. Литаврин, М. Свердлов**) считает, что в этот год действительно произошел военный поход, по итогам которого было достигнуто предварительное соглашение о мире, а сам мирный договор был подписан позже, в **911 г.** Наконец, пятая группа авторов (**Г. Левченко, В. Пашуто, А. Сахаров**) полагает, что в этот год реально состоялся крупный поход **Олега** на **Царьград**, который сразу завершился подписанием первого русско-византийского мирного договора.

911 — второй (или первый) поход Олега на Константинополь и подписание второго (или первого) русско-византийского мирного договора. По мнению одних авторов (**С. Юшков, Г. Литаврин, М. Свердлов**) в этот год был подписан только мирный договор, который закрепил условия устного соглашения, достигнутого в ходе похода **Олега** на **Царьград** в **907 г.** Другие авторы (**М. Левченко, В. Пашуто, А. Сахаров**) полагают, что в этот год был заключен новый (второй) русско-византийский договор, который развивал ряд положений прежнего договора и закреплял ряд новых положений. Более того, профессор **А.Н. Сахаров**, автор известной монографии «Дипломатия Древней Руси» (1980), утверждал, что этот договор заложил основы русско-византийского военного союза. Однако, по мнению оппонентов и тех, и других (**К. Базилевич, А. Кузьмин, С. Перевезенцев**), именно в этот год состоялся первый и единственный поход **Олега** на **Царьград**, по итогам которого был подписан первый и единственный мирный договор, поскольку летописная статья о походе **Олега** в **907 г.** стала результатом досадной ошибки древнерусского летописца, спутавшего константинопольскую и старую византийскую космические эры, разница между которыми как раз и составляла четыре года.

912–945 — правление Великого Киевского князя Игоря. Согласно **ПВЛ** **Игорь** был сыном **Рюрика**, однако, эта летописная версия, которую сейчас поддерживают лишь отдельные авторы (**М. Брайчевский, М. Свердлов**), вполне справедливо подвергается сомнению многими историками, которые давно подметили тот факт, что между «отцом» и «сыном» существует невероятный разрыв в два поколения. Следовательно, **Игорь** не мог быть сыном **Рюрика**, а древнерусские летописцы, вставившие в **ПВЛ** легенду «о призвании варягов», искусственно соединили их имена, преследуя определенную политическую цель. В этом отношении очень характерно, что еще при **Ярославе Мудром** родоначальником киевской княжеской династии считался именно **Игорь Старый**, о чем писал в своем знаменитом трактате «Слове о Законе и Благодати» тогдашний киевский митрополит **Иларион**.

В последние годы вполне обоснованную гипотезу о происхождении **Игоря** предложил профессор **А.Г. Кузьмин**, который считал, что **Игорь**, как и **Олег**, был выходцем с **Северо-Западной Прибалтики**, где по информации арабских авторов, в это время жили алано-русы, которые перебрались сюда после разгрома их Русского каганата хазарами и венграми в **830-х гг.** Видимо, к тому времени эти русы были уже славянизированы и после смерти **Рюрика** именно представители этого «рода русского» стали править в **Ладоге, Новгороде** и других русских городах.

По информации «**Богемских хроник**» вскоре после смерти **Олега** в **Киеве** разразилась усобица между его сыном **Олегом** и его племянником **Игорем**, который и одержал победу в борьбе за власть. В результате **Олег** бежал в **Моравию**, где принял христианство и вскоре стал моравским князем, начав неравную борьбу с соседними венграми за сохранение своего государства. Однако после поражения в этой войне, уже при княгине **Ольге**, он вернулся в **Киев**, где долгие годы служил княжеским воеводой и умер примерно в **962 г.**

Несколько иную интерпретацию «**Богемских хроник**» предложил известный филолог профессор **В.В. Кожинов**, который утверждал, что именно **Олег Олегович** унаследовал отцовский престол в **Киеве**, и только после его смерти в **начале 940-х гг.** великокняжеский стол перешел к **Игорю**.

913 — поход князя **Игоря** в земли древлян, итогом которого стало вторичное подчинение этого племенного союза **Киеву**, которое, вероятнее всего, отказалось платить военную контрибуцию полянам после смерти **Олега**. Видимо, тогда же киевский князь посадил «в **древлянах**» своего наместника воеводу **Свенельда**, отдав ему в «кормление» эту очень своенравную и мятежную территорию.

915 — первое упоминание в летописи о появлении на южных рубежах Древней Руси тюркского кочевого племени печенегов, с которыми князь **Игорь** заключил союзный или мирный договор сроком на пять лет.

920 — первая русско-печенежская война, исход которой не известен. Возможно, что **Игорь** потерпел поражение от печенегов, поскольку в самой **ПВЛ** отсутствуют какие-либо сведения о двух последующих десятилетиях русской истории. Почему все составители **ПВЛ** проигнорировали этот значительный период русской истории, до сих пор остается загадкой, которую еще предстоит разгадать.

941 — первый поход **Игоря** на **Византию**, который закончился поражением и гибелью всей русской военной эскадры, поскольку византийцы сожгли их военные ладьи знаменитым «греческим огнем» сначала в районе **Босфора**, а затем у побережья **Фракии**.

943/944 — второй поход **Игоря** на **Византию**, который не перерос в новую полномасштабную войну и по желанию самих византийцев закончился очередным мирным договором, который подписали императоры-соправители **Роман I Лакапин** и **Константин VII Багрянородный** с князем **Игорем** и его послами. Анализ текста договора, который сохранился и в византийских, и в русских источниках, дал основание большинству историков (**Г. Литаврин, В. Пашуто, А. Сахаров**) утверждать, что он был менее выгодным для Руси, чем предыдущий, но, тем не менее, русы вновь стали военными союзниками Византии.

945 — восстание древлян и гибель князя **Игоря**. Согласно традиционной версии, представленной в **ПВЛ**, во время повторного «полюдья», нарушавшего устоявшийся порядок сбора дани (военной контрибуции) с подвластных **Киеву** славянских земель, произошло восстание древлян, в результате которого князь **Игорь** был зверски убит, возможно, даже в ритуальных целях (**И. Фроянов**). Однако еще в начале прошлого века блестящий знаток русского летописания академик **А.А. Шахматов** высказал версию, что **Игорь** был убит не древлянами, а погиб в стычке с дружиной своего влиятельного воеводы **Свенельда**. Позднее эту интересную гипотезу **А.А. Шахматова** поддержали и другие известные историки, в частности профессор **А.Г. Кузьмин**.

945–964 — правление Великой киевской княгини Ольги. Историчность этой знаменитой киевской княгини никем из серьезных историков под сомнение не ставится. Однако место и дата ее рождения, как и ее происхождение, до сих пор являются предметом научных споров, поскольку разные летописные источники, в частности «Новгородская Первая летопись», «Типографская летопись», «Пискаревский летописец» и другие называют и разные места ее рождения, и разные версии ее происхождения. Также неизвестна и точная дата ее женитьбы на князе **Игоре**, поскольку летописная версия ее замужества — **903 г.** многими историками справедливо ставится под сомнение. Поскольку на страницах нашего курса мы не можем подробно осветить данный вопрос, то отсылаем всех желающих к двум новейшим монографиям, которые принадлежат перу двух учеников профессора **А.Г. Кузьмина — А.Ю. Карпова «Княгиня Ольга» (2009)** и **А.С. Королева «Свято-слав» (2011).**

По информации летописца после убийства ее мужа княгиня **Ольга** жестоко покарала древлян, придумав четыре изощренных мести, которые подробно описаны в **ПВЛ**: **1)** Сначала она приказала заживо закопать на своем княжом дворе посольство знатных древлян, прибывших на ладье сватать ее за своего князя **Мала**. **2)** Затем по ее приказу в бане заживо было сожжено второе посольство знатных древлян, прибывших по ее же просьбе в **Киев**. **3)** После этих событий **Ольга** с малой дружиной прибыла в земли древлян, чтобы по старинному обычаю справить тризну на могиле мужа. В ходе этого поминального застолья, опоив древлян ими же сваренным медом, она повелела изрубить их мечами, что и сотворили ее верные дружинники. **4)** Наконец, в **946 г.** большая дружина во главе с княгиней **Ольгой**, ее малолетним сыном **Святославом** и воеводами **Асмудом** и **Свенельдом** вышла в поход на древлян. По информации **НПЛ** киевская дружина победила древлян в открытом бою, который по давней традиции, несмотря на свой очень юный возраст, начал сам великий князь: «с҃н҃у копьѣмъ Святославъ на древляны и копьѣ летѣвъ сквози ѹши коневѣи и ѹдари в ноги коневѣи бе во велии дѣтескъ, и рече Свенелдъ и Асмѹдъ князь ѹже почалъ потягнемъ дружино по князи, и победиша древляны». Разгромив древлян, **Ольга** прошла по их земле, установила там дани и оброки, а затем вернулась в **Киев**. Позднее неизвестный летописец сделал вставку об осаде киевлянами их столицы города **Искоростень**, который после трехмесячной безуспешной осады **Ольга** сожгла с помощью взятых у древлян в качестве дани птиц, к ногам которых велела привязать зажженную паклю с серой.

В исторической науке до сих пор существует довольно устойчивое представление, что сразу после расправы над древлянами, в **946/947 г.**, **Ольга** была вынуждена регламентировать сбор дани с подвластных территорий и провести **первую административно-налоговую реформу**, в ходе которой: **1)** были установлены конкретные «уроки» (сроки) и «погосты» (места) сбора дани и **2)** назначены **княжеские тиуны**, осуществлявшие контроль за четким исполнением княжеской воли. Более того, известный современный историк профессор **М.Б. Свердлов** связывает с именем княгини **Ольги** целый комплекс государственных реформ, в том числе создание княжеского доменального хозяйства, которые знаменовали собой возникновение политически единого Древнерусского государства. Однако ряд современных авторов (**А. Королев**) полагают, что подобная трактовка известных летописных статей основана на недоразумении и ошибочном прочтении летописного текста.

Еще одним спорным вопросом, связанным с правлением княгини **Ольги**, является ее политический статус. Традиционная точка зрения, представленная в работах **С.В. Юшкова**, **Б.А. Рыбакова**, **В.В. Мавродина**, **П.П. Толочко**, **А.Н. Сахарова** и других историков, состоит в том, что **Ольга** была регентшей при малолетнем сыне и либо передала ему престол после достижения им совершеннолетия, либо была вынуждена уступить престол в результате победы «языческой партии», возглавляемой **Святославом**. Однако ряд современных авторов (**А. Королев**) полагают, что **Ольга** и **Святослав** были равноправными соправителями **Киевской Руси**, представляя в своем лице две крупные и равноправные киевские общины — христиан и язычников. Более того, известный украинский историк профессор **М.Ю. Брайчевский** вообще отрицал, что **Ольга** разделила свою власть с сыном, и утверждал, что вплоть до своей кончины именно она держала в собственных руках все нити государственного управления страной. Наконец, оригинальную гипотезу по данному вопросу предложил профессор **И.Я. Фроянов**, который отрицал регентский статус **Ольги** и считал, что реальным правителем Древней Руси до возмужания **Святослава** был его воспитатель воевода **Свенельд**, которого он называет «самой внушительной политической фигурой в княжеско-боярской верхушке» того времени.

Несомненно, знаковым событием правления княгини **Ольги** стала ее поездка в **Константинополь** к императору **Константину VII Багрянородному (945–969)**, где она, возможно, приняла христианство по византийскому образцу и в крещении получила имя **Елена**. Однако вопрос о датировке, количестве, обстоятельствах и целях ее визита в столицу Византии до сих пор остается предметом давней научной дискуссии. О содержании самой этой дискуссии более подробно можно познакомиться на страницах многих научных исследований, в частности фундаментальных работ **А.Н. Сахарова «Дипломатия Древней Руси» (1980)**, **О.М. Рапова «Русская церковь в IX – первой трети XII в.: принятие христианства» (1988)**, **Я.Н. Шапова «Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв.» (1989)**, **И.Я. Фроянова «Загадка крещения Руси» (2007)** и **А.Г. Кузьмина «Крещение Киевской Руси» (2012)**.

964–972 — правление Великого киевского князя Святослава. То, что родителями этого, одного из самых знаменитых, персонажей древнерусской истории были князь **Игорь** и княгиня **Ольга** признается всеми серьезными историками. Однако летописную дату его рождения, указанную только в **Ипатьевской летописи**, — **942 г.** ряд современных авторов (**Ю. Брайчевский**, **А. Королев**) ставят под сомнение и утверждают, что он родился значительно раньше упомянутой даты и к моменту гибели отца был уже отроком. При этом первый русский историк **В.Н. Татищев**, ссылаясь на утерянный «**Ростовский летописец**», называл датой его рождения **920 г.**, что отвергается большинством современных авторов. Что касается восшествия **Святослава** на великокняжеский престол, то вряд ли можно согласиться с теми учеными (**В. Татищев**, **Ф. Гиляров**, **Л. Гумилев**), которые связали это событие с победой «языческой партии» в **Киеве**, совершившей государственный переворот и отстранившей его мать от власти. Более того, как справедливо отметили многие историки (**В. Пашуто**, **В. Каргалов**, **А. Сахаров**, **А. Королев**), не возможно даже представить, что отстранив насильственным путем свою мать и «христианскую партию» от власти в **Киеве**, **Святослав** тут же отправился в далекий поход и практически весь остаток своей жизни провел за пределами Руси. Вероятно, правы те историки (**А. Кузьмин**, **Ю. Брайчевский**, **А. Карпов**), которые считают, что после провала миссии германско-

го епископа **Адалберта**, приглашенного самой **Ольгой** в **Киев** в **962 г.**, в столице Руси действительно произошел резкий всплеск языческой реакции и начались гонения на христиан. Однако **Ольга**, потеряв прежнее всевластие, все же не была отстранена от власти в **Киеве**, а формально поделила ее со своим сыном: мать-княгиня занялась привычным обустройством внутренних государственных дел, а главным интересом ее возмужавшего сына стали только внешняя политика и война.

964–966 — Восточный поход Святослава. Относительно этого похода в исторической науке (**В. Бартольд, М. Артамонов, С. Плетнева, В. Пашуто, А. Сахаров, А. Новосельцев**) существует огромное количество разнообразных точек зрения, которые касаются и датировки этого похода, и его участников, и его целей, и его итогов. Например, если два похода **Святослава** в земли вятичей, которые состоялись в **964–966 гг.**, никто из серьезных историков не ставит под сомнение, то относительно похода **Святослава** в Волжскую Болгарию и ее разгрома в **965 г.** мнения историков резко разошлись. Одни авторы (**А. Якубовский, М. Артамонов, А. Сахаров, С. Плетнева**) утверждают, что поход русских дружин в Волжскую Болгарию был реальностью, поскольку **Булгар** был вассалом и военным союзником Хазарии. Однако их оппоненты (**В. Бартольд, А. Новосельцев, Т. Калинина**) считают, что этот поход возник в воображении историков в результате неверной трактовки арабских источников, которые спутали поход **Святослава** против Дунайской Болгарии с походом в земли Волжской Болгарии.

Что касается войны **Святослава** с Хазарией, то все историки признают ее историчность, но спорят относительно количества походов и итогов этой военной кампании. Одни авторы (**А. Якубовский, А. Сахаров, А. Гадлю**) считали, что Хазарский каганат был разбит и уничтожен в ходе единственного похода **Святослава**, который состоялся в **965 г.**, когда русы захватили и уничтожили столицу хазар город **Итиль** и их форпост на **Дону** город **Саркел**. Другие авторы (**Т. Калинина, А. Новосельцев**) полагают, что была два похода в Хазарию. Первый поход действительно состоялся в **965 г.**, когда дружина князя **Святослава** razорила хазарский **Саркел**, переименованный им в **Белую Вежу**, и укрепилась в **Подонье** и на **Кубани**, в землях Азовско-Черноморской Руси, столицей которой был город **Тмутаракань**. А второй поход состоялся в **968/969 г.**, когда **Святослав** razорил на территории **Северного Дагестана** старую столицу хазар город **Самандр** и новую их столицу город **Итиль**. Что касается общих итогов русско-хазарской войны, то большинство историков (**А. Якубовский, Б. Рыбаков, М. Артамонов, С. Плетнева, А. Сахаров**) утверждают, что Хазарское государство исчезло с политической карты Восточной Европы именно в **960-гг.**, а его земли поделили между собой Киевская Русь и Волжская Болгария. Однако их оппоненты (**А. Яковсон, В. Пашуто, А. Новосельцев**) полагают, что окончательно **Хазарский каганат** сошел с исторической арены только в **1020–1050-х гг.**, хотя, конечно, его могущество было подорвано именно в **960-х гг.** При этом сам профессор **А. Новосельцев** признавался, что достоверные данные о существовании Хазарского каганата в исторических источниках отсутствуют уже с **начала 990-х гг.**

В советской исторической науке разгром **Святославом** Хазарского каганата, который не без оснований считали **паразитарным государством**, называли крупной внешнеполитической победой Древней Руси. Однако в последнее время ряд современных историков-медиевистов (**С. Думин, А. Турилов**), увлекшись новомодной «альтернативной историей», заявили, что Хазарский каганат выполнял очень

важную и даже благородную миссию охраны восточных рубежей всего славянского мира от воинственных кочевых племен, обитавших на бескрайних просторах Азии. Именно за исполнение этой буферной роли хазары и брали с соседних славянских племен небольшую и вполне законную дань.

967/968 — Первый Дунайский поход Святослава против Дунайской Болгарии. По мнению большинства историков (**М. Тихомиров, М. Левченко, В. Пашуто, А. Сахаров, А. Королев**), этот грандиозный поход стал результатом русско-византийского военного союза, который был неожиданно быстро заключен между посланником византийского императора **Калокиром** и **Святославом** в **967 г.** При этом каждая из союзных держав преследовала сугубо корыстные цели и интересы. В частности, византийцы желали с помощью киевского князя решить двуединую задачу: **1) разгромить Болгарское царство**, т.е. своего главного противника на Балканах, и **2) подорвать военный потенциал Древней Руси**, которая в результате разгрома Хазарского каганата укрепилась в **Азовско-Черноморском регионе** и стала реально угрожать их владениям в **Крыму**. Сам же **Святослав**, вероятнее всего, не собирался завоевывать всю Болгарию, а рассчитывал закрепиться в стратегически важной болгарской провинции **Добруджи**, расположенной в дельте **Дуная**, и существенно расширить территорию своей державы, взяв под контроль всю территорию **Северного Причерноморья**. Хотя, ряд современных авторов (**В. Петрухин**) говорят о том, что **Святослав** вынашивал грандиозные планы создания огромной **Дунайской империи**, способной на равных конкурировать с Византией.

Заключив договор с византийцами, **Святослав** вышел в поход, который состоялся либо **летом 967 г.** (**М. Левченко, А. Сахаров**), либо **весной 968 г.** (**М. Тихомиров, Н. Благов**). Довольно быстро разгромив болгар, он захватил богатый город **Переяславец** и укрепился в дельте **Дуная**, что, естественно, не входило в планы византийцев. Поэтому, как утверждают ряд историков (**М. Левченко, А. Сахаров**), византийский император **Никифор Фока (963—969)** резко изменил свой внешнеполитический курс и уже **летом 968 г.** заключил с болгарским царем **Петром I (927—969)** мирный договор. Одновременно по наущению либо византийцев (**В. Пашуто**), либо болгар (**Н. Державин**), а возможно даже хазар (**Т. Калинина**), печенежская орда хана **Кури** совершила опустошительный набег на южные рубежи Руси и осадила **Киев**. В этой ситуации **Святослав**, оставив в **Переяславце** пешую дружину во главе с воеводой **Волком Хвостом**, со своей конной дружиной срочно двинулся обратно на Русь для спасения собственной столицы.

Летописные свидетельства об этом событии носят довольно противоречивый характер, поэтому в исторической литературе до сих пор дискутируется вопрос о том, кто на самом деле спас **Киев** от печенежской угрозы — либо сам **Святослав**, успевший вернуться на Русь, либо киевский воевода **Пештич**, опередивший своего князя и отогнавший печенегов от **Киева**. Возможно, что после этих событий, **Святослав** и совершил свой второй поход на Хазарию, о котором писали **А.П. Новосельцев, Т.М. Калинина** и другие авторы. Хотя, ряд современных историков (**А. Карпов**) полагают, что этот поход совершил не **Святослав**, а причерноморские или какие-то другие русы.

После разгрома печенегов **Святослав** намеревался вновь вернуться в Болгарию, заявив своей матери и ближним боярам «не любо ми єсть в Києве быти, хочю жити с Переславци в Дунан — то єсть середа в земли моєн». Однако по просьбе

престарелой княгини **Ольги** он остался в **Киеве** и только после ее похорон, прошедших по христианскому обряду, в **июле 969 г.** **Святослав** вновь отправился на **Дунай**. Но перед очередным отъездом в Болгарию он поделил территорию своей державы между тремя сыновьями: старшему **Ярополку** достался **Киев**, среднему **Олегу — Овруч**, а младшему **Владимиру — Новгород**.

969–971 — Второй Дунайский поход Святослава. Изначально этот поход не был направлен против болгар, поскольку, по мнению историков (**М. Левченко, А. Сахаров, А. Королев**), перед своим отъездом в **Киев** **Святослав** заключил союзный договор с царем **Петром I**. Но к моменту его возвращения на **Дунай**, болгары, вступившие в военный союз с византийцами, овладели **Переяславцем**, и **Святослав** вынужден был вновь воевать с ними. Быстро разгромив болгарское войско, киевский князь двинулся вглубь Болгарии, где тем временем престарелый царь **Петр I** постригся в монахи и передал престол своему старшему сыну **Борису II (969–977)**, находившемуся в заложниках у византийцев, которого они срочно отправили восвояси. Однако это не спасло болгар от поражения и вскоре войско **Святослава** овладело **Преславом**, где был подписан новый союзный договор с новым болгарским царем. Столь катастрофическое развитие событий стало причиной очередного дворцового переворота в самом **Константинополе**, где племянник **Никифора Фоки** знаменитый полководец **Иоанн Цимисхия**, вступив в заговор с его женой и своей любовницей **Феофано**, лично прикончил родного дядю и занял императорский престол.

Тем временем **Святослав** вступил на территорию **Фракии**, захватил **Филипполь** и **Аркадиополь** и начал боевые действия в **Македонии**. Новый византийский император **Иоанн Цимисхия (969–976)**, оценив реальную угрозу, исходившую от **Святослава** и его закаленной в боях дружины, начал мирные переговоры с ним. Однако **весной 971 г.**, собрав значительные силы, византийский император вероломно нарушил перемирие и возобновил боевые действия против **Святослава**. Вначале они шли с переменным успехом, но затем самому **Иоанну Цимисхия** удалось овладеть **Преславом** и выбить **Святослава** из **Фракии**, а затем византийский полководец **Варда Склир** осадил **Святослава** и его дружину в городе **Доростол** на **Дунае**, где после многомесячного противостояния была принята почетная капитуляция русичей и заключен новый мирный договор. Согласно этому договору, подписанному лично **Иоанном Цимисхия** и **Святославом**, киевский князь с остатками своей дружины отпускался домой и брал на себя обязательства впредь не ходить походами на **Дунай**, а в отношениях между двумя странами восстанавливался status quo, который был закреплён в русско-византийских договорах **911 г.** и **944 г.** Тогда же была достигнута договоренность, что византийцы договорятся с печенежским ханом **Курей** о пропуске **Святослава** и его дружины через степь. Однако дальнейшее развитие событий пошло по иному сценарию.

Печенеги преградили **Святославу** путь через днепровские пороги, и он был вынужден зазимовать на днепровском лимане в районе **Белобережья**. **А весной 972 г.** при попытке прорваться через печенежские заставы на днепровских порогах, **Святослав** либо погиб на поле брани, либо был взят в плен и затем убит по приказу хана **Кури**. В **Киев** удалось прорваться только небольшой части русской дружины во главе с воеводой **Свенельдом**, который, бросив своего сюзерена на произвол судьбы, обошел днепровские пороги верхом на конях. В историографии давно дискутируется вопрос, кто подговорил печенегов расправиться с киевским князем

и его дружиной. Традиционная версия, которую до сих пор разделяют многие историки (А. Сахаров, П. Толочко), состоит в том, что это были коварные византийцы. Однако существуют и другие версии на этот счет. В частности, ряд современных авторов (И. Фроянов, Л. Гумилев, А. Королев) полагают, что гибель Святослава была на совести его старшего сына Ярополка и старца-воеводы Свенельда, которые, выражая политические, а возможно и религиозные интересы киевской верхушки и христианской общины, решили окончательно избавиться от язычника Святослава, который де-факто стал князем-изгоем в собственной стране.

В исторической науке до сих пор существуют диаметрально противоположные оценки личности и деяний князя Святослава. Одни историки (М. Приселков, С. Бахрушин, С. Юшков) считали его авантюристом и игрушкой в руках коварных византийских политиков и дипломатов. А другие (Б. Греков, М. Тихомиров, Б. Рыбаков, А. Сахаров, А. Карпов) утверждают, что он был крупным государственным деятелем и выдающимся полководцем, который верно оценивал суровые вызовы своего жестокого века и как мог, противостоял им.

Тема: ДРЕВНЯЯ РУСЬ ПРИ ВЛАДИМИРЕ СВЯТОМ И ЯРОСЛАВЕ МУДРОМ В КОНЦЕ X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI ВВ.

План:

1. Первая междоусобица и начало правления князя Владимира (977–980).
2. Языческая реформа Владимира и причины ее провала.
3. Проблема Крещения Руси.
 - а) Проблема датировки Крещения Руси.
 - б) Проблема внутреннего содержания Крещения Руси.
4. Второй период правления князя Владимира (989–1015).
5. Вторая междоусобица и начало правления Ярослава Мудрого (1015–1019).
6. Правление Ярослава Мудрого (1019–1054).
7. «Русская Правда» Ярослава Мудрого.

1. Первая княжеская междоусобица и начало правления князя Владимира (977–980)

972–978 — правление Великого киевского князя Ярополка. Дата рождения этого князя, как и имя его матери, историкам неизвестны, поскольку впервые имя Ярополка упомянуто в ПВЛ только в 968 г., в связи с набегом печенегов на Киев, когда его бабка княгиня Ольга укрылась в городе с тремя своими внуками, одним из которых и был Ярополк. Второй раз имя этого князя упоминается в летописной статье, датированной 970 г., когда его отец князь Святослав накануне очередного отъезда на Дунай разделил территорию своего государства на три удела и передал старшему сыну Ярополку управление Киевом.

После гибели князя **Святослава** на территории Киевской Руси, по сути, возникло три независимых княжения в землях полян, древлян и ильменских славян, во главе которых встали его сыновья **Ярополк**, **Олег** и **Владимир**. При этом Великим киевским князем стал старший из братьев **Ярополк**, однако, вероятнее всего, его реальная политическая власть не распространялась на владения младших братьев, а ограничивалась только территорией самой «**Русской земли**». При этом ряд современных авторов (**А. Кузьмин**, **И. Фроянов**) полагают, что власть **Ярополка** во многом носила чисто номинальный характер, поскольку реальным хозяином положения в **Киеве** был влиятельный воевода **Свенельд**, который и спровоцировал военный конфликт между **Ярополком** и его младшим братом **Олегом**, правившим в древлянской земле.

977–980 — междоусобица Ярополка, Олега и Владимира. Летописная традиция связывает начало этой междоусобицы с событиями **975 г.**, когда древлянский князь **Олег** убил в своих владениях одного из сыновей очень влиятельного воеводы **Свенельда Люта**, который, грубо нарушив неписанный закон, охотился там. В результате **Свенельд** решил отомстить **Олегу** за гибель старшего сына и подговорил **Ярополка** пойти походом на родного брата и такого же благоверного христианина, как был и он сам. Летом **977 г.** недалеко от **Овруча** состоялась битва двух княжеских дружин, в ходе которой юный древлянский князь совершенно нелепо погиб во время бегства его дружины с поля брани. По свидетельству летописца, **Олег** то ли упал с узкого моста в ров с кольями у стен своего стольного града **Овруча**, то ли был раздавлен на самом мосту копытами коней своих дружинников, в беспорядке отступавших под защиту крепостных стен.

Новгородский князь **Владимир**, узнав о произошедшей трагедии, испугался и бежал из **Новгорода** в **Южную Прибалтику**, который вскоре заняли посадники **Ярополка**. Однако уже в **978 г.** **Владимир** с наемной варяжской дружиной вернул себе новгородский стол и пошел войной на старшего брата. Сначала **Владимир** захватил перешедший на сторону **Киева Полоцк**, перебив семью тамошнего князя **Рогволода**, а затем с большим войском осадил **Киев**, где в «тяжкой истоме» заперся **Ярополк**. По версии летописца, воевода **Ярополка Блуд**, подкупленный **Владимиром**, убедил своего патрона бежать в маленький городок **Родень** под защиту союзных печенегов, запугав его возможным мятежом киевлян. Именно здесь в **Родне**, на границе с печенежской степью, **Владимир** заманил **Ярополка** на переговоры, где по его приказу два наемника-варяга подняли его «**мечьми под пазуси, и тако үвниеньъ бысть Ярополкъ**». Расправившись с киевским князем, **Владимир** взял его беременную жену в наложницы, и торжественно въехал в **Киев**. По летописному свидетельству **Владимир** вокняжился в **Киеве** в **980 г.**, однако, согласно более раннему источнику «**Памяти и похвале князю Владимиру**» **Иакова Мниха**, это событие произошло в **978 г.** В исторической науке предпочтение отдается именно этой дате, однако, в учебной литературе, как правило, указывается первая дата.

980–1015 — правление Великого киевского князя Владимира. Точная дата его рождения неизвестна, но, вероятнее всего, к моменту его вступления на престол юному князю было около двадцати лет, поэтому многие историки полагают, что родился он примерно в **960 г.** от милостницы (рабыни) княгини **Ольги** ключницы **Малуши** родом из **Любеча**. Вокняжившись в **Киеве**, **Владимир** довольно быстро восстановил политическое единство Древней Руси и приступил к расширению

границ своего государства. В 981–983 гг. он провел удачную пограничную войну с польским королем Мешко I (960–992), в результате которой в состав Руси вошли «Червенские земли» волынян и белых хорватов, а также пограничные земли «Черной Руси», заселенные ятвягами. Одновременно Владимир совершил удачный поход против печенегов, после чего начал строительство грандиозной оборонительной линии на южных рубежах Руси по рекам Стугне, Суле, Трубежу и Десне, поставив здесь несколько порубежных городов-крепостей. Наконец, в 984–985 гг. Владимир совершил удачные походы в земли вятичей, радимичей и соседней Волжской Болгарии, в результате которых их племенные княжения окончательно вошли в состав Киевской державы, а Волжская Болгария, потерпев поражение от русов, подписала выгодный для Киева торговый договор.

2. Языческая реформа Владимира и причины ее провала

Будучи незаурядным государственным деятелем, Владимир практически сразу стал искать не только силовые, но и иные обручи, которые могли бы скрепить очень рыхлое и неустойчивое объединение разноэтнических племен в рамках его огромного государства. Поэтому вскоре, озаботившись проблемой идейного единства русских земель, Владимир попытался провести языческую религиозную реформу, в результате которой сотворил на холме, близ своего княжьего двора в Киеве, единый пантеон из шести языческих богов — Перуна, Стрибога, Дажьбога, Хорса, Симаргла и Мокоши. При этом, что особо интересно, практически все авторы (Б. Рыбаков, В. Топоров, А. Кузьмин, М. Васильев) подчеркнули тот примечательный факт, что в рамках этого пантеона было объединены разные языческие божества, которые имели не только славянские, но и индоарийские, иранские, русские (варяжские) и финские корни.

Как всегда отличились в этом вопросе и наши записные норманисты, в частности тот самый «голубой конунг», который, с присущей ему скромностью выпустил автобиографический шедевр «Трудно быть Клейном» (2010). Но сейчас речь не об этом, а о другом. За год до своей «исповеди» борца с советским тоталитаризмом, русским национализмом и мерзкой гомофобией правящего коммунистического режима, он опубликовал еще один, но теперь уже «научный шедевр» «Воскрешение Перуна: к реконструкции восточнославянского язычества» (2009), где ничтоже сумняшеся заявил, что известное балто-славянское божество Перун в реальности было вайнахским, т.е. чечено-ингушским, божеством. Но, конечно, подобные изыскания Л.С. Клейна не встретили поддержки во всем научном сообществе в силу разного рода причин, в том числе слабой аргументации автором своей «новаторской концепции».

В серьезных научных кругах языческая реформа князя Владимира до сих пор вызывает самые бурные споры.

1) Одной из дискуссионных проблем является вопрос о времени проведения этой реформы. Одни историки (Б. Рыбаков, А. Кузьмин, А. Карпов), прямо ссылаясь на летописный текст, считают, что первую религиозную реформу Владимир провел сразу после захвата власти в 980 г. Другие авторы (Е. Аничков, М. Васильев) полагают, что эта реформа проводилась в течение нескольких лет, вплоть до принятия христианства, и датируют ее 980–988 гг. Наконец, третья группа авторов (Е. Голубинский, О. Рапов) вообще отрицает сам факт проведения языческой реформы,

настаивая на неверном прочтении их оппонентами известного летописного текста. Вместе с тем, в современной учебной литературе по не вполне понятным причинам датой проведения языческой реформы традиционно называют **983 г.**, когда по свидетельству летописца, **Владимир**, вернувшись в **Киев** после удачного похода на ятвягов, отправился на языческое капище, где «**творяше тревѹ кѹмиромъ**», принес в жертву **Перуну** двух варягов-христиан.

2) Не меньшие споры вызывает вопрос и о том, почему именно эти шесть богов вошли в общегосударственный языческий пантеон, и в этом пантеоне не оказалось других славянских божеств, в том числе столь почитаемого у восточных славян **Велеса**. На сей счет также существует немало разных мнений. Наиболее распространенной является версия тех историков (**Б. Рыбаков, А. Кузьмин**), которые предположили, что основная цель языческой реформы состояла в том, чтобы удовлетворить религиозные традиции и интересы основных этнических групп, составивших костяк Древнерусского государства, т.е. русов, славян, финнов и потомков скифов. Однако более предпочтительной версией нам представляется гипотеза историка **А.Ю. Карпова**, который предположил, что все языческие божества из владимирского пантеона так или иначе были связаны с небесными стихиями — солнцем, ветром, громом, молнией, дождем и т.д. Таким образом, статуи языческих идолов, размещенные в **Киеве, Новгороде** и других русских городах, должны были стать зримым и земным отражением Божественного Неба, где восседал бог-громовержец **Перун**.

3) Что касается содержания языческой реформы, то здесь тоже наблюдается большой разброс мнений. Так, одни историки (**Е.Е. Голубинский, О.М. Рапов**), отрицая сам факт проведения этой реформы, утверждали, что речь шла о довольно прозаическом деле — строительстве **Владимиром** нового языческого капища на новом месте, с целью показать киевским язычникам и волхвам его приверженность к древним языческим богам и снискать у них расположение. Другие авторы (**П. Строев, Е. Аничков, Б. Рыбаков, А. Карпов**) полагали, что, проводя свою реформу, князь **Владимир** преследовал две главных цели: 1) провозгласить родового княжеско-дружинного бога-покровителя **Перуна** верховным божеством всей Руси и 2) объединить вокруг **Перуна-громовержца** пять самых значимых языческих богов, почитаемых у разных этносов, входивших в состав Древнерусского государства. Третья группа авторов (**М. Васильев**), в целом поддержавшая авторов вышеупомянутой концепции, утверждает, что создание пантеона языческих божеств в одном **Киеве** предназначалось только для обитателей «**Русской земли**», живших в **Среднем Поднепровье**, и не носило общегосударственного, а тем более общеславянского характера. При этом ряд современных историков (**М. Васильев, А. Карпов**) высказали мнение, что превращение **Перуна** в верховное государственное божество с обязательным поклонением ему, знаменовало собой переход к реальному **единобожию** и разрушению старого язычества, когда каждое племя, община и даже отдельная семья были вольны в своем понимании и отправлении языческого культа. Наконец, еще одни авторы (**А. Кузьмин**), называя языческую реформу князя **Владимира** одной из «загадок эпохи», полагают, что по характеру изображений языческих идолов, установленных в **Киеве, Владимир** взял за основу «**варяжский пантеон**» языческих богов, сложившийся в землях тамошних «варягов-поморян»: русов, балтов и западных славян, проживавших в **Южной Прибалтике**. При этом вместе

с варяжским пантеоном языческих богов на Русь **впервые пришли и человеческие жертвоприношения**, о чем и поведал древнерусский летописец, повествуя о том, как в **983 г.** в жертву **Перуну** были принесены два варяга-христианина — юноша, на которого выпал роковой жребий, и вступивший на его защиту отец.

Вероятнее всего, именно эти обстоятельства, в частности обязательное поклонение **Перуну** и кровавые человеческие «требы» ему, и привели к крайне жесткому конфликту между христианской и языческой общинами в самом **Киеве**, и стали одной из главных причин краха всей языческой реформы. Более того, возможно, что «варяжский» вариант язычества не был принят и самой языческой общиной **Киева**. Именно эти обстоятельства и побудили **Владимира** искать иную веру, которая могла бы сгладить идейные противоречия внутри страны. Такой иной верой и стал русский вариант христианства, изначально отличавшийся очень большой терпимостью к русскому (варяжскому), славянскому и иным разновидностям язычества, существовавшим в Древней Руси.

3. Проблема Крещения Руси

Как справедливо отметил профессор **А.Г. Кузьмин**, один из самых вдумчивых исследователей этой проблемы, процесс Крещения Руси нельзя рассматривать в однозначном ключе, стремясь отыскать только **один источник** проникновения христианства на Русь. Процесс этот был гораздо сложнее, что нашло свое отражение даже в самой «**Повести Временных лет**» (**ПВЛ**), которая представляла собой не единую летопись, принадлежащую перу одного летописца, а синтезированный свод, состоящий из разных и разновременных летописных и внелетописных источников. Поэтому до сих пор в исторической науке не утихают споры по целому комплексу проблем:

а) Проблема датировки Крещения Руси

Сам летописный рассказ об «испытании вер» и Крещении Руси был размещен не только в **ПВЛ**, но и других источниках, включенных позднее в ее состав, в частности в «**Речи философа**», принадлежащей либо перу неизвестного христианского богослова, либо перу **Кирилла-философа**, «**Памяти и похвале князю Владимиру**» **Иакова Мниха**, «**Слове о законе и благодати**» митрополита **Илариона**, «**Чтении о святых Борисе и Глебе**» диакона **Нестора** и других. Во всех этих источниках рассказ о Крещении Руси был размещен между **6494—6496 гг.** от сотворения мира, когда князь **Владимир** стал одним из участников драматических событий, разыгравшихся в то время в Византии. Суть этих событий была такова. По просьбе византийских императоров **Василия II Болгаробойцы** и **Константина VII** киевский князь подписал с ними союзный договор, который предусматривал, что: **а) Владимир** предоставит **Константинополю** воинский контингент для подавления мятежа двух византийских полководцев **Варды Склира** и **Варды Фоки**, возжелавших занять императорский престол, **а б) братья-басилевсы**, нарушив негласную заповедь, впервые выдадут за «варвара» свою порфирородную сестру **Анну**, но только при условии, что князь-язычник **Владимир** примет святое крещение. Киевский князь в точности исполнил свой союзнический долг, однако братья-басилевсы явно не спешили исполнять взятые на себя обязательства. Тогда **Владимир** пошел походом в ближайшую к нему

византийскую провинцию в **Крыму**, где после многомесячной осады овладел ее столицей городом **Херсонес**, который на Руси называли **Корсунь**. После этих событий **Анна** прибыла в **Крым**, обвенчалась с киевским князем, а затем вместе с ним вернулась в **Киев**, где **Владимир** в одночасье низверг языческих идолов и крестил в «днепровской купели» всех киевлян.

Если исходить из того предположения, что все авторы указанных произведений вели свою хронологию по константинопольской эре и сентябрьскому стилю, то получается, что эти события произошли между **986–988 гг.** Однако, если предположить, что хотя бы один из этих авторов исповедовал старую византийскую эру и мартовский стиль, то получается, что эти события произошли в **989–992 гг.** Именно по этой причине в исторической науке до сих пор существуют совершенно разные датировки Крещения Руси. В частности, ряд историков (**А. Кузьмин, Ю. Брайчевский, М. Свердлов**) настаивают на более ранней датировке этого события, а их оппоненты (**Е. Шмурло, О. Рапов, Ю. Бегунов**) — на более поздней. Хотя, сама **Русская Православная Церковь** официальной датой Крещения Руси считает **988 г.**, что и нашло свое отражение во всей учебной литературе.

В научной литературе также существует довольно популярная версия, что Киевская Русь впервые крестилась значительно раньше событий, указанных в **ПВЛ**. В частности, ссылаясь на «**Окружное послание**» патриарха **Фотия**, ряд украинских и российских историков (**Ю. Брайчевский, В. Кожин**) датируют этот знаменательный акт не позднее **867 г.** Однако, как верно отмечали их многочисленные оппоненты, в указанный период речь могла идти: **1)** либо о крещении только части социальной верхушки Древней Руси во главе с киевским князем (**Б. Греков, В. Мавродин, М. Левченко**), **2)** либо о крещении азовско-черноморских русов (**Е. Голубинский, А. Кузьмин, Е. Галкина**).

б) Проблема внутреннего содержания Крещения Руси

Гораздо более существенным представляется вопрос о том, какой **вариант христианства** был взят за основу при Крещении Руси, поскольку в самом христианском мире задолго до раскола христианской церкви на православную и католическую, существовало довольно много различных течений, которые отличались между собой и идейно, и структурно, и организационно. В частности, в **конце X в.** в единой христианской церкви существовало аж шесть патриаршеств — **александрийское, антиохийское, иерусалимское, константинопольское, римское и орхидское (болгарское)**, не считая десятков других, более мелких христианских церквей.

Как правило, решение этого вопроса напрямую связывали с разными летописными версиями о крещении самого **Владимира** — либо в **Корсуни**, либо в **Василеве**, либо в **Киеве**, либо в «ином месте», пытаясь найти однозначный ответ на этот крайне запутанный вопрос. Так, одни историки (**В. Василевский, В. Потапов, М. Левченко**), являясь сторонниками традиционной «византийской аксиомы», утверждали, что Древняя Русь была изначально крещена по византийскому (ортодоксальному) обряду. Другие авторы (**А. Шахматов, М. Приселков, А. Пресняков**) полагали, что крещение Руси произошло по болгарскому обряду, третьи (**Е. Голубинский, Н. Коробка**) утверждали, что наши предки были крещены по римскому обряду пришлыми скандинавами, четвертые (**Н. Никольский, Н. Ильин, Ю. Бегунов**) искали истоки русского христианства в западнославянской (моравской) церкви, пятые (**М. Тихо-**

миров) выдвинули оригинальную гипотезу о возможном перекрещивании наших предков с болгарского на византийский обряд, наконец, шестые (**В. Кожин**) были убеждены в том, что христианство на Русь пришло из соседней Хазарии.

Однако, как верно отметил профессор **А.Г. Кузьмин**, решение этой проблемы лежит совершенно в иной плоскости, поскольку необходимо понять, почему у древнерусских летописцев существует такая странная разногласия мнений. И ответ на этот вопрос он предлагал искать в том, что изначально на Руси существовали **разные христианские общины**, которые исповедовали **разные христианские вероучения**, в центре которых лежал давний христологический спор о **символе веры (фелиокве)**, т.е. взаимоотношения трех ипостасей Святой Троицы: Бога-отца, Бога-сына и Бога-святого духа.

В частности, сам профессор **А.Г. Кузьмин** заострил свое внимание на том, что в знаменитой «**Корсунской легенде**», содержащейся в **ПВЛ**, был отражен еретический **арианский символ веры** о том, что Бог-сын только **подобен** Богу-отцу и Богу-святому духу, что полностью противоречило каноническому **никейскому символу веры** о том, Бог-сын **единосущ** с Богом-отцом и Богом-святым духом. Другой известный историк профессор **М.Ю. Брайчевский** аналогичную ересь усмотрел в знаменитой «**Речи философа**», тоже находящейся в составе **ПВЛ**, где содержалось учение **богомилцев (павликиан)**, которые, по сути, отрицали сам догмат о Святой Троице и богочеловеческой сущности **Иисуса Христа**, утверждая, что он был только человек. А поскольку «**Повесть Временных лет**» была сводом разных и разновременных летописных и внелетописных источников, авторами которых были представители разных христианских общин, в том числе монастырей, то в ней нашли свое отражение и разные «символы веры», и разные космические эры, о чем говорилось выше. В связи с этим обстоятельством, мы вполне разделяем обоснованное мнение профессора **А.Г. Кузьмина**, что:

1) Изначально довольно сильные позиции в русском христианстве занимали традиции неканонической арианской, в том числе ирландской церкви, привнесенные на Русь из **Великой Моравии** местными христианами, которые еще в **930-х гг.** вынуждены были бежать от германских миссионеров, агрессивно насаждавших там каноническое (римское) вероучение. При этом организационная структура ирландской церкви в виде отдельных и самостоятельных христианских общин во главе с **выборными пресвитерами**, где отсутствовала традиционная для всех остальных церквей **иерархия священнослужителей**, органично накладывалась на традиции самой славянской соседской общины, построенной по такому же принципу самоуправления и выборности.

2) Как известно, именно в **Великой Моравии** и в **Крыму**, где существовали большие общины разных русов, в **860-х гг.** вели свою миссионерскую деятельность два великих славянских просветителя — знаменитые «солунские братья» **Кирилл** и **Мефодий**. Именно там, ознакомившись с какими-то «**русскими письменами**», они создали две славянские азбуки — «**глаголицу**» и «**кириллицу**», на которых будут написанные первые рукописные книги, содержавшие, в том числе, и арианский символ веры. Неслучайно в **1060 г.**, уже после разделения христианской церкви на православную и католическую, тогдашний римский папа **Николай II** в своей специальной булле, адресованной **Церковному Собору в Сплите**, называл одного из «солунских братьев» — **Мефодия** еретиком.

3) Именно из **Корсуни**, которая всегда находилась в религиозной оппозиции к своей далекой митрополии, **Владимир** вывез на Русь весь тамошний церковный клир во главе с «попом» **Анастасом**, церковную утварь, иконы и книги, а также мощи **Святого Климента**. Именно культу этого святого и культу **Богородицы**, а не культу **Святой Софии**, распространенному в самой Византии, в **Киеве** будет воздвигнута знаменитая **Десятинная церковь**, настоятель которой **Анастас Корсунянин** и будет негласным главой всей русской христианской церкви вплоть до смерти **Владимира** и гибели **Святополка**, после чего уедет в Польшу, где еще сохранились арианские общины.

4) Византийская христианская ортодоксия проникнет на Русь только при **Ярославе Мудром**, при котором в рамках **Константинопольского патриархата** будет создана отдельная **Русская митрополия** и в **Киев** будет послан первый русский митрополит — грек **Феофемт**, а в самом **Киеве**, **Новгороде** и **Полоцке** в честь византийского культа **Святой Софии** будут возведены помпезные **Софийские соборы**. Тогда же греческий митрополит произведет довольно странный обряд нового освящения **Десятинной церкви**. При этом попытки ряда современных авторов (**А. Поппэ**, **Я. Шапов**, **А. Карпов**) отыскать первых русских митрополитов, посланных из **Константинопольского патриархата** раньше **1037–1039 гг.**, не кажутся нам убедительными, тем более что ряд сторонников этой гипотезы (**А. Карпов**), сами признают, что «при князе **Владимире** роль митрополитов и других церковных иерархов была крайне незначительной».

5) Даже после утверждения византийской ортодоксии весь период существования Древней Руси в самой великокняжеской семье уживались представители разных христианских общин, о чем красноречиво свидетельствует такой показательный факт: в **Десятинной церкви** будут похоронены **Владимир Святославич (1015)**, **Изяслав Ярославич (1078)** и **Ростислав Мстиславич (1093)**, а в **Софийском соборе** — **Ярослав Мудрый (1054)**, **Всеволод Ярославич (1093)** и **Владимир Мономах (1125)**. При этом Великий князь **Владимир Святой**, в отличие от своих убиенных сыновей **Бориса** и **Глеба**, будет канонизирован **Русской Православной Церковью** только после монгольского нашествия, и то не как святитель Руси, а в общей компании других русских князей, как защитник земли русской.

Сам процесс Крещения Руси занял несколько десятилетий и иногда сопровождался большой кровью, как, например, в **Новгороде (990)** и **Суздале (1024)**. Но именно Древняя Русь стала главной хранительницей **кирилло-мефодиевской традиции**, основанной на принципах общинного самоуправления и двоеверия, что станет затем основой всего русского православия, органично соединившего в себе и догматы христианского вероучения, и древнейшие традиции славяно-русского язычества. Неслучайно многие проницательные исследователи (**Н. Никольский**, **А. Кузьмин**) подчеркивали особо светлый и оптимистический характер древнерусского христианства, не знавшего ни крайностей религиозного аскетизма и мистицизма, ни воинственного настроения по отношению к инаковерующим. Кроме того, русское православие никогда не знало и военно-рыцарских орденов, «мечом и крестом» обращавших язычников в истинную веру, а первые инквизиторские костры, которыми **Рим** веками разогревал всю католическую Европу, появятся на Руси лишь на **рубеже XV–XVI вв.**, причем, не без влияния того же **Рима**, прелаты которого сопровождали **Зою-Софью Палеолог** в жены овдовевшему Великому московскому князю **Ивану III**.

Что касается хазарской версии Крещения Руси, на которой активно настаивают современные «евразийцы» (**В. Кожинов**), то она основана на явном недоразумении, возникшим в результате не критического прочтения ими того перевода древнерусского текста ПВЛ, который был сделан **Д.С. Лихачевым** в 1950 г. и который долгие годы считался классическим. Однако, как установил профессор **А.Г. Кузьмин**, сделавший в 1993 г. собственный перевод ПВЛ, академик **Д.С. Лихачев** лихо смастерил банальный фальсификат. Именно тогда, на закате сталинской эпохи, будущий маститый академик, запечатленный позднее на телеэкране в образе благообразного старичка-интеллигента, сделал очень маленькую, но принципиальную правку в текст ПВЛ, где речь шла о клятве русской дружины (язычников и христиан) на верность русско-византийскому договору, заключенному князем **Игорем** в 944 г. В оригинальном тексте ПВЛ было написано так: «а хрестеяннѹ Русь водиша роте в церкви святаго Ильи, яже есть надъ Ручаемъ, конецъ Пасынчѣ бесѣды, и Козаре: се во ве сворная церкви, мнози во вѣша варязи хрестьяни». В «классическом» же переводе маститого академика-интеллигента этот текст ПВЛ стал выглядеть следующим образом: «а христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что над Ручьем в конце Пасынчей беседы, где была соборная церковь, так как много было христиан — варягов и хазар». Комментарии, как говорится, излишне. Однако можно предположить, что во время своих бессонных научных бдений, **Дмитрий Сергеевич**, видимо, вспомнил о далеких временах своей масонской юности в «Космической академии наук», за что, собственно говоря, и загремел на **Соловки**. Кстати, именно поэтому в годы «горбачевской перестройки» и «ельцинского лихолетья», когда борьба с кровавым сталинизмом и красно-коричневым фашизмом, а, по сути, с исторической памятью народа, станет «путеводной звездой» русофобов всех званий и мастей, его дутый авторитет «истинного русского ученого и интеллигента» будет вознесен до заоблачных высот, хотя в глазах многих настоящих ученых он станет постыдным символом беспринципного сервилизма.

И последнее. В советской исторической науке, где догматическое восприятие и толкование марксизма было почти нормой, Крещение Руси всегда обосновывали исключительно с классовых позиций, утверждая, что становление феодализма в Древней Руси заставило правящий класс принять новую, классовую религию, освящавшую его господство над всем зависимым населением древнерусских сел, погостов и городов. Однако еще на закате советской власти, один из самых проникательных историков-медиевистов профессор **О.М. Рапов** резонно заметил, что в рабовладельческом строе древнейших государственных цивилизаций правящий класс вполне обходился языческим культом, а значит, это «классическое» положение советской историографии полностью теряет всяческий смысл и не выдерживает критики.

4. Второй период правления князя Владимира (989–1015)

Вторая половина правления князя **Владимира** была довольно слабо и противоречиво отражена во всех летописных сводах, что наводит ряд проникательных историков (**А. Кузьмин**, **А. Карпов**) на мысль, что эта часть первоначальной летописи была подвергнута сознательной редактуре в период составления самой ПВЛ. В связи с этим обстоятельством многие историки (**В. Пашуто**, **А. Назаренко**, **А. Карпов**) при реконструкции событий той поры довольно часто прибегают к зарубежным

источникам, в частности к знаменитой «Хронике» Титмара Мерзебургского, который был младшим современником Великого киевского князя. Поэтому об исторических событиях той поры можно говорить с достаточной долей условности.

989–991 — административная реформа Владимира. По мнению ряда советских и современных историков (Б. Греков, М. Брайчевский, М. Свердлов, А. Карпов, А. Горский), именно в этот период Великий князь Владимир ликвидировал всю систему прежних «племенных княжений» и разделил территорию Руси на восемь административных округов — по количеству основных племенных княжений, но в иных географических границах. Кроме уже существовавшего великокняжеского домена, куда входили три «главных» русских города — Киев, Чернигов и Переяславль, были созданы Новгородская, Полоцкая, Ростовская, Муромская, Туровская, Пинская, Владимиро-Волынская и Тмутараканская волости. В каждую из этих волостей сначала были назначены самые доверенные лица из числа ближних бояр Великого князя, а впоследствии на смену великокняжеским посадникам пришли его сыновья. Таким образом, они получили свои уделы не сразу, а по мере их возмужания и приобщения к активной политической деятельности. При этом совершенно очевидно, что все правители этих волостей были полностью зависимы от Великого князя и должны были строго исполнять его «монаршую» волю, поскольку любая непокорность угрожала им или полной потерей своего владения, или переводом в худший удел. То, что конкретные назначения еще не имели наследственного характера, хорошо иллюстрирует тот факт, что Вышеслав получил Новгород, Святополк — Туров, Изяслав — Полоцк, Ярослав — Ростов, а Мстислав — Тмутаракань. В остальных уделах на хозяйстве пока остались великокняжеские посадники, поскольку младшие сыновья князя Владимира — Борис, Глеб, Святослав, Всеволод, Станислав и Судислав «бе во детєскѣ вєльми».

В русской исторической науке (М. Погодин, В. Соловьев, В. Ключевский), как правило, не очень высоко оценивали эту реформу, поскольку считалось, что именно таким образом Владимир подготовил почву для бесконечных княжеских усобиц и развала единой Киевской Руси. Действительно, весь последующий период русской истории был отмечен огромным количеством кровавых княжеских междоусобиц. Но в тоже время, как считают многие историки (А. Пресняков, А. Карпов, В. Петрухин, А. Горский, В. Боровков), в результате «окняжения земель»: 1) навсегда исчезло прежнее противостояние самих племен и их пленных союзов, 2) этот процесс объективно способствовал территориальной консолидации всей Руси и 3) все русские князья, ведя братоубийственные войны, больше помышляли о не преобладании своих волостных земель над Киевом, а за главенство над всей «Империей Рюриковичей». При этом надо подчеркнуть, что профессор А.А. Горский вполне правомерно и точно подметил, что эти территории были именно княжескими волостями, а не княжествами или землями, как полагают многие его коллеги. Дело в том, что широко распространенный термин «княжество» является чисто научным и гораздо более поздним изобретением, а под термином «земля» русские летописцы подразумевали только отдельные (суверенные) государственные образования, в частности «Русскую землю», «Волошскую землю», «Угорскую землю», «Чешскую землю» и т.д., а не княжескую волость. По его подсчетам всего на территории Древней Руси в разные периоды существовало 21 волостное княжение, которыми управляли волостные князья из династии Рюриковичей.

По мнению ряда историков (**М. Брайчевский**), одновременно с административной реформой **Владимир** провел и радикальную **военную реформу**, которая была направлена на усиление оборонного потенциала всего государства. Сущность этой реформы заключалась в ликвидации старых племенных военных структур и слиянии всей военной системы государства с системой феодального землевладения. Теперь Великий киевский князь стал раздавать во всех порубежных волостях Руси земельные владения своим доверенным лицам из числа старших дружинников с обязательным условием несения прежней военной службы и организации обороны страны в масштабах их владений. Конечно, подобные «**кормления**» («**бенефиции**») также носили условный характер, что должно было надежно обеспечить соблюдение всех интересов киевского великокняжеского стола.

992 — хорватский поход Владимира и начало Великой русско-печенежской войны. Именно в этот год, воспользовавшись смертью польского короля **Мешко I (960—992)**, **Владимир** вновь совершил поход в земли **белых хорватов**, которые, возможно, отложились от **Киева** во время его длительного пребывания за рубежом. Этот поход грозил перерасти в очередную русско-польскую войну за «**Червенские города**», однако, новый польский король **Болеслав I Храбрый (992—1025)**, слишком занятой внутренней борьбой за обладание отцовским престолом, подписал с **Владимиром** мирный договор. Но сразу после своего возвращения в **Киев** Великий князь узнал о внезапном нападении печенегов и вышел в поход к южным рубежам Руси. Судя по различным источникам, начавшаяся **русско-печенежская война**, перманентно продолжалась до самой смерти **Владимира**, была отмечена целым рядом крупных столкновений враждующих сторон, в том числе под **Переяславом (993)**, **Василевым (996)** и **Белгородом (997)**.

1010 — после смерти своего старшего сына, новгородского князя **Вышеслава** **Владимир** провел новое распределение княжеских волостей между сыновьями: **Святополк** остался в **Турове**, **Ярослав** перебрался в **Новгород**, **Борис** был перемещен на его стол в **Ростов**, **Глеб** сел в **Муроме**, **Святослав** обосновался в **Пинске**, **Всеволод** получил **Владимир-на-Волыни**, **Станислав** вокняжился в **Смоленске**, а **Судислав** отъехал в **Псков**.

1013 г. — русско-польская война и мятеж Святополка. Реконструкция событий, произошедших в этом году, носит довольно условный характер, поскольку во всех ранних списках **ПВЛ** какая-либо информация об этих событиях полностью отсутствует. Однако в упомянутой «**Хронике**» **Титмара Мерзебургского** события этого года, напротив, освещены довольно подробно, хотя полностью доверять этой информации, конечно, нельзя. Как явствует из этого источника, польский король **Болеслав I Храбрый**, завершив свою многолетнюю войну с германским королем **Генрихом II Святым**, решил взять реванш за «**Червенские города**» и пошел походом на Русь. При этом предварительно он заключил военный союз с печенегами, с которыми князь **Владимир** уже много лет вел тяжелую и изнурительную войну. Однако этот поход по не установленным причинам окончился неудачно и в том же году польский король и Великий киевский князь заключили новый мирный договор. При этом, по мнению ряда историков (**М. Свердлов, А. Назаренко, А. Головки**), это договор был скреплен браком князя **Святополка** на дочери польского короля, имя которой в источниках не сохранилось. Когда молодожены вернулись в **Туров**, по наущению своего тестя **Святополк** замыслил заговор против отца, но он был быстро

раскрыт и не состоявшийся «мятежник» вместе с молодой супругой был вывезен в **Вышгород** и заточен под стражу. Обстоятельства возникновения этого заговора не вполне понятны, но ряд современных авторов (**А. Назаренко, А. Карпов**) предположили, что польский король, прекрасно осведомленный о том, что **Святополк** был сыном убиенного **Ярополка**, а князю **Владимиру** приходился только пасынком, намеревался использовать давние неприязненные отношения между ними в своих политических целях.

1014–1015 — бунт Ярослава и смерть Владимира Святого. Несостоявшийся мятеж и арест **Святополка** практически совпал по времени с так называемым «бунтом» новгородского князя **Ярослава**, который вопреки установившейся традиции отказался платить «уро́к» своему отцу в **Киев** в размере **2000 гривен**, который давался «от года до года». Великий киевский князь пришел в неописуемый гнев и решил проучить свое неразумное чадо, «глаголя» ближним боярам: «**требите пѹти и мостите мосты хотяши бо идти на Ярослава, на сына своего, но разболеся**». Кроме того, видимо, воспользовавшись распрей в великокняжеской семье, на Русь вновь напали печенеги, и в этой ситуации тяжело больной **Владимир** вызвал из **Ростова** любимого сына **Бориса** и, передав ему свою большую дружину, отправил его на южные рубежи Руси. Однако вскоре, находясь в своем любимом княжом селе **Берестове** близ **Киева**, Великий киевский князь «**боляши велми в болести и скончася**».

5. Вторая междоусобица и начало правления Ярослава Мудрого (1015–1019)

1015–1019 — междоусобица сыновей Владимира. Источники довольно смутно говорят о том, кому умирающий князь **Владимир** собирался передать свой великокняжеский стол. Большинство современных историков (**М. Брайчевский, М. Сverdлов, П. Толочко**), ссылаясь на летописную статью, считают, что таким наследником вопреки старшинству должен был стать его любимый сын, ростовский князь **Борис**. Другие авторы (**А. Кузьмин, А. Карпов**) полагают, что согласно тогдашнему обычаю «родового сюзеренитета» все сыновья Великого князя имели равное право на занятие отцовского престола, и все зависело лишь от того, кто первым из князей де-факто завладеет им. Наконец, еще одни авторы (**Н. Милотенко**) утверждают, что незадолго до смерти **Владимир**, по аналогии с византийской традицией, предполагал учредить или «дуумвират» в составе **Святополка** и **Бориса**, или «триумвират» в составе **Святополка, Бориса** и **Глеба**. Однако эта оригинальная гипотеза никак не согласуется с хорошо известными источниками.

Между тем, в **июле 1015 г.**, так и не назначив своего преемника, Великий киевский князь «**в болести и скончася**», чем тут же воспользовался его пасынок **Святополк Ярополкович**, который, первым узнав о смерти приемного отца, ночью бежал из **Вышгорода** в **Киев** и, одарив киевлян богатыми дарами на созванном им вече, занял отцовский престол. Когда информация о произошедших в **Киеве** событиях дошла до князя **Бориса**, стоявшего супротив печенегов лагерем на реке **Альте** у **Переяславля**, князьми воеводы предложили ему пойти походом на **Киев** и силой вернуть себе отцовский престол. Однако князь **Борис** отказался «**взняти рѹкы на брата, на старшего**» и отцовская дружина «**разнидошася от него**», а ростовский князь остался только «**съ отроky своиm**».

Тем временем князь **Святополк**, «исполнился беззакония, Кайновъ смыслъ принять», стал готовить физическое устранение **Бориса** как самого реального претендента на великокняжеский престол, для чего вернулся в **Вышгород**, где договорился с тамошними боярами исполнить свой коварный план. После тайного сговора боярин **Путша** и «пүтшинна чадъ» **Талец**, **Елович** и **Ляшко** срочно отбыли на реку **Альту**, где «аки зверье насунуша на копыи и проводоша **Бориса**» в его княжьем шатре, где после усердной молитвы он прилег почитать. Следующей жертвой **Святополка** стал муромский князь **Глеб**, приходившийся **Борису** родным братом не только по отцу, но и по матери. Получив от **Святополка** ложное известие о болезни отца, князь **Глеб** срочно выехал в **Киев**, но, уже находясь под **Смоленском**, он получил от новгородского князя **Ярослава** известие о смерти их отца и гибели родного брата. **Ярослав** умолял младшего брата не ходить в **Киев** и не подвергать свою жизнь смертельной угрозе. Однако **Глеб**, «плачяся по отци, паче же и по брате», заявил, что «лучше бы ми умерети с братомъ, нежели жити въ свете семъ», вполне сознательно обрек себя на гибель и остался под **Смоленском**, где через месяц был зарезан на княжеской ладье собственным поваром-иудой **Торчином**. Вскоре та же участь постигла еще одного сына **Владимира** пинского князя **Святослава**, который, пытаясь спастись от коварного **Святополка**, бежал в «**Угорскую землю**», но был настигнут наемными убийцами и загублен ими где-то в **Карпатах**.

За злодейское убийство своих братьев **Святополк** был прозван летописцем **Окаянным**, и именно под таким чудовищным прозвищем братоубийцы навсегда остался на скрижалях русской истории. Однако еще в середине прошлого века советский историк **Н.Н. Ильин** в своей известной монографии «**Летописная статья 6523 года и ее источник**» (1957), ссылаясь на одну из скандинавских саг, высказал предположение, что истинным виновником гибели **Бориса** был не **Святополк Окаянный**, а новгородский князь **Ярослав**. В советское время эта довольно оригинальная версия была поддержана рядом известных историков, в частности **В.Л. Яниным**, **М.Х. Алешковским**, **А.С. Хорошевым** и **А.Б. Головкин**. Но при этом все указанные авторы рассматривали эту версию гипотетически и не облачались в мантию судей, выносящих окончательный приговор. Однако в последнее время судейскую мантию возложили на себя не только ряд историков либерального толка, в частности **А.Л. Юрганов**, **И.Н. Данилевский** и **Н.Ф. Котляр**, превративших эту научную гипотезу в аксиому, но и дилетанты типа **Г.М. Филиста**, написавшего откровенно слабую работу «**История «преступлений» Святополка Окаянного**» (1990). Причем, сторонники «преступных деяний **Ярослава**» поставили под сомнение не только обстоятельства, но и саму летописную дату гибели **Бориса**. **Н.Н. Ильин** датировал это событие 1018 г., а **А.Б. Головкин** и **И.Н. Данилевский** — 1017 г.

Несмотря на столь активную разработку «альтернативной версии» тех кровавых событий, большинство современных авторов (**А. Кузьмин**, **П. Толочко**, **М. Свердлов**, **М. Брайчевский**, **А. Карпов**, **Д. Боровков**) склонны больше доверять русским, а не иностранным источникам сомнительного содержания и происхождения. Хотя, ряд из них, в частности **А.Г. Кузьмин**, **М.Ю. Брайчевский** и **Д.А. Боровков**, обратили особое внимание на разную фактическую канву тех трагических событий, содержащихся и в самой **ПВЛ**, и в «**Сказании и Борисе и Глебе**», высказав предположение о явной редакции первоначальной статьи **ПВЛ**.

Пока на юге Руси шла братоубийственная бойня, новгородский князь **Ярослав** был озабочен внутренним конфликтом в самом **Новгороде**, где произошла кровавая

потасовка между новгородцами и пришлой варяжской дружиной, нанятой им для возможного отпора своему отцу. В конечном счете, **Ярославу** не только удалось погасить этот конфликт, даровав новгородцам так называемый «**Устав о мордобое**», но и заручиться поддержкой тамошних «**нарочитых мужей**», собравших под знамена новгородского князя несколько тысяч вооруженных смердов. После разрешения внутренних дел, **Ярослав** решил покарать коварного братоубийцу и пошел походом на **Киев**. Тем временем сам **Святополк**, получив известие о выступлении сводного брата, заключил союзный договор с печенегами и выступил навстречу ему. Обе рати сошлись у города **Любеч**, где **поздней осенью 1016 г. «вы сеча зла»**, в которой **Ярослав** одержал вверх над хмельной дружиной сводного брата и победно вззошел на отцовский престол в **Киев**, а **Святополк «вежа в Ляхи»** под защиту своего тестя польского короля **Болеслава Храброго**.

Летом 1017 г., отбив очередной набег печенегов на **Киев**, Великий князь **Ярослав** заключил военный союз с германским императором **Генрихом II** и пошел походом на пограничный с Польшей город **Брест**, где возможно скрывался беглый князь **Святополк**. Но в **январе 1018 г.** между Германией и Польшей был заключен **Будинский мирный договор** и **Ярослав**, оказавшись в трудном положении, отступил назад. Всю первую половину наступившего года обе стороны усиленно готовились к решающей битве, которая состоялась в **конце июля 1018 г.** на берегу реки **Буг**, что в **Волыни**. По давно заведенной традиции перед ее началом для поднятия боевого духа обе стороны стали «**лаять похабными словесами**» друг друга. Но когда кормилец и воевода **Ярослава Буда** грубо оскорбил самого польского короля, «**глаголя**» тому, что «**пропоремъ трескою чрево твое толъстое**», **Болеслав**, не стерпев унижительной личной обиды, несмотря на свои внушительные габариты и вес, резво вскочил на коня, форсировал **Буг** и сходу начал битву, которая закончилась полным разгромом **Ярослава** и его дружины.

Ярослав с поля брани ели унес ноги и в сопровождении всего четырех ближайших отроков бежал в **Новгород**, а победители торжественно въехали в **Киев**, где **Святополк Окаянный** сел на отцовский престол. Правда, польские и немецкие хроники утверждали, что реально престолом завладел польский король, а **Святополк** был лишь марионеткой в его руках. Но как бы то ни было, вскоре между зятем и тестем произошел разлад, а сами киевляне, возмущенные бесчинством пришедших иноземцев, «**изгнаша ляхов**», вынудили польского короля и его дружину бежать из **Киева**. Правда, по дороге домой **Болеслав** не преминул присовокупить к своим владениям спорные «**Червенские грады**» **Перемышль**, **Червень**, **Холм** и **Броды**, отвоеванные у него **Владимиром** почти сорок лет назад.

Тем временем князь **Ярослав**, довольно прохладно встреченный новгородцами, собрался бежать «**за море**», но возмущенные горожане во главе с посадником **Константином Добрыничем** подняли мятеж и заставили **Ярослава** подчиниться их воле и продолжить борьбу за отцовский престол. Их совместные усилия вскоре принесли свои плоды: 1) сами новгородцы, «**начаши скотъ брати от мужа по четыре кұны, совъкупн вон многи**», а 2) князь **Ярослав**, заключив военный союз с могущественным шведским королем **Олафом Шётконунгом**, получил в жены его дочь **Ингигерд** и большую норманнскую дружину. **Весной 1019 г.** объединенное войско новгородского князя вышло в поход против **Святополка** и союзных ему печенегов. А **летом 1019 г.** на **реке Альте**, в том самом месте, «**идежа ѹбив Бориса, высть сеча зла, акаже не**

была в Руси», в ходе которой Великий киевский князь и союзные ему печенеги были полностью разбиты. Потерпев сокрушительное поражение, **Святополк** вновь побегал в «**Лядскую землю**» под защиту своего тестя, но по дороге разболелся и в «пустыне межи **Ляхи** и **Чехи** испроверже живот свой зле». А победитель **Ярослав** окончательно вернул себе отцовский престол и титул Великого киевского князя. Кстати, тогда же в благодарность за поддержку в этой долгой и многотрудной борьбе, князь **Ярослав**, вероятно, даровал **Новгороду** специальную грамоту, освободившую его от уплаты традиционного «урока» Великому князю в **Киев**.

6. Правление Ярослава Мудрого (1019–1054)

1019–1054 — правление Великого киевского князя **Ярослава Мудрого**. В отечественной исторической науке и во всей учебной литературе именно этими хронологическими рамками датировали годы правления **Ярослава Мудрого**. Однако в последнее время годы правление этого князя принято разделять на три периода: **1019–1024 гг.** — первое единовластное правление **Ярослава** в **Киеве**; **1024–1036 гг.** — период совместного правления **Ярослава** и **Мстислава** в **Киеве** и **1036–1054 гг.** — второе единовластное правление **Ярослава** в **Киеве**.

Одной из самых спорных проблем, связанных с именем этого знаменитого русского князя, является дата его рождения. Согласно самой ПВЛ он родился примерно в **978 г.**, однако ряд современных авторов (**А. Кузьмин, О. Рапов, А. Карпов**), ссылаясь на анализ исторических фактов и антропологическое исследование костных останков **Ярослава Мудрого**, проведенных палеопатологами **Д.Г. Рохлиным** и **В.В. Гинзбургом**, ставят под сомнение указанную дату и считают, что **Ярослав** родился примерно в **984–989 гг.** При этом большинство современных историков связывают появление более ранней летописной даты его рождения с необходимостью представить именно этого князя старшим сыном **Владимира Святого**, родившегося раньше **Святополка Окаянного**, неправдой захватившего отцовский престол в **Киеве**.

1021 — княжеская уособица **Ярослава Мудрого** с полоцким князем **Брячиславом Изяславичем**. Историки по-разному объясняли причины этой междоусобной войны, в том числе желанием полоцкого князя сесть на престижный новгородский стол. Но все же большинство авторов (**А. Насонов, А. Кузьмин, А. Карпов**) полагали, что воспользовавшись очередным конфликтом между **Ярославом** и новгородским посадником **Константином**, полоцкий князь решил расширить границы своих владений и закрепиться на одном из главных участков важнейшего торгового пути «из варяг в греки», который проходил через **Усвят** и **Витебск**. Этот поход окончился победой **Ярослава**, но умудренный киевский князь, не желая дальше враждовать со своим племянником, заключил с ним мирный договор и передал под его управление эти пограничные с полоцкими землями города.

1024 — восстание в Суздальской земле. В советской исторической науке (**Б. Греков, М. Тихомиров, Я. Шапов**) это мощное социальное движение во главе с местными волхвами, которое очень жестоко было подавлено самим князем **Ярославом**, по устоявшейся традиции всегда называли **антифеодальным**, как, впрочем, и все остальные социальные движения той далекой поры. Однако современные историки (**А. Кузьмин, П. Толочко, И. Фроянов**) совершенно правы в том, что в раннем средневековье социальная борьба, как правило, шла вокруг двух основных вопросов:

1) либо социальные низы отстаивали свое право на «старину», 2) либо стремились к установлению более оптимальных отношений между «Землей» и «Властью», т.е. традиционными принципами самоуправления и государственным принуждением.

1024–1026 — междоусобица Ярослава и Мстислава. Судя по летописной статье, инициатором очередной княжеской усобицы стал младший брат **Ярослава Мудрого** тмутараканский князь **Мстислав Храбрый**, который потребовал от своего сводного брата справедливого раздела тех выморочных уделов, которые были не поделены после гибели **Бориса, Глеба, Святослава и Святополка Окаянного**. Однако их переговоры, проходившие летом **1023 г.**, завершились безрезультатно, и **Мстислав** пошел походом на Русь. К моменту его прихода в **Киев**, Великий князь **Ярослав** находился в **Новгороде**, и **Мстислав** рассчитывал на легкую победу. Но как повествует летопись, «не прияша его кыяне, он же седе на столе в Чернигове», что, вероятно, лишний раз подтверждает обоснованное мнение тех историков (**А. Кузьмин, И. Фроянов, А. Дворниченко**), которые говорят о существенной политической роли городских и волостных вече в истории Древней Руси.

Тем временем приход **Мстислава в Чернигов** был одобрительно встречен тамошними горожанами, поскольку, по мнению историков (**А. Гадло, П. Толочко, А. Карпов**), именно этот политический акт означал, что: 1) **Чернигов**, впервые освобожденный от прямой опеки со стороны **Киева** и 2) в **Чернигове** впервые учреждался отдельный княжеский стол, что несоизмеримо повышало политический статус этого города и всей Северной земли. Естественно такое положение вещей сильно напрягло **Ярослава** и он решил действовать. Собрав в очередной раз объединенное новгородско-норманнское войско, он вышел знакомым маршрутом к **Киеву**, но дойдя до **Любеча**, он неожиданно повернул на **Чернигов**, рассчитывая разбить **Мстислава** в его же «логове». Однако, узнав о намерениях **Ярослава**, черниговский князь решил упредить соперника и вышел навстречу новгородцам. Летом **1024 г.** в грозовую и дождливую ночь две рати сошлись у города **Листвена**, где «бысть сеча сильна и страшна», в которой незаурядный полководец **Мстислав** наголову разбил **Ярослава**, который вновь бежал в **Новгород**. Находясь здесь, новгородский князь вскоре получил от черниговского князя необычное послание, в котором победитель предлагал побежденному миром поделить Русь на равные части по **Днепру**: «седи ты на столе своемъ Києве, понеже ты еси старей брате, а мне буди сторона». После долгих раздумий, видимо, так и не сумев собрать новой новгородской рати для похода на **Мстислава**, весной **1026 г.** **Ярослав** пошел в **Киев** и у **Городца** подписал с черниговским князем мирный договор, по которому сводные братья разделили Русь по **Днепру** и стали «жити мирно и в братолюбьи, и бысть тишина велика в земли». При этом оба князя остались сидеть на своих столах в **Новгороде** и **Чернигове**, а стольным **Киевом** от имени Великого князя стали управлять его наместники.

Ряд современных авторов (**А. Карпов**) придают **Городецкому мирному договору** эпохальное значение, поскольку, по их мнению, именно он: 1) во многом предопределил будущее падение **Киева** как единого центра Древней Руси, т.к. весь период «двоевластия» **Ярослав** в основном сидел в **Новгороде**, а **Мстислав** — в **Чернигове**; 2) впервые в политической практике закрепил принцип «старшинства» в династии **Рюриковичей**; 3) во многом предопределил будущее деление единого русского мира на две составные части — **Великороссию (Новгород, Суздаль, Ростов, Муром, Рязань, Смоленск)**, больше тяготевшую к **Чернигову**, и **Малороссию (Галич, Вольнь, Туров,**

Пинск), больше тяготевшую к **Киеву**. Другие авторы (**П. Толочко**) утверждают, что этот договор стал «первым признаком зарождения коллективной формы правления на Руси, в данном случае «дуумвирата». Наконец, третья группа авторов (**А. Щавелев**) высказала мнение, что переговоры в **Городце** положили начало традиции княжеских съездов, которые стали эффективным средством разрешения крупных княжеских конфликтов вплоть до монгольского нашествия.

1026–1036 — совместное правление Великих князей Ярослава и Мстислава. Судя по источникам новая система «двоевластия» никак не сказалась на внутренней политике Древней Руси, а коснулось, в основном, сферы внешней политики. За **Ярославом** остались северное и западное направления, а за **Мстиславом** — южное и восточное. Причем, если на европейском направлении **Ярославу** пришлось активно участвовать в династических конфликтах в Швеции и Польше (**1030**) и вести новую войну с чудью, на границах с которой он основал город **Юрьев (1030)**, названный в честь его тезоименного святого, имя которого он получил при крещении, то **Мстиславу** удалось полностью нейтрализовать **Печенежскую Степь** и поддерживать мирные отношения с ней до самой своей кончины. При этом братья не гнушались действовать и сообща, например, во время очередной пограничной **русско-польской войны**, в ходе которой в **1031** г. они вновь отвоевали у ляхов «**Червенские грады**», захваченные ими во время второй княжеской уособицы.

1036 — смерть бездетного Мстислава и установление единовластного правления Ярослава Мудрого. Согласно летописной статье черниговский князь, всегда отличавшийся отменным здоровьем, «**изынде на ловы и разволеся и ѹмре**». Внезапная смерть на охоте этого выдающегося полководца, державшего в страхе всю **Печенежскую степь**, стала причиной очередной **русско-печенежской войны**, которая окончилась полным разгромом печенегов на реке **Альте** и исчезновением этого кочевого этноса с южных рубежей Руси. Как повествует летописец, Великий князь **Ярослав «исполнил»** свою рать у стен **Киева**, отбил натиск печенегов, а затем «**на поле вне града ве сеча зла**», которая и решила исход этой последней в истории **русско-печенежской войны**.

Сразу после этих событий **Ярослав** окончательно покинул **Новгород** и до самой своей смерти остался жить в **Киеве**, став, как и его покойный отец, единовластным правителем всей Руси. Причем, чтобы полностью обезопасить свое единовластие, Великий князь посадил в «поруб» единственного из оставшихся братьев — псковского князя **Судислава**, который выйдет на свободу лишь спустя несколько лет после смерти самого **Ярослава Мудрого**. Только в **1059** г. его сыновья **Изяслав**, **Святослав** и **Всеволод**, взяв с родного дядьки клятву на кресте, выпустили его из темницы, после чего **Судислав**, приняв монашеский постриг, стал чернцем **Киевского Георгиевского монастыря**, где и скончался в **1063** г.

О том, что **Ярослав Мудрый** был не просто Великим киевским князем, а являлся настоящим самовластным правителем Древней Руси, по мнению ряда историков (**Б. Рыбаков**, **М. Свердлов**), красноречиво говорил тот факт, что еще при жизни он носил официальные титулы «**кагана**» и «**царя**», которые ставили его вровень с византийскими басилевсами и неизмеримо возвышали над всеми королевскими домами Европы.

1037 — учреждение Киевской митрополии Константинопольского патриархата и прибытие из Византии первого киевского митрополита грека Феопемта. По всей

видимости, именно этот церковно-политический акт, предпринятый князем **Ярославом**, знаменовал собой восстановление прежних союзных отношений с Византией, положивших начало проникновению на Русь византийской ортодоксии, ставшей своеобразной антитезой прежней еретической доктрине, которая укоренилась и в самой великокняжеской семье, и в церковном клире. Тогда же в **Киеве** будет возведен помпезный **Храм Святой Софии (Софийский собор)**, где учредят митрополичью кафедру, а прежняя **Десятинная церковь** будет повторно освящена и потеряет прежний статус главного кафедрального храма столицы Древней Руси.

1038–1043 — Великий Западный поход Ярослава. Судя по ряду летописных статей, именно в эти годы Великий князь **Ярослав**, умело использовав фактический распад Польского королевства, продолжил прежний внешнеполитический курс и совершил ряд крупных военных походов против **мазовшан, ятвягов и литвы**, в результате которых взял под полный контроль все междуречье **Немана и Западной Двины**, игравших исключительную роль в торговых связях Южной Прибалтики с Западной и Северной Европой.

1043 — последний поход русских дружин на Византию. Как справедливо отметили многие историки (**В. Брюсова, Г. Литаврин, А. Карпов**), этот самый крупный поход князя **Ярослава**, одновременно является и самым загадочным военным предприятием Великого князя, который возглавил его старший сын, новгородский князь **Владимир**. Все историки до сих пор теряются в догадках относительно причин и целей этого похода, поскольку летописная версия, связавшая эти события с убийством русских купцов в **Константинополе**, не кажется очень убедительной. Вероятнее всего, первоначально этот поход начинался как союзный поход русско-норманнской дружины против византийского мятежника **Георгия Маниака**, предпринятый по просьбе самого византийского императора **Константина Мономаха (1042–1055)**. Но к моменту прихода русско-норманнской дружины в Византию мятежный полководец уже погиб и необходимость в ее присутствии отпала. Однако, видимо, часть княжеской дружины во главе с **Владимиром** решила использовать свое присутствие в Византии для решения каких-то политических задач, но вовремя ее продвижения к **Константинополю** их боевые ладьи частично были сожжены греками, а частично затонули во время сильного шторма на **Черном море**. Кстати, вероятно, с этим военным конфликтом был связан и отъезд из **Киева** греческого митрополита **Феопемта**, что могло означать новый разрыв канонических связей **Русской Православной Церкви с Константинопольским патриархатом**.

Тем не менее, князь **Ярослав**, обладая незаурядным дипломатическим даром, обратил это поражение в очередной русско-византийский мирный договор, который в **1046 г.** был скреплен династическим браком дочери византийского императора **Марии** на сыне Великого князя **Всеволоде**. Кстати, этот брак стал продолжением знаменитых брачных союзов, заключенных **Ярославом Мудрым** с правящими домами многих европейских держав. Сначала он женил сына **Изяслава** на сестре польского короля **Казимира I Восстановителя Гертруде (1043)**, затем был заключен брак его средней дочери **Елизаветы** с норвежским королем **Харальдом III Суровым (1044)**, позднее его старшая дочь **Анастасия** вышла замуж за венгерского короля **Андраша I Белого (1046)** и, наконец, самая младшая дочь **Анна** стала женой французского короля **Генриха I (1050)**. При этом надо отметить тот примечательный факт, что отнюдь не сам **Ярослав** направлял свои посольства к королевским дворам

Европы, а сами европейские монархи активно засылали своих сватов в Киев, желая породниться с богатой и влиятельной великокняжеской семьей.

1051 — избрание на митрополичий престол русского священника Илариона. Этот выдающийся духовный пастырь Древней Руси стал ближайшим сподвижником князя **Ярослава** задолго до этого события (между **1037–1044 гг.**), когда в одном из киевских храмов он произнес свое знаменитое «Слово о Законе и Благодати». Именно в этом выдающемся произведении Древней Руси в самой зримой форме были противопоставлены «Ветхий Закон» иудеев, отвергавший **Иисуса Христа** и считавший только евреев «богоизбранным народом», и «Благодать Нового Завета», как религии **Иисуса Христа**, освятившей собой торжество истины мирового христианства и соединившая в **Вере Христовой** все сущие «языцы» (народы) Земли. Вместе с тем, многие историки (**М. Брайчевский, А. Кузьмин, А. Сахаров**) справедливо обратили особое внимание на то, что в этом «Слове» отчетливо проявился и антивизантийский мотив, что лишний раз подтверждает тот факт, что суровая византийская ортодоксия еще не укоренилась на территории Древней Руси.

Многие историки (**Е. Голубинский, М. Брайчевский, А. Карпов**) так же не без оснований считали, что «Слово о Законе и Благодати» должно было положить начало канонизации первых русских святых, в частности княгини **Ольги** и князей **Владимира, Бориса** и **Глеба**. Однако Константинопольский патриархат в категорической форме отверг канонизацию двух великих правителей Древней Руси, а канонизация **Бориса** и **Глеба** произойдет только спустя тридцать лет, что вызывает массу законных вопросов у многих ученых и богословов.

1054 — завешание и смерть Ярослава Мудрого. Последние годы жизни князя **Ярослава** очень скупо отражены в источниках. Известно только то, что после смерти старшего сына **Владимира**, в **1052 г.** он окончательно распределил княжеские столы по старшинству между пятью своими сыновьями. **Изяславу** достались **Новгород** и **Туров**, **Святополку** — **Чернигов**, **Всеволоду** — **Переяславль**, **Вячеславу** — **Смоленск**, а **Игорю** — **Волынь**.

Как повествует летопись, незадолго до своей кончины, **Ярослав Мудрый** собрал трех старших сыновей и сказал им: «се азъ отхожу света сего, а вы сынове мои именте межн собою любовь, понеже вы есте братья единого отца и единой матери... аще ненавистно живуще, въ распряхъ, то и сами погибнете и землю отецъ своихъ и дедъ погубите». При этом старшему сыну **Изяславу** **Ярослав** завещал стольный град **Киев** и наказал остальным его братьям «сего послушайте, якоже послушасте мене». Вскоре после этого, «разволеся велми», Великий князь в сопровождении любимого сына **Всеволода** уехал в **Вышгород**, где в конце февраля **1054 г.** «приспе конецъ житья» **Ярослава Мудрого**.

В исторической науке до сих пор существуют совершенно разные трактовки «Завещания **Ярослава Мудрого**». Например, академик **В.О. Ключевский**, назвав его «отечески задушевным», говорил, что оно было «скудно своим политическим содержанием». Однако большинство историков не соглашались с этим мнением этого маститого историка. Например, одни авторы (**А. Пресняков, П. Толочко, А. Карпов**) считали его своеобразным компромиссом между двумя непримиримыми началами — «семейно-династическим» и «государственным», в результате чего возник знаменитый «триумвират **Ярославичей**», который позволил удержать Русь от новых княжеских усобиц на ближайшие два десятка лет и обеспечил устойчи-

вое и поступательное развитие всех русских земель. Другие авторы (**А. Насонов, А. Кузьмин, С. Перевензенцев**), напротив, полагали, что этот наследственный акт фактически предопределил будущий распад единой Руси, хотя именно в нем впервые просматривался **принцип «майората»** — наследования власти по старшинству. Третья группа авторов (**С. Юшков, М. Свердлов**) утверждала, что в этом акте не было ничего принципиально нового, поскольку аналогичный принцип распределения земель по старшинству существовал еще во времена **Святослава**, и он нисколько не умолял верховной власти Великого киевского князя над всей территорией Руси. Наконец, четвертая группа авторов (**И. Фроянов, А. Дворниченко**) настаивала на том, что этот династический акт де-юре отразил тот интенсивный процесс вызревания городов-государств полисного типа, который долгие годы шел де-факто, и в этом смысле он имел решающее значение в процессе трансформации «дружинного государства» в федерацию древнерусских «городов-государств».

7. «Русская Правда» Ярослава Мудрого

Особое место в истории правления **Ярослава Мудрого** занимала законодательная деятельность, венцом которой стала знаменитая «**Русская Правда**». В отечественной историографии до сих пор не утихает спор по целому ряду проблем, связанных с изучением этого первого феодального кодекса **норм публичного**, то есть писанного (государственного) права Древней Руси.

1) В частности, до конца неразрешенным остается вопрос о времени появления «**Русской Правды**». Одни исследователи (**Б. Греков, Л. Черепнин, А. Зимин, М. Свердлов**) считали, что ее первые статьи были изданы **Ярославом Мудрым** уже в **1016 г.**, когда он дал новгородцам знаменитый «**Устав о мордобое**». Затем этот устав был дополнен рядом новых правовых норм, которые и создали общий каркас всей «**Правды Ярослава**». Другие авторы (**С. Юшков, М. Тихомиров, А. Кузьмин**), полагали, что в **1016 г.** князь **Ярослав** дал новгородцам только первую «**Грамоту**», а сама «**Правда**», как форма древнерусского «**Судебника**», была дарована им только в **1035 г.**, накануне его отъезда в **Киев**. Таким образом, в составе «**Правды Ярослава**» было три основных компонента: 1) две «**Грамоты**» **Ярослава**, которые были даны новгородцам в **1016–1019 гг.**, 2) два княжеских закона «**Покон вирный**» и «**Урок милостникам**», изданные им в **1020–1030-х гг.**, и 3) третья «**Грамота**» новгородцам, которую он даровал им в **1035 г.** Наконец, ряд современных авторов (**А. Петров, Д.В. Боровков**), поддавшись явной вульгаризации, считали, что первые новгородские грамоты, изданные в бытность **Ярослава** новгородским князем, стали начальным этапом его «конституционной реформы». А третья грамота, увидевшая свет в **1036 г.**, завершила этот политический процесс установлением принципиально новых взаимоотношений между **Киевом** и республиканским **Новгородом**.

2) Дискуссионным остается и вопрос о внутреннем строении самой «**Русской Правды**», но большинство современных авторов полагают, что она состояла из трех основных редакций:

а) «**Краткой Правды**», состоящей из «**Правды Ярослава**» (ст. 1–17), «**Правды Ярославичей**» (ст. 18–41) и двух княжеских законов: «**Покона вирного**» (ст. 42) и «**Урока мостникам**» (ст. 43). Время создания этой самой ранней редакции «**Русской Правды**» историки относят к **1016–1072 гг.** Правда, одни авторы (**А. Зимин,**

М. Свердлов), считают, что вся «Краткая Правда» была результатом законодательной деятельности самого Ярослава Мудрого, а Ярославичи лишь запретили право «кровной мести». Однако их оппоненты (Б. Греков, М. Тихомиров, С. Юшков, Л. Черепнин) полагали, что «Правда Ярославичей» была создана не самим Ярославом Мудрым, а именно его сыновьями в 1070-х гг.

б) «Пространной Правды», состоящей из «Суда Ярослава Владимировича» (ст. 1–52) и «Устава Владимира Мономаха» (ст. 53–121), которая представляла собой расширенный вариант «Краткой Правды». Время создания этой, второй, редакции «Русской Правды» историки относят либо в 1113–1125 гг. (С. Юшков, М. Свердлов), либо в 1209 г. (М. Тихомиров, Л. Черепнин).

в) «Сокращенной Правды», которая представляла собой сокращенную редакцию «Пространной Правды» и не имела никакого отношения к истории Киевской Руси, поскольку была создана либо в конце XV в. (М. Тихомиров), либо даже в конце XVI в. (А. Зимин).

Главными источниками «Русской Правды» были: 1) нормы обычного права, закрепленные в «Законе Русском» и вековых народных традициях, 2) нормы публичного права в виде княжеских грамот, уставов и уроков и 3) княжеская судебная практика, которая была своеобразным противовесом традициям обычного права. Причем, если в «Правде Ярослава» еще присутствовали нормы обычного права, в частности, «принцип талиона» (кровная месть) и круговая порука, то затем кровная месть стала заменяться денежными вирами (штрафами), а правовая ответственность стала носить более персонифицированный характер.

При этом многие историки и юристы (С. Юшков, А. Зимин, М. Свердлов, А. Сахаров) утверждали, что по букве и духу закона «Русская Правда» была весьма близка так называемым «варварским правам» Баварии, Тюрингии, Саксонии и других германских государств. Однако их более проницательные коллеги (А. Кузьмин, Л. Милов) обратили особое внимание на тот поразительный факт, что в «Русской Правде», в отличие от гораздо более сурового византийского и европейского законодательства: 1) совершенно отсутствовала такая мера наказания, как **членовредительство**, которое заменялось денежными штрафами, а 2) **достоинство личности охранялось выше любой собственности**, поскольку, например, за кражу боевого коня, сумма штрафа составляла его стоимость, т.е. всего 3 гривны (статья 11 «Аще кто поедеть на чюжемъ конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривне»), в то время как за нанесения побоев во время «мордобоя», когда, например, потерпевшей стороне вырывали бороду или усы, штраф взимался в размере 12 гривен, т.е. в четыре раза больше! (статья 3 «Аще ли кто кого оударитъ батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылесню, то 12 гривне»).

В «Русской Правде» содержалось и немало норм, определявших правовое положение разных социальных категорий и групп населения, в частности **тиунов, огнищан, смердов, холопов, рядовичей, закупов** и других. Однако по ее тексту довольно трудно разграничить правовой статус правящего класса. Единственными юридическими критериями, которые позволяли как-то определить их правовой статус, являлись: 1) нормы **повышенной (двойной) уголовной ответственности** за убийство представителей правящего класса и 2) порядок наследования земли и другого имущества этой влиятельной социальной группой — **князьями, боярами, «княжими мужами», огнищанами и тиунами**. Но в этом перечне огнищане и тиуны не являлись

собственниками земли, поэтому, вероятнее всего, данные привилегии распространялись и на ту категорию зависимых людей, которая была личными слугами (холопами) Великого киевского князя и других удельных князей.

Поскольку «Русская Правда» была первым и довольно архаичным правовым кодексом, то преступление определялось в ней не как нарушение закона или княжеской воли, а как «обида», т.е. причинение материального и морального ущерба. Поэтому система наказаний в «Русской правде» предусматривала, в основном, имущественные санкции: конфискацию, штраф и возмещение ущерба. Высшей мерой наказания являлись «поток и разграбление», когда имущество преступника подлежало полной конфискации, а сам он отдавался в рабство.

Тема: ДРЕВНЯЯ РУСЬ НА ПУТЯХ К ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (СЕРЕДИНА XI – СЕРЕДИНА XII ВВ.)

План:

1. Хроника основных политических событий (1054–1154).
 - а) Триумvirат Ярославичей (1054–1073).
 - б) Период новых княжеских усобиц (1073–1113).
 - в) Правление Владимира Мономаха и Мстислава Великого (1113–1132).
 - г) Распад Древней Руси (1132–1154).

1. Хроника основных политических событий (1054–1132)

а) Триумvirат Ярославичей (1054–1073)

Незадолго до смерти **Ярослав Мудрый** в своем «Завещании» четко определил ряд принципиальных положений будущего политического устройства Древней Руси: 1) великокняжеский престол наследуется строго по старшинству, а Великий киевский князь сохраняет свой статус верховного правителя всего государства; 2) все его сыновья получают в управление четко определенные им города и волости, т.е. свои удельные княжения, которые также перераспределяются по принципу старшинства; 3) вся территория Древней Руси является совместным владением всего княжеского рода и не подлежит дроблению.

В соответствии с этим «Завещанием» великокняжеский престол переходил старшему из братьев **Изяславу**, родившемуся в 1024 г., который помимо **Киевской волости** получил в непосредственное управление **Туров** и **Новгород**, что должно было гарантировать единство и целостность всего огромного государства. Следующий по старшинству **Святослав**, родившийся в 1027 г., получил в управление **Чернигов**, **Рязань**, **Муром** и **Тмутаракань**. Третий брат **Всеволод**, который появился на свет в 1030 г., стал княжить в **Переяславле**, **Ростове** и **Суздале**. Четвертый брат **Вячеслав**, родившийся в 1034 г., был посажен отцом в **Смоленск**, а самый младший

брат **Игорь**, который появился на свет, вероятно, в 1036 г., получил в управление **Волынъ**.

При этом не трудно заметить, что три старших брата получили главные столы в трех близлежащих друг от друга городах — **Киеве**, **Чернигове** и **Переяславе**, которые изначально и составляли собственно «Русскую землю», ставшую одной из колыбелей Древнерусского государства.

1054–1068 — первый период правления Великого киевского князя **Изяслава Ярославича**. В отечественной исторической науке этот период правления князя **Изяслава** традиционно принято называть «**триумвиратом Ярославичей**», поскольку: 1) после смерти младших братьев **Вячеслава (1057)** и **Игоря (1060)** реальная власть на всей территории Руси оказалась в руках трех старших братьев — **Изяслава**, **Святослава** и **Всеволода**; 2) памятуя завет своего великого отца, все **Ярославичи** на первых порах не враждовали друг с другом, а действовали сообща против общих врагов, как внутренних, покушавшихся на их всевластие, так и внешних, разорявших порубежные земли Руси. В частности, в 1060 г. **Изяслав**, **Святослав**, **Всеволод** и полоцкий князь **Всеслав «совокупивше воя вєщислены»** не только успешно отразили нашествие **торков** на реке **Альте**, но и наголову разгромили их, после чего это тюркский этнос надолго покинул южные рубежи Руси. Однако уже в 1061 г., когда спустя шесть лет на русские рубежи вновь пришли новые кочевники — **половцы**, **Ярославичи** не успели совокупить свои силы и князь **Всеволод** потерпел от их предводителя хана **Сакала** тяжелое поражение под **Переяславлем**.

Новым испытанием на прочность для «**триумвирата Ярославичей**» стали грозные события, которые были связаны с мятежами двух русских князей — их племянников, **волынского князя Ростислава Владимировича** и **полоцкого князя Всеслава Брячиславича**. Причем, в обоих случаях удар был нанесен не по центру «Русской земли», где **Ярославичи** могли очень быстро организовать коллективный отпор неприятелю, а по отдаленным рубежам русской ойкумены — на севере, в **Новгороде**, и на юге, в **Тмутаракани**. Первым «бунт» поднял сын их умершего старшего брата **Владимира** князь **Ростислав**, который недовольный своим статусом владельца захолустной **Вольни**, в 1064 г. бежал из своего стольного града **Владимира** на юг, захватил **Тмутаракань** и изгнал оттуда своего кузена **Глеба Святославича**. Естественно такой демарш князя-изгоя **Ростислава** возмутил **Ярославичей**, и они решили проучить «вельми неразумное чадо». Однако их совместный поход на юг так и не состоялся по причине внезапной кончины князя **Ростислава**, который в 1066 г. пал жертвой коварных византийцев, отравивших его за неумное стремление играть особую политическую роль в **Северном Причерноморье**. Однако вскоре правящий триумвират вынужден был подавлять новый «бунт» другого своего племянника, который вспыхнул на северо-западных рубежах Руси.

В 1067 г. полоцкий князь **Всеслав Брячиславич**, как в свое время и его покойный отец, пошел походом на **Новгород**, разгромил своего кузена, сына великого князя **Мстислава Изяславича**, и разграбил город. В ответ на это вероломство **Ярославичи**, вновь «совокупивше воя своя», пошли походом на племянника, «**взяша на щиты**» **Минск** и двинулись к реке **Нимиге**, где «**высть сєча зла и падоши мнозе**», **Ярославичи** одолели **Всеслава**, бежавшего с поля битвы. Спустя четыре месяца они пригласили побежденного племянника на переговоры, но неподалеку от **Смоленска** на реке **Орше**, **Изяслав**, **Святослав** и **Всеволод**, «**прест҃упивше крест҃ъ**», схватили

Ростислава, привезли его в **Киев** и вместе с двумя старшими сыновьями заточили в «поруб», а полоцкий стол отдали **Мстиславу Изяславичу**.

Однако вскоре правящий триумvirат постигли тяжелые испытания. В 1068 г. половецкая орда хана **Шерукана** совершила грандиозный набег на южные рубежи Руси и в битве на **реке Альте** разгромила дружины **Изяслава**, **Святослава** и **Всеволода**, которые поспешно бежали с ратного поля восвояси. Когда **Изяслав** и **Всеволод** возвратились в **Киев**, то горожане «створивше вече на торговищи» потребовали от князей выдать им оружие и коней, но они отказались выполнить их волю и «повегоста с княжого двора». В этой ситуации киевляне подняли бунт, растерзали новгородского епископа **Стефана**, пытавшегося вразумить восставших, разграбили двор воеводы **Коснячко**, а затем подвергли полному разгрому княжий двор самого **Изяслава** и, «высекоша **Всеслава** ис поруба», провозгласили его Великим киевским князем. О том, как развивались события дальше летопись умалчивает, но зато она упоминает о том, что киевский князь **Изяслав** «бежа в **Ляхы**», а черниговский князь **Святослав** «одоле» половцев под **Сновском**.

Надо сказать, что это одно из самых мощных восстаний в истории Древней Руси давно привлекает внимание историков. В советской историографии (**Б. Греков**, **М. Тихомиров**, **Б. Рыбаков**, **В. Мавродин**) его традиционно трактовали через призму классового подхода как антифеодальное движение социальных низов. Однако в настоящее время большинство историков (**А. Кузьмин**, **Г. Артамонов**, **И. Фроянов**, **П. Толочко**) вполне справедливо обращают внимание на иные аспекты этого восстания и утверждают, что оно: 1) зримо показало существенную политическую роль городского вече в самом **Киеве** и 2) стало зримым воплощением очередного конфликтом между «Землей» и «Властью», в котором городское вече вновь одержало верх.

Тем временем беглый князь **Изяслав**, заручившись поддержкой своего зятя, польского князя **Болеслава II Смелого (1058–1079)**, решил вернуть себе законный престол и пошел походом на **Киев**. Узнав об этом, киевский князь **Всеслав** вышел навстречу ляхскому войску, но в самый последний момент, бросив свою дружину, он бежал в **Полоцк**, откуда, изгнанный тамошним вече, вновь бежал, но уже в **Польшу**. В этой ситуации по просьбе киевлян, повинившихся в своем «грехе» и «злодеянии», **Святополк** и **Всеволод** уговорили старшего брата «не водить **ляховъ Кыеву**» и «не погубить града отца». Вняв их увещеванию, **Изяслав** «остави **ляхи**» и послал в **Киев** своего старшего сына **Мстислава**, который перед возвращением отца на законный престол, «иссече и исслепиша» несколько десятков киевлян, принявших активное участие в бунте.

1069–1073 — второй период правление Великого киевского князя Изяслава Ярославича. Это время не было богато на политические события, но что характерно именно в этот период, в **1070–1071 гг.**, произошли еще два мощных восстания «Земли» против «Власти» в **Новгороде** и **Ростовской земле**. Видимо, именно эти события и стали причиной нового княжеского съезда, состоявшегося в **1072 г.** в **Вышгороде**. По мнению большинства историков, именно здесь в старинной княжой резиденции **Изяслав**, **Святослав** и **Всеволод** приняли два важнейших решения: 1) о перезахоронении останков и канонизации первых общерусских святых — князей-страстотерпцев **Бориса** и **Глеба (Н. Ильин, М. Алешковский, А. Хорошев, Я. Щапов)** и 2) о создании второй части «Русской Правды» — «Правды Ярославича».

чей», в которой отменялась кровная месть и устанавливались большие денежные штрафы за покушение на княжескую доменальную собственность, жизнь княжеских огнищан и тиунов, разбой, кражи, поджоги и другие тяжкие преступления (С. Юшков, М. Тихомиров, А. Сахаров). Хотя, справедливости ради надо сказать, что далеко не все историки согласны с тем, что на этом съезде произошла канонизация Бориса и Глеба (Л. Мюллер, Н. Милютенко) и была принята «Правда Ярославичей» (А. Зимин).

Надо сказать, что эти княжеские съезды, которые по тогдашней терминологии именовались «снѣмами», в отечественной историографии традиционно рассматривались как особый политический институт, решения которых скреплялись клятвой на кресте и обильными пирами. Однако роль этих княжеских съездов до сих пор недостаточно изучена и поэтому по-разному трактуется в исторической литературе. Например, одни исследователи (В. Пашуто, А. Щавелев) признавали их высшим органом государственной власти в стране, особенно накануне и в период феодальной раздробленности. Их же оппоненты (Б. Рыбаков, А. Толочко) оценивали их как исключительно архаическую процедуру, которая не имела никакого реального воздействия на ход политических событий Древней Руси.

б) Период новых княжеских уособиц (1073–1113)

1073 — по неустановленным причинам Святослав и Всеволод, «преступивша заповѣдь отню», изгнали из Киева старшего брата Изяслава. Сама летопись виновником этой распри называла черниговского князя Святослава, который, «желая волшая власти», прельстил безвольного Всеволода выступить против старшего брата, обвинив того в тайных сношениях с их заклятым врагом Всеславом Полоцким. Многие историки (Б. Рыбаков, А. Кузьмин, П. Толочко) вполне доверяли этой летописной статье, однако их оппоненты (Б. Греков, А. Сахаров) полагали, что виновником княжеской распри стал как раз сам Изяслав, давно известный своей западнической ориентацией. Именно он, будучи открытым полонофилом: 1) всегда склонялся к католицизму, в чем его обвинял сам Феодосий Печерский, один из самых авторитетных духовных пастырей Древней Руси и, 2) решив стать самовластным правителем всей Руси, он вступил в тайный сговор с таким же полонофилом Всеславом Полоцким против своих младших братьев Святослава и Всеволода. Как бы то ни было, но именно это событие положило конец «триумвирату Ярославичей», что в итоге и привело к целой череде новых княжеских междоусобиц и к полному распаду единой Киевской Руси.

1073–1076 — правление Великого киевского князя Святослава Ярославича. После утверждения Святослава в Киеве, его брат Всеволод перебрался на второй по значению княжеский стол в Чернигове, а старший сын Великого князя Олег Святославич, соответственно, сел на освободившейся княжеский стол в Переяславле. При этом ряд современных авторов (П. Толочко, Д. Боровков) расценили новый передел власти как возникновение «дуумвирата» Святослава-Всеволода.

Тем временем князь-изгой Изяслав, прихватив с собой богатую княжескую казну, скитался по разным европейским дворам («блудил по чужимъ землямъ») в надежде получить поддержку в борьбе за возвращение великокняжеского престола. Однако все его переговоры с польским королем Болеславом II Смелым (1058–1079), германским императором Генрихом IV (1053–1105) и римским папой

Григорием VII (1073—1085) не увенчались успехом. Более того, чтобы предотвратить возможный поход иноверцев на Русь, князь **Святослав** заключил военный союз с польским королем и снарядил большой поход против враждебных ему чехов, который возглавили его сын **Олег** и его племянник **Владимир Мономах**, совершенно не подозревая о том, что всего через несколько лет жизнь надолго разведет их в жестокой междоусобной борьбе.

Вскоре после завершения этого похода Великий киевский князь **Святослав**, не перенеся тяжелой операции на желудке, скоропостижно скончался и на киевский престол сел последний из **Ярославичей**, черниговский князь **Всеволод**. Получив известие о перемене власти в **Киеве**, **Изяслав** пошел походом на Русь, однако новой братоубийственной войны удалось избежать, поскольку сам **Всеволод** предложил старшему брату заключить мир. По условиям **Волынского договора** великокняжеский престол возвращался **Изяславу**, а **Всеволод** должен был отъехать в свой стольный град **Чернигов**. При этом третий по значению город «Русской земли» **Переяславль**, вопреки принципу старшинства, остался за сыном **Всеволода Владимира Мономаха**, который был младше своих двоюродных братьев **Святополка Изяславича** и **Олега Святославича**.

1077—1078 — третий период правления Великого киевского князя **Изяслава Ярославича** и начало новой междоусобицы. Инициатором новой княжеской распри на сей раз стали три племянника старших **Ярославичей** — **Олег Святославич**, **Роман Святославич** и **Борис Вячеславич**, которые были крайне недовольны тем переделом власти, который учинили их дядья. Заключив военный союз с половцами, «коалиция младших князей» вышла из **Тмутаракани** в поход на Русь, и вскоре подошла к **Чернигову**, неподалеку от которого, на реке **Сожище**, в **августе 1078 г.** **Всеволод** и **Владимир Мономах** потерпел поражение от пришедшего русско-половецкого войска и бежали в **Киев**.

Пока **Олег**, **Роман** и **Борис** вкуче с половецкими ордами разоряли черниговскую землю, «многого зла створивши, прольяхши кровь хрестьянскую», **Изяслав**, **Всеволод** и их сыновья **Ярополк** и **Владимир Мономах**, собрав «воя от мала до велика, поидоша к Чернигову», близ которого на **Нежатиной ниве** состоялась «сеча зла». Исход этой кровопролитной битвы, произошедшей в **октябре 1078 г.**, оказался плачевным для обеих сторон, поскольку в ней погибли и главный виновник этой битвы волынский князь **Борис**, и великий князь **Изяслав**, которого внезапно, уже по окончании битвы, «ударя копьемъ за плеча» какой-то безымянный ратник из его же ближнего круга. Тем не менее, победа осталась за правой стороной, а **Олег** и **Роман** с малой дружиной, ели спасшись от погони, вновь бежал в **Тмутаракань**.

1078—1093 — правление Великого киевского князя **Всеволода Ярославича**. По мнению многих историков (**Б. Греков**, **Б. Рыбаков**, **А. Кузьмин**, **А. Сахаров**), весь период правления этого Великого князя представлял собой фактический «дуумвират», поскольку его старший сын **Владимир Мономах**, вопреки старшинству, вновь перебрался на второй по значению черниговский стол, и во многом определял политический курс своего отца. Естественно такой передел власти вновь вызвал резкое неприятие их недругов, и в **1079 г.** князь **Роман**, заключив очередной военный союз с половцами, предпринял еще один поход на Русь. Однако Великий князь **Всеволод**, выйдя навстречу неприятельскому войску к **Переяславу**, одарив половцев богатыми дарами, заключил с ними мирный договор и те подло убили

князя **Романа**. Тем временем в самой **Тмутаракани** его брат **Олег** был схвачен византийскими агентами и отправлен в ссылку на далекий остров **Родос**, где провел несколько лет и вернулся в южный отцовский удел только в **1083 г.** Однако вновь идти добывать отцовский престол в **Чернигове** он пока не рискнул и, тихо сидя в далекой **Тмутаракани**, мирно дожидался своего «звездного часа».

Период правления этого «дуумвирата» довольно слабо отражен в летописных статьях, но судя по «**Поучению Владимира Мономаха**», сохранившегося только в составе **Лаврентьевского списка ПВЛ**, именно в этот период старший сын Великого князя предпринял ряд крупных военных акций. В частности, речь идет о его походах против половецких орд (**1080, 1081**) и вятичей (**1082, 1083**), и междоусобных войнах с **Всеславом Полоцким (1078, 1092)** и **Ярополком Вольнским (1084, 1086)**. Но, несмотря на столь солидный боевой опыт, после смерти своего отца, **Владимир Мономах** не стал претендовать на отцовский престол и, во избежание новой кровавой междоусобицы, передал его по старшинству двоюродному брату **Святополку Изяславичу**, который сидел неподалеку в **Турове**. Причем, ряд современных авторов (**В. Кучкин, М. Свердлов**) высказали предположение, что такая договоренность была достигнута еще при жизни **Всеволода**, для чего **Святополк** в **1088 г.** и перебрался с новгородского стола в **Туров**, поближе к **Киеву**.

1093—1113 — правление Великого Киевского князя Святополка Изяславича. Узнав о перемене власти в **Киеве**, половецкий хан **Тугоркан** вторгся в пределы Руси и, направив к Великому князю своих послов, потребовал от него заключить новый мирный договор. Фактически речь шла о том, что ханские послы предложили **Святополку** откупиться от них, однако, не послушав влиятельных киевских бояр, он заточил ханских послов и решил идти походом против половцев. Но собрать под свои знамена внушительную рать ему не удалось, и тогда он обратился за поддержкой к **Владимиру Мономаху**. Как повествует летопись, умудренный черниговский князь убеждал своего кузена кончить дело миром и откупиться от половецкой орды. Но **Святополк** настоял на своем и, повинаясь воле старшего князя, **Владимир Мономах** и его младший брат князь **Ростислав**, сидевший в порубежном **Переяславле**, вышли вместе с ним навстречу половецкой орде к **Треполю**. В мае **1093 г.** на реке **Стугне**, «**всѣ бо тогда наводнилася велми, бысть брань люта**», в которой русские дружины потерпели сокрушительное поражение во время беспорядочного бегства от половецкой конницы. Причем, многие ратники, в том числе и князь **Ростислав**, пали не на поле брани, а просто утонули в многоводной реке под тяжестью собственных доспехов. Оказавшись под угрозой полного разгрома и потери своего престола, виновник этой катастрофы князь **Святополк** вынужден был заключить с половцами новый мир, который по обычаю был скреплен династическим браком Великого князя на одной из ханских дочерей, имя которой источники не сохранили.

1094 — поход Олег Святославича на Русь. Вероятнее всего, узнав о разгроме русских дружин на **Стугне**, князь-изгой **Олег**, долго сидевший в далекой **Тмутаракани**, заключил с другой половецкой ордой союз и осадил **Чернигов**. Тамашний князь **Владимир Мономах**, не желая начинать новую распрю, добровольно вернул **Олегу** отцовский престол, а сам отъехал в **Переяславль**, на опустевший после гибели его младшего брата княжеский стол. Однако, как повествует летопись, даже после взятия **Чернигова** **Олег** не утомил половецкую орду, а «**всѣ бо самъ повелеахъ имѣ**

воевати» на черниговской земле, в результате чего «**много хрестьянъ изъгублено бысть**». Значительно позднее безымянный автор «Слова о Полку Игореве» назовет князя **Олега Святославича «Гориславичем»**, вполне законно обвинив его в том, что именно он наводил половцев на Русь. Правда, как отметили многие историки (**Б. Греков, Б. Рыбаков, А. Кузьмин, А. Сахаров**), другие русские князья тоже частенько пользовали половецкие орды для решения своих политических задач, в том числе и сам **Владимир Мономах**. Это утверждение вполне соответствует истине, но за одной существенной поправкой: **Владимир Мономах** пользовал половцев только в ратном деле и не позволял им безнаказанно грабить русские земли после завершения военных походов, в которых они принимали участие наравне с русскими дружинами, а **Олег**, напротив, потрафлял им в грабеже русских земель.

1095 — половецкие орды ханов **Итлара** и **Китана**, нарушив мирный договор, вновь совершили набег на порубежный **Переяславль** и осадили его. Изначально **Владимир Мономах** думал порешить дело миром и принял половецкое посольство во главе с ханом **Итларем** на своем княжьем дворе. Однако, вскоре, повинуясь вельским аргументам своих воевод и великокняжеского посла, что половцы никогда не блюдут мирных договоров и «**кровь хрестьянскую проливають беспрестани**», он изменил прежнее решение. В ту же ночь русские ратники перебили весь половецкий стан во главе с ханом **Китаном**, а затем расстреляли из луков половецкое посольство во главе с ханом **Итларем**. После этих событий объединенная русская рать во главе со **Святополком** и **Владимиром Мономахом** совершила удачный поход на половецкие вежи (зимовья) и привела оттуда богатую добычу, «**полониша скоты, и кони, и вельблуды, и челядь**».

1096 — князья **Святополк** и **Владимир Мономах** обратились к князю **Олегу** с предложением приехать на княжеский съезд в **Киев** и «**учинить порядъ о Рүсской земьле**». Однако горделивый черниговский князь, «**не восхоте ити къ братома своимъ, послушавъ злыхъ светниковъ**», и тогда союзные князья, обвинив **Олега** в том, что он «**помогати хощеши поганымъ**», вышли в поход на **Чернигов**. Узнав о приближении двоюродных братьев, **Олег** поспешно бежал в **Стародуб**, который вскоре осадили **Святополк** и **Владимир Мономах**. Однако после месячной осады, под давлением изнемогших от осады горожан, **Олег** вынужден был сдаться на милость победителей и целовать крест, что прибудет на княжеский съезд в **Киев**, а пока отъедет в **Смоленск** под присмотр своего брата **Давыда**, сидевшего на тамошнем столе.

Тем временем две новых половецких орды ханов **Туторкана** и **Боняка** вторглись в южные пределы Руси и устремились на **Киев** и **Переяславль**, поэтому **Святополк** и **Владимир Мономах** срочно вернулись восвояси бороться свои веси и города. Между тем князь **Олег**, преступив клятву на кресте, затеял новую усобицу и ушел из **Смоленска** в **Муром** и **Рязань**, которые когда-то были отчиной его отца. Здесь под **Муромом**, на реке **Калокша**, между ним и его племянником **Изяславом Владимировичем**, который, кстати, был его крестником, «**бысть брань люта**», в которой юный князь трагически погиб. Одержав победу, **Олег** вскоре захватил **Муром, Рязань, Ростов** и **Суздаль**, где «**посожа посадники по городомъ и дани почю брати**». Узнав о произошедшей трагедии, **Владимир Мономах**, презрев свое личное горе, связанное с гибелью сына («**много борешися сердциъ и одолевши душе сердце моему**»), направил **Олегу** личное послание, в котором предложил ему «**Рүсьски земли не погуби**», порешить все миром. Однако князь **Олег** отверг этот призыв мудрого

христианина и начал готовиться к походу на **Новгород**, где сидел его племянник князь **Мстислав Владимирович**. Тогда на черниговского князя поднялся весь **Мономахов род** и в битве при **Муроме** **Мстислав** и **Вячеслав Владимировичи** разбили черниговского князя, который попросил о пощаде и поклялся на кресте, «**обещася тако створити**», прибыть на княжеский съезд для решения всех общерусских дел.

1097 — Любеческий съезд русских князей. На этот самый знаменитый съезд правящих русских князей «**на строенье мира**» прибыли все старшие внуки **Ярослава Мудрого**: Великий киевский князь **Святополк Изяславич**, переяславский князь **Владимир Всеволодович Мономах**, волынский князь **Давыд Игоревич**, черниговские князья **Олег Святославич** и **Давыд Святославич** и их племянник князь-изгой **Василько Ростиславич**. На этом съезде было решено, что ради спасения русской земли и единения сил в борьбе с половцами, всем князьям надо быть «**въ едино сердце**», «**не переступать предела братня**» и установить, что «**каждо держитъ очинну свою**». В соответствие с этим принципом было решено, что все русские князья правят исключительно в тех землях, где сидели на столах их отцы, а великокняжеский престол занимается строго по старшинству. В результате достигнутых договоренностей, как всегда скрепленных клятвой на кресте, **Святополк** остался на престоле в **Киеве**, **Владимир Мономах** — в **Переяславле**, **Олег** и **Давыд Святославичи** — в **Чернигове**, **Давыд Игоревич** — во **Владимире-Волынском**, а родные братья **Володарь** и **Василько Ростиславичи** получили столы в волынских городах **Перемышле** и **Теребовле**.

В исторической литературе до сих пор существуют совершенно разные оценки итогов этого съезда. Одни историки (**П. Толочко**, **И. Фроянов**, **А. Дворниченко**) не придают его решениям судьбоносного значения, поскольку полагают, что этот съезд: **1)** разделил не сами земли, а только власть над ними и **2)** де-юре закрепил лишь только то, что уже давно было реальностью, а именно существование отдельных городов-государств. Другие авторы (**М. Свердлов**, **А. Сахаров**, **Д. Боровков**) считают, что этот съезд, напротив, был пронизан идеей сохранения единства всей русской земли, поскольку не внес ничего принципиально нового в ту систему власти, которая сложилась при **Ярославе Мудром**. Еще одни авторы (**А. Кузьмин**, **Г. Артамонов**) полагают, что единственным реальным результатом этого съезда стало юридическое закрепление принцип майората, т.е. передачи власти строго по старшинству, контуры которого были обозначены еще в «**Завещании Ярослава Мудрого**». Наконец, четвертая группа авторов (**Б. Греков**, **М. Тихомиров**, **К. Базилиевич**) утверждала, что именно этот съезд юридически оформил основной принцип феодальной раздробленности и стал катализатором политического распада единой Руси на удельные княжества.

Установленный на **Любеческом съезде** мир оказался на редкость недолговечным. Вскоре после его окончания Великий князь **Святополк** и волынский князь **Давыд**, преступив клятву на кресте, совершили неслыханный акт вероломства. Заманив князя **Василька Ростиславича** на молебн в **Киев**, они схватили его и вывезли в **Белгород**, где он был ослеплен. Ряд историков (**В. Василевский**, **И. Будовниц**) утверждали, что за этим страшным преступлением стояли коварные византийцы, однако их оппоненты (**П. Толочко**) резонно полагают, что византийской изощренностью в расправах и казнях русские князья давно и успешно овладели сами. **Весной 1098 г.**, когда весть об этом жутком злодеянии разошлась по всей Руси, **Владимир Мономах** и черниговские князья, стоворившись на **Городецком съезде**,

пошли походом на **Киев**, силой заставили Великого князя **Святополка** примкнуть к их коалиции и вместе двинулись походом на **Волынь**. Однако до нового кровопролития дело не дошло, поскольку князь **Давыд**, покаялся в своем злодеянии и, отпустив ослепленного им **Василька**, «с^творяше с нимъ миръ». Но вскоре на **Волыни** и в **Галиции** началась новая междоусобная вражда, в ходе которой **Володарь** и **Василько Ростиславичи** захватили все волынские города и изгнали **Давыда** с отцовского стола, а сам он бежал «в **ляхи**».

1100 — Витичевский съезд русских князей. Этот княжеский съезд стал прямым следствием последней княжеской усьобицы, на котором **Святополк**, **Владимир**, **Давыд** и **Олег**, «с^твориша миръ межи собою», решили отнять у **Давыда** волынский престол и передать его **Володарю** и **Васильку Ростиславичам**, за то, что он «уверг еси ножь в ны, егоже не было в Р^усской земли». Взамен волынский князь получил от Великого князя **Святополка** заштатный городок **Дорогобуж**, а от других князей — откупную виру в размере **400 гривен**. При этом **Володарь** и **Василек** получили в управление только **Перемышль**, а волынским князем стал старший сын **Святополка Ярослав**.

В том же году состоялся **Золотеченский съезд русских князей**, на котором **Владимир Мономах** выступил с идеей совершить масштабный поход в сами половецкие вежи с тем, чтобы положить конец бесконечным набегам половцев на Русь. Однако этот поход не состоялся, поскольку половцы, узнав о намереньях русских князей, сами запросили мира.

1101 — Саковский съезд русских князей и половецких ханов. На этом съезде, созванном по обоюдной договоренности, русские князья и половецкие ханы «с^твориша миръ». Но вскоре стало очевидно, что этот мир стал лишь хитроумной уловкой степняков, поскольку уже в **1102 г.** хан приднепровской половецкой орды **Боняк**, подло преступив этот договор, вторгся в пределы Руси и совершенно безнаказанно пограбил земли южнорусских княжеств.

1103 — Долобский съезд русских князей и битва на реке Сутень. На сей раз участниками нового княжеского съезда стали только два самых влиятельных правителя Древней Руси — Великий князь **Святополк** и князь **Владимир Мономах**, впервые прибывшие на него в сопровождении своих дружин. В ходе состоявшегося диалога были приняты два важных решения: 1) упредить очередной набег половецких орд и организовать вглубь **Половецкой степи** крупномасштабный поход объединенных русских дружин и 2) начать этот поход не летом, а ранней весной, чтобы застать половецкие вежи врасплох. Практически сразу после этого решения объединенная русская рать под началом **Святополка Киевского**, **Владимира Мономаха**, **Давыда Черниговского**, **Мстислава Смоленского**, **Давыда Полоцкого** и **Вячеслава Брестского** совершила грандиозный поход в **Половецкую степь** и дошла до половецких веж на берегу **Азовского моря**. Именно здесь, на реке **Сутень** в **апреле 1103 г.** состоялось грандиозное сражение, которое завершилось катастрофой для половцев. Как повествует летописец, при виде огромного русского войска половцы остолбенели, ибо «страхъ нападе на ня и трепетъ от лица р^усскихъ вон», а «р^усъ же с весельемъ на конехъ и пешн потекоша к нимъ». В результате этой стремительной атаки враг дрогнул и «повегоша передъ р^ускими князьями, наши же погнаша секуще я, и створи Бог въ тотъ день победу велику». В результате этого сражения погибли два десятка половецких ханов, в том числе **Вельдуза**, **Урусоба**, **Китанопы**, **Куман**, **Асуп**, **Курток** и другие, а русские князья «приндоша в Р^усь с полономъ великимъ»,

и съ славою, и съ победою великою». После этой катастрофы половцы несколько лет не тревожили русские рубежи, однако в 1107 г. половецкие орды ханов **Боняка** и **Шарукана** вновь напали на порубежные города. В этой ситуации **Святополк, Владимир Мономах** и другие русские князья быстро организовали им достойный отпор и разгромили их на реке **Хорол**. В 1109–1100 г. русским князьям вновь пришлось отбивать набеги половцев на порубежные земли, поэтому вскоре **Владимир Мономах** вновь предложил организовать новый общерусский поход на половецкие вежи.

1111 — Общерусский «крестовый» поход против половцев. В ходе этого похода, который в современной историографии (**В. Каргалов, А. Сахаров**) по аналогии с европейскими походами на Восток, принято называть «крестовым», русская рать во главе со **Святополком Киевским, Владимиром Мономахом, Давыдом Черниговским** и их сыновьями добралась до низовий **Северского Донца**, где находились основные кочевья самой крупной половецкой орды хана **Шарукана** и нанесла ей такое сокрушительное поражение в битве на реке **Сальнице**, от которого донские половцы не могли оправиться в течение ближайших двадцати лет. Неслучайно русский летописец, писавший об этой битве буквально по горячим следам, утверждал, что «брань бысть люта межн ими, и избьени быша иноплеменице многое множество, и взяша полона много».

Кстати, крупнейший специалист по истории древних кочевых народов профессор **С.А. Плетнева** вполне убедительно доказала, что вскоре после этого события большинство половецких кочевий переместились за тысячу километров от южных границ Руси, после чего отношения половцев с русскими князьями стали носить более спокойный, а в отдельные периоды даже дружественный характер. Вместе с тем, как отметил профессор **А.Г. Кузьмин**, не надо забывать и то, что сами половцы отнюдь не представляли собой единого образования и во внутренних усобицах частенько прибегали к услугам русских князей. Неслучайно и **Владимир Мономах**, и **Олег Черниговский** женили своих сыновей — **Юрия Долгорукого** и **Святослава** на дочерях хана **Аепы**, который был их давним союзником.

в) Правление Владимира Мономаха и Мстислава Великого (1113–1132)

1113 — смерть Великого киевского князя Святополка и восстание в Киеве. В апреле 1113 г. Великий князь **Святополк** скоропостижно скончался, что послужило поводом для нового мощного восстания в **Киеве**. Традиционный взгляд на это событие, представленный в работах многих советских историков (**Б. Греков, Б. Рыбаков, В. Мавродин**), состоит в том, что смерть этого крайне непопулярного киевского князя, который был весьма корыстолюбив и скуп, стала детонатором мощного антифеодального протеста, в ходе которого были разграблены дворы тысяцкого **Путаты** и богатых евреев-ростовщиков, которым **Святополк** отдал на откуп торговлю всей солью и не чинил никаких преград в их финансовых аферах и махинациях. Однако в реальности все обстояло не так просто, как кажется на первый взгляд. Действительно покойный князь был очень не разборчив в выборе своих финансовых агентов и имел особый интерес к богатой общине еврейских (хазарских) купцов и ростовщиков, которые частенько снабжали его деньгами. Однако, как считают ряд историков (**И. Фроянов, А. Кузьмин, А. Сахаров**), погром еврейского квартала в **Киеве** стал лишь зримым проявлением острой борьбы за власть между сыном покойного князя **Ярославом**, сидевшем в **Турове**, **Владимиром Мономахом**,

который правил в **Переяславле**, и **Олегом**, княжившим в **Чернигове**. Между тем, после смерти **Святополка**, ситуация с престолонаследием оказалась на редкость запутанной, поскольку законные права на великокняжеский престол одновременно были и у старейшего по возрасту черниговского князя, и у самого младшего по возрасту туровского князя. Однако, как известно, князь **Олег** был самым тесным образом связан с еврейскими общинами в разных русских городах, которые в свою очередь имели очень тесные контакты с богатой хазарской общиной в **Тмутаракани**, где он правил больше десяти лет. Поэтому, когда тысяцкий **Путята**, так же тесно связанный с еврейской киевской общиной стал активно агитировать за князя **Олега**, здесь и начался тот самый бунт, который потряс весь **Киев** и его окрестности. Именно поэтому по призыву митрополита **Никифора** у **Софийского собора** было срочно созвано городское вече, которое и решило призвать на великокняжеский престол **Владимира Мономаха**.

1113—1125 — правление Великого киевского князя **Владимира Мономаха**. По известному летописному свидетельству **Владимир Мономах** родился в **1053 г.** в **Переяславле**, где тогда княжил его отец **Всеволод Ярославич**. Матерью младенца стала дочь византийского императора **Константина Мономаха**, от которого он и унаследовал свое знаменитое прозвище. С юных лет молодой княжич был опорой своего отца во всех государственных и ратных делах, а в последние годы жизни стал фактическим соправителем Великого князя. Однако сразу после смерти отца **Владимир Мономах** не стал претендовать на великокняжеский престол и уступил его по старшинству князю **Святополку**. Причины такого странного поведения одного из самых могущественных и авторитетных русских князей до сих пор будоражат умы историков. Одни из них (**А. Орлов, А. Кузьмин, А. Сахаров**) считают, что **Владимир Мономах** вполне осознанно пошел на этот шаг с тем, чтобы не спровоцировать новую княжескую усобицу. Однако другие авторы (**В. Кучкин, М. Свердлов**) утверждают, что **Владимир Мономах** лишь в точности исполнил ту давнюю договоренность, которая была достигнута между его отцом и племянником за несколько лет до кончины Великого князя.

Как предполагают ряд историков (**А. Орлов, А. Кузьмин, А. Сахаров**), после скоропостижной смерти **Святополка** и восстания киевлян **Владимир Мономах** отнюдь не стремился занять великокняжеский престол и был готов уступить его **Святополку Черниговскому**, который так же был старше своего брата. Однако сами киевляне, прежде всего, весь церковный клир и бояре, буквально упростили **Владимира Мономаха** принять великокняжеский венец, заявив ему, что «**аще не пондеши, то веси яко много зло ѹдвигнется**». Вместе с тем, не надо забывать, что две последние редакции **ПВЛ**, создавались именно при **Владимире Мономахе**, поэтому вполне возможно, что летописная версия его призвания на великокняжеский престол была сознательно подправлена летописцем, и в реальности дело обстояло не совсем так.

Как бы то ни было, но сразу по прибытии в **Киев** в сопровождении своей дружины **Владимир Мономах** быстро успокоил киевлян и издал ряд княжеских уставов, ставших составной (третьей) частью «**Русской Правды**», которую в историографии принято называть «**Устав Владимира Мономаха**». Из новых статей **Пространной редакции «Русской Правды»** принципиальное значение имел «**Устав о резах**», который существенно ограничил произвол ростовщиков, которыми традиционно были только иудеи. Дело в том, что ростовничество было вне закона во всех христианских церквях, но оно не только разрешалось, но даже поощрялось в иудаизме, потому это богопротивное для

всех христиан «ремесло» являлась исключительной монополией иудейских общин во всех городах Руси, Европы и Ближнего Востока. Другой «Устав о закупках и холопах» стал первой ласточкой, который ограничил «холопство по ключу», т.е. холопство тиунов, ключников и огнищан, которые теперь могли поступать в обельные (полные) холопы только по ряду-договору, заключенному со своим господином.

Став Великим киевским князем в уже очень почтенном возрасте, **Владимир Мономах** не только занимался внутренним устройством государства, но не забывал и о ратном деле. В 1113 г. вместе со своими сыновьями **Мстиславом** и **Ярополком** он отразил половецкое нашествие на **Выри**. Затем, в 1116 г., он лично возглавил новый поход русских дружин в половецкие вежи, а затем водил рать против мятежного минского князя **Глеба**, захватившего **Смоленск**. В 1118 г. ему пришлось подавлять мятеж волынского князя **Ярослава**, но вскоре старые раны и очень преклонный возраст стали брать свое. Поэтому в том же году **Владимир Мономах** перевел из **Новгорода** в **Белгород**, поближе к **Киеву**, своего старшего сына **Мстислава**, а новгородский стол передал его сыну и своему внуку **Всеволоду**.

По мнению большинства авторитетных историков (**Б. Греков, А. Орлов, Б. Рыбаков, М. Тихомиров, А. Кузьмин, М. Свердлов, А. Сахаров**), авторитет и влияние **Владимира Мономаха** во всех русских были настолько велики, что можно вполне определенно говорить о ренессансе Древней Руси, которая именно в те годы была сильна как никогда. К моменту кончины **Владимира Мономаха**, которая произошла в мае 1125 г., все его сыновья и старшие внуки сидели в большинстве русских волостей: старший сын **Мстислав** неотлучно находился с отцом в **Киеве**, другой сын **Ярополк** правил в **Переяславле**, третий сын **Вячеслав** княжил в **Смоленске**, четвертый сын **Юрий** сидел в **Ростове**, пятый сын **Андрей** правил во **Владимире-Волынском** и, наконец, старший внук **Всеволод** управлял **Новгородом**. Фактически вне формального контроля **Мономашичей** были только раздробленные земли **Полоцкого княжества**, где сидели потомки **Всеслава**, и **Чернигов, Муром и Рязань**, где сидели потомки **Олега Черниговского**, которые традиционно были основными конкурентами **Мономашичей** в борьбе за власть.

1125–1132 — правление Великого Киевского князя Мстислава Великого. Этот последний правитель единой Руси, по праву заслуживший свое прозвище, был старшим сыном **Владимира Мономаха**, который появился на свет в 1076 г. от его первой супруги, английской принцессы **Гиты**. Будучи еще отроком, в 1086 г. он был посажен своим дедом **Всеволодом** на княжение в **Новгород**, где правил больше тридцати лет. Причем, в качестве новгородского князя, которого горделивые новгородцы «ушкормили есмы собе», он заслужил всеобщее уважение и тамошней боярской верхушки, и церковного клира, и простых горожан, о чем красноречиво говорит следующий факт. В 1102 г. Великий киевский князь **Святополк** вознамерился посадить на престижный новгородский стол своего старшего сына **Ярослава**, однако новгородцы резко воспротивились этой затее и с явным вызовом заявили ему: «не хоуеъмъ Святополка, ни сына его, аще ли две голове иметь сынъ твои, то послани».

В 1118 г. одряхлевший **Владимир Мономах** вынужден был отозвать своего сына из **Новгорода** и посадить рядом с собой в **Белгород**, рассчитывая именно ему передать великокняжеский престол. Поэтому после смерти отца **Мстислав**, вопреки старшинству, сел править в **Киеве**, при этом никто из русских князей, в том числе его дядька черниговский князь **Ярослав**, имевший все законные права на велико-

княжеский престол, даже не помышляли перечить ему. Все годы своего правления **Мстислав Великий** жестко охранял целостность Русской земли и пресекал любые попытки сепаратизма, в том числе со стороны давнишних «киевских антагонистов» полоцких князей. В частности, в **1127–1129 гг.** в назидание другим князьям, **Мстислав** совершил два больших похода в земли **Полоцкого княжества**, в результате которых захватил, а затем выслал в **Византию** всех сыновей покойного **Всеслава** и посадил на полоцкий стол своего второго сына **Изяслава**. Однако век **Мстислава** на великокняжеском престоле оказался слишком мал и в **апреле 1132 г.** он скончался, передав великокняжеский престол младшему брату **Ярополку**.

г) Распад Древней Руси (1132–1154)

1132–1139 — правление Великого киевского князя Ярополка. Весь период правления этого киевского князя хронологически совпал с новой княжеской усобицей, в которой самое активное участие приняли четыре сына и два внука **Владимира Мономаха**. Причем, на сей раз яблоком раздора между ними стало их родовое гнездо — город **Переяславль**, где поочередно на престоле побывали и **Вячеслав Владимирович (1134)**, и **Юрий Владимирович (1135)**, и **Андрей Владимирович (1135–1141)**, и их племянники, сыновья покойного князя **Мстислава Великого**, — **Всеволод (1132)** и **Изяслав (1133)**. Пытаясь каким-то образом остановить эту усобицу, князь **Ярополк** созвал новый княжеский съезд, где говорил своим братьям: «ныне съ горестию виждѹ, как вы, неправо престѹпая заветѹ отчеськѹ и забывѹ благодѣяние отчеськое старейшего брата нашего **Мстислава**, детей его обидете и оным братоненависти приклад подаете». Однако все увещевания Великого князя не увенчались успехом и уже в **1134 г.** вспыхнула новая усобица между ростово-суздальским князем **Юрием Долгоруким** и его племянниками — новгородским князем **Всеволодом** и князем-изгоем **Изяславом**, силой лишенного отцовского престола в **Переяславле**.

Воспользовавшись новой распрей **Мономашичей**, черниговский князь **Всеволод (1127–1139)**, заключив военный союз с половецкой ордой, попытался захватить великокняжеский престол, однако эта очередная авантюра окончилась безрезультатно, поскольку все потомки **Мономаха**, оказавшись перед реальной угрозой потери великокняжеского стола, сплотились в борьбе против общего врага. В **1135 г.** в битве на реке **Супой** они разгромили черниговского князя и он, засев в своем родовом гнезде, стал тихо дожидаться лучших времен.

1139–1146 — Правление Великого киевского князя Всеволода. После смерти **Ярополка** великокняжеский престол наследовал его младший брат **Вячеслав**, но в том же году **Всеволод Черниговский** изгнал его из **Киева** и утвердился на великокняжеском престоле. Однако все годы своего недолгого правления ему пришлось вести изнурительные войны, сначала с ростово-суздальским князем **Юрием Долгоруким (1142–1143)**, а затем с галицким князем **Владимиром** и польским князем **Владиславом II (1144–1146)**. Кроме того, весь период своего правления он был явно озабочен и проблемой своего преемника на киевском престоле. Дважды ему пришлось собирать княжеские съезды, где он пытался навязать в качестве такого претендента кандидатуру младшего брата **Игоря**, однако договориться по этому вопросу ему не удалось ни с самими русскими князьями, ни с киевскими боярами.

Тем не менее, сразу после смерти старшего брата именно **Игорь** занял великокняжеский престол. Однако сразу после его восшествия на заветный стол в **Киеве**

вспыхнуло новое восстание «меньших людей». Эти странные события давно привлекают внимание историков (**Б. Грекова, М. Тихомирова, Б. Рыбакова, А. Кузьмина, П. Толочко, И. Фроянова**), поскольку именно они дают большой простор для обсуждения ключевых проблем, характера и форм политической и социальной борьбы в Древней Руси. При этом разные трактовки этих событий были связаны с различными деталями тех событий, отраженных в самих летописных сводах. Так, **Ипатьевская летопись** утверждала, что восшествие **Игоря** на великокняжеский престол стало итогом его закулисных переговоров с влиятельной киевской верхушкой. А **Иакимовская летопись**, которая сохранилась только в «известиях» **В.Н. Татищева**, говорит о том, что решающую роль в его возведении на киевский престол сыграло киевское городское вече, которому новоявленный князь клятвенно обещал отстранить от власти двух самых влиятельных княжеских тиунов **Ратшу** и **Тудора**, доставшихся ему в наследство от покойного брата. Но как бы то ни было, совершенно очевидно, что в этот период и в самом **Киеве**, и в других русских городах основными участниками политического процесса были три влиятельных силы: 1) «**Власть**» в лице князя и его дружины, которая очень слабо была связана с теми городами, в которых она правила, поскольку княжеские перемещение с престола на престол были обычной практикой тех лет; 2) управленческая верхушка «**Земли**», которая пыталась приватизировать традиционные выборные должности вечевого управления, в том числе должность тысяцкого, и 3) вечевые низы «**Земли**», основу которых составляли смерды и ремесленники, составлявшие костяк городского ополчения («посохи»), на которые традиционно опирались и сами князья, и их бояре во время ведения крупномасштабных боевых действий.

В самый разгар народного восстания киевская знать, которая традиционно ненавидела черниговских князей, направила в **Переяславль** к сыну **Мстислава Великого** своих ходоков с просьбой вернуться на отцовский престол: «понди княже, хочемъ тебе, и слышавъ же се **Изяславъ** сжалиси и понде с дружиною своею». В августе **1146 г.** близ **Киева** состоялась битва между дружинами **Игоря** и **Изяслава**, в разгар которой киевские ратники предали нелюбимого ими князя, и перешли на сторону противника. Князь **Игорь** позорно бежал в окрестные болота, а **Изяслав** торжественно въехал в **Киев**. Правда, вскоре беглеца вытащили из болот и привезли в **Киев**, где он принял монашеский постриг и стал схимником **Киевского Феодоровского монастыря**. Однако уже в **1147 г.** киевляне вновь подняли мятеж и жестоко убили ненавистного им черниговского князя, мстя ему за «**грехи и неправды**» покойного брата.

1146–1154 — правление Великого киевского князя Изяслава. Весь период своего правления он всячески пытался поднять свой авторитет, для чего инициировал избрание на митрополичий престол известного русского клирика **Климента Смолятича**, кандидатуру которого не утвердил **Константинопольский патриархат**. Однако по большей части ему так же пришлось вести изнурительную и тяжелую войну с коалицией ростово-суздальского князя **Юрия**, черниговского князя **Святослава** и галицкого князя **Владимира**. Причем, дважды соперники изгоняли его с киевского стола, который по старшинству занимал его дядька **Юрий Долгорукий (1149–1151)**. Однако в конце своей жизни, заключив союз с другим своим дядькой, князем **Вячеславом**, ему все же удалось разбить коалицию союзных князей и вернуться на отцовский престол, но уже через три года **Изяслав** внезапно умер.

К этому моменту единая Русь, повинаясь неумолимой логике истории, окончательно распалась на несколько десятков самостоятельных княжеств-государств, а **Киев** лишь формально сохранил статус столицы всех русских земель. Причем, по мнению ряда историков (**Б. Рыбаков, А. Кузьмин**), в самом **Киеве** именно в этот период сложилась «любопытная система дуумвирата», позаимствованная русскими князьями из Византии. Начало этой традиции положил сам князь **Изяслав**, который в последний период своего правления (**1151–1154**) делил титул Великого князя со своим дядькой **Вячеславом Владимировичем**. Затем аналогичный «дуумвират» возник в короткий период совместного правления того же князя **Вячеслава** и другого его племянника, смоленского князя **Ростислава (1154)**, который закончился в связи со смертью старшего из князей. Наконец, третий «дуумвират» возник в период совместного княжения черниговского князя **Святослава Всеволодовича** и киевского князя **Рюрика Ростиславича (1180–1194)**.

Сам же процесс распада Руси на отдельные суверенные земли историки датируют по-разному. Но по данным современного российского историка профессора **А.А. Горского**, который посвятил этой теме ряд довольно интересных и новаторских работ, первыми суверенными «землями» Древней Руси, в порядке их упоминания в разных летописных сводах, стали **Полоцкая земля (1128), Новгородская земля (1138), Черниговская земля (1142), Суздальская земля (1148), Галицкая земля (1152) и Волынская земля (1174)**. Причем, практически в каждом из этих суверенных государств не только сложились местные княжеские династии, но и сформировались разные формы государственного устройства, которые существенно отличались друг от друга. Затем процесс суверенизации русских земель охватил и другие волости Древней Руси, в результате чего на ее политической карте появились **Смоленская земля (1190), Рязанская земля (1234), Пинская земля (1248) и Муромская земля (1257)**.

При этом следует отметить, что если одни историки (**М. Погодин, Б. Рыбаков, В. Седов**) полагали, что эти суверенные «земли» практически совпадали с территориями старых «племенных княжений», то их оппоненты (**А. Пресняков, А. Насонов, А. Горский**) отрицали этот факт и считали, что формирование «удельных» княжеств шло на базе территориальных волостей, сложившихся уже в самой Киевской Руси.

Тема: РУССКИЕ ЗЕМЛИ В XII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII ВВ.

План:

1. Датировка, причины и оценки феодальной раздробленности.
2. Владимиро-Суздальское княжество (земля).
3. Галицко-Волынское княжество (земля).
4. Новгородская боярская республика (земля).

1. Датировка, причины и оценки феодальной раздробленности

При изучении начального этапа эпохи «феодальной раздробленности» или «удельного периода» русской истории в исторической науке традиционно спорят по трем

ключевым проблемам: 1) когда произошел распад единой Киевской державы на несколько суверенных княжеств-земель; 2) каковы были главные причины этого события и 3) как оценивать это событие.

1) В настоящее время по первой проблеме существует пять основных точек зрения. Одни историки (**Н. Карамзин, С. Бахрушин, А. Насонов**) вели отсчет эпохи феодальной раздробленности с завешания и смерти **Ярослава Мудрого (1054)**. Другие авторы (**Б. Греков, Д. Лихачев, И. Данилевский**) считали начальной датой «удельного периода» **Любеческий съезд**, который идеологически и юридически оформил главный принцип феодальной раздробленности — **«каждый держит отчину свою» (1097)**. Еще одни историки (**Б. Рыбаков, А. Кузьмин, А. Сахаров, А. Горский**) в категорической форме утверждали, что политический распад единого Древнерусского государства произошел лишь после смерти **Мстислава Великого (1132)**. Четвертая группа авторов (**Ю. Бегунов, В. Кожин**) напрямую связывала начало процесса распада единой Руси с монгольским нашествием (**1243**). Наконец, еще одни ученые (**В. Сергеевич, М. Дьяконов, И. Фроянов, А. Дворниченко**) считали, что единого Древнерусского государства никогда не существовало, поэтому говорить о феодальной раздробленности применительно к этому периоду вообще не имеет никакого смысла.

Если говорить по существу, то мы вполне разделяем мнение профессора **А.Г. Кузьмина**, что данный спор во многом носит чисто технический характер, поскольку феодальную раздробленность, как и любое общественное явление, следует рассматривать не в статике, а в развитии. Поэтому вполне возможно заочно примирить спорящие стороны, если рассматривать **1054 г.** — как начало этого процесса, **1097 г.** — как его кульминацию, а **1132 г.** — как завершение этого процесса. При этом можно также согласиться с мнением ряда современных авторов (**А. Сахаров, А. Горский**), что вплоть до монгольского нашествия политический распад Древней Руси никогда не был полным, поскольку сильным центробежным тенденциям всегда противостояли не менее мощные центростремительные силы, в частности пусть номинальная, но все же верховная власть Великого киевского князя и Русская Православная церковь, митрополичья кафедра которой по-прежнему находилась в **Киеве**.

2) В русской исторической науке (**С. Соловьев, М. Погодин, В. Ключевский**) причины кризиса и краха единой Киевской державы, в основном, усматривали в двух главных обстоятельствах: **а)** в родовом («лествичном») принципе наследования великокняжеского престола, а вернее в бесконечном нарушении этого принципа, что вело к многочисленным княжеским усобицам, и **б)** в падении международной роли торгового пути «из варяг в греки», который был своеобразным экономическим обручем всех русских земель. В советской исторической науке, основанной на классических постулатах истмата, главной причиной феодальной раздробленности считали **коренные изменения в экономическом базисе**, которые неизбежно повлекли за собой коренные изменения в политической надстройке и социальных отношениях. В частности, речь шла: **а)** о завершении долгого процесса «оседания» княжеской дружины на землю и создания боярского вотчинного землевладения и **б)** об окончательном превращении большинства древнерусских городов в полноценные центры ремесла и торговли. При этом советские историки не сбрасывали со счетов и политический аспект распада Древней Руси, в частности

родовой принцип наследования великокняжеского престола, но придавали ему второстепенное или подчиненное значение.

В постсоветский период, на откровенно конъюнктурной волне отрицания марксистского истмата, ряд тогдашних авторов (**Р. Скрынников, Л. Гумилев**) вернулись к дореволюционной трактовке главных причин феодальной раздробленности. Однако многие историки (**А. Кузьмин, А. Сахаров, В. Кучкин, М. Свердлов, А. Горский, И. Данилевский**) стали говорить о равновеликом влиянии и экономических, и политических, и социальных, и иных факторов на развитие этого процесса. В частности, профессор **А.Г. Кузьмин** акцентировал особое внимание на том, что десятикратный рост численности русских городов за прошедшие двести лет (**с 24 до 249**) и превращение их в главные центры экономического роста, не нуждавшихся больше в традиционной княжеской опеке, привело к существенному изменению прежнего характера взаимоотношений «**Земли**» и «**Власти**». Именно в **начале XII в.** во многих волостных княжениях «**Земля**» де-факто стала отвергать существовавший принцип «майората» и, невзирая на княжеские родословные, начала сама решать судьбу многих княжеских столов в разных волостях Руси, в том числе в **Киеве, Новгороде, Смоленске, Ростове** и других столичных городах. Кроме того, не надо забывать, что именно в этот период острые конфликты все чаще стали возникать не только между «**Землей**» и «**Властью**» в рамках самих волостей, но и между князьями разных волостей, нанятых «**Землей**» для защиты их кровных интересов. В этом смысле знаковым событием, ставшим зримой гранью между единой и удельной Русью, явилась война **Новгорода и Ростова**, вспыхнувшая в **1134–1135 гг.** Именно тогда началась новая усобица уже между самими **Мономахичами**, в частности ростово-суздальским князем **Юрием Долгоруким** и его племянниками, сыновьями **Мстислава Великого** — новгородским князем **Всеволодом** и князем-изгоем **Изяславом**.

3) В советской исторической науке, где традиционно господствовал своеобразный «культ централизации», период феодальной раздробленности расценивали, в основном, крайне негативно, как **период регресса и упадка** в развитии русской государственности, хотя в целом признавали закономерный характер этого процесса. Однако в настоящее время многие историки (**А. Кузьмин, В. Кучкин, М. Брайчевский, Н. Котляр, А. Горский**) делают особый акцент на том, что этот период в истории русской государственности был не только вполне закономерным, но и **объективно прогрессивным**, поскольку именно тогда был дан мощный импульс развитию производительных сил, росту городов как полноценных центров ремесла и торговли, а так же изменению прежнего характера княжеской власти и сильных вечевых структур, существовавших во многих древнерусских городах. Однако при этом многие историки (**А. Сахаров, Л. Гумилев, А. Горский**) справедливо говорят о том, что распад единой Руси негативно отразился на военном потенциале всех русских земель и их способности успешно противостоять внешней агрессии со стороны кочевников.

2. Владимиро-Суздальское княжество

Эта огромная территория в междуречье **Верхней Волги и Оки**, находившаяся на северо-восточных окраинах Древнерусского государства, изначально была заселена финно-угорскими племенами. Но уже в **конце IX в.** начался интенсивный

процесс славянской колонизации этого междуречья, которое в основном стали заселять племена **вятичей** и **кривичей**. Им удалось относительно быстро ассимилировать коренных аборигенов и занять господствующие позиции в этом регионе. В **964–966 гг.** после успешного похода **Святослава** в эти земли местные славянские племена были впервые обложены данью и включены в состав **Киевской державы**. Хотя, Великим киевским князьям **Ярославу Мудрому** и **Владимиру Мономаху** еще не раз пришлось «**ходить сквозь вятичи**», прежде чем эта огромная территория окончательно вошла в состав Киевской державы. Именно тогда ими были основаны и древнейшие города этой отдаленной части Руси, названные в их честь — **Ярославль (1010)** и **Владимир (1108)**.

Первоначально эта волость управлялась великокняжеским наместником, в роли которого выступал один из сыновей Великого киевского князя или другое доверенное лицо. Резиденцией этого наместника сначала был древнейший город **Ростов (862)**, а затем — **Суздаль (1124)**. По «**Завещанию Ярослава**» (**1054**) эта волость стала «родовым владением» его третьего сына **Всеволода** и его потомков, что затем де-юре было закреплено на **Любеческом съезде (1097)**. В **1107 г.** на княжение в ростово-суздальскую волость впервые прибыл один из младших сыновей **Владимира Мономаха** юный князь **Юрий Долгорукий (1091–1157)**, который вплоть до смерти своего отца и старшего брата обладал чисто номинальной властью. Но затем он не только стал полноправным правителем этой огромной территории, но и начал активно вмешиваться во все общерусские дела. Кроме того, став полноправным суздальским князем, **Юрий Долгорукий** стал родоначальником и новой княжеской династии ростово-суздальских князей, сыгравших особую роль в истории нашей страны.

После смерти старшего брата **Мстислава Великого**, сумевшего силой своего авторитета удержать Русь от новых княжеских усобиц, **Юрий Долгорукий** стал постоянно воевать со своими братьями и племянниками за великокняжеский престол, за что, вероятнее всего, и получил свое знаменитое прозвище. Одновременно он придавал большое значение расширению своих владений и укреплению их пограничных рубежей. По данным многих историков и археологов (**А. Насонов, Н. Воронин, В. Кучкин, Ю. Лимонов, М. Свердлов**), именно в эти годы на границах со **Смоленским** и **Черниговским княжествами** он основал **Москву (1147)** и **Звенигород (1152)**, на границах с **Рязанским княжеством** поставил **Стародуб (1138)** и **Гороховец (1155)**, на границе с **Новгородской землей** основал **Тверь (1135)**, **Углич (1148)**, **Кострому (1152)** и **Дмитров (1154)**, а на границах с **Волжской Болгарией** срубил **Городец (1152)**.

Вскоре после утверждения на киевском престоле своего племянника князя **Изяслава** **Юрий Долгорукий**, как один из старейших потомком **Владимира Мономаха**, в союзе с черниговским князем **Святославом**, родной брат которого князь **Игорь** был жестоко убит киевлянами, начал воевать за великокняжеский престол. Дважды, в **1149** и **1151 гг.**, этой мощной коалиции удавалось одержать верх, и **Юрий** восседал на киевский престол. Однако, не пользуясь поддержкой влиятельных киевских бояр и волостного вече, он вынужден был дважды вновь возвращаться в родовой **Суздаль**. И только после смерти **Изяслава** суздальский князь, одолев его младшего брата, смоленского князя **Ростислава**, наконец-то, закрепился на киевском престоле, передав власть в **Суздале** младшему сыну **Васильку**. Одновременно он перевел поближе к **Киеву** всех старших своих сыновей: **Ростислав** был посажен

отцом в Переяславль, Андрей — в Вышгород, Борис — в Белгород, а Глеб — в Канев. Однако в том же 1155 г. князь Андрей, «оскорявися делами и веселиями отцовыми, без отне воле» ушел назад в Суздальскую землю, с которой свяжет всю свою дальнейшую судьбу. Сам же Юрий Долгорукий прожил в Киеве только два года, поскольку в мае 1157 г. был отравлен тамошними боярами на пиру у старшего дружинника Петрилы.

После его смерти реальная власть в Суздальской земле оказалась не в руках суздальского князя Василька, а в руках его старшего брата владимирского князя Андрея (1157–1174), верховенство которого быстро признали старейшие городские общины Ростова и Суздаля. Причем, по мнению большинства историков (А. Насонов, В. Кучкин, Ю. Лимонов, М. Свердлов, И. Фроянов), этот акт признания произошел вполне добровольно на городских вече этих двух крупнейших и старейших городов Залесской Руси. Ровно через год, укрепившись на отцовском престоле, князь Андрей перенес из боярского Суздаля в свой престольный град Владимир и столицу всего княжества, построив близ него помпезную княжескую резиденцию в селе Боголюбово, отчего и получил свое знаменитое прозвище. При этом надо подчеркнуть, что многие историки (А. Насонов, Б. Рыбаков, Ю. Лимонов, М. Свердлов) традиционно связывали перенос княжеской столицы с тем, что князь Андрей окончательно решил порвать все отношения с влиятельным ростово-суздальским боярством и сделать основную ставку на княжеских «дворян», составивших костяк его боевой дружины, княжого двора и всей волостной администрации. Кстати, именно в этом те же историки видели и принципиальное отличие политического строя, сложившегося в Северо-Восточной Руси, от других русских земель, в частности Новгорода, Галиции и Волыни, где отношения между князьями, боярством и городскими общинами носили принципиальной иной характер.

Весь период правления Андрея Боголюбского главными его заботами стали: 1) борьба с сепаратизмом местного боярства и укрепление княжеской власти; 2) получение великокняжеского титула и 3) учреждение новой русской митрополии в своем княжестве. Уже в 1160 г., подавив сепаратизм мощных боярских кланов и церковного клира в Суздале и Ростове, он «изгна братию свою» — князей Василька, Мстислава и Всеволода и их мать-гречанку Ольгу в Византию. Ряд историков (В. Кучкин, Ю. Лимонов, А. Поппэ) связали это событие исключительно с борьбой Андрея за установление единоличной власти в своем княжестве. Однако их оппоненты (Н. Воронин, А. Кузьмин, М. Свердлов) убедительно доказали, что эта расправа со сводными братьями и своей мачехой была связана не только с борьбой за власть, но и с прежним грекофильским курсом своего отца и желанием Андрея учредить во Владимире новую русскую митрополию.

Вплоть до смерти своего родного дядьки, Великого киевского князя Ростислава (1154–1167), Андрей Боголюбский не вмешивался в общерусские дела и пока разбирался с ближайшими соседями. В частности, в 1164 г. он совершил удачный поход против Волжской Болгарии и отвоевал у нее стратегически важные земли в районе впадения Оки в Волгу, где позднее был основан Нижний Новгород. Однако после смерти Ростислава, когда киевский престол вопреки старшинству занял его племянник белгородский князь Мстислав, Андрей Боголюбский инициировал создание мощной коалиции русских князей и в 1169 г. «посла сына своего Мьстислава с полкы своими и съ Суздаля на Киевського князя на Мьстислава на Изяславича».

В результате этого поход **Киев** был подвергнут такому страшному погрому, от которого «**на вснхъ челоуещехъ стенание и туга, и скорбь не утешимая, и слезы непрестанныя**». Однако, вопреки традиции, киевский престол князь **Андрей** занимать не стал, а передал его своему младшему брату **Глебу (1169—1171)**, что, по мнению ряда историков (**Н. Воронин, А. Кузьмин, Л. Гумилев**), зримо показало падение прежней роли и значения **Киева** даже в качестве некоего символа единой Руси.

В богатой исторической литературе (**С. Соловьев, В. Ключевский, Н. Воронин, А. Кузьмин, Л. Гумилев, В. Кожин, Дж. Феннел**) уже давно существует устойчивое представление, что в результате этого поход **Киев** окончательно утратил роль великокняжеской столицы, а великокняжеский титул стал достоянием владимирских князей. Однако ряд историков (**Б. Рыбаков, А. Сахаров, А. Горский**) отрицают этот факт, считая, что их коллеги априори, не вполне критически, восприняли эту концепцию из источников эпохи **Московского царства**, в частности знаменитой «**Степенной книги царского родословия**», созданной при **Иване Грозном** по сугубо идейным и политическим мотивам.

Зимой 1170 г. сын **Андрея Мстислав** был послан отцом походом на **Новгород**, где правил его племянник **Роман**. Однако одолеть своего соперника в открытом бою союзное войско смоленского, полоцкого, рязанского, суздальского и владимирского князей так и не смогло, поскольку сами ратники «**многого зла створиша, села вся взяша и пожгоша и люди по селом иссекоша**», обрекли себя на голодное существование и стали легкой добычей новгородских дружин. Не добившись успеха на ратном поле, князь **Андрей** решил взять новгородцев измором и перекрыл им подвоз хлеба со своих «**низовских земель**». В результате сами новгородцы «**показали путь**» **Роману** и вынуждены были принять младшего сына **Андрея** князя **Юрия**. В конце своей жизни **Андрей Боголюбский** предпринял еще две военных акции против **Волжской Болгарии (1172)** и **Киева (1173)**, но оба этих похода, которые вновь возглавил его старший сын **Мстислав**, не увенчались успехом.

В 1174 г. против князя **Андрея** возник дворцовый заговор, в результате которого он был зверски убит. В различных летописных источниках, в том числе в **Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской и Тверской летописях**, содержатся и разные версии причин убийства Великого владимирского князя, и разный состав участников заговора против него. Достоверно можно сказать только то, что все летописные источники среди непосредственных участников убийства князя **Андрея** называют его ближайших «**милостников**» — зятя и сына легендарного боярина **Стефана Кучки Петра** и **Якима**, а так же княжеского ключника **Анбалы Ясина**. Поскольку на страницах нашего курса мы не можем подробно осветить эту проблему, то всем, кто пожелает подробно ознакомиться с загадочными обстоятельствами этих трагических событий, мы рекомендуем обратиться к трем монографическим исследованиям, которые принадлежат перу выдающегося советского историка и археолога профессора **Н.Н. Воронина «Андрей Боголюбский» (2007)** и двух современных историков — **Ю.В. Кривошеева «Гибель Андрея Боголюбского: историческое расследование» (2003)** и **А.Ю. Карпова «Андрей Боголюбский» (2014)**. При этом мы хотим особо подчеркнуть, что блестящее научное исследование профессора **Н.Н. Воронина**, написанное им еще в 1945 г., благодаря интригам ряда его коллег, в частности профессора **В.Т. Пашуто**, было рассыпано уже в типографии и не увидело свет при жизни автора, а было опубликовано только спустя тридцать пять лет после его смерти.

Надо сказать, что в исторической науке довольно давно сложилось устойчивое представление, что именно князь **Андрей**, желая стать новым **«самовластцем»** на Руси, стал родоначальником принципиально новой системы общественных отношений, которая выразилась в сознательном разрушении им традиционной **системы дружинно-феодалного вассалитета**. Именно при нем на смену старой системе «дружинных отношений» приходит новая **система подданства**, где князь из верховного сюзерена превращается в единовластного господина, а его младшие дружинники (**отроки, детские, пасынки**) из княжеских («договорных») вассалов становятся господскими («бездоговорными») министрами, составившими его княжеский двор. Именно на этот княжой двор и опирался **Андрей Боголюбский** в борьбе с влиятельным ростово-суздальским боярством и городскими общинами крупнейших городов своей земли. При этом надо заметить, что ряд известных историков либерального толка (**В. Кобрин, А. Юрганов, И. Данилевский, Дж. Феннел**) на волне чисто конъюнктурных разоблачений, свойственных смутным временам «горбачевской перестройки» и «ельцинского лихолетья», сразу пригвоздили этот политический режим к «позорному столбу истории», назвав его «деспотическим самодержавием», что, конечно, не имеет никакого отношения к настоящей науке, а было продиктовано исключительно политическими воззрениями этих авторов.

После гибели **Андрея Боголюбского** представители самых крупных и богатых городских общин **Северо-Восточной Руси** собрались на съезд в Суздале, где выявились крайне острые разногласия, как между самими городами, так и между сторонниками разных князей из правящей династии. В результате на всей территории **Владими́ро-Сузда́льского кня́жества** вспыхнула новая усобица, в которой приняли участие две коалиции князей: родные братья **Михаил** и **Всеволод Юрьевичи**, с одной стороны, и их племянники **Мстислав** и **Ярополк Ростиславичи**, с другой стороны. Победу в этой войне одержали старшие князья, и владимирский престол достался князю **Михаилу (1175–1176)**, а его племянники, опорой которых были богатые кланы ростово-суздальских бояр, позорно бежали — **Мстислав** в далекий **Новгород**, а **Ярополк** — в соседнюю **Рязань**. Однако вскоре князь **Михаил**, никогда не отличавшийся крепким здоровьем, умер, и в княжестве вспыхнула новая усобица. Ростовские и суздальские бояре, опираясь на военный потенциал рязанского князя **Глеба**, его зятя **Ярополка** и новгородского князя **Мстислава**, а так же союзных им половцев вновь попытались взять реванш в борьбе за владимирский престол. Однако преемник **Михаила**, его младший брат **Всеволод** одержал победу в этой изнурительной войне, разбив коалицию враждебных князей на **Юрьевском поле (1176)** и на реке **Колокше (1177)**.

По мнению многих историков (**А. Насонов, Б. Рыбаков, В. Янин, А. Кузьмин, М. Свердлов, В. Кучкин, Ю. Лимонов**), правление **Всеволода Большое Гнездо (1176–1212)** стало временем бурного экономического роста в его обширных землях, строительства новых крепостей и городов, развития ремесла и торговли и, как следствие этого, небывалой военной мощи **Владими́ро-Сузда́льского кня́жества**, ставшего одним из самых влиятельных княжеств на Руси. Именно это обстоятельство позволило ему быстро и решительно подавить всю боярскую оппозицию, положить конец смуте, укрепить великокняжескую власть и начать проводить активную внешнюю политику по всем направлениям. В **1180–1182 гг.** князь **Всеволод** принял самое активное участие в новой княжеской усобице, в ходе которой, разгромив коалицию

киевского князя **Святослава** и новгородского князя **Ярополка**, он взял под контроль земли соседнего **Рязанского княжества** и **Новгородской боярской республики**. В **Рязани** тамошний князь **Роман Глебович** вынужден был признать верховенство владимирского князя, а в **Новгороде** он посадил на престол своего свояка, князя-изгоя **Ярослава Владимировича**. Затем, в **1183–1185 гг.**, князь **Всеволод** совершил ряд удачных походов против волжских болгар и половцев, в результате чего надолго обезопасил свои восточные и юго-восточные рубежи. Неслучайно, именно тогда в «**Повести Временных лет**» **Всеволод Большое Гнездо** впервые был официально назван Великим князем, а безымянный автор «**Слова о полку Игореве**», обращаясь к Великому владимирскому князю, велемечиво писал: «**ты во можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать**».

В **1187 г.** **Всеволод** вновь ввязался в конфликт между новгородской общиной и смоленскими князьями и опять посадил на новгородский престол своего свояка, князя **Ярослава (1187–1199)**, которого затем сменил его трехлетний сын **Святослав (1200–1205)**, которого сами новгородцы, невзирая на его младенческий возраст, пригласили на княжеский стол. Как повествует **Лаврентьевская летопись**, это призывание произошло так: «**придоша новгородци, лепшие мужи, Мирошьчина чадь, к великому князю Всеволоду с поклоном и с мольбою всего Новгорода, рекуще ты господинъ князь великыи Всеволодъ Гюргевич, просимъ у тебе сына княжить Новугороду, князь же великыи здумавъ съ дружиною своею, да имъ сына своего Святослава**». Серьезно укрепив свои позиции в **Новгороде**, через пять лет **Всеволод** послал на новгородский стол уже самого старшего, двадцатилетнего сына **Константина**, а **Святослава** вывел оттуда «**зане млад бе, и не можаше управити**».

В **1206–1208 гг.** основные политические интересы **Всеволода** переместились на юг, где черниговский князь **Всеволод Чермный** выгнал из родового **Переяслава** другого сына владимирского князя **Ярослава**, однако предполагаемый поход против князя-захватчика не состоялся, поскольку он сам ушел из родовой отчины владимирских князей. Но зато **Всеволод** совершил удачный поход в соседнее **Рязанское княжество**, где ряд тамошних князей традиционно имели очень близкие и родственные отношения с черниговскими князьями.

В **1211 г.**, когда **Всеволод Большое Гнездо** почувствовал «**изнеможение**», резко обострились отношения внутри его большого семейства, и он решил провести раздел уделов между своими старшими сыновьями. Первоначально он предполагал перевести старшего сына **Константина** из **Ростова** во **Владимир** и передать ему «**старейшинство**», а в **Ростов** посадить князя **Юрия**. Однако **Константин**, успевший завязать тесные деловые отношения с тамошними боярскими кланами, предложил отцу перенести столицу княжества в **Ростов**, а **Владимир** сделать его «**пригородом**». Возмущившись таким поведением **Константина**, **Всеволод** срочно созвал боярский совет и церковный клир во главе с епископом **Иоанном** и передал «**старейшинство**» другому сыну **Юрию**.

Именно это обстоятельство и стало причиной того, что вскоре после смерти **Всеволода** на территории **Владими́ро-Сузда́льского княжества** началась новая междоусобица (**1212–1216**). Первоначально этот конфликт развивался в рамках «**политико-правового**» противостояния. Но в **1214 г.** князь **Константин**, заключив военный союз с новгородским князем **Мстиславом Удалым**, начал боевые действия против своих братьев **Юрия** и **Ярослава**. В течении двух лет война шла с переменным успе-

хом, пока в **апреле 1216 г.** коалиция **Юрия-Ярослава** не потерпела сокрушительное поражение в битве на реке **Липице** у **Юрьево-Польского**, которая, по свидетельству летописца, стала одной из самых кровавых в истории Древней Руси. В результате одержанной победы князь **Константин**, сохранив за собой ростовский престол, занял и великокняжеский престол во **Владимире**. А поверженный князь **Юрий** сначала отъехал в **Городец**, но затем был прощен старшим братом и получил в удел **Суздаль**. Более того, в **1217 г.** **Константин** пошел на мировую с братьями и подписал с ними договор, завещав великокняжеский престол суздальскому князю.

В **1218 г.** после кончины **Константина Великого** владимирским князем стал **Юрий Всеволодович (1218—1238)**, который правил Залеской Русью вплоть до монгольского нашествия, став одной из первых и самых высокопоставленных жертв этого нашествия. По мнению ряда авторов (**Н. Воронин, М. Свердлов**), именно во времена **Юрия** начался процесс дробления самого **Владими́ро-Сузда́льского княжества**, где, наряду с древним **Ростовом**, возникли новые княжеские столы в **Ярославле, Переяславле-Залесском, Юрьево-Польском, Угличе** и **Стародубе**. Однако, несмотря на это, ему удалось сохранить мир и спокойствие в своих обширных землях. Как повествует **Лаврентьевская летопись**, в **1229 г.** «**благора́зумныи князь Юрги, призва князей на снѣмъ в Су́здаль, и исправивше все нелюбые межю собою, поклоннишася Юрю вси, имѹще его отцомъ и господиномъ**».

3. Галицкое и Волынское княжества

Изначально юго-западные рубежи будущей Киевской державы заселяли несколько восточнославянских племен: **уличи, тиверцы, белые хорваты** и **вольняне**. Но уже в **середине IX в.**, под давлением печенегов, **уличи** и **тиверцы** ушли с **Днестра** и переместились севернее, на **Южный Буг**, где слились с **вольнянами**. В **980-х гг.**, при **Владимире Святославиче**, эти пограничные земли, отвоеванные у польского короля **Мешко I**, впервые вошли в состав Киевской державы. Однако через полвека, в **1030-х гг.**, Великим киевским князьям **Ярославу Мудрому** и **Мстиславу Храброму** вновь пришлось отвоевывать их у польской короны.

Изначально главным городом «**Червонной Руси**» был **Владимир**, где находился княжеский престол всей **Волынской волости**, на котором восседали сыновья Великого киевского князя. Затем, в **1080-х гг.**, здесь возникли новые княжеские столы в **Теребовле, Перемышле** и **Звенигороде**, которые затем составили **Галицкую волость**. Именно в землях этих двух волостей затем возникнут два суверенных русских княжества — **Владими́ро-Волы́нское** и **Галицкое**, которые в историографии традиционно называют **Юго-Западной Русью**.

а) Волынская волость. Согласно «**Завещанию**» **Ярослава Мудрого** первоначально вся территория **Волынской волости** досталась его младшему сыну **Игорю (1054—1057)**, а затем по решению «**триумвирата Ярославичей**» владимирский престол поочередно занимали их сыновья **Ярополк (1069—1073, 1078—1085)** и **Олег (1073—1078)**. Но в **1085 г.**, после гибели князя **Ярополка** с войной с сыновьями своего старшего брата **Ростислава**, Великий киевский князь **Всеволод** посадил на владими́ро-волы́нский престол своего племянника **Давыда Игоревича (1085—1110)** и учредил здесь два новых княжеских стола в **Теребовле** и **Перемышле**, отдав их в управление двум родным братьям, князьям-изгоям **Васильку Ростиславичу (1085—1097)** и **Во-**

лодарю Ростиславичу (1085–1124). Однако в 1100 г. по решению Витичевского съезда князь Давыд Игоревич, как зачинщик новой смуты и ослепления **Василька**, был лишен отцовского княжения, и почти всю **Волынь**, в том числе стол ставшего недееспособным князя **Василька** в **Теребовле**, отдали в управление сыну Великого киевского князя **Святополка Ярославу** (1100–1118). Но при этом участники княжеского съезда направили послов к князю **Володарю**, которые озвучили ему решение старших князей: «**пони брата Василька к собе, и буде вам Перемышль**».

При **Владимире Мономахе** новым волынским князем стал его сын **Андрей** (1119–1135), а затем его внук **Изяслав** (1135–1141). Однако после того как князь **Изяслав** отъехал на княжение в родовой **Переяславль**, власть во **Владимире** стала постоянно переходить из рук в руки, пока на волынском престоле окончательно не утвердился его сын **Мстислав** (1154–1170), а затем его внук **Роман** (1170–1205). Причем, надо отметить тот факт, что, по мнению многих историков (**В. Пашуто, А. Кузьмин, Н. Котляр, А. Горский**), вплоть до князя **Романа** никто из волынских князей не помышлял о создании отдельной княжеской династии в этой волости, а рассматривал владимирский престол как удобную стартовую площадку для перехода на более престижный княжеский престол. И только князь **Роман** стал родоначальником новой княжеской династии в этих благодатных землях.

В 1199/1200 г. **Роман Мстиславич**, приглашенный городской общиной **Галича** на тамошний престол, вновь присоединил **Галицию** к своим обширным владениям и стал первым правителем суверенного **Галицко-Волынского княжества**, одного из самых мощных и влиятельных княжеств на Руси. Однако после его гибели в войне с польским князем **Лешек I Белый** (1194–1227) здесь началась новая смута, которая привела к распаду его княжества. Наследник **Романа** четырехлетний князь **Даниил** был лишен отцовского престола, и на всей территории **Галицко-Волынской Руси** началась настоящая княжеская чехарда, в результате которой в разных городах «**Червонной Руси**» сменилось более десятка правителей из разных княжеских династий. Более того, 1211 г. эта территория стала аренной острой и кровопролитной борьбой между польским князем и венгерским королем, которая завершилась только в 1214 г. подписанием **Сепешского мирного договора**, по условиям которого большая часть **Галиции** отошла Венгрии, а **Волынь** — Польше. И только стольный город **Владимир** с небольшой округой был возвращен в управление возмужавшему князю **Даниилу Романовичу** (1215–1238).

В 1219–1221 г. началась новая война между Польшей и Венгрией, активное участие в которой принял и новгородский князь **Мстислав Удалой**, севший после поражения венгров на княжеский престол в **Галиче**. После его смерти княжеский престол унаследовал зять **Мстислава** волынский князь **Даниил Романович** (1228–1264), который повел многолетнюю и изнурительную борьбу с Польшей и Венгрией за возвращение всех отцовских земель, которая победоносно завершилась незадолго до монгольского нашествия, в 1238 г.

б) **Галицкая волость**. В 1085 г. после окончания междоусобной войны волынского князя **Ярополка** с потомками своего кузена князя-изгоя **Ростислава**, Великий киевский князь **Всеволод** передал в управление его сыновьям, таким же князьям-изгоям **Васильку** и **Володарю**, волостные столы в **Теребовле** и **Перемышле**. После их смерти на отцовский престол в **Перемышле** сел князь **Владимир Володаревич** (1124–1153), которому пришлось довольно долго вести упорную

борьбу и с родным братом **Ростиславом**, и со своим племянником **Иваном**, которые претендовали на этот престол. Но в 1141 г., после бегства князя **Ивана** в валашскую **Берладу**, **Владимир** объединил земли всей **Галиции** под своей властью и перенес столицу княжества из **Перемышля** в **Галич**. Таким образом, на территории **Волыни** возникла новая **Галицкая волость** со своим отдельным княжеским столом, которая вскоре стала **Галицкой землей**, т.е. суверенным княжеством.

После смерти **Владимира** отцовский престол унаследовал его старший сын **Ярослав Осмомысл (1153–1187)**, при котором **Галиция** достигла наивысшего расцвета. Но само его княжение было крайне беспокойным и полным бесконечных «крамол», что во многом было связано с тем обстоятельством, что ему так и не удалось наладить нормальные отношения между «**Землей**» и «**Властью**». Именно при нем в **Галиче** впервые разразился острый политический кризис, проявившийся не только в прямом столкновении князя с влиятельными боярскими кланами, но и с недовольством всей городской общины **Галича** моральным обликом своего князя. В 1173 г. князь **Ярослав** составил завещание, в котором объявил, что передаст права на престол не законнорожденному от жены **Ольги** сыну **Владимиру**, а прибудному от любовницы **Настасьи** сыну **Олегу**. В этой ситуации оскорбленная княгиня **Ольга**, бывшая, кстати, дочерью **Юрия Долгорукого**, и ее сын **Владимир**, опасаясь княжеской опалы, бежали в **Луцк**. Галицких бояр и городскую общину **Галича** такой расклад явно не устроил, поэтому по решению городского вече **Настасья**, обвиненная в колдовстве, была сожжена на костре, а князь **Ярослав** был принужден дать клятву на кресте жить с «**княгиню в правду, и тако уладивъшеся**». Однако через несколько лет политическая ситуация в **Галицком княжестве** вновь резко обострилась, поскольку князь **Владимир**, опять разругавшись со своим отцом, бежал из **Галича** к своей родной сестре **Ефросинье Ярославне** в **Новгород-Северский**, а наследником престола стал «прибудный» князь **Олег Настасыч**.

Именно это обстоятельство стало причиной междоусобной войны между сводными братьями (1187–1188), в ходе которой **Владимир**, заручившись поддержкой влиятельных боярских кланов, сумел одолеть **Олега** и занять отцовский престол. Однако вскоре выяснилось, что моральный облик нового князя оказался ничуть не лучше, чем у его покойного отца. Поэтому галичские бояре, сговорившись с волынским князем **Романом**, изгнали его с отцовского престола и передали власть волынскому князю. Но на этом злоключения «прелюбодея» **Владимира** отнюдь не закончились, поскольку на следующий год он стал жертвой новой войны, но уже между волынским князем **Романом** и венгерским королем **Белой III (1172–1196)**, которого сам уговорил ввязаться в княжеский конфликт за **Галич**. После победы над **Романом** венгерский король «кинул» своего союзника и посадил его в темницу, а на галичский стол посадил своего сына **Андрея (1189–1190)**. Правда, вскоре **Владимир** бежал из заключения и, заручившись поддержкой германского императора **Фридриха Барбароссы (1155–1190)**, вернул себе отцовский престол. Но реальной власти он не получил, поскольку добровольно признал себя вассалом могущественного владимирского князя **Всеволода Большое Гнездо**, ставшего посредником между ним и польскими князьями. После его смерти (1199/1200) волынский князь **Роман** вновь захватил всю территорию **Галицию** и присоединил ее к **Волынскому княжеству**.

в) Особенности политического строя Галицко-Волынской Руси. Надо сказать, что история **Галицко-Волынской Руси** неизменно привлекает

особое внимание историков и является предметом самых жарких споров в научной среде. Причины такого интереса состоят, прежде всего, в том, что:

1) Вплоть до монгольского нашествия ни одна из ветвей потомков **Ярослава Мудрого** так и не смогла утвердиться на престоле в **Галиче**, и за это время там поменялось огромное количество князей из разных правящих династий, отчины которых находились далеко за пределами **Галицко-Волынской Руси**.

2) В отличие от других русских волостей особую роль в управлении этой территорией играли мощные боярские кланы — **Арбузовичи, Молибоговичи, Домажеричи, Кормиличичи** и другие, которые сами приглашали и изгоняли князей, сами делили между собой управленческие должности и самые доходные промыслы и т.д.

Разумеется, **Галич**, в этом отношении, не представлял собой исключения из правил, поскольку во многих русских городах были довольно сильные городские и волостные общины, которые стремились подчинить или ограничить княжескую власть. Однако, как верно отметил профессор **А.Г. Кузьмин**, именно в **Галиче** раньше чем в **Новгороде** и других городах, местные боярские кланы сумели подмять под себя городское (волостное) вече, и ни в одном из русских княжеств борьба боярства за власть не принимала характера полнейшей анархии, когда олигархические кланы были готовы принести интересы своей волости в жертву собственным шкурным интересам. Иными словами в **Галицко-Волынской Руси** существовала не только проблема взаимоотношений «**Земли**» и «**Власти**», но и были очень острые противоречия внутри самой «**Земли**», которые зачастую носили чисто социальный характер.

В чем состояли причины такого положения вещей, в том числе особого группового эгоизма галицких бояр, ученые объясняли по-разному. Например, многие русские (**Н. Костомаров, В. Ключевский, И. Беляев**) и ряд современных историков (**И. Фроянов, А. Дворниченко, В. Майоров**) были убеждены, что в основе их несметных богатств и особого влияния лежала не столько их земельная собственность, сколько их должностное положение, в частности те города и волости, которые они получали в «корм». Советские историки (**К. Софроненко, Б. Рыбаков, В. Пашуто, М. Свердлов**), напротив, считали, что основой политического могущества здешних бояр были их огромные земельные владения, которые возникли либо на базе старых родовых владений племенной знати, либо на пожалованных княжеских владениях, которые были розданы старшим дружинникам разных князей. Конечно, все эти научные гипотезы и построения, в принципе, верны по своей сути. Однако, как справедливо отметил профессор **А.Г. Кузьмин**, нельзя абсолютизировать какой-то единственный аспект особого положения галицких бояр в составе их «**Земли**», поскольку и землевладение, и кормление были одновременно основой их несметного богатства и могущества. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что в отличие от других русских земель в **Галиче** существовало несколько сот боярских родов, которые делились на разные «политические партии», опиравшиеся, в том числе, на своих сторонников внутри «**Земли**», которая объективно противостояла «**Власти**». Вместе с тем, ряд современных авторов (**П. Стефанович**), развивая взгляды своих предшественников (**Н. Дашкевич, М. Грушевский**), по-прежнему говорят об «особом единстве и корпоративности» тамошних бояр и их необыкновенной сплоченности, которая не наблюдалась в других русских землях.

4. Новгородская боярская республика

Будущая территория **Новгородской боярской республики**, населенная славянскими и финно-угорскими племенами, наряду с небольшой территорией «**Русской земли**», изначально была одним из двух центров образования Древнерусского государства. Именно отсюда и происходила та особая роль **Новгорода** в истории Древней Руси, которую отмечали и сами летописцы, и многие историки.

С момента возникновения единого Древнерусского государства **Новгород**, как и другие русские волости, управлялся великокняжеским наместником, в качестве которого, как правило, выступал старший сын Великого киевского князя. Причем, по мнению крупнейшего знатока новгородских древностей академика **В.Л. Янина**, изначально власть великокняжеского наместника не была разделена, и новгородский князь был един в двух лицах, исполняя одновременно и роль «**посадника**» Великого князя. Вместе с тем, именно в **Новгороде** изначально особое место в управление городом и его округой занимало городское (волостное) вече. В исторической науке до сих пор идет многолетняя дискуссия о разных аспектах этого древнейшего института новгородской «**Земли**». В частности, одни ученые, сторонники «**общинно-вечевой**» теории (**В. Сергеевич**, **М. Дьяконов**, **А. Кузьмин**, **И. Фроянов**, **А. Петров**), утверждают, что новгородское вече изначально представляло собой демократический институт государственной власти, в котором принимало участие все свободное мужское население города. Другие ученые, сторонники «**феодалной теории**» (**С. Юшков**, **В. Янин**, **М. Алешковский**, **П. Толочко**, **М. Свердлов**), говорят о том, что новгородское вече было элитным собранием так называемых «**300 золотых поясов**», т.е. новгородских бояр, нетитулованных землевладельцев и верхушки городского купечества. Наконец, сторонники «**ревизионистской теории**» (**Ю. Гранберг**, **Т. Вилкул**) утверждают, что новгородское вече не являлось государственным институтом, а было обычным и совершенно безвластным сборищем горожан.

Конечно, последняя гипотеза носит явно искусственный характер, поскольку совершенно не согласуется с хорошо известными источниками. Новгородское вече, как и вечевые структуры других русских городов, с самого начала было органом государственной власти, хотя, безусловно, этот властный институт неизбежно менялся, как по своему социальному составу, так и по своим основным функциям. В этом отношении многие историки обращают особое внимание на события, произошедшие в **Новгороде** в **1136 г.**, когда новгородское вече «**указало путь**» новгородскому князю **Всеволоду**, сыну и внуку **Мстислава Великого** и **Владимира Мономаха** с княжеского стола. Как повествует **Новгородская Первая летопись** в конце мая **1136 г.** «**новгородци, призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода, и въсадиша в епископъ двор, с женою и детьми и с тыщею и стражаху день и ночь с оружиемъ, 30 мужь на день. И седе два месяца, и пустиша из города июля в 15 день. А се вины его творяху: не блюдетъ смерд, чему хотел еси сести Переяслави, ехал еси с пълку переди всех, а на то много**». Таким образом, новгородское вече предъявило князю **Всеволоду** три самых тяжких обвинения: **1)** неисполнение своих прямых обязанностей по защите прав и интересов смердов, составлявших подавляющее большинство свободного населения **Новгородской волости**; **2)** добровольный уход из **Новгорода** на родовой престол в **Переяславль** вопреки ряду-договору с городским вече о его пожизненном

княжении в **Новгороде** и 3) позорное бегство с поля битвы на **Ждан горе** в **январе 1135 г.**, в ходе которой **Всеволод** и его родной брат **Изяслав** потерпели поражение от суздальского князя **Юрия Долгорукого**. Если верить **Никоновской летописи**, то новгородцы предъявили **Всеволоду** и другие претензии, в частности, что он «людей не судяше и не управляше».

Русские и советские историки совершенно по-разному оценивали эти новгородские события. Ряд авторов, в частности **И.М. Троцкий**, **С.В. Юшков**, **А.В. Арциховский** и **В.В. Мавродин**, не придавали ему эпохального значения и считали, что это «новгородское восстание» и изгнание князя было вполне рядовым событием на пути окончательного превращения **Новгорода** в феодальную республику, независимую от власти Великого киевского князя. Другие авторы, напротив, придавали этому восстанию решающее значение в процессе окончательного становления республиканской власти в **Новгороде**. В частности, академик **Б.Д. Греков**, выступивший со специальной статьей «**Революция в Новгороде Великом в XII в.**» (1929), считал, что в **1136 г.** **Новгород** пережил настоящую революцию, утвердившую там новую форму политического строя — республику. По мнению этого маститого историка, свершившийся там переворот, означал полную и решительную ликвидацию княжеского землевладения на территории новгородской волости, установление выборности князя и переход к новгородскому вечу верховных государственных прав. Эту точку зрения, которая долгое время господствовала в советской исторической науке, в той или иной мере поддерживали многие тогдашние историки, в том числе **М.Н. Тихомиров**, **Б.А. Рыбаков**, **Д.С. Лихачев**, **В.Т. Пашуто** и **Д.А. Введенский**, которые рассматривали события **1136 г.** «как кульминационный пункт всей русской истории», ознаменовавший собой возникновение **Новгородской феодальной республики**.

Однако уже тогда эта концепция была подвергнута весьма аргументированной критике со стороны известного советского историка и археолога профессора **В.Л. Янина**, который в **1962 г.** опубликовал фундаментальное исследование «**Новгородские посадники**». Комплексно рассмотрев различные источники, он прямо заявил о том, что «новгородское восстание» **1136 г.** отнюдь не породило тех норм республиканской жизни, о которых часто писали его оппоненты, поскольку сложение республиканских институтов в городе началось значительно раньше. В частности, «посадничество нового типа» — главного органа республиканской власти в **Новгороде**, впервые возникло еще в **конце XI в.** и, по-видимому, с самого начала было выборным. Что касается выборности новгородских князей, то вопрос о принадлежности тамошнего престола решался на новгородских вече и раньше, например, в **1125 г.**, когда «посадиша на столе князя **Всеволода новгородца**». Наконец, невозможно говорить и о том, что выборность других должностных лиц была непосредственным порождением этого восстания, поскольку первые выборы новгородского епископа состоялись только в **1156 г.**, а первый тысяцкий был избран и того позже, в **1189 г.**

В **1980–1990-х гг.** новый удар по «революционной концепции» советской исторической науки нанесли известные ленинградские историки **Ю.Г. Алексеев**, **И.Я. Фроянов** и их ученики **А.Ю. Дворниченко**, **А.В. Петров**, **Ю.В. Кривошеев** и другие. В общем виде их концепция заключалась в том, что: 1) вечевой республиканский строй в **Новгороде** возник значительно раньше событий **1136 г.**, но именно они имели рубежный характер в окончательном освобождении **Новгородской республики**

от власти Великого киевского князя; 2) при всем своеобразии политического строя в **Новгородской республике**, в самом этом устройстве не было ничего принципиально отличного от других русских городов-государств республиканского типа, существовавших в то время во всех русских землях.

Аналогичную точку зрения разделял и известный московский историк профессор **А.Г. Кузьмин**, который, при этом обращал особое внимание на три важных аспекта новгородской государственности. **Во-первых**, в **Новгородской земле** изначально существовала иерархия самих городских общин, когда все остальные города — **Псков, Изборск, Ладога** и другие были «пригородами» **Новгорода** и несли по отношению к нему определенные повинности. **Во-вторых**, изначально важную роль в новгородском управлении играл церковный клир во главе с местным выборным епископатам, который обладал целым набором чисто светских хозяйственных функций, что, вероятнее всего, было связано с сохранением каких-то древних традиций арианской церкви. **В-третьих**, новгородские события **1136 г.** имели ключевое событие не только для самого **Новгорода**, но и для всех остальных русских земель, поскольку именно с этого времени фактически перестали действовать два важнейших принципа княжеской власти — **принцип «старейшинства»** и **принцип «отчины»**.

Что касается социального состава новгородского вече, то здесь так же существуют совершенно разные мнения. Как уже говорилось, многие историки (**М. Дьяконов, Б. Греков, М. Тихомиров, Ю. Алексеев, И. Фроянов**) считали, что новгородское вече представляло собой собрание всего мужского свободного населения города независимо от имущественного и социального положения самих горожан. Однако их оппоненты (**С. Юшков, В. Янин, П. Толочко, М. Свердлов**) утверждали, что новгородское вече являлось сугубо аристократическим государственным институтом, членами которого были так называемые «**300 золотых поясов**», т.е. владельцы крупных городских усадеб, которые принадлежали родовому новгородскому боярству, нетитулованным вотчинникам и верхушке купечества. Этот, совершенно иной, взгляд на социальный состав новгородского вече, высказанный до войны профессором **С.В. Юшковым**, затем был серьезно подкреплён археологическими изысканиями профессора **В.Л. Янина** и его учеников. В частности, в своей известной фундаментальной статье «**Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований**» (1982) он убедительно доказал, что «**Ярославово дворище**» на торговой стороне **Новгорода**, где собственно и проходило общегородское вече, могло вместить в себя максимум **250–350 человек**, а не все многотысячное мужское население города.

Конечно, археологические аргументы **В.Л. Янина** стали очень веским аргументом в пользу сторонников «аристократического» характера новгородского вече. Однако относительно недавно это аргумент был серьезно «подправлен» профессором **А.Г. Кузьминым**. В частности, он предположил, что так называемые «**300 золотых поясов**», которые упоминались в разных новгородских летописях, вполне могли быть выборными представителями от пяти городских концов — **Неревского, Славенского, Плотницкого, Загородского и Людина**, где давно существовали свои кончацкие вече, на которых избирались кончацкие старосты и сотские.

Как бы то ни было, но все историки сходятся в том, что после «**новгородского восстания**» **1136 г.** князь стал **вторичной фигурой** по отношению ко всем остальным органам городского управления. Причем, зримым изменением политического

статуса новгородского князя стал перенос его государственной резиденции с **«Ярослава дворища»**, расположенного в центре города, в его пригород, на **«Рюриково городище»**. Отныне новгородский князь не только приглашался самими новгородцами на их престол, но и заключал с городским вече специальный договор, нарушение которого вело к изгнанию князя из города. По мнению самих историков (**Л. Черепнин, В. Янин, М. Свердлов, В. Водов**), первоначально этот договор (**«докончанье»**) заключался в устной форме, но с **конца XII в.** он стал носить характер письменного документа, формуляр которого был всегда традиционен и основан на легитимных принципах «старины» (традиции), характерных для всей средневековой ментальности. Этот договор предусматривал, как ограничения княжеской власти, так и основные функции князя и его администрации. В частности, по этому договору князь не имел права: **1)** отменять любые правовые акты, изданные ранее, как самими князьями, так и новгородцами (**«грамотъ ти, княже, не посужати»**); **2)** **«раздаять волости»** без согласия посадника и лишать **«новгородски мѹжи»** их «кормлений» и волостей без веских доказательств их вины; **3)** **«держать села и ставить словоды»**, населенные княжескими холопами, которые автоматически освобождались от уплаты городских податей; **4)** **«держать»**, т.е. владеть, покупать или принимать **«даром»** сами новгородские села и т.д.

Вместе с тем этот договор четко оговаривал, что сразу по вступлению в должность князь и его «княжой двор» полностью включались в местную систему военного, административного и судебного управления. В частности, князь: **1)** будучи главой своей дружины, должен был **«по кресте бяюсти»** новгородские земли от иноземных захватчиков; **2)** будучи верховным судебным арбитром, **«сѹдить и рядить новгородци по правде»** и вместе с новгородцами участвовать в **«сместном сѹде»**; **3)** будучи владельцем княжеского домена, рачительно управлять им и получать **«кѹны имати»** от новгородских волостей особую подать в виде «дара».

Само новгородское вече обладало чрезвычайно широкими полномочиями, поскольку именно на нем решались все вопросы войны и мира, отменялись устаревшие и принимались новые законы, подати и повинности, а так же избирались высшие должностные лица новгородского управления: посадник, тысяцкий и архиепископ.

Посадник. Как справедливо отметил профессор **А.Г. Кузьмин**, вопрос о времени зарождения это института и функциях посадника в **X–XI вв.** является самым запутанным вопросом древнейшей новгородской истории. Сама этимология этого слова предполагает два возможных толкования: **1)** либо посадник был «посаженым» должностным лицом, **2)** либо изначально представлял посад, т.е. торгово-ремесленную часть города. Основная проблема, связанная с институтом посадничества состоит в том, когда произошел процесс превращения этого древнерусского «чиновника», посаженного киевским князем для управления **Новгородом** в выборную республиканскую должность, которая стала высшей фигурой новгородского республиканского управления. Впервые безымянные новгородские посадники были упомянуты в летописной статье, датированной **977 г.**, когда Великий киевский князь **Ярополк** после бегства его сводного брата, князя **Владимира** «за море», **«посади посадникъ свон въ Новегороде»**. Затем в летописных статьях, относящихся к эпохе **Ярослава Мудрого** и его старшего сына **Изяслава**, неоднократно были упомянуты два других новгородских посадника **Константин (1016–1019)** и **Остромир (1054–1057)**. В дальнейшем институт посадничества стал только укрепляться,

поскольку сами киевские князья стали направлять на княжение в **Новгород** своих малолетних недееспособных детей. Именно в этот период новгородские летописные своды пестрят именами таких новгородских посадников, как **Завид, Петрята, Миронег, Савва, Микула, Улеб** и другие. Однако в годы правления **Мстислава Великого (1086–1117)** была достигнута определенная гармония между новгородской «Землей» и «Властью» и должность посадника на время отошла на второй план. Но именно в **1117 г.**, когда **Владимир Мономах** отозвал **Мстислава** на юг и посадил его в **Белгороде**, новгородские летописные своды дают погодный перечень новгородских посадников не просто по именам, но и по их отчествам: **Коснятин Моисеевич, Мирослав Гюрятинич, Петрила Микульчич, Иванко Павлович, Коснятин Микульчич, Якун Мирославич, Судила Иванкович, Нежата Твердятич, Жирослав Иванкович, Иванко Захарьинич, Завид Неревинич, Михалко Степанович, Мирошко Нездинич, Дмитрий Мирошкинич, Твердислав Михалкович, Юрий Иванкович, Иванко Дмитриевич, Степан Твердиславич** и других.

Как явствует из этого списка: **1)** на должность новгородского посадника избирались только представители очень ограниченной касты самых богатых и влиятельных новгородских бояр; **2)** эта должность де-факто стала «наследственной» для целого ряда тамошних боярских родов, таких как **Микульчи, Иванковичи, Мирошкинич, Михалковичи, Твердиславичи** и других.

Безусловно, после событий **1136 г.** новгородский посадник стал высшей фигурой всего новгородского управления, который вместе с князем руководил военными походами, возглавлял исполнительную власть и выборный **Боярский совет (Господу)**, а также ведал всеми дипломатическими сношениями **Новгорода** с иностранными державами. Поэтому борьба за это высший пост принимала довольно острый характер, и по подсчетам многих историков в течение первых ста лет в городе произошло больше тридцати «государственных переворотов», носивших разный социальный окрас. В частности, в **1209 г.** в городе вспыхнул мощный социальный взрыв, направленный «на посадника Дмитра и на братью его, яко те повелеша на новгородцех сребро имати, а по волости кныи брати, по купцем веру дикую, и повозы возити, и иное все зло; и пондоша на дворы их грабежом, а Мирошин двор Дмитров зажгоша, а житье их помаша, а сел их распродаша и челядь, а избыток разделиша по зүбү, по 3 гривны по всему граду и на щит; а что кто похвата, а того един Бог весть, и от того мнозе разбогатеша; а что на досках, а то князю оставиша».

В советской историографии (**М. Тихомиров, В. Мавродин**) это восстание новгородских низов традиционно рассматривали только через призму классовой борьбы, придавая ему сугубо антифеодальный характер. Однако современные историки (**В. Янин, А. Кузьмин**) справедливо полагают, что сие интересное свидетельство **Новгородской Первой летописи** не только указывает на глубокий социальный смысл этого восстания, но и прямо говорит о связи его инициаторов с Великим владимирским князем **Всеволодом Большое Гнездо**, чей старший сын **Константин** сидел тогда на княжении в **Новгороде**. Умело используя социальное недовольство горожан, князь **Всеволод** и близкая к нему боярская группа **Михалковичей** с **Прусской улицы** избавились от неудобного и враждебного им боярского клана **Мирошкиничей** с **Людина конца**, в результате которого новгородским посадником был избран **Твердислав Михалкович**, сын хорошо известного сторонника князя **Всеволода — Михалки Степанича**.

Тысяцкий. По мнению историков (**А. Кузьмин, В. Кучкин, И. Фроянов, А. Майоров**), институт тысяцкого был традиционной выборной должностью от «Земли», в рамках которой всегда существовала сотенная система с выборными должностными лицами, руководившими славянскими территориальными общинами во всех селах, погостах и городах. Но в отличие от других русских земель новгородская сотенная система параллельно существовала с кончанской системой управления, уходящей своими корнями в историческую топографию самого **Новгорода**. Первоначально сотенная система, тесно связанная с организацией княжеского военного управления, контролировалась самими князьями, назначавших своих тысяцких в новгородские полки. Однако постоянная борьба между пришлыми князьями и новгородским боярством, всегда стремившихся поставить под контроль все органы государственной власти и управления в городе, привело к учреждению должности выбранного тысяцкого. Эта реформа, проведенная в **1189 г.**, еще больше укрепила позиции новгородского боярства и привела к подчинению городских сотен общегородскому вечу и вхождению их в состав городских концов. Как правило, новгородский тысяцкий был представителем нетитулованных землевладельцев и верхушки купечества, который в мирное время разбирал тяжбы по торговым делам и ведал сбором городских пошлин и податей, а в военное время являлся руководителем новгородского ополчения, состоявшего из «**вятших людей**». Естественно, что выборные тысяцкие, как и посадники, стремились как можно дольше находиться в своей должности и, по возможности, передавать ее по наследству. Однако достоверно известно, что среди новгородских тысяцких сформировалась только одна «династия» в лице **Якуна Намнежича** и его сыны **Фёда Якуновича**.

Архиепископ (владыка). Своеобразие новгородского государственного устройства состояло в том, что особую роль в политической жизни **Новгородской волости** играли церковные иерархи. Еще во времена единой Киевской Руси, когда новгородский владыка утверждался киевским митрополитом, он уже имел особый статус среди других иерархов Русской Православной Церкви и проводил вполне самостоятельный от митрополии курс. О наличии таких противоречий в недрах высшего церковного клира можно судить по тому острому конфликту, который возник **1147 г.** между новгородским владыкой **Нифонтом** и киевским митрополитом **Климентом Смолятичем**.

Однако, безусловно, знаковым событием в истории **Новгородской республики** стало избрание настоятеля **Успенского монастыря** игумена **Аркадия** главой новгородской епархии, которое произошло на городском вече в **1156 г.** Историки по-разному оценивали этот прецедент в истории новгородской государственности. Но, вероятно, правы те ученые (**А. Кузьмин, С. Перевезенцев**), которые связали его с проявлением двух основных традиций **ирландско-арианской церкви**, сохранившихся в раннем русском христианстве: **1)** избранием епископа не церковным клиром, а общинами самих мирян и **2)** совмещением новгородским владыкой богослужебной и хозяйственно-административной функций. В частности, достоверно известно, что именно новгородский архиепископ являлся хранителем городской казны и печати, а также принимал активное участие в дипломатических сношениях **Новгорода** и скреплял своей подписью все его международные договоры и соглашения.

По мнению ряда авторитетных авторов (**В. Янин, Е. Рыбина**), с 1229 г. особое место в политической структуре **Новгородской республики** стал играть и новгородский **архимандрит**, который возглавлял все черное духовенство главных новгородских монастырей, расположенных во всех пяти городских концах. Новгородский архимандрит, являвшийся одновременно игуменом древнейшего **Юрьева монастыря**, где располагалась его резиденция, так же стал избираться городским вече и имел независимый статус от новгородского владыки, резиденцией которого был **Софийский кафедральный собор**.

Тема: КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ IX – XII ВВ.

План:

1. Предварительные замечания.
2. Устное народное творчество.
3. Письменность и грамотность.
4. Древнерусское летописание.
5. Древнерусская литература.
 - а) Общие замечания.
 - б) Литературные памятники Древней Руси.
6. Архитектура Древней Руси.
7. Живописное искусство Древней Руси.
8. Материальная культура Древней Руси.

1. Предварительные замечания

Говоря о развитии древнерусской культуры необходимо отметить ряд существенных обстоятельств.

1) Древнерусская культура изначально развивалась как культура **синтетическая**, поскольку она испытала довольно сильное влияние со стороны других, соседних народов и государств, прежде всего, Византийской империи, которая по праву считалась одним из центров мировой христианской цивилизации. Однако при этом Древняя Русь не просто копировала или заимствовала чужие образцы, направления и стили, а преломляла их через свои культурные традиции и свой исторический опыт.

2) Не следует забывать, что Древнерусское государство изначально формировалось как полиэтническое образование, где неизбежно переплелись культурные традиции и обычаи восточных славян, разноэтнических русов, угро-финнов, тюрков и других этнических групп. Хотя, безусловно, особую роль в русском политогенезе играл государствообразующий восточнославянский этнос.

3) Долгие века древнерусская культура, в том числе устное народное творчество, литература, прикладное искусство, архитектура и живопись развивались под влиянием языческой религиозной традиции и языческого мировоззрения. Даже принятие христианства, оказавшего сильнейшее воздействие на развитие древне-

русской литературы, архитектуры и живописного искусства, которые непосредственно были связаны с православной христианской догматикой, так и не смогло до конца преодолеть многовековых истоков народной культуры.

2. Устное народное творчество

Безусловно, развитие устного народного творчества предшествовало появлению письменной литературы, но именно оно оказало огромное влияние на формирование и определение ее идейной направленности и разных художественных стилей.

Значительное место в фольклорном творчестве Древней Руси занимали мифологические сюжеты, уходящие своими корнями в языческие представления и культовые обряды восточных славян, русов и других этнических групп. В частности, обрядовый фольклор был очень тесно связан с календарными праздниками наших предков. Например, встреча зимы отмечалась знаменитыми **колядками**, ее проводы — **масленицей, красной горкой и радуницей**, а проводы весны и встреча лета — **русалиями, семиком или купалой**, и т.д. Все календарные праздники традиционно сопровождалось разнообразными **песнопениями, плясками, хороводами и гаданиями**. Кроме того, песни, пляски и хороводы сопровождали жизнь наших предков и во многих других случаях. Например, очень распространенными были **обрядовые песнопения, свадебные песни, плачи-причитания, песни на поминальных тризнах и дружинных пирах**.

Наиболее живучими формами древнего фольклора были также всевозможные **заговоры и заклинания**, которые представляли собой самое распространенное средство магического воздействия на окружающий мир. Например, многие ученые давно подметили тот примечательный факт, что в русских летописных сводах, довольно часто встречались различные заговоры-заклинания, в том числе в русско-византийских договорах, подписанных киевскими князьями **Игорем (944)** и **Святославом (971)**.

Распространенным жанром устного народного творчества были разнообразные **сказки, предания и легенды**. Причем, эти сказочные мотивы нашли свое отражение и в летописном материале, и в памятниках житийной литературы, и в других литературных произведениях. Конечно, большинство древнерусских легенд имели чисто религиозный характер, но были и легенды сугубо светского содержания, например, **«Предание о Кие, Щеке и Хориве, их сестре Лыбеди и основании Киева»**, **«О призвании варягов»**, **«О мести Ольги древлянам»** и другие.

Знали и любили наши предки различные **поговорки, пословицы и загадки**, многие из которых позднее вошли в литературные памятники той поры. В частности, особенно много пословиц и поговорок содержалось в **«Слове»** и **«Молении» Даниила Заточника** — двух выдающихся памятниках древнерусской литературы XII–XIII вв.

Среди памятников устного народного творчества особое место занимали **былины** или **старины**, которые стали настоящими шедеврами древнерусского фольклора. Поэтому в отечественной исторической науке изучению былинного эпоса всегда уделяли особое значение и спорили по целому ряду ключевых проблем, в частности: **а)** когда возник былинный эпос; **б)** из какой социальной среды вышел этот эпос и **в)** какова была историчность содержания древнерусских былин.

а) Ряд советских и современных авторов (**И. Цапенко, В. Чердынцев, Д. Балашов**) утверждали, что былинный эпос возник задолго до образования Древнерусского государства и первые русские старины были созданы либо на самых ранних этапах славянского этногенеза, либо в эпоху «военной демократии». Другие авторы (**Б. Рыбаков, Д. Лихачев, Р. Липец, В. Кожин**) гораздо более обосновано считали, что рождение былинного героического эпоса было неразрывно связано с возникновением Древнерусского государства, и первые былины сложились уже в IX–X вв., поскольку в период расцвета древнерусской литературы древнерусский эпос «представлял собой уже явление прошедших времен, своеобразное наследие прошлого, а не активно развивающийся компонент современной культуры». Наконец, третья группа авторов (**Б. Соколов, И. Фроянов, Ю. Юдин**) утверждала, что первые русские былины были созданы только в XII–XIV вв., а возможно даже и позже, в XV–XVI вв.

б) Одни ученые (**Б. Соколов, В. Миллер, Р. Липец, В. Рабинович, В. Кожин**) убеждены в том, что былинный эпос возник в дружинной среде, поскольку во многих русских старинах содержится очень точное изображение всего комплекса древнерусского оружия и снаряжения, а также предельно точно соблюдена достоверность всей воинской терминологии той эпохи. Однако их оппоненты (**В. Пропп, Б. Рыбаков, Д. Лихачев**) категорически отвергали «аристократическую теорию» происхождения эпоса и утверждали, что он зародился в демократической крестьянской среде.

в) Представители так называемой «мифической школы» (**О. Миллер, Б. Путилов, И. Фроянов, Ю. Юдин**) утверждают, что персонажи всех древнерусских былин и факты, отраженные в них, являются чистым вымыслом и не имеют никакой реальной исторической основы. Представители так называемой «исторической школы» (**Л. Майков, Р. Липец, В. Рабинович, В. Кожин**), напротив, говорят о том, что все персонажи древнерусских былин были реальными историческими лицами, которые в «легендарные века» русской истории, героически сражались с ее внешними врагами, в частности торками и печенегами.

Как правило, к числу древнейших русских былин, созданных в IX–X вв., относят былинные циклы о **Микуле Селяниновиче, Вольге Святославиче, Сухмане Дамантиевиче, Соловье Будимировиче, Илье Муромце (Муровлянине)** и другие. Вероятно, тогда же был создан былинный цикл, посвященный дяде Великого киевского князя **Владимира Добрыне Никитиче**, в частности былины «**Добрыня и змей**», «**Добрыня-сват**», «**Добрыня и Настасья**» и другие. Чуть позже, в конце X — начале XI вв., были созданы новые былины, в том числе «**Иван — гостинный сын**», «**Михайло Потык**», «**Ставр Годинович**» и «**Сухан**». Затем, в конце XII — начале XIII вв., возникли былинны сюжеты об **Алеше Поповиче**, имя которого упоминается в русских летописных сводах в связи с походами на половцев и битвах на реке **Липице** и на реке **Калке**, например, «**Алеша Попович и Тугарин**» и «**Алеша Попович и сестра Збродовичей**».

Устное народное творчество Древней Руси, которое сформировалось задолго до появления письменности, конечно, оказало огромное влияние на развитие всей древнерусской литературы. Более того, многие литературные произведения не просто использовали богатый фактический материал народного фольклора, но и в значительной степени восприняли его структурные формы, поэтические стили и языковые традиции.

3. Письменность и грамотность

Безусловно, основой многих известных европейских культур являются древнейшие письменные памятники. Поэтому вопрос о появлении первых письменных источников Древней Руси напрямую связан с проблемой возникновения письменности у восточных славян. Однако до сих пор эта проблема остается дискуссионной, и в настоящее время существует две основных точки зрения на сей счет.

а) Одни историки и филологи (**Ф. Буслаев, А. Востоков, А. Шахматов, Р. Скрынников**) утверждали, что древнерусская письменность возникла параллельно с процессом официального **Крещения Руси**, когда собственно и были созданные первые литературные и летописные памятники Древней Руси, в частности «**Память и похвала**» **Иакова Мниха**, «**Слово о законе и благодати**» пресвитера **Илариона** и другие.

б) Другие авторы (**В. Истрин, Д. Лихачев, А. Рогов, П. Черных**) указывали на то обстоятельство, что в настоящее время в распоряжении историков имеются неоспоримые свидетельства о существовании восточнославянской письменности задолго до Крещения Руси. Первое указание на это обстоятельство содержится в известном произведении **Черноризца Храбра «О письменах» (IX–X вв.)**, который утверждал, что у древних славян были самобытные «черты» и «резы». Другое указание о существовании русской дохристианской письменности содержится в трактате «**О руских письменах**» и в «**Паннонском житие Кирилла-Константина**», которые датируются **первой половиной X в.** Наконец, о несомненном существовании письменности до Крещения Руси говорят и тексты мирных договоров, заключенных **Олегом и Игорем** с византийскими императорами в **первой половине X в.** Кроме того, многие открытия советских археологов (**Б. Рыбаков, Д. Авдусин**), в частности медные бляхи **Черниговских и Тверских дружинных курганов** и амфоры знаменитого **Гнёздовского могильника**, которые датируют **первой половиной X в.**, также доказывают, что письменность у восточных славян существовала задолго до Крещения Руси.

Между тем, надо обратить особое внимание на точку зрения профессора **А.Г. Кузьмина**, который совершенно справедливо писал, что спор о времени возникновения «русской письменности» во многом проистекал из того обстоятельства, что большинство специалистов знали только **Киевскую Русь**, в то время как реально существовали и другие государства русов, в частности **Русский каганат в Подонье, Ругиланды в Паннонии и Прибалтике** и т.д.

Вопрос о времени создания полноценного древнеславянского алфавита до сих пор вызывает немало споров у историков и лингвистов. Как правило, его появление традиционно связывают с именами знаменитых «солунских братьев» **Кирилла-Константина (827–869)** и **Мефодия (815–885)**, которые в **850–860-х гг.** вели проповедь христианского вероучения в **Хазарии, Болгарии, Моравии и Крыму**. Вероятнее всего, именно тогда эти великие христианские миссионеры и создали две знаменитых азбуки — **глаголицу** и **кириллицу**, а также перевели на славянский язык несколько богослужебных книг.

Вместе с тем, вопрос о времени появления этих двух алфавитов и их связи между собой до сих пор является предметом острых научных споров. Большинство славянских рукописей той поры были написаны и на глаголице, и на кириллице, поэтому определить, какой из этих алфавитов появился раньше, достаточно проблематично. В исторической литературе было высказано немало различных гипотез

о славянских азбуках. Но суть всех этих споров и дискуссий заключается в том, какая из этих азбук была создана **Кириллом**.

1) Одни авторы (**П. Лавров, Д. Лихачев**) убеждены в том, что глаголица предшествовала появлению кириллицы, и первоначально именно на этом алфавите, который был создан **Кириллом**, были написаны первые богослужебные книги для славянского населения **Моравии и Паннонии**. Однако резкое отличие глаголицы от греческого уставного письма вынудило изменить написание многих букв, и через несколько десятков лет возник новый алфавит, получивший название кириллица, который и вытеснил из широкого употребления глаголицу.

2) Другие авторы (**С. Бернштейн**) полагают, что гораздо раньше появилась именно кириллица, в основе которой лежало византийское уставное литургическое письмо. Однако резкий протест немецкого духовенства **Моравии и Паннонии** против славяно-греческого письма, заставили изменить характер написания букв, в результате чего появилась глаголица. Впоследствии, в **конце IX в.**, когда значительно усилилось византийское влияние в Болгарии и начался расцвет славянской письменности, надобность в глаголице исчезла и она, уступив место более легкой и изящной кириллице, превратилась в тайнопись, которой пользовались в России, Сербии, Болгарии и Хорватии вплоть до **середины XVIII в.**

Надо сказать, что обе эти гипотезы исходят из той принципиальной посылки, что и кириллица, и глаголица возникли под непосредственным влиянием византийского «уставного письма», напрямую заимствуя из этого письма начертания многих своих букв. Однако целый ряд авторов (**А. Кузьмин, А. Муравьев**) утверждают, что глаголица возникла в результате развития неизвестного клинописного письма, которое было широко распространено среди подунайских, прикарпатских, причерноморских и моравских русов. Позднее именно на базе этого письма **Кирилл** и создал свою знаменитую кириллицу, которая стала своеобразным **синтезом русского и славянского языка**. Тогда же более сложная в своем начертании глаголица отошла на второй план, но долго сохранилась в виде тайнописи на границах славянского православного мира с католическим миром, т.е. в Западной Болгарии, Хорватии и Норике.

Вплоть до **середины XIV в.** все древнерусские рукописные произведения писались на **пергаменте**, который на Руси называли **кожей, телятиной** или **харатьей**. Пергамент представлял собой прекрасно обработанную шкуру овцы или телят, производство которого возникло в малоазийском городе **Пергама**, откуда собственно и произошло название этого материала для рукописного письма. Техника производства пергамента была такова: сначала шкуру животного посыпали золой и поташом, затем ее тщательно очищали от мяса, шерсти и щетины, растирали мелом для обезжиривания и только потом выстругивали ножом и разглаживали пемзой. Первоначально весь пергамент привозили из Византии и ряда европейских государств, а в начале **XIII в.** на Руси было налажено собственное производство пергамента.

Все древнерусские рукописи писались только **уставным письмом**, для которого были характерны геометрическая графика букв, отсутствие их наклона и расстояния между отдельными словами в строке. Кроме того, буквы, как правило, не выходили за линию строки, а сам лист разлиновывался и имел ровные и широкие поля по обеим сторонам листа.

При написании древнерусских рукописных книг и официальных документов использовали очень плотные и густые чернила, как правило, коричневатого или бурого оттенка. В основе приготовления этих чернил лежала химическая реакция между солями, железистыми и дубильными веществами, поскольку в естественную кислую среду, например, квас или кислые щи, клали ржавые железные изделия, древесную кору и камедь — клейкое растительного вещества. Затем эту смесь настаивали в теплом и темном месте, и после ее загустения использовали по назначению в качестве чернил. Кроме чернил при создании рукописных книг использовали краски (**киноварь, охру, лазурь**), которыми рисовали заголовки и заглавные (титульные) буквы, а также разнообразные орнаментальные украшения. В качестве основных орудий письма использовали птичьи, как правило, гусиные перья, которые сначала размягчали в горячем песке, а затем оттачивали перочинным ножом и делали специальный желобок для чернил.

Согласно «Предварительному списку славяно-русских рукописей XI–XIV вв.» (1965) из 1493 учтенных рукописных книг того периода к эпохе Киевской Руси относятся 192 бесценных раритета. Традиционно самой древней русской рукописной книгой считается знаменитое «**Остромирово Евангелие**» (1057), написанное дьяконом Григорием для новгородского посадника **Остромира**. Правда, существует мнение (А. Кузьмин, В. Янин), что самыми древними рукописными книгами, дошедшими до наших дней, являются **Новгородская «Псалтырь»** конца X в. и «**Путятин Миней**», созданная в 1030-х гг.

«**Остромирово Евангелие**» представляло собой большой сборник разнообразных статей богословского, философского и этического характера, предназначенных для евангельского чтения по дням недели, начиная с Великой Пасхи. Рукопись этого шедевра древнерусской церковно-философской литературы была богато украшена миниатюрами, в том числе с изображением трех евангелистов **Иоанна, Марка и Луки**.

Следующими по времени создания стали два знаменитых «**Изборника Святослава**», написанные дьяконом **Иоанном** для Великого киевского князя **Святослава Ярославича** в 1073–1076 гг. Причем, по мнению ряда авторов (А. Рогов), первый «**Изборник**» представлял собой перевод болгарского первоисточника, а второй был оригинальным (русским) произведением. Эти «**Изборники**» представляли собой сборники (патерики) различных нравоучительных статей и изречений, предназначенных для чтения княжеским и боярским отрокам, в частности «**Апостольские уставы**», «**Слово того же Иоанна о верочитных книгах**» и «**Богословец от словес**». Первый «**Изборник**» 1073 г., подобно «**Остромирову Евангелию**», был богато орнаментирован и украшен различными миниатюрами, а второй «**Изборник**» 1076 г., напротив, был внешне очень строг и предельно аскетичен.

От конца XI в. сохранилось еще несколько памятников религиозно-церковного содержания, в частности «**Архангельское Евангелие**» (1092) и три «**Служебных Миней**», созданные в Новгороде в 1095–1097 гг. Позднее, в первой трети XII в. было создано еще довольно много литературных, религиозно-церковных и нарративных памятников, большинство из которых, к сожалению, не сохранилось до наших дней. Среди уцелевших рукописей той поры следует назвать: 1) «**Мстиславово Евангелие**», написанное священником **Алексой** по поручению новгородского князя **Мстислава Великого** в 1115 г. для новгородской Благовещенской церкви на **Городище**, и 2) **Княжескую грамоту Мстислава Великого** — самый древний нарративный

рукописный памятник Киевской Руси, которая была дарована им новгородскому **Юрьеву монастырю** в 1130 г.

Долгое время в исторической науке господствовало предвзятое убеждение, что письменность в Древней Руси была уделом только церковных иерархов и представителей высшей феодальной знати. Однако в 1951 г. одна из сотрудниц знаменитой **Новгородской археологической экспедиции** профессора А.В. Арциховского нашла первую **берестяную грамоту**, которая блестяще опровергла это ложное убеждение. В настоящее время в **Новгороде, Старой Руссе, Пскове, Ладоге, Смоленске, Витебске** и других русских городах найдено более **1100 берестяных грамот**, которые красноречиво свидетельствуют о достаточно широком распространении грамотности и письменности среди самых широких слоев посадского населения Древней Руси.

О широком распространении письменности в Древней Руси говорят и многие эпиграфические памятники, т.е. надписи, сделанные на камнях, металле, деревьях и других твердых материалах. К числу древнейших эпиграфических надписей относится надпись на знаменитом **Тмутараканском камне**, датированная **1068 г.**, которая была начертана в годы правления в **Тмутаракани (Тамани)** внука **Ярослава Мудрого князя Глеба Святославича**. Многочисленные надписи или граффити сохранились также на каменных крестах, деревянных пряслицах, гончарных изделиях и даже на стенах ряда знаменитых храмов и церквей.

Все эти хорошо известные факты лишний раз подтверждают, что на Руси было «**б্যাше мнози**» грамотных и образованных людей, многие из которых получили свое образование, как частным образом, так и в стенах «государственных» школ. По мнению многих знатоков истории Древней Руси, в тот период было два основных типа учебных заведений: **1) церковные школы**, созданные при крупнейших храмах и монастырях для подготовки церковнослужителей, где отроков и юношей обучали письму, чтению, богословию и песнопению, и **2) светские школы**, где, помимо основных предметов, школярам преподавали риторику, грамматику и философию.

В настоящее время достоверно известно, что уже при **Владимире Святом** была создана первая мужская школа в **Киеве**, а при его сыне **Ярославе Мудром** школы для обучения княжеских и боярских отроков были открыты в **Новгороде, Киеве и Чернигове**. Тогда же, в первой половине XI в. были созданы первые женские школы, в частности при **Андреевском и Спасском монастырях** в **Киеве и Полоцке**. Однако, совершенно очевидно, что в тот период самой распространенной формой учения все же оставалось традиционное домашнее обучение.

Распространение грамотности на Руси сопровождалось и созданием первых библиотек. Самыми крупными хранилищами книг были **Софийские соборы** в **Новгороде, Киеве и Полоцке, Киево-Печерский и Новгородский Юрьевский монастыри**, а также частные собрания Великих киевских князей **Ярослава Мудрого** и его сына **Всеволода**, галицкого князя **Ярослава Осмомысла**, княгинь **Ефросиньи Полоцкой** и **Ефросиньи Суздальской**, архимандрита **Феодосия Печерского** и митрополита **Климента Смолятича**.

4. Древнерусское летописание

Среди письменных памятников Древней Руси одно из самых почетных мест по праву принадлежит летописным сводам. Древнерусские летописи — это совершенно уникальное явление древнерусской культуры, которые внесли неповторимый

и бесценный вклад в сокровищницу мировой культуры и письменности. Причем, по мнению многих ученых (А. Шахматов, Д. Лихачев, А. Кузьмин, П. Толочко), русское летописание разительно отличалось от византийских хроник и западноевропейских анналов. В византийских хрониках повествование всегда велось не по годам, а по времени правления патриархов, императоров и императриц, а в русских летописных сводах уже с **начала XI в.** существовала «погодная сетка» важнейших исторических событий русской и даже мировой истории, произошедших в то или иное «лето». В западноевропейских анналах также существовала «погодная сетка» важнейших исторических событий, однако, информация о них была довольно скудной и невыразительной. В русских летописных сводах, напротив, очень часто были представлены развернутые повествования о различных событиях и персонажах древнерусской и мировой истории, в которых содержалась очень личностная, выразительная и предельно эмоциональная оценка многих исторических событий и персонажей. Кроме того, сами летописные своды были наполнены многочисленными текстами официальных документов и договоров, некрологами видных государственных и церковных деятелей, философскими трактатами и религиозными поучениями, народными преданиями и легендами.

Надо сказать, что вопрос о времени появления первых летописных сводов до сих пор является дискуссионным. Связано это, прежде всего, с тем обстоятельством, что древнейшие списки **«Повести Временных лет»** дошли до нас в составе более поздних летописных сводов, созданных в **XIV–XV вв.** Долгое время в исторической науке безраздельно господствовала гипотеза академика **А.А. Шахматова**, автора фундаментальной монографии **«Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908)**, что первый русский летописный свод был создан в **1037–1039 г.** в связи с созданием в **Киеве** отдельной митрополии и прибытием в столицу Руси первого русского митрополита, грека **Феопемта**. На основе этого **«Древнейшего Киевского свода»** при **Софийском Новгородском соборе** в **1050 г.** был создан **«Древнейший Новгородский свод»**. Затем, в **1073 г.**, настоятель **Киево-Печерского монастыря Никон** создает **«Первый Киево-Печерский свод»**, а в **1095 г.** на базе **«Древнейшего Новгородского свода»** и **«Первого Киево-Печерского свода»** был создан **«Второй Киево-Печерский свод»**, который сам **А.А. Шахматов** назвал **«Начальной летописью»**, ставшей непосредственной базой создания знаменитой **«Повести временных лет» (ПВЛ)**, которая сохранилась в составе трех разных редакций **1113, 1116 и 1118 гг.**

Надо сказать, что практически сразу схема академика **А.А. Шахматова**, выводившая всю **ПВЛ** из **единого летописного древа**, вызвала резкие возражения со стороны ряда видных ученых, в частности академика **В.М. Истрина**, автора известной работы **«Замечания о начале русского летописания» (1922)**, и академика **Н.К. Никольского**, создавшего обобщающий фундаментальный труд **«Повесть временных лет как источник по истории русской культуры и письменности» (1930)**. Затем, во **второй половине XX века**, многие известные ученые предложили разные гипотезы начала русского летописания. Но при этом все советские филологи и историки, за исключением профессора **А.Г. Кузьмина**, не отвергали саму схему **А.А. Шахматова «о едином древе»**, а лишь предлагали разные датировки древнейшего летописного свода и место его написания.

Так, академик **Л.В. Черепнин** датировал возникновение русского летописания **996 г.** и напрямую связал его со строительством и освящением **Десятинной Церкви**

в **Киеве**. Академик **М.Н. Тихомиров** датировал появление первого летописного свода **1007 г.**, когда состоялось торжественное перенесение мощей княгини **Ольги** в **Десятинную церковь**. При этом **М.Н. Тихомиров** полагал, что исторической основой первого летописного свода стало «**Сказание о русских князьях**», созданное в **Киеве** вскоре после официального Крещения Руси в **990-х гг.** Академик **Д.С. Лихачев** утверждал, что первый летописный свод возник в **1030–1040-х гг.** на базе сборника разных «**Житий**» о крещении княгини **Ольги** и князя **Владимира**, о смерти двух христиан-варягов и ряда других источников, которые он объединил под общим названием «**Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси**». Именно это «**Сказание**», созданное епископом **Иларионом**, и стало затем основой первого русского летописного свода, созданного в **1073 г.** настоятелем **Киево-Печерского монастыря Никоном**. Академик **Б.А. Рыбаков** и его украинские коллеги, академик **П.П. Толочко** и профессор **М.Ю. Брайчевский** полагали, что первые погодные записи важнейших исторических событий возникли во времена князя **Аскольда**, вскоре после крещения днепровских русов константинопольским патриархом **Фотием** в **867 г.** Именно эти записи («**Летопись Аскольда**») и были положены в основу «**Первого Киевского летописного свода**», который был создан **Анастасом Корсуняниным** в **996–997 гг.** при **Десятинной Церкви в Киеве**.

Чуть позднее эта точка зрения была частично поддержана профессором **А.Г. Кузьминым**, но при этом он особо подчеркнул ряд важных обстоятельств: 1) Все древнерусские летописи представляли собой обобщенный свод разнохарактерных и разновременных, нередко противоречащих друг другу, более древних летописных и внелетописных материалов. 2) Практически все древние летописцы не признавали «авторского права» своих предшественников, поэтому довольно часто редактировали предыдущий текст, не обращая особого внимания на неизбежно возникавшие противоречия. 3) Вероятнее всего, первые летописи, созданные в **X в.**, не имели абсолютных дат и счет лет шел по годам правления того или иного князя. Абсолютные даты появились только в **XI в.**, причем, в различные летописные источники привносились разные космические эры (**антиохийская, константинопольская, старовизантийская**), что, очевидно, было связано с разными истоками самого русского христианства. 4) Центрами древнерусского летописания были не только такие крупные города, как **Киев, Новгород, Чернигов, Смоленск и Ростов**, но и разные монастыри и храмы, в частности **Киево-Печерский, Выдубицкий и Юрьевский монастыри, Десятинная церковь в Киеве** и т.д., где изначально существовали разные летописные традиции. Поэтому «**Повесть Временных лет**» проистекала не из «единого летописного древа», а представляла собой многосложный летописный свод.

Новый общерусский летописный свод возник примерно в **1060–1070-е гг.** По мнению многих ученых (**А. Шахматов, М. Приселков, Д. Лихачев, Б. Рыбаков, Я. Лурье**), работу над этим летописным сводом в **1061 г.** начал настоятель **Киево-Печерского монастыря Никон Великий**. В процессе этой работы он собрал большое количество новых исторических источников, в том числе **Сказания «О первых русских князьях», «О крещении княгини Ольги», «О походах» князей Олега, Игоря и Святослава на Царьград** и целый ряд других материалов. Более того, по мнению многих авторов, именно тогда в новый летописный свод попали «**Корсунская легенда**» о крещении князя **Владимира** и «**Варяжская легенда**», автором которой стал

новгородский воевода **Вышата**, принимавший участие в последнем походе русских дружин на Византию в 1043 г., и т.д. Вероятнее всего, работа над этим летописным сводом завершилась в 1070/1072 г., во время съезда «Ярославичей» — **Изяслава, Святослава и Всеволода** в **Вышгороде**. Хотя, надо сказать, ряд историков не вполне разделяли эту точку зрения. Одни из них (**А. Кузьмин, А. Толочко**) полагали, что автором этого летописного свода был известный ученик **Феодосия Печерского Сильвестр**, а другие (**М. Приселков, Н. Розов, П. Толочко**) утверждали, что авторами этого свода были сразу несколько печерских монахов-летописцев, в том числе **Никон Великий, Нестор и Иоанн**.

В годы правления киевского князя **Святополка** в 1093—1095 гг. был создан новый летописный свод, который и стал непосредственной основой самой «**Повести Временных лет**». По мнению многих ученых (**А. Шахматов, М. Приселков, Д. Лихачев, П. Толочко**), первая редакция этой «**Повести**» была создана в 1113 г. монахом **Киево-Печерского монастыря Нестором**, который помимо прежних летописных сводов 1050 г. и 1070/1072 г. использовал «**Хронику**» **Георгия Амартола**, «**Хронику**» **Иоанна Малалы**, «**Житие Василия Нового**» и другие летописные и внелетописные источники. Однако еще в 1970-х гг. ряд советских историков (**А. Кузьмин**) заявили, что **Никон** не только не имел никакого отношения к созданию **ПВЛ**, но даже не был знаком с этим летописным сводом, а реальным автором первой редакции **ПВЛ** был будущий настоятель **Выдубицкого Михайловского монастыря Сильвестр**, который продолжил летописные традиции **Десятинной церкви**, а не **Киево-Печерского монастыря**.

По мнению тех же ученых (**А. Шахматов, М. Приселков, А. Орлов, Д. Лихачев**), вторая редакция **ПВЛ** была создана в 1116 г. игуменом **Сильвестром**, который был близок к новому киевскому князю **Владимиру Мономаху**. Вероятно, именно по «просьбе» этого князя он переработал первую редакцию **ПВЛ**, особенно в той ее части, которая освещала события 1090—1110-х гг., и включил в ее состав знаменитое «**Поучение Владимира Мономаха**». Между тем, ряд советских историков (**М. Алешковский, П. Толочко**) полагали, что **Сильвестр** не создавал вторую редакцию **ПВЛ**, а был лишь переписчиком ее первой редакции. В 1118 г. по аналогичной «просьбе» новгородского князя **Мстислава Великого** была создана третья и последняя редакция **ПВЛ**, автором которой был либо какой-то безымянный монах **Новгородских Юрьева или Антоньева монастырей** (**А. Орлов, Б. Рыбаков, П. Толочко**), либо схизматик **Киевского Андреевского монастыря Василий** (**Д. Лихачев, М. Алешковский**).

5. Древнерусская литература

а) Общие замечания

По мнению многих историков литературного наследия Древней Руси (**Н. Гудзий, Д. Лихачев, И. Еремин, В. Кусков, А. Робинсон**), возникновение и развитие русской литературы было обусловлено тем, что в процессе становления и развития Древнерусского государства резко возросли ее роль и значение в идеологической цементации древнерусского общества. При этом многие ученые особо отмечали, что для русской литературы той поры были характерны следующие основные черты:

1) Она была **синтетической литературой**, которая впитала в себя все многообразие литературных традиций, стилей и направлений различных народов и древ-

нейших государств. При этом подавляющее большинство ученых (**А. Муравьев, В. Кусков, В. Кожин**) говорят об определяющем влиянии византийского наследия в становлении и развитии древнерусской литературы. Однако их оппоненты (**Д. Лихачев, Р. Скрынников**) утверждают, что гораздо большую роль на развитие русской литературы оказала соседняя Болгария, а ее древнеболгарский язык стал литературным языком Древней Руси.

2) В эпоху Киевской Руси национальная литература находилась в **процессе жанрообразования**. Однако, если одни авторы (**В. Кусков, Н. Прокофьев**) утверждали, что Древняя Русь целиком восприняла византийскую жанровую систему, то их оппоненты (**И. Еремин, Д. Лихачев**) полагали, что на Руси получили распространение только те литературные жанры, которые были непосредственно связаны со всей религиозной догматикой и официальной Церковью, и с теми мировоззренческими жанрами, которые отражали новое (христианское, а не языческое) восприятие окружающего мира. Поэтому на Русь были привнесены лишь те произведения раннехристианской и ранневизантийской литературы, которые отвечали уровню ее исторического развития в тот период.

3) Вместе с тем, говоря о богатой жанровой специфике древнерусской литературы, необходимо сделать ряд существенных замечаний:

— **Во-первых**, в раннем средневековье литература носила, во многом, чисто прикладной, утилитарный характер, поэтому многие литературные жанры той поры — летописные своды, хождения, апокрифы и другие сочинения имели, прежде всего, познавательную направленность.

— **Во-вторых**, для древнерусской литературы был характерен **синкретизм**, т.е. переплетение различных, как чисто литературных, так и фольклорных жанров, в частности былин, заговоров, заклинаний, пословиц, поговорок и т.д. Если говорить по существу, то историки древнерусской литературы, как правило, отдельно выделяют церковные и светские литературные жанры. К церковным жанрам относились «Священные писания», «Гимнография», «Слова» и «Жития Святых» (агиография), а к светским — «Княжеские жития», исторические, воинские и дидактические повести, летописные сказания и предания и т.д. При этом многие ученые (**Д. Лихачев, И. Еремин, В. Кусков**) отмечают тот факт, что по мере развития литературного творчества происходит постепенная трансформация традиционных церковных жанров, а светские литературные жанры подвергаются значительной беллетризации, в результате чего авторы произведений значительно большее внимание стали придавать психологическим портретам своих литературных персонажей, мотивации их поступков и т.д. Однако при этом литература Киевской Руси еще не знала ни вымышленных героев, ни вымышленных исторических событий, а героями ее произведений были реальные исторические лица и реальные события прошлого и настоящего.

— **В-третьих**, многие произведения древнерусской литературы, в том числе сама «Повесть временных лет», «Повесть об ослеплении Василька Тербовльского», «Поучение Владимира Мономаха», «Моление Даниила Заточника», «Похвала Роману Галицкому» и многие другие сочинения светского характера находились вне конкретных жанровых рамок.

При изучении истории русской литературы эпохи Древней Руси ученые до сих пор спорят по целому ряду ключевых проблем:

1) **Какова была специфика художественного метода древнерусской литературы.** Одни ученые (**И. Еремин, В. Кусков, С. Азбелев, А. Робинсон**) утверждают, что для русской литературы той поры был присущ один художественный метод. Так, профессор **С.Н. Азбелев** определял его как синкретический, академик **И.П. Еремин** — как предреалистический, а профессор **А.Б. Робинсон** — как метод символического историзма. Другие ученые (**А. Орлов, Д. Лихачев**) выдвинули тезис о многообразии художественных методов в рамках всей древнерусской литературы. Более того, указанные авторы утверждали, что это многообразие было заметно и в творчестве самих авторов, и во многих произведениях различных литературных жанров.

2) **Какова была стилистика древнерусской литературы.** На сей счет существует достаточно много различных точек зрения. Например, академик **П.Н. Сакулин** говорил о том, что в Древней Руси существовало два стиля: реалистический или светский и ирреалистический или церковный. Однако большинство ученых (**В. Истрин, Д. Лихачев, С. Азбелев, В. Кусков**) полагали, что ведущими стилями древнерусской литературы были стиль монументального историзма и народный эпический стиль. Именно поэтому для многих произведений русской литературы той поры характерны многочисленные исторические экскурсы в прошлое разных народов и государств, обсуждение сложных философско-религиозных и нравственных проблем и т.д. Причем, необходимо отметить тот факт, что, восприняв из византийской хронографии теорию линейного времени и библейскую концепцию сотворения мира, многие авторы той поры уделяли большое внимание практической, поведенческой философии и нравственному воспитанию самых светлых и возвышенных чувств у своих современников и потомков.

3) **Каким временем следует датировать рождение древнерусской литературы.** Большинство ученых, как правило, датируют становление русской национальной литературы **первой половиной XI в.**, т.е. временем появления первых оригинальных произведений русских авторов. Однако академик **Д.С. Лихачев** утверждал, что древнерусская литература возникает с появлением первых литературных произведений, независимо от того были они оригинальными или переводными. Поэтому он датировал время становления русской литературы **концом X в.**

6) Литературные памятники Древней Руси

К числу самых выдающихся памятников Древней Руси традиционно относят:

1) **«Слово о Законе и Благодати»** митрополита **Илариона**, главной идеей которого стало обоснование автокефальности, т.е. независимости Русской Православной Церкви от Константинопольского патриархата. Вопрос о времени создания этого **«Слова»** до сих пор является предметом острой научной дискуссии, но большинство современных историков датируют его создание **1037–1050 гг.**, когда **Иларион** был пресвитером домово-великокняжеской церкви в селе **Берестове** под **Киевом**.

«Слово о Законе и Благодати» состоит из трех основных частей. Первая часть этого **«Слова»** целиком посвящена чисто церковной тематике, прежде всего, анализу двух составных частей **Библии** — **Ветхому и Новому Заветам**. Сопоставляя эти части **«Священного писания»**, **Иларион** обратил особое внимание на национальную ограниченность **Ветхого завета (Иудаизма или Закона)** с его идеей богоизбранности еврейского народа, и, напротив, зримо подчеркнул всемирный характер христианского вероучения, отраженный в **Благодати Нового завета**. В той же ча-

сти **«Слова»**, говоря о всемирном характере христианства, автор категорически отвергал притязания Византии на политическое и церковное господство на Руси и выступал с резкой критикой Константинопольского патриархата, претендующего на монопольное владение **Благодатью Нового завета**, т.е. всего христианского вероучения. Вторая часть **«Слова»** была целиком посвящена истории распространения христианства на Руси и стала своеобразным гимном Русскому Православию. А третья часть **«Слова»** была посвящена прославлению Великого киевского князя **Владимира Святого**, который стал первым святителем Древней Руси. По мнению многих историков (**Б. Рыбаков, А. Кузьмин, П. Толочко**), **Иларион** совершенно неслучайно уделил особое место Великому киевскому князю, поскольку именно тогда должна была состояться канонизация князя **Владимира**, однако византийское духовенство категорически противилось этой канонизации. Поэтому **Иларион** не скупился на похвалу Великому киевскому князю и особо подчеркивал его заслуги в деле Крещения Руси.

В 1051 г. по личной просьбе **Ярослава Мудрого** **Иларион** возглавил **Киевскую митрополию**, однако, после смерти Великого князя он вынужден был покинуть митрополичью кафедру и стать монахом **Киево-Печерского монастыря**. При этом одни историки (**М. Приселков, Н. Розов, П. Толочко**) утверждали, что он принял схиму под именем **Никон**, другие (**Н. Попов**) — под именем **Иоанн**, а третьи (**Н. Никольский**) — под именем **Ларион**.

Кроме знаменитого **«Слова о Законе и Благодати»**, вошедшего в сокровищницу русской и мировой литературы, митрополит **Иларион** стал автором и ряда других произведений, в частности **«Исповедания веры»**, **«Поучения о пользе душевной ко всем христианам»** и **«Слова к брату-столпнику»**. Причем, ряд историков (**И. Еремин, А. Кузьмин, Я. Шапов**) считают, что **Иларион** был автором и **«Церковного устава Ярослава Мудрого»**, а академик **Д.С. Лихачев** не исключал, что его перу принадлежало и знаменитое **«Сказание о распространении христианства на Руси»**.

2) **«Поучение Владимира Мономаха»**. Этот выдающийся памятник русской общественной мысли и публицистики сохранился только в составе **Лаврентьевской летописи** в статье, датированной 1096 г., однако многие историки считают, что это **«Поучение»** было создано гораздо позже указанной даты. Ряд авторов (**М. Погодин, Б. Рыбаков**) датируют его 1099 г., другие авторы (**А. Мусин-Пушкин**) относят время его создания к 1120–1125 гг., но большинство ученых (**А. Орлов, Д. Лихачев, А. Кузьмин, В. Кусков, П. Толочко**) считают, что это **«Поучение»** было создано в 1117 г.

«Поучение Владимира Мономаха» также состоит из трех частей, а именно **«Поучения детям»**, **«Книги путей»**, т.е. личных мемуаров автора о событиях 1066–1117 гг., и **«Письма черниговскому князю Олегу Святославичу»**. Первая часть **«Поучения»** представляла собой дидактические наставления своим чадам, в которой Великий киевский князь на примере богатого жизненного опыта и своих жизненных принципов, призывает собственных детей к прекращению братоубийственных войн и единству всех князей **«Рюрикава дома»** к неукоснительному соблюдению феодального правопорядка, закрепленного на княжеских съездах, строгого соблюдения всех клятв и подписанных договоров. Кроме того, в этой части **«Поучения»** **Владимир Мономах** обращал особое внимание на образ самого князя, который должен быть мужественным, мудрым и неутомимым правителем, для которого интересы государства и православной церкви должны быть выше личных интересов и помыслов.

Вторая часть **«Поучения»** содержала автобиографию **Владимира Мономаха**, в которой он повествовал о своих многочисленных походах на вятичей, половцев и болгар, заключенных мирных договорах, а также курьезных и опасных случаях на охоте. Третья часть **«Поучения»** представляла собой личное послание **Владимира Мономаха** своему брату черниговскому князю **Олегу Святославичу**, ставшему зачинщиком новой княжеской усобицы и гибели его сына, муромского князя **Изяслава**. В своем послании, преодолев неутешное личное горе, **Владимир Мономах** призвал кузена не губить Русскую землю усобицами и враждой, не проливать понапрасну христианскую кровь, а объединить свои усилия в борьбе с внешним врагом.

3) Блестящими произведениями светского жанра русской литературы были знаменитые **«Хождения»**, которые содержались в разных летописных сводах, в частности **«О хождении 40 новгородцев ко граду Иерусалиму» (1163)** и **«О паломничестве в Иерусалим полоцкой княжны Ефросиньи» (1173)**. Но, безусловно, самым знаменитым произведением этого жанра стало **«Хождение игумена Даниила в Святые места»**, которое иногда называют **«Хождением в Палестину»** или **«Хождением на Восток»**. Время создания этого произведения до сих пор является предметом научных споров. Как правило, его хронологические рамки ограничивают временем правления Великого киевского князя **Святослава (1093–1113)** и датируют его создание **1106–1108 гг.**

Вероятнее всего, в основу **«Хождения»** были положены личные путевые заметки игумена **Черниговского Успенского монастыря Даниила**, который в **1104–1107 гг.** совершил дальнейшее путешествие в Палестину. Первоначально он сопровождал иерусалимского короля **Балдуина I** в одном из его многочисленных походов, затем полтора года жил в монастыре **Святого Саввы под Иерусалимом**, а под конец своего путешествия посетил несколько городов **Иерусалимского королевства**, в частности **Иерихон, Вифлеем и Галилею**.

После возвращения на Русь «путевые заметки» **Даниила** были дополнены выписками из других, не дошедших до нас произведений, в результате чего на свет появилось это прекрасное произведение древнерусской литературы, в котором, по мнению многих историков (**В. Янин, В. Данилов, В. Кузьмина**), нашли свое отражение очень точные описания природы и географии **Иерусалима, Иерихона** и других ближневосточных городов, многочисленные легенды, сказания и апокрифы.

4) Важное место в истории древнерусской литературы занимали **«Жития святых»** или жанр **«агиографии»**. **«Жития святых»** формировались на заре существования христианства в форме так называемых **«мartyрий»**, т.е. рассказов о страшных страданиях и мучениях, которым подвергались приверженцы новой христианской веры в первые века распространения христианства. При этом на первых порах большую роль в развитии этого литературного жанра сыграл так называемый жанр **«панегирика»**, т.е. похвального надгробного слова. Как правило, все **«Жития»** состояли из трех частей. В первой части содержалось краткое предисловие, во второй или основной части — биография героя, а в третьей части — краткая похвала ему. Окончательно каноническая структура **«Житий»** сложилась в Византии в **VIII – IX вв.**, а на Руси — во второй половине **XI в.**

По мнению целого ряда ученых, первые элементы житийной литературы сохранились еще в ранних летописных **«Сказаниях»** о княгине **Ольге** и князе **Владимире**, которые датируют началом **XI в.** А затем оформление **«Житий»** в качестве

самобытного церковно-литературного жанра шло, как в самом летописании, так и помимо него, в церковной литературе. Ярким примером такой трансформации является история создания **«Сказания о Борисе и Глебе»**. Первоначально их «житие» появились в форме летописной записи под **1015 г.**, когда братья-христиане были убиты в ходе кровавой междоусобной войны сыновей **Владимира Святого**. Затем эта и другие летописные записи стали основой создания нового литературного произведения — **«Сказания о Борисе и Глебе»**, которое возникло, вероятнее всего, в **1060–1120-х гг.**

Вопрос об авторстве этого **«Сказания»** является предметом давней научной дискуссии, которая подробно изложена в новейшей монографии **Д.А. Боровкова «Тайна Гибели Бориса и Глеба» (2009)**, но многие историки полагают, что автор этого **«Сказания»** был тесно связан с **Киево-Печерским монастырем**. Отличительными особенностями этого **«Сказания»** были историческая конкретность всего повествования, что выгодно отличало его от всех византийских мартирий, а также отсутствие традиционной композиционной схемы, присущей агиографическому жанру. Обычно все **«Жития святых»** описывали жизнь христианского подвижника — от его рождения до смерти. Но в данном случае был отображен лишь один эпизод из жизни братьев-мучеников — их злодейское убийство сводным братом **Святополком Окаянным**.

К числу других наиболее значимых произведений, которые относились как к церковным, так и к княжеским «житиям» следует отнести **«Память и похвалу Владимира» Иакова Мниха (XI в.)**, **«Житие княгини Ольги» (XI в.)**, **«Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича Теребовльского» (XI в.)**, автором которой был священник **Василий**, **«Житие Мстислава Великого» (XII в.)**, **«Поучение к братии» Луки Жидяты (XII в.)**, трактат **«Об опресноках»** киевского митрополита **Леонтия (XII в.)** и два выдающихся произведения известного монаха **Киево-Печерского монастыря Нестора**: 1) **«Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба»**, специально написанное для богослужебных целей либо в **1080-х гг.** (**А. Шахматов, А. Насанов, В. Кусков**), либо в **1110-х гг.** (**Л. Черепнин, А. Кузьмин**), и 2) **«Житие Феодосия Печерского»**, которое было посвящено основателю и первому игумену **Киево-Печерского монастыря** преподобному старцу **Феодосию**. Что касается датировки этого произведения, то она также является предметом давней научной дискуссии. Ряд ученых (**А. Шахматов**) датируют время его создания **1088 г.**, а другие историки (**А. Кузьмин**) — **началом XII в.**

5) Помимо оригинальных произведений на Руси существовала и обширная переводная литература, в частности **«Сочинения» Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Служебные месячные Миней**, тексты праздничных служб, например, **«Постная»** (до Великой Пасхи) и **«Цветная»** (после Великой Пасхи) **«Триоди»** и т.д.

Знакома была Древняя Русь и с переводными произведениями житийной литературы, которые были посвящены основным проблемам христианской морали, монашеского бытия, борьбы с ересями и описанию жизни и подвигов видных церковных подвижников, в частности **Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина** и других «отцов» Вселенской Православной Церкви. Большой популярностью на Руси пользовался знаменитый **«Шестоднев»**, автором которого был известный болгарский богослов **Иоанн Экзарх**. Это сочинение представляло собой толкование известных библейских рассказов о шести днях

сотворения мира, в котором его автор, отойдя от традиций античной философии, предлагал новую, библейскую концепцию мироздания. При этом надо особо отметить, что в отличие от многих религиозно-философских сочинений той поры, **Иоанн Экзарх**, преклоняясь перед человеческим разумом, рассматривал его как главное орудие познания окружающего мира.

Вместе с тем, наряду с каноническими (истинными) книгами христианского вероучения, на территории Руси получили широкое распространение знаменитые **апокрифы**, которые представляли собой сокровенные сочинения религиозного характера, повествующие об известных людях и событиях священной истории, восходящие своими корнями к античной мифологии и дохристианской религии. Поэтому эти апокрифы не включались в канонический список библейских книг, а целый ряд этих произведений вообще числились в индексе запрещенных или отреченных книг, в частности «Деяния апостолов Андрея и Петра» и «Хождение Богородицы по мукам».

Широкое распространение на Руси, особенно со второй половины XI в., получили и разнообразные светские сочинения античности и раннего средневековья, в частности «Хроники» **Иоанна Малалы** (VI в.), **Георгия Амартола** (IX в.) и **Георгия Синкела** (IX в.), а также «Летописец вскоре» византийского патриарха **Никифора**, из которых Русь восприняла тогдашнюю (провиденческую) философию истории и представления о пространстве и времени. Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что признавая божественную волю или провидение основой человеческого бытия и всего мироздания, византийские и европейские мыслители раннего средневековья, особенно **Иоанн Дамаскин**, не отрицали и свободы человеческой воли. В середине XI в. на базе византийских «Хроник» **Иоанна Малалы** и **Георгия Амартола** был создан первый русский «Хронограф по великому изложению».

Большой популярностью у русских читателей пользовались многие античные повести и романы:

— «Александрия» псевдо-Каллисфена (IV в. до н.э.), которая повествует о жизни и подвигах **Александра Македонского** и его походах в **Карфаген**, **Италию** и **Персию** против персидского царя **Дария III**. Первый перевод «Александрии» был сделан в начале XII в. и дошел до нас в составе **Еллинского, Римского и Виленского Хронографов**.

— «История иудейской войны» (II в. н.э.) еврейского историка **Иосифа Флавия**, которая была известна на Руси как «Повесть о разорении Иерусалима». В этой «Повести» освещались события 167 г. до н.э. — 72 г. н.э., но центральное место занимало описание борьбы еврейского народа с римскими легионами и осада ими **Иерусалима** и **Иотопаты**. Однако надо отметить тот примечательный факт, что русские переводчики достаточно вольно отнеслись к первоисточнику и внесли в оригинал довольно много дополнений, например, об **Иисусе Христе** и **Иоанне Предтечи**.

— «Повесть о Василии Дигенисе Акрите» (X в.), которую на Руси называли «Девгениевым деянием» (XI–XII вв.). Эта «Повесть» состоит из двух частей. В первой части повествуется о родителях **Девгения** — его отце аравийском царе **Амире** и его матери-гречанке, которая вышла замуж за «сарацина» только после принятия им христианства. А вторая часть целиком посвящена описанию подвигов **Девгения**, который стоял на страже пограничных рубежей Византийской империи. В этой «Повести» сочетались совершенно разные жанры той поры, в том числе традиции устной народной поэзии, сказочные мотивы и элементы книжной стилистики.

— «Троянские деяния», посвященные легендарной Троянской войне и ее знаменитым участникам и героям — Ахиллу, Одиссею, Приаму, Гектору и другим.

— «Повесть об Акире Премудром» (XI в.), которая была посвящена мудрому советнику царя Акиру, неустанно радеющему о благе и процветании государства.

— «Повесть о Варлааме и царевиче Иоасафе» (XI в.), которая повествовала об отшельнике Варлааме и сыне индийского царя Авенира Иоасафе, принявшего крещение и ушедшего вместе со своим учителем от мирской суеты в пещеру ради достижения духовного идеала и величия.

— «Христианская топография» Кузьмы Индикоплова (VI в.), в которой содержались различные притчи, философские изречения и богатейшая и разнообразная информация о народах и государствах тогдашнего цивилизованного мира.

6. Архитектура Древней Руси

В Древней Руси традиционным строительным материалом, из которого возводились все культовые и гражданские постройки, крепостные стены и башни, было дерево, как правило, дуб или сосна. Однако с принятием христианства на Русь довольно быстро проникает каменное зодчество, что во многом было вызвано потребностями Русской Православной Церкви в укреплении своей значимости и положения на Руси.

Между тем, следует отметить тот факт, что в отличие от романского Запада, где переход от традиционных деревянных конструкций к каменным постройкам проходил довольно медленно, Киевская Русь очень быстро восприняла довольно изощренную систему византийских сводчатых и купольных перекрытий, изысканных пространственных конфигураций, характерную форму куполов и т.д. Именно благодаря этому обстоятельству характерной чертой древнерусской архитектуры стал монументализм. С началом каменного строительства на Руси получил распространение **старовизантийский архитектурный стиль**, в основе которого была крестово-купольная композиция. Классические культовые здания, построенные в этом стиле, представлял собой прямоугольные сооружения, расчлененные четырьмя столбами, на которых покоился центральный световой барабан, увенчанный большим куполом. Прямоугольные в плане концы пространственного креста, образующие саму композицию здания, перекрывались цилиндрическими сводами, которые были сделаны из камня или кирпича. При этом угловые части храма также покрывались купольными сводами. Кроме того, с восточной стороны, где размещался алтарь с иконостасом, к храму пристраивали полуокружные выступления — **апсиды**, а внутри все пространство храма делилось на межрядные пространства — **нефы**. Вместе с тем, русские зодчие, взяв за основу крестово-купольную композицию, внесли в нее многие элементы русской деревянной архитектуры и придали самим храмам многоглавие и пирамидальность.

Среди самых значительных памятников древнерусской архитектуры **конца X — первой половины XI вв.** следует назвать следующие постройки:

— **Десятинную Богородичную церковь в Киеве**, которая была построена в **989—996 гг.** русскими и греческими мастерами из первоклассного белого камня — туфа и знаменитого тонкостенного кирпича — «греческой» плинфы. Первоначально эта церковь, посвященная культу Успения Богородицы, являлась кафедральным

собором **Киева** и представляла собой небольшой шестистолпный трехнефный храм, увенчанный семью куполами. Однако затем, за счет боковых пристроек, **Десятинная церковь** значительно расширилась и превратилась в пятинефный крестово-купольный храм, увенчанный **25 куполами**. К большому сожалению, этот шедевр древнерусской архитектуры был полностью разрушен в годы **Батыева нашествия (1240)**. Однако, судя по раскопкам археологов, которые смогли реконструировать отдельные части **Десятинной церкви**, при ее строительстве и отделке широко использовали мрамор, а также смальтовую мозаику и фрески, технология производства которых была привнесена из Византии.

— **Храм Святой Софии** или **Софийский собор в Киеве**. В исторической науке до сих пор нет единой точки зрения относительно даты постройки этого собора. Одни историки (**Н. Никитенко, В. Корниенко**) датируют время закладки этого собора **1011 г.**, т.е. временем правления Великого киевского князя **Владимира Святого**. Другие авторы (**А. Шахматов, В. Кусков**) считают, что этот собор был заложен **Ярославом Мудрым** в **1017 г.**, сразу после грандиозного пожара в **Киеве**. Третья группа авторов (**А. Рогов**) утверждает, что строительство этого храма было начато только в **1040-х гг.** Однако большинство историков (**М. Каргер, П. Толочко, А. Муравьев**) датируют начало строительство **Софийского собора 1037 г.** и напрямую связывают это эпохальное событие с сокрушительным разгромом печенегов на реке **Альте** в **1036 г.**

В своем первоначальном виде **Софийский собор** представлял собой огромное пятинефное крестово-купольное здание, окруженное с трех сторон одноэтажной галереей. Двенадцать крестообразных столбов делили внутреннее пространство всего храма на пять продольных нефов, при этом центральный неф был вдвое шире всех остальных. Все пять нефов в восточной части собора заканчивались апсидами. В центральной части апсида размещался алтарь с иконостасом, в северной части — жертвенник, где находились хлеб и вино, которыми во время богослужения причащались прихожане и духовенство, а в южной части — диаконник, где хранились парадные ризы священников и разнообразная церковная утварь, в том числе кадила, миро, братины, ковши и т.д.

Киевскую Софию венчали **13 параболических куполов**, которые были покрыты тонким слоем свинца. Центральный и самый большой купол храма находился выше всех остальных. На один уступ ниже его располагались еще четыре купола меньшего размера, а по боковым апсидам — остальные восемь куполов. Софийский собор имел оригинальное «позакомарное» покрытие. Эти закомары представляли собой полукруглое завершение верхней части стены, которые соответствовали внутренней форме храмовых сводов.

Киевская София, как и многие монументальные постройки той поры, была построена из камня и оранжево-розовой плинфы, а сам фасад этого храма был украшен красным кварцитом и серым гранитом, что придавало всему зданию особую торжественность и нарядность. Внутреннее пространство храма было украшено смальтовой мозаикой и фресками. По мнению всех знатоков древнерусской архитектуры, подлинным шедевром **Киевской Софии** была мозаичная фигура **Марии-Оранты** — молящейся богородицы. Кроме того, в технике мозаики были выполнены фигуры **Христа-Вседержителя**, который размещался на купольной части храма, и **12-ти апостолов**, помещенные в простенках между окнами центрального (купольного) барабана.

На стенах **Киевской Софии** было очень много фресок. При этом надо отметить, что наряду с чисто библейскими сюжетами, среди фресок был изображен групповой портрет семьи **Ярослава Мудрого** из двенадцати персон. На южной стене храма были представлены фигуры младших дочерей Великого киевского князя — **Елизаветы, Анны и Анастасии**, будущих королей Норвегии, Франции и Венгрии, и самой младшей дочери **Ярослава**, имя которой осталось неизвестным. На западной стене размещались портреты самого **Ярослава Мудрого**, его старшего сына новгородского князя **Владимира**, сестры Великого князя **Ирины** и его безымянной старшей дочери, которые фланкировали (обрамляли) с двух сторон фигуру **Иисуса Христа**, сидящего на троне. А на северной стене храма были помещены фигуры четырех сыновей Великого князя — **Изяслава, Святослава, Всеволода и Вячеслава**. Кроме того, на стенах **Киевской Софии** было очень много чисто бытовых сценок, например, такие известные фрески, как «музыканты», «скоморохи», «борьба ряженных», «кулачный бой», «акробаты», «гигант с шестом» и другие. К большому сожалению, **Софийский собор** был очень сильно разрушен в ходе монгольского нашествия в 1240 г., и через несколько столетий, в 1685–1707 гг., был подвергнут значительной перестройке в стиле так называемого украинского или грушевидного барокко.

Надо сказать, что в годы правления **Ярослава Мудрого (1019–1054)** в столице Древней Руси было построено довольно много разнообразных монументальных построек культового и гражданского предназначения, в частности **Великокняжеский дворец (1024–1036)**, **Золотые ворота (1037)**, **Церковь Ирины и Георгия (1037)**, **Церковь Богородицы (1052)**, **Юрьев и Ирининский монастыри (1037–1039)** и т.д.

— **Спасо-Преображенский собор в Чернигове**. Чуть раньше строительства монументальной **Киевской Софии** в соседнем **Чернигове**, втором по значению городе «Русской земли», по приказу Великого князя **Мстислава Храброго (1024–1036)**, бывшего соправителем всей Киевской Руси вместе с **Ярославом Мудрым**, был построен знаменитый **Спасо-Преображенский собор (1031–1036)**, который многие годы был кафедральным храмом всего города. К большому сожалению, в ходе монгольского нашествия, в 1239 г., этот пятиглавый восьмистолпный храм был также очень сильно разрушен, а затем дважды, в 1675 г. и 1792–1798 гг., подвергнут значительной перестройке.

— **Новгородский Софийский собор**, построенный русскими мастерами в 1045–1050 гг. По своей композиции **Новгородская София** была близка к **Киевской Софии**: тоже огромное пятинефное крестово-купольное здание с двухэтажными боковыми галереями и арками. Однако **Новгородская София** имела и ряд существенных особенностей. Например, вместо 13 куполов **Новгородскую Софию** венчали всего 5 куполов, которые были сгруппированы в центре храма. Внешнее убранство новгородского храма также отличалось от своего «двойника», поскольку он совершенно не имел декоративных украшений и выделялся традиционной для северной архитектуры «суровой монументальностью». Три апсиды в алтарной части храма заканчивались купольными перекрытиями, а двускатные перекрытия чередовались с цилиндрическими сводами. Кроме того, в отличие от **Киевской Софии** в новгородском храме не было смальтовой мозаики, кварцита и мрамора. Все внутреннее убранство этого храма соответствовало простым и строгим формам объема: вместо многочисленных колонн и тройных арок, в **Новгородской Софии** были двучерочные пролеты и четырех-или-восьмигранные столбы.

Первоначально **Новгородская София** не была украшена фресками, и только в **1108 г.** началась роспись центральной части собора, а в **середине XII в.** — его притворов. При этом в отличие от киевских фресок, новгородская живописная традиция отличалась плоскостной манерой, а также тем, что новгородские живописцы уделяли особое внимание самому силуэту и вырисовке контуров изображаемой фигуры.

Новый взлет каменного строительства на Руси пришелся на **вторую половину XI в. — начало XII вв.** Причем, по мнению ряда советских историков (**Н. Воронин, А. Кузьмин**), он был непосредственно связан с окончательным утверждением византийской ортодоксии в русском христианстве. Именно в этот период были построены такие шедевры древнерусской архитектуры, как:

— **Софийский собор в Полоцке**, сооруженный русскими зодчими и мастерами в **1040–1060-х гг.** Этот собор представлял собой довольно большое пятинафное семикупольное здание с тремя апсидами и одноэтажной галереей по всему его периметру. К большому сожалению, этот храмовый комплекс также не сохранился до наших дней, поэтому судить о его внутреннем убранстве достаточно сложно. Однако очень важно отметить тот факт, что появление трех однотипных в своей основе **Софийских соборов** в **Киеве, Новгороде и Полоцке** стало знаменательным событием той поры и особо подчеркивало политическое, духовное и культурное единство Древней Руси.

— **Кафедральный собор в Киевском Дмитриевском монастыре (1070–1075)**, собор архангела Михаила в **Киевском Выдубицком монастыре (1070–1088)**, кафедральные соборы **Михайло-Златоверхого и Кириллового монастырей под Киевом (1080-е гг.)** и другие монументальные постройки. При этом надо отметить тот факт, что именно в этот период особенно интенсивно стал застраиваться **Киево-Печерский монастырь**, основанный **Феодосием Печерским** в **1062 г.** В частности, именно тогда в этой древнейшей киевской обители, ставшей главным центром русского ортодоксального православия, был построен главный храм монастыря — однокупольный **Великий Успенский собор (церковь Богородицы) (1073–1078)**, а затем **Надвратная и Михайловская церкви (1106–1108)**, где находилось прекрасное мозаичное полотно с изображением **Дмитрия Солунского**.

Первая треть XII в. стала временем расцвета новгородского культового зодчества. Именно в этот период по «просьбе» новгородского князя **Мстислава Великого (1110–1125)** архитектор **Петр** построил в городе и его окрестностях **Церковь Николы на Ярославовом дворище (1113)**, **Георгиевский собор Юрьева монастыря (1119)**, **Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117–1119)** и другие культовые здания.

Выдающиеся памятники древнерусского зодчества **середины — второй половины XII в.** были созданы и в **Чернигове**, в частности изящный **Борисоглебский собор (1128)** с изумительным аркатурным резным поясом и **Церковь Пятницы на Торгу (1130–1133)**, архитектура которой отличалась своим особым динамизмом и устремленностью ввысь.

7. Живописное искусство

Строительство крупных храмовых, монастырских и дворцовых комплексов в разных городах Древней Руси сопровождалось быстрым развитием монументальной и станковой живописи. Причем, по мнению целого ряда ученых (**В. Лазарев, А. Рогов**), византийское влияние в изобразительном искусстве было даже более устойчивым,

чем в архитектуре, поскольку именно византийские мастера познакомили русских художников с техникой мозаики, фрески и темперной живописи, а также дали им сам иконописный канон. Однако, несмотря на это обстоятельство, русские мастера и в данном случае привнесли в живописное искусство собственные представления о мироздании, многие технические новшества и художественные приемы.

Здесь мы вынуждены сделать небольшое отступление и сказать о том, что в свое время один из блестящих знатоков истории Древней Руси профессор **М.В. Алпатов** в своей известной монографии «**Сокровища русского искусства XI–XVI вв.**» (1972) предложил собственную периодизацию древнерусского искусства, которая сохраняет свою научную ценность до сих пор. В частности, он выделял пять основных этапов в развитии русского живописного искусства эпохи средневековья:

1) XI–XII вв. — первый этап, знаменовавшийся «насаждением византийской культуры» и ростом монастырей, как главных очагов этой культуры. Поэтому в живописи этого времени преобладают византийская суровость, напряженность и драматизм, а ростки собственно русской живописной школы только дают о себе знать.

2) Первая треть XIII — середина XIV вв. — второй этап, который он характеризует как «период древнерусского примитивизма», когда язык искусства становится непосредственнее, а создание крупных монументальных произведений искусства практически сведено на нет.

3) Середина XIV — середина XV вв. — третий этап, для которого были характерны неудачные попытки возрождения живописных традиций домонгольской Руси, которые завершились созданием новой живописной школы. Вершиной этого долгого поиска стало творчество **Феофана Грека** и **Андрея Рублева**, прошедших путь от трагического пафоса к жизнеутверждающему началу в искусстве, раскрывающему гармонию мироздания.

4) Вторая половина XV в. — четвертый этап, связанный с творчеством новгородских живописцев. Эта школа, по словам **М.В. Алпатова**, не мыслима без творчества **Андрея Рублева**, но она необычайно самобытна, менее философична и гораздо непосредственнее и занимательнее, чем московская живописная школа.

5) Конец XV — начало XVI вв. — последняя эпоха расцвета русской живописи, которая непосредственно связана с творчеством **Дионисия**.

Монументальное искусство Киевской Руси, т.е. искусство мозаики, фрески и темперы, наиболее ярко и зримо было представлено в **Киевской Софии**, **Десятинной церкви**, **Успенском соборе Киево-Печерского монастыря**, **Спасо-Преображенском соборе в Чернигове**, **Михайловском кафедральном соборе Михайлово-Златоверхого монастыря под Киевом** и других культовых постройках той поры, которые красноречиво свидетельствуют о высоком мастерстве русских живописцев.

Первоначально разноцветная смальта, из которой создавались прекрасные мозаичные композиции, привозилась с берегов Византии, а затем ее производство было налажено на территории Руси, о чем красноречиво свидетельствуют открытия советских археологов (**М. Каргер**, **П. Толочко**, **А. Комеч**) в **Киеве** и других городах Древней Руси. К сожалению, в **середине XII в.** дорогостоящее искусство создания больших мозаичных полотен было практически прекращено, зато в этот же период начинается расцвет фресковой живописи. Техника фресковой росписи была такова: сначала на сырую штукатурку быстро наносили контур самого рисунка, а затем на этот контур накладывали водяные краски, которые хорошо и быстро впитыва-

лись в сырую поверхность свежей грунтовки. Наиболее интересные произведения фресковой росписи сохранились в киевских и новгородских соборах **XI–XII вв.**, в частности в **Михайлово-Златоверховом монастыре** и в **Церкви Николы на Липне**, построенной в **1198 г.**

Широкое распространение в Древней Руси получили произведения **станковой живописи** или **иконы**. Они всегда писались на сухих, выдержанных в течение нескольких лет, липовых или сосновых досках. Сначала на деревянную основу наклеивалась поволока, т.е. специально обработанный холст, затем на него наносился левкас, т.е. толстый слой мела, и только потом обработанную доску расписывали специально приготовленной краской — **яичной темперой**.

К древнейшим раритетам станковой живописи Киевской Руси, созданных во **второй половине XI–XII в.**, традиционно относят такие знаменитые иконы, как **«Владимирская богоматерь»**, **«Боголюбская богоматерь»**, **«Устюжское благовещение»**, **«Ангел Златые власы»**, **«Спас Нерукотворный»**, **«Успение Богородицы»**, **«Георгий Победоносец»** и ряд других.

К произведениям станковой живописи относят и скульптурные композиции. Однако искусство скульптуры в Древней Руси не получило сколько-нибудь значительного развития, поскольку Русская Православная Церковь наложила строгий запрет на создание объемных форм, которые внешне очень напоминали статуи языческих идолов. Поэтому в Древней Руси скульптурные произведения носили исключительно плоскостной характер и украшали древнерусские храмы только снаружи, а не внутри, как было принято в католической Западной Европе.

Широкое распространение рукописных памятников в Древней Руси привело к возникновению и развитию книжной миниатюры. Наиболее древние миниатюры сохранились в **«Остромировом Евангелие»**, где были изображены три евангелиста **Иоанн, Марк и Лука**; в **«Изборнике Святослава» 1073 г.**, где была представлена вся великокняжеская семья; в **Тирском псалтыре (XI в.)**, который принадлежал жене Великого киевского князя **Изяслава Гертруде**, и в **«Мстиславовом»** и **«Юрьевском» Евангелиях**, созданных **1115–1128 гг.**

Кроме миниатюр многие рукописные книги той поры были украшены орнаментами в виде различных и причудливых заставок, т.е. узоров и виньеток в начале каждой главы книги, инициалов, т.е. разрисованных заглавных букв, полевых украшений и концовок, т.е. узоров и виньеток в конце каждой главы книги. **«Древнерусский»** или **«старовизантийский» орнамент**, пришедший на Русь из Византийской империи, имел в своей основе не только растительные мотивы, но и целый ряд простых геометрических фигур, в частности прямоугольников, кругов и арок. Чуть позднее в «русском» орнаменте стал распространяться так называемый **«звериный»** или **«чудовищный» стиль**, когда, наряду с изображением различных растений и геометрических фигур, страницы рукописных книг стали украшать фигурами библейских чудовищ и птиц.

8. Материальная культура Древней Руси

Развитие русской духовной культуры не только сопровождалось поступательным развитием материальной культуры, но и тесным переплетением этих культур, поскольку результаты материального производства практически всегда являлись овеществленным выражением творческого и духовного развития нации.

Материальное производство в Древней Руси развивалось в рамках огромного количества разнообразных ремесел. По подсчетам академика **Б.А. Рыбакова**, автора фундаментальной монографии «**Ремесло Древней Руси**» (1948), к концу XII в. общее количество ремесел в русских селах и городах составляло более трехсот разновидностей. Причем, наибольшее развитие получили кузнечное, литейное, гончарное и ювелирное ремесло.

Древнейшее кузнечное ремесло было самым распространенным производством в Киевской Руси, поскольку в многочисленных городских и сельских «домницах» русские кузнецы издавна ковали разнообразные предметы, предназначенные для повседневной жизни простых селян и горожан, в частности лемехи, косы, серпы, топоры, долота, скобы и т.д. Затем, начиная с **середины XI в.**, русские мастера стали создавать собственное боевое оружие и доспехи, которые очень высоко ценились во многих европейских странах: обоюдоострые мечи, боевые топоры, палицы, сабли, кольчуги, боевые щиты и конические «шишаки», т.е. заостренные к верху боевые шлемы.

Высокого развития в Древней Руси достигло литейное ремесло. При изготовлении многих произведений искусства русские литейщики применяли техникуковки, чеканки, гравировки и инкрустации или чернения, когда пространство между врезанными золотыми и серебряными нитями покрывалось тонким слоем черни. В результате применения этой техники литейно-ювелирного искусства появилось такое известное понятие, как «**черненное**» золото или **серебро**.

Широкое распространение на Руси имело и гончарное мастерство. Надо особо подчеркнуть тот факт, что уже в **начале X в.** большинство глиняных изделий создавались на гончарном круте. Техника производства гончарных изделий была такова: после изготовления гончарной «болванки», она украшалась причудливым орнаментом, затем сушилась и после сушки обжигалась в печи. При этом многие изделия перед обжигом покрывались эмалью или поливой, которая придавала особую прочность и красоту гончарному изделию. Русские гончары делали из разных сортов глины всевозможную домашнюю утварь, в том числе крынки, тарелки, котелки и больших размеров корчаги, предназначенные для приготовления или хранения пищи. Кроме того, русские умельцы в совершенстве овладели искусством производства тонкостенной плинфы, изящных поливных плиток, красной черепицы и разноцветных изразцов, которые служили для украшения пола, стен и потолка многих культовых и гражданских построек той поры.

Одним из самых распространенных ремесленных производств в Древней Руси было ювелирное дело. И надо особо подчеркнуть, что наши далекие предки в процессе создания своих шедевров ювелирного искусства в совершенстве овладели сложнейшей техникой **скани, зерни и эмали**. Скань или филигрань представляла собой изделия из витой серебряной или золотой проволоки. Все ювелирные изделия, созданные в технике скани, были двух видов. В первом случае скрученная проволока служила основой для создания объемных узоров, а в другом, напротив, накладывалась на пластину, выполняя роль замысловатого украшения. Однако и в том, и в другом случае русские ювелиры применяли технику пайки. Зернь представляла собой набор сотен, а иногда и тысяч мельчайших серебряных и золотых «зерен» или шариков, которые в строгом соответствии с прорезанным контуром рисунка накладывались на пластину и припаивались к ней.

При создании многих гончарных и ювелирных изделий русские умельцы широко пользовались техникой эмали, которую на Руси называли **финифтью** или **химипетом**. А с **начала XI в.** стала распространяться знаменитая **перегородчатая эмаль**, которая применялась при украшении многих ювелирных изделий, в том числе гривен (ожерелий), фибул, сережек, колец и т.д.

Тема: КУЛЬТУРА РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII ВВ.

План:

1. Предварительные замечания.
2. Развитие летописания.
3. Литература русских земель и княжеств.
 - а) Развитие областных литератур.
 - б) «Слово о полку Игореве».
 - в) «Слово» и «Моление» Даниила Заточника.
4. Архитектура русских земель и княжеств.
5. Развитие живописного искусства.
6. Быт и нравы Древней Руси.

1. Предварительные замечания

Развитие материальной и духовной культуры русских земель в эпоху феодальной раздробленности опиралось на дальнейший подъем феодальной экономики, который напрямую был связан с существенным ростом городов как полноценных центров ремесла и торговли. По данным большинства историков и археологов, в том числе известного советского историка академика **М.Н. Тихомирова**, автора фундаментальной работы «**Древнерусские города**» (1956), именно в этот период количество городов на Руси выросло с **89** до **249**, т.е. почти в три раза.

Кроме того, разрыв политических связей между русскими землями не прервал духовного единства русских земель, а киевский митрополит признавался главой единой Русской Православной Церкви, которая во многом определяла весь характер и содержание культурного процесса на Руси, в том числе летописания, литературы, архитектуры и живописного искусства.

2. Развитие летописания

В эпоху феодальной раздробленности дальнейшее развитие летописания происходило как в старых летописных центрах (**Киев, Новгород, Ростов**), так и в новых столичных городах разных русских земель, в частности во **Владимире, Галиче, Рязани** и других городах.

Как полагают многие ученые, раньше других местное летописание возникло в **Новгороде**, хотя вопрос о времени его становления до сих пор остается пред-

метом научной дискуссии. Одни авторы (**А. Шахматов, Б. Рыбаков**) древнейшим летописным сводом считали «**Новгородскую Первую летопись по Синодальному харатейному списку**» или «**Новгородскую Первую летопись старшего извода**», начало создания которой они относили к **1050-м гг.**, т.е. к моменту завершения постройки **Новгородского Софийского собора**. Другие авторы (**Д. Лихачев, П. Толочко, И. Данилевский**) полагали, что первая новгородская летопись была создана вскоре после известного «**новгородского восстания**» **1136 г.**, ставшего переломным моментом в истории новгородской государственности. Наконец, третья группа авторов (**В. Янин, М. Алешковский**) полагала, что самобытное новгородское летописание возникло только в **1220-х гг.**

«**Новгородская Первая летопись**» начиналась с описания известных событий **1015 г.**, положивших начало кровопролитной борьбе за власть между сыновьями **Владимира Святого**, и завершалась описанием событий **1209 г.**, когда в **Новгороде** вспыхнул очередной бунт городской черни, который завершился низложением посадника **Дмитрия Мирошкинича**. При этом надо отметить, что центральное место в этом летописном своде было отведено именно «**новгородскому восстанию**» **1136 г.**, в результате которого вся верховная власть в городе окончательно перешла в руки высшего новгородского духовенства и боярской аристократии.

В начале **XII в.** по указанию новгородского архиепископа **Нифонта** домостик новгородского **Антониева монастыря Кирик** составил хронологическое пособие к летописанию, которое в историографии получило название **Софийского владычного свода**. Именно на базе этого свода началась переработка всего княжеского летописания, созданного в предшествующий период. Причем, современный филолог профессор **А.А. Гиппиус** в своей диссертации «**Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи (1996)**», предположил, что этот пересмотр летописных материалов начался в **1132 г.**, т.е. за несколько лет до известного «**новгородского восстания**». Более того, он предположил, что именно этот год стал переломным годом в истории всего новгородского летописания, когда княжеская летопись окончательно перешла в руки владычных летописцев и далее продолжалась как летопись **Софийского собора**, где находилась резиденция новгородского владыки. Однако большинство ученых (**Д. Лихачев, П. Толочко, И. Данилевский, А. Петров**) считают, что кардинальная переработка княжеского летописания была непосредственно связана с «**новгородским восстанием**» **1136 г.** и изгнанием князя **Всеволода** с новгородского престола.

По мнению большинства историков, активное участие в этой работе принял настоятель новгородской церкви **Святого Якова Герман Воята**. Причем, академик **П.П. Толочко** предположил, что записи **Германа Вояты**, сделанные им в **1140–1180-х гг.**, были его личным дневником, поскольку он не только подробно поведал о крупнейших исторических событиях той поры, но и очень детально изложил бытовую сторону жизни своих земляков, как простых горожан, так и новгородской знати.

Следует особо подчеркнуть, что в отличие от летописной традиции других русских земель новгородские летописи создавались не в тиши монастырских келий, а в среде белого духовенства, в частности при дворе новгородского архиепископа. Именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что: **1)** в отличие от высокопарного летописного слога большинства русских княжеств, в частности **Киева, Владимира и Галича**, где довольно часто можно было встретить широкие

эпические обобщения и исторического, и церковного, и политического характера, новгородские летописцы фиксировали в основном только те важнейшие события и факты, которые происходили в самом городе или его округе; 2) все новгородские летописцы были хорошо знакомы с повседневной жизнью своих земляков из разных социальных слоев, поэтому довольно часто «злоупотребляли» чисто бытовыми сюжетами и описанием совершенно рядовых событий из жизни горожан; 3) практически все новгородские летописцы так и не смогли преодолеть ограниченность местного патриотизма и подняться до уровня общерусских интересов и задач. Именно этим обстоятельством, во многом, объяснялся тот хорошо известный факт, что очень часто в новгородских летописных сводах содержались совершенно иные, отличные от прочих русских земель, оценки многих важнейших политических и исторических событий той поры.

Крупным летописным центром эпохи феодальной раздробленности было **Галицко-Волынское княжество**. Время создания **Галицко-Волынского летописного свода** до сих пор является предметом давней научной дискуссии, но большинство исследователей (**Л. Черепнин, В. Пашуто, Н. Котляр, П. Толочко, А. Ужанков**) считают, что он был создан в **конце XII — начале XIII вв.** и сохранился в составе знаменитой **Ипатьевской летописи**.

По мнению многих ученых (**Л. Черепнин, В. Пашуто, П. Толочко**), **Галицко-Волынский летописный свод** состоял из трех основных частей: **Начальной Галицкой летописи**, излагавшей события **1199—1211 г.** (автор книжник **Тимофей**); **Второй Галицкой летописи**, которая повествовала о борьбе князя **Даниила Романовича** за великокняжеский престол в **1220—1240-х гг.** (автор тысяцкий **Демян**) и **Волынской летописи**, где излагались события **1262—1292 гг.** (анонимным автор-монах **Холмского монастыря**). Хотя, известный украинский историк профессор **Н.Н. Котляр**, который детально исследовал данный вопрос в своей фундаментальной монографии «**Галицко-Волынская летопись XIII в.**» (1993), утверждал, что в составе этого летописного свода было девять различных повестей («летописей»).

Основное место в этом летописном своде занимали разные сюжеты, посвященные борьбе за власть между галицко-волынскими князьями и влиятельными группировками боярской знати двух столичных городов — **Галича** и **Владимира-на-Волыни**. При этом надо отметить, что симпатии галицко-волынских летописцев были явно на стороне двух Великих князей — **Романа Мстиславича (1172—1205)** и его старшего сына **Даниила Романовича (1238—1264)**, которых безымянные авторы прославляли как истинных патриотов, собирателей и защитников родной земли. Более того, по мнению целого ряда авторов (**В. Кусков, П. Толочко**), **Галицко-Волынский летописный свод** представлял собой довольно подробную биографию Великого князя **Даниила Галицкого**, написанную в возвышенном панегирическом стиле.

Говоря о летописной традиции **Юго-Западной Руси**, следует отметить тот факт, что, по мнению многих историков (**Л. Черепнин, В. Пашуто, А. Кузьмин, Н. Котляр**), в **Галицко-Волынском летописном своде** полностью отсутствовала традиционная «погодная сетка», которая была характерна для всех остальных летописных сводов. Хотя, ряд украинских историков (**М. Грушевский, П. Толочко**) отрицают исключительно повествовательный характер галицко-волынского летописания и утверждают, что его погодная разбивка была осуществлена уже в **конце XIII в.**, но затем испорчена безымянным составителем **Ипатьевской летописи**.

По мнению большинства историков (**М. Приселков, А. Насонов, И. Данилевский**), примерно в те же годы появился **Киевский великокняжеский свод**, создание которого обычно датируют **1199–1200 гг.** Причем, попытка профессора **В.Т. Пашуто** отнести создание этого свода к **1238 г.** не получила поддержки у большинства его коллег. Считается также, что этот летописный свод был составлен при Великом князе **Рюрике Ростиславиче (1194–1201)** игуменом **Выдубицкого монастыря Моисеем**.

Как правило, к основным источникам **Киевского великокняжеского свода** относят: **1) Киевский свод Святослава Всеволодовича**, который завершается описанием его кончины в **1173 г.**; **2) Семейную хронику Ростиславичей**, а точнее сборник некрологов и мортирий братьев **Рюрика Ростиславича**, составленный в том же **Выдубицком монастыре**; **3) Семейный Летописец черниговского князя Святослава Ольговича** и его сыновей, **Олега и Игоря**, который был доведен до **1198 г.**, и **4) Княжеский Летописец Переяславля Южного**, повествующий о военных подвигах тамошнего князя **Владимира Глебовича**, доведенный до его кончины в **1187 г.**

По устоявшемуся мнению историков, **Киевское летописание** той поры носило двоякий характер, поскольку с одной стороны, оно как бы продолжило летописную традицию «**Повести Временных лет**», но с другой стороны, утратило прежний общегосударственный характер и превратилось в чисто семейную летопись киевских князей. Киевское летописание велось непрерывно в течение всего **XII в.**, однако достоверных данных о продолжении этой традиции после смерти **Рюрика Ростиславича** нет.

В конце **XII в.** крупным летописным центром становится Северо-Восточная Русь. Вопрос о времени начала владимиرو-суздальского летописания также является предметом давней научной дискуссии. Одни историки (**М. Приселков, Ю. Лимонов**) относят время его становления к **1120-м гг.**, т.е. началу правления суздальского князя **Юрия Долгорукого (1125–1155)**. Однако их оппоненты (**Н. Костомаров, П. Толочко**) полагают, что первый местный летописный свод был создан только при **Андрее Боголюбском (1157–1174)** в **1158–1160 гг.**, когда здешнее летописание превращается в регулярную хронику с погодным изложением важнейших событий.

Первым крупным сводом стал **Владимирский летописный свод**, который, по мнению большинства историков, был создан в **1174–1177 г.** при **Успенском соборе** его настоятелем епископом **Федулом**. При составлении этого свода были использованы различные источники, в том числе «**Ростовский летописный сборник**», созданный при **Юрии Долгоруком**, а также ряд литературно-церковных произведений, в частности «**Житие Леонтия Ростовского**», «**Слово о милости божьей к Андрею Боголюбскому**», «**Слово на Покров**», «**Сказание о победе над болгарами 1164 года и празднике Спаса**» и «**Завещание Георгия Симоновича**».

При этом надо отметить тот факт, что летописная традиция Северо-Восточной Руси не замыкалась на освещении событий местного масштаба, а ярко отражала важнейшие события всех русских земель, в том числе поставление на кафедры митрополитов и епископов, антиполовецкие походы русских князей и т.д.

В **1180-х гг.** при **Всеволоде Большое Гнездо (1176–1212)** этот летописный свод постоянно пополнялся новым фактическим материалом как церковного, так и внецерковного характера. При этом по мнению ряда ученых (**А. Муравьев, В. Кучкин**), **Владимирская летопись** того периода довольно часто излагала многие события в форме церковных проповедей, что, вероятнее всего, объяснялось тем обстоятельством,

ством, что летописание по-прежнему находилось под неусыпной опекой столичного епископата и кафедрального **Успенского собора**.

В 1193 г. по указанию **Всеволода Большое Гнездо** первая редакция **Владимирского свода** была подвергнута очень тщательной переработке, установить причины которой до сих пор не удалось. Ученые лишь отмечают тот факт, что новая редакция **Владимирского свода** по-прежнему была написана в русле прославления сильной княжеской власти и сохранила заметный налет церковности. Кроме того, в эту редакцию был введен целый ряд новых материалов, в частности «**Летописец Переяславля-Южного**», который считался исконной отчиной всех владимиросуздальских князей.

Владимирская летопись, которая была обильно украшена библейскими цитатами и всевозможными церковными поучениями, уделяла довольно большое внимание и чисто мирским делам. Симпатии владимирских летописцев явно были на стороне **Андрея Боголюбского** и **Всеволода Большое Гнездо**, которые не только жестко проводили политику укрепления великокняжеской власти, но и очень активно вмешивались в общерусские дела. Одним из лучших рассказов этого свода по праву считается историческая «**Повесть об убиении Андрея Боголюбского**», которая носит ярко выраженный житийный характер. Вопрос об авторстве этой повести до сих пор является дискуссионным, поскольку одни ученые (**Б. Рыбаков, Д. Лихачев, Н. Воронин, П. Толочко**) считают, что ее автором был великокняжеский слуга **Кузьмище Киянин**, а другие (**М. Погодин, М. Приселков**) полагают, что им бы настоятель **Успенского собора Федул**.

В начале XIII в. церковный характер владимирского летописания, видимо, перестал отвечать интересам великокняжеской власти, и третья редакция **Владимирского свода**, созданная в 1212 г., уже разительно отличалась своим светским характером и содержанием. Не затрагивая общей схемы русской истории и идейной направленности двух предшествующих сводов, «авторский коллектив» новой редакции **Владимирского свода** убрал из него многочисленные церковные наслоения не только назидательного и поучительного, но и фактического характера.

3. Литература русских земель и княжеств

а) Развитие областных литератур

В XII — первой трети XIII вв. развитие церковной и светской литературы в значительной степени было связано с политическими интересами местных феодальных центров. При этом и церковная, и даже светская литература все дальше стала отходить от освещения чисто житейских и политических вопросов, и в многочисленных церковных поучениях, сказаниях и проповедях ведущее место начинают занимать далекие от реальной и повседневной жизни «истины веры» и «благочестия».

Крупнейшим центром развития русской литературы было **Владимиро-Суздальское княжество**, где во второй половине XII — начале XIII вв. были созданы такие известные литературные произведения, как «**Слово о милости божьей к Андрею Боголюбскому**», «**Сказание о победе над болгарами 1164 года и празднике Спаса**», «**Сказание об обретении мощей Леонтия Ростовского**», «**Слово на Покров**» и многие другие.

Еще одним центром литературного творчества был **Господин Великий Новгород**, где в тот период были созданы первое оригинальное агиографическое произведе-

ние — «Житие Варлаама Хутынского», а также целый ряд популярных «Хождений», в частности «Сказание о Софии в Царьграде», «Книга паломника», повествующая о путешествии в Царьград Добрыни Ядрейковича в 1200—1204 гг., и «Повесть о взятии Царьграда фрягами (крестоносцами)» в 1204 г.

Среди выдающихся памятников церковно-религиозной литературы той поры следует особо выделить сочинения **Кирилла Туровского** и **Климента Смолятича**.

Климент Смолятич (ум. 1164) известен, прежде всего, тем, что был вторым, после митрополита **Илариона**, природным «русаком», вставшим во главе **Русской Православной Церкви** в 1147 г. К большому сожалению, до нас дошло лишь одно сочинение **Климента Смолятича** — его знаменитое «Послание пресвитеру **Фоме**», который был духовником смоленского, а затем Великого киевского князя **Ростислава Мстиславича**. Правда, академик **Н.И. Срезневский** утверждал, что **Климент Смолятич** был автором очень интересного произведения ораторского красноречия «Слова о любви **Климова**», но большинство ученых отрицают этот факт.

Что касается самого «Послания», то оно знаменательно не только тем, что именно в нем **Климент Смолятич** очень убедительно опроверг лживые обвинения пресвитера **Фомы** о незаконном занятии им митрополичьей кафедры, но и тем, что в нем содержались многочисленные выдержки из различных сочинений выдающихся античных авторов, в частности **Гомера**, **Аристотеля** и **Платона**, что зримо говорило о высокой учености предстоятеля Русской Православной Церкви.

Кирилл Туровский (ум. 1182) был видным деятелем Русской Православной Церкви и автором целого ряда ярких церковных и публицистических произведений, в том числе «Послания к **Андрею Боголюбскому**», восьми торжественных «Слов», двух «Поучений» и двадцати двух молитв. Однако самыми известными его произведениями стали «Поучение о слепце и хромце» и «Притча о человеческой душе», которую иногда именуют «Притчей о душе и теле».

Первый трактат носил более светский, нежели церковный характер, поскольку был прямо направлен против Великого владимирского князя **Андрея Боголюбского** и ростовского архиепископа **Федорца**, что красноречиво говорит об активном участии епископа **Кирилла** в политической борьбе того времени. А второй трактат носил больше философский и богословский характер, поскольку в своей «Притче», опираясь на каноны православного христианского вероучения, он дает собственное толкование смысла человеческого бытия, размышляет о характере взаимоотношений светской и церковной власти и активно выступает в роли защитника единства всей Русской земли.

На рубеже XII—XIII вв. был создан большой компилятивный памятник церковной литературы — так называемый «**Киево-Печерский патерик**», который представлял собой сборник разнообразных поучений, рассказов и «житий святых». Большинство литературных сочинений, вошедших в этот «Патерик», сложились значительно раньше, но сохранились они именно в составе этого произведения. Основу самого «Патерики» составляли два литературных сочинения — «Послание» суздальского епископа **Симона** к монаху **Киево-Печерского монастыря Поликарпу** и «Послание» самого **Поликарпа** к игумену того же монастыря **Анкидину**. В этих двух «Посланиях» содержались различные повести и рассказы о знаменитых монахах **Киево-Печерского монастыря** и о тех важнейших исторических событиях, которые произошли в ту далекую эпоху. При этом надо отметить тот факт, что авторы этих

посланий активно проводили идею главенства **Киево-Печерской обители** по отношению к другим святым обителям Древней Руси. Чуть позднее «Послания» **Симона** и **Поликарпа** были дополнены «**Житием Феодосия Печерского**» и «**Сказанием о черноризцах печерских**», и именно в таком виде до нас дошла древнейшая рукопись этого «**Патерики**», созданная в **1406 г.** по указанию тверского епископа **Арсения**.

б) «Слово о полку Игореве»

Настоящим шедевром древнерусской литературы, содержащим великие идеи единства всех русских земель, гуманизма и патриотизма, по праву считается знаменитое «**Слово о полку Игореве**», которое повествовало о походе новгород-северского князя **Игоря Святославича** на половцев в **1185 г.**

Единственный известный список этого «**Слова**» сохранился в составе «**Рукописного сборника**» **XVI в.**, в который также входили «**Хронограф**» **XIV в.**, «**Сказание об Индии богатой**», «**Повесть об Акире Премудром**», «**Девгениево деяние**» и ряд других литературных сочинений Древней Руси. Первоначально этот сборник принадлежал **Спасо-Ярославскому монастырю**. Однако когда этот монастырь был упразднен **Екатериной II**, его настоятель **Иоил Быховский** в **1787 г.** продал этот сборник известному меценату и собирателю древнерусских рукописей графу **А.И. Мусину-Пушкину**.

В **1800 г.**, благодаря блестящей работе известных историков-архивистов **А.Ф. Малиновского**, **Н.Н. Бантыш-Каменского** и **Н.М. Карамзина**, **А.И. Мусин-Пушкин** опубликовал сам текст этого «**Слова**» и сопроводил его переводом на современный русский язык, вступительной статьей и примечаниями к нему. Однако в **1812 г.** все рукописное собрание выдающегося русского мецената трагически погибло в огне московского пожара, в результате чего в руках исследователей сохранился только печатный текст этого «**Слова**», а также несколько выписок-копий, сделанных с оригинала. Вместе с тем, очень интересная и богатая информация о походе князя **Игоря** на половцев содержалась также в одноименной летописной «**Повести**», которая сохранилась в составе **Лаврентьевской** и **Ипатьевской** летописях, созданных в конце **XIV** — начале **XV вв.**

По мнению многих авторов (**Н. Гудзий**, **Д. Лихачев**, **В. Кусков**), **Ипатьевская летопись**, возникшая на юге, фактически точно, очень подробно и с большим сочувствием излагала события этого похода и его трагический исход. Причем, ряд советских историков (**Б. Рыбаков**) обратили особое внимание на сюжетные и текстуальные параллели между этим вариантом «**Повести**» и «**Словом о полку Игореве**», сделав предположение, что автором этой летописной «**Повести**» был либо непосредственный участник этого похода, либо человек близкий к князю **Игорю**. В то же время **Лаврентьевская летопись**, которая создавалась на северо-восточных рубежах Руси, напротив, содержала очень сухой, предельно лаконичный и назидательный рассказ об этом знаменитом походе, что, вероятнее всего, говорит о том, что эта редакция летописной «**Повести**» была вторичного порядка.

Исторической основой создания «**Слова о полку Игореве**» стали следующие события. В **1183 г.** Великий киевский князь **Святослав Всеволодович (1176–1194)**, возглавив коалицию южнорусских князей, совершил очень удачный поход против половцев, в ходе которого нанес сокрушительное поражение кочевникам и взял в плен хана **Кобяка**, которого затем обезглавили в **Киеве**. В этом походе должны были принять участие и новгород-северские князья во главе с **Игорем Святосла-**

вичем (1151–1202), однако из-за страшной гололедицы его дружины не успели влиться в ряды этой коалиции. И тогда весной 1185 г. князь **Игорь** во главе дружин курского князя **Всеволода**, путивльского князя **Владимира** и рыльского князя **Святослава**, которые приходились ему, соответственно, младшим братом, старшим сыном и родным племянником, вышел в новый поход против половцев. Однако этот поход не только закончился грандиозным поражением русских дружин на реке **Каяле**, но и пленением всех оставшихся в живых русских князей.

Надо особо подчеркнуть, что в исторической науке до сих пор существует целый ряд очень острых проблем, связанных с изучением этого памятника древнерусской литературы.

1) Самой «сенсационной» проблемой был и остается вопрос о времени создания этого произведения. Практически сразу после публикации «Слова о полку **Игореве**» представители так называемой «скептической школы» (**М. Каченовский**, **О. Сенковский**) впервые высказали сомнения в подлинности этого произведения, но в XIX в. практические все крупные ученые не ставили под сомнение его аутентичность. Однако уже в 1910–1940-х гг. французские слависты **Л. Леже** и **А. Мазон** выдвинули новые скептические гипотезы относительно происхождения «Слова». Так, по мнению профессора **А. Мазона**, «Слово о полку **Игореве**» было создано в конце XVIII в. по образцу знаменитой «**Задонщины**», а в качестве сюжета этого произведения был использован обзор каких-то реальных событий XII в., сделанный **В.Н. Татищевым** по несохранившимся летописным сводам.

Всем скептикам неоднократно возражали многие историки и лингвисты (**В. Андрианова-Перетц**, **М. Тихомиров**, **Д. Лихачев**, **Б. Рыбаков**), однако самые убедительные аргументы в пользу подлинности «Слова о полку **Игореве**» впервые предложил известный американский лингвист **Р.О. Якобсон**, который подробно опроверг все основные положения работ **А. Мазона** (1948), доказав полное соответствие языковых черт «Слова» другим аутентичным памятникам Древней Руси. Причем, помимо чисто лингвистических доказательств, он привел большой объем литературных параллелей и сделал подробный анализ поэтики «Слова».

Однако в 1960-х гг. гипотезу о подложности «Слова» стал активно поддерживать известный советский историк профессор **А.А. Зимин**, который написал специальное исследование «Слово о полку **Игореве**» (1964). В связи с этим обстоятельством в Академии Наук СССР даже состоялось закрытое совещание по этому вопросу, на котором он был подвергнут жесткой и вполне обоснованной критике со стороны многих авторитетных ученых, и его книга была отправлена в спецхран.

Между тем, 1970–1980-х гг. идеи **А. Мазона** и **А.А. Зимина** были активно поддержаны целым рядом немецких и австрийских филологов-скептиков, в том числе **К. Тростом**, **М. Хендлером** и **Р. Айтцетмюллером**. Более того, после краха советского политического строя ряд ближайших соратников и учеников покойного профессора **А.А. Зимина**, известные либеральные историки **В.Б. Кобрин**, **Я.С. Лурье** и **А.Л. Хорошкевич** в чисто корпоративных и политических целях вновь возродили идеи **А.А. Зимина**, а уже в 2006 г. был опубликован расширенный вариант его старой книги. Тогда же, в 2003 г., эти идеи были активно поддержаны и развиты известным американским славистом **Э. Кинаном**.

Одновременно с идеями **А. Мазона**, **А.А. Зимина**, **Э. Кинана** и других скептиков, относивших создание «Слова» к концу XVIII в., появились новые гипотезы о вре-

мени его создания. Например, ленинградский профессор **Д.Н. Альшиц** считал, что этот выдающийся памятник русской литературы был создан в период между **1223–1237 гг.** и был посвящен трагической битве на реке **Калке**, где погибли тысячи русских ратников и много русских князей. А другой ленинградский историк профессор **Л.Н. Гумилев**, поддержав исходный тезис о том, что «**Слово**» было создано в **XIII в.**, заявил, что это иносказательное сочинение было посвящено монгольскому нашествию на Русь, хотя само это «нашествие» он отрицал!

Все эти обстоятельства вынудили ряд современных ученых, в частности академика **А.А. Зализняка** и профессора **А.А. Горского**, вновь обратиться к этой старой проблеме. Так, выдающийся российский лингвист академик **А.А. Зализняк** в своей фундаментальной монографии «**Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста**» (2006), детально рассмотрев язык «**Слова**», более чем убедительно показал, что гипотетический фальсификатор **XVIII в.** для того, чтобы создать его текст должен был обладать огромным количеством точных знаний, полученных лингвистической наукой только в **XIX–XX вв.** Критически рассмотрев все лингвистические аргументы против подлинности «**Слова**», **А.А. Зализняк** однозначно отметил, что вероятность его поддельности исчезающе мала.

Если говорить по существу, то подавляющее большинство ученых (**В. Андрианова-Перетц, Д. Лихачев, Б. Рыбаков, А. Кузьмин, О. Творогов, А. Зализняк, А. Горский**) вполне справедливо полагают, что «**Слово о полку Игореве**» было создано по горячим следам того знаменитого похода, примерно в **1185–1188 гг.**

2) Кто был автором «**Слова о полку Игореве**». Эта проблема до сих пор остается одной из самых загадочных страниц истории создания «**Слова**». В частности, разные скептики, относившие его создание к концу **XVIII**, приписывали его авторство то архимандриту **Иоилу Быковскому** (**А. Мазон, А. Зимин**), то **А.И. Мусину-Пушкину** и **Н.Н. Бантышу-Каменскому** (**А. Мазон**), то **Н.М. Карамзину** (**М. Хендлер, Р. Ай-тцетмюллер, К. Трост**), то чешскому филологу **Йозефу Добровскому** (**Э. Кинан**).

Все сторонники подлинности «**Слова**» так же спорят об авторстве этого произведения, но все они безоговорочно признают тот непреложный факт, что им мог быть только современник тех исторических событий. В числе предполагаемых авторов «**Слова**» назывались и галицкий книжник **Тимофей**, и словутный певец **Митуса**, и тысяцкий **Рагуил**, и некий певец **Ходына**, и Великий киевский князь **Святослав Всеволодович**, и даже сам князь **Игорь Святославич**. Однако, на наш взгляд, наиболее достоверной гипотезой является точка зрения академика **Б.А. Рыбакова**, который в своих известных работах «**Слово о полку Игореве**» и его современники» (1971) и «**Русские летописцы и автор “Слова о полку Игореве”**» (1972), утверждал, что автором этого произведения был киевский тысяцкий **Петр Бориславич**, написавший до этого «**Житие Великого киевского князя Изяслава Мстиславича**». Позднее эту точку зрения в той или иной мере поддержали **Д.С. Лихачев, О.В. Творогов, В.Ю. Франчук** и другие историки и лингвисты.

3) Какова жанровая специфика «**Слова**». Одни ученые (**И. Срезневский, И. Еремин**) говорили о том, что название этого произведения и его структура, т.е. вступление, повествование и эпилог, типологически связаны с жанром ораторского красноречия. Другие авторы (**В. Кусков**) утверждают, что в рамках «**Слова**» соединились жанры «жития», исторической повести и исторической песни, в которых автор выступает не как простой агиограф или историк-летописец, а как очень яркий

и талантливый поэт-публицист, мастер поэтической метафоры и ритмической прозы. Наконец, третья группа авторов (**Д. Лихачев**) полагает, что в «Слове» нашли свое воплощение два старинных фольклорных жанра — «слава», т.е. прославление русских князей, и «плач», т.е. оплакивание трагических событий, связанных с гибелью русского войска и пленением русских князей.

в) «Слово» и «Моление» Даниила Заточника

Надо сказать, что скудность исторических фактов, а также их явно легендарный характер, стали причиной возникновения различных версий и жизни самого **Даниила Заточника**, и его социального положения, и времени создания этих произведений, и их адресата, и т.д. При этом все версии по данной проблеме, как справедливо заметил профессор **В.В. Кусков**, во многом носят гипотетический характер. В центре внимания большинства ученых до сих пор находятся несколько основных проблем:

1) **Когда были созданы «Слово» и «Моление» Даниила Заточника.** Надо сказать, что проблеме датировки «Слова» и «Моления» и их соотношения друг с другом, посвящено довольно много научных работ разного содержания и качества. Например, профессора **И.У. Будовниц**, **Б.А. Романов** и **Н.Н. Воронин** доказывали приоритет «Слова». А их оппоненты, академики **В.А. Перетц**, **Н.К. Гудзий** и **В.М. Гуссов** утверждали, что значительно раньше было создано «Моление». Что касается конкретной датировки создания этих сочинений, то на наш взгляд, ближе к истине те авторы (**Б. Романов**, **В. Кусков**, **А. Муравьев**), которые утверждают, что «Слово» **Даниила Заточника** было создано в 1197 г., а «Моление» **Даниила Заточника** возникло в 1229 г.

2) **Каков был социальный статус Даниила Заточника.** На сей счет также существует много различных точек зрения. Например, академик **Ф.И. Буслаев** утверждал, что он был сыном княжеской рабыни, академик **Н.К. Гудзий** считал его боярским холопом, профессор **И.У. Будовниц** полагал, что **Даниил Заточник** был дворянином, академик **М.Н. Тихомиров** называл его ремесленником, профессор **Б.А. Романов** говорил, что **Даниил Заточник** был человеком, не имеющим определенного социального статуса, а академик **Д.С. Лихачев** считал его первым русским интеллигентом.

3) **Кто был адресатом этих сочинений.** Наибольшие споры вызывает вопрос о том, кому было адресовано «Слово» **Даниила Заточника**. Одни ученые называют адресатом «Слова» ростово-суздальского князя **Юрия Долгорукого (1125–1155)**, другие полагают, что им был галицкий князь **Андрей Добрый (1100–1142)**, третьи утверждают, что это «Слово» было адресовано Великому владимирскому князю **Андрею Боголюбскому (1157–1174)**, наконец, четвертые авторы считают, что адресатом «Слова» был новгородский князь **Ярослав Владимирович (1182–1199)**. Что касается адресата «Моления», то в данном случае наблюдается значительно большее единодушие и подавляющая часть ученых сходится во мнении, что им был внук **Юрия Долгорукого**, переяславский князь **Ярослав Всеволодович (1212–1238)**.

Проблема авторства этих сочинений также остается предметом острой научной дискуссии. Однако, на наш взгляд, вероятнее всего, автором «Слова» был новгородский ремесленник **Даниил Заточник**, который из заточения обращался с посланием-просьбой к новгородскому князю **Ярославу Владимировичу**. А автором «Моления» был псевдо-Даниил или **Даниил Заточник-Второй** — служилый человек

Северо-Восточной Руси, который, будучи также заточенным, обращался с аналогичным посланием-просьбой к переяславскому князю **Ярославу Всеволодовичу**.

По мнению целого ряда советских ученых (**Д. Лихачев, В. Кусков, А. Муравьев**), «Слово» **Даниила Заточника** было единственным литературным памятником Древней Руси, вышедшим из демократических кругов, где содержалось очень много сочных и предельно точных описаний бытовых и социальных отношений той поры, изложенных в форме разнообразных притч, поучений, афоризмов и изречений. А «Моление» **Даниила Заточника**, где соединились и просьба-послание, и религиозное поучение, и обличительное слово, и панегирик, напротив, было написано с позиций прославления сильной княжеской власти. При этом академик **Д.С. Лихачев**, один из авторов известной монографии «Смех в Древней Руси» (1984), утверждал, что «Моление» **Даниила Заточника** знаменовало собой возникновение нового **скоморошья жанра** в русской литературе. Кроме того, это сочинение являлось блестящим сборником множества гномий-афоризмов, которые придавали особый колорит и неповторимость этому произведению. Вообще же надо сказать, что одним из излюбленных чтений в Древней Руси были как раз различные сборники гномий-афоризмов, в том числе «Стословец **Геннадия**» и многочисленные «Азбуковники» и «Пчелы».

4. Архитектура русских земель и княжеств

Практически во всех новых феодальных княжествах, которые к **середине XII в.** окончательно освободились от опеки **Киева**, велось грандиозное каменное строительство. Многие столицы новых русских княжеств как бы соперничали между собой, стараясь всеми силами и средствами подчеркнуть либо могущество и значение своих правителей-князей, либо политическую и экономическую мощь своих боярских кланов.

Надо особо отметить тот факт, что русская архитектура **второй половины XII – первой трети XIII вв.** в целом сохраняла те общие черты, которые были присущи предыдущему периоду, поскольку практически все культовые постройки той поры имели традиционную крестово-купольную композицию, апсиды, мощные световые барабаны и купола. Вместе с тем, именно в этот период все отчетливее стал проявляться местный архитектурный стиль, который постепенно получил устойчивый характер и определил облик многих русских городов на несколько десятилетий и даже столетий вперед. Например, новгородские постройки отличались строгими пропорциями и отсутствием каких-либо внешних украшений. Для ростово-суздальской архитектурной школы, напротив, была характерна изящная декоративная выразительность в виде разнообразных аркатурных поясов и каменной резьбы. А в культовых памятниках южнорусских земель было заметно стремление частично переработать крестово-купольную композицию и найти башеннообразное решение верхней части храмовых построек.

При этом следует отметить тот факт, что архитектурная стилистика **второй половины XII – первой трети XIII вв.** отличалась от зодчества Киевской Руси: **1)** значительно меньшей масштабностью самих культовых построек, **2)** поиском более простых, но в тоже время более изящных архитектурных форм и **3)** более сдержанной и менее вычурной отделкой внутреннего убранства каменных соборов, храмов

и церквей. Более того, наиболее типичными постройками той поры постепенно становятся одноглавые кубические храмы с подзакомарным покрытием, массивным центральным барабаном и всего одним куполом.

В тот период грандиозное каменное строительство культовых и гражданских зданий велось практически во всех русских землях, но особенно в **Новгородской земле** и во **Владими́ро-Суздальском княжестве**.

В новгородских землях в тот период, как правило, строили кубические четырехстолпные однокупольные церкви с тремя апсидами и деревянными хорами, которые отличались особой северной суровостью, монументальностью и простотой форм. К таким характерным постройкам, которые сохранились до наших дней, относятся **Церковь Благовещения в Аркажах (1179)**, **Церковь Петра и Павла на Синичьей горе (1185–1192)**, **Церковь Спаса на Нередице (1198)** и **Церковь Праскевы Пятницы на Ярославовом дворище (1207)**.

Помимо **Новгорода** и его окрестностей, довольно много памятников русского зодчества было создано в **Пскове** и **Старой Ладог**е. Древнейшими памятниками псковской архитектуры являлись **Спасо-Преображенский собор Мирошского монастыря (1156)**, построенный по указанию новгородского архиепископа **Нифонта**, и кафедральный собор **Иоанна Предтечи Иванова монастыря (1173)**, который по своей архитектуре и внутреннему убранству стал предтечей знаменитой новгородской **Церкви Спаса на Нередице (1198)**. Из старолadoжских построек наиболее интересными культовыми памятниками были **Церковь Святого Георгия (1160)** и **Церковь Успения (1172)**, которые по своей стилистике были очень близки новгородским культовым постройкам: тот же кубический четырехстолпный храм с тремя апсидами и одним массивным куполом в центре светового барабана.

Не менее широкий размах получило каменное зодчество и во **Владими́ро-Суздальском княжестве**. Самыми известными ранними постройками той поры стали **Спасский собор на реке Трубеж в Переяславле-Залесском (1152–1160)** и **Церковь Бориса и Глеба в селе Кидекше под Суздалем (1152)**. При этом надо подчеркнуть то обстоятельство, что практически все залесские церкви и храмы строились из местного белого известняка, придававшего культовым постройкам особенно светлый и нарядный вид.

Как правило, при возведении всех культовых и гражданских зданий местные мастера придерживались строгих строительных навыков и приемов: сначала из тесанных белокаменных камней выкладывались внутренние и внешние стены самого здания, затем пространство между ними заполнялось каменным ломом и валунами, и только после возведения нижнего каркаса здания, края стен скреплялись специальным раствором, сделанным из жидкого известняка. По своей технике эта кладка очень напоминала постройки **Галицко-Волынской Руси**, поскольку, как установил профессор **Н.Н. Воронин**, в строительстве многих здешних храмов принимали самое активное участие выходцы из южнорусских земель.

Наибольшего расцвета архитектура **Владими́ро-Суздальской Руси** достигла во второй половине XII — начале XIII вв., когда во **Владимире** были построены белокаменные **Золотые ворота** с надвратной **Церковью Ризположения (1158–1164)**, увенчанной массивным золотым куполом, а на территории самого **Владимирского детинца** были воздвигнуты два выдающихся памятника русской архитектуры — **Успенский и Дмитровский соборы**.

Кафедральный **Успенский собор** был воздвигнут по приказу **Андрея Боголюбского** в **1158–1161 гг.**, который именно тогда перенес во **Владимир** столицу своего княжества. Затем, во времена **Всеволода Большое Гнездо**, после грандиозного пожара, в **1185 г.** этот собор был частично перестроен, и в результате первоначально одноглавый шестистолпный трехнефный храм, стал пятинефным и пятиглавым. Внешняя и внутренняя отделка **Успенского собора** поражала современников и потомков своей красотой и роскошью: тонкие и изящные столпы внутри храма создавали впечатление значительно большей высоты и более широкого пространства, а богато декорированный аркатурно-колончатый пояс, украшавший внешний фасад здания, придавал ему необычайно праздничный и светлый облик. Кроме того, сам фасад собора, благодаря членению пилястрами, казался значительно наряднее и шире, чем был на самом деле. Между колоннами поясного украшения помещались фресковые изображения святых, а в алтарной части храма помещался очень красивый и изящный иконостас, центральное место в котором занимала знаменитая икона «**Владимирской богородицы**», вывезенная **Андреем Боголюбским** из **Киева** в **1169 г.**

Не менее великолепным был **Дмитровский собор**, построенный в **1194–1197 гг.** по приказу **Всеволода Большое Гнездо**. Значительно уступая по своим размерам **Успенскому собору**, он был построен в стилистике обычных четырехстолпных одноглавых храмов и выполнял роль княжеской домово́й церкви на государевом (княжеском) дворе. Напоминая своими размерами и пропорциями **Спасский собор Переяславля-Залесского**, **Дмитровский собор** особо выделялся исключительно богатой отделкой. По горизонтали весь фасад храма делился на три яруса. Самый нижний ярус здания, почти лишенный украшений, в западной своей части был прорезан богато обработанным порталом, т.е. входом в храм. Средний ярус представлял собой декорированный колончатый или аркатурный пояс с богатой каменной резьбой. А верхний ярус, включая купольный барабан и закомары, также был украшен богатой и изящной резьбой по белому камню.

При этом надо отметить, что в этом богатом и изящном орнаменте русские камнерезы не только изобразили многих православных святых, в том числе равноапостольных князей **Бориса** и **Глеба**, но и украсили фасад здания изображением различных растений, птиц и библейских животных. Кроме того, в центральной (портальной) части собора из камня были вырезаны три фигуры библейского царя **Давида**, а в одной из закомар был изображен Великий князь **Всеволод Большое Гнездо** в окружении своих сыновей.

С культом **Богородицы**, очень почитаемой на **Северо-Востоке Руси**, была связана постройка целого ряда приходских церквей и грандиозных кафедральных храмов и соборов. Среди этих многочисленных построек подлинным шедевром русского зодчества по праву считается **Церковь Покрова на Нерли** под княжеским селом **Боголюбовым**, которая была построена в **1165 г.** в честь победы русского оружия над соседней Волжской Болгарией. Эта церковь была построена в традициях четырехстолпного однокупольного храма и украшена небольшим, но очень выразительным аркатурным пояском и прекрасной резьбой по камню с изображением библейского царя **Давида** и множества фигур библейских птиц, львов и грифонов.

Ко времени создания **Церкви Покрова на Нерли** относится и строительство грандиозного **Дворцового комплекса** в селе **Боголюбово** на реке **Клязьме** под **Владимиром**, который стал главной княжеской резиденцией **Андрея Боголюбского**. По данным

профессора **Н.Н. Воронина**, проводившего раскопки этого дворцового комплекса, замок Великого князя представлял собой хорошо укрепленный каменный детинец с высокими земляными валами и множеством деревянных и каменных построек внутри. В центре замка находился одноглавый каменный собор и двухэтажный каменный дворец, который, увы, был полностью разрушен в годы Батыева нашествия.

В начале XIII в. на Северо-Востоке Руси возникают новые центры каменного зодчества, в частности **Ростов Великий, Суздаль, Ярославль, Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский** и многие другие города. Среди культовых построек той поры наиболее интересными памятниками были:

— **Собор Рождества Богородицы в Суздале**, воздвигнутый в 1222—1225 гг. из белого тесаного камня и украшенный аркатурным поясом и каменной резьбой. Этот собор украшала фресковая роспись с элементами нового «растительного орнамента». Особой достопримечательностью этого собора были так называемые «**Корсунские врата**», являвшие собой выдающийся образец ювелирного искусства русских ремесленников конца XII — начала XIII вв.

— **Георгиевский собор Юрьева-Польского**, построенный в 1230—1234 гг. по указанию здешнего князя **Святослава Всеволодовича (1212—1246)**. Он представлял собой однокупольный четырехстолпный храм, богато украшенный так называемым «ковровым рисунком», где религиозные сюжеты и изображения святых были тесно переплетены с орнаментальной резьбой, богато стилизованной растительными мотивами и изображением фантастических чудовищ. К сожалению, этот собор не сохранился в первоизданном виде, поскольку после обрушения верхних сводов и купольного барабана, в 1471 г. он был неверно перестроен московским зодчим **Василием Еромолиным**, и в силу этого печального обстоятельства утратил свой первоначальный вид.

Архитектура **Южной, Юго-Западной и Западной Руси**, в силу целого ряда объективных причин и, прежде всего, разрушительных последствий монгольского нашествия и постоянных пограничных войн с соседями, сохранилась гораздо хуже, чем в новгородских и владими́ро-суздальских землях. В настоящее время уцелело всего несколько культовых построек, созданных в ту эпоху, в частности **Кирилловская (1146), Васильковская (1183) и Трехсвятительная (1183) церкви в Киеве, Васильевская церковь в Овруче (1197), Церковь Апостолов в Белгороде (1197) и Церковь Праскевы Пятницы в Чернигове (1198—1202)**, воздвигнутые знаменитым русским архитектором **Петром Милонегом**, **Спасо-Преображенский собор Евфросиньего монастыря в Полоцке (1161), Успенский собор во Владимире-Волынском (1160), Церковь Бориса и Глеба (Коложская церковь) в Гродно (1166—1170) и Церковь святого Пантелемона в Галиче (1200).**

5. Развитие живописного искусства

Развитие русского живописного искусства во второй половине XII — первой трети XIII вв. развивалось в тех же жанровых формах, что и в предшествующий период, т.е. **станковой и монументальной живописи.**

Значительно меньше памятников монументальной живописи сохранилось в южнорусских городах, поскольку здесь: **1)** гораздо большее развитие получило искусство мозаичных полотен и **2)** сохранилось не очень много культовых построек,

относящихся к домонгольскому периоду. Очень незначительные фрагменты фресковой росписи сохранились в нескольких приходских церквях и монастырских храмах, в частности в княжеской **Церкви Спаса на Берестове под Киевом, Михайловской церкви Выдубицкого монастыря** и кафедральном **Успенском соборе Кириллова монастыря**. При этом надо отметить тот факт, что отличительной особенностью южнорусских фресковых росписей было обильное изображение болгарских и солунских, т.е. греческих святых, а также украшение стен различными медальонами с изображением персонажей русской и мировой истории.

Значительно лучше сохранились фрески в **Новгороде** и его окрестностях. Надо сказать, что, по мнению многих знатоков древнерусского искусства (**В. Лазарев, А. Муравьев**), новгородским фрескам были свойственны довольно свободная манера письма, очень удачное сочетание сочности красок с остротой линейных характеристик и контрастный колорит. При этом по сравнению с предшествующим периодом в живописных полотнах **второй половины XII — первой трети XIII вв.** было гораздо меньше торжественности, но значительно больше движения и даже экспрессии. Наиболее ярко эта манера письма была представлена во фресках **Рождественского собора Антониева монастыря (1125), Церкви святого Георгия в Старой Ладогe (1165), Церкви Благовещения в Аркажах (1189), Церкви Ризположения у Пречистинских ворот Новгородского детинца (1196), Преображенской церкви в Старой Руссе (1198)** и особенно в знаменитой **Церкви Спаса на Нередице (1198—1199)**. Несколько хуже фресковая живопись сохранилась в соборах **Владими́ро-Суздальской земли**, в частности в **Успенском и Дмитровском соборах во Владимире** и **Спасском соборе Переяславля-Залесского**.

Надо сказать, что сохранившиеся памятники древнерусской станковой живописи, к сожалению, так и не дают возможность выявить определенную иконописную школу, что было характерно для последующих веков русской истории. Поэтому можно очень условно и только предположительно соотнести иконы того периода с определенными регионами Древней Руси. Среди этих произведений станковой живописи особо выделяются две иконы с изображением **Святого Георгия**, которые были созданы в **первой половине — середине XII в.** и, вероятнее всего, связаны с **Георгиевским собором Новгородского Юрьева монастыря**. При этом в обоих случаях **Святой Георгий** был изображен в образе война, т.е. в боевых доспехах и с оружием в руках. К новгородским иконам, вероятнее всего, относится и знаменитое изображение архангела **Михаила**, которое больше известно под названием **«Ангел Златые власы»**, созданное во **второй половине — конце XII в.**

Тема «деисуса», т.е. моления и прошения, нашла свое отражение сразу в двух владими́ро-суздальских иконах, написанных в **конце XII — начале XIII вв.**: **«Архангельский деисус»** представлял собой образ **Иисуса Христа**, помещенного между двумя архангелами **Михаилом** и **Гавриилом**, которые покорно склонили свои головы к нему, и **«Оплечный деисус»**, который представлял собой изображение трех главных персонажей библейской истории — самого **Иисуса Христа, Богородицы и Иоанна Предтечи**.

Выдающимся памятником древнерусского станкового искусства является знаменитая икона с изображением **Дмитрия Солунского**, которая была написана для нижней **Церкви Дмитрия Солунского Успенского собора города Дмитрова**. Вероятнее всего, она была патрональной иконой Великого владимирского князя **Всеволода**

Большое Гнездо, который в крещении носил имя **Дмитрий**, о чем свидетельствует его родовой знак, расположенный на внутренней стороне княжеского трона. **Дмитрий** был изображен на иконе в виде архонта, т.е. правителя Византийской провинции **Солуни**, сидящим на троне. Историки до сих пор спорят о происхождении этой иконы, но целый ряд ее особенностей, в частности трактовка лица, монументальность и парадность фигуры персонажа, свидетельствует о киевском происхождении этой иконы (**В. Лазарев, А. Муравьев**).

Среди других выдающихся произведений станковой живописи, относящихся к концу XII — началу XIII вв., следует назвать иконы «Спас Нерукотворный» и «Богоматерь Великая панagia», которую иногда называют «Орантой» или «Успением», принадлежавшая Успенской церкви Десятинного монастыря под Новгородом.

В XII—XIII вв. происходят большие изменения в книжном орнаменте и миниатюре. В частности, в этот период получил распространение так называемый «чудовищный» или тератологический орнамент. Отныне многие заставки и инициалы книг составлялись из очень сложных и мудреных узоров, где изящно переплетались фантастические звери, птицы, люди, растения и т.д. Именно такой орнамент в форме «чудовищного» стиля сохранился в «Юрьевском Евангелие», созданном в 1120—1128 гг. для Новгородского Юрьева монастыря. Кроме того, «чудовищный» орнамент использовался также во фресковой росписи, в каменной резьбе и даже в ювелирных изделиях, например, в височных кольцах, изделиях из кости и браслетах.

6. Быт и нравы Древней Руси

Характерной чертой быта Древнерусского государства было возникновение и постепенное развитие существенной разницы между образом жизни светской и церковной знати и основной массой населения страны. Сельское население Древней Руси жило, как правило, в небольших глинобитных или деревянных домах, которые, имея глинобитные или каменные печи, всегда топились «по-черному», т.е. не имели дымохода. Городское население, напротив, проживало в срубных избах, которые нередко были двухэтажными. При этом нижний этаж обычно был хозяйственным, а второй этаж состоял из нескольких жилых комнат.

Совершенно иными были жилые помещения феодальной знати и церковных иерархов. На территориях обширных княжеских и боярских усадеб, площадь которых колебалась от нескольких сот до нескольких тысяч метров, находились княжеские и боярские хоромы, которые представляли собой целый комплекс срубных разноэтажных построек (сеней и гридниц), соединенных между собой сетью затейливых переходов с многочисленными галереями, крыльцами и деревянной смотровой башней или теремом. Помимо господских хором, на территории усадьбы размещались избы дружинников, дворовой челяди и холопов, а также многочисленные хозяйственные постройки, в частности конюшни, амбары, клетки и т.д. В основном боярские усадьбы целиком возводились из дуба или сосны, однако, со второй половины XII в. все чаще стали строить хоромы из белого камня и даже кирпича. Но такие усадьбы, как правило, принадлежали только князьям и в исключительных случаях их старшим дружинникам-боярам.

Основным видом одежды всего населения Древней Руси были длиннополые рубахи, юбки и порты. Однако если у простолюдинов они шились из домотканой

холщовой ткани или «**власяницы**», то у феодальной знати в ход шли самые дорогие заморские ткани — **шелк, атлас и парча**. Верхней одежной простолудинов были **свиты, плащи (вотола) и кожухи**, которые изготавливались из очень недорогих и доступных материалов, в частности льняной ткани и овечьих шкур. У феодальной знати в моде были длиннополые парчовые плащи — **корзно**, которые застегивались на одном плече золотыми и серебряными **фибулами**, украшенными драгоценными камнями. В зимние холода знать также носила кожухи, однако они шились из дорогих заморских тканей, как правило, бархата, подбивались соболем или куницей, и обильно украшались золотым шитьем и даже драгоценными камнями. Из головных уборов самыми распространенными были домотканые шерстяные колпаки у мужчин, и убрusy или платки у женщин. А представители знати носили парчовые или бархатные, отороченные соболем или куницей, шапки, которые инкрустировались драгоценными камнями и золотым шитьем.

Традиционной обувью сельских жителей Древней Руси были **лапти** или **лыченицы**, которые плелись из липового лыка, и одевались не на босу ногу, а поверх **онучи** — тонкой полоски ткани, намотанной на ногу. Горожане в основном носили кожаную обувь, как правило, **поршни**, т.е. туфли, и высокие сапоги. Однако при этом у знати были «**черленные сапоги**», которые шились из дорогой кожи, например, сафьяна и довольно обильно покрывались дорогой инкрустацией и золотой вышивкой, а у простолудинов сапоги шились из самых дешевых и распространенных кож, в частности телятины или баранины.

Основным развлечением феодальной знати были соколиные, ястребиные и псовые «ловы» на вепря, медведя, лося, косулю, соболя, куницу и других обитателей лесных чащоб, а также богатые дружинные трапезы или пиры, с непременно́м участием в них скоморохов и гуслиаров. У простолудинов основным развлечением были скачки, турниры и всевозможные игрища.

В пищу в основном употребляли пшеничный и ржаной хлеб, баранину и значительно реже телятину и свинину, гусятину, утятину и курятину, а также мясо лесной дичи, как правило, перепелов и куропаток, соленую, вяленую и копченую рыбу, свежие и соленые огурцы, репу, свеклу и морковь, а также овсяные и пшеничные каши и кисели. Из напитков предпочитали ржаной квас, медовуху и заморское виноградное вино.

Тема: БОРЬБА РУСИ С ИНОЗЕМНЫМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

План:

1. Образование Монгольской державы и первые завоевания монголов (1206–1236 гг.).
2. Монголо-татарское нашествие на Русь и в Западную Европу (1237–1242 гг.).
 - а) Первый поход монголов на Русь (декабрь 1237 – май 1238 гг.).
 - б) Второй поход монголов на Русь (декабрь 1238 – январь 1241 гг.).
 - в) Поход монголов в Западную Европу (январь 1241 – март 1242 гг.).
3. Основные проблемы в историографии.

4. Военно-политическая ситуация на Северо-Западной Руси.
 - а) Создание духовно-рыцарских Орденов и завоевание Прибалтики.
 - б) Агрессия шведов против Новгорода. Невская битва (15 июля 1240 г.).
 - в) Агрессия крестоносцев против Новгорода. Ледовое побоище (5 апреля 1242 г.).

1. Образование Монгольской державы и первые завоевания монголов (1206–1236 гг.)

В конце XII в. у многочисленных монгольских племен, кочевавших на огромных просторах Центральной Азии, начался процесс зарождения ранней государственности, который проходил в крайне жестокой междоусобной борьбе между **керитами, унгиратами, меркитами, найманами, татарами, ойратами** и другими племенами. Победу в этой кровавой войне одержал один из монгольских ханов **Тэмуджин (1155–1227)**, который в 1206 г. на курултае монгольских ханов и нойонов, состоявшемся в верховьях реки **Онон**, был провозглашен Великим ханом всех монголов и получил новое имя **Чингисхан (1206–1227)**. Возглавив единое монгольское государство, он дал монголам знаменитый свод законов обычного права, получивший название «**Ясы Чингисхана**». Вопрос о достоверности этого источника до сих пор остается предметом острой научной дискуссии. Одни авторы (**В. Рязанский, И. Березин, Г. Вернадский**) признавали его достоверность и утверждали, что он представлял собой устный или письменный правовой свод, содержащий основные нормы, санкции и табу, в том числе право кровной мести и смертную казнь. Однако другие авторы (**Д. Айалон, Д. Морган, В. Васильев**) отрицали его историчность или считали этот «правовой свод» образчиком каких-то изречений самого **Чингисхана**.

Таким же спорным остается вопрос и об общественном строе Монгольской державы. Все советские историки (**Б. Владимирцов, Б. Греков, А. Якубовский, Г. Федоров-Давыдов**) вполне естественно выдвинули тезис о существовании в монгольской империи особой разновидности **кочевого феодализма**, для которого была характерна корпоративная или частная собственность на пастбища и стада. Однако ряд современных историков (**А. Кузьмин, Н. Крадин, Т. Скрынникова, В. Базаров**) выступили с альтернативной теорией **экзополитарного способа производства**, в основе которого лежали различные способы внешней эксплуатации земледельческих обществ за счет завоеваний, военных набегов, грабежей и вымогания разнообразных даров, а так же установления особого и жесткого режима **ксенократии**, т.е. владычества монгольской политической элиты над завоеванными территориями.

Достоверно известно, что став главой единой Монгольской державы, **Чингисхан** провел радикальную военную реформу, в ходе которой была создана одна из лучших профессиональных и боеспособных армий мира. Эта армия, ставшая опорой власти **Чингисхана**, имела четко отлаженную сотенную структуру, отличную боевую выучку, строжайшую дисциплину и новейшее вооружение в виде длинной клинковой сабли, легкого боевого топора и саадака, состоящего из композитного лука с налучьем и колчана со стрелами. У каждого монгольского воина было не менее трех лошадей, в частности **ездовая, выючная и боевая**, на которых он, соответственно, совершал дальние переходы во время военных походов, перевозил свой провиант, доспехи и вооружение и вел боевые действия.

Собственно монгольская армия без вспомогательных отрядов, численность которой, по разным оценкам (**Г. Вернадский, М. Горелик, Е. Разин, Р. Храпачевский, Д. Хрусталев**), составляла порядка **100–130 тысяч нукеров**, делилась на **арбаны, джагуны, минганы и тумены** во главе которых стояли десятники, сотники, тысяцкие и темники. Причем, **минганы и тумены** были не только военными подразделениями, но и административно-территориальными единицами самой Монгольской державы, которые управлялись знатными **нойонами**. Основной костяк монгольского войска состоял из легкой и тяжелой кавалерии, который делился на три боевых части: центр (**хол**), правое крыло (**барунгар**) и левое крыло (**джунгар**). Как правило, **арбаны и джагуны** состояли из выходцев одного или нескольких родственных монгольских родов. А более крупные соединения, такие как **минганы и тумены**, формировались из нукеров и аратов, принадлежащих, как к собственно монгольским, так и завоеванным ими племенам. Одни авторы (**Г. Вернадский, Л. Гумилев**) считали, что подобный принцип комплектования монгольской армии был частью целенаправленной политики самого **Чингисхана**, целью которой было преодоление разобщенности среди монгольских и покоренных ими племен и предельная централизация власти внутри самой Монгольской империи. Однако их оппоненты (**Б. Греков, А. Кузьмин**) более обоснованно говорят о том, что в результате многочисленных усобиц, заговоров и придворных переворотов, которые всегда сопровождались безжалостными убийствами, в Монгольской державе сложилась жесткая **иерархия монгольских родов**, где первую скрипку играли **княты, борджигины, олхонуты** и ряд других родовых патронимий. Само монгольское войско в основном состояло из покоренных племен **кераитов и найманов**, а большинство полководцев **Чингисхана** были **татарами, ойратами, меркитами и урянхайцами**. Сами монголы участие в сражениях практически не принимали, и их главной функцией было устрашение, в том числе посредством установления строжайшей дисциплины, нарушение которой вело к единственному наказанию — изощренной смертной казни путем вырывания сердца или перелома хребта.

Кроме того, в составе монгольской армии была создана особая ханская гвардия, состоящая из **кешиктянов и богатуров**, численность которой составляла **10 тысяч всадников**. Причем, многие воины, прошедшие службу в ханской гвардии, автоматически назначались командирами **минганов и туменов**. Кроме того, в составе своей армии **Чингисхан** создал своеобразный полевой штаб, состоящий из **юртчи**, главной задачей которого было планирование военных походов, диспозиции войск, разведка противника, составление маршрутов кочевий, расположение лагерей и т.д.

После завершения военной реформы **Чингисхан** начал знаменитые завоевательные походы, в результате которых монголы захватили огромные территории **Тангутской империи Си-Ся (1207–1211)**, северные провинции **Китайской империи Цзинь (1211–1216)**, **Империю Хорезмшахов (1218–1221)**, **Ширванское царство (1221)**, **Грузинское царство (1221)**, **Аланское царство (1222)** и другие государства Кавказа. Ранней весной 1223 г. монгольская орда под водительством **Джебе и Субедея** вышла в причерноморские степи к границам государства **Дешт-и-Кыпчак**, глава которого половецкий хан **Котян** обратился к своему зятю, галицкому князю **Мстиславу Удалому** за военной помощью, заявив ему «**нашу землю днесь отъяли, а ваша заутро възята будеть**». Именно по его инициативе в **Киеве** на съезде русских князей было принято роковое решение об объединении с половцами для отражения монгольско-

го нашествия на их земли. По оценкам ряда современных историков (**Л. Войтович**), на призыв **Мстислава Удалого** откликнулись больше двадцати русских князей, в том числе **Мстислав Киевский**, **Мстислав Черниговский**, **Даниил Волынский**, **Мстислав Луцкий**, **Андрей Туровский**, **Изяслав Путивльский** и другие.

В разных исторических источниках точные данные о численности русско-половецкого войска либо полностью отсутствуют, либо являются непомерно завышенными, поэтому этот вопрос до сих пор остается предметом давней научной дискуссии. В частности, **В.Н. Татищев** и **А.Г. Кузьмин** определяли его численность в **150 тысяч ратников**. По оценкам **Л.Н. Гумилева** и **И.А. Голыженкова** она составляла **80—100 тысяч человек**. По мнению **Р.П. Храпачевского** численность русско-половецкого войска вряд ли превышала **40—45 тысяч всадников**, а по оценке **А.Г. Хрусталева** его численность составляла примерно **15—18 тысяч ратников**. Аналогичная разноголосица мнений наблюдается и при оценке численности монгольской орды, принявшей участие в битве на реке **Калке**. В данном случае диапазон разногласий колеблется от **200 тысяч (В.Н. Татищев)** до **20 тысяч (А.Г. Хрусталева) всадников**.

Примерно в **середине апреля 1223 г.** военные отряды всех русских князей и половецких ханов собрались единым лагерем в устье реки **Трубеж**, в **Зарубе**, откуда они сразу двинулись к днепровским порогам. Узнав о начале этого похода, в ставку к русским князьям прибыли монгольские послы, которые попытались убедить русских князей прекратить начатую ими военную компанию и отказать в помощи половецким ханам. Однако русские князья, поддавшись на уговоры союзных половцев, «**избвиша нѣ послы, а сами пондоша противу имѣ**». Перейдя на левый берег **Днепра**, русские и половецкие ратники разбили передовой отряд монголов и обратили его в бегство. Двигаясь дальше на восток, и не наблюдая основных сил противника, русско-половецкая рать в **конце мая 1223 г.** вышла на берег реки **Калки**, где встретила еще один авангард монголов. Начав новое сражение, дружины **Мстислава Удалого**, **Даниила Волынского** и **Мстислава Немого** быстро разгромили передовой отряд кочевников, который начал поспешно отступать на левый берег **Калки**. Не подозревая о том, что монголы предприняли излюбленный ими тактический прием «ложного отхода», русские и половецкие ратники бросились в погоню за ними и, потеряв боевой строй, стали беспорядочно форсировать **Калку**. Именно этой роковой ошибкой русских князей и воспользовались **Джебе** и **Субедай**. Столкнувшись на правом берегу с главными силами монголов, половцы в панике бежали с поля боя к переправе через **Калку**, в результате чего: **1) был открыт правый фланг русского войска и 2) были смяты три полка Мстислава Черниговского**, которые не успели изготавиться к бою с монголами. Как повествует **Новгородская Первая летопись**, «**побегоша ничтоже половци назадъ, и потъпташа бежаще станы рѹсскихъ князь, не успеша бо исполнитися противу имѣ, и съмятошася вся, и бысть сеця зла и люта**».

Одна часть монгольской орды, погнала бегущих русских и половецких ратников вплоть до берегов **Днепра**, а другая часть монгольской орды осадила стан Великого киевского князя **Мстислава Романовича**, который «**не движесе съ места никамо же, сталъ бо ве на горе, надъ рекою надъ Калкомъ**». Киевская рать в течение трех дней храбро отбивались от наседавших монголов, и сдалась лишь после того, как татарский посол, «**оканьным воевода Плоскына целовавъ крестъ честнымъ къ Мъстиславу и къ овема князема, око ихъ не избити, нѣ пѹстити ихъ на искѹпъ**».

Однако монголы, коварно презрев данную ими же клятву, перебили всех русских ратников, за исключением их воевод и самих князей. По уточненным данным современного историка **Л.В. Войтовича**, в плен было взято двенадцать русских князей, в том числе **Мстислав Киевский**, **Мстислав Черниговский**, **Андрей Туровский**, **Изяслав Путивльский**, **Василий Козельский** и **Святослав Шумский**, которых монголы «издавиша, подъякладъше подъ дъски, а сами верху сѣдоша обедати, и тако животъ ихъ концяша». Точные данные о потерях русского войска в самих летописных источниках полностью отсутствуют, но по информации летописной «Повести о битве на Калке», разные редакции которой сохранились в составе **Лаврентьевской**, **Ипатьевской** и **Новгородской Первой летописях**, в этом побоище уцелела только одна десятая часть русского войска.

После победы на **Калке** монголы вторглись на территорию Руси и почти дошли до **Киева**, но узнав о приходе в **Чернигов** владимирских полков во главе с **Васильком Ростовским**, монголы отказались от своих прежних планов похода на **Киев** и пошли на **Волгу**, где у **Самарской Луки** были разбиты волжскими булгарами и ушли в степь.

В 1227 г., в разгар новой войны с Китаем, почти одновременно скончались великий хан **Чингисхан** и его старший сын **Джучи**, который был убит в ходе ожесточенной борьбы за власть своими младшими братьями **Чагатаем** и **Угедеем**. После двухлетнего траура по усопшему отцу новым великим ханом был провозглашен третий сын **Чингисхана** **Угедей (1229–1241)**. В 1235 г., завершив завоевание **Цзиньской империи**, монгольские ханы и нойоны собрались на очередной курултай на реке **Онон**, где было принято решение о начале грандиозного «**Западного похода**», который возглавил внук **Чингисхана**, сын **Джучи** хан **Батый (1208–1255)**. Начав «**Великий поход к последнему морю**», монголы первым делом разгромили **Половецкую Степь** и **Волжскую Болгарию**, а затем начали поход на Русь.

2. Монголо-татарское нашествие на Русь и в Западную Европу (1237–1241 гг.)

Говоря о монгольском нашествии в Европу, следует иметь в виду, что им пришлось предпринять не один, а два похода на Русь и один поход в Центральную и Южную Европу. Причем, по данным историков (**Г. Вернадский**, **Д. Хрусталеv**), в этих походах приняли участие практически все **Чингизиды** — **Батый**, **Орда**, **Берке**, **Тангут**, **Шейбан**, **Гуюк**, **Кадан**, **Байдар**, **Бури**, **Менгу**, **Бучек** и **Кулькан**, что зримо говорило о том, какое огромное значение придавали сами монголы этой грандиозной военной акции. По данным современных историков (**Е. Кычанов**, **Д. Хрусталеv**), накануне похода монгольская орда была разделена на две части: в «**Северную группу**» вошли тумены ханов **Батия**, **Орды**, **Берке**, **Бури** и **Кулькана**, а «**Южную группу**» составили тумены ханов **Гуюка** и **Менгу**.

а) Первый поход монголов на Русь (декабрь 1237 – май 1238 гг.)

В декабре 1237 г. монгольская орда во главе с **Батием** подошла к южным границам **Рязанского княжества**. Как явствует из летописной «**Повести о разорении Рязани Батием**» рязанский князь **Юрий Ингорович**, «услыша приходъ везбожнаго царя **Батия**» направил к Великому владимирскому князю **Юрию Всеволодовичу** своих послов, «**прося помощи ꙗко него**». Однако владимирский князь, рассчитывая отсидеть-

ся в своих «залесских землях», отказал в помощи рязанцам, и тогда князь **Юрий**, «созва братню свою на совет», в котором приняли участие два его брата, князья **Роман** и **Олег**, и их племянник князь **Юрий**. По мнению ряда современных авторов (**Ю. Кривошеев**, **Д. Хрусталеv**), на этом совете были приняты два решения: 1) создать военный альянс рязанского, пронского, коломенского и муромского князей и 2) послать в ханскую ставку к **Батю** посольство во главе с сыном рязанского князя **Федором** «з дары и молении великим, чтобы не воевал **Рязанския земли**».

Как повествует летописец, «**безбожный царь Батый**, льстив бо и немилосерд, при дары и охулился лестию не воевати **Рязанския земли**». Однако, когда «**нача Батый просити у рязанских князей тщири и сестры себе на ложе**», князь **Федор** отказался «**водити жены своя на блуд**» и был жестоко убит. Узнав о трагической гибели старшего сына, Великий рязанский князь **Юрий**, заявив своей братии, что «**лучше нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти**», во главе объединенного войска вышел к южным рубежам своей земли. Именно здесь, на реке **Воронеж**, состоялась первая крупная битва с монголами, которая завершилась полным разгромом русских дружин и захватом **Белгорода**, **Пронска**, **Льгова** и других рязанских городов. После этого монголы устремились к столице княжества **Рязани**, шестидневная осада которой окончилась ее взятием и страшным разгромом этого старинного города, который так никогда и не поднялся из руин. При этом монголы не пощадили никого и уничтожили всех жителей **Рязани**, в том числе всю семью Великого рязанского князя **Юрия**. Как повествует **Лаврентьевская летопись**, «**придоша на Рязанскую землю безбожнии татары и почашу воевати Рязанскую землю, и пленоваху до Пронска, попленивше Рязань весь и пошгоша, и князья ихъ убиша, много же святыхъ церкви огневи предаша, и монастыре и села пошгоша, именья немало обою страну взяша, потом поидоша на Коломну**». Туда же к Коломне отошли и остатки рязанских дружин во главе с уцелевшим рязанским князем **Романом Ингоровичем**.

В январе 1238 г. «**поиде Всеволодъ, сын Юрьевъ, внук Всеволожь противу татаром, и сступишася у Коломны, и высть сеча велика, и убиша у Всеволода воеводу Бремья Гяевовича и иных мужи много убиша у Всеволода, и привежа Всеволодъ в Володимерь в мале дружине, а татарове идоша к Москве. Тое же зимы взяши Москву татарове и воеводу убиша Филиппа Нянка за правоверную хрестьянскую веру, а люди избиша от старьца до сущаго младенца, а град и церкви святыя огневи придаша и монастыри вси и села пожгоша**». Пока монгольские орды штурмовали Москву и грабили всю округу, Великий владимирский князь **Юрий Всеволодович**, оставив во **Владимире** своих старших сыновей **Всеволода** и **Мстислава**, отъехал на **Волгу** с младшими сыновьями **Васильком**, **Всеволодом** и **Владимиром**, где «**ста на Гити станом, ждучи к собе брата своего Ярослава с полки и Святослава с дружиною своею, и нача Юрь, князь великий совокупляти вою противу татаром**».

В феврале 1238 г. монголы подошли к **Владимиру** и предложили русским князьям сдать город в обмен на сохранение жизни захваченного ими в плен московского князя **Владимира Юрьевича**. Однако **Всеволод** и **Мстислав**, «**сжалитася брата своего, рекоста дружине своей и Петру воеводе: братья лучше ны умрети перед Золотыми враты, за святую Богородицу и за правоверную веру хрестьянскую и не да воли ихъ быти**». Монгольская орда осаждала **Владимир** целую неделю, «**огородиша тыном**» все его крепостные стены, а затем пошла на генеральный штурм, который закончился взятием города и истреблением всех его защитников «**от чюного и до старца, и сущаго**».

младенца». Тогда же в **феврале 1238 г.** монгольские отряды «**поплениша Володимерь** и **подоша** на великого князя **Георгия**, **други** **идоша** к **Ростову**, а **ини** к **Ярославу**, а **ини** на **Волгу** на **Городец** и **ти** **плениша** все по **Волзе**, **доже** и до **Галича Мерьскаго**, а **ини** **идоша** на **Переяславль**». Надо сказать, что в последнее время ряд авторов (**Д. Хрусталеv**), делая довольно странное противопоставление таких летописных терминов, как «**взяша**» — «**пожгоша**», «**плениша**» — «**убиша**» и «**воеваша**» — «**избиша**», пытаются представить монгольские орды чуть ли не миротворцами, утверждая, что большинство русских городов, за исключением **Владимира**, **Суздаля** и **Москвы**, сами открыли свои ворота монголам, «отчего захватчики не подвергли их разграблению, а количество убийств было невелико и ограничилось лишь административной верхушкой». Конечно, подобные «научные» открытия и умозаключения, находящиеся в общем русле новомодной ныне концепции «евразийцев», не имеют ничего общего с научной истиной, тем более что сами древнерусские летописцы прямо называли монголов «**окаянии** **ти** **кровопници**, **проляша** **кровь** **хрестъянску**, **акы** **воду**». При этом сам **Д.Г. Хрусталеv**, в отличие от **Л.Н. Гумилева** и других «евразийцев», как ни странно признает, что монгольское нашествие имело катастрофические последствия для большинства русских земель.

После взятия и разграбления практически всех городов **Владимирского княжества** «**подоша** **безбожнии** **татарове** на **Сить** **противу** **великому** **князю** **Гюргю**. **Слышав** же **князь** **Юрги** с **братом** **своим** **Святославом** и с **сыновци** **своими** **Васильком**, и **Всеволодом**, и **Володимером** и с **мужи** **своими** **подоша** **противу** **поганым**, и **сстүпишася** **окои** и **высть** **сеча** **зла**, и **повегоша** **наши** **пред** **иноплеменики** и **тү** **үбьенъ** **высть** **князь** **Юрьи**». Это трагическое событие, произошедшее **4 марта 1238 г.** в битве на реке **Сить**, фактически знаменовало собой полный разгром почти всех военных сил **Северо-Восточной Руси**, которые утратили какую-либо способность для дальнейшего сопротивления монголам.

В **середине марта 1238 г.**, после взятия пограничного **Торжка**, монголы пошли походом на **Новгород**, однако, не дойдя до города около ста верст, у **Игнат Креста**, они резко повернули назад. Причины такого развития событий историки объясняли по-разному. Одни авторы (**М. Иванин**, **С. Ильин**) считали, что предполагавшийся поход по «селигерскому пути» был отменен самим **Батыем** по причине начавшейся оттепели, бескормицы и больших потерь, понесенных в предыдущих сражениях. Другие авторы (**В. Каргалов**, **Д. Хрусталеv**) утверждают, что поход на **Новгород** и **Псков** вообще не входил в планы **Батия**, поэтому, когда его темник **Бурундай** известил **Батия** о разгроме русских дружин на реке **Сить** и гибели Великого князя **Юрия**, он решил повернуть назад. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что **Батый** действительно понес огромные потери, которые составляли не менее половины всей его огромной армии.

Между тем, в последнее время появилась новая «гипотеза», объяснявшая причины такого развития событий. Так, известный российский историк, профессор **А.Н. Сахаров** в своей статье «**Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века**» (1999) высказал предположение, что поход монголов на **Новгород** не состоялся по причине того, что **переславский князь Ярослав** и его старший сын, **новгородский князь Александр**, сговорившись с ханом **Батыем**, предали Великого **владимирского князя Юрия** и не прислали свои дружины на **Сить**. Однако данная «гипотеза», до которой не додумались даже такие записные критиканы **Алексан-**

дра Невского, как Дж. Феннел и И.Н. Данилевский, вызвала законный протест со стороны многих авторитетных ученых, в частности профессоров А.А. Горского, В.Л. Янина и А.Г. Кузьмина.

Возвращаясь на юг, в Половецкую Степь монгольские орды разорили восточные волости Смоленского, Дорогобужского и Черниговского княжеств, где особо сильное сопротивление им оказали жители маленького пограничного городка Козельска во главе с юным княжичем Василием, за что татары «нареши град злыи, понеже бишася по семь недель».

б) Второй поход монголов на Русь (декабрь 1238 – январь 1241 гг.)

Согласно Тверскому летописному своду и Лаврентьевской летописи, зимой 1238–1239 гг. состоялся новый поход монгольской орды в Волго-Окский регион, в ходе которого «взяша татарове Мордовскую землю и Муром пожгоша, и по Клязме воеваша, и град Гороховец пожгоша, а сами идоша в станты свое». Затем, в марте 1239 г., «татарове взяша Переяславль Рускыи и епископа Семеона убиша и люди избиша, а град пожгоша огнем, и люди, и полона много вземше». Причем, древний Переяславль, как и Старая Рязань, был полностью стерт с лица земли и больше никогда не возродился.

Дальнейшие события в разных летописных сводах отражены довольно скудно и очень противоречиво, что неизбежно вызвало дискуссию в научной среде. В частности, многие авторы (Г. Вернадский, М. Горелик, Г. Хрусталев) считают, что уже летом 1239 г. монголы вновь вернулись на Русь и начали воевать обширные земли Черниговского княжества, где на престоле формально восседал Великий киевский и черниговский князь Михаил Всеволодович (1223–1246), который в то время находился в Киеве. Однако их оппоненты (Р. Храпачевский) утверждают, что новое монгольское нашествие в земли Черниговского княжества состоялось не раньше февраля-марта 1240 г.

Как бы то ни было, но сами летописные своды говорят о том, что в октябре 1239 г., монголы «подоша на Черниговъ, обьстоупиша град в силе тяжце, слышавъ же Мьстиславъ Глебовичъ нападение на град иноплемьныхъ, приде на ны со всеми вои, вившимъся имъ, побеженъ бысть Мьстиславъ и множество вои его избьенымъ бысть, а татарове взяша Черниговъ, град пожегше и люди избиша и монастыре погравниша». После взятия Чернигова монголы занялись тотальным грабежом и разорением всех черниговских и новгород-северских земель по Сейму и Десне, в том числе таких крупных городов, как Путивль, Рыльск и Курск, которое продолжалось до зимы 1239 г. Тогда же монголы провели кровавую зачистку всех прежде завоеванных территорий, где жестоко подавили все оставшиеся очаги сопротивления в русских, булгарских и половецких землях.

Еще во время покорения Черниговского княжества монгольская орда, подошла к Киеву и, как пишет летописец, их предводитель хан Мунке «видивъ град, удивися красоте его и величеству его, присла послы свои к Мнхлану и къ гражданамъ, хотя и прельстити». Однако киевский князь Михаил, не поддавшись на традиционное коварство монгольских послов и «избиша их». Не имея достаточных сил для взятия Киева, монголы вновь отошли в степь, а «князь Мнхайло бежа ис Киева за сыномъ въ Угорскую землю». Между тем сами южнорусские князья Ростислав Михайлович и Даниил Романович, затеяли новую усобицу за Галич, победу в которой одержал во-

лынский князь, объединивший под своей рукой все отцовские земли **Юго-Западной Руси**. Однако, как верно отметили современный историк **Д.Г. Хрусталеv**, став правителем всей **Галицко-Волынской Руси**, **Даниил Романович** оказался «халифом на час».

Уже осенью 1240 г. Батый «совокупн братья и его силныи воеводы Оурдю и Бандаръ, Бирюи и Канданъ, Бечакъ и Меньгоу, и Кююкъ не от роду же его, но ве воевода его перьвѣи Себедан богатоуръ и Боуроунъдани багатуръ иже инехъ вещисла воеводъ», пошел походом на Киев. По мнению современных историков (**В. Каргалов, Д. Хрусталеv**), численность этой колоссальной монгольской орды, в рядах которой были тумены восьми **Чингизидов** и двух богатуров, была не менее **90 тысяч всадников**, обладавших бесценным военным опытом по осаде и взятию многих русских городов.

В разных исторических источниках содержатся и разные сроки его осады, и разная дата его падения, но что особо примечательно в основном историческом источнике, южнорусской **Ипатьевской летописи**, вообще отсутствуют какие либо даты на сей счет. В тоже время **Лаврентьевская летопись** сообщает, что Киев был взят монголами «до Рождества Господня на Николинъ день» 6 декабря 1240 г., а согласно **Псковскому летописному своду** «придоша татарове къ Киеву и взяша его» 19 ноября 1240 г. Это обстоятельство послужило основой для новой дискуссии в научной среде, но до сих пор историки так и не пришли к единому мнению. На первой дате особенно настаивали **Б.А. Рыбаков** и **В.В. Каргалов**, а на второй — **В.Т. Пашуто** и **В.И. Ставиский**. Сама же героическая оборона **Киева**, которую возглавил княжеский посадник, воевода **Дмитрий**, безусловно, длилась несколько недель, поскольку, как сообщает летописец, лично хан **Батый** «Дмитра же изведоша язвена и не убѣиша его, мужества ради его». Хотя остальных защитников города монголы не пощадили и «люди от мала до велика вся убѣиша мечемъ».

Безусловно, падение и страшный погром **Киева** стали знаковым событием нового нашествия монголов на Русь. В частности, среди правящих династий **Южной Руси** началась самая настоящая паника. Например, сидевший в **Луцке** Великий киевский князь **Михаил Всеволодович** со своим сыном **Ростиславом** опять бежали под защиту венгерского короля **Белы IV**, галицко-волынский князь **Даниил Романович** и его младший брат **Василек** кинулись спасаться во владения мазовецкого князя **Болеслава I**, а болоховские князья **Михаил** и **Изяслав** явили монголам свою покорность и согласились уплатить им большой выкуп.

После взятия **Галича** и **Владимира-Волынского**, которые монголы подвергли такому же страшному погрому, как **Киев**, **Переяславль** и **Рязань**, двоюродные братья **Батыя** ханы **Гуюк** и **Мунке**, повинуюсь приказу **Каракорума**, во главе своих туменов повернули обратно в **Половецкую Степь**, что, несомненно, значительно уменьшило силы всей монгольской орды. В связи с этим обстоятельством ряд современных авторов (**В. Егоров, Р. Храпачевский**) считают, что дальнейшее движение монгольской орды на запад было предпринято ханом **Батыем** исключительно по собственной инициативе.

в) Поход монголов в Западную Европу (январь 1241 – март 1242 гг.)

В январе 1241 г. тумены **Байдара** и **Орду**, обогнув **Карпатские горы**, вошли на территорию **Малой Польши**, форсировали **Вислу** и практически сразу взяли **Люблин** и **Завихост**. Затем, в феврале 1241 г., они захватили **Сандомир**, разбили малопольское

ополчение под **Турском** и двинулись дальше на **Краков**, который пал под ударами монголов в **марте 1241 г.** Краковский князь **Болеслав V Стыдливый** поспешно бежал в Венгрию, а затем укрылся в одном из моравских монастырей.

После этого монголы через **Рацибуж** и **Ополе** пошли в **Силезию** и прорвались к **Вроцлаву**, все жители которого в панике бежали из города, а его посад был сожжен по приказу верхнесилезского князя **Мешко Опольного**. Решающая битва между монгольской ордой **Байдара** и объединенным польско-немецким войском, которое возглавил нижнесилезский князь **Генрих II Благочестивый**, состоялась в **апреле 1241 г.** под **Легницей**, где европейские рыцари потерпели сокрушительное поражение, а их предводитель погиб. После этой грандиозной победы **Байдар** получил приказ **Батыя** как можно быстрее двигаться на юг, на соединение с его основными силами. Таким образом, находясь уже на границах **Германской империи**, в районе города **Майсен**, монголы резко изменили свой маршрут, и пошли на беззащитную **Моравию**, где разорили **Пуканец**, **Крупину**, **Опаву**, **Бенешов** и другие города.

Тем временем, орда самого **Батыя**, разбив войско венгерского палатина **Дионисия**, прошла через **Верецкий перевал** в **Карпатах** и вторглась на территорию **Паннонии**, где разорила венгерские города **Бистрицу**, **Орадя** и **Темешвар**. Тогда же две монгольских орды ханов **Бучека** и темника **Субедая**, разгромив половцев на реке **Серет**, вторглись в **Валахию** и **Трансильванию**. Взяв **Вац** и **Эгер**, монгольские орды вышли к **Пешту**, где венгерский король **Бела IV** успел собрать объединенное венгерско-хорватское войско. Однако это не спасло венгерского короля, поскольку в **апреле 1241 г.** он был разбит в битве на реке **Шайо** и бежал под защиту австрийского герцога **Фридриха II Воителя**.

Всю вторую половину **1241 г.** монголы предпринимали неоднократные попытки занять плацдармы на правом берегу **Дуная** и начать боевые действия в землях **Священной Римской империи**, но все они терпели неудачу. Лишь один монгольский отряд смог прорваться к **Нойшгадту** близ **Вены**, однако, получив отпор от объединенного чешско-австрийского войска **Фридриха II Воителя**, монголы отступили за **Дунай**.

В **конце 1241 г.**, с наступлением первых заморозков, основные силы **Батыя** смогли, наконец, форсировать замерзший **Дунай** и начали осаду **Буды**, **Фехервара**, **Эстергома**, **Нитры**, **Братиславы** и ряда других венгерских городов, которые вскоре пали под ударами превосходящего противника. Одновременно с этим орда хана **Кадана** устремилась в **Хорватию** на поиски короля **Белы IV**, ритуальное убийство которого должно было стать логическим завершением этого похода. С этой целью в **январе 1242 г.** монголы двинулись на **Загреб**, но не успели схватить венгерского короля. Поэтому после разгрома **Загреба** они устремились в **Далмацию**, но и здесь их постигла неудача, поскольку, не сумев взять крепость **Клис**, в **марте 1242 г.** они повернули назад и ушли в **Болгарию**.

Историки по-разному объясняли причины поспешного ухода монголов из Европы. Одни (**Г. Вернадский**, **Л. Гумилев**) делали особый акцент на том, что **Батый** прервал «**Великий Западный поход**», узнав о смерти в **Каракоруме** Великого хана **Угэдэя**, что неизбежно вызвало острую борьбу за власть между всеми потомками **Чингисхана**. Однако их оппоненты (**В. Пашуто**, **Д. Хрусталеv**) считают, что смерть **Удэгэя** стала лишь удобным предлогом для прекращения этого похода, а реальной причиной были огромные потери монголов и новые антимонгольские восстания в **Половецкой Степи** и **Волжской Болгарии**.

3. Основные проблемы в историографии

В настоящее время при изучении монгольского нашествия историки спорят по трем ключевым проблемам: 1) какова была численность монгольского войска, принимавшего участие в нашествии на Русь, 2) было ли само нашествие монголов на Русь, 3) каковы были главные итоги и последствия монгольского нашествия.

1) По мнению ряда авторов (Л. Гумилев, Д. Хрусталеv), в 1224 г. при разделе своей обширной империи между сыновьями Чингисхан выделил старшему сыну Джучи удел, который мог выставить не более 4000 всадников из состава собственно монгольских родов. Естественно в процессе активных завоеваний монголов численность их армии значительно возросла за счет покоренных народов, которые были вынуждены поставлять им свои воинские контингенты. Однако многие историки, в том числе и сами «евразийцы» (Г. Вернадский, И. Данилевский, Дж. Феннел), справедливо сомневаются в подобных чисто умозрительных подсчетах своих коллег.

Что касается численности той монгольской орды, которая непосредственно приняла участие в «Великом Западном походе», то здесь разброс мнений чрезвычайно велик. В частности, ряд крупных русских и советских историков (Н. Карамзин, А. Насонов, Б. Рыбаков) приняли за истину различные свидетельства средневековых авторов, что численность монгольской армии составляла 300–500 тысяч всадников. Однако большинство советских, зарубежных и современных историков (Л. Черепнин, В. Каргалов, В. Кашеев, Д. Хрусталеv, У. Очиров, Дж. Феннел) полагают, что эти цифры носят явно завышенный характер и реальная численность армии Батыеv вряд ли превышала 120–140 тысяч человек. Существует так же версия очень известного и популярного ныне «евразийца», профессора Л.Н. Гумилева, что численность монгольской орды, принимавшей участие в походе на Русь, составляла всего 30–35 тысяч всадников, поскольку монголы одновременно могли прокормить на подножном корму не более 100–120 тысяч лошадей. Однако эта точка зрения отвергается большинством современных историков, поскольку она основана не на анализе исторических фактов и источников, а на довольно сомнительном дедуктивном методе, изобретенном самим автором, который прямо уводит его с область патологической фантастики.

Что касается вопроса о численности русских войск, то, по мнению многих историков (А. Строков, В. Каргалов, Д. Хрусталеv), совокупная военная мощь всех русских земель составляла примерно 100–110 тысяч человек. Однако, как известно, русские князья не просто не смогли объединить все свои силы для отпора врагу, но даже в условиях монгольского нашествия продолжили ожесточенную междоусобную войну, в которой приняли участие великие князья Михаил Черниговский, Даниил Волынский и Ярослав Владимирский. Кстати, по мнению ряда современных авторов (А. Горский, Д. Хрусталеv), именно эта «неизвестная война» 1230-х гг. и сыграла существенную роковую роль в разгроме всех русских земель монголами.

2) В русской и советской исторической науке сама постановка этого вопроса была бы просто кощунственна и неуместна, поскольку никто из здравых историков не ставил под сомнение сам факт монгольского нашествия на Русь. Однако сегодня эта проблема стала достоянием не столько самой историографии, сколько широко-го общественного мнения. Причиной такого положения вещей стали два печальных обстоятельства: 1) клиническая патология хорошо известных «новохронологов», бредовые книги которых до сих пор издаются огромными тиражами, и 2) активная

популяризация старых идей русских «эмигрантов-евразийцев», новыми вождями которых стали два известных профессора **В.В. Кожин** и **Л.Н. Гумилев**.

Что касается бредовых идей «новохронологов», то пусть в них разбираются доблестные психиатры и наркологи, а что касается идей «евразийцев», отрицавших факт монгольского нашествия на Русь, то здесь не все так просто, как кажется на первый взгляд. Как верно подметил профессор **А.Г. Кузьмин**, в основе всего «русского евразийства», построенного на грубой фальсификации известных исторических фактов, лежат украинский национализм и пантюркистская идеология «младотурок». В частности, еще в **конце XIX — начале XX вв.** два видных идеолога украинского национализма, известные профессора **Киевского и Львовского университетов М.А. Максимович** и **М.С. Грушевский** не только отвергли разрушительный характер монгольского нашествия на Русь, но даже усмотрели в нем определенное благо, поскольку оно привело к «обескняжению» всех южнорусских земель, положив начало «вильной» и «незалежной» **Казацкой Украинской державы**.

В **1920-х гг.** в русской эмигрантской литературе под влиянием работ **Н.С. Трубецкого, П.И. Савицкого, Б.Н. Ширяева, С.Г. Пушкарёва, Г.В. Вернадского** и других философов и историков, выступивших с печально известной теорией «туранского этногенеза», очень близкой по своей сути идеологии пантюркизма, зародилась так называемое «русское евразийство». Именно эти псевдопатриоты, часть из которых (**Б.Н. Ширяев, С.Г. Пушкарёв**) в годы войны служили во власовской армии предателей, заявили, что: **1) Чингизхану** удалось «выполнить историческую миссию государственного объединения всей Евразии»; **2)** само монгольское завоевание «было полезным и созидательным делом для всей Евразии»; **3) Чингисхан и Батый** осуществили «творческую миссию созидателей и организаторов исторически ценного здания Русской Евразийской державы».

3) Что касается общих итогов монгольского нашествия, то все современные «евразийцы» (**Л. Гумилев, В. Кожин**), а также русофобы всех мастей из числа западных русистов и советологов (**Дж. Феннел, Р. Пайпс**), исходя из собственных теоретических построений и схем, не только сознательно преуменьшают катастрофические последствия монгольского нашествия на Русь, но и говорят о благодатной роли «Монгольской Степи» в истории русского народа и особом «русско-монгольском симбиозе», приведшем к образованию Великой Евразийской державы. Причем, эти «первооткрыватели» совершенно не понимают или не хотят понять того, что: **1)** в ходе монгольского нашествия были уничтожены и поработаны не только миллионы русских, но и сотни тысяч половцев и болгар, которые были прямыми предками нынешних татар; **2)** базой для создания будущей Российской евразийской державы стала русская территориальная община, а не кровно-родовая община монголов, которая по определению была жесткой иерархической структурой и отвергала любой пришлый инородный элемент, который в рамках этой общины мог быть только на положении раба; **3)** кочевая жизнь монголов неизбежно располагала к их особой агрессивности и паразитарности, поэтому они почти всегда выступали в качестве захватчиков, завоевателей и грабителей земледельческих плёмен, в том числе славян и древних болгар.

Конечно, подавляющее большинство ученых (**Б. Рыбаков, Н. Воронин, В. Мавродин, А. Кузьмин, А. Монгайт, М. Каргер, П. Толочко, В. Каргалов, Д. Хрусталев**),

не зараженных бациллой русофобского «евразийства», опираясь на огромное количество письменных и археологических источников, утверждают, что:

а) Монгольское нашествие привело к беспрецедентной гибели всего городского населения Древней Руси. Этот демографический коллапс был настолько велик, что современники прямо писали о том, что «антихрист мог бы прослезиться от ужасов монгольского погрома». Причем, многие историки и демографы прямо говорят о том, что прежняя численность населения Древней Руси была восстановлена только к **концу XVII в.!**

б) Монгольское нашествие нанесло колоссальный удар по производительным силам русских городов и, прежде всего, городскому ремеслу, поскольку именно города были главными объектами монгольской агрессии и погрома. По подсчетам русских и советских археологов в ходе монгольского нашествия: **1)** были полностью разрушены **49** древнерусских городов, из которых ровно треть, в частности **Старая Рязань, Переяславль Южный, Владимир-Волынский**, так никогда и не восстали из пепла; **2)** были полностью и безвозвратно уничтожены десятки ремесленных технологий и на целое столетие прекратилось каменное зодчество на всей территории Руси, в том числе и в новгородских землях, не подвергшихся монгольскому погрому.

в) Монгольское нашествие, в ходе которого были уничтожены сотни погостов и сел, нанесло огромный урон производительным силам в сельском хозяйстве и нанесло колоссальный удар по всему вотчинному землевладению, поскольку в ходе нашествия погибла практически вся правящая элита древнерусского общества, составлявшая в военное время костяк всех княжеских дружин.

г) Монгольское нашествие нанесло огромный удар по международным и внешнеторговым связям Руси, поскольку были разрушены все прежние коммуникации, которые либо оказались под полным контролем самих монголов, либо захирели ввиду общего упадка городского ремесла и сельского хозяйства на Руси.

Неслучайно в свое время, отвечая на известный пасквиль **А.Я. Чаадаева «Письма о философии истории»**, в своей статье **«О ничтожестве литературы русской»**, **А.С. Пушкин** писал: «России определено было высокое предназначение. Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы, варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся Просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией. **Но Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна.**»

Что касается отдаленных последствий монгольского нашествия, то здесь существует три основных точки зрения. Одни историки, в том числе все «евразийцы» (**Н. Карамзин, Н. Костомаров, Н. Трубецкой, Г. Вернадский**), считали, что монгольское нашествие и владычество монголов на Руси имело огромное позитивное значение, которое выразилось в создании единого Российского государства. Другие авторы (**С. Соловьев, В. Ключевский, С. Платонов**) говорили об очень незначительном воздействии монголов на внутреннюю жизнь русских земель. Наконец, третья, самая многочисленная группа авторов (**Б. Греков, А. Якубовский, А. Насонов, В. Каргалов, А. Каргалов**), утверждала, что монголы оказали очень заметное, но не определяющее значение на развитие русских земель, а создание единого Русского государства произошло не благодаря, а вопреки монголам.

4. Военно-политическая ситуация на Северо-Западной Руси

а) Создание духовно-рыцарских Орденов и завоевание Прибалтики

В 1198 г. немецкие рыцари **Тевтонского Ордена**, созданного в землях поморских славян, продолжив свою политику «drang nach osten», начали агрессию против соседних балтских племен **пруссос, литов, жмуди, ятвягов, аукштайтов** и других, живших на южном и восточном побережье Балтийского моря. Уже в 1201 г., захватив значительную территорию Прибалтики, в устье Западной Двины крестоносцы основали город **Ригу**, который стал главным духовным и военно-административным центром крестоносцев в этом регионе. Затем, в 1202 г. ливонский епископ **Альберт Буксгевден** основал здесь новый духовно-рыцарский **Орден Меченосцев**, специальную буллу о признании которого издал римский папа **Иннокентий III**. Именно с его благословения меченосцы продолжили свое движение на восток и в 1206 г. основали новый город **Венден**, который стал резиденцией первого магистра Ордена, саксонского барона **Вино фон Рорбаха (1202–1209)**. После его гибели новым магистром Ордена стал барон **Фольквин фон Наумбург (1209–1236)**, который продолжил движение на восток и вскоре меченосцы вместе с датскими крестоносцами оккупировали всю территорию **Центральной и Северной Прибалтики**, основав в 1219 г. новый город **Ревель**.

Естественно, что агрессивная политика меченосцев создала реальную угрозу безопасности пограничных русских земель. Поэтому в 1217–1224 гг. новгородские и псковские князья **Всеволод Мстиславич, Всеволод Юрьевич, Ярослав Всеволодович** и **Владимир Мстиславович** были вынуждены постоянно отражать нашествия крестоносцев и ходить ответными походами на **Венден** и **Ревель**. Но в 1224 г. после взятия крестоносцами **Юрьева (Дерпта)**, в Прибалтике установилось относительное перемирие, которое продлилось несколько лет.

В 1232 г. новый римский папа **Григорий IX** призвал крестоносцев возобновить натиск на восток и начать новый **Северный крестовый поход (1233–1236)**. Однако зимой 1234 г. тогдашний новгородский князь **Ярослав Всеволодович** отбил натиск крестоносцев, вторгся во владения Ордена и «иде на немци под Юрьев, и ста не дошед города, виша их на реце на Омовыже, и немци обломишася». Затем, летом 1236 г., литовский князь **Миндовг (1248–1263)** нанес сокрушительное поражение меченосцам под **Шауляем**, где погиб сам магистр Ордена **Ф. Наумбург**. Эта военная катастрофа заставила крестоносцев приостановить агрессию в Прибалтике и объединить свои силы. В 1237 г. по инициативе императора Священной Римской империи **Фридриха II Тевтонский Орден** и **Орден Меченосцев** объединились в **Ливонский Орден (1237–1561)**, первым магистром которого стал барон **Герман фон Балк**. Затем, в декабре 1237 г., римский папа **Григорий IX** благословил новый **Северный крестовый поход**, а уже в июне 1238 г. датский король **Вальдемар II** и магистр Ордена **Г. Балк** договорились о разделе **Эстляндии** и начале совместных военных действий против Руси с участием шведских наемников, которые уже давно совершали набеги на побережье **Финского залива**.

Справедливости ради следует сказать, что в настоящее время ряд либеральных авторов (**И. Данилевский, Д. Хрусталеv, А. Нестеренко, Ю. Пивоваров, Дж. Феннел**) стали отрицать агрессивный характер политики немецких крестоносцев и утверждают, что сами новгородцы зачастую проявляли непомерную агрессивность

в соседних прибалтийских землях, жертвой которых стали коренные балтийские и финно-угорские племена. Однако эта предвзятая оценка, конечно, носит явно пропагандистский, а не строго научный характер.

б) Агрессия шведов против Новгорода. Невская битва (15 июля 1240 г.)

Именно в это тревожное время новым новгородским князем стал старший сын Великого владимирского князя **Александр Ярославич (1221–1263)**. Прекрасно понимая сложившуюся ситуацию, молодой новгородский князь пошел на сближение с другими русскими князьями и уже в **1239 г.** заключил брак с дочерью полоцкого князя **Брячеслава Васильковича Александрой**. Безусловно, этот брачный союз во многом носил чисто политический характер, поскольку в лице полоцкого князя **Александр** приобрел верного союзника в борьбе с ливонской угрозой. Более того, свою свадьбу он сыграл в пограничном **Торопце**, где сумел примирить своего тестя, князя **Брячеслава**, со смоленским князем **Всеволодом Мстиславичем**.

Однако подготовка к войне с **Ливонским Орденом** неожиданно была прервана новым нашествием северных германцев и союзных им финнов на **Новгородскую Русь**. Как повествует летописная «**Повесть о житии Александра Невского**», летом **1240 г.** «**придоша свен в силе велице, и мурмане, и сүмь, и емь в кораблихъ множество много зело, свен съ княземъ и съ епискупы своими, и стаха в Неве ұстье Ижеры, хотяче восприяти Ладогү, просто же рекү и Новъгородъ и всю область Новгородскую**». Кем был этот шведский «князь», о котором повествует автор «**Повести**», до сих пор не вполне ясно. Поэтому одни историки (**Н. Костомаров**) утверждают, что им был зять шведского короля **Эрика Шепелявого (1222–1250)** ярл **Биргер Магнуссон**. Однако другие авторы (**И. Шаскольский**) полагают, что предводителем шведов был **Ульф Фасе**, который именно тогда и был шведским ярлом, т.е. главой королевского правительства.

Тем временем князь **Александр**, узнав от союзных ижорцев о приходе шведов в **Неву**, «**понеде на нихъ в мале дружине, не съждався с многүю силою своею**». Именно в этом важном обстоятельстве ряд историков (**В. Пашуто, А. Кирпичников**) усмотрели весь план князя **Александра**, цель которого состояла в том, чтобы не допустить шведов к **Ладоге** и внезапно напасть на их полевой лагерь в устье реки **Ижоры**. Судя по летописным источникам, в составе войска князя **Александра** было всего пять полков: его «княжой двор» или «низовская» дружина, три новгородских дружины **Гаврилы Алексича, Збыслава Якуновича и Миши Новгородца**, а также ладожские ополченцы, предводитель которых остался безымянным. Исходя из житийного описания **Невской битвы**, которая состоялась **15 июля 1240 г.**, она началась с традиционной тактики боя, принятой в раннем средневековье. Сперва вооруженные отряды русских ратников и шведов, построенные в эшелонированный боевой порядок, периодически сходились и расходились друг с другом, пытаясь нарушить «лицевой» строй своего врага. Долгое время это не удавалось сделать ни одной из сторон, однако в середине битвы новгородские «копейщики» во главе с самим князем **Александром**, смяли шведский «лицевой» строй, потопили несколько шведских кораблей и разгромили их базовый лагерь, уничтожив там «златоверхий шатер» самого ярла и епископа. В результате этого разгрома шведы «**в т҃у ноцѣ, не дождавшѣ света понедеѣльника, посрамлени отъндоша**».

О том, какова была численность русского и шведского войска, принимавшего участие в **Невской битве**, можно судить лишь по косвенным данным, которые соддержаться в **Синодальном списке Новгородской Первой летописи**. В частности, здесь говорится о том, что у шведов «**ѹбненъ бысть воевода ихъ, а нини творяху, яко и епискупъ ѹбненъ бысть ту же, и множество много ихъ паде, и накладше корабля два вятшихъ мужъ, преже себе пѹстиша и к морю, а прокъ ихъ, ископавше ямѹ, вметаша в ню вещицла; а нини мнози язвыни быша**». Тот же источник приводит данные и о потерях русских ратников: «**всехъ двацать мужъ с ладожанами, или мне, бог вестъ**». Вероятно, в этом подсчете были учтены, прежде всего, «**вятские мужи**», поэтому, конечно, реальные потери русского войска были совершенно иными. Однако вряд ли общая численность всех участников **Невской битвы** была больше нескольких сотен человек. Но ведь, именно такими малыми дружинами и велись практически все феодальные войны той поры. Похоже, что **Невская битва** также не отличалась грандиозностью своего размаха и большим числом ее участников.

Именно это обстоятельство побудило целый ряд современных авторов, презрев все исторические факты, кардинальным образом пересмотреть всю прежнюю оценку этого события. Одни авторы, у которых явные проблемы с психическим здоровьем или с совестью (**А. Нестеренко**), стали вообще отрицать сам факт **Невской битвы**, а другие авторы (**И. Данилевский, Дж. Феннел**) стали утверждать, что так называемая «**Невская битва**» была вполне заурядным событием, историческая значимость которого была сознательно раздута в «**Повести о житии Александра Невского**», созданной под диктовку митрополита **Кирилла (1242–1281)**, который в противостоянии с католическим престолом преследовал сугубо политические цели. При этом пациент **А.Н. Нестеренко**, абсолютно не согласуясь с логикой собственного фолианта «**Александр Невский: кто победил в Ледовом побоище**» (2006), в самом конце этой книжонки походя заявил, что победу в **Невской битве**, которую он сам же отрицал, одержал не **Александр Невский**, а мифический князь **Андрей Александрович**. Этот бред просто трудно комментировать. Если этот лунатик-фантас т имел в виду младшего брата **Александра Невского**, князя **Андрея**, то естественно его отчество было **Ярославич**, а если он имел виду его сына **Андрея Александровича**, то он родился только в **1255 г.**

Однако куда большее возмущение вызывают «научные» открытия господина **Ю.С. Пивоварова**, который, на минуту, целый академик **РАН** по отделению историко-филологических наук. В **2012 г.** в своем интервью известному русофобскому журналу «**Профиль**» он дословно заявил следующее: «а **Ледовое побоище** — всего лишь небольшой пограничный конфликт, в котором **Невский** повел себя, как бандит, напав большим числом на горстку пограничников. Так же неблагородно он поступил и в **Невской битве**, за что и стал **Невским**. В **1240 году** он, пробравшись в ставку шведского ярла, правителя **Биргера**, сам выбил ему копьём глаз, что среди рыцарей считалось не комильфо».

Все комментировать, конечно, не буду, поскольку каждое слово, произнесенное в этом интервью, абсолютно сознательная ложь. Однако этому «академическому» прохвосту скажу одну элементарную вещь, известную любому студенту-первокурснику истфака: в русских летописях «лицом» назывался передовой строй любого (своего или неприятельского) войска, а не физиономия конкретного исторического персонажа, поэтому, когда древнерусский летописец писал, что «**Александр само-**

мү королевн Бергелю возложи печать на лице острым своим копием», то он имел в виду, что в ходе **Невской битвы** новгородские «копейщики» во главе с князем **Александром Невским** смяли шведский «лицевой» строй во главе с ярлом **Биргером**, потопили несколько шведских кораблей и разгромили их базовый лагерь, где уничтожили «златоверхий шатер» королевского ярла и шведского епископа. Так что, «не комильфо», мистер **Ю.С. Пивоваров**, называть себя историком, не зная даже того, что знают юные любители истории и студенты-первокурсники истфака.

Между тем, как верно отметили многие историки (**В. Пашуто, И. Шаскольский, А. Кузьмин, Ю. Бегунов, А. Кирпичников, А. Горский**), незначительный масштаб **Невской битвы** совершенно не снижает ее судьбоносного значения для всей Руси, поскольку, одержав блестящую победу над шведами, **Александр Невский**: 1) сохранил выход в **Балтийское море**, 2) остановил продвижение шведов на **Ладогу** и **Новгород** и 3) предупредил опасность скоординированных действий **Швеции** и **Ливонского Ордена** на территории **Новгородской Руси**.

в) Агрессия крестоносцев против Новгорода. Ледовое побоище (5 апреля 1242 г.)

После победоносного возвращения в **Новгород Александр Невский**, вероятнее всего, попытался побудить новгородскую верхушку занять более твердую позицию в отношении **Ливонского Ордена**, который вторгся в западные пределы **Новгородской Руси**. Однако новгородские бояре во главе с посадником **Степаном Твердиславичем** не поддержали молодого князя и «тое же зимы выиде князь Олександр из Новгорода ко отцю в Переяславль с матерью и с женою, и со всем двором своимъ».

Между тем, уже в **августе 1240 г.** **Новгороду** пришлось столкнуться с новой агрессией крестоносцев, которые во главе с вице-магистром **Ливонского Ордена** бароном **Андреасом фон Вельвеном** и псковским князем-изгоем **Ярославом Владимировичем** вторглись в пределы новгородской земли. Довольно быстро взяв **Изборск**, они осадили **Псков**, но «истояше под городом неделю, но города не взяша, но дети поимаше у добрых муж, и отъидоша прочее». Однако уже в **сентябре 1240 г.**, не получив поддержки от новгородцев, прогерманская партия местного боярства, чадь которых были взята в заложники крестоносцами, добровольно сдала **Псков** на милость победителю. Причем, как повествует анонимный летописец, псковский посадник **Твердила Иванкович** «сам поча владети Пльсковомъ с немцами». Затем, «приидоша немци и чюдъ на водъ, и повоеваша все, и дань на них възложиша, и срувиша городъ въ Копорин», вошли на территорию **Шелонской пятины**, «поимаша по Луге вси кони и скот, не lze вjаше орати по селом и нечим». Погром и разграбление этой крупной новгородской волости, в результате которого местные смерды даже не могли обработать пахотную землю, реально угрожал всем новгородским волостям страшным голодом.

В этих обстоятельствах сам новгородский архиепископ **Спиридон** «со многи бояры» спешно выехал во **Владимир** к Великому князю **Ярославу** и упросил его отпустить на новгородское княжение **Александра** и «забыти вси вины Новгорода». В начале **1241 г.** **Александр Невский** со своим «княжом двором» срочно прибыл в **Новгород** и, быстро собрав ополчение из новгородцев, ладожан, корелы и ижорян, изгнал немцев из новгородских пределов и пошел походом на **Копорье**. Стратегическое значение этой крепости было поистине огромным, поскольку, обладая этим

форпостом, крестоносцы не только могли безнаказанно грабить новгородские земли, но и преградить выход в **Финский залив**, лишив сам **Новгород** всей балтийской торговли, которая была основным источником огромного богатства многих новгородских купцов и бояр. Именно поэтому **Александр Невский** «изверже сей град из основание, а самих немец изби, а иных с собою приведе в Новгород, а вожан и чюдцу переветников извеша».

Безусловно, победа под **Копорьем** имела огромное моральное значение, поскольку полный разгром крестоносцев и суровая казнь всех изменников вдохнули новые силы в сторонников **Александра Невского**. Потому отбить у крестоносцев **Псков** оказалось более простой задачей, чем представлялось ранее. В **марте 1242 г.**, получив от своего отца Великого князя **Ярослава** «низовскую дружину», которую возглавил его младший брат **Андрей**, **Александр Невский** двинулся на **Псков**, и едва новгородско-суздальская рать подошла к крепостным стенам города, псковичи тут же свергли посадника **Твердилу** и открыли ворота своей крепости новгородскому князю.

После этого **Александр Невский** вступил во владения **Ливонского Ордена** и пошел походом на **Дерпт**. Однако, когда сторожевой отряд новгородских ополченцев, шедший в авангарде основных войск, был разбит крестоносцами под **Дерптом**, **Александр Невский** решил отступить к **Чудскому озеру** и дожидаться закованных в латы крестоносцев на подтаявшем апрельском льду. Этот блестящий стратегический замысел новгородского князя, безусловно, говорил о его незаурядном полководческом таланте.

5 апреля 1242 г. у **Вороньего камня** в протоке **Узьмень** на **Чудском озере**, состоялось знаменитое **Ледовое побоище**. Надо сказать, что летописные и житийные свидетельства об этом сражении еще более скудны и лаконичны, чем о **Невской битве**, поскольку в них отсутствует какая-либо информации о количестве и расстановке русских полков и истинных замыслах князя **Александра Невского**. Однако недостающие подробности **Ледового побоища** отчасти можно восполнить из сообщений так называемой «**Старшей Ливонской Рифмованной хроники**», созданной в **конце XIII в.**

Как полагают современные историки (**А. Кирпичников**, **Д. Хрусталеv**), можно предположить, что в составе русского войска было, как минимум, три конных полка, состоящих из суздальцев, новгородцев и псковичей. Кроме того, в его составе был отдельный пеший отряд лучников, который и принял на себя первый удар крестоносцев в ходе этого сражения. Что касается немецкого войска, то хорошо известно, что его костяк составляли пять хоругвий (шеренг) тяжеловооруженных рыцарей-крестоносцев, построенных в виде своеобразного клина или «железной свиньи». Вторая часть этого войска состояла из четырех, значительно более крупных, хоругвий (шеренг), включавших в свой состав не только конных крестоносцев, но и кнехтов-пехотинцев. Причем, среди этих кнехтов находилась и боевая свита рыцарей, куда входили их оруженосцы, лучники или арбалетчики. Эта рыцарская свита составляла самую низшую войсковую единицу — «копье», численность которой составляла всего несколько человек.

По мнению ряда военных историков (**Е. Разин**, **Г. Караев**), к явным достоинствам колонно-клиновидной хоругви крестоносцев относились ее сплоченность, фланговая прикрытость клина, таранная сила первого удара и четкая управляемость во время боя. Кроме того, боевой строй такой хоругви был удобен и для передви-

жения, и для завязки самого боя. Хотя, этому же строю были присущи и большие недостатки, поскольку в ходе боя первыми из строя выводились сами крестоносцы, которые практически не могли сражаться в пешем строю. Что касается кнехтов, то во время схватки их рыцарей они находились в выжидательно-пассивном состоянии и слабо влияли на ее результат.

Безымянный автор «**Повести о житии Александра Невского**» в довольно точных, но вполне привычных выражениях повествует о **Ледовом побоище**: «и бысть сеча зла, и трѹск от копий ломлення, и звѹк от сечения мечнаго, яко же и езеру промерзъшѹ двигнѹтися, и не бе видети ледѹ, покры бо ся кровию». Однако как развивалось это сражение можно только гадать, поскольку известен лишь его переломный этап. По утверждению «**Ливонской Рифмованной хроники**», когда «братья-крестоносцы» одолели передовой отряд новгородских лучников, они ввязались в бой с центральным полком конных копейщиков и перешли в рукопашную схватку с применением клинкового оружия. В это время два других русских полка ударили по флангам «рыцарской свиньи», рассеяли кнехтов и взяли крестоносцев в клещи. Окруженные крестоносцы, не смогли сохранить свой боевой строй и перестроиться для новых атак, в результате чего **«победи Александр, и гони по ледѹ 7 верст, секочи их»**.

При изучении **Ледового побоища** в центре внимания современных историков остаются две основных проблемы: 1) каковы были потери крестоносцев и 2) кто сыграл решающую роль в их разгроме.

1) О численности русских и немецких войск, участвовавших в **Ледовом побоище**, достоверных сведений почти нет. В частности, **Новгородская Первая летопись старшего извода** сообщает, что в ходе этого сражения **«паде чюдн вѣщисла, а немецъ 400, а 50 рѹками яша и приведоша в Новѹгородѹ»**. Одни историки (**И. Шаскольский, Ю. Бегунов, В. Пашуто, А. Кузьмин**) в целом согласились с этой оценкой и считают, что **Ледовое побоище** по своим масштабам и значению было более значительным, чем **Невская битва**. Однако их оппоненты (**А. Кирпичников, Л. Гумилев, И. Данилевский, Дж. Феннел**), ссылаясь на данные «**Ливонской Рифмованной хроники**», утверждают, что масштабы этой битвы были сильно преувеличены, и реально в **Ледовом побоище** погибло только **20 рыцарей** и около **60 кнехтов**. При этом одни сторонники этого подхода (**А. Кирпичников, Л. Гумилев, А. Горский**), невзирая на это обстоятельство, считают, что это отнюдь не снижает огромного значения этой битвы, поскольку она обозначила крушение всех захватнических планов **Ливонского Ордена** в отношении русских земель. Другие же сторонники этого подхода (**И. Данилевский, Дж. Феннел**) считают, что **Ледовое побоище** было совершенно незначительным историческим событием, значимость которого была сознательно раздута в чисто пропагандистских целях. Про фактически аналогичную точку зрения «академика» **Ю.С. Пивоварова**, заявившего о том, что «**Ледовое побоище** — всего лишь небольшой пограничный конфликт, в котором **Невский** повел себя, как бандит, напав большим числом на горстку пограничников», мы уже писали и всего на одном конкретном факте показали всю «великую» ученость этого «историка». Ну и, наконец, как говорится на закуску, скажем, что известный пациент **А.Н. Нестеренко** вообще называет **Ледовое побоище** «выдуманной битвой», но комментировать сей бред, мы уже не будем и оставим его для оценки специалистам «в белых халатах».

2) Традиционная точка зрения, которая полностью основана на исторических источниках, состоит в том, что победу на **Чудском озере** одержали «низовские»

дружины **Александра Невского** и его брата, суздальского князя **Андрея Ярославича**, а так же новгородские, псковские, ладожские, корельские и ижорские ополченцы. Однако ряд современных «евразийцев», прежде всего, сам **Л.Н. Гумилев**, утверждает, что решающую роль в **Ледовом побоище** сыграла монгольская конница, которую **Батый** прислал на помощь **Александру Невскому**. Нам уже приходилось говорить, что практически все «евразийцы» совершенно беспардонно обращаются с историческими фактами, но, безусловно, этот гумилевский перл, превзошел все его прежние фантастические построения. Во-первых, как известно, в это время вся монгольская орда **Батыя** находилась на территории **Венгрии** и **Хорватии**. Во-вторых, в это время никакого военного русско-ордынского военного союза, о котором постоянно твердили и твердят «евразийцы», просто не существовало в помине, поскольку отсутствовал один из субъектов этого союза в лице **Золотой Орды**, реально возникшей только в **1243 г.**

Осенью 1242 г. ливонцы «с великими поклоном» просили **Александра Невского** принять своих послов, которые заявили новгородскому князю, «**что осмы зашли Водь, Лүгү, Пльсков, Лотыголү мечем, того ся всего отступаем**». В результате между **Новгородом** и **Ливонским Орденом** был подписан мирный договор, который соблюдался вплоть до **1253 г.**, пока немцы вновь не отважились воевать русские земли. Однако новые вторжения на Новгородскую Русь носили зачастую частный характер, поскольку основным объектом крестоносной агрессии вновь стали Польша и Литва.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев С.В.* Ярослав Мудрый самовластец Киевской Руси. М., 2006
Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по антропологическим данным. М., 1973
Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914
Баран В.Д. Ранние славяне между Днестром и Припятью. К., 1972
Бегунов Ю.К. История Руси: с древнейших времен до Олега Вещего. СПб., 2007
Бегунов Ю.К. История Руси: от Игоря Старого до начала XIII в. СПб., 2012
Бегунов Ю.К. Александр Невский. М., 2012
Боровков Д.А. Тайна гибели Бориса и Глеба. М., 2009
Боровков Д.А. Владимир Мономах, князь-мифотворец. М., 2015
Боровков Д.А. Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. М., 2015
Брайчевский М.Ю. Происхождение Руси. К., 1968
Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К., 1989
Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999
Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М., 1997
Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. М., 1961
Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский. М., 2007

- Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. М., 2002
- Галкина Е.С.* Русский каганат без хазар и норманнов. М., 2012
- Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. М., 2004
- Горелик М.В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002
- Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006
- Горский А.А.* Древнерусская дружина. М., 1989
- Горский А.А.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992.
- Горский А.А.* Русские земли в XII–XV веках: пути политического развития. М., 1996
- Горский А.А.* От славянского расселения до Московского царства. М., 2004
- Греков Б.Д., Якубовский А.А.* Золотая орда и ее падение. М., 1950
- Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953
- Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952–1954
- Грот Л.П.* Призвание варягов: норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. М., 2012
- Грот Л.П.* «О Руслагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии». М., 2012
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992
- Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001
- Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001
- Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994
- Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985
- Еремин И.П.* Литература Древней Руси. М., 1966
- Зимин А.А.* Холопы на Руси. М., 1973
- Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999
- Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008
- Зализняк А.А.* Из заметок о любительской лингвистике. М., 2010
- Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь XIII век. М., 1966
- Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967
- Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М., 2004
- Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2005
- Карпов А.Ю.* Юрий Долгорукий. М., 2006
- Карпов А.Ю.* Княгиня Ольга. М., 2012
- Карпов А.Ю.* Андрей Боголюбский. М., 2014
- Киричников А.Н.* Две великих битвы Александра Невского. // Александр Невский и история России. Н., 1996
- Клейн Л.С.* Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004
- Клейн Л.С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009
- Кожин В.В.* История Руси и русского слова: современный взгляд. М., 2000
- Королев А.С.* Загадки первых русских князей. М., 2002
- Королев А.С.* Святослав. М., 2011

- Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М., 1973
- Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987
- Комеч А.И.* Каменная летопись Пскова XII — начала XVI в. М., 1993
- Комеч А.И.* Русские монастыри. История и культура X—XVII столетия. М., 2001
- Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси. К., 1985
- Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская Русь. К., 1988
- Котляр Н.Н.* Галицко-Волынская летопись XIII в. К., 1993
- Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998
- Кривошеев Ю.В.* Социальная борьба в Северо-Восточной Руси в XI — начале XIII вв. Л., 1988
- Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. СПб., 1999
- Кривошеев Ю.В.* Гибель Андрея Боголюбского: историческое расследование. СПб., 2003
- Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М., 1989
- Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. М., 1965
- Кузьмин А.Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Р., 1969
- Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977
- Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. М., 1988
- Кузьмин А.Г.* Начало Руси: тайны рождения русского народа М., 2003
- Кузьмин А.Г.* История России с древнейших времен до 1618 г. М., 2003
- Кузьмин А.Г.* Мародеры на дорогах истории. М., 2005
- Кузьмин А.Г.* Крещение Киевской Руси. М., 2012
- Кусков В.В.* История древнерусской литературы. М., 1989
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984
- Кучкин В.А.* Русь под игом: как это было. М., 1991
- Лазарев В.Н.* Искусство Древней Руси. Мозаики и фрески. М., 1973
- Лазарев В.Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVII в. М., 1983
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005
- Лимонов Ю.А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967
- Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987
- Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1947
- Лихачев Д.С.* Возникновение русской литературы. Л., 1952
- Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973
- Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978
- Ловмянский Х.* Норманны и Русь. М., 1985
- Ляпушкин И.И.* Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. М., 1968
- Мавродин В.В.* Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1961
- Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1971
- Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. Л., 1978
- Малет Е.И.* Хождения русских путешественников XII—XV вв. М., 2000
- Меркулов В.И.* Откуда родом варяжские гости. М., 2005

- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001
- Насонов А.Н.* Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. М., 1940
- Насонов А.Н.* Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII вв. М., 1969
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990
- Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950
- Пашуто В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1956
- Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968
- Пашуто В.Т.* Александр Невский. М., 1974
- Петров А.В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы. СПб., 2003
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. М., 1995
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967
- Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982
- Плетнева С.А.* Хазары. М., 1986
- Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М., 2000
- Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). В., 2003
- Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940
- Приселков М.Д.* Княжое право в Древней Руси. М., 1993
- Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003
- Пчелов Е.В.* Рюриковичи. История династии. М., 2002
- Пчелов Е.В.* Рюрик. М., 2010
- Пчелов Е.В.* Рюрик и начало Руси. М., 2012
- Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X-первой половине XIII в. М., 1977
- Рапов О.М.* Русская церковь IX – первой трети XII в. М., 1998
- Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966
- Русанова И.П.* Славянские древности VI–VII вв. М., 1976
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948
- Рыбаков Б.А.* Первые века русской истории. М., 1964
- Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971
- Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972
- Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М., 1979
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1980
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993
- Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980
- Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1991
- Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества. Л., 1983
- Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988
- Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995

Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012

Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–IX вв. М., 1990

Тимощук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995

Тихомиров М.Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953

Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955

Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956

Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975

Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979

Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. К., 1987

Толочко П.П. Киевская Русь. К., 1996

Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003

Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. М., 2003

Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная? М., 2005

Толочко П.П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. СПб., 2011

Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953

Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. М., 1970

Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древних славян. М., 1991

Трубачев О.Н. К истокам Руси (заметки лингвиста). М., 2005

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304 гг. М., 1989

Фомин В.В. Варяги и Варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005

Фомин В.В. Голый конунг: норманизм как диагноз. М., 2013

Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990

Фроянов И.Я. Русский былинный эпос. М., 1995

Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996

Фроянов И.Я. Начала русской истории. М., 2001

Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012

Черепнин Л.В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. М., 1948

Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси. // ВИ., 1953, № 4

Черепнин Л.В. Спорные вопросы истории феодальной собственности. // Пути развития феодализма. М., 1972

Хрусталева Д.Г. Русь от нашествия до «ига» (30–40-е гг. XIII в.). СПб., 2008

Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2010

- Шаскольский И.П.* Норманнская теория в современной буржуазной науке. Л., 1965
- Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978
- Шаскольский И.П.* Антинорманизм и его судьбы. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983.
- Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908
- Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916
- Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976
- Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989
- Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939
- Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949
- Юшков С.В.* «Русская Правда». Происхождение, источники, ее значение. М., 1950
- Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981
- Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991
- Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 2003
- Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте. М., 2004
- Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008

Тема: РУСЬ И ОРДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – НАЧАЛЕ XIV ВВ.

План:

1. Установление вассальной зависимости Руси от Золотой Орды.
2. Политическая ситуация в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII – начале XIV вв.
3. Земли Южной и Юго-Западной Руси во второй половине XIII – середине XIV вв.
4. Предпосылки и этапы объединения русских земель вокруг Москвы.

1. Установление вассальной зависимости Руси от Золотой Орды

В 1243 г. после возвращения в **Половецкую Степь** в границах отцовского улуса, существенно возросшего за счет завоеванных земель и пока еще входившего в состав **Великой Монгольской империи**, хан **Батый** создал новое государственное образование, которое получило название «**Улу Улус**». В русских летописных сводах это государство обычно называли «**Орда**», в европейских хрониках — «**Татария**», а в арабских и персидских источниках гораздо чаще употребляли старое название этой территории — «**Дешт-и-Кыпчак**», то есть **Половецкая Степь**. Причем, широко распространенное в научной и учебной литературе название этого государства «**Золотая Орда**», впервые появилось только в «**Казанском летописце**», который был создан в **середине XVI в.**, когда это государство давно перестало существовать.

В состав нового государственного образования, столицей которого стал город **Сарай-Бату**, основанный в низовьях **Волги**, вошли **Половецкая Степь**, **Крым**, **Нижнее и Среднее Поволжье**, **Южный Урал** и **Западная Сибирь**. Однако все земли разоренных русских княжеств, вопреки устоявшемуся мнению, в состав этого государства не вошли, поскольку: **1)** они не были оккупированы монгольскими войсками и **2)** монголы не стали создавать здесь постоянную администрацию, сохранив прежний порядок управления. Между тем, практически все русские земли вынуждены были признать **вассальную зависимость** от Орды, основными элементами которой стали: **1)** получение **ханских ярлыков**, то есть особых письменных грамот на великое и удельные княжения и **2)** уплата **дани** в виде «**ордынского выхода**» или «**черного бора**». Таким образом, привычное понятие «**татаро-монгольское иго**» («**варварское иго**»), введенное в «научный» оборот в **конце XV–XVI вв.** польским дипломатом и хронистом **Я. Длугошем** и профессором Краковского университета **М. Меховским**, а затем, в **начале XIX в.**, реанимированное **Х. Крузе**,

П.Н. Наумовым и Н.М. Карамзиным, нуждается в серьезной переоценке, однако отнюдь не в той, которую предложили современные «евразийцы». В частности, их признанные «гуру» **Л.Н. Гумилев** и **В.В. Кожин** постоянно писали о том, что ордынская дань была не формой вассальной зависимости русских земель от Орды, а обычной платой за наем русскими князьями первоклассной ордынской конницы в борьбе с католическим Западом. Более того, постоянный мотив их многочисленных публикаций состоял в том, что при татарах русским людям жилось столь же привольно, как и до мифического монгольского нашествия, «ужасы» которого были непомерно раздуты под пером древнерусских летописцев.

Эти спекуляции современных «евразийцев» во многом связаны с тем обстоятельством, что вопрос о реальных размерах ордынской дани в исторической литературе в полной мере не разработан до сих пор. Основная причина подобной ситуации недоверие к уникальным данным первого русского историка **В.Н. Татищева**, который имел в своем распоряжении не дошедшие до нас летописные своды. Между тем, в одном из таких сводов содержалась прямое свидетельство о том, что «ордынский выход» в Сарай составлял по «*полугривне с сохи, а в сохе числиша два мужи работни*». Один из крупнейших советских историков академик **Б.Д. Греков**, написавший вместе с известным профессором-востоковедом **А.Ю. Якубовским** классический труд «*Золотая Орда и ее падение*» (1950), согласился с тем, что податной единицей «ордынского выхода» действительно была «соха», однако он усомнился в том, что она могла обрабатываться только двумя пахарями. Между тем, тесная взаимосвязь между площадью пахотной земли, количеством рабочего скота и рабочих рук предполагалась всегда. В частности, в одной из новгородских грамот пояснялось, что «*в соху два коня, а третье припряжь*», а в другой новгородской грамоте было сказано, что «*три обжа соха, а обжа один человек на одной лошади орет*» (пашет — Е.С.), а кто на трех лошадех и сам третьей орет, ино то соха». При этом достоверно известно, что средний земельный надел, который могли обработать 2–3 пахаря на лошадях, составлял примерно 7–8 десятин земли, а средний валовой сбор зерна с такой «сохи» составлял порядка 160–220 пудов в год.

Не трудно предположить, что упомянутая в летописи полугривна представляла собой отрубленную часть целой новгородской гривны или так называемый рубль, который вскоре станет основной счетной единицей во всей Средневековой Руси. При этом, как установил профессор **Н.П. Павлов**, в начале XV в. на один рубль можно было купить примерно 90–250 пудов зерна. Таким образом, годовая ордынская дань с одной «сохи» в размере одного рубля представляла собой самый настоящий грабёж, который практически не оставлял возможности для простого воспроизводства натурального продукта, поэтому можно только удивляться, как люди выживали в годы ордынского владычества.

Также хорошо известно, что «соха» не была единственной формой обложения русских земель. В тех же новгородских грамотах содержится перечень равноценных замен «сошной дани» для промыслового населения новгородских земель, в частности «двор», «дом», «невод», «кузня», «лавка» и т.д. Между тем, профессор **В.В. Каргалов**, детально изучавший этот вопрос, насчитал 14 видов различных даней в виде **ясака** (мягкой рухляди), **тамги** (торговой пошлины), **хараджа** (плужной пошлины) и других. Причем, «ордынский выход» довольно часто выражался и в воинской повинности, и в содержание многочисленных татарских посольств,

которые месяцами жили постоем на Руси, взимая так называемую «туску», размер которой вообще не был регламентирован. Поэтому содержание таких посольств зачастую обходилось дороже самого «черного бора» и именно эта «туска» была причиной многих антиордынских восстаний на Руси.

Что касается ежегодной суммы «ордынского выхода», который платился со всех русских земель, то в летописных сводах достоверных данных на сей счет, нет. Однако в «Духовной грамоте» удельного серпуховского князя **Владимира Андреевича**, датированной **1402 г.**, было прямо указано, что Великий князь ежегодно отправлял в Сарай дань в размере **5000 рублей серебром**. Крупнейший специалист по истории русско-ордынских отношений, автор фундаментальной монографии «**Монголы и Русь**» профессор **А.Н. Насонов** сомневался в достоверности этого свидетельства, и считал, что размер «черного бора» был значительно выше указанной суммы. Другой известный специалист по данному вопросу, профессор **В.А. Кучкин** полагал, что размер ежегодной ордынской дани составлял порядка **15 000 рублей серебром**. Аналогичную точку зрения высказывал и профессор **А.Г. Кузьмин**, который обратил особое внимание на то, что серебряное содержание тогдашнего московского рубля было равноценно новгородской гривне, поэтому разумно полагал, что за прошедшее столетие размер ордынской дани существенно вырос и реально составлял порядка **3000 килограммов серебра** в год. С учетом того обстоятельства, что на Руси собственного производства серебра еще не существовало и весь его объем приходил на Русь только в результате внешнеторгового обмена, то эта сумма носила просто колоссальный размер.

Так на самом деле выглядело ордынское господство на Руси, и эти факты не так глубоко запрятаны, чтобы не заметить их, в том числе и нашим доморожденным «евразийцам». Однако они предпочитают этого не делать, что лишний раз доказывает всю умозрительность и спекулятивность их «научных» построений, а заодно демонстрируют их неуважение к памяти своих предков.

2. Политическая ситуация в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII – начале XIV вв.

Возвращение **Батия** в Половецкую степь хронологически совпало с политическим кризисом в Монгольской державе, который был связан с кончиной великого хана **Угэдэя (1229–1241)**. Новый претендент на ханский престол хан **Гуюк** встретил жесткое противодействие со стороны других потомков **Чингисхана**, в том числе и влиятельного хана **Батия**, которые отказались признать его права на отцовский престол. Поэтому фактическое управление империей сосредоточилось в руках его матери, великой хатун **Туракины (1241–1246)**, которая была женщиной хитрой, властной и коварной. К **Батю** она относилась с явной враждебностью и тот, очевидно, платил ей той же монетой. Во всяком случае, на все призывы **Каракорума** прибыть на новый курултай для выборов великого хана, он неизменно отвечал отказом, ссылаясь на свое нездоровье.

Судя по описанию **Батия**, которое содержалось в знаменитой «**Истории монголов**» папского легата **Плано Карпини**, он действительно был нездоров. Поэтому уже тогда был вынужден переложить часть своих властных полномочий на старшего сына **Сартака**, хотя основные нити управления по-прежнему держал в своих

руках. Естественно, что непростые отношения с **Каракорумом** требовали от **Батые** укрепления своих тылов, что заставило его изменить прежний способ поддержания господства в завоеванных русских землях и перейти от прямых репрессий к дипломатии монгольского типа, главным элементом которой был хорошо известный принцип «разделяй и властвуй».

По новым порядкам, установившимся в Орде, всех русских князей теперь утврждали в **Сарае**, поэтому в 1243 г. туда был вызван Великий владимирский князь **Ярослав Всеволодович (1238–1246)**. Первый его приезд в **Сарай** закончился вполне благополучно, поскольку он не только подтвердил свои права на великий владимирский престол, но и получил ярлык на великое киевское княжение. И хотя лежащий в руинах **Киев** фактически обезлюдел, он по-прежнему являлся центром русской митрополии, и это обстоятельство было особенно важным для **Ярослава**. По мнению многих историков (**А. Насонов, А. Кузьмин, А. Горский**), **Батый** предпочел именно его кандидатуру потому, что гораздо меньше доверял другим претендентам на великокняжеский престол, в частности **Михаилу Черниговскому** и **Даниилу Галицкому**, которые уже тогда стали активно контактировать с римским престолом и европейскими монархами.

Однако уже летом 1245 г. «великий князь **Ярослав**, и с своей братьею и с сыновци, поеха в Татары к **Батыеве**», откуда вскоре выехал в **Каракорум** для подтверждения своих прав на великокняжеский престол. К моменту его приезда в столицу Монгольской империи здесь, наконец-то, состоялся курултай монгольской знати, на котором новым великим ханом был избран **Гуюк (1246–1248)**. Летописные источники не содержат информацию о встрече князя **Ярослава** с великим ханом, но достоверно известно, что на приеме у хатун **Туракины** он был отравлен и умер вскоре после отъезда из **Каракорума**. Вероятно, гибель Великого князя была связана с тем, что монголы заподозрили его в связях с католическими эмиссарами, поскольку аналогичная судьба была уготована и черниговскому князю **Михаилу Всеволодовичу**, который был вызван **Батыем** в **Сарай**, где под предлогом его отказа пройти языческий обряд поклонения огню и монгольским идолам, был жестоко казнен.

Тем временем в самом **Владимире** великокняжеский престол занял младший брат убиенного **Ярослава** князь **Святослав Всеволодович (1246–1250)**, перебравшийся сюда из **Переяславля**, полностью опустошенного татарами в ходе второго похода на Русь. Каким образом он добыл отцовский престол не вполне ясно, но, вероятно, в столице Монгольской империи этот самовольный захват власти не признали, поскольку вскоре по приказу хана **Гуюка** в **Каракорум** были вызваны сыновья покойного князя **Александр** и **Андрей**. К моменту их приезда власть в империи опять переменялась и реальной правительницей в **Каракоруме** стала вдова великого хана **Огул Гаймыш (1248–1251)**. На сей раз великокняжеский ярлык был разделен, поскольку старший брат, новгородский князь **Александр** получил ярлык на великое княжение в **Киеве**, а младший брат, суздальский князь **Андрей**, — ярлык на великое княжение во **Владимире**. Однако, нарушив ханскую волю, **Александр** не поехал в разоренный **Киев**, а вернулся в **Новгород**, хотя великокняжеский титул сохранил и де-юре стал «старейшим» князем на Руси.

Сразу после этих событий в **Каракоруме** начался очередной раунд борьбы за власть, в котором принял активное участие и хан **Батый**. Вероятно, эти обстоятельства отвлекли его внимания от западных владений своего улуса, где вскоре

возник военно-политический союз двух русских князей. В 1250 г. Великий князь **Андрей** женился на дочери галицко-волинского князя **Даниила Устинии** и вошел в число руководителей «антиордынского союза», который всячески поддерживал католический Запад. Именно тогда по инициативе римского папы **Иннокентия IV** с **Даниилом** и **Андреем** начались переговоры об организации грандиозного крестового похода против монголов, но при условии, что глава русской митрополии **Кирилл** подпишет с папским престолом унию об объединении двух церквей. Однако переговоры с папскими легатами явно затянулись, поскольку реальных гарантий военной поддержки русских князей папские послы так и не дали.

Тем временем в **Каракоруме** был избран новый великий хан **Мункэ (1251–1259)**, который был возведен на ханский престол при активной поддержке **Батыя**. Это обстоятельство, наконец-то, развязало ему руки и позволило переключить внимание на покоренные русские земли, где возникла реальная угроза владычеству монголов. В 1252 г. по его прямому указанию темник **Куремса**, получив военные отряды из **Сарая**, обрушился на **Галицко-Волинскую Русь**. Однако **Даниилу Галицкому** удалось отбить нашествие монголов и отстоять свои карпатские города, хотя ряд степных равнинных земель он все же потерял.

Одновременно с нашествием **Куремсы Батый** послал на **Северо-Восточную Русь** рать темника **Неврюя**. Обстоятельства и причины этого похода до сих пор не вполне ясны, поскольку в разных летописных сводах представлены совершенно разные версии произошедших событий. Так, в утерянных списках **Никоновской** и **Ростовской летописей**, было сказано, что **Александр Невский** ездил в **Сарай** «и жаловался на брата своего великого князя **Андрея**, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему помал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на **Андрея** и повеле **Неврюю** салтану идти на **Андрея** и привести его перед себя». Многие историки (**С. Соловьев**, **В. Каргалов**, **В. Егоров**) восприняли эту летописную статью за истину, но не предали ей серьезного значения. Однако целый ряд авторов, напротив, уцепившись за эту летописную статью, сделали далеко идущие выводы, с диаметрально противоположными оценками. Практически все «евразийцы» (**Г. Вернадский**, **Л. Гумилев**) сразу смастерили целую теорию о том, что **Александр Невский** стал основателем русско-монгольского военного союза, который заложил прочный фундамент спасительного симбиоза русско-тюркской (евразийской) цивилизации, которая успешно отразила агрессию католического Запада. Однако их либеральные оппоненты (**Дж. Феннел**, **А. Сахаров**, **И. Данилевский**), напротив, тут же пригвоздили **Александра Невского** к «позорному столбу истории», окрестив Великого князя предателем русских национальных интересов и верным прислужником Орды.

Вместе с тем, ни в одном сохранившемся летописном своде приведенного выше текста нет, поэтому еще в позапрошлом веке ряд историков (**Н. Карамзин**, **М. Погодин**) справедливо усомнились в достоверности этой информации, а «евразиец» **Н.А. Клепинин** даже выступили в защиту **Александра Невского**. Более того, как установили ряд авторитетных историков (**А. Кузьмин**, **А. Горский**), этот летописный текст явно противоречил хорошо известному факту, что «выход» и «тамга» стали взиматься с русских земель только после того, как в 1257 г. монгольские «численники» провели их первую перепись. Есть и другие аргументы в пользу сторонников данной версии. В частности, **Новгородская Первая** и **Ипатьевская летописи** вообще

ничего не сообщают о нашествии **Неврюя**, а согласно **Рогожскому летописцу** и **Софийскому летописному своду «Неврюева рать»** была в 1251 г., то есть ровно за год до поездки **Александр Невского** в Орду. Поэтому по логике вещей, нашествие **Неврюя**, как и нашествие **Куремсы**, явилось непосредственной реакцией на военный союз князей **Даниила** и **Андрея**. Более того, как верно подметили **Н.А. Клепинин** и **А.Г. Кузьмин**, доносить в Орду на князя **Андрея** больше резона было у его родного дяди, князя **Святослава**, который был изгнан им с великокняжеского престола. Видимо, именно он и «заложил» строптивого племянника во время посещения **Сарая** в 1250 г.

Как известно, в отличие от князя **Даниила**, отбить «**Неврюеву рать**» князю **Андрею** не удалось, и монголы разорили многие волости и города **Северо-Восточной Руси**, прежде всего, родовое гнездо всех **Ярославичей** город **Переяславль-Залесский**. Потерпев сокрушительное поражение, он бежал «за море» и его дальнейшая судьба не вполне ясна. По глухим сообщениям одних летописей, князь **Андрей** был убит в каком-то сражении с немцами или эстами. По другим летописным источникам, в 1255 г. он вернулся на Русь «и прият его **Александр** с любовию, и хотяше ему **Сүздаль дати, но не смеяше царя**», не рискнул дать брату суздальский престол. Наконец, по третьим летописным свидетельствам, в 1256 г. «поеха князь **Андрей** на Городец и в Новград Нижний княжити. Князь же **Борис Василькович** ростовский иде в Татары со многими дары просити за **Андрея**. Также и князь **Александр Ярославич** посла послы своя в Татары со многими дары просити за **Андрея**. Князь **Борис Василькович** ростовский был у **Улавчия** и дары отдал, и честь многу прием, и **Андрею** прощение испроси, и возвратися со мновою честью в свою отчину».

Какова бы не была дальнейшая судьба **Андрея**, но сразу после его бегства из **Владимира**, в 1252 г. «иде **Александръ, князь Новгородскыи Ярославич** в Татары, и отпустиша и с честью великою, давшее ему старшинство во всей братии его князем». Вернувшись в стольный **Владимир**, **Александр Невский** был торжественно встречен митрополитом **Кириллом** и «гражданами с крестами, и высть радость в граде **Володимери** и по всей земли **Сүздальской**». Однако, несмотря на столь восторженный прием, запечатленный летописцем, весь период правления Великого князя **Александра Невского (1252–1263)** оказался очень непростым для русских земель, поскольку именно ему пришлось делать судьбоносный выбор между Западом и Ордой.

В 1255 г. в **Сарае** скончался хан **Батый**, и его старший сын **Сартак** отправился в **Каракорум**, где великий хан **Мункэ** признал его права на отцовский престол. Однако, возвращаясь в земли своего «**Улу Улуса**», он неожиданно скончался. Достоверные причины его смерти до сих пор окутаны тайной, но в восточных хрониках содержится вполне достоверная версия о том, что он стал жертвой очередной борьбы за власть и был отравлен собственным дядей, ханом **Берке**. Однако власть в **Сарае** досталась не ему, а вдове **Батыя** хатун **Буракчин**, которая стала регентшей при своем малолетнем внуке **Улагчи (1255–1257)**. Но после неожиданно смерти младенца она была казнена, и власть в **Сарае** захватил **Берке (1257–1266)**, который находился во враждебных отношениях с великим ханом **Мункэ**.

Большинство историков (**Б. Греков, А. Кузьмин, А. Горский, В. Егоров**) справедливо полагают, что утверждение **Берке** на ханском престоле стало поворотным пунктом во всей системе прежних отношений Орды и Руси, сложившихся при

Батые. Причина перемены этих отношений состояла в том, что «**тое же зимы приехаша численици, и счетоша всю землю Бұждальскую, и Рязанскую, и Люромьскую, и ставиша десятиники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Орду**». Сразу после проведения этой переписи на Руси была создана принципиально новая система управления во главе с **монгольскими баскаками**, главной функцией которых стал жесткий контроль за сбором ордынской дани со всех подвластных русских земель.

В 1258 г. аналогичную перепись населения монголы попытались провести и в новгородских землях, однако сделать это удалось не сразу, поскольку, когда «**приде вестъ из Руси зла, яко хотятъ татарове тамгы и десятины на Новгороде, и смятошася люди**». Невзирая на то, что вместе с монгольскими баскаками пришли «**мужи для числення**» от самого Великого князя, его старший сын, новгородский князь **Василий Александрович**, «**послушав злых советник новгородцев**», поднял восстание против монголов и великокняжеских слуг. В результате «**численики з гневом великим, пришед к великому князю Александру, скажаша и хотяху ити во Орду**». Что могло последовать после этих угроз, нетрудно предугадать, поскольку память о страшной «**Неврюевой рати**» была еще очень свежа. Поэтому Великий князь, «**разуме веду тую, созва братию и едва ұпроси послы ханские**» не ехать в Сарай. Более того, сам **Александр Ярославич**, вкупе с младшим братом **Андреем Ярославичем** и своим племянником **Борисом Васильковичем** сопроводил монгольских численников в **Новгород**.

В результате новгородский князь **Василий** бежал в **Псков**, однако сами новгородцы отказались подчиниться воле ордынцев и лишь «**даша многи дары ханови и послом его, а их отпустиша с миром**». **Александр Невский** попытался образумить строптивых земляков, но новгородцы взбунтовались, и в городе вспыхнуло новое восстание, в ходе которого был убит его приспешник новгородский посадник **Михалко Степанич**. Великий князь, опасаясь нового нашествия татар, вынужден был жестко подавить восстание новгородских смердов, казнить советников юного княжича, а самого его под крепким караулом отправить в **Суздаль**. В 1259 г. численники вновь вернулись во **Владимир**, а затем в сопровождении Великого князя направились в **Новгород**, где «**изочтоша всю землю Новгородскую и Псковскую, точию не чтоша священнического причета**».

После проведения полной переписи населения, сбор «**черного бора**» с подвластных русских земель был отдан на откуп мусульманским купцам — **бесерменам**, которых всегда сопровождали монгольские вооруженные отряды. Как правило, сборщики дани не очень церемонились с податным населением «**и по волости много зла учиниша, беруще туску оканьным татаром**». Именно эта «**туска**» больше всего возмущала русских людей и такого рода незаконные поборы в виде провианта и постоя будут главной причиной всех антимонгольских восстаний на Руси. В частности, уже в 1262 г. «**от лютого томленья, нетерпяще насилья поганых**», в **Ростове**, **Суздале** и других русских городах вспыхнули мощные восстания, в ходе которых были перебиты и сами ордынские баскаки, и сопровождавшие их монголы.

Ряд современных авторов (**Дж. Феннел, Р. Скрынников, И. Данилевский**) утверждали, что именно **Александр Невский**, будучи верным приспешником ордынских ханов, с помощью присланных из **Сарая** карательных отрядов, жестко подавил все

выступления горожан. Однако этот вывод носит чисто умозрительный характер, поскольку во всех летописных сводах подобной информации нет. Вероятно, ближе к истине те историки (**А. Насонов, А. Кузьмин**), которые считали, что избежать нового ордынского нашествия на Русь удалось только потому, что сборщики дани были выходцами из **Каракорума**, с которым **Берке** фактически разорвал все отношения. К тому же, именно тогда **Берке** вступил в борьбу со своим кузеном, ханом **Хулагу**, поэтому очень рассчитывал получить от русских князей внушительную помощь в виде крупного воинского контингента для похода в **Северную Персию**.

В результате хан **Берке** счел достаточным вызвать в **Сарай** только самого Великого князя, ибо «н҃жда велика от иноплемениник, и гонях҃х҃т христиан, веляши с собою воинствовати. Князь же великий Александр пойде к цареви, давы отмо-
лити людии от беды тоя». Однако получить русский воинский контингент ему не удалось, и на всякий случай он оставил **Александра Невского** в **Сарае**. Лишь в следующем году Великий князь был отпущен восвояси, однако в **ноябре 1263 г.** он скончался в пограничном **Городце**. Столь скоропостижная смерть Великого князя породила много разных версий, в том числе вполне разумное предположение, что его отравили сами монголы. Естественно подобная версия никак не вписывалась в концепцию «евразийцев», поэтому профессор **Л.Н. Гумилев** обвинил в отравлении Великого князя коварных католических агентов, которые тогда же приложили руку к гибели Великого литовского князя **Миндовга**, с которым **Александр Невский** всего год назад заключил военный союз против крестоносцев.

Правление **Александра Ярославича Невского** стало неотъемлемой частью исторической памяти русского народа. Почти четверть века, в самый трудный период русской истории, мечом и искусной дипломатией он защищал Святую Русь от смертельных угроз и с Запада, и с Востока. Он не знал крупных поражений ни на поле брани, ни на дипломатическом поприще, а судить его потомкам следует не столько по достигнутым им результатам, сколько по тем тяжелейшим препятствиям, которые ему пришлось преодолеть. Поэтому неслучайно безымянный автор его «**Жития**» был искренен в своем плаче: «О, горе тебе, бедный человек! Какое можеша написати кончину господина своего! Какое не упадеши ти зеници вкупне со слезами! Какое не урвется сердце твое от горькия тугы! Чада моя, разумеите, яко уже заиде солнце земли **Бұздальской!**».

После смерти **Александра Невского** все его сыновья — **Василий, Дмитрий, Андрей** и **Даниил** были еще очень молоды и несмышлены, поэтому хан **Берке** передал ярлык на великое княжение его младшему брату, тверскому князю **Ярославу Ярославичу (1264–1271)**. Именно при нем ханский престол в **Сарае** занял другой внук **Чингисхана Менгу-Тимур (1266–1282)**, при котором «**Улу Улус**» окончательно отпал от **Каракорума** и стал суверенным государством. Каков был характер отношений **Сарая** с покоренными русскими землями в тот период не вполне ясно, поскольку одни летописные своды говорят, что «**бысть ослаба на Р҃си от насилия татарского**», а **Русской Православной Церкви** была дана первая «**тарханная грамота**», освобождавшая ее от уплаты «**черного бора**» в **Сарай**. Однако другие летописные своды повествуют о том, что именно при хане **Менгу** произошел расцвет прежней системы управления, а монгольские вооруженные отряды, сопровождавшие баскаков, стали исправно выполнять не свойственные им полицейские функции.

Надо сказать, что Великий князь **Ярослав Ярославич** был на редкость далек от решения, как текущих проблем, так и понимания важнейших перспективных задач. Уже в **1270 г.** у него возник острый конфликт с новгородцами, которые, собравшись на вече, заявили ему: «не можем терпеть твоего насилия, понде, княже, от нас добром, а мы себе князя доведем». **Ярослав** отправил к новгородцам своего старшего сына **Святослава**, соглашаясь «исправиться на всей воле новгородской», однако строптивые новгородцы были непреклонны и вновь заявили ему: «княже, не хощем тебя, иди от нас добром, аще ли не тако, то прогоним тебя и не хощу ти».

Получив столь однозначный ответ, **Ярослав** направил в **Сарай** своих доверенных лиц, которые обвинили новгородцев в том, что они не блюдают Великого князя, не дают «выхода» в Орду, а на великого хана возводят хулу. Естественно, этот донос возмутил **Менгу**, который приступил к подготовке нового похода на Русь. Однако ситуацию смог разрядить костромской князь **Василий Ярославич**, который отъехал в **Сарай** и убедил великого хана, что конфликт с новгородцами возник исключительно по вине его старшего брата. Между тем, в самой **Орде** произошёл фактический раскол, поскольку влиятельный темник **Ногай**, правивший в ее западных улусах, отложился от **Сарая** и стал умело играть на противоречиях разных политических элит, как в самой **Орде**, так и в покоренных русских землях. Причем, ряд удельных князей юго-востока и северо-востока Руси именно его признали своим сюзереном.

В **1271 г.** Великий князь **Ярослав Ярославич** скончался «идя из Орды», и ярлык на великое княжение получил его младший брат **Василий Ярославич (1272–1276)**, у которого также возник острый конфликт с новгородским князем **Дмитрием Александровичем**. Вначале стороны попытались разрешить его миром, однако сделать этого не удалось. Тогда в **1272–1273 гг.** вкупе с тверским князем **Святославом Ярославичем** и «ханскими татарами» Великий князь дважды ходил походами на новгородские пятины, где русско-ордынская рать подвергла тотальному грабежу **Волок, Бежицк и Вологду**. Лишь после этого погрома новгородцы склонили голову перед Великим князем и признали его права на новгородский престол.

В **1275 г.** монголы провели новую перепись русских земель. Причем, в одном из летописных сводов содержались довольно точные сведения о размерах той дани, которую платили русские земли в **Сарай**: «Князь великий **Василей** понде во Орду к хану. Ёгда прииде князь великий во Орду и принесе дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша два мужи работники, и дары многи, и выход особ, и хан прият его с честью, но рече: “ясак мал есть, а люди многи в земли твоей, почто не от всех даеши”. Князь же великий отъямаяся числом баскаков прежних. И хан повеле послати новые численики во всю землю Русскую с великими грады, да не утяят люди».

Однако вскоре после посещения Орды **Василий Ярославич** тоже скоропостижно скончался и его преемником на великокняжеском престоле стал его недавний соперник — князь-изгой **Дмитрий Александрович (1276–1281)**, который возвратил себе и новгородский престол. Начало его великого княжения не предвещало серьезных угроз, однако уже через пять лет вспыхнула новая кровавая усобица, которая имела крайне тяжелые последствия для всех русских земель. В **1281 г.** его младший брат, городецкий князь **Андрей Александрович** отправился в **Сарай**, «ища себе княжения великого под братом своим старейшим». Одарив престарелого хана

Менгу богатыми дарами, он добился желаемого ярлыка и вместе с татарской ратью двинулся на Русь. Пока князь **Андрей** на границах Руси сзывал под свои стяги других русских князей, монгольские рати **Кавдыгая** и **Алчедая** пошли на **Муром**, **Владимир**, **Юрьев**, **Суздаль** и **Переяславль**, где «все пусто сътвориша и пограбвиша люди, мужи и жены, и дети, и младенцы, имене все то пограбвиша и поведоша в полон». В этой ситуации Великий князь **Дмитрий** со своим двором и малой дружиной бежал в новгородские земли и остановился в **Копорье**, готовясь при случае бежать за море. Однако вскоре он изменил свои планы, и ушел на юг, к хану **Ногаю**, который давно находился во враждебных отношениях с **Сараем**. Тем временем монголы продолжили тотальный грабеж русских земель под **Ростовом**, **Тверью** и **Торжком**, где «испустошиша и города, и волости, и села, и погосты, и монастыри, и церкви пограбвиша». В результате учиненного погрома князь **Андрей** сумел утвердиться во **Владимире**, однако старший брат не признал его прав на великокняжеский престол и продолжил борьбу с ним. В 1283 г., получив военную поддержку от **Нога**я, **Дмитрий** возвратился на владимирский престол, а **Андрей** ушел обратно в **Городец**.

Второй период правления Великого князя **Дмитрия Александровича (1283–1294)** хронологически совпал с новым раундом борьбы за власть, но уже в самом **Сарае**, который в русских летописях получил очень емкое и звучное название — «**замятня**». Эта острая борьба за ханский престол шла почти восемь лет, пока на нем при активной поддержке **Нога**я не утвердился хан **Тохта (1290–1312)** и, таким образом, в **Орде** де-факто было закреплено реальное двоевластие.

В 1293 г. **городецкий князь** отправился в **Сарай** и, как повествует безымянный летописец, «ви чоломъ Андреи князь цесаревн съ иными князи на Дмитрия князя с жалобами, и отпусти цесарь брата своего **Дуденя** съ множеством рати на Дмитрия. О, много бяше пакости крестияномъ безвинныя города поимаша: **Володимерь**, **Москву**, **Дмитровъ**, **Волокъ** и иныи грады, положиша всю землю пусту, а Дмитрии во **Псковъ** въежа». Разгром, учиненный татарами, по своим масштабам был сродни страшному нашествию **Батия**, поэтому авторитет новоиспеченного Великого князя был серьезно подорван во всех русских землях, в том числе среди многих удельных князей и влиятельных церковных иерархов. Поэтому вскоре после «**Дюденовой рати**» князь **Андрей** «приде в **Торжекъ** и смирился с братомъ **Дмитриемъ**», однако в следующем году он скоропостижно скончался и ярлык на великое княжение был вновь отдан **Андрею**.

Весь период своего княжения **Андрей Александрович (1294–1304)** постоянно враждовал с другими русскими князьями. Наиболее острый конфликт между ними возник в 1296–1297 гг., когда на княжеском съезде во **Владимире** против него выступила сплоченная коалиция удельных князей во главе с московским князем **Даниилом Александровичем**, переяславским князем **Иваном Дмитриевичем** и тверским князем **Михаилом Ярославичем**. Распри на этом съезде оказались столь сильны, что обе стороны готовы были вновь взяться за оружие и призвать на помощь татар. Однако до нового татарского погрома дело не дошло, и они смогли договориться. В чем состоял достигнутый компромисс, не вполне ясно, поскольку в летописных сводах информации на сей счет, нет. Но ряд известных историков (**А. Насонов**, **А. Горский**) предположили, что основой этого компромисса стало сохранение за этими князьями права самостоятельного сбора дани, которое они получили от хана **Нога**я, почитавшего его своим законным сюзереном.

3. Земли Южной и Юго-Западной Руси во второй половине XIII – середине XIV вв.

Безусловно, нашествие Батые не уничтожило основные элементы государственности в Южной и Юго-Западной Руси и княжества-земли, существовавшие здесь, сохранялись относительно долгое время, от пятидесяти (Полоцкое княжество) до ста пятидесяти (Смоленское княжество) лет. Но практически все эти земли оказались под властью Золотой Орды. Как известно, еще в 1243 г. хан Батый передал ярлык на великое княжение владимирскому князю Ярославу Всеволодовичу, который был признан «старейшим» князем на Руси. Зримым выражением этого «старейшинства» стало обладание и древней столицей Руси, где «обдержашу Киевъ Ярославъ бояриномъ своимъ Биковичемъ Дмитромъ». Таким образом, Киев де-юре еще оставался главным политическим центром Руси, однако сам великий князь, посадив туда наместника, постоянно находился во Владимире, который гораздо меньше пострадал от ужасов монгольского нашествия. В 1249 г. после смерти Ярослава его старший сын Александр Невский получил в Каракоруме новый ханский ярлык на «Киевъ и всю Русскую землю», но по возвращению на Русь он уехал на новгородский престол, а в «стольный» Киев, как и покойный отец, посадил своего наместника.

Дальнейшая судьба киевского престола очень скудно освещена в источниках. Исходя из косвенных данных, можно предположить, что до начала 1290-х гг. киевскими князьями были преемники Александра Невского на великокняжеском столе, который находился под патронажем темника Ногай, правителя западной части Золотой Орды, которая фактически отпала от ордынских ханов, правивших в Сарае. Однако в 1294 г., после того как великокняжеский ярлык получил приверженец ордынского хана Тохты Андрей Александрович, его соперник Ногай не пустил в подконтрольный ему Киев наместников Великого князя и он на время оказался под властью представителей путивльской ветви черниговского княжеского дома. Тогда же Киев окончательно утратил роль митрополичьей резиденции, поскольку в 1299 г. «митрополитъ Максимъ, не терпя татарьского насилья, оставя митрополию и звежа из Киева и весь Киевъ разбежался, и митрополитъ иде ко Брянську и оттоле в Суждальскую землю».

Первое прямое достоверное известие о новом киевском князе относится только к 1331 г., однако его имя так и осталось неизвестным, поскольку все попытки ряда современных украинских историков (Ф. Шабульдо, Л. Войтович) увидеть в нем либо Федора Святославича, либо Федора Гедиминовича, либо Станислава Ивановича, либо каких-то других мифических персонажей уж очень не убедительны. Так же не вполне понятно, когда Киевское княжество было окончательно подчинено Литве. Украинские историки (Ф. Шабульдо, Г. Ивакин, Л. Войтович) по вполне понятным причинам связывают это событие с поражением киевского князя Святослава Ивановича в битве с князем Гедимином на реке Ирпень в 1324 г. Но большинство историков (В. Антонович, А. Горский) считают, что это произошло сразу после победы великого литовского князя Ольгерда над татарами, которую он одержал в битве при Синих Водах в 1362 г. Именно тогда на киевский престол сел один из его старших сыновей — Владимир Ольгердович (1362–1398), потомками которого стали представители двух известных княжеских династий Слуцких и Бельских.

После монгольского нашествия территория соседнего **Переяславского княжества**, которое находилось на самых южных рубежах **Половецкой степи**, перешла под непосредственную власть **Сарая**, поэтому тамошний князь **Святослав**, сын **Всеволода Большое Гнездо**, сразу отъехал с родового стола **Мономашичей** в **Северо-Восточную Русь**. Каких-либо известий о других русских князьях, правивших на здешнем столе в источниках нет, поэтому, вероятнее всего, им управляли ханские баскаки. Так продолжалось до тех пор, пока литовский князь **Ольгерд** не присоединил эти территории к Великому княжеству Литовскому в 1362 г.

В **Черниговской земле** после нашествия монголов резко усиливается политическое дробление и происходит закрепление новых княжеских столов за разными ветвями **Ольговичей**. В частности, на северо-востоке возникают **Новосильское**, **Карачевское** и **Тарусское княжества**, на юго-востоке к ранее существовавшим **Курскому** и **Рыльскому княжествам** добавляются **Воргольское** и **Липовичское княжества**, а в северо-западной, лесной части, более защищенной от татарских набегов, возникает **Брянское княжество**. Именно сюда, в **Брянск**, в 1260-х гг. переместился политический центр **Черниговской земли** и на престоле закрепились здешний князь **Роман Михайлович (1263–1288)**, а затем его сын **Олег Романович (1288–1307)**. Сюда же в 1299 г. перебрался и киевский митрополит **Максим**. Однако возможность интеграции всех княжеств **Юго-Восточной Руси** под эгидой **Брянска** была вскоре утрачена.

Как считают многие историки (**А. Насонов, А. Кузьмин, А. Горский**), вероятнее всего, главную роль здесь сыграло то обстоятельство, что брянские князья входили в коалицию русских князей, которые ориентировались на темника **Ногай**. Но в 1300 г. мятежный темник был убит и его победитель ордынский хан **Тохта** передал **Брянск** во владение смоленского князя **Александра Глебовича (1297–1313)**, а **Чернигов** отдал лояльному козельскому князю **Святославу Мстиславичу (1300–1310)**. Однако княжеский стол в **Чернигове** так и не закрепился ни за одной из ветвей **Ольговичей**, а в 1356 г. большая часть черниговских земель также отошла во владения Великого литовского князя. При этом в северо-восточной части черниговских земель сохранились удельные княжества **Рюриковичей**, где впоследствии сформировались знаменитые русские княжеские династии **Мезецких, Оболенских, Волконских, Долгоруковых, Бяргинских, Воротыньских, Болховских, Мосальских, Горчаковых, Репниных, Щербатовых** и других.

В **Юго-Западной Руси** в результате объединения **Галицкой** и **Волынской земель** под властью Великого князя **Даниила Романовича (1238–1264)** сформировалось довольно сильное государственное образование, сумевшее избежать сколь-нибудь значительного политического дробления. Первоначально князь **Даниил**, как и другие русские князья, признал власть **Батые**. Но в 1252 г., отразив нашествие **Куремсы**, он отложился от **Орды**, а уже в 1254 г., рассчитывая получить реальную помощь у католической Европы, принял из рук римского папы **Иннокентия IV** королевский титул. Однако европейские монархи вкупе с римским архиепископом, как всегда, надули князя **Даниила** и после нового нашествия темника **Бурундай** в 1259 г. ему опять пришлось признать зависимость от **Орды**.

После смерти **Даниила** старшинство в династии перешло к его младшему брату **Васильку (1238–1269)**, который продолжил княжить во **Владимире**. Однако стольный **Галич** достался его старшему сыну **Льву Даниловичу (1264–1301)**. После смерти

Василька Романовича его обширные волынские владения унаследовал старший сын **Владимир Василькович (1269–1289)**, который вместе со своим кузеном, князем **Львом** в 1270–1280-х гг. постоянно воевал с венграми, ляхами и ятвягами. После смерти **Владимира** князь **Лев** утвердился на его престоле и до конца своих дней единолично правил огромной территорией всей **Галицко-Волынской Руси**.

После смерти **Льва** галицко-волынский престол перешел к его старшему сыну **Юрию Львовичу (1301–1308)**, который в 1303 г. добился от **Константинопольского патриарха** признания отдельной **Малорусской митрополии**, поскольку киевский митрополит **Максим** уже давно перебрался в **Северо-Восточную Русь**. Однако канонически эта митрополия по-прежнему подчинялась митрополиту **Киевскому и всея Руси**, резиденцией которого был сначала **Владимир**, а затем **Москва**. 1305 г. князь **Юрий**, подобно своему деду принял титул «**короля Малой Руси**». Причем, заметим, именно «**Малой Руси**», а не «**Украины**», как пытаются представить современные кандидаты украинских наук. Кстати, именно отсюда проистекало и само название той части русского народа — **малороссы**, которые проживали на территории **Галицкой и Киевской Руси**.

После его смерти **Галицко-Волынское княжество** перешло в совместное владение его двух сыновей **Андрея Юрьевича** и **Льва Юрьевича**, которые, опираясь на тевтонских рыцарей и мазовецких князей, начали борьбу против Золотой Орды и Литвы, которая закончилась их гибелью в 1323 г. Польские хронисты утверждали, что их наследником на княжеском престоле стал князь **Владимир Львович (1323–1325)**, который был последним представителем **Романовичей** в **Юго-Западной Руси**, однако, русские летописи факт правления этого князя не подтверждают.

После прекращения династии **Рюриковичей** королем «**Малой Руси**» стал сын мазовецкого князя **Тройдена Юрий II Болеслав (1323–1340)**, который восстановил отношения с ордынским ханом **Узбеком** и признал зависимость от Орды. Поддерживая мир с Литвой и Тевтонским орденом, он одновременно испортил отношения с Венгрией и Польшей, и в 1337 г. совместно с монголами ходил походом на **Краков**. Однако смерть **Юрия II** положила конец независимости **Галицко-Волынского княжества** и завершилась его разделом между соседями. На **Волыни** правящим князем был признан сын Великого литовского князя **Гедимина Любарт (1340–1383)**, а в **Галиции** его наместником стал знатный боярин **Дмитрий Детько (1340–1349)**. После его смерти польский король **Казимир III Великий (1333–1370)** захватил **Галицкие земли** и начал войну с литовцами за **Волынь**, которая завершилась только в 1392 г. Итогом этой войны стало вхождение **Галиции** и **Холма** в состав Польского Королевства, а **Волыни** — в состав Великого княжества Литовского и Русского. Поэтому жалкие потуги нынешних украинских самостийников представить **Галицко-Волынскую Русь** в качестве второй колыбели украинской государственности, не выдерживают никакой критики, поскольку эта государственность полностью растворилась на территории более мощных соседних государств.

Вопрос о том, почему именно **Северо-Восточная Русь** стала центром собирания русских земель, долгое время затмевала более частная проблема причин возвышения **Москвы**. Между тем, именно эта проблема является ключевой. Конечно, эти причины носили вполне объективный характер, а не были злым умыслом «клятых москалей», поскольку: 1) В отличие от черниговских, смоленских и галицко-волыньских князей, князья **Северо-Восточной Руси** почти не участвовали в разорительной

междоусобной войне **1230-х гг.**, унесшей жизни многих русских князей, бояр и дружинников. **2) К середине XIII в.** князьям суздальской ветви удалось установить контроль над новгородским княжением, которое объективно оказалось более выгодным общерусским столом, нежели **Галич**, а тем более разоренный татарами **Киев**. **3) В отличие от Галиции и Волыни**, непосредственно граничивших с Венгрией, Польшей, Литвой и Ордой, **Северо-Восточная Русь** не соприкасалась с Литвой и вплоть до **начала XV в.** между ними сохранялся своеобразный «буфер» в виде **Смоленского княжества**. **4) Именно владимирские князья** были признаны «старейшими» князьями на Руси в самой Орде, и уже в **XIV в.** к великим владимирским князьям официально перешел титул «Великий князь всея Руси», прилагавшийся до этого только к киевским князьям. **5) Важным фактором** стал перенос во **Владимир**, а затем в **Москву** митрополичьего престола, который занимал «митрополит Киевский и всея Руси». **6) Отрицательную роль** в истории **Галицко-Волынской Руси** сыграло **прекращение династии Романовичей**, как одной и ветвей общерусской княжеской династии **Рюриковичей**, к чему, вероятно, приложила руку сама Орда.

4. Предпосылки и этапы объединения русских земель вокруг Москвы

На **рубеже XIII–XIV вв.** политическая раздробленность в **Северо-Восточной Руси** достигла своего апогея, поскольку здесь уже возникло **13** самостоятельных княжеств-государств, где сложились собственные княжеские династии: **Суздальское, Городецкое, Стародубское, Ярославское, Ростовское, Костромское, Тверское, Московское** и другие. Потенциально ярлык на великое княжение в Орде мог получить каждый из владетелей этих княжеств, однако после смерти **Александра Невского** в самом **Сарае** было установлено негласное правило, что претендовать на него могут только прямые потомки **Ярослава Всеволодовича**. Вместе с ханским ярлыком его обладатель получал не только «старейшинство» над остальными русскими князьями, но и все **Владимирское княжество**, которое было самым крупным феодальным владением в **Северо-Восточной Руси**. Поэтому борьба за обладание ханским ярлыком носила столь острый и бескомпромиссный характер.

В советской исторической науке традиционно утверждалось, что на **рубеже XIII–XIV вв.** в **Северо-Восточной Руси** возникли реальные предпосылки объединения русских земель, поскольку здесь: **1)** довольно быстрыми темпами шел процесс восстановления боярского вотчинного землевладения и городского ремесла; **2)** сохранились давние торговые и экономические связи между русскими землями; **3)** сохранялась синхронность развития всех русских земель и **4)** началось формирование русского национального самосознания, основой которого стали принадлежность к единой православной вере, общность языка, традиций и т.д.

Однако, как верно указали ряд современных авторов (**А. Кузьмин, А. Горский, Р. Почекаев**), все указанные факторы, вряд ли тогда имели существенное значение, поскольку: **1)** аналогичные процессы протекали и в **Юго-Восточной Руси**, но **Черниговское княжество**, центр которого переместился в **Брянск**, вскоре распалось на несколько суверенных княжеств, поскольку тамошние князья опрометчиво сделали ставку не на **Сарай**, а на **Исакчу**, где правил темник **Ногай**, который был разбит **Тохтой** в **1300 г.**; **2)** именно князья **Северо-Восточной Руси**, сумевшие взять

под контроль богатые новгородские земли, были признаны в самом **Сарае** «старейшими» князьями на Руси, а **Владимир** обрел официальный статус общерусской столицы; 3) именно в этот период глава Русской Православной Церкви митрополит **Максим** покинул **Брянск** и обосновался во **Владимире**; 4) всех удельных владык в тот период больше заботила не проблема собирания русских земель, а возможность за счет ханского ярлыка расширить свои удельные владения, обогатиться за счет сбора ордынской дани и укрепить собственную власть.

По мнению большинства историков (**А. Насонов, А. Кузьмин, В. Каргалов, В. Кучкин, А. Горский**), основными конкурентами в борьбе за ханский ярлык были тверские, московские и суздальско-нижегородские князья, поскольку остальные удельные владыки: 1) либо были слишком слабы и нерешительны, 2) либо, как рязанские князья, не являлись прямыми потомками **Ярослава Всеволодовича** — первого русского князя, получившего ярлык на великое княжение из рук самого **Батые**. Наименьшие шансы на успех были у городецких (суздальско-нижегородских) князей, поскольку их пограничное княжество постоянно находилось под угрозой разорительных татарских набегов, что способствовало оттоку населения с этих мест, а самих князей делало послушной игрушкой в руках монгольских ханов.

Безусловно, московские и тверские князья обладали значительно большими, а главное равными шансами на успех в борьбе за верховенство на Руси, однако именно **Москва** стала центром собирания русских земель. Вопрос о том, в чем заключались преимущества **Москвы** до сих пор остается предметом острой научной дискуссии. Одни историки (**В. Ключевский, М. Любавский, Л. Черепнин**) считали, что определяющим фактором возвышения **Москвы** было ее выгодное природно-климатическое, географическое и экономическое положение. Другие авторы (**Н. Станкевич, Н. Костомаров**) усматривали главные причины возвышения **Москвы** в том, что именно она стала центром русской митрополии, а ее князья неизменно пользовались особым расположением ордынских ханов. Третья группа авторов (**А. Зимин, В. Кобрин**) утверждала, что основными факторами, которые обеспечили победу **Москвы** стали быстрое восстановление института боярской служилой аристократии, составившей военную основу московского княжеского двора и активная колонизационная политика московских монастырей. При этом ряд современных сторонников этой гипотезы (**А. Юрганов, И. Данилевский**), вслед за американским историком **Д. Островски**, исповедуя пещерный либерализм русофобского толка, стали заявлять, что основной причиной возвышения **Москвы** стали общность политических тоталитарных моделей управления, которые были переняты московскими князьями у своих ордынских сюзеренов. Наконец, нынешние «евразийцы» (**А. Панарин, А. Дугин**), опираясь на антинаучную теорию этногенеза, предложенную **Л.Н. Гумилевым**, говорят о том, что главной причиной возвышения **Москвы** стал пассионарный подъем, начавшийся здесь в середине XIV в. Однако, как верно отметили профессора **А.Г. Кузьмин, Н.С. Борисов, А.А. Горский** и другие современные историки, две последних версии носят чисто умозрительный характер и мало согласуются с реальными фактами. По их авторитетному мнению, возвышение **Москвы** было связано с двумя важными обстоятельствами: 1) переездом на службу к московскому князю многих опытных служилых людей из разоренных **Киевского** и **Черниговского княжеств**, что значительно увеличило военную мощь московского княжеского двора, и 2) умелой и активной внешней политики московских князей,

сумевших значительно расширить границы своего княжества и заручиться поддержкой **Орды** в борьбе за великокняжеский ярлык.

Что касается этапов собирания земель вокруг **Москвы**, то, как правило, в науке выделяют три основных этапа:

I этап (1300–1389) — возвышение **Москвы** и превращение ее в центр собирания русских земель при московских князьях **Даниле Александровиче**, **Юрии Даниловиче**, **Иване Калите**, **Семене Гордом**, **Иване Красном** и **Дмитрии Донском**.

II этап (1389–1462) — окончательное утверждение **Москвы** как центра собирания русских земель при **Василии I** и **Василии II**.

III этап (1462–1533) — завершение процесса собирания земель и возникновение Русского единого государства при **Иване III** и **Василии III**.

Тема: БОРЬБА ТВЕРИ И МОСКВЫ ЗА ГЕГЕМОНИЮ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ (I ЭТАП ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ 1300–1389)

План:

1. Начало «великого» противостояния Твери и Москвы (1303–1325).
2. Северо-Восточная Русь при Иване Калите и его наследниках (1325–1359).
3. Северо-Восточная Русь при Дмитрии Донском (1359–1389).
 - а) Борьба за великокняжеский ярлык и русско-литовские рати (1368–1372).
 - б) Русско-ордынские отношения (1374–1380).
 - в) Куликовская битва 1380 г. и ее историческое значение.
 - г) Последний период правления Дмитрия Донского. Нашествие Тохтамыша (1382).
4. Социально-экономическое развитие русских земель в XIV в.

1. Начало «великого» противостояния Твери и Москвы (1303–1325)

Московское и **Тверское** удельные княжества, которым предстояло сыграть исключительно важную роль в истории Средневековой Руси, возникли вскоре после монгольского нашествия. Первоначально возникло **Тверское удельное княжество**, первым князем которого стал младший брат **Александра Невского**, **Ярослав Ярославич (1230–1271)**. Традиционно датой его основания считается 1247 г., когда тогдашний владимирский князь **Святослав** даровал племяннику **Тверское княжество** в удел. Хотя, профессор **О.В. Творогов** полагает, что оно возникло не раньше 1252 г., когда на великокняжеский престол вступил его старший брат **Александр Невский**. Чуть позже, в 1263 г., возникло **Московское удельное княжество**, первым князем которого стал самый младший сын **Александра Невского** **Даниил Александрович (1261–1303)**. Как установил профессор **В.А. Кучкин**, первоначально **Московским княжеством** управляли тиуны Великого владимирского князя **Ярослава Ярославича**,

Тема:

БОРЬБА ТВЕРИ И МОСКВЫ ЗА ГЕГЕМОНИЮ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ (I ЭТАП ОБЪЕДИНЕНИЯ
РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ 1300–1389)

который приходился родным дядькой малолетнему князю **Даниилу**. Однако какова была дальнейшая судьба московского престола не вполне ясно. Можно лишь предположить, что не раньше **1276 г.** **Даниил** стал самостоятельно княжить в **Москве**, хотя в самих летописных сводах его имя как удельного московского князя впервые упомянуто только в **1282 г.**

Как бы то ни было, но уже в **конце XIII в.** между этими, тогда еще очень слабыми и небольшими княжествами, начнется подспудная, мало кому заметная, но поистине судьбоносная борьба за гегемонию в **Северо-Восточной Руси**. Достоверно известно, что за годы правления московского князя **Даниила Александровича (1276—1303)** территория его княжества увеличилась почти в два раза за счет вновь приобретенных территорий, находящихся за рамками «вотчинных владений» московских князей. В **1301 г.** он отвоевал у рязанского князя **Константина Романовича** пограничную **Коломну**, которая играла ключевую роль в защите южных рубежей московских земель, расположенных по **Оке**. В **1302 г.** давний союзник московского князя, бездетный князь **Иван Дмитриевич**, находясь на смертном одре, «благослови въ свое место **Данила Московскаго въ Переяславли княжити, того во любяше паче инехъ**». И хотя по «старине» любое выморочное княжество всегда отходило под руку Великого князя, «**Данило седе княжити на Переяславли, а наместници князя великаго Андреевы збежали**». Между тем, ряд современных историков (**В. Кучкин, А. Горский**) полагают, что в данном случае речь шла не о вхождении этой территории в состав **Московского княжества**, как это часто трактуется в научной и учебной литературе, а лишь о переходе этих родовых земель всего клана **Ярославичей** под власть московского князя. В **1303 г.** **Даниил** начал войну со смоленским князем **Александром Глебовичем** за пограничный город **Можайск**, которую в том же году победоносно завершил его старший сын **Юрий**, ставший наследником отца на московском престоле. Причем, как предположил профессор **А.А. Горский**, **Можайск** вошел в состав **Московского княжества** еще в **1293 г.**, а новая война за этот пограничный город была вызвана неудачной попыткой смоленских князей вернуть его в состав своих земель. Таким образом, к началу **XIV в.** все течение **Москвы-реки** оказалось на территории **Московского княжества**, что имело огромное экономическое и стратегическое значение, поскольку ее исток упирался в земли **Смоленского княжества**, а устье — граничило с **Великим Рязанским княжеством**.

В самом начале своего княжения **Юрий Данилович (1303—1325)** вступил в острый конфликт с Великим князем **Андреем Александровичем**, однако уже в **1304 г.** тот скоропостижно скончался и этот давний конфликт плавно перетек в противостояние с тверским князем **Михаилом Ярославичем**, который вовремя переметнувшись на сторону **Сарая**, тоже стал претендовать на великокняжеский престол. По давней традиции этот спор был решен в Орде, где хан **Тохта** даровал великокняжеский ярлык тверскому князю **Михаилу Ярославичу (1305—1317)**, который привез новому сюзерену более богатые дары, чем его амбициозный соперник. Надо сказать, что в современной историографии существуют разные оценки этих событий. Так, профессор **Н.С. Борисов**, автор специальной монографии «**Политика московских князей: конец XIII — начало XIV века**» (1999), высказал предположение, что московский князь **Юрий** вовсе не претендовал на великокняжеский престол и добровольно уступил его тверскому князю. Однако его оппоненты, профессора **В.А. Кучкин** и **А.А. Горский** справедливо говорят, что эта точка зрения не согласуется с извест-

ными фактами, отраженными в ряде летописных сводов, в том числе с военными походами новоиспеченного Великого князя на **Москву** в **1305** и **1308** гг.

Естественно, что это обстоятельство лишь подогрело противостояние московских и тверских князей, которые в те годы постоянно враждовали и за ханский ярлык, и за обладание богатыми новгородскими и нижегородскими землями. Пик этого противостояния пришелся на **1313** гг., когда новгородцы, собравшись на вече, изгнали великокняжеских наместников и вопреки установленной традиции пригласили на княжение московского князя. Воспользовавшись тем, что **Михаил Тверской** отъехал в Орду на представление к новому хану **Узбеку (1312–1341)** и надолго задержался в **Сарае**, **Юрий Данилович** вкупе с младшим братом **Афанасием** и князем **Федором Ржевским** прибыл в **Новгород** и сел на тамошний престол, который де-юре считался отчиной Великого князя.

Почему новгородцы практически всегда делали ставку на московских князей доподлинно не известно. Однако, вероятно, прав профессор **А.Г. Кузьмин**, который связал это предпочтение с тем, что: **1)** именно московские князья в большей степени учитывали интересы новгородской «**Земли**», традиционно противостоящей узко корпоративным интересам «**Власти**», олицетворением которой в те годы были именно тверские князья; **2)** новгородцев не устраивала традиционная ориентация тверских князей на союз с литовскими князьями, которые издавна покушались на часть их юго-западных земель.

Между тем, такой поворот событий вызвал резкую реакцию хана **Узбека**, который немедленно вызвал **Юрия** в **Сарай** и отправил на Русь «**князя Мухайло Ярославича, а с нимъ послове Тантемеръ, Махроша и Инды, син же выша в Ростове и многого зла створиша**». Вернувшись на Русь, в **феврале 1316** г. «**Мухайло поиде к Торжкѹ, и выеха Афанасий противу ему, и высть вон, и поможе Бог князю Мухайлу**». В этой кровавой битве пало много новгородцев, в том числе бывшие посадники **Михаил Павшинич, Юрий Мишинич** и **Андрей Климович**, поэтому новгородцы вынуждены были выдать на милость победителя князя **Федора Ржевского** и уплатить Великому князю огромный денежный выкуп в размере **5000** гривен. Однако выдать на расправу татарским послам князя **Афанасия** они категорически отказались и заперлись в **Торжке**. Разорив **Торжок**, **Михаил Тверской** посадил в **Новгороде** своего наместника, однако, в конце того же года новгородцы «**изимаша Игната Беска, и виша, и на вецѣ, и свергоша его с мостѹ в Волхово**». Великий князь вновь пошел походом на новгородцев, который завершился самым настоящим конфузом, поскольку его ратники заблудились в тамошних болотах, и «не солоно хлебавши» возвратились вспять.

Тем временем, московский князь **Юрий**, находившийся в **Сарае**, время даром не терял и вскоре «**женився, ѹ царя сестрѹ его поняв именѣм Коньчакѹ, егда же крестися и наречено ей высть имя Агафия**». Породнившись с самим великим ханом **Узбеком**, **Юрий** тут же получил заветный великокняжеский ярлык и в **1317** г. в сопровождении ханского баскака **Кавдыгая** вернулся на Русь. Как развивалась ситуация затем не вполне ясно до сих пор, поскольку в разных летописных сводах содержались разные трактовки дальнейших событий. Достоверно известно лишь одно, что в **декабре 1317** г. под **Старицей** состоялась **Бортеневская битва** московско-ордынской и тверской ратей, в которой князь **Михаил** одержал вверх. Однако на беду тверского князя вместе с богатым княжеским обозом в плен была взята и новоиспе-

ченная московская княгиня **Агафья**, которая «от тяжкого томленья» вскоре умерла. Неожданная смерть ханской сестрицы предредила участь **Михаила**, который был вызван в новую ставку хана **Узбека** город **Азак**, расположенный в низовьях **Дона**. Здесь над тверским князем состоялись два судилища, на которых он, обвиненный в самых тяжких грехах — отравлении ханской сестрицы **Агафьи** и намерениях бежать с собранной ордынской данью «в **Немцы**», был жестоко казнен.

После казни тверского князя хан **Узбек** подтвердил права **Юрия** на великокняжеский престол, однако в силу разных обстоятельств он не смог удержать его. Летописцы и историки по-разному трактуют эти обстоятельства, но общий их итог был таков. В 1322 г. новый тверской князь **Дмитрий Михайлович Грозные Очи (1318–1326)** поехал в **Сарай** и обвинил соперника в утайке ордынской дани, собранной с тверских земель, а также поведал о других лихих делах **Юрия** и ханского баскака **Кавдыгая**. Хан **Узбек** пришел в неописуемую ярость, казнил своего баскака, а ярлык на великое княжение вновь передал тверскому князю. Когда **Дмитрий Тверской** в сопровождении нового баскака возвратился на Русь, князь **Юрий** покинул стольный **Владимир**, оставил **Москву** на попечение младшего брата **Ивана** и отъехал на новгородский престол, где до этого правил его младший брат **Афанасий**, скончавшийся в том же году. Кровавая развязка в давнем противостоянии московского и тверского князей произошла в 1325–1326 гг., когда оба удельных владыки по воле их сюзерена встретились в **Орде**. Не сдержав эмоций, **Дмитрий Грозные Очи** зарубил заклятого врага, повинного в смерти его отца, за что вскоре и сам поплатился головой.

В отечественной историографии (**Н. Карамзин**, **В. Ключевский**, **Я. Лурье**, **В. Кучкин**, **А. Юрганов**) довольно давно существует устоявшееся представление, что **Юрий Московский** был верным пособником **Орды**, а благородный князь-мученик **Михаил Тверской**, напротив, был первым бесстрашным борцом с ненавистным ордынским игом. Такая оценка во многом проистекала из знаменитой летописной «**Повести о Михаиле Ярославиче Тверском**», которая носила житийный характер. Однако ряд современных историков (**А. Кузьмин**, **А. Горский**) считают, что эти представления очень далеки от истины, поскольку тверской князь все двенадцать лет своего великого княжения ни разу не противился ханской воле, а московский князь, напротив, постоянно нарушал ее и пользовался поддержкой ордынских правящих кругов только в 1317–1322 гг., когда владел ханским ярлыком. Между тем, ни сам **Юрий Московский**, ни **Михаил Тверской**, ни другие русские князья не ставили под сомнение ханский сюзеренитет и признавали себя вассалами ордынского царя.

2. Северо-Восточная Русь при Иване Калите и его наследниках (1325–1359)

После гибели своих старших братьев новым московским князем уже де-юре стал **Иван Данилович Калита (1325–1340)**, а тверской престол занял князь **Александр Михайлович (1326–1328)**. При этом великокняжеский ярлык опять был отдан тверскому князю, поскольку хан **Узбек** всегда исповедовал старый принцип ордынской дипломатии «разделяй и властвуй» и сознательно стравливал русских князей. Однако вскоре ситуация резко изменилась.

В августе 1327 г. в **Твери** неожиданно вспыхнуло мощное восстание, которое, судя по ряду летописных и фольклорных источников, спровоцировал ордынский баскак **Щелкан**, получивший указание хана **Узбека** утвердить прямое владычество на Руси и обратить всех правоверных христиан в мусульманскую веру, которая незадолго до этого восстания стала государственной религией в Орде. Как повествует «**Тверской летописец**», с большим ордынским отрядом «**прииде Щелкан на Тверь и прогна князя великого съ двора его, а сам стал на князя великого дворе мноюю гордостию, и въздвиже гонение велико над христианы насилством, и гравлением, и виением, и поруганием**». Ряд историков (**А. Насонов, А. Кузьмин, В. Кучкин**) в целом разделяли эту версию тверских летописцев. Однако их оппоненты (**Дж. Феннел, А. Горский**) утверждали, что приезд **Щелкана в Тверь** был вызван совершенно иными обстоятельствами, которые, в общем-то, носили традиционный характер, то есть поставлением нового князя на великокняжеский престол и сбором особой дани за ханский ярлык на великое княжение.

Как бы то ни было, но причиной тверского восстания действительно стало непристойное поведение ханского посла и сопровождавших его нукеров. Когда насилие татар перешло все разумные пределы, в **Твери** поднялась вся «**Земля**». Собравшись на вечевом торгу, «**кликнуша тверичи, и начаша избивати татар, где кого застронив, дондеже и самого Шевкала убиша**». Вопрос об участии самого **Александра Михайловича** в этом восстании до сих пор не вполне ясен, поскольку в многочисленных летописных сводах содержатся разные трактовки его роли в тех событиях. Согласно версии тверских летописцев это восстание носило стихийный характер, и тверской князь вынужден был примкнуть к своим землякам лишь тогда, когда ситуации полностью вышла из-под контроля, а новгородские летописцы, напротив, утверждали, что инициатива избиения татар исходила именно от тверского князя. Безусловным остается лишь один непреложный факт, что именно это восстание тверичей положило конец его политической карьере и нанесло сокрушительный удар по позициям **Твери** как основной соперницы **Москвы** в борьбе за верховенство на Руси.

Узнав о восстании в **Твери**, разъяренный хан **Узбек** послал на Русь карательную рать темника **Федорчука**. Расправившись с рязанским князем **Иваном Ярославичем**, заподозренным в связях с тверским князем, ордынцы двинулись к **Коломне**, где их ряды пополнили полки московского и суздальских князей. Затем объединенная русско-ордынская рать двинулась к **Твери**, где учинила страшный погром и «**бысть велиа тягость, и томление, и кровопролитие от татар по всей русской земле**». Тверской князь успел сбежать в **Псков**, а великокняжеский ярлык был сразу дан двум русским князьям — московский князь **Иван Данилович** по ханской воле получил в правление **Новгород** и **Кострому**, а суздальский князь **Александр Васильевич** — **Владимир** и **Нижний Новгород**. По мнению одних историков (**А. Горский**), **Узбек** пошел на столь неординарный шаг, поскольку на примере **Юрия Московского** и **Александра Тверского** зримо убедился в том, что безраздельное обладание великокняжеским ярлыком неизбежно ведет к резкому усилению позиций его обладателя и естественным актам неповиновения ханской власти. Однако их оппонентов (**А. Насонов, А. Кузьмин**) полагали, что в этом новшестве **Узбека** четко просматривалась традиционная политика всех ордынских ханов, нацеленная на сознательное стравливание русских князей.

Между тем, в 1332 г., после смерти суздальского князя, **Ивана Калита** щедрыми дарами и посулами не только получил ярлык на все великое княжение, но и впервые приобрел право сбора дани со всех русских земель, поскольку после тверского восстания **Сарай** вынужден был окончательно ликвидировать институт баскаков на Руси. Безусловно, это обстоятельство позволило ему утаивать часть «ордынского выхода» в **Москве**, что естественно способствовало росту экономического, политического и военного могущества **Московского княжества**. Немаловажную роль в экономическом подъеме русских земель сыграло и то обстоятельство, что при **Иване Калите**, наконец-то, прекратились бесконечные «татарские рати» и русский летописец предельно кратко, но довольно выразительно констатировал сей факт: «высть оттоле тишина велика по всен рѹскои землѣ на многне лета и пересташа татарове воевати рѹскую землю». Однако в те же годы произошло еще ряд очень важных событий, которые существенно подняли авторитет **Москвы** и укрепили ее позиции во всех русских землях.

1) При **Иване Калите Москва** официально становится религиозным центром всей **Северо-Восточной Руси**. Как известно, еще в 1305 г., после смерти владыки **Максима**, который перенес во **Владимир** митрополичью кафедру из **Брянска**, остро встал вопрос о выборе нового митрополита. Основными претендентами на митрополичий престол были ставленник галицко-волинского князя, игумен **Петр** и ставленник тверского князя, игумен **Терентий**. Константинопольский патриарх **Афанасий** утвердил в должности русского митрополита игумена **Петра**, который после кратковременного пребывания в **Киеве**, в 1309 г. вернулся во **Владимир**, где на законных основаниях занял митрополичий престол. Однако вскоре тверской епископ **Андрей**, бывший союзником **Михаила Тверского**, обвинил митрополита **Петра** в **симонии**, то есть назначения священников на должности за мзду, однако на **Церковном Соборе** оклеветанный митрополит был полностью оправдан. Причем, как предположили ряд историков (**В. Кучкин**, **А. Горский**), это произошло благодаря активной поддержке московских князей **Юрия** и **Ивана**. Когда тверские князья занимали великокняжеский престол, митрополит **Петр** частенько приезжал в **Москву**, где и скончался в **декабре 1326 г.** и был погребен в недостроенной церкви **Пресвятой Богородицы** на территории **Московского Кремля**. Новый митрополит грек **Феогност**, прибыв в 1328 г. из **Константинополя** на Русь, сразу поселился в **Москве** и перенес сюда митрополичий престол, поскольку **Москва** была единственной княжеской столицей, в которой не было своей епископальной кафедры, что сразу исключило возможность потенциального противостояния местного епископа и митрополита **Всея Руси**.

2) Как установили многие историки (**С. Веселовский**, **А. Зимин**, **В. Кучкин**, **А. Горский**), при **Иване Калите** усилился приток служилых людей из других русских княжеств, в результате чего значительно возросла экономическая и политическая мощь московского боярства, которое превратилось в самую крупную и сплоченную военно-служилую корпорацию в **Северо-Восточной Руси**. Активно участвуя в сборе ордынской дани и получая от своего сюзерена крупные вотчины на правах родовых владений, московские бояре смогли быстро обогатиться, и стали выступать главными гарантами и защитниками своих жизненных интересов и прав своего сюзерена — московского князя на великокняжеский престол.

3) За годы правления **Ивана Калиты** существенно возросла территория **Московского княжества** за счет вхождения в его состав **Дмитрова**, **Галича**, **Углича**, **Белоозера**

и части **Ростова**. Причем, как верно отметили многие историки (**А. Пресняков, В. Кучкин, Н. Борисов, А. Горский**), в отличие от отца и старшего брата, он действовал не столько мечом, сколько мощной, совершая «купли» и «примыслы» этих земель. Что представляли собой эти «купли» до сих пор не вполне ясно, поэтому этот вопрос остается дискуссионным. Одни историки (**С. Соловьев, А. Пресняков, М. Любавский, А. Горский**) полагали, что речь шла о покупке у тамошних князей каких-то суверенных владельческих прав. Но их оппоненты (**В. Кучкин, Н. Борисов**) утверждают, что ивановские «купли» представляли собой покупку ярлыков на эти княжества в самой Орде. Между тем, относительно недавно доктор исторических наук **К.А. Аверьянов**, посвятивший данной проблеме обе своих диссертации, в своей обобщающей монографии «**Купли Ивана Калиты**» (2001) высказал веское предположение, что под терминами «купли» и «примыслы» следует понимать территории, полученные **Иваном Калитой** и его братьями в качестве приданого.

В конце жизни **Ивану Калите** пришлось столкнуться со старой проблемой — возвращением на политическую арену беглого тверского князя **Александра Михайловича**, который был прощен ханом **Узбеком** и в 1337 г., после десятилетнего княжения в **Пскове**, вернулся на тверской престол. Опасаясь возможной конкуренции с его стороны, московский князь сразу отъехал в **Сарай** и вернулся «въ свою отчину, пожалованъ Богом и царем». О чем он поведал ордынскому хану доподлинно неизвестно, но, вероятно, речь шла о тайном союзе тверского и литовского князей, направленного против Орды. Поэтому в 1339 г. **Александр Михайлович** и его старший сын **Федор** были вызваны в **Сарай** и казнены здесь по приказу хана **Узбека**.

Последней политической акцией **Ивана Калиты**, предпринятой зимой 1339—1340 гг., стало участие московских полков в походе ханского темника **Тувлубия** против брянского и смоленского князей **Дмитрия Романовича** и **Ивана Александровича**, которые признали сюзеренитет Великого литовского князя **Гедимина** (1316—1341) и отказались платить «ордынский выход» в **Сарай**. Однако **Смоленский поход** закончился неудачей и эти земли на время отошли к Литве.

В отечественной историографии до сих пор существуют разные оценки личности и деяний **Ивана Калиты**, в частности его взаимоотношений с Ордой и общих итогов его правления. Практически все историки едины в том, что **Иван Калита** был верным вассалом хана **Узбека** — одного из самых кровожадных правителей Золотой Орды. При этом авторы либерального толка и советские историки (**В. Ключевский, М. Покровский, А. Насовнов, Л. Черепнин, Р. Скрынников, А. Юрганов**) всячески осуждали этот политический курс, а их оппоненты (**А. Пресняков, А. Кузьмин, Н. Борисов, А. Горский**), напротив, вполне справедливо говорили о том, что в тогдашних исторических условиях реальной альтернативы этому политическому курсу просто не существовало. Что касается общих итогов правления **Ивана Калиты**, то здесь так же существует две противоположных точки зрения. Одни авторы (**А. Пресняков, А. Кузьмин, Н. Борисов**) считали его выдающимся государственным деятелем и сознательным сторонником собирания русских земель вокруг **Москвы**, и полагали, что единственный упрек, который можно предъявить **Ивану Калите**, состоит только в том, что он составил свою «**Духовную грамоту**» как обычный московский вотчинник, а не как общерусский государственный деятель. Другие историки (**В. Ключевский, А. Насонов, Л. Черепнин, Р. Скрынников**) утверждали, что **Иван Калита** никогда не ставил перед собой больших государственных задач,

а, преследуя чисто корыстные цели обогащения и укрепления личной власти, вел себя как «мелкий хищник и скопидом».

Незадолго до своей смерти, в 1339 г. «грешный и худый раб Божий Иван, ида в Орду, ни кимь не нужен, целымь своимь умом, в своемь здоровьи» составил новую «Духовную грамоту», согласно которой вся территория **Москвы и Московского княжества** была поделена между тремя его сыновьями — **Семеном, Иваном и Андреем** и женой **Ульяной**. При этом старшему сыну **Семену** он наказал быть печальником «о братье своей молодой и княгине с меншими детьми».

Личность и деяния **Семена Гордого (1340–1353)**, который, получив ярлыки от хана **Узбека**, унаследовал отцовские престолы во **Владимире и Москве**, неоднозначно оценивается в исторической литературе. Например, ряд известных историков либерального толка (**В. Ключевский, А. Пресняков**) считали, его политическим ничтожеством и утверждали, что он, как и его отец, являлся верным слугой ордынских ханов и не помышлял о решении крупных государственных задач. Однако их оппоненты (**И. Греков, Ф. Шахмагонов**) утверждали, что именно **Семен Гордый** был первым русским князем, который сознательно взял курс на вооруженную борьбу с Ордой, но в самый разгар этой многотрудной работы он скоропостижно скончался во время чумной эпидемии, сразившей всю его семью.

Из-за скудности летописных источников разобраться в этой заочной полемике очень сложно, но достоверно можно утверждать одно: **Семен Гордый** действительно успешно продолжил политику отца по собиранию русских земель и укреплению позиций **Москвы** как религиозного и политического центра всей Руси. Как установили многие историки (**В. Кучкин, А. Горский, Б. Флоря**), именно при этом князе в состав **Московского княжества** вошли **Боровск и Верея**, а к **Великому Владимирскому княжеству** отошла вся территория «выморочного» **Юрьевского княжества**. Кроме того, в 1352 г., после успешной пограничной войны с литовским князем **Ольгердом (1345–1377)**, Великий князь восстановил свой сюзеренитет над **Брянским и Смоленским княжествами**. Что касается отношений Великого князя с Ордой, где после кровавой бойни сыновей **Узбека** на престоле утвердился его третий отпрыск **Джанибек (1342–1357)**, то ему удалось сохранить прежние отношения с **Сараем** и уберечь русские земли от разорительных «татарских ратей».

В 1353 г. из Европы на Русь пришло страшное бедствие — «моровая чума». В этой жуткой эпидемии, которая унесла жизни сотен тысяч русских людей, погибли сам Великий князь, его жена **Мария Александровна**, их малолетние чада **Иван и Семен**, младший брат **Андрей Серпуховской**, митрополит **Феогност** и другие кремлевские обитатели. В результате этих трагических событий единоличным правителем **Москвы** и всего **Московского княжества** стал его младший брат **Иван Красный (1353–1359)**, который вскоре получил в **Сарае** ярлык и на великое княжение.

Несмотря на кроткий нрав нового Великого князя, который продолжил прежний курс в отношениях с Ордой, его правление было ознаменовано рядом важных политических событий. Во-первых, под контроль московских князей впервые попало **Муромское княжество**, которое до этого никогда не входило в систему **Великого Владимирского княжения**, а в состав самого **Московского княжества** вошла **Кострома**. Вместе с тем, **Иван Красный** не стал ввязываться в очередной военный конфликт с Литвой и в 1356 г. утерял контроль над **Брянским княжеством**. Во-вторых, у него возник острый конфликт с влиятельным московским боярством из-за того, что он

отстранил от управления **Москвой** великого боярина **Василия Васильевича Вельяминова**, предки которого занимали эту ключевую должность еще во времена его деда, князя **Даниила Московского**. Новым московским тысяцким и фактическим главой **Боярской Думы** стал **Алексей Петрович Хвост**. Однако, как повествует анонимный летописец, уже в 1357 г. «**убиение же сего Алексея Петровича бе дивно никако и незнаемо, токмо един обрется на площади лежаще. Мнимся от своей братии от бояр за правду пострадал, вообще их думою убием высть**». В-третьих, в 1354 г. митрополитом Киевским и всея Руси стал выдающийся церковный деятель, владимирский епископ **Алексий**, который при **Иване Красном** трижды ездил в Орду, где излечив от слепоты влиятельную ханшу **Тайдулу**, сумел сохранить за **Москвой** великокняжеский ярлык. Наконец, в-четвертых, после смерти хана **Бердибека (1357–1359)** в **Сарае** начнется «**великая замятня**», где первую скрипку будет играть муж его дочери **Тулунбек-хатун** беклярибек **Мамай (1361–1380)**. В результате этой кровавой свары, в которую погрузилась вся Орда, она фактически распалась на несколько улусов, где одновременно правили четыре «царя» — **Мурат, Абдулла, Кильдибек и Белактемир**, которые ожесточенно боролись за ханский престол в **Сарае**.

3. Северо-Восточная Русь при Дмитрии Донском (1359–1389)

а) Борьба за великокняжеский ярлык и русско-литовские рати (1368–1372)

После смерти **Ивана Красного** московский княжеский престол унаследовал его старший, девятилетний сын **Дмитрий Иванович (1359–1389)**, однако великокняжеский ярлык он утерял, поскольку новый хан-самозванец **Навруз (1361–1362)**, «не по отчине, не по дедине» передал его не князю-младенцу, а суздальско-нижегородскому князю **Андрею Константиновичу**, который, не питая особой любви к ответственной государственной службе, уступил его младшему брату **Дмитрию Константиновичу**. Столь необъяснимое решение **Сарая** сразу вызвало резкое недовольство в **Москве**, поскольку сам московский князь полностью терял контроль над самым крупным и богатым **Владимирским княжеством**, а все московское боярство — очень прибыльный «бизнес» в виде сбора ордынской дани со всех русских земель. Поэтому все здешние боярские кланы, сплотившись вокруг своего малолетнего сюзерена, сразу начали активную борьбу за возвращение ханского ярлыка в **Москву**. По версии одних историков (**Л. Черепнин, А. Кузьмин, Л. Гумилев, Н. Борисов**), во главе этой борьбы встал митрополит **Алексий**, который был старшим сыном очень влиятельного московского боярина **Федора Акинфиевича Бяконта**, который верой и правдой служил московским князьям уже почти полвека. Однако их оппоненты (**Р. Скрынников, А. Горский**) полагают, что решающую роль в этой борьбе сыграл московский тысяцкий **Василий Васильевич Вельяминов**.

Как бы то ни было, но в 1362 г. московский и нижегородский князья «сперлися о великом княжении» и отправили в **Сарай** к новому хану **Мурату (1362–1364)** своих полномочных послов. На сей раз московские бояре взяли вверх, «и принесоша ярлыкъ княжение великое по отчине и по дедина князю великому Дмитрею Ивановичю Московскому». Однако на этом борьба за ханский ярлык лишь обострилась, поскольку в игру вмешался давний соперник **Мурата** «**мамайский царь**» **Абдулла**,

поскольку в это время Орде установилось классическое двоевластие. Первый хан контролировал **Восточную (Синюю) Орду** и сидел в **Сарае**, а второй — **Западную (Белую) Орду** и сидел в **Укеке**, в низовьях **Днепра**. По мнению одних историков (**Г. Вернадский, А. Горский**), в этой ситуации послы московского князя решили перестраховаться и получили второй ярлык у **Абдуллы**, что вызвало гнев хана **Мурата**, который передал ярлык нижегородскому князю, однако их оппоненты (**А. Кузьмин, Н. Борисов**) полагают, что **Дмитрий Константинович** сразу получил великокняжеский ярлык именно из рук **Абдуллы**. В любом случае в **Москве** решили идти до конца и в **1363 г.** московские полки, которые возглавил сам юный князь, вынудили нижегородского князя уйти из стольного **Владимира** и отъехать на родовой престол в **Суздаль**. Точка в этом противостоянии была поставлена в **1366 г.**, когда состоялась «свадебная каша» между **Дмитрием Московским** и дочерью нижегородского князя **Евдокией Дмитриевной**.

Пока **Москва** и **Нижний Новгород** боролись за великокняжеский ярлык, в **Твери** разгорелся внутренний конфликт между двумя княжескими кланами — «**кашинской ветвью**», которую возглавлял правящий тверской князь **Василий Михайлович (1349–1368)**, и «**микулинской ветвью**», во главе которой стоял удельный князь **Михаил Александрович (1339–1368)**. Этот конфликт был обусловлен не только традиционной борьбой за власть и выморочные земли в самом княжестве, но и с разной политической ориентацией этих княжеских кланов. Первая группировка традиционно опиралась на **Москву**, поскольку невесткой **Василия Михайловича** была дочь **Семена Гордого** княгиня **Василиса**, а вторая группировка — стала искать опору в **Вильно**, поскольку женой Великого литовского князя **Ольгерда (1345–1377)** была старшая сестра **Михаила Александровича** княгиня **Ульяна**.

В **1368 г.** после смерти **Василия Михайловича**, опираясь на поддержку хана **Абдуллы**, княжеский престол в **Твери** занял **Михаил Александрович (1368–1399)**, который сразу вступил в конфликт с родней покойного князя и московским наместником **Еремеем** из-за **Городка (Старицы)**. Московский князь **Дмитрий Иванович** послал им на помощь свои полки, и тверской князь позорно бежал в Литву под защиту своего влиятельного зятя, который начал войну с **Москвой**, получившую в русских летописных сводах емкое название «**Литовщина**».

Осенью **1368 г.** литовский князь **Ольгерд**, вступив в пределы **Стародубского княжества**, разгромил здесь дружину воеводы **Семена Крапивы**, затем убил князя **Константина Юрьевича Оболенского** и двинулся на **Москву**. Это неожиданный маневр с юго-западного направления не позволил московскому князю вовремя собрать свои полки, и он успел выслать навстречу неприятелю только один **сторожевой полк** во главе с воеводами **Дмитрием Мининым** и **Акинфом Шубой**. Однако этот полк не смог сдержать литовскую рать, и был разбит ею в битве на реке **Тросна**. В этой ситуации **Дмитрий Иванович** заперся в только что отстроенном белокаменном **Московском Кремле** и литовцы, простояв под его неприступными стенами несколько дней, «не солоно хлебавши», повернули назад.

В **1370 г.** **Михаил Тверской**, получив от очередного «**мамайского царя**» **Булака** ярлык на великое княжение, попытался обойти московские заставы и вернуться в **Тверь**. Однако ему не удался этот маневр, и «**такое едва утече не въ мнозе дружине и прибеже паку въ Литву**», где опять подговорил князя **Ольгерда** начать новый поход на **Москву**. На этот раз литовские полки вторглись в пределы **Волоколамского**

княжества, где попытались сходу взять **Волоколамск**, но здешний князь **Василий Иванович Березуйский** отбил приступ литовской рати и она, пограбив местные окрестности, двинулась к **Москве**. Однако новая осада **Московского Кремля**, которая началась в **декабре 1370 г.**, опять не увенчалась успехом, поскольку, узнав, что на помощь **Москве** двинулись полки серпуховского и рязанских князей, **Ольгерд** спешно снял осаду города и ушел в Литву.

В **1371 г.** тверской князь вторично направился в **Сарай**, где вновь получил ярлык на великое княжение и в сопровождении ханского посла **Сарыхожи** двинулся на Русь. По прибытию в великокняжеские земли ханский посол потребовал от московского князя срочно явиться во **Владимир** и признать «старейшинство» **Михаила Тверского**. Однако **Дмитрий Московский** дерзко заявил ему: «кѣ ярлыку не едѹ, а вѣ землю на княжение на великое не пущаю, а тебе послѹ пѹть чист». В результате **Сарыхожа** сам явился в **Москву**, где получив богатые дары, признал права московского князя на великокняжеский ярлык. В этой ситуации тверской князь вновь побежал за помощью к литовскому зятю и в **1372 г.** **Ольгерд** в третий раз пошел походом на **Москву**. Но в районе **Любутска** на **Оке** московская рать разгромила литовский сторожевой полк и неприятель, так и не рискнув ввязаться в новое сражение, вынужден был ретироваться и уйти восвояси. В **июле 1372 г.** между **Москвой** и **Вильно** был заключен мирный договор, по которому **Ольгерд Литовский** признал великое княжение «отчиной» **Дмитрия Московского**, и тем самым полностью отказался от поддержки любых притязаний амбициозного шурина на великокняжеский престол.

Точка в затянувшемся конфликте **Москвы** и **Твери** была поставлена в **1375 г.**, когда тверской князь вновь получил в Орде ханский ярлык и напал на **Углич** и **Торжок**. На сей раз терпение **Дмитрия Ивановича** лопнуло и «совравѣ вон многа и пондѣ на князя **Михаила Александровича**, и пришедше и остѹпиша градѣ **Тверь**». Тверской князь, «затворися в граде», рассчитывал отбиться от объединенных войск владими́ро-московского, смоленского и брянского князей, однако «виде изнеможение граду, бѣя челом князю великому **Дмитрею Ивановичю о мире**». Великий князь, «не хотѣя видети разорению граду и взя мир», подписал с тверским князем «мировое докончание», по которому тот признал себя «младшим братом» московского князя, а великое княжение — «его отчиной», которое обязался «блюсти, а не обидете».

б) Русско-ордынские отношения (1374–1380 гг.)

Примирение с **Вильно** и усмирение **Твери** позволило **Дмитрию Московскому** и митрополиту **Алексию** сконцентрировать внимание на отношениях с **Сараем**, где ожесточенная борьба за ханский престол, которой дирижировал узурпатор **Мамай**, приняла откровенно уродливый характер. Вероятно, это обстоятельство и подвигло Великого князя полностью отказаться от прежнего курса в отношениях с Ордой и начать борьбу за свержение «ордынского ига». Надо сказать, что в последнее время ряд историков (**А. Плигузов, А. Хорошкевич**) стали утверждать, что нечто подобное **Дмитрий Московский** собирался предпринять уже в конце **1360-х гг.**, однако три нашествия литовцев на **Москву** сорвали эти грандиозные планы московского князя. Но большинство историков (**А. Насонов, А. Кузьмин, В. Кучкин, А. Горский**) справедливо говорят, что данное предположение основано всего лишь на одном превратно истолкованном источнике — послании **Константинопольского патриарха Филофея** русским князьям, где речь шла не о борьбе с Ордой, а о про-

тивоедействию захватническим планам языческой Литвы, где до сих пор «скверно и безвозможно поклонялись огню».

Достоверно известно, что только в 1374 г. «князю великому Дмитрию Московскому вышетъ розмирне съ татары и съ Мамаємъ». Как установили современные историки (В. Кучкин, А. Горский, В. Егоров), русские летописцы никогда раньше не употребляли термин «розмирне» при характеристике русско-ордынских отношений, а пользовались им исключительно при описании княжеских распрей на Руси. Поэтому не вызывает сомнения, что факт «розмирня съ татары и съ Мамаємъ» означал полный отказ от признания самозванных ордынских царей и уплаты им «ордынского выхода». В этой ситуации узурпатор Мамай попытался получить эту дань с более сговорчивого нижегородского князя Дмитрия Константиновича и послал к нему тысячную рать во главе с мурзой Сарайкой. Однако на сей раз нижегородский князь проявил полную солидарность с Великим князем и перебил весь ордынский отряд во главе с ханским послом.

Затем, в ноябре 1374 г., в Переяславле состоялся княжеский съезд, на котором все русские князья впервые подписали союзный договор о совместной борьбе с Ордой: «а пондѹт на нас татарове, битися в єдино всемъ противу их, аще мы пондем єдино на нх». В марте 1375 г. состоялся аналогичный княжеский съезд, место проведения которого до сих пор осталось неизвестным. Зато достоверно известно, что участие в этом съезде приняли двадцать русских князей, в том числе Дмитрий Иванович Московский, Владимир Андреевич Серпуховской, Дмитрий Константинович Нижегородский, Андрей Федорович Ростовский, Василий Васильевич Ярославский, Иван Васильевич Вяземский, Василий Михайлович Кашинский, Федор Романович Белозерский, Андрей Федорович Стародубский, Федор Михайлович Моложский, Роман Михайлович Брянский, Семен Константинович Оболенский, Роман Семенович Новосильский и Иван Константинович Тарусский. Вероятно, именно эти князья приняли участие и в известном походе на Тверь, в результате которого тамошний князь Михаил Александрович подписал упомянутый выше Московский договор.

Надо сказать, что в исторической литературе давно идет спор о том, кто подвиг Дмитрия Московского на принципиально новый политический курс в отношениях с Ордой. Большая группа авторов (Г. Прохоров, В. Пашуто, Б. Клосс, Р. Скрынников, Н. Борисов) традиционно утверждает, что им стал влиятельный игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский, который убедил Дмитрия Московского начать вооруженную борьбу с Ордой. Более того, ряд сторонников этой версии (Н. Борисов, Г. Прохоров) говорят о том, что именно тогда, в середине 1370-х гг., игумен Сергей стал духовником Великого князя и спустя несколько лет лично благословил его перед Куликовской битвой. Однако их оппоненты (А. Кузьмин, В. Кучкин, А. Хорошев, А. Горский) более обоснованно говорят о том, что инициатором нового политического курса стал влиятельный митрополит Алексий, который был фактическим главой Боярской Думы и долгие годы, вплоть до своей кончины в 1378 г., определял весь политический курс Москвы. Более того, сторонники этой версии аргументировано доказали, что Сергей Радонежский, как и другие церковные иерархи, в частности новоиспеченный митрополит Киприан, суздальский епископ Дионисий и игумен Симонова монастыря Федор, объективно не мог стать инициатором нового курса с Сараем, поскольку в отличие от митрополита Алексия был убежденным сторонником сохранения прежних отношений с Ордой. Так же не

состоятельно и широко распространенное мнение о том, что **Сергий Радонежский** был духовником Великого князя и благословил **Дмитрия Московского** перед **Куликовской битвой**, поскольку ряд авторов (**А. Кузьмин**) вполне убедительно доказали, что в этот период: 1) духовником Великого князя был коломенский священник **Митяй**; 2) **Сергий Радонежский** был в конфликте с Великим князем, поскольку он, как и митрополит **Алексий**, выступал за разрыв всех отношения с **Константинопольским патриархатом**, где к руководству пришли **космополиты-исихасты**, которые открыто поддерживали Орду и Литву; 3) информация о встрече князя **Дмитрия** со своим мифическим «духовником» перед **Куликовской битвой**, содержится только в трех, более поздних источниках, созданных в **1440-х гг.** при митрополите-исихасте **Исидоре**, подписавшем **Флорентийскую унию** с римским престолом, — в **IV Новгородской** и **I Софийской летописях** и второй редакции **«Жития преподобного Сергия»**, автором которой был известный сербский книжник-исихаст **Пахомий Логофет**.

В конце **1375 г.** ордынцы совершили набег на **Новосильское княжество** и сожгли его столицу город **Новосиль**, где правил верный союзник **Москвы** князь **Роман Семенович**. В этой ситуации **Дмитрий Иванович** пошел на беспрецедентный шаг и впервые, выйдя за пределы своего княжения, «**хóдил за Оку ратню, стерегася рати татарскою**». Однако **Мамай** не рискнул предпринять новый поход, и московская рать отошла назад. Но уже **весной 1377 г.** московско-нижегородская рать под водительством московского воеводы **Дмитрия Михайловича Боброка-Волынца** и нижегородских князей **Василия** и **Ивана Дмитриевичей** совершила очень удачный поход против **Булгарской Орды**, которая де-факто отделилась от **Сарая**. Русская рать не только разгромила булгарских татар, но впервые получила от ордынцев большую военную контрибуцию и заставила принять здешнего эмира **Хасана** великокняжеских слуг — **даругу** (сборщика дани) и **мытника** (сборщика таможенной пошлины).

Вскоре, получив известие о том, что Орда готовит новый поход на нижегородские земли, Великий князь выслал навстречу неприятелю пять полков во главе с городецким князем **Иваном Дмитриевичем**. В начале **июля 1377 г.** русские ратники подошли на левый берег реки **Пьяны** и встали здесь лагерем в ожидании врага. Однако вскоре сюда пришло известие о том, что ордынцы стоят очень далеко, на границах **Новосильского княжества** и русские воеводы, сняв с себя тяжелые доспехи и оружие, «**начаша ловы за зверми и птицами творити, и потехи деюще, не имея ни малейшаго сомнения**». Глядя на своих загулявших воевод, рядовые ратники тоже стали бражничать и «**оплошишася и не в врежении хóждаху, доспехи своя вскладше на телеги, а иные в сүмы, а у иных и сүлицы еще не насажены бяху, а щиты и копыя не приготовлены**». А тем временем ордынцы под водительством царевича **Арапши**, тайно подведенные мордовскими князьями в русский лагерь, **2 августа 1377 г.** напали на спящих русских ратников и перебили их. Часть из них погибла в самом лагере, а другая часть, в том числе городецкий князь **Иван Дмитриевич**, спасаясь бегством, утонули в реке. Позднее безымянный автор летописной повести об этой битве с горечью каламбурил «**поистине за Пьяною пьяни**». Разгромив русскую рать, ордынцы разорили все **Нижегородское княжество**, затем взяли приступом **Рязань**, пограбили здешние земли, и только после этого разбоя ушли к себе, в заволжские степи.

Летом 1378 г., решив закрепить достигнутый успех, узурпатор **Мамай**, направил на Русь новую многотысячную рать во главе с мурзой **Бегичем**. На сей раз, учтя

горький урок **Пьяны**, поход против татар возглавил сам Великий князь, который «сбравъ воя многы и понде противу их в силе тяжце, переехавъ за Оку, вниде в землю Рязанскую и сретошася с татари у реки у Вожи». Причем, как предположил профессор **В.А. Кучкин**, именно перед этой битвой **Дмитрий Московский** получил благословение от игумена **Троицкого монастыря Сергия Радонежского**. По мнению анонимного автора «Повести о побоище на реке Воже в Рязанской земле» и ряда современных историков (**В. Назаров, А. Горский**), в составе русского войска были только великокняжеские и рязанские полки: большой полк возглавил сам **Дмитрий Иванович**, полк левой руки — его окольный **Тимофей Вельяминов**, а полк правой руки — князь **Даниил Пронский**. Решающая битва с ордынцами началась утром **11 августа 1378 г.** неудачной попыткой татар форсировать **Вожу**, после чего русская рать «удари на них: съ едину сторону Тимофей окольный, а съ другую сторону князь Даниил Пронский, а князь великий удари в лице. Татарове же в том часе повергоша копыя своя и повегоша за реку за Вожу, а наши после за ними бьючи их, и секучи, и колючи, и убиша их множество, а инни в реце истопоша. Князь же великий Дмитрей возвратися оттуду на Москву с победою великою и рати распустити съ многою корыстью».

в) Куликовская битва 1380 г. и ее историческое значение

После этой катастрофы **Мамай** прекрасно осознал, что именно теперь возникла вполне реальная угроза полной потери русских земель, поэтому вскоре начал масштабную подготовку к решающей схватке с **Москвой**. Как повествует **Московский летописный свод**, к весне **1380 г.** под знаменами **Мамая** собрались внушительные силы: «все князи ордынскии и со всею силою татарскою и половецкою, еще же к тому понаимовалъ рати, бесермены и армены, фрязы и черкасы и буртасы, с нимъ же вкупе въ единой мысли и князь велики Литовъскыи Яганло Олгердовичъ со всею силою литовскою и лятскою, с ними же въ единачестве и князь Олегъ Ивановичъ Рязанъскыи».

Естественно **Дмитрий Московский** очень внимательно следил за ситуацией в Орде, в том числе через своих доверенных лиц — московского посла в Сарае **Захара Тютчева** и воеводы сторожевого полка **Василия Турика**. Именно от них в июне **1380 г.** он получил достоверную информацию о том, что «яко неложно идетъ царь на Русь, совокупяся со Олгом князем Рязанским и с Ягайлом князем Литовским, и еще не спешитъ царь, но ждетъ осени, да совокупится с Литвою». Убедившись в том, что **Мамай** усиленно готовится к большому походу на **Москву**, Великий князь «повеле всемъ людямъ быти на Коломну месяца августа в 15 день». Вопрос о том, кто конкретно принял участие в этом грандиозном походе, до сих пор до конца не прояснен, поскольку в самих исторических источниках содержатся довольно противоречивые сведения на этот счет. При этом сразу оговоримся, что мы не будем комментировать антинаучные бредни господина **Л.Н. Гумилева** о героической татарской коннице, разгромившей своих кровных собратьев на **Куликовом поле**, поскольку при описании этих исторических событий у известного любителя дедуктивного метода, видимо, произошло очередное душевное обострение.

Если говорить по существу, то следует признать, что в **Рогожском летописце, IV Новгородской и I Софийской летописях**, созданных в первой половине **XIV в.**, сведения о **Куликовской битве** носят предельно лаконичный характер и не содер-

жат никакой информации об участниках этого сражения. Однако в более поздних источниках, прежде всего, в «Сказании о Мамаевом побоище» и «Летописной повести о Куликовской битве», созданных в конце XV — начале XVI в., напротив, представлена очень подробная информация о том, кто принимал участие в этом сражении.

Одни авторы (М. Тихомиров, В. Кучкин, Р. Скрынников) больше доверяли «Сказанию о Мамаевом побоище», другие авторы (Ю. Бегунов, С. Азбелев) приводили веские аргументы в пользу **Разрядной росписи**, которая содержалась в «Летописной повести о Куликовской битве», а третья группа авторов (Л. Черепнин, А. Кирпичников, В. Каргалов) пыталась свести воедино информацию обоих источников. Между тем, профессор А.А. Горский, автор двух фундаментальных монографии «Москва и Орда» (2001) и «Русь: от славянского расселения до Московского царства» (2004), детально проанализировав весь комплекс доступных письменных источников, вполне аргументировано предположил, что накануне **Куликовской битвы** под знаменами **Дмитрия Московского** собрались:

1) Полки всех крупных великокняжеских городов, то есть **Владимира, Москвы, Суздаля, Коломны, Звенигорода, Можайска, Волока, Серпухова, Боровска, Дмитрова, Переяславля, Юрьева, Костромы, Углича, Галича, Бежицкого Верха, Вологды и Торжка.**

2) Дружины одиннадцати удельных князей — **Владимира Андреевича Серпуховского, Федора Романовича Белозерского, Ивана Васильевича Вяземского, Андрея Федоровича Ростовского, Андрея Федоровича Стародубского, Василия Васильевича Ярославского, Федора Михайловича Моложского, Семена Константиновича Оболенского, Ивана Константиновича Тарусского, Василия Михайловича Кашинского, Романа Семеновича Новосильского и трех князей-изгоев Романа Михайловича Брянского, Андрея Ольгердовича Полоцкого и Дмитрия Ольгердовича Трубчевского.**

26 августа 1380 г. в пограничной **Коломне** **Дмитрий Иванович** провел смотр всех полков и отдал приказ об организации походного строя. Все прибывшие силы посадских ополченцев и княжеских дружинников были сведены в пять тактических единиц — **Передовой полк, Большой полк, Полк правой руки, Полк левой руки и Резервный полк.** Для каждого тактического полка были назначены старшие воеводы, которым подчинялись князья и воеводы организационных полков, в том числе московские бояре **Михаил Иванович Бренк, Иван Родионович Квашня, Семен Данилович Мелик, Михаил Иванович Акинфов, Тимофей Васильевич Окатьев, Микула Васильевич Вельяминов, Федор Васильевич Грунка, Лев Иванович Морозов, Андрей Иванович Серкиз** и другие.

Оценив сложившуюся обстановку, в том числе то обстоятельство, что на сторону **Мама** перешел рязанский князь **Олег Иванович, Дмитрий** вышел в поход по левому берегу **Оки**, дабы «никто же не коснется ни единому власу» здешних обитателей. Дойдя до устья **Лопасни**, он форсировал **Оку** и, резко повернув на юг, двинулся к границам Орды. **6 сентября 1380 г.** русская рать достигла верховьев **Дона**, где, разбив ордынский сторожевой отряд, встала лагерем на левом берегу реки. Противоречивость различных исторических источников с большим трудом позволяет реконструировать и точное место, и сам ход **Куликовской битвы**, что довольно четко видно при анализе многочисленных работ, принадлежащих перу **М.Н. Тихомирова, А.Е. Разина, А.Н. Кирпичникова, Р.Г. Скрынникова, В.А. Кучкина, А.Е. Петрова** и других известных историков. Поэтому нам придется изложить традиционный

взгляд на эту битву, который отражен в самом подробном и одновременно самом критикуемом источнике — «Сказании о Мамаевом побоище». Причем, сразу оговоримся, что популярные лженаучные басни современных «евразийцев» (Л. Гумилев, В. Кожинов) и «новохронологов» (А. Фоменко, Г. Носовский) мы оставим без комментариев в виду их откровенной патологии.

Подойдя к левому берегу Дона, в деревне Чернова, «сташа тѹ и много дѹмающе», все князья и воеводы бурно обменялись мнением о дальнейшем плане действий. Вероятно, изначально Дмитрий Московский не собирался форсировать Дон, однако получив известие от новых «сторожей» — Петра Горского и Карпа Олексина, что Мамаева орда кочует у Кузьминой гати в ожидании подхода войск Ягайло Литовского и Олега Рязанского, он принял решение переправиться на правый берег Дона и дать сражение Мамаю на расположенном здесь Куликовом поле. Причем, сразу после переправы через Дон он приказал сжечь все пять мостов, заявив своим ближним князьям и боярам: «аще побием, то спасемъ, аще ли ѹмремъ, то вси овщѹю смерть приемемъ отъ князя и до простого смерда».

Многие историки (Л. Гумилев, В. Кожинов, Н. Борисов, В. Каргалов) именно этот моральный аспект выдвигают в качестве основного аргумента сожжения мостов через Дон. Однако известный военный историк Е.А. Разин абсолютно верно указал, что помимо этого аспекта, важную роль в принятом решении имели тактические соображения. Во-первых, переправа через Дон дала возможность сохранить стратегическую инициативу и, во-вторых, это обстоятельство позволило Дмитрию Московскому обезопасить свои тылы в случае подхода к полю битвы союзных Мамаю литовских и рязанских полков.

7 сентября 1380 г. сторожевой отряд под командованием Семена Мелика, имевший задачу «да видятъ съ стражи татарскими и подадять скоро вѣсть», вступил в бой с передовыми разездом ордынцев и нанес ему значительные потери. Тем временем «Мамай же слышавъ приходъ великого князя Дмитрия Ивановича съ всеми князьями русскими и съ всею силою своею къ рѣцѣ къ Донѹ, и сеченыя своя видѣ, и възнарися зракомъ, и смѹтися ѹмомъ, и распалися лютою яростию, и наполнися аки аспида некаа гневомъ дышѹщи, и рече княземъ своимъ темнымъ: «двинемъ силою всею моею темною и станемъ ѹ Донѹ противѹ князе Дмитрия Ивановича, доколе приспѣетъ къ намъ светникъ нашъ Ягайло князь всею силою своею литовскѹю». Семен Мелик донес князю Дмитрию, что татары находятся на Гусином броду, и посоветовал ему «исполчитися, да не ѹскорятъ поганини».

Вечером того же дня на Куликовом поле вся русская рать были выстроена в боевой порядок. В самом авангарде русских войск был поставлен Сторожевой полк во главе с князьями Семеном Оболенским и Федором Тарусским. За ним по центру был поставлен Большой полк и Двор Московского князя, который возглавил московский окольничий Тимофей Вельяминов. На флангах основных сил встали Полк правой руки во главе с князьями Андреем Полоцким и Андреем Ростовским, и Полк левой руки, который возглавили князья Василий Ярославский и Феодор Моложский. В дубраве, расположенной между Доном и рекой Смолкой, был поставлен Засадный полк во главе с князем Владимиром Серпуховским и воеводой Дмитрием Боброком. Надо заметить, что при построении полков Дмитрий Московский и Дмитрий Боброк, которому была поручена расстановка всех войск на Куликовом поле, проявили незаурядный полководческий талант, поскольку: 1) оба полка, расположенных

на флангах русских войск, упирались в речки **Смолка** и **Нижний Дубняк**, что автоматически лишило татарскую конницу тактического преимущества и не позволило ей совершить излюбленный фланговый обход и 2) из состава основных сил был впервые выделен специальный **Засадный полк**.

8 сентября 1380 г., около полудня, когда на **Куликовом поле** рассеялся густой туман, **Дмитрий Московский**, «повеле полком своим в мале выступити», двинулся вперед и вышел к высотам **Куликова поля**. Однако в это время с **Красного холма**, где находилась ставка **Мамая**, навстречу русским ратникам стремительно двинулись татарская пехота, которая вскоре остановилась, поскольку не успела развернуть весь свой строй для отражения атаки **Сторожевого полка**. Воспользовавшись этой остановкой, «**князь великий наперед в сторожевых полцех ездяше и, мало там пребыв, возвратися паки в великий полк**». Прибыв в свою ставку, расположенную в селе **Монастырщина**, князь **Дмитрий** снял свои доспехи и вручил их ближнему боярину **Михаилу Ивановичу Бренку**, который должен был сражаться под великокняжеским стягом, а сам, облачившись в доспехи простого ратника, вернулся на поле битвы. И хотя «много ему глаголаше князи и воеводы его: «**господине княже, не ставися наперед битися, но ставися назади, или на крыле, или инде где на опришнем месте**», он заявил им, что не «**токмо словом, а тако и делом прежде всех сам начати, давы и прочие, видевшие мое дерзновение, ити такоже да сотворят со многым усердием**».

Тем временем, **Сторожевой полк**, продвинувшись далеко вперед, оказался под ударом не только передовых ордынских отрядов, но и главных сил татарской конницы, ударившей по нему с обоих флангов. Когда князь **Дмитрий** понял, что **Сторожевой полк**, истекая кровью в неравном бою, вряд ли сможет удержать натиск неприятеля, он «отселе поиде с всеми князи русскими, изрядов полки противу поганым, с всеми ратми своими. И тако сступишася обе силы великиа на вой, и высть брань крепка и сеча зла зело, и лиашеся кровь, аки вода и подоша мертвых множество бесчислено от обонх сил, всюду бо множество мертвых лежаху, и не можаху кони ступати по мертвым, не токмо же оружием убивахуся, но сами себя бьюще, и под коньскими ногами умираху, от великие тесноты задыхашуся, яко немощно бе вместилися на поле Куликове, между Доном и Мечи, множества ради многих сил сошедшеся».

В этом кровопролитном аду самым устойчивым оказался **Полк правой руки**, отразивший все атаки ордынской конницы, однако в центре, где противник нанес главный удар, после трехчасового боя сложилась крайне опасная обстановка. Ордынцы попытались прорвать фронт **Большого полка**, но стойкость владимирских и суздальских ратников позволила восстановить линейный строй полка и отразить атаку врага. Поэтому противник перенес главный удар против **Полка левой руки**, где более пологие овраги в верховьях реки **Смолки** позволили ему задействовать всю конницу. В результате этого удара «**пешаа русскаа великаа рать, аки древеса, сломишися и, аки сено посечено, лежаху, и бе видети страшно зело, и начаша татарове адолевати**». **Полк левой руки** сражался очень упорно, но под натиском превосходящих сил противника стал отходить к **Непрядве**, обнажая левый фланг **Большого полка**. В результате этого маневра, «**поганин заидоша всюду**», стали теснить русские полки и уже торжествовали победу. Однако в самый критический момент битвы «**Дмитрей Боврок рече князю Володимеру Андреевичю: «господине княже, час прииде, время приближися**» и **Засадный полк** «**изыдоша с яростью и ревностью**» на врага. В ре-

зультате этой атаки «побегоша татарстни полци, а христианьстни полци за ними гоняюще, бьюще и секуще их». Неожиданный удар свежей русской кавалерии стал переломным в ходе всей битвы и под натиском Засадного полка, Полка правой руки и остатков Большого полка, татары в беспорядке бросились к Красному холму и «видешася Мамаю и татарам его, яко изыдоша из дубравы христианьстни полцы тмочисленныя, и никтоже от татар можаше стати противу их, и побеже Мамай со князи своими в мале дружине». Русская рать без промедления стала преследовать остатки разбитого противника и «гониша их до реки до Мечи, а княжий полцы гнашася за татары и до станов их, и полониша богатства и имена их много».

Победа на Куликовом поле досталась очень дорогой ценой, погибли тысячи ратников и ополченцев, в том числе воеводы Федор Романович и Иван Федорович Белозерские, Федор Константинович Тарусский, Михаил Иванович Бренк, Иван Иванович Толбуга, Андрей Иванович Серкиз, Лев Иванович Морозов, Тимофей Васильевич Окадьев, Микула Васильевич Вельяминов, Михаил Иванович Акинфов и другие. Похоронив павших ратников, русская рать двинулась в обратный путь и в начале октября 1380 г. победоносно вернулась в Москву, где ее восторженно встречал весь московский люд, нарекшие своего благоверного князя Дмитрием Донским.

Прямым следствием полного разгрома Мамай на Куликовом поле стало то, что «князь Ягайло со всею силою литовскую побежа назад с великою скоростию, не видеша бо тогда великого князя, ни рати его, ни оружна его, но токмо имени его бояхуся и трепетаху», а Олег Рязанский, узнав о разгроме татарской орды, «в стахе отбежа от града своего Рязани и побеже к Ягайлу князю литовскому, и прииде на рубеж литовский, и ту став, и рече боярам своим: «аз хошу zde ждати вести, как князь велики пройдет мою землю и приидет в свою отчину, и яз тогда возвращуся во свояси».

При изучении Куликовской битвы историки традиционно спорят по двум взаимосвязанным проблемам:

1) Какова была численность войск, принимавших участие в Куликовской битве. В различных исторических источниках, в том числе в «Сказании о Мамаевом побоище», «Летописной повести о Куликовской битве» и Никоновской летописи, приводятся данные о том, что под знаменами Дмитрия Донского собралось то 150 до 400 тысяч ратников. Многие историки позапрошлого века (Н. Карамзин, С. Соловьев) были склонны доверять этим данным и не подвергали их особому сомнению, хотя еще первый русский историк В.Н. Татищев утверждал, что в Куликовской битве приняло участие около 60 тысяч русских ратников. Однако уже в XX веке ситуация резко изменилась, поскольку многие советские историки (М. Тихомиров, Е. Рязин, В. Каргалов, А. Кузьмин, В. Кучкин), проведя разные подсчеты, установили, что численность населения русских городов, порядок комплектования городских полков и княжеских дворов, пропускная способность пяти мостов через Дон и другие данные, говорят о том, что под знаменами Дмитрия Донского собралось не больше 50–70 тысяч ратников. Между тем, ряд современных авторов, в том числе руководители Верхне-Донской археологической экспедиции О.В. Двуреченский и М.И. Гоняный, на основе скрупулезного исследования археологических материалов, отраженных в их кандидатских диссертациях «Вооружение XIII–XVII вв. в контексте истории и археологии Верхнего Подонья» (2002) и «Древнерусские памятники XII–XIV века в районе Куликова поля» (2003) установили, что Куликовская битва

была исключительно конным сражением, в котором приняло участие не более **5–10 тысяч русских ратников**.

Что касается численности **мамаевой орды**, то здесь так же наблюдается довольно большая поляризация мнений. Одни авторы (**М. Тихомиров, Л. Черепнин, А. Кузьмин**) полагали, что под знаменами **Мамая** собралось порядка **150–170 тысяч воинов**. Другие авторы (**Ю. Селезнев**) предположили, что в ордынском войске было **90 тысяч ратников**. Третья группа авторов (**М. Горелик**) утверждает, что реальная численность **мамаевой орды** вряд ли превышала **30–40 тысяч всадников**. Наконец, четвертая группа авторов (**А. Кирпичников, О. Двуреченский, М. Гоняный**) считает, что численность ордынских войск на **Куликовом поле** не могла превышать **10–12 тысяч воинов**.

2) Локализация места **Куликовской битвы**. Первым исследователем **Куликова поля** стал тульский историк-краевед **С.Д. Нечаев**, который впервые предпринял натурные исследования **Куликова поля** и попытался увязать ход знаменитой битвы с реальной местностью, на которой она произошла. Итоги своих полевых исследований он опубликовал в **1821–1823 гг.** на страницах известного журнала «**Вестник Европы**», издателем которого был **Н.М. Карамзин**. Через четверть века начинания **С.Д. Нечаева** продолжил его земляк, другой историк-краевед **И.Ф. Афремов**, который в **1849 г.** опубликовал специальную работу «**Куликово поле**», в которой впервые схематически изобразил эпическую картину гигантского сражения, общий фронт которого составлял не менее **20 верст**. Долгое время именно эта карта-схема **Куликовской битвы** была представлена практически во всей научной и учебной литературе. Однако в начале **1980-х гг.** целый ряд советских ученых (**А. Кирпичников, В. Кучкин, Н. Хотинский, К. Флоренский**) усомнились в достоверности этих данных и установили, что максимальная площадь **Куликова поля**, на котором собственно и состоялась знаменитая битва, составляла не более **3 верст**, поскольку тогда значительная часть этой территории была покрыта густыми перелесками, а в верховьях реки **Смолки** были глубокие овраги, совершенно недоступные для ведения любых боевых действий. Причем, ряд сторонников этой версии (**В. Кучкин, К. Флоренский, А.Г. Кузьмин**) сделали предположение, что **Куликовская битва** начиналась не на левом, а правом берегу **Дона**, а уже на **Куликовом поле** состоялся завершающий этап этого сражения. В настоящее время целый ряд историков (**А. Петров, А. Горский**) не только поддержали мнение старших коллег о том, что **Куликовская битва** проходила на очень ограниченном участке **Куликова поля**, не превышавшего **2-3 версты**, но и заявили, что это сражение состоялась на довольно узкой, прибрежной линии реки **Дон**, значительно дальше того места, которое указано на всех традиционных картах-схемах этого сражения.

В последнее время не менее важной проблемой стала оценка отдаленных последствий **Куликовской битвы**. Традиционная точка зрения, восходящая к трудам **Н.М. Карамзина**, состоит в том, что: 1) поход против **Мамая** стал первым общерусским походом против Орды; 2) разгром **мамаевой орды** положил начало многотрудному процессу освобождения русских земель от иноземного владычества и 3) после победы на **Куликовом поле** уже никто не мог оспаривать верховенство **Москвы** как центра собирания всех русских земель. Вместе с тем, ряд современных авторов (**А. Горский**) совершенно справедливо указали на то обстоятельство, что разгром **Мамая** объективно способствовал объединению Орды под властью законного хана

Тохтамыш (1380–1395), который в итоге получил самые большие политические дивиденды от разгрома своего соперника.

Как повествует анонимный летописец, после бегства с **Куликова поля**, **Мамай** «еще восхоте ити изгономъ паки на великого князя **Дмитрия Ивановича**», однако был вынужден вступить в противоборство с законным потомком **Чингисхана** ханом **Тохтамышем**, который разбил его в битве на реке **Калке**. Поверженный **Мамай**, опять сбежав с поля битвы, **весной 1381 г.** попытался укрыться в богатом крымском городе **Кафа**, однако генуэзский консул отказал ему в приюте, и несколько месяцев **Мамай** кочевал в степном **Крыму**, где в **1382 г.** был отравлен агентами великого хана, завербованными в его ближайшем окружении.

г) Последний период правления **Дмитрия Донского (1380–1389)**

В отечественной историографии (**Н. Карамзин, Б. Греков, А. Якубовский, В. Каргалов**) последний период правления **Дмитрия Донского** традиционно трактуется через призму восстановления вассальной зависимости от Орды, произошедшей после знаменитого похода **Тохтамыша** на **Москву** в **августе 1382 г.** Однако, как верно отметил профессор **А.А. Горский**, подобная трактовка произошедших событий сразу порождает ряд важных и трудноразрешимых вопросов, в частности: 1) каковы были отношения **Дмитрия Донского** и других русских князей до похода **Тохтамыша** на **Москву**; 2) чем была вызвана эта военная акция ордынского хана и 3) почему последствия этой успешной военной акции оказались столь мягкими для **Дмитрия Донского**, который не только сохранил великокняжеский ярлык, но и передал его по наследству.

После разгрома **Мамая** новый хан **Тохтамыш** направил к русским князьям своих послов, которые «поведаая имъ како воцарися и како супротивника своего и нхъ врага **Мамаея** поведи». В декабре **1381 г.** **Дмитрий Донской** и другие русские князья, отправив ханских послов «съ честию и съ дары», направили в **Сарай** своих послов «съ богатыми дарами и съ поминки» законному царю **Тохтамышу**. Историки по-разному трактуют этот летописный текст. Одни ученые (**А. Пресняков, Б. Греков, Л. Черепнин**) расценили этот факт как восстановление прежних полноценных вассальных отношений с Ордой, включая уплату «ордынского выхода» в **Сарай**. Другие историки (**А. Горский**) полагали, что в данном случае речь шла о восстановлении вассальных отношений с Ордой, но без уплаты какой-либо дани. Наконец, третья группа авторов (**А. Насонов, И. Греков, А. Кузьмин**) утверждала, что обмен посольствами с Ордой носил характер традиционного дипломатического этикета, поскольку после разгрома **Мамаея** **Дмитрий Донской** отказался признать власть ордынских царей и восстановить вассальные отношения с **Сараем**.

Совершенно очевидно, что после **Куликовской битвы** **Дмитрий Донской** вряд ли проявил полную лояльность Орде, иначе невозможно объяснить, почему **летом 1382 г.** хан **Тохтамыш** пошел походом на **Москву**. Однако это поход был вызван не только этим обстоятельством, но и рядом других важных событий, в частности: 1) распадом коалиции русских князей, принимавшей участие в походе на **Мамаея**, и 2) поражением в борьбе с **Ягайло** литовского князя **Кейстута**, который был давним и искренним союзником **Москвы**.

Летом 1382 г. хан **Тохтамыш** внезапно захватил **Булгарскую Орду** и, переправившись через **Волгу**, вступил в пределы **Нижегородского княжества**. Здешний

князь **Дмитрий Константинович**, осведомленный о походе **Тохтамыш** на Русь, немедленно послал к нему двух своих сыновей **Василия** и **Семена**, которые изъявив покорность законному царю, вместе с ним двинулись к границам **Рязанского княжества**. Здешний князь **Олег Иванович**, который всего год назад признал себя вассалом **Дмитрия Донского**, так же изъявил покорность законному царю и указал ордынцам броды на **Оке**.

Известие о походе **Тохтамыш** застало **Дмитрия Донского** врасплох, но, тем не менее, он вышел навстречу неприятелю, намереваясь дать бой ордынцам на границах с **Рязанским княжеством**. Однако, не получив обещанной помощи от союзных князей, он резко повернул назад и ушел на север, в **Кострому**. Мотивы этого поступка до сих пор очень неоднозначно трактуются в исторической литературе. Одни авторы (**Г. Прохоров**) прямо обвиняли **Дмитрия Донского** в постыдной трусости и бегстве с поля боя. Однако большинство историков (**И. Греков**, **В. Буганов**, **А. Кузьмин**, **А. Горский**) считали, что поспешный отход Великого князя был вызван двумя тактическими обстоятельствами: 1) необходимостью собрать свежие полки для отпора неприятелю и 2) абсолютной убежденностью в том, что до его подхода ордынцы не смогут взять приступом хорошо укрепленный **Московский Кремль**.

Тем временем, беспрепятственно форсировав **Оку**, **Тохтамыш** взял **Серпухов** и, «*волости и села жгүчи и воюючи, а род християнский секүчи и үбиваючи*», двинулся на **Москву**. Узнав о приближении ордынцев, часть боярской верхушки во главе с митрополитом **Киприаном** стала увещевать москвичей не противиться воле законного царя и сдаться на милость победителя. Однако сами москвичи, собравшись на городское вече, решили стоять до конца, сжечь городские посады и запереться в каменном **Кремле**. Оборону города возглавил литовский князь **Остей Дмитриевич**, который, вероятно, был избран на этом вече новым московским тысяцким, то есть главой городского ополчения.

В настоящее время благодаря широко раскрытым работам **Л.Н. Гумилева** стала активно насаждаться версия, что сами москвичи, разгромив боярские погреба и напившись ворованного меда, стали непристойно оскорблять миролюбивых татар, а затем в хмельном угаре открыли им ворота неприступного **Кремля**, за что и поплатились своей жизнью от жутко оскорбленных ордынцев. Подобные рассказы современных «евразийцев» не только находятся за гранью добра и зла, но совершенно противоречат всем летописным источникам, поскольку реально в течение трех августовских дней москвичи успешно отразили несколько штурмов татар и нанесли им большие потери. Не сумев взять хорошо укрепленную крепость штурмом, **Тохтамыш** решил прибегнуть к хитрости и послал для переговоров с москвичами сопровождавших его суздальских князей **Василия** и **Семена**, которые приходились родными братьями жене **Дмитрия Донского**, великой княгине **Евдокии**, которая незадолго до этих событий вместе с детьми отъехала в **Кострому**. Ханские парламентарии клятвенно убедили москвичей вступить в переговоры с законным царем, однако, как только князь **Остей** в сопровождении бояр и духовенства выехал из городских ворот, ордынцы тут же перебили их, а затем устроили настоящий погром во всем городе, «*изрүгиша, пожгоша и истопиша*» более **20 тысяч** москвичей.

Разграбив и разорив столицу княжества, ордынцы, разделившись на две части, пошли измором по близлежащим городам и весям. Однако у **Волока Ламского**

один из их сторожевых отрядов был полностью разбит **Владимиром Серпуховским**, и ордынцы, опасаясь новых столкновений уже с великокняжеской ратью, шедшей на помощь **Москве**, спешно покинул пределы великого княжения и, разорив по дороге **Коломну** и **Рязань**, ушли в **Половецкую степь**.

Как ни странно, но после страшного погрома **Москвы** **Дмитрий Донской** не пошел на поклон к законному царю и стал готовиться к новой войне с Ордой. Естественно это обстоятельство вызвало большую тревогу в самом **Сарае** и в **октябре 1382 г.** в **Москву** прибыл ханский посол **Карач**, который, вероятнее всего, привез **Дмитрию Донскому** условия мирного договора с Ордой. По мнению историков (**А. Насонов, А. Кузьмин, А. Горский**), суть достигнутого исторического компромисса состояла в следующем: 1) московский князь вновь признает себя вассалом ордынского хана и возобновляет уплату ежегодного ордынской дани в размере **5000 рублей**, что было значительно меньше той суммы, которую русские земли традиционно платили в **Сарай** еще со времен хана **Узбека**; 2) московский князь также признает двухгодичный долг перед Ордой в сумме **8000 рублей** и обязуется выплатить его в ближайшие три года; 3) в свою очередь ордынский хан, как верховный сюзерен, признает великокняжеский ярлык за московским княжеским домом, однако из системы великого княжения исключает **Тверское княжество**, правитель которого будет получать именной ярлык на свое княжение в Орде.

В **апреле 1383 г.**, согласовав условия компромисса, **Дмитрий Донской** отправил в Орду новое посольство в составе старшего сына **Василия** и нескольких ближних бояр, которые, получив великокняжеский ярлык, вернулись в **Москву**. Однако юный княжич был оставлен в **Сарае** в качестве заложника и гаранта исполнения **Дмитрием Донским** взятых на себя обязательств. Причем, как справедливо заметил профессор **А.Г. Кузьмин**, в аналогичном качестве в **Сарае** прибывали и другие сыновья русских князей, в частности суздальский князь **Василий Дмитриевич**, поскольку именно при хане **Тохтамыше** основой поддержания господства в русских землях стала новая система княжеских заложников. Правда, в **1385 г.** князь **Василий «привеже из Орды в Подольскую землю в великие волохы к Петру Воеводе»** откуда бежал в Литву, где удельный троцкий князь **Витовт** при активной поддержке митрополита-исихаста **Киприана**, который из-за давнего конфликта с **Дмитрием Донским** находился в **Киеве**, а не в **Москве**, обручил единственную дочь, юную княжну **Софью** на наследнике московского престола. Лишь после совершения этого обряда, в **январе 1388 г.** **Витовт** отпустил **Василия** в **Москву «с князи лятские и панове, и ляхове, и литва»**. Однако **Дмитрий Донской**, прекрасно зная грандиозные планы своих давних политических соперников, обряд обручения не признал и не позволил старшему сыну и наследнику престолу жениться на литовской княжне. Кстати, вероятно, именно в отсутствие законного митрополита в **Москве**, произошло его сближение с **Сергием Радонежским**, который именно в тот период стал фактическим главой русской митрополии в **Северо-Восточной Руси**.

В **апреле 1389 г.**, всего за месяц до своей кончины и рождения пятого сына **Константина**, **Дмитрий Донской** в присутствии десяти старейших бояр и **Сергия Радонежского** составил «грамоту душевную целым своим умом», по которой: 1) приказал «отчинити свою **Москву** детям своим, князю **Василью**, князю **Юрию**, князю **Андрею** и князю **Петру**»; 2) «князя **Василья**, благословил на старший путь в городе

и в станех» и «своею отчиною, великим княженьем», что практически все историки (А. Насонов, Л. Черепнин, А. Кузьмин, Н. Борисов, А. Горский) справедливо расценили как одно из главных политических достижений всего его правления. Кроме того, в своей «Духовной грамоте» Дмитрий Донской, будучи дальновидным государственным деятелем, выразил надежду, что его сын и наследник продолжит прежний политический курс и избавит Русь от ордынского владычества: «а переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть».

4. Социально-экономическое развитие русских земель в XIV в.

Несмотря на очень непростую политическую ситуацию, постоянные ордынские рати и княжеские распри, именно XIV век стал временем серьезных изменений в социально-экономическом развитии русских земель. В первую очередь это касалось восстановления института феодального землевладения, фактически разрушенного в годы первого монгольского нашествия. Как установили многие историки (Г. Вернадский, А. Зимин, В. Кобрин, А. Горский, Н. Горская), именно в этот период основной формой становления светского землевладения в Великом Владимирском и Московском княжествах стало пожалование земли из домениальных княжеских владений различным категориям служилых людей, входивших в состав Великокняжеского Двора. Самой узкой и привилегированной прослойкой великокняжеских слуг были ближние бояре — Вельяминовы, Плещеевы, Морозовы, Всеволожские, Бестужевы, Челядины и ряд других, из числа которых формировался состав великокняжеской Боярской Думы. Затем шли слуги вольные и слуги дворские: первые, как и ближние бояре, получали землю в безусловное держание, то есть родовую вотчину, а вторые, будучи де-факто княжескими холопами, получали наделы земли в условное владение, то есть поместье.

С середины XIV века, после проведения митрополитом Алексеем знаменитой монастырской реформы, в результате которой все монастыри перешли с келиотского на общежитийный устав, в крупного земельного собственника начинает превращаться и Русская Православная Церковь. При этом, как считают многие историки (И. Будовниц, А. Кузьмин, А. Зимин, В. Кобрин, Р. Скрынников), рост монастырского землевладения шел значительно быстрее, чем развитие светского землевладения, поскольку: 1) православное духовенство, обладая привилегированными «тарханскими» грамотами, не платило постылого «ордынского выхода» в Сарай, что способствовало притоку на монастырские земли большого количества крестьян; 2) многие светские феодалы часть своих земельных владений традиционно завещали монастырям «на помин души»; 3) довольно часто собственностью монастырей становились земли тех светских феодалов, которые по разным причинам принимали монашеский постриг и становились членами монастырской братии.

Вместе с тем, как справедливо отметили те же историки, несмотря на довольно быстрый рост феодального землевладения, вотчины светских и духовных феодалов все еще являлись небольшими островками в море свободных крестьянских общин. Основную массу населения по-прежнему составляли свободные смерды или сироты, которые не были втянуты в систему феодальных отношений и платили только

подать в пользу государства. Однако данная точка зрения разделяется далеко не всеми историками. В частности, сторонники известной теории «**государственного феодализма**» (Л. Черепнин, М. Свердлов, А. Горский) рассматривали эту подать в пользу государства не как простое налогообложение, а как форму феодальной ренты и поэтому считали всех крестьян, плативших «**черную соху**», феодально-зависимыми от государства.

Наряду с **черносошными крестьянами** существовала очень небольшая прослойка поземельно зависимого населения, напрямую втянутого в систему феодальных отношений. В XIV веке среди владельческих крестьян различались: 1) **старожилы**, которые длительное время жили на земле своего феодала, 2) **серебряники**, бравшие денежную ссуду у феодала, и 3) **половники**, отдававшие своему феодалу определенную долю своего урожая.

Поскольку во всех русских землях господствовало полунатуральное хозяйство и товарно-денежные отношения были развиты крайне слабо, то все феодально-зависимые крестьяне платили в основном **натуральную ренту** или **натуральный оброк**, и лишь в отдельных вотчинных хозяйствах изредка встречалась **отработочная рента** или **барщина**. Барскую запашку в основном обрабатывали домашние рабы, которых в источниках называли **холопами-страдниками**. Другие домашние рабы либо составляли **личную дворню** феодала, либо управляли отдельными отраслями его хозяйства (**тиуны и ключники**), либо составляли самую привилегированную прослойку рабов — **военных холопов**, которые вместе со своим господином участвовали в многочисленных походах и сражениях.

Сельское хозяйство, по-прежнему развивалось экстенсивным путем за счет освоения новых территорий. Правда, в этот период, наряду с традиционной **подсекой** и **перелогом**, крестьяне все больше стали применять **паровую систему земледелия** с **трехпольным севооборотом**, что дало пусть незначительное, но все же увеличение урожайности зерновых хлебов. Основными сельскохозяйственными культурами в этот период становятся рожь и овес, которые постепенно вытеснят с полей пшеницу, поскольку ее производство требовало значительно больших финансовых и трудовых затрат.

Городское хозяйство, потерпевшее наибольший урон от монгольского нашествия, уступало в темпах развития аграрному сектору экономики. Однако и здесь произошли значительные перемены. Города все больше стали превращаться из чисто военно-административных центров в центры ремесла и торговли. В наиболее крупных городах, таких как **Москва, Тверь, Рязань, Новгород и Псков**, наподобие цеховых организаций Западной Европы, стали возникать профессиональные ремесленные артели, составлявшие **городской посад**, который обслуживал на заказ, как местных феодалов, так и областной или окружной рынки. Тогда же, по примеру европейских гильдий, в городах стали возникать первые **купеческие (гостевые) корпорации**, построенные по профессиональному или географическому признаку, например, «**суконники**» и «**сурожане**», которые обладали монопольным правом внешней торговли с Ордой, Византией и Западной Европой. Хотя, как верно заметил академик Б.А. Рыбаков, автор фундаментальной работы «**Ремесло Древней Руси**» (1948), по уровню развития многих видов ремесла, каменного строительства и торговли, средневековые русские города не шли ни в какое сравнение с городами Древней Руси.

Тема: РУСЬ И ЛИТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВВ.

План:

1. Великое княжество Литовское и Русское в XIII–XIV в.
2. Великое княжество Литовское и Русское в конце XIV – середине XV вв.

1. Великое княжество Литовское и Русское в XIII–XIV вв.

В первой половине XIII в. в результате объединения под властью легендарного князя **Миндовга (1236–1263)** крупнейших балто-литовских племен — **ятвягов, жмуди** и **аукштайтов** на территории Южной Прибалтики возникло небольшое Литовское государство. Основной причиной этого процесса стала острая необходимость объединения разрозненных балто-литовских племен в борьбе с агрессией немецких крестоносцев, проводивших в Прибалтике под флагом «христианского миссионерства» политику выжженной земли. Ценой невероятных усилий **Миндовг** не только смог сдержать агрессию **Ордена Меченосцев**, но и нанести ему сокрушительное поражение в битве под **Шауляем (1236)**, в результате которого это государство крестоносцев прекратило свое существование и слилось с более сильным **Тевтонским Орденом**, став его отделением под названием **Ливонский Орден**.

В **1251 г.** по тактическим соображениям князь **Миндовг** принял католичество, а в **1253 г.** римский папа **Иннокентий IV** короновал его королевским венцом, хотя место и обстоятельства этой коронации до сих пор остаются предметом острых научных споров. Но уже в **конце 1259 г.** отношения с Ливонским Орденом вновь резко обострились. Поддержав восстание пруссов против католических миссионеров, и восстановив языческий культ, **Миндовг** начал новую войну с крестоносцами и в **1260 г.** нанес им сокрушительное поражение в битве у озера **Дурбе**. Более того, как считают ряд историков (**Г. Вернадский, Л. Гумилев**), заключив антикатолический союз с Великим владимирским князем **Александром Невским**, **Миндовг** стал готовиться к решающей схватке с крестоносцами. Однако, не дождавшись полков новгородского князя **Дмитрия Александровича**, в **1262 г.** он вторгся в пределы Ливонского Ордена и разгромил крестоносцев у **Вендена**. Но в следующем году **Миндовг** неожиданно скончался. Большинство историков (**М. Богословский, А. Пресняков, В. Пашуто, В. Носевич**) справедливо полагали, что он стал жертвой новой вражды литовских князей, однако нынешние «евразийцы» (**Л. Гумилев**), создав чисто умозрительную концепцию о существовании русско-литовского антикатолического союза, утверждают, что литовский князь, как и его союзник **Александр Невский**, был отравлен папскими агентами.

После гибели **Миндовга** в Литве началась многолетняя борьба за власть, победу в которой одержал князь **Витень (1295–1316)**. Ему удалось довольно быстро подавить мятеж литовской оппозиции, склонявшейся к союзу с крестоносцами, восстановить полноту великокняжеской власти на большей территории Литвы и в союзе с галицко-волынскими князьями **Львом** и **Мстиславом Даниловичами** успешно отразить новые нашествия крестоносцев. Кроме того, он активизировал внешнюю политику в пограничных русских землях и в результате под власть литовского князя перешли **Гродно (1305), Полоцк (1307) и Брест (1315)**.

После смерти **Витеня** его преемником на великокняжеском престоле стал князь **Гедимин (1316—1341)**, происхождение которого до сих пор вызывает споры у историков, многие из которых не считают его сыном умершего князя. Между тем, как и его предшественник, новый литовский князь продолжил борьбу с крестоносцами и удельными русскими князьями. Именно при нем под власть Литвы перешли еще ряд русских земель, в том числе **Витебск (1320)**, **Минск (1326)**, **Туров (1336)**, **Пинск (1336)** и **Владимир-Волинский (1340)**. Причем, как справедливо отметили многие историки (**А. Пресняков, Л. Черепнин, В. Пашуто**), этот переход носил в основном мирный характер, поскольку многие владыки русских удельных княжеств добровольно признавали власть Великого литовского князя только потому, что он не являлся вассалом ордынского хана, а значит, не платил разорительный «ордынский выход» в **Сарай**. Кроме того, немаловажное значение для православных русских земель имело и то обстоятельство, что этническая Литва до сих пор оставалась в основном языческой страной и все ее правители отличались традиционной веротерпимостью. Хотя, конечно, **Гедимин** не гнушался использовать и военную силу, в частности во время войны с безымянным киевским князем, который был разбит им в битве на реке **Ирпень** в **1324 г.**

Кроме того, именно при **Гедимине** начнется судьбоносное противостояние с **Москвой** за влияние в новгородских, псковских и других русских землях, многие из которых де-юре входили в состав **Великого Владимирского княжения**, а де-факто практически всегда находились под контролем московских князей. Кстати, в этой борьбе **Гедимин** опирался на союз с тверским князем **Дмитрием Михайловичем**, который был женат на его старшей дочери **Марии**. Правда, при **Иване Калите** он пошел на примирение с московским князем и в **1333 г.** подписал с ним мирный договор, скрепленный браком их детей **Семена Гордого** и **Анастасии**. В **1340—1341 гг.** между **Вильно** и **Москвой** возник новый военный конфликт из-за смоленских земель, где тамошний князь **Иван Александрович**, признав себя вассалом литовского князя, отказался платить дань Орде. Однако возникшее противоборство было быстро разрешено, поскольку новый московский князь **Семен Гордый** сумел договориться со своим влиятельным тестем о мире.

После гибели князя **Гедимина** в очередной войне с тевтонами, в Литве начался новый раунд борьбы за власть (**1341—1345**), который довольно смутно отражен в источниках. Доподлинно известно только то, что активное участие в этой борьбе приняли три его сына — **Ольгерд, Кейстут** и **Евнутий**, которые отражали интересы разных политических сил. Победу в этой борьбе одержал старший из братьев, князь **Ольгерд (1345—1377)**, который с согласия **Кейстута** занял великокняжеский престол в **Вильно**. Однако его власть распространялась в основном на русские земли, в то время как территория этнической Литвы находилась под властью самого **Кейстута**. В отличие от младшего брата, больше озабоченного борьбой с **Тевтонским Орденом**, **Ольгерд** взял курс на превращение Литвы в альтернативный центр собирания русских земель, действуя одновременно на трех фронтах — московском, ордынском и церковном.

Первый фронт был связан с появлением «литовских партий» в **Новгороде, Пскове, Твери** и **Смоленске**. В **Псковской боярской республике** вначале вверх взяла «литовская партия» во главе с его старшим сыном, псковским князем **Андреем Полоцким (1342—1349)**, который опирался на племянника, псковского посадника **Юрия**

(1345–1348). Однако, после его гибели в очередной войне с Тевтонским Орденом, псковичи «указали путь» литовскому князю и призвали на престол вяземского князя **Евстафия Федоровича (1349–1360)**, который традиционно ориентировался на Москву. В Новгородской боярской республике позиции «промосковской партии», которую долгие годы возглавлял глава одного из влиятельных боярских кланов **Онцифор Лукич**, были традиционно более сильны. Однако в **Смоленском княжестве Ольгерду** удалось подчинить своей власти здешних князей **Ивана Александровича (1313–1359)** и **Святослава Ивановича (1359–1386)**, которые стали новыми «жертвами» реализации его грандиозных планов в отношении всех русских земель. Еще одним союзником в борьбе с Москвой стал ее давний антагонист, тверской князь **Михаил Александрович (1368–1399)**, который приходился младшим братом его жены, литовской княжны **Ульяны**. В союзе с этими князьями **Ольгерд** трижды ходил походами на Москву в 1368, 1370 и 1372 гг., но, как известно, потерпел неудачу в войне с **Дмитрием Донским**.

Второй фронт борьбы за русские земли был открыт на южном направлении в противостоянии с Ордой. Первоначально под власть Литвы отошла значительная часть земель **Черниговского** и **Брянского княжеств**, где на престоле утвердился последний черниговский князь **Роман Михайлович (1356–1401)**. Затем, после победы над ордынцами в битве у **Синих вод**, в состав Литвы вошли земли **Киевского княжества**, удельным князем которого стал его сын **Владимир Ольгердович (1362–1398)**. Однако и на этом фронте **Ольгерд** вскоре потерпел очередное поражение, поскольку из-под его контроля вышли **Брянск (1371)**, **Смоленск (1375)**, **Подолье** и **Волынь (1377)**.

Третий очаг противоборства между **Вильно** и **Москвой** возник на церковно-религиозном, идеологическом, фронте, где существовало острое противоборство двух идейных течений — «космополитов-исихастов» и «русских националистов». Вопрос об идейном содержании и персональном составе этих течений до сих пор является предметом давней научной дискуссии, в которой приняли участие многие историки и богословы, в том числе **А.В. Карташов**, **А.Е. Пресняков**, **Г.М. Прохоров**, **А.Г. Кузьмин**, **Р.Г. Скрынников**, **В.В. Петрунин** и другие. Но совершенно очевидно, что их противоборство носило не только богословский, но и политический характер. Если **Дмитрий Донской** опирался на национальных церковных владык, которых возглавлял митрополит Киевский и Всея Руси **Алексий**, то **Ольгерд** открыто поддержал ставленника константинопольских исихастов митрополита **Киприана**, под которого в **Киеве** была специально учреждена новая кафедра митрополита Киевского, Русского и Литовского. Причем, именно тогда многие византийские иерархи, исповедующие исихазм, стали активно заигрывать с римским престолом, рассчитывая получить поддержку в борьбе с турками-османами, угрожавших **Константинополю**.

2. Великое княжество Литовское и Русское в конце XIV – середине XV вв.

Незадолго до смерти **Ольгерд** решил передать бразды правления не старшему сыну **Андрею Полоцкому**, а одному из младших сыновей — **Ягайло (1377–1392)**, который благодаря огромному авторитету троцкого князя **Кейстута** смог утвердиться

на великокняжеском престоле в **Вильно**. Однако в **1379 г.**, тайне от влиятельно дяди, который всю свою жизнь вел постоянную войну с крестоносцами, **Ягайло** подписал мирный договор с Тевтонским Орденом и перемирие с Ливонским Орденом. Более того, в **1380 г.** он заключил военный союз с **Мамаем**, что вызвало резкое недовольство как у **Кейстута**, так и у его старших братьев **Андрея Полоцкого** и **Дмитрия Трубчевского**, которые под знаменами **Дмитрия Донского** сражались на **Куликовом поле**.

Как считают многие историки (**В. Антонович, И. Греков, Ф. Шабульдо**), именно поддержка **Мама**я стоила **Ягайло** престола в **Вильно**, с которого его сверг князь **Кейстут (1381–1382)**. Однако вскоре, при военной и дипломатической поддержке Тевтонского Ордена и Орды, **Ягайло** вернул себе великокняжеский престол и вероломно убил венценосного дядю, который опрометчиво пошел на переговоры с ним.

В **1384 г.**, после крупных поражений в войне с Тевтонским Орденом, **Ягайло** вынужден был пойти на сближение с **Москвой**. Свидетельством этого примечательного факта стали два международных договора, информация о которых сохранилась в **Описи Посольского Приказа за 1626 г.**, открытой академиком **Л.В. Черепнинным**. По первому договору сам великий князь **Ягайло** и два его старших брата **Скиргайло** и **Корибут** признали «старейшинство» **Дмитрия Донского** и целовали крест Великому московскому князю. А по второму договору мать великого князя, бывшая тверская княжна **Ульяна Александровна**, дала согласие брак ее сына **Ягайло** с дочерью **Дмитрия Донского Софьей**, но при условии, что государственной религией Великого княжества Литовского и Русского станет православие.

Однако, из-за интриг **Олега Рязанского** и хана **Тохтамыша**, намечавшийся союз не состоялся, и **Ягайло** пошел на союз с Ордой и соседней Польшей, где возник династический кризис, связанный с тем, что в после смерти **Людовика I Анжуйского (1370–1382)** на польском престоле утвердилась его малолетняя дочь **Ядвига (1382–1399)**. В **январе 1385 г.** между Польшей и Литвой была подписана династическая и церковная **Кревская уния**, которая предусматривала бракосочетание польской королевы и литовского князя, его крещение по католическому обряду и коронацию на польский престол. В **феврале 1386 г.** **Ягайло** прибыл в **Краков**, где был крещен архиепископом **Яном** и под христианским именем **Владислав** обвенчан с юной польской королевой. Затем он перебрался в **Люблин**, где на съезде польских магнатов был провозглашен новым польским королем **Владиславом II (1386–1434)**. Однако перебравшись в **Краков**, он отнюдь не собирался расставаться с княжеской короной, и стал управлять Литвой через младшего брата, керновского удельного князя **Александра**, который стал его наместником в **Вильно**.

Династический и церковный союз с католической Польшей вызвал резкое недовольство в русских православных землях и борьбу с **Владиславом II** начал его кузен, удельный трокский князь **Витовт Кейстutowич**, который заключил военный союз с великим магистром **Конрадом Ротенштайном** и своим зятем, Великим московским князем **Василием I**. Новая **Гражданская война (1389–1392)**, в которой приняли участие все литовские князья, шла с переменным успехом, пока противники польской короны не одержали вверх. В **1392 г.** воюющие стороны подписали **Островский мирный договор**, по которому **Витовт (1392–1430)**, получив титул Великого литовского князя, стал полноправным правителем **Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтйского**.

Получив заветный престол, **Витовт** преступил к реализации грандиозного плана присоединения к Литве всех русских земель, которые находились под властью Орды. С этой целью в **1395 г.** он заключил военный союз с беглым ханом **Тохтамышем**, которого сверг с сарайского престола его соперник **Тимур-Кутлуг (1395–1399)**. Суть этого союза состояла в том, что **Витовт** окажет военную помощь **Тохтамышу**, а тот отдаст ему права на все русские земли, находившиеся в вассальной зависимости от Орды. Однако грандиозным планам литовского князя не суждено было сбыться, поскольку в **1399 г.** в знаменитой битве на реке **Ворскле** его союзная рать потерпела сокрушительное поражение от ордынского темника **Едигея**, ставшего фактическим правителем Орды. Как ни странно, но самый большой выигрыш от этого поражения получила **Москва**, поскольку разгром **Витовта** и **Тохтамыша** не только спас от литовской аннексии все русские земли, но и дал возможность московскому князю вернуть **Вязьму** и **Смоленск**. Правда, в **1405 г.** **Витовт**, развязав новую войну со своим зятем, возвратил утерянные земли, но прежним гегемонистским планам Литвы стать альтернативным центром объединения русских земель был окончательно положен конец.

В **1409 г.** началась «**Великая война**» Королевства Польского и Великого княжества Литовского с Тевтонским Орденом. В течение целого года война шла с переменным успехом, поскольку противники долго не решались на генеральное сражение. Но в **июле 1410 г.** состоялась знаменитая **Грюнвальдская битва**, в ходе которой объединенное войско **Владислава** и **Витовта** наголову разгромило рыцарей Тевтонского Ордена, который вынужден был подписать унижительный **Торуньский договор**. После общей победы над крестоносцами, в **1413 г.** правители Польши и Литвы подписали **Городельскую унию**, которая существенно подорвала интересы русской и литовской православной знати и оформила ряд преференции для тех представителей литовской шляхты и магнатов, которые исповедовали католичество. Естественно такая политика **Вильно** и **Варшавы** вызывало неприятие значительной части русского населения Литвы. Поэтому сразу после смерти **Витовта** новый литовский князь **Свидригайло (1430–1432)**, возглавив «православную партию» литовско-русской знати, начал **Луцкую войну** с **Владиславом II**. Однако она не увенчалась успехом и после разгрома войск «православной партии» на реке **Свенте**, литовский престол занял королевский племянник **Сигизмунд (1432–1440)**, а **Свидригайло** остаток своих дней провел на временно воссозданном волынском престоле, где и умер в **1452 г.**

После гибели **Сигизмунда**, павшего жертвой очередного заговора литовских магнатов, Великим литовским князем стал самый младший сын **Владислава Казимира (1440–1492)**, который с успехом продолжил политику подчинения Литвы, поскольку после гибели старшего брата **Владислава III (1434–1444)**, именно он стал полноправным хозяином **Варшавы** и новым польским королем.

Первоначально по форме своего устройства Великое княжество Литовское и Русское представляло собой типичную феодальную федерацию, где практически полностью сохранились крупные удельные княжения со столицами в **Киеве**, **Владимире-Волынском**, **Полоцке**, **Витебске** и других русских землях, составлявших большую часть его территории. Именно этим обстоятельством объяснялось то, что: **1)** при дворе Великого литовского князя и в официальном делопроизводстве использовался только русский язык; **2)** основой всего государственного, гражданского, административного и уголовного законодательства и судопроизводства

являлась «Русская Правда»; 3) русская титулованная аристократия и другие категории служилых людей занимали видное положение на гражданской, военной и дипломатической службе и т.д.

Однако после подписания **Кревской (1386)** и особенно **Городельской (1413)** уний ситуация в Литве стала резко меняться, поскольку:

1) Еще в **1387 г.** польский король **Владислав II** издал «**Виленский привилей**», по которому все русские и литовские феодалы, принявшие католичество, получали значительные льготы, в частности право полной собственности на свои земельные владения, освобождение от всех государственных повинностей, кроме военной службы и т.д. Более того, начиная с этого указа, во всех королевских документах становится обычной оговорка, что все права и привилегии даются в Великом княжестве Литовском и Русском по польскому образцу, «**якоже и в Коруне Польской**».

2) В **1405–1410 гг.** Великий литовский князь **Витовт** упразднил практически все крупные удельные княжения в Литве и исконными русскими землями стали управлять не строптивые **Рюриковичи** и **Гедиминовичи**, а вполне лояльные центральной власти великокняжеские наместники, которые назначались из представителей литовской шляхты, принявшей католическую веру.

3) В **1413 г.** **Витовт** издал «**Городельский привилей**», который предоставлял особые права и привилегии в управлении государством только тем русским и литовским князьям, боярам и служилой шляхте, которые перешли из православия в католичество. Между тем, по подсчетам русского историка **И.П. Боричевского**, автора специальной монографии «**Православие и русская народность в Литве**» (1851), именно в те годы **56** литовских княжеских родов из династии **Гедиминовичей**, в частности **Голицыны, Куракины, Хованские, Трубецкие, Мстиславские, Волынские, Щенятевы, Патрикеевы** и **Булгаковы** были православного вероисповедания и автоматически теряли возможность влиять на политический курс **Вильно**.

4) По «**Городельскому привилею**» только представители литовской католической знати, а именно князья **Чарторыйские, Ходкевичи, Радзивиллы, Потоцкие, Вышневецкие** и другие, а также высшие чины католического духовенства — **виленский, луцкий, брестский, жемайтский и киевский епископы** могли входить в состав **Боярского Совета** или **Паны-рады**, которая существенно ограничивала власть Великого литовского князя. Вход представителям православной княжеской аристократии и православного епископата в этот **Боярский Совет** был закрыт, что вскоре аукнется литовской короне тремя пограничными войнами с **Москвой**.

Тема: РУСЬ В КОНЦЕ XIV – СЕРЕДИНЕ XV ВВ. (ВТОРОЙ ЭТАП ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ 1389–1462)

План: **Правление Василия I (1389–1425).**

1. Правление Василия I (1389–1425).

2. Феодалная война и правление Василия II (1425–1462).

3. Русская Православная Церковь в первой половине XV в.

1. Правление Василия I (1389–1425)

После смерти **Дмитрия Донского** великокняжеский престол унаследовал его старший сын **Василий I (1389–1425)**, ставший первым русским князем, который не поехал за ханским ярлыком в **Сарай**, а получил его де-факто, по «**Духовной грамоте**» отца. Причем, что примечательно ни сам хан **Тохтамыш**, ни другие русские князья даже не пытались оспаривать его прав на наследственный великокняжеский статус. Между тем, восшествие нового Великого князя на престол вызвало особый интерес у трокского князя **Витовта**, который давно вынашивал грандиозные планы в отношении русских земель. В **январе 1391 г.** под влиянием митрополита-исихаста **Киприана**, который давно благоволил **Витовту**, **Василий I** женился на его единственной дочери, княжне **Софье**, с которой обручился еще при жизни отца. Безусловно, этот брак Великого князя имел сугубо политический контекст, однако, невзирая на влиятельного тестя, он продолжил политику отца по собиранию русских земель. Уже в **1392 г.**, воспользовавшись тем, что правитель **Самарканда** великий эмир **Тимур (Тамерлан)** нанес крупное военное поражение хану **Тохтамышу**, **Василий I** отъехал в **Сарай**, где, умело обойдя своих соперников — суздальского князя **Василия Дмитриевича** и рязанского князя **Олега Ивановича**, довольно легко получил три ханских ярлыка на **Нижегородское**, **Муромское** и **Тарусское** княжения.

Не успев вернуться в **Москву**, в **январе 1393 г.** **Василий I** столкнулся с «мятежом» влиятельных новгородских бояр, которые отказались платить ежегодную дань и признать право митрополичьего суда в новгородских землях, в результате чего «**учинися розмирье с низовци**». Итогом этого «**розмирья**» стала новая война с новгородской вольницей, в ходе которой московская рать овладела **Торжком**, **Волоколамском** и **Вологодой**. Правда, в следующем году, потерпев поражение от новгородцев, Великий князь вернул им **Двинскую землю**, но важнейшие торговые центры — **Волоколамск** и **Торжок** остались за **Москвой**.

Тем временем, в **1395 г.** в результате нового похода войск **Тимура** на **Сарай Тохтамыш** был окончательно разбит в битве на реке **Терек** и бежал на территорию **Дикого Поля**, а затем в соседнюю Литву и обосновался в **Киеве**. Косвенно этот поход затронул и русские земли, поскольку передовые отряды ордынцев дошли до города **Ельца**, где правил один из козельских князей **Юрий Иванович Кривой**. В этой ситуации **Василий I** выступил навстречу неприятелю и встал лагерем на пограничной **Оке**, но к счастью для **Москвы** русским ратникам не пришлось сразиться с войском **Тимура**, поскольку, разорив **Елец**, его войско повернуло на юг и двинулось через **Дикое Поле** (территорию современной **Новороссии**) в **Причерноморские степи**, где укрылся **Тохтамыш**. В исторической литературе (**М. Сафаргалиев**, **В. Егоров**) существует довольно расхожее представление, что предполагаемой целью этого похода было полное завоевание южнорусских земель. Однако ряд современных авторов (**И. Князький**, **А. Горский**) полагают, что столь внезапный уход **Тимура** на юг объяснялся тем, что главной целью этого похода был полный разгром **Золотой Орды**, а поход на север, в русские земли был для него совершенно бессмыслен, ибо не сулил богатой добычи, да и ослабление **Москвы** не входило в планы **Тимура**, поскольку сохранение статус-кво избавляло его от возможных беспокойств со стороны самой **Золотой Орды**.

После разгрома **Тохтамыша** реальную власть в **Сарае** захватил новый узурпатор, эмир **Едигей**, который «**превозмо всехъ князи ординскихъ, иже все царство единъ**

держаше и по своей воле царя поставляше». Первым поставленным «царем» стал **Тимир-Кутлуг (1396–1400)**, главной задачей которого стало продолжение борьбы с беглым ханом **Тохтамышем**, получившим военную поддержку от литовского князя **Витовта**. По свидетельству **Тверского летописца** и **Троицкой летописи**, союзный договор, подписанный между ними предусматривал, что ордынский хан при возвращении ему законного престола посадит верного союзника «**на княженьи на великом на Москве**». Одни историки (**А. Пресняков, Л. Черепнин**) с полным доверием отнеслись к этой летописной информации, однако их оппоненты (**А. Горский**) высказали мнение, что трудно судить насколько это свидетельство отражало реальное положение вещей. Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что **Витовт** давно вынашивал грандиозные планы подчинить своей власти как можно больше русских княжеств, в том числе все великокняжеские земли.

Еще в **1395 г.** он овладел **Смоленским княжеством** и посадил на здешний престол старого союзника Литвы, брянского князя **Романа Михайловича**, ставшего его новым наместником в **Смоленске**. Затем, в **1397–1398 гг.**, в условиях нового конфликта новгородских бояр с **Василием I**, он поддержал противников **Москвы**, однако на сей раз все его усилия не увенчались успехом, поскольку в ходе новой войны под власть Великого князя перешли **Вологда, Устюг и Бежецкий Верх**. Кроме того, в **1399 г.** **Василий I** заключил новый договор с престарелым тверским князем **Михаилом Александровичем**, в котором особым образом оговорил военный союз против литовской угрозы.

Потерпев поражение в борьбе за обладание новгородскими землями, **Витовт** решил взять реванш на южном направлении, собрав в **Киеве** объединенную рать, состоявшую из русских, литовских, тевтонских и ордынских полков, он пошел походом на **Тимур-Кутлуга**. В **августе 1399 г.** на реке **Ворскле** состоялась грандиозная битва с ногайской ратью эмира **Едигея**, в ходе которой **Витовт** был полностью разбит. Это поражение нанесло новый сокрушительный удар по его гегемонистским планам в отношении русских земель, чем не преминули воспользоваться его давние противники. Уже в **1401 г.** великий рязанский князь **Олег Иванович** пошел походом на **Смоленск**, убил здешнего князя **Романа Михайловича Брянского** и посадил на престол своего верного зятя, беглого смоленского князя **Юрия Святославича**. Однако сразу после смерти рязанского князя, в **1403 г.** **Витовт** решил опять взять реванш за утерянные земли и, опираясь на «литовскую партию» смоленских бояр и поддержку своего кузена, польского короля **Владислава II**, вновь захватил **Вязьму** и **Смоленск**, которые на целое столетие выпали из сферы московского влияния и вошли в состав Литвы. Между тем, смоленский князь **Юрий Святославич**, не получив поддержки от **Василия I**, который «не хотя изменить **Витовтѹ**», отъехал в **Новгород**, где получил в кормление ряд здешних городов.

Оценив подобную нерешительность собственного зятя, уже в **1406 г.** **Витовт** захватил **Коложскую волость** и осадил **Псков**. Однако на сей раз литовский князь сильно просчитался, поскольку смерть его давнего союзника митрополита-исихаста **Киприана** резко изменила расклад политических сил в **Москве**. Под давлением влиятельных великокняжеских бояр, **Василий I** пошел наперекор своему тестю и вышел в поход к границам Литвы. Дойдя до пограничной реки **Плавы**, московская рать встала на **Пашковой гати**, но не стала форсировать ее. Литовская рать тоже не предприняла активных действий, и в результате дело кончилось миром. Правда,

в 1408 г., после того как **Василий I** приютил беглого брянского князя **Свидригайло**, который был в давней оппозиции к своему кузену **Витовту**, тот пошел походом на **Москву** и захватил пограничный город **Одоев**. В ответ московские полки атаковали литовские владения и захватили одну из крепостей на пути к **Вязьме**. В результате две противоборствующих рати сошлись на пограничной реке **Угре**, но опять не рискнули вступить в решающий бой. После длительных переговоров был заключен «вечный мир», который сохранялся почти полвека.

Подписание этого договора оказалось крайне своевременным актом, поскольку уже в **ноябре 1408 г.** ордынский эмир **Едигей** внезапно двинулся походом на **Москву**. В этой ситуации **Василий I**, не дождавшись подхода татарской конницы, срочно отъехал в **Кострому** и оставил столицу на попечение **Владимира Серпуховского** и двух младших братьев — **Андрея** и **Петра**. Однако подойдя к хорошо укрепленной **Москве**, эмир **Едигей** не рискнул ее штурмовать, а «воя распусти по всей земли Русстени, они же град Переяславль пожгоша, а в Ростове и Юрьеве, и по всемъ погостамъ и по селомъ крестьяномъ много зла створиша, инехъ изсекоша, а инехъ в полонъ поймаша». Тем временем в ставку **Едигея**, в подмосковное село **Коломенское** пришло известие о том, что в самом **Сарае** возник заговор против его очередного «царя», хана **Пулада (1407–1410)** и, получив выкуп в размере **3000 рублей**, он поспешно ушел восвояси.

Причина этого похода до сих пор остается предметом острой научной дискуссии, поскольку в **Рогожском летописце**, **IV Новгородской**, **Троицкой** и других летописях содержались разные трактовки этого события. Одни историки (**Л. Черепнин**, **И. Греков**, **А. Григорьев**) больше доверяли летописной «**Повести о нашествии Едигея**», где этот акт трактовался как поход союзных татар для защиты интересов Великого князя от незаконных притязаний Литвы. Однако их оппоненты (**Я. Лурье**, **А. Горский**) полагали, что настоящая причина этого похода содержалась в так называемом «**Послании Едигея**», где было прямо указано, что: 1) князь **Василий** не ездил в **Сарай** со времен хана **Тимур-Кутлуга**, 2) укрывает детей беглого хана **Тохтамыш**, 3) не чтит ордынских послов и купцов и 4) много лет уклоняется от уплаты ордынской дани под предлогом того, что «ся үлүсѣ истомилъ и выхода взятни не на чѣмъ». То есть, фактически речь шла о том, что с момента свержения законного хана **Тохтамыш** **Москва** в течение тринадцати лет не платила ежегодный «ордынский выход» в **Сарае** в размере **7000 рублей**, поскольку вполне справедливо полагала, что **Едигей** был таким же узурпатором власти, как и **Мамай**, а потому не считала всех тамошних «царей» — **Тимур-Кутлуга**, **Шадибека** и **Пулата** своими законными сюзеренами.

В исторической науке также продолжается спор о последствиях этого похода. Одни авторы (**А. Хорошкевич**, **И. Князький**) утверждали, что **Москве** пришлось возобновить уплату дани в прежнем объеме, что привело к ужесточению вассальной зависимости русских земель от Орды. Другие историки (**Н. Карамзин**, **А. Кирпичников**, **В. Назаров**) полагали, что прямым следствием этого похода стала поездка **Василия I** в Орду и восстановление выдачи ханского ярлыка на великое княжение. Наконец, третья группа авторов (**Ю. Селезнев**, **А. Горский**) утверждает, что эти суждения носят беспочвенный характер, поскольку: 1) **Сарай** так и не смог получить от **Москвы** огромный долг в размере **90 000 рублей**; 2) первая поездка **Василия I** в **Сарай** состоялась только в **1412 г.**, когда на престоле ненадолго закрепился законный ордынский «царь», старший сын **Тохтамыш** хан **Джеллал-ад-Дин** и 3) размер ежегодной ордынской дани был сокращен с **7000** до **5000 рублей**.

Как справедливо отметили многие историки (А. Кузьмин, В. Назаров, А. Горский), вторая половина правления **Василия I** отражена в источниках так же отрывочно и бессистемно, как бессистемным было и само его княжение. Между тем, достоверно известно, что ему пришлось постоянно лавировать между **Вильно** и **Сараем**, где в тот период на ханском престоле сменилось двенадцать ордынских «царей», многие из которых были ставленниками **Вильно**. Кроме того, **Василию I** пришлось достаточно жестко отстаивать свои законные права на обладание **Нижегородским княжеством**, которое постоянно пытались оспорить потомки покойного князя **Бориса Константиновича**, и **Новгородской боярской республикой**, где резко обострилась борьба между «московской» и «литовской» партиями здешнего боярства.

В **марте 1423 г.** **Василий I**, который, видимо, не отличался особо крепким здоровьем, в присутствии митрополита **Фотия** и шести ближних бояр составил традиционную «**Духовную грамоту**», в которой «**дал ряд своему сыну, князю Василью, и своей княгине**». То, что его единственным наследником стал самый младший сын **Василий II (1415–1462)** объясняется тем простым обстоятельством, что к моменту ее написания все старшие его сыновья — **Юрий, Иван, Даниил** и **Семен**, либо умерли еще в младенчестве, либо от «чумного мора», поразившего русские земли в **1417 г.**

Однако многие историки (**М. Тихомиров, Л. Черепнин, А. Кузьмин**) обратили особое внимание на то, что «**Духовная грамота**» **Василия I** принципиально отличалась от «**Духовной грамоты**» его отца **Дмитрия Донского**, который сам благословил старшего сына «**своею отчиною, великим княженьем**». Здесь же, напротив, была сказано о том, что «**даст Бог сыну моему великое княжение, ино и яз сына своего благословляю, князя Василья**». Однако самой поразительной статьей этой великокняжеской грамоты стала та статья, которая гласила: «**а приказываю сына своего, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тестю, великому князю Витовту... на возе и на нем, как ся имет печаловати, и своей братье молодшей, князю Ондрею Дмитриевичю, и князю Петру Дмитриевичю, и князю Семену Володимировичю, и князю Ярославу Володимировичю, и их братье, по их докончанью**». Таким образом, **Василий I** собственноручно передал **Москву** и всю **Северо-Восточную Русь** в распоряжение Великого литовского князя, поскольку все поименно упомянутые «братья» были удельными князьями **Северо-Восточной Руси**, и именно это обстоятельство делает неизбежным ту **Феодалную войну**, которая разгорится на Руси в ближайшее время.

2. Феодалная война и правление Василия II (1425–1462)

На процесс политического объединения русских земель вокруг **Москвы** существенное влияние оказала **Феодалная война второй четверти XIV в.**, причины которой многие историки (**А. Пресняков, Л. Черепнин, А. Зимин, В. Кобрин, Н. Борисов**) традиционно усматривали в династическом кризисе. Суть проблемы была такова: издавна на Руси де-факто существовал родовой порядок престолонаследия, но после знаменитой эпидемии чумы **1353 г.**, в ходе которой погибли почти все члены великокняжеской семьи, он естественным образом преобразился в семейный порядок, что юридически нигде так и не было закреплено. Более того, по «**Духовной грамоте**» **Дмитрия Донского (1389)** его престол поочередно должны были наследовать его два сына — **Василий** и **Юрий Дмитриевичи**. Однако Великий князь **Василий I**, презрев отцовское завещание, передал великокняжеский престол своему

десятилетнему сыну **Василию II (1415–1462)**, а не младшему брату **Юрию Звенигородскому (1374–1434)**.

Вместе с тем, выдающийся русский историк профессор **А.Г. Кузьмин** справедливо указал на то обстоятельство, что причина этой войны крылась не только в династическом кризисе. Более существенное значение имел тот факт, что фактическим правителем Руси при **Василии II** становился его дед, Великий литовский князь **Витовт (1392–1430)**, что вызвало резкое неприятие у многих удельных князей и влиятельных бояр, объединившихся вокруг **Юрия Звенигородского** и его сыновей.

После смерти великого князя **Василия I** великокняжеский престол, согласно его завещанию, наследовал его сын **Василий II Темный (1425–1462)**. Однако «**Духовную грамоту**» почившего Великого князя и старшего брата категорически не признал удельный князь **Юрий Звенигородский**, который, ссылаясь на завещание их отца **Дмитрия Донского**, потребовал передать ему права на великокняжеский престол. Обе стороны явно не хотели уступать и начали усиленно готовиться к войне. Но в тот момент перевес сил был явно на стороне **Василия II**, поскольку его активно поддержал не только глава Русской Православной Церкви митрополит **Фотий**, но и могущественный князь **Витовт**, который по материнской линии приходился ему родным дедом. В этой ситуации **Юрий Звенигородский** вынужден был пойти на мировую, и подписал с племянником «**докончание**», по которому признавал себя «**младшим братом**» **Василия II** и обязался, что восстановления своих попранных прав на великокняжеский ярлык он будет добиваться в **Сарае** законным путем. Между тем, сразу же после заключения данного договора, в **1426 г.** официальная столица **Великого Владимирского княжества** была перенесена из **Владимира** в **Москву**, а ровно через год вообще произошло юридическое слияние территорий **Московского** и **Владимирского княжеств**, что по факту делало абсолютно бесперспективным любую борьбу за ханский ярлык на великое княжение.

Однако в **1431 г.**, после смерти **Витовта**, а затем и митрополита **Фотия**, **Юрий Звенигородский** отправился к **Улу-Мухамеду (1419–1436)** в **Сарай** за ханским ярлыком, где уже месяц пребывал и его родной племянник. Тяжба за ханский ярлык тянулась почти целый год, пока ближний боярин московского князя **Иван Дмитриевич Всеволожский** не привел последний, но самый убийственный аргумент: «**князь Гюргий ищетъ княжьего стола отней мертвой грамотой, а князе Васильей по цареву жалованью, по девтерем и ярлыком**». В результате **Юрий Звенигородский** вернулся в родовую отчину «не солоно хлебавши», а **Василий II** въехал в **Москву** законным Великим князем, получив ярлык из рук самого ордынского царя.

Но, как часто случается в истории, «его величество случай», а вернее мелкая интрига, упакованная в случай, в очередной раз вмешался в дальнейшее развитие событий на Руси. Все началось с того, что по вине матери **Василия II**, великой княгини **Софьи Витовтовны**, пожелавшей видеть своей будущей невесткой не младшую дочь очередного московского боярина, в данном случае **Ивана Всеволожского**, а младшую сестру боровско-серпуховского князя **Василия Ярославича (1427–1456)**, возник острый конфликт в политической элите **Москвы**. Оскорбленный боярин **И.Д. Всеволожский**, который давно вынашивал грандиозные планы породниться с великокняжеской семьей и обрести еще больший политический вес, тут же отъехал сначала в **Тверь**, а затем в **Галич** под крыло такого же обиженного галицко-звенигородского князя, где стал активно подговаривать его начать войну с **Васи-**

лием II. Масло в огонь подлил и новый конфликт, неожиданно вспыхнувшей на «свадебной каше» **Василия II** с юной княжной **Марией Ярославной**, где та же **Софья Витовтовна** прилюдно оскорбила **Василия Косого**, сорвав с него якобы «ворованный» пояс **Дмитрия Донского**, чем принудила его и младшего брата **Дмитрия Шемяку** сразу примириться со своим отцом **Юрием Звенигородским** и уйти к нему в **Галич**. Причем, по дороге в отцовскую столицу, в отместку за публичное оскорбление, галицкие князья вторглись в великокняжеские земли и «погравниша Ярославль и казны всех князей разгравниша». В феврале 1433 г., по прибытии своих сыновей в **Галич**, **Юрий Дмитриевич** составил свою «Духовную грамоту», по которой завещал «детем своим **Василью**, **Дмитрею** и **Дмитрею Меньшему**, вотчинну свою, в **Москве** свои жребен на трое», чем фактически развязал новую кровавую войну на Руси.

В апреле 1433 г. объединенное войско галицко-звенигородских князей вышло походом на **Москву** и в битве на реке **Клязьме**, в двадцати верстах от великокняжеской столицы, разбило в пух и прах наспех собранную рать московского князя. **Василий II**, спасаясь от неминуемой расправы, еле успел бежать в **Тверь**, а оттуда еще дальше — в **Кострому**, а князь **Юрий Звенигородский** торжественно въехал в **Москву** и занял великокняжеский престол «по отчине и по дедине». Между тем, по совету старого московского боярина **Семена Федоровича Морозова** в качестве откупного **Василий II** получил в удел пограничную **Коломну**, которая к тому времени стала вторым статусным городом великого княжения.

На удивление **Юрия Звенигородского**, вскоре «от мала и до велика, вси поехали на Коломну к великому князю», в том числе знатные московские бояре **Патрикеевы**, **Морозовы**, **Вельяминовы**, **Челядины**, **Шереметьевы** и другой служилый люд, не признавший власти нового Великого князя, «во не повиыкли галичским князем служити». Последней каплей в этом противостоянии стало подлое убийство не на поле брани, а в результате подленького заговора **Дмитрия Шемяки** и **Василия Косого** того самого московского боярина **Семена Федоровича Морозова**. В результате этого **Юрий Звенигородский**, оказавшись без опоры и поддержки со стороны влиятельных московских бояр и «всех дворян», осознав, что «непрочно ему седение на великом княжении», предпочел примириться со своим племянником и вернуть ему великокняжеский престол. Более того, в сентябре 1433 г. между дядей и племянником был подписан договор, по которому благородный князь-законник **Юрий Дмитриевич** обязался «а детей ми своих колших, князя **Василья** да князя **Дмитрея**, не примати, ни до своего живота, ни моему сыну меншому, князю **Дмитрею**, не примати их».

Сразу после заключения этого «докончания» **Василий II** направил московские полки во главе с ближним своим боярином, князем **Юрием Патрикеевым** против старших сыновей **Юрия Звенигородского**, засевших в **Костроме**. Однако в конце сентября 1433 г. в битве на реке **Куси** галицкая рать разгромила московские полки и пленила великокняжеского воеводу. После одержанной победы **Василий Косой** и **Дмитрий Шемяка** призвали своего отца вернуться на великое княжение в **Москву**, однако он, проявив присущее ему благородство и верность данному слову, отказался нарушать условия «докончания» с **Василием II** и возвращаться в **Москву**.

Между тем, по мнению историков (**А. Зимин**, **Я. Лурье**, **В. Кобрин**, **Н. Борисов**), сам Великий князь, заподозрив дядю в нечестной игре, зимой 1434 г. во главе трех московских полков вышел в поход на **Галич**, но не смог его взять, и «не солоно хлебавши» возвратился восвояси. А тем временем в столичный **Галич** возвратился

сам **Юрий Звенигородский**, который «совокупив вся своя вои» сам двинулся к **Москве** и в **марте 1434 г.** на реке **Могзе** «у монастыря **Николы на горе**» вновь разбил московские полки **Василия II** и опять сел на великокняжеский престол. Однако его новый век на московском престоле оказался слишком скоротечен, ибо спустя всего три месяца, в **июне 1434 г.**, он неожиданно скончался в возрасте шестидесяти лет.

Фигура **Юрия Звенигородского** уже давно привлекала и до сих пор привлекает внимание многих историков, поскольку на фоне большинства своих современников и потомков он выглядел гораздо притягательнее их. Крестник преподобного **Сергия Радонежского**, донатор **Троицкой обители**, на средства которого был возведен изумительный **Троицкий собор**, фундатор **Савво-Сторожевского монастыря**, строивший на свои личные сбережения эту новую обитель, поклонник творчества и адресат **Андрея Рублева**, **Авраамия Чухломского** и **Кирилла Белозерского**, мужественный воин и удачливый полководец, никогда не познавший позорных поражений на поле брани, он, безусловно, был выдающейся фигурой русской средневековой истории. Однако не будем забывать, что он тоже несет свою долю вины за ту кровавую междоусобную вражду, которая сотрясла Московскую Русь в тот судьбоносный для нее период.

После смерти **Юрия Звенигородского** его старший сын **Василий Юрьевич Косой**, не имея никаких законных прав на великокняжеский престол, узурпировал власть в **Москве**. Между тем, захват власти «не по отчине, не по дедине» боком обошелся ему, поскольку оба его младших брата **Дмитрий Шемяка** и **Дмитрий Красный** отказались признать этот незаконный акт. Заявив ему «аще не восхоте Бог, да княжит отец наш, а тебе и сами не хотим», они перешли на сторону **Василия II** и признали его своим «старейшим братом». Однако **Василий Косой** решил сражаться за московский престол и начал боевые действия против кузена. Правда, уже в **мае 1435 г.** он потерпел сокрушительное поражение от московских полков в битве на реке **Которосли** близ **Ярославля** и бежал в **Кострому**. Тем не менее, этот разгром не вразумил галицкого князя и **весной 1436 г.** он опять пошел походом на **Москву**, однако вновь был разбит у села **Скорятина** близ **Ростова**, взят в плен и ослеплен. Кстати, по мнению академика **Л.В. Черепнина**, именно отсюда и проистекало его знаменитое и на первый взгляд довольно странное прозвище — **Косой**.

После поражения **Василия Косого** в русских землях, наконец-то, наступил долгожданный мир, который продлился почти пять лет, пока в **осенью 1441 г.** сам Великий князь «роскынул мир» и «взъверже нелюбие» с князем **Дмитрием Шемякой**, пошел походом на **Углич**. Однако на сей раз дело быстро кончилось миром, поскольку **весной 1442 г.** «игүмен **Зиновей Троецкой** любовь меж их сотвори».

Новый виток княжеской вражды наступил в **1445 г.**, когда бывший хан **Улу Улуса** и новоявленный правитель **Казанского ханства Улу-Мухамед (1438–1445)** пошел походом на Русь. Разбив близ **Суздаля** войско **Василия II**, он пленил Великого князя и потребовал за него огромный выкуп. Воспользовавшись этим обстоятельством, младший брат **Василия Косого Дмитрий Юрьевич Шемяка** сразу захватил великокняжеский престол и укрепился в **Москве**. Однако вскоре **Василий II**, пообещав новому казанскому хану **Махмуду (1445–1466)** быстро собрать огромный выкуп за свою персону, вернулся на отцовский престол и **Дмитрий Шемяка** вынужден был уйти из **Москвы** и «повеже к **Үгличю**». Но уже в **феврале 1446 г.**, во время традиционной поездки на богомолье в **Троицкий монастырь**, Великий князь был подло схвачен агентами кузена, ослеплен и вместе со своей супругой **Марией Яро-**

славной отправлен под «крепким караулом» в Углич. Таким же образом **Дмитрий Шемяка** поступили и с престарелой матерью **Василия II Темного**, княгиней **Софьей Витовтовной**, которую сослал в далекую **Чухлому**.

Расправившись с великокняжеской семьей, **Дмитрий Шемяка** вновь оказался в **Москве**, однако его правление и на сей раз оказалось на редкость недолгим, поскольку именно ему пришлось собирать тот самый выкуп, который его ослепленный кузен обещал казанскому хану, хотя, по информации **Ермолинской летописи**, **Дмитрий Шемяка** клятвенно обещал москвичам «**поимати великого князя, а царю не дати денег, на чем князь велики целовал**». Тем самым он быстро настроил против себя все слои строптивых москвичей, особенно влиятельных московских бояр и великокняжеских дворян, которые вновь стали массово отъезжать из **Москвы**, но теперь уже в пограничные земли с Литвой, где вскоре возник основной центр антишемякинских сил. Оказавшись в крайне сложном положении, под давлением **Церковного Собора**, **Василий Шемяка** вынужден был пойти на мировую с **Василием II**, и даровал ему в удел далекую **Вологду**, взяв перед этим крестоцеловальную клятву в том, что он более не будет претендовать на великокняжеский престол.

Между тем, сразу по прибытию Великого князя в **Вологду**, игумен **Кирилло-Белозерского монастыря** архимандрит **Трифон** снял церковную клятву с **Василия II**, «**еже еси целовал неволею**», и он сразу же отъехал в **Тверь** под защитой Великого тверского князя **Бориса Александровича (1425–1461)**, где, обручив своего шестилетнего сына **Ивана** на тверской княжне **Марии Александровне**, получил от влиятельного свата всю необходимую военную и денежную помощь. Одновременно сюда же в **Тверь** потянулся весь служилый люд **Москвы**, который еще не успел отъехать на литовскую границу в **Брянск** и **Мстиславль**, где удельные князья **Василий Ярославич Серпуховской**, **Иван Иванович Ряполовский** и **Иван Васильевич Стрига Оболенский** уже давно сформировали мощный центр всех антишемякинских сил.

В этой ситуации, опасаясь возможного удара с двух сторон, **Дмитрий Шемяка** и его союзник Можайский князь **Иван Андреевич** направили под **Волок Ламский** свой сторожевой полк, но уже в конце декабря 1446 г. большая часть этого полка перешла на сторону **Василия II**, а передовой отряд воеводы **М.Б. Плещеева** обошел шемякины заставы и сходу взял **Москву**. Самозванец ели унес ноги и сбежал в близлежащий **Углич**, после взятия которого московскими полками, в феврале 1447 г. он, прихватив престарелую мать Великого князя, вновь сбежал в свой столичный **Галич**, где, затаившись, стал ждать дальнейшей своей участи. Однако совершенно неожиданно **Василий II** пошел на мировую со своим кузеном и подписал с ним «**докончание**», в котором тот признал себя «**молодшим братом**» Великого князя, поклявшись на кресте прекратить междоусобную войну и отпустить престарелую великую княгиню в **Москву**.

Но уже весной 1449 г., опять нарушив свою клятву, он пошел походом к **Костроме**, но «**не успеха ничтоже**», поскольку здесь уже стоял великокняжеский полк **Ивана Стриги Оболенского** и **Федора Басёнка**. Узнав о странных маневрах галицкого князя, **Василий II**, взяв с собой «**братию свою, татарских царевичей со всеми силами**», а также весь церковный клир во главе с митрополитом **Ионой**, сам двинулся на **Верхнюю Волгу**, чем вынудил **Дмитрия Шемяку** подписать новый договор.

Между тем, осенью 1449 г. Великий князь послал удельного князя **Василия Серпуховского** «**изгонной ратью**» на **Галич**, что вынудило **Дмитрия Шемяку** вывезти в **Нов-**

город всю свою семью — супругу Софью Дмитриевну и двух детей — Ивана и Марию, однако «сам великий князь в Великом Новгороде не был, пошед Галицию». Получив известие о том, что его неугомонный соперник вновь вернулся в Галич, где «город крепит и пушки готовит, и рать пешая у него, а сам перед городом стоит со всею силою», Василий II, назначив князя В.И. Оболенского главным воеводой московских полков, отправил его «со всею силою своею» под Галич, отпустив с ним «прочих князей и воевод многое множество, потом же и царевичев отпустил и всех князей с ними».

Именно здесь, под стенами древнего Галича, в январе 1450 г. «и высть сеча зла», где в рукопашном сражении московские полки «многих избиша, а лютчих всех рұками яша, а сам князь едва убежа, а пешую рать мало не всю избиша». После страшного разгрома Дмитрий Шемяка вновь бежал в Новгород, откуда вскоре ушел в Устюг, где призвал вятчан «волоости великого князя Василья Васильевича гравити», а «сам понде на Вологду, и Вологду воивав». Но, так и не взяв ее, он вернулся в Устюг, а затем, оставив в городе своего наместника, он ушел на Двину. Несколько месяцев он находился в Заволочье, откуда в сентябре 1452 г. вновь вернулся в Новгород и «стал на Городище». Именно здесь его подкупленный повар по прозвищу Поганка «тѣи же дастъ емѹ зелье в кұряти», в результате чего «он тѹ же разболеся и скончася» в июле 1453 г.

При изучении Феодальной войны историки традиционно спорят по двум ключевым проблемам:

1) Каковы хронологические рамки этой войны. До сих пор в исторической литературе можно встретить совершенно разные взгляды на сей счет, в том числе 1425–1446 гг., 1430–1453 гг. и 1433–1453 гг. Однако большинство историков (Л. Черепнин, А. Зимин, В. Кобрин, Н. Борисов) датируют эту войну 1425–1453 гг. и выделяют в ней несколько основных этапов:

а) 1425–1431 гг. — начальный, «мирный» период войны, когда Юрий Звенигородский, не имея возможности идти на открытый конфликт с Витовтом и митрополитом Фотием, пытался законным путем получить ханский ярлык на великое княжение в Сарая.

б) 1431–1436 гг. — второй период войны, который начался после смерти Витовта и митрополита Фотия, и был связан с активными боевыми действиями Юрия Звенигородского и его сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяки против Василия II, в ходе которых звенигородские князья дважды занимали московский престол (1433–1434). Однако после смерти Юрия, слывшего выдающимся полководцем, московские войска разгромили галицко-звенигородские полки при Которосли (1435) и Скорятине (1436) и пленили Василия Косого, который был ослеплен и де-юре выбыл из дальнейшей борьбы.

в) 1436–1446 гг. — третий период войны, ознаменованный зыбким перемирием, которое окончилось возобновлением активных боевых действий, завершившихся пленением и ослеплением Василия II (Темного) и его отречением от престола в пользу Дмитрия Шемяки.

г) 1446–1453 гг. — четвертый, заключительный этап войны, который завершился разгромом галицкого князя, полной победой Василия II и гибелью Дмитрия Шемяки в Новгороде.

2) Каков был характер Феодальной войны. Что касается оценки этой войны, то здесь существуют три противоположных точки зрения. Одна группа историков

(Л. Черепнин, Ю. Алексеев В. Буганов) считали, что этот острый военно-политический конфликт был войной между «реакционными» противниками (**Юрий Звенигородский, Василий Косой, Дмитрий Шемяка**) и «прогрессивными» сторонниками (**Василий II Темный**) объединения русских земель вокруг **Москвы**. При этом симпатии этих историков были явно на стороне Великого князя и московских бояр. Другая группа историков, главным образом либерального толка (**Н. Носов, А. Зимин, В. Кобрин**), утверждала, что в ходе этой войны решался судьбоносный вопрос о том, какая ветвь московского княжеского дома возглавит и продолжит дальнейший процесс объединения Руси. При этом многие сторонники этой концепции с явной симпатией относились к «промышленному Северу» и его князьям, а не «крепостническому Центру» и **Василию II**, которого считали «выдающейся посредственностью» и полагали, что с победой галицко-звенигородских князей Русь могла пойти по более прогрессивному (предбуржуазному) пути развития, чем это произошло в реальности. Третья группа историков (**А. Кузьмин, Р. Скрынников, Н. Борисов**) полагают, что в обеих приведенных концепциях прямо бросается в глаза несоответствие между теоретическими построениями и фактическим материалом. По мнению этих ученых, **Феодалная война** была обычной и хорошо знакомой по прошлым векам княжеской междоусобицей, в ходе которой решался банальный вопрос о том, какая группировка московского правящего дома встанет у кормила власти.

После окончания **Феодалной войны**, невзирая на свою полную слепоту, **Василий II Темный** вполне успешно продолжил политику деда и отца по собиранию русских земель вокруг **Москвы**. В частности, в **1454 г.** он отвоевал у Литвы **Можайск**; в **1456 г.** разгромил новгородцев под **Старой Руссой** и навязал им **Яжелбицкий мирный договор**, который существенно ограничил суверенный статус **Новгорода** во внешних сношениях с иностранными державами; в том же **1456 г.**, после смерти **Василия Ярославича**, он ликвидировал удельное **Боровско-Серпуховское княжество** и присовокупил его обширные владения к своим великокняжеским землям; и, наконец, в **1461 г.** **Василий II** впервые послал своего наместника, князя **Владимира Андреевича Ростовского** в **Псков**.

3. Русская Православная Церковь в первой половине XV в.

Как известно, после смерти митрополита **Алексия** на Руси разгорелась жесткая борьба за вакантный митрополичий престол, в которой приняли участие разные политические силы, в том числе византийские и литовские исихасты. Сам **Дмитрий Донской**, будучи ярким противником византийских исихастов, хотел видеть на митрополичьем престоле в **Москве** своего духовника, архимандрита **Спасского монастыря Михаила (Митяя)**, однако во время его поездки в **Константинополь** при очень странных обстоятельствах он неожиданно скончался. В результате этого «конфуза» фортуна улыбнулась архиепископу **Пимену (1380–1389)**, который был утвержден митрополитом Киевским и Всея Руси по подложным грамотам Великого князя. Понятно, что **Дмитрий Донской** не признал нового митрополита и не пустил его в **Москву**. Та же самая «кручина» приключилась и с другим митрополитом — **Киприаном (1380–1406)**, который после острого конфликта с **Дмитрием Донским** сразу после **Тохтамышского нашествия** не по своей воле отъехал в **Киева**, где быстро

установил приятельские отношения с литовским князем **Витовтом**, который был давним противником **Дмитрия Донского**. Вплоть до смерти Великого московского князя фактическим главой Русской митрополии был суздальский архиепископ **Дионисий (1383–1385)**, а после его смерти — влиятельный Троицкий игумен, преподобный **Сергий Радонежский (1385–1390)**. И лишь в 1390 г. митрополит **Киприан** вновь перебрался на митрополичий престол в **Москву** и вплоть до своей смерти оказывал огромное влияние на политику **Василия I**.

После смерти **Киприана** митрополитом Киевским и Всея Руси стал новый выходец из Византии архиепископ **Фотий (1408–1431)**, который де-факто стал соправителем обоих великих князей и тайным агентом **Вильно** в **Москве**. Но после смерти **Фотия** началась очередная борьба за митрополичью кафедру между московскими и литовскими епископами. В этой затянувшейся церковной смуте ни одна из сторон не достигла решающего перевеса, и в 1437 г. в **Москву** прибыл новый ставленник **Константинополя** архиепископ **Исидор**. Вскоре по прямому указанию константинопольского патриарха **Григория III** митрополит **Исидор** отправился в Италию на **Флорентийский Собор**, где вошел в число активных сторонников объединения православной и римско-католической церкви под верховной властью римского папы. По итогам работы этого Собора была подписана печально знаменитая **Флорентийская уния (1439)**, которую на Руси посчитали недопустимым отступлением от канонов истинного православия. В результате, после возвращению **Москву** новоиспеченный кардинал **Исидор** был отлучен от митрополичьего клобука и посажен в темницу, а новым главой Русской Православной Церкви стал рязанский архиепископ **Иона (1448–1461)**, который впервые был утвержден в своем сане **Архиерейским Собором РПЦ** и Великим князем **Василием II** без санкции **Константинополя**. Затем, в 1453 г., после окончательной гибели Византийской империи, **Московская митрополия** получила статус автокефальной, т.е. полностью независимой от **Константинопольского патриархата Поместной Русской Православной Церкви**.

Тема: РУССКАЯ КУЛЬТУРА XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВВ.

План:

1. Предварительные замечания.
2. Устное народное творчество.
3. Грамотность и письменность.
4. летописание и общественно-политическая мысль.
5. Развитие литературы.
6. Архитектура русских земель.
7. Русское живописное искусство.

1. Предварительные замечания

Благодаря работам многих историков и археологов достоверно установлено, что в ходе монгольского нашествия погибли и были полностью разрушены многие

древнерусские города, а вместе с ними уничтожены ценнейшие и древнейшие произведения русской литературы, станковой и монументальной живописи, уникальные памятники культового и гражданского зодчества, а также многие произведения русского и зарубежного прикладного искусства. Кроме того, в ходе Батыева нашествия был нанесен колоссальный удар по городскому ремеслу, которое являлось важнейшим элементом развития всей средневековой экономики. А поскольку тогдашнее городское ремесло традиционно покоилось на ручной технике и было сопряжено с многолетней выработкой профессиональных навыков и мастерства, то в результате монгольского нашествия произошло значительное падение и даже полное забвение многих навыков и приемов сложнейшей ремесленной техники. Так, по данным академика **Б.А. Рыбакова**, автора фундаментального исследования «Ремесло в Древней Руси» (1948), к **середине XIII в.** во всех русских землях были полностью утрачены навыки производства шиферных пряслиц и сердоликовых бус, стеклянных браслетов и знаменитых амфор-корчаг, навсегда было утрачено искусство тончайшей перегородчатой эмали и более чем на сто лет исчезла техника филиграни и тиснения металла.

В ходе монгольского нашествия был нанесен колоссальный удар по традиционным торговым, экономическим и культурным связям Древней Руси со многими государствами Западной, Центральной и Южной Европы и Ближнего Востока, что, безусловно, самым негативным образом сказалось на культурном развитии всех русских земель, в том числе **Новгорода, Ладоги и Пскова**, которые сумели сохранить прежние торгово-экономические и культурные связи с государствами Северной Европы.

Подрыв материальной основы развития русской культуры и разрыв ее традиционных связей с византийской, европейской и восточной культурами привели к значительному ослаблению культурного развития русских земель и, прежде всего, к серьезному кризису литературного творчества. При этом важно отметить, что ущерб, нанесенный литературе, не ограничился уничтожением выдающихся памятников древнерусской письменности и литературы. Изменился сам характер многих литературных жанров и произведений. Так, по данным академика **Д.С. Лихачева**, с **середины XIII века** наблюдался заметный упадок всего летописного творчества, что зримо выразилось в полном прекращении летописания во многих русских городах, прежде всего, в **Киеве, Чернигове и Рязани**, которые всегда занимали особо место в культурном процессе Древней Руси. Однако даже в тех традиционных центрах летописного творчества, в частности в **Новгороде, Суздале и Смоленске**, которые подверглись значительно меньшему разгрому, летописание значительно сужается, бледнеет, становится немногословным и лишается тех выдающихся политических и мировоззренческих идей и того широкого общерусского кругозора, которыми обладали русские летописные своды, созданные до монгольского нашествия. Только после **Куликовской битвы** наступил «коренной перелом» в этой сфере и обозначился новый подъем летописания и литературы на всей территории Северо-Восточной Руси.

Не менее тяжелый урон в ходе монгольского нашествия был нанесен русскому зодчеству, которое достигло столь изумительного совершенства в домонгольский период. По данным многих историков и археологов (**Б. Рыбаков, Н. Воронин, Г. Вагнер, В. Седов**), более чем на полвека прекратилось каменное строительство

во всех русских городах, даже в **Новгороде, Ладоге и Пскове**, которые вообще не подверглись монгольскому нашествию. Более того, даже спустя десятилетия после возобновления традиций каменного зодчества в **конце XIII в.**, оно на многие годы утратило те технико-строительные приемы, которые были усвоены или созданы русскими зодчими в Древней Руси. Например, московские зодчие вернулись к кладке стен из одного тесаного камня, тогда как владими́ро-суздальские мастера умело сочетали и камень, и кирпич, и плотный известняк, и известняковый туф.

В отечественной исторической науке традиционно выделяют несколько этапов историко-культурного процесса на Руси в этот исторический период:

1) Первый этап (**вторая половина XIII — первая половина XIV вв.**) был связан со значительным упадком различных сфер материальной и духовной культуры всех русских земель. Связано это было не только с самим монгольским нашествием, но и с установления вассальной зависимости русских земель от Золотой Орды и необходимости платить в **Сарай** ежегодный «ордынский выход», составлявший астрономическую сумму. Вместе с тем, уже в **конце XIII в.** стали все отчетливее проявляться первые признаки возрождения материальной и духовной культуры различных русских земель. Например, в **Твери, Пскове и Новгороде**, а затем и в **Москве**, постепенно возобновляется каменное зодчество, а **Москва и Тверь** становятся новыми крупными центрами русского летописания.

2) Второй этап (**середина XIV — середина XV вв.**) ознаменовался общим хозяйственным подъемом всех русских земель, укреплением новых государственных образований и стремительным развитием таких крупных городов, как **Москва, Тверь, Новгород, Псков и Рязань**, которые стали столицами самых сильных и мощных экономических и политических центров Средневековой Руси.

При этом надо отметить, что именно в этот период, особенно с **конца XIV в.**, начинает разрушаться замкнутый характер русской национальной культуры, и возникают более тесные и прочные связи с южнославянской православной культурой, носителями которой были многие сербские и болгарские книжники и художники (**Григорий Цамбалак, Пахомий Лагофет, Феофан Грек**), приехавшие на Русь, спасаясь от османского ига. Подвергаясь значительному южнославянскому влиянию, русская культура и особенно литература, сохранив в полной мере свой национально-самобытный характер, заметно обогащалась за счет этого влияния и в художественном, и в идейном отношении. Например, в литературе этого периода возникают зримые элементы психологизма, зарождаются антицерковные еретические идеи и течения, связанные с возникновением зачатков рационального мышления, и т.д.

3) Новый этап в историко-культурном процессе средневековой Руси наступил **во второй половине XV в.**, когда завершился многолетний и многотрудный процесс объединения русских земель в единое государство. Именно в это период значительно усилилась взаимосвязь и взаимозависимость многих местных культур, которые при сохранении всех своих неповторимых черт, постепенно начинают сливаться в единую общерусскую культуру. Кроме того, именно в этот период заметно усилились связи русских земель с различными странами Западной Европы, прежде всего, с **Флоренцией, Венецией и Генуей**, которые являлись общепризнанными центрами европейского **Ренессанса** или **Возрождения**, знаменовавшего собой новый этап в развитии всей мировой культуры.

При этом надо сказать, что ряд известных ученых (Д. Лихачев, А. Панченко, В. Кусков) в свое время высказали смелое предположение, что уже в XIV в. возникли вполне реальные условия для возникновения **Русского Предренессанса** или **Предвозрождения**, который в отличие от классического **Ренессанса**, представлял собой своеобразный симбиоз индивидуализма и осознания ценности человеческой личности с абсолютным господством религиозного мировоззрения и мистицизма. Однако **Русский Предренессанс** так и не вошел в классическую стадию в связи с гибелью городских коммун **Новгорода** и **Пскова** и разгромом еретических течений «**жидовствующих**» и «**стригольников**». В результате ренессансная традиция в России возродится только с началом общего процесса секуляризации общественного сознания и «обмирщения» русской культуры в **середине XVII в.**, а роль **Русского Возрождения** сыграет новое общеевропейское культурное направление — **Барокко**.

2. Устное народное творчество

XIV–XV вв. явились важнейшим этапом в развитии устного народного творчества. Именно в этот период окончательно сложился и оформился новый жанр **исторической песни**, главной темой которых стала борьба русского народа с иноземными захватчиками. Вокруг этих исторических событий сложились целые циклы устных народно-поэтических произведений, в частности «**Сказание о разорении Рязани Батыем**», «**Сказание о Евпатии Коловрате**», «**Слово о Меркурии Смоленском**», «**Житие Александра Невского**», исторические песни «**Князь Роман и Мария Юрьевна**», «**Авдотья-рязаночка**», «**Девушка спасается от татар**», «**Мать встречает дочь из татарского плена**», «**Песнь о Щелкане Дудентьевиче**» и многочисленные песни о «**Девушках-полонянках**».

Очень много народных сказаний и исторических песен возникли и в связи с **Куликовской битвой**. Например, в одной из самых известных исторических песен той поры говорилось о богатыре **Сухмане**, побивших врагов на берегу реки **Непрядвы**, где, как известно, состоялась и **Куликовская битва**. Кроме того, по мнению многих авторов (Д. Лихачев, А. Азбелев, В. Кусков), народно-поэтическая основа отчетливо видна и в одном из самых знаменитых рассказов «**Сказания о Мамаевом побоище**», где речь идет о поединке троицкого черноризца **Александра Пересвета** с ордынским богатырем **Челубеем**.

Тогда же создается и особый цикл былин, исторических песен и устных исторических повестей в **Новгороде** — «**Василий Буслаев и новгородцы**», «**Поездка Василия Буслаева**», «**Смерть Василия Буслаева**», «**Садко-гусляр**», «**Садко-торговый гость**» и другие.

3. Грамотность и письменность

В Средневековой Руси основными центрами развития письменности и распространения грамотности по-прежнему оставались крупнейшие церковные приходы и монастыри, где создавались различные летописные своды, книги церковного и даже светского содержания, разнообразные грамоты, сборники церковного права, всевозможные прошения и многое другое. При этом во многих «**святых обителях**», в частности в **Троице-Сергиевом**, **Кирилло-Белозерском** и **Соловецком монастырях**, существовали целые объединения монахов-писцов и их учеников-послушников —

«паробков» или «ребят». Между писцами и их учениками существовало четкое разделение труда: одни создавали сам рукописный текст, другие украшали его многоцветными заставками и миниатюрами, третьи, как правило, ученики, готовили пергамент, делали чернила, смешивали краски и т.д.

Наряду с монастырями и кафедральными соборами важнейшими центрами распространения письменности и грамотности были многочисленные княжеские и вечевые канцелярии, где также составлялись различного рода официальные документы, в том числе княжеские и боярские грамоты, разнообразные уставы, сборники гражданского права, нормы судопроизводства и т.д. Кроме того, о том, что именно многие города были центрами распространения письменности и грамотности в Средневековой Руси, красноречиво свидетельствуют многочисленные археологические раскопки, в ходе которых было обнаружено более **1100 берестяных грамот**, в которых содержалась богатая и очень подробная повседневная переписка новгородцев, смолян, псковичей и жителей других русских городов, в которой раскрывались самые разнообразные стороны бытовой жизни древнерусских городов.

Развитие письменности естественным образом сопровождалось изменением техники письма. Примерно в **середине XIV в.** на смену дорогому пергаменту и не очень прочной бересте пришла привозная европейская бумага. Сначала ее доставляли из Италии, а затем из Франции и Германии. Хотя, ряд историков, в частности профессор **А.Л. Шапиро** в своей работе «**Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв.**» (1977), утверждают, что на территории русских княжеств производство собственной бумаги началось уже в **XIV в.**, но, безусловно, данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Как правило, очень большие листы бумаги, поступавшие из-за рубежа, разрезались и склеивались в виде длинных свитков или столбцов, а иногда из разрезанной бумаги делались тетради. Из нескольких сшитых тетрадей делалась книга, которую заключали в массивную кожаную или деревянную обложку, украшенную серебряным или даже золотым окладом, бархатом и драгоценными камнями. Все рукописи той поры писались чернилами коричневатого или бурого цвета, которые традиционно делались из железной ржавчины, дубовой коры, вишневого клея, кваса или кислых щей и жидкого меда. Все эти важнейшие компоненты смешивались в определенной пропорции, затем кипятились и выдерживались в течение нескольких месяцев в теплом месте. Основным орудием письма по-прежнему были гусиные перья, при изготовлении которых использовались особые перочинные ножи.

В **XIV в.** на смену **уставу** пришел **полуустав**. Во многом благодаря южнославянскому влиянию, практически все буквы русского алфавита потеряли прежнюю стройность и геометричность, стали неровными и более вытянутыми, появилось большое количество выносных букв, а сами слова стали писаться раздельно. Кроме чисто графических признаков, отличительной особенностью полуустава стало наличие большего разнообразия самих приемов сокращения слов, когда над хорошо известным и часто повторяемым словом ставилось так называемое «титло». Несколько позднее, в **начале XV в.**, наряду с полууставом, в обиход стала входить **скоропись**, которая постепенно заняла лидирующее положение в официальном делопроизводстве. А полуустав сохранил свои позиции как преимущественно книжное письмо.

Страницы многих рукописных книг нередко украшались цветными заставками и миниатюрами. Выдающимися образцами книжной миниатюры того периода были «Федоровское Евангелие», написанное по заказу ярославского князя **Федора Черного**, тверская рукопись «Хроники» **Георгия Амартола**, имеющая более ста миниатюр и т.д.

В XIV в. настоящего расцвета достиг **тератологический** или «чудовищный» орнамент, который был известен причудливым переплетением натуралистических и фантастических изображений различных животных, птиц, плетений из ремней и змеиных хвостов. По поводу происхождения этого орнамента в науке существуют совершенно разные точки зрения. Одни русские и советские историки (**Ф. Буслаев**, **В. Щепкин**) считали, что этот орнамент был заимствован у южных славян. Другие авторы, в частности австрийские искусствоведы **В. Борн** и **И. Стржиговский**, утверждали, что Русь восприняла тератологический орнамент из Скандинавии и Северной Германии. Наконец, третьи авторы (**Б. Рыбаков**, **А. Арциховский**) утверждали, что тератологический орнамент Средневековой Руси был самым тесным образом связан с традициями древнерусского прикладного искусства и русским народным фольклором.

Причем, надо отметить тот факт, что тератологический стиль был характерен не только для рукописных книг. Он существовал и в художественном ремесле, например, при изготовлении разнообразных колт и наручей, и в архитектурной пластике, что совершенно отчетливо видно в рельефах **Дмитровского собора** во **Владимире** и **Борисоглебского** и **Благовещенского соборов** **Чернигова**.

Позднее, в начале XV в., довольно быстро получили распространение **балканский** или «плетеный» («жгутовой»), и **нововизантийский** или «растительный» орнаменты. В «плетеном» орнаменте русские живописцы широко использовали жгуты, круги, бесконечную восьмерку, прямоугольные решетки, ромбы, крестики и квадраты, чем достигалась особая узорчатость и даже вычурность рисунка. А в «растительном» орнаменте, напротив, наблюдается отход от традиционного геометрического рисунка, где стилизованные растения были подчиненными элементами книжной миниатюры.

4. Летописание и общественно-политическая мысль

Наиболее значительными произведениями средневековой письменности по-прежнему оставались различные летописные своды, которые представляли собой **синтетические памятники** средневековой культуры, объединявшие в себе разные устные и литературные жанры. По мнению многих авторов (**Д. Лихачев**, **В. Кусков**), во всех летописных сводах XIV–XV вв. отчетливо проявлялся их **общерусский характер**, где красной нитью проходят идеи единства всех русских земель, героической борьбы против иноземных захватчиков и защиты православия. Наиболее крупными летописными центрами той поры были столицы самых мощных русских княжеств и земель — **Москва**, **Новгород** и **Тверь**.

а) По мнению большинства ученых (**Д. Лихачев**, **В. Кусков**, **А. Кузьмин**, **Я. Лурье**), оригинальное **московское летописание** возникло в 1326 г., с момента основания **Иваном Калитой** **Успенского собора** в **Московском Кремле**. Затем, 1408–1423 гг., при активном участии митрополитов **Киприана** и **Фотия** был создан первый общерусский

летописный свод — знаменитая **Троицкая летопись** или «**Владимирский полихрон**». А уже при **Иване III**, связи со строительством нового **Успенского собора** в **Московском Кремле**, в **1480 г.** был создан знаменитый **Московский летописный свод**.

б) Вопрос о времени возникновения самобытного **тверского летописания** до сих пор остается дискуссионным. Одни историки (**А. Шапиро**) утверждает, что первый летописный свод в **Тверском княжестве** был составлен в **1305 г.** в годы правления тверского князя **Михаила Ярославича (1304–1318)**. Однако большинство ученых (**Д. Лихачев, Я. Лурье, В. Кусков**) утверждают, что создание **Тверского летописного свода**, который сохранился в составе «**Рогожского летописца**», началось только в **1375 г.**, при тверском князе **Михаиле Александровиче (1339–1399)**. При этом надо сказать, что в тверском летописании особое место занимает «**Летописец**» **Великого тверского князя Бориса Александровича (1425–1461)**, созданный иноком **Фомой** в **1453 г.**

в) **Новгородское летописание**, возникшее в эпоху Древней Руси, до **середины XV в.** продолжало носить сугубо местный характер, поскольку даже в «**Софийском временнике**», созданном в **1432 г.** при архиепископе **Евфимии II**, по-прежнему подчеркивалась особая роль **Господина Великого Новгорода** в истории всей Средневековой Руси. Однако уже в **1448 г.** был создан новый **Софийско-Новгородский летописный свод** или **Первая Новгородская летопись**, который, по мнению многих авторов (**М. Приселков, Д. Лихачев, Я. Лурье**), представлял собой уже общерусский летописный свод.

В рамках средневекового летописания дальнейшее развитие получила историческая мысль, значительно расширился исторический кругозор, и появились новые виды исторических произведений. К ним, прежде всего, относятся знаменитые «**Хронографы**», посвященные не только русской, но и мировой истории, освещаемой с религиозных богословских позиций. По мнению ряда современных ученых (**О. Творогов**), первый русский «**Хронограф во великому изложению**» был создан еще в **середине XI в.** на основе византийских исторических хроник **Иоанна Малалы (VI в.)** и **Георгия Амартола (IX–X вв.)**. Именно этот «**Хронограф**» позднее и был положен в основу «**Еллинского и Римского летописца**» (**конец XIV – начало XV вв.**), на базе которого были созданы две новых — вторая и третья редакции «**Хронографа**».

По мнению справедливого мнению многих ученых (**О. Творогов, Б. Клосс**), русские «**Хронографы**» были не компилятивными, а оригинальными произведениями русской средневековой культуры, созданные вдумчивыми и профессиональными историками-источниковедами. В силу этого обстоятельства «**Хронографы**» представляли собой своеобразные исторические энциклопедии различных народов и государств, которые содержали в себе очень интересные сведения и факты из истории Иудеи, Вавилона, Античной Греции, Римской и Византийской империй, происхождения славян, древнерусской истории и т.д.

Значительно позже, в **1512 г. (О. Творогов)** или в **1516–1522 гг. (Б. Клосс)**, на основании южнославянских, греческих и русских сочинений была создана вторая редакция «**Хронографа**», составленная знаменитым выходцем из Сербии **Пахომием Лагофетом**. А примерно через сто лет, в **1617 г.**, была создана третья редакция этого «**Хронографа**», в которой была значительно сокращена библейская часть и, напротив, существенно расширены географические, этнографические и исторические сведения из истории разных народов и государств.

5. Развитие литературы

Русская литература **конца XIII–XV вв.**, как и в предыдущий период, развивалась в форме разнообразных повестей, многие из которых сохранились в составе тех или иных летописных сводов, «житий» и сказаний. Внешне проникнутые традиционным религиозным мировоззрением, литературные произведения той поры, все же не могут быть целиком отнесены к церковной литературе. Напротив, многие из них посвящены чисто светским сюжетам, поскольку центральной темой этих сочинений была борьба с иноземными захватчиками и идея единства русских земель. Кроме того, особенностью всей средневековой литературы было то, что в основе ее произведений лежали конкретные исторические факты, а все литературные персонажи были реальными историческими лицами. И только значительно позже, примерно со **второй половины XV в.** обозначились тенденции возникновения обобщенных и вымышленных литературных сюжетов и персонажей.

События, связанные с монголо-татарским нашествием и героической борьбой русского народа с иноземными захватчиками стали центральной темой многих литературных произведений той поры, которые были созданы в **жанре воинской повести**. Самыми ранними и значительными произведениями этого жанра стали «Повесть о разорении Рязани Батыем», в рамках которой обычно выделяют два самостоятельных рассказа: «О любви и смерти рязанского князя Федора Юрьевича, его жены Евпраксии и их сына Ивана Постника» и «О рязанском богатыре Евпатии Коловрате», «Слово о погибели земли Русской», «Поучения» владимирского епископа Серапиона и «Повести» о новгородском князе **Александре Невском** и псковском князе **Довмонте**. Затем, в **конце XIII – начале XIV вв.**, появляются новые литературные памятники этого жанра, в частности знаменитые сочинения тверских авторов «Повесть об убиении князя Михаила Ярославича в Орде» и «Повесть о Шевкале», которая представляла собой переработку устного народного **Сказания о Щелкане Дудентьевиче**.

Со **второй половины XIV в.**, особенно после **Куликовской битвы**, русская литература вступила в период нового подъема. Это сказалось не только в появлении многих новых литературных произведений, но и в существенном изменении ее форм. Многие историки древнерусской литературы (**И. Еремин, Д. Лихачев, В. Кусков**) отмечают появление в **конце XIV в.** нового, так называемого «**экспрессивно-эмоционального**» **стиля**, напрямую связанного с предвозрожденческой тенденцией в развитии всей русской культуры и так называемым «**вторым**» **южнославянским влиянием**, что внесло в русскую литературу свойственную южнославянской культуре возвышенность и эмоциональность.

С **конца XIV в.** ведущим центром русской литературы становится **Москва**, где были созданы наиболее значительные литературные произведения той эпохи. В частности, под влиянием победоносной **Куликовской битвы** возник целый цикл литературных произведений, которые прославляли подвиг русского народа на этом знаменитом ратном поле:

1) «Слово о великом князе **Дмитрии Ивановиче** и его брате **Владимире Андреевиче**», которое более известно под поэтическим названием «**Задонщина**», сохранилось в двух редакциях — «**Краткой**» и «**Пространной**» и шести летописных списках **XV–XVII вв.** В этом знаменитом поэтическом произведении Средневековой Руси с особым пиететом прославлялся Великий князь московский **Дмитрий Донской**,

которого безымянный автор называет главным вдохновителем и организатором победы русских дружин и народного ополчения на **Куликовом поле**.

В исторической науке вопрос о времени написания этого памятника до сих пор остается дискуссионным. Однако большинство современных ученых (**Л. Дмитриев, И. Данилевский**) определяют его хронологические рамки **1390–1480-ми гг.** Авторство этого знаменитого произведения тоже вызывает немало споров. Например, большинство авторов (**В. Адрианова-Перетц, Р. Якобсон, С. Азбелев**) утверждали, что автором «**Задонщины**» был брянский боярин, а затем рязанский иерей **Софроний**. Однако их оппоненты (**Р. Дмитриева**) отвергали эту точку зрения как недоказанную.

Еще одной спорной проблемой является вопрос о соотношении «**Задонщины**» и «**Слова о полку Игореве**». Хорошо известно, что ряд советских и зарубежных авторов (**А. Мазон, Э. Кинан, А. Зимин**) в категорической форме утверждали, что, безусловно, первична «**Задонщина**». Однако их многочисленные оппоненты (**Р. Дмитриева, Л. Дмитриев, О. Творогов, А. Зализняк**) предельно убедительно доказали, что выдающийся автор средневековой «**Задонщины**» как раз и создал свое гениальное произведение, опираясь на поэтические и художественно-стилистические приемы древнерусского «**Слова о полку Игореве**», а не наоборот.

2) «**Летописная повесть о Куликовской битве**» или «**Побоище Великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем**». По мнению большинства ученых (**А. Шахматов, В. Рудаков, И. Данилевский**), это самый древний памятник **Куликовского цикла**, созданный в конце XIV в. и сохранившийся в составе **Софийско-Новгородского летописного свода 1448 г.** Именно в этом литературном произведении был впервые не только дан очень подробный и связанный рассказ о **Куликовской битве**, но и резко осуждены два союзника **Мамаея**: «**лестивый отступник**» рязанский князь **Олег Иванович** и «**нечестивец**» Великий литовский князь **Ягайло**.

3) «**Сказание о Мамаевом побоище**» — самое объемное и популярное произведение **Куликовского цикла**. Вместе с тем, это и самое «синтетическое» произведение этого цикла, поскольку с одной стороны, куликовская победа представлена как награда за христианские добродетели, а с другой стороны, здесь нашел отражение вполне реальный взгляд на вещи и реальная оценка многих исторических событий и персонажей той поры. Кроме того, в этом «**Сказании**», где были широко использованы устные народные предания о **Куликовской битве** и содержатся разнообразные элементы устного народного творчества, находит свое целостное выражение идея тесного союза Русской Православной Церкви и сильной княжеской власти.

Вопрос о времени создания этого «**Сказания**» и его авторстве тоже является предметом давней научной дискуссии. Например, **И.Б. Греков** датировал его создание концом XIV — началом XV вв., **В.В. Кучкин** и **Б.М. Клосс** относили его написание к **1485–1525 гг.**, а **В.С. Мингалева** утверждал, что оно было создано только в **1530–1540-х гг.** При этом профессор **Б.М. Клосс** приписывал авторство «**Сказанию**» коломенскому епископу **Митрофану**, а профессор **Р.Д. Дмитриева** называла его автором рязанского священника **Софрония**.

4) «**Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского**», которое представляет собой настоящий панегирик умершему князю. Историки до сих пор спорят о времени создания и об авторстве этого произведения. Но, вероятнее всего, автором этого «**Жития**» был выдающийся русский книжник и религиозный философ **Елифаний Премудрый**, а само это «**Житие**» было создано

между 1389–1420 гг., т.е. датами кончины **Дмитрия Донского** и самого **Епифания Премудрого**.

К произведениям Куликовского цикла вплотную примыкает и знаменитая повесть **«О Московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли русской»**, которая отразила печальные события 1382 г.

Другим литературным жанром той эпохи были **«жития святых»**. Самым ранним сочинением этого жанра стало **«Житие святого Александра Невского»**, созданное в 1280-х гг. и дошедшее до нас в тринадцати редакциях — Первоначальной, Лихачевской, Особой и других. Причем, по мнению большинства авторов (**Н. Костомаров**, **В. Пашуто**), первая редакция этого **«Жития»**, вероятнее всего, была создана во **Владимире** при монастыре **Рождества Богородицы**, где в 1263 г. было погребено тело великого русского князя. Вопрос об авторстве этого произведения также до сих пор является предметом научных споров. Одни ученые (**В. Кусков**) говорят, что авторами **«Жития»** были старший сын **Александра Невского** Великий владимирский князь **Дмитрий Александрович** (1276–1294) и митрополит **Кирилл** (1249–1281). А их оппоненты (**Д. Лихачев**) полагают, что автором этого произведения был анонимный выходец из **Галицко-Волынской Руси**, который в 1250-х гг. прибыл во **Владимир** в свите митрополита **Кирилла**. Чуть позже, в начале XIV в. в двух редакциях было создано знаменитое **«Житие»** московского митрополита **Петра**, принадлежащие перу ростовского епископа **Прохора** и митрополита **Киприана**.

В конце XIV в. житийная литература приобретает принципиально новый характер, поскольку произведения этого жанра стали исполняться в возвышенном панегирическом стиле, обильно украшаться всевозможными эпитетами, художественными оборотами и цитатами из **«Священного писания»**. Именно в этой стилистике **«плетения словес»**, родоначальником которой стал **Епифаний Премудрый**, были написаны его знаменитые произведения **«Слово о житии и учении Стефана Пермского»** (1396), **«Послания иеромонаха Епифания к некоему другу своему Кириллу»** (1414–1415) и **«Похвальное слово и житие Сергия Радонежского»** (1417–1418). В таком же возвышенном панегирическом стиле было создано **«Житие Пафнутия Боровского»** (1426), автором которого стал его келейник, иеромонах **Иннокентий**.

Значительный вклад в развитие житийной литературы и панегирического стиля внес **Пахомий Логофет** (Словоположник), сербский ритор и богослов, прибывший в Россию в 1430-х гг. По мнению большинства ученых (**В. Ключевский**, **В. Зубов**, **В. Кусков**), именно его перу принадлежали вторая редакция **«Жития Сергия Радонежского»** и **«Жития»** митрополита **Алексия**, **Варлаама Хутынского**, **Кирилла Белозерского**, новгородского архиепископа **Евфимия** и других русских подвижников, а также знаменитое **«Сказание о Михаиле Черниговском и его боярине Федоре»**, созданное в 1430–1440-х гг.

В эпоху собирания русских земель дальнейшее развитие получил жанр исторической повести. Среди памятников этого жанра, сохранившихся в составе **Троицкой летописи**, **Новгородской Первой летописи младшего извода** и других летописных сводах, особый интерес вызывают **«Повесть о нашествии Едигея на Москву»**, **«Повесть о новгородском восстании 1418 г.»**, **«Повесть об ослеплении Василия II»**, в основу которой, как установил профессор **М.Д. Приселков**, были положены воспоминания самого Великого князя, московская и новгородская **«Повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород»**, которые, естественно, расходились в своих оценках

этого важнейшего события в истории Средневековой Руси, «Повесть о стоянии на Угре» и другие.

Во второй половине XV в. в русской литературе возник принципиально новый жанр сюжетной повести, который внешне еще вполне историчен, но уже наполнен вымышленными сюжетами и героями. К числу наиболее известных сюжетных повестей той эпохи относятся «Повесть о Петре и Февронии», возникшая, вероятнее всего, в Муроме и повествующая о пылкой и страстной любви простой крестьянской девушки и муромского князя Петра, и «Повесть о Меркурии Смоленском», которая продолжила традиции героических (воинских) повестей о русских богатырях — героях борьбы против татаро-монгольских захватчиков.

В тот же период был создан целый ряд чисто беллетристических произведений, в частности, сербская редакция «Александрии», посвященная жизнеописанию Александра Македонского, «Троянские сказания», которые были написаны по мотивам знаменитых поэм Гомера «Одиссей» и «Эллиада», и «Сказание о Вавилонском царстве».

В XIV—XV вв. дальнейшее развитие получил такой известный по прошлым векам литературный жанр, как «Хождения». Среди многочисленных памятников этого жанра наиболее известны «Хождение новгородца Стефана в Царьград», «Хождение смоленца Игнатия в Афон, Царьград и Палестину», «Хождение гостя Василия в Иерусалим», «Хождение монаха Зосимы в Царьград», «Хождение посла Семена Толбухина в Венецию» и знаменитое «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина в Индию, созданное в 1466—1472 гг. Текст этого «Хождения» сохранился в двух изводах конца XV в. — в «Летописном сборнике», включенным в Львовскую и Вторую Софийскую летописи, и в «Троицком» («Ермолинском») сборнике.

В тот же период дальнейшее распространение получила и переводная литература, подробный перечень и анализ которой содержится в работе профессора Г.М. Прохорова «Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв.», вышедшей в 1987 г. Среди этих произведений особый интерес представляют сочинения известных византийских исихастов Георгия Писиды («Похвала богу о сотворении всей твари»), Григория Паламы («Беседование с хилоны и турки») и Дионисия Дисипата («Диоптра»).

Надо сказать, что проблема влияния византийского исихазма на историю и культуру Средневековой Руси до сих пор является предметом острой научной дискуссии. Не вдаваясь в существо этой сложной и давней проблемы, скажем лишь о том, что ряд авторов (Д. Лихачев) в целом положительно оценивают их деятельность и связывают с ними развитие предвозрожденческих тенденций на Руси, а их оппоненты (А. Кузьмин), напротив, довольно негативно относятся и к самой идеологии исихастов, и к их деяниям.

6. Архитектура русских земель

Основными центрами развития архитектуры были столицы самых крупных и мощных русских земель и княжеств, в частности Тверь, Новгород, Псков и Москва.

1) Первым русским городом, где возобновилось каменное зодчество, стала Тверь. Именно здесь в 1285—1290 гг., при князе Михаиле Ярославиче, был построен первый каменный храм — Спасо-Преображенский собор — шестистолпный пятиглавый крестово-купольный храм, богато украшенный белокаменным рельефом,

медными дверями и майоликовым полом. Затем, в 1323 г., при князе **Дмитрии Михайловиче**, был построен храм **Успения Богородицы**. Однако после знаменитого восстания в **Твери 1327 г.** каменное зодчество здесь надолго прекратилось и лишь в **конце XIV в.** была возведена знаменитая каменная церковь **Рождества Богородицы** в селе **Городне на Волге**.

2) Крупнейшим центром русского зодчества по-прежнему оставался **Господин Великий Новгород**, где уже в 1292 г. была построена первая каменная церковь **Николы на Липне**, где уже отчетливо видно, что новгородские зодчие, сохранив традиции четырехстолпного однокупольного храма, внесли ряд существенных новшеств в свою архитектурную пластику. В частности, они отказались от позакомарного покрытия и сделали его трехлопастным, вместо трех апсид осталась только одна апсида в центре храма, а сам фасад не был поделен на лопатки, в результате чего само здание приобрело массивность и монолитность.

Вообще следует сказать, что новгородские постройки **XIV–XV вв.**, как правило, невелики по своим размерам. На смену монументальным и величественным зданиям **XI–XII вв.**, типа новгородской **Софии** и кафедральных соборов **Юрьева** и **Антоньева монастырей**, строившихся княжеской властью, пришли небольшие приходские храмы и церкви, возводившиеся на средства богатых бояр, купеческих корпораций и городских «концов».

Наиболее интересными памятниками новгородской архитектуры этого периода были церкви **Благовещения на Городище (1342–1343)**, **Спаса на Ковалеве (1345)**, **Успения на Волотовом поле (1352)**, **Федора Стратилата на ручью (1360–1361)** и **Спасо-Преображения на Ильине (1374)**. Вместе с тем надо отметить тот факт, что с **середины XIV в.** начинается новый этап в развитии новгородского зодчества, отличительной особенностью которого стало украшение фасадов церквей богатым декором из поясных кирпичных арок и треугольников, что отчетливо видно во внешнем убранстве церквей **Федора Стратилата (1360–1361)** и **Спаса на Ильине (1374)**.

Однако затем новгородские зодчие вновь отказались от декоративной отделки внешнего убранства храмов и вернулись к строгой монументальности и простоте форм, характерных для более раннего периода новгородской архитектуры. Причем, историки, как правило, связывают возрождение традиций «новгородской старины» с деятельностью местного архиепископа **Евфимия**, а также с возросшей в **конце XIV – начале XV вв.** «опасностью» присоединения **Великого Новгорода** к **Москве**. Такими, довольно характерными, памятниками новгородского зодчества стали церкви **Рождества на кладбище (1381)** и **Петра и Павла в Кожевниках (1406–1408)**. Правда, позднее, в **середине XV в.**, новгородские зодчие вновь вернулись к декоративному оформлению многих культовых построек, ярким подтверждением чего стала церковь **Иоанна Предтечи на Опоках**, построенная новгородскими купцами «**Ивановой сотни**» в **1454 г.**

Помимо культовых зданий в **Новгороде** возводились и многочисленные светские постройки, в частности **Грановитая палата (1433)**, где заседал **Совет господ или «Оспода»** — верховный орган боярской аристократии, комплекс **Владычного двора (1433)**, **Часозвоня (1443)**, которая является одним из самых ранних образцов русской шатровой архитектуры, и каменные палаты новгородских посадников **Исаака и Марфы Борецкой (1465)**. В **1430-х гг.** завершилось и строительство каменного **Детинца**, возведение которого было начато еще в **1333 г.** по повелению тогдашнего новгородского архиепископа **Василия Калики**.

3) Своеобразное место в русском зодчестве **XIV–XV вв.** занимают архитектурные памятники древнего **Пскова**. Причем, многие псковские постройки этого периода производят впечатление настоящих крепостных сооружений с очень мощными стенами и особой асимметричностью. При этом надо отметить, что практически все псковские храмы представляли собой небольшие кубические постройки с одной главой, украшенной простыми поясками в виде треугольных и квадратных углублений. Кроме того, все псковские храмы и церкви имели несколько боковых пределов, что еще более усиливало впечатление мощи и приземистости зданий. А отличительной особенностью псковской архитектурной школы было то, что многие сооружения украшались темно-зелеными поливными изразцами местного производства, что придавало им особый колорит.

По мнению большинства специалистов (**С. Ямщиков, В. Седов**), среди многочисленных памятников псковской архитектуры той поры особым колоритом отличались **Троицкий собор (1365–1367)**, **церковь Василия на Горке (1413–1415)** и **церковь Богоявления со звонницей на Запсковье (1496)**.

Особое место в архитектурной истории **Пскова** занимает его знаменитый **Кремль**, с невероятно массивными каменными стенами и «пузатыми» башнями, строительство которого велось поэтапно на протяжении нескольких веков, начиная с его **Крома** и **Довмонтова города**, которые были возведены еще в **1370-х гг.**

4) Каменное строительство в **Москве** началось только во **второй четверти XIV в.**, когда при **Иване Калите** на территории **Московского Кремля** были построены четыре небольших каменных храма — **Успенский (1326)** и **Архангельский (1333) соборы** и **церкви Иоанна Лествичника (1329)** и **Спаса на Бору (1330)**. Новый этап каменного зодчества в **Москве** был связан с постройкой **Белокаменного Кремля (1366–1367)**, возведенного вместо обветшавшего дубового Кремля времен **Ивана Калиты**, и **Чудова монастыря (1367)** при **Дмитрии Донском**. Затем эта традиция была продолжена при его старшем сыне и внуке — **Василии I** и **Василии II**, в годы правления которых были сооружены изумительные кафедральные соборы в самых крупных городах и монастырях Московского княжества: **Успенский собор в Звенигороде (1399–1400)**, **собор Рождества Богородицы Саввино-Сторожевого монастыря (1405)**, **Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря (1422–1425)** и **Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря (1427–1430)**.

Однако затем, в годы активной фазы **Феодальной войны (1431–1453)**, которая стоила огромных финансовых, материальных и людских потерь, каменное зодчество на территории **Великого Московского княжества** практически прекратилось, и новый этап его развития пришелся уже на **1470–1480-е гг.**

Впрочем, следует помнить о том, что русская архитектура той эпохи в своей основе оставалась архитектурой деревянной, и по подсчетам известного знатока русского зодчества **В.П. Выголова**, автора известной работы «**Архитектура Московской Руси середины XV в.**» (1988), более чем за столетие (1320–1430) было построено всего около **30 каменных зданий**, и то главным образом в **Москве**.

Говоря о развитии русской архитектурной школы в постмонгольский период необходимо затронуть одну довольно спорную проблему, связанную со строительством русских городов в тот период. Традиционный взгляд на эту проблему заключается в том, что все русские средневековые города строились стихийно, без какой-либо предварительной планировки, а уж тем более без четкого градостроительного плана. Однако еще в середине прошлого века ряд известных историков

и археологов, в частности академики **М.Н. Тихомиров** и **Б.А. Рыбаков**, впервые подвергли сомнению эту точку зрения. А самый убедительный удар по ней был нанесен в работе **Г.В. Алферовой** «Русские города XVI–XVII веков» (1989), в которой автор на основе натурных исследований и архивных документов однозначно доказала наличие письменных правил ландшафтной планировки русских городов, которые сохранились в «Законе Градском» или «Прохироне».

7. Русское живописное искусство

Вопрос о содержании русского живописного искусства в тот период является предметом давней научной дискуссии. Так, профессор **В.Н. Лазарев**, автор известной работы «Русская иконопись от истоков до начала XV в.» (1983), полагал, что живописное искусство второй половины XIII–XIV вв. во многом сохранило и приумножило традиции живописного искусства Древней Руси, о чем красноречиво свидетельствуют ряд памятников владимиро-суздальской станковой живописи того периода, в частности иконы «Грузинская богоматерь» и «Покров» из собрания Покровского женского монастыря в Суздале. Однако его оппонент профессор **М.В. Алпатов** в своей не менее известной работе «Сокровища русского искусства XI–XVI вв.» (1972), напротив, утверждал, что это время, вплоть до 1370-х гг., было «периодом примитивизма» в развитии станковой и монументальной живописи Средневековой Руси.

Вместе с тем, по мнению всех исследователей (**И. Грабарь**, **В. Лазарев**, **М. Алпатов**), во второй половине XIV в. и особенно в XV в. высокого совершенства достигла новгородская живописная школа, где на смену тяжеловатым и приземистым фигурам пришли вытянутые персонажи и многослойность композиции. Кроме того, сама живописная манера стала более миниатюрной и изящной, а цветовая гамма самих фресок и икон значительно обогатилась и приобрела невиданную чистоту и звучность. Вместе с тем, как подчеркнул профессор **М.В. Алпатов**, чрезвычайно самобытная школа новгородской живописи была более занимательной, нежели философской, и более непосредственной, чем московская.

Среди фресок новгородской живописной школы особым изяществом и мастерством исполнения отличались фресковые росписи на евангельские сюжеты церкви Федора Стратилата, Михайловской церкви Сковородского монастыря, церкви Спаса на Ковалеве, храма Благовещения на Городище и Рождественской церкви на кладбище. Кроме того, как установил профессор **В.Н. Лазарев**, автор многих искусствоведческих работ, в том числе известной монографии «Искусство Древней Руси. Мозаики и фрески» (1973), новгородская живописная школа оказала существенное влияние и на живописную традицию русского Севера, в частности Великого Устюга, Каргополя, Тихвина и Обонежья.

Одним из самых известных живописцев Средневековой Руси был **Феофан Гречин (Грек)** (1340–1405), начавший свою творческую карьеру еще у себя на родине, в Византии, где принимал активное участие в росписях нескольких соборов и церквей в Константинополе, Галате, Халкифоне, а затем в древнем крымском городе Кафе (Феодосии). Затем, во второй половине 1370-х гг., он приезжает на Русь и руководит росписью знаменитой церкви Спаса Преображения на Ильине. Практически все исследователи его творчества (**В. Лазарев**, **М. Алпатов**, **В. Черный**) особо отмечают, что для живописной манеры **Феофана Грека** характерен особый экспрессивно-эмоциональный стиль, который позволил ему воплотить во многих своих фресках вы-

сокую одухотворенность человека, силу внутренней эмоциональности, страстную волю к возвышенному и прекрасному духовному состоянию человека. Безусловно, его творчество оказало огромное влияние на всю новгородскую живопись того времени и, вероятнее всего, именно учениками **Феофана Грека** были расписаны новгородские **церкви Федора Стратилата и Успения на Волотовском поле**.

Иконописная традиция новгородских живописцев была более демократичной и многие иконы того времени отличались особой чистотой и сочностью красок, среди которых новгородские мастера отдавали приоритет пламенному киноварному цвету. Композиционные схемы многих новгородских икон чрезвычайно просты и лаконичны, а типы святых изображены в виде крепких фигур с мелкими чертами лица. Наиболее известными иконами новгородской живописной школы, созданными во **второй половине XIV в.**, были иконы **«Федор и Лавр»**, **«Молящиеся новгородцы»**, **«Илья-пророк»**, **«Богородица»** и **«Битва суздальцев с новгородцами»**.

Московская живопись в **первой половине XIV в.** развивалась в рамках прежней архаики и большинство московских храмов расписывались выходцами с Византии. Однако, начиная с **1380-х гг.** наступил новый этап в развитии **московской живописной школы**, который был напрямую связан с переездом в **Москву Феофана Грека**. Именно под его непосредственным руководством были расписаны стены и своды **Архангельского и Благовещенского соборов Московского Кремля, церкви Рождества Богородицы в Москве (1395), Благовещенского собора в Нижнем Новгороде (1397)**, а также дворцы Великого князя **Василия I (1389–1425)** и его дядьки, удельного серпуховского князя **Владимира Андреевича (1353–1410)**. К большому сожалению, многие из этих росписей и иконостасов не сохранились до наших дней, за исключением нескольких икон **Благовещенского собора**, которые затем были включены в иконостас его младшего «тезки», построенного псковскими зодчими в **1485–1489 гг.**

Самыми знаменитыми иконами **Феофана Грека** стали **«Деисус»** или **«Спас на престоле»** с изображением **Иисуса Христа** и молящих его о прощении человеческих грехов **Богородицы и Иоанна Предтечи, «Преображение», «Апостолы Петр и Павел», «Архангел Гавриил»** и **«Донская Богоматерь»**. При этом, как отметил профессор **М.В. Алпатов**, с переездом в **Москву Феофан Грек** меняет присущую его новгородскому периоду экспрессивно-эмоциональную манеру письма и становится «хитрым философом». Надо также сказать, что помимо «феофановского» направления в московском живописном искусстве **конца XIV–XV вв.**, ряд исследователей (**В. Лазарев, В. Черный**) отмечают и присутствие произведений станковой живописи, связанных с византийской и сербской художественными традициями.

Выдающимся представителем русской живописной школы **XIV–XV вв.** был великий русский художник **Андрей Рублев (1360–1430)**, который был сначала иноком знаменитого **Троице-Сергиева монастыря**, а затем, после переезда в **Москву**, — иноком **Спaso-Андронникова монастыря**, где и нашел свой последний приют.

Самыми ранними фресками **А. Рублева** считают роспись **Успенского собора в Звенигороде (1400)**, где уже вполне отчетливо проявились характерные черты рублевского стиля, в частности сосредоточенность и внутренняя умиротворенность изображаемых персонажей, плавные линии рисунка и спокойные тона красок. Затем, в **1405 г.**, вместе с **Феофаном Греком** и **Прохором** из **Городца** он расписал **Благовещенский собор Московского Кремля** и вскоре создал свою художественную школу, следы которой обнаружены в росписях **Рождественского собора Саввино-Сторожевого монастыря**

и Успенского собора на Городке близ Звенигорода. Причем, по мнению специалистов (В. Лазарев, М. Алпатов), почти все иконы деисусного чина Рождественского собора, принадлежали кисти самого А. Рублева. Сохранились также несколько икон, написанных А. Рублевым для Благовещенского собора Московского Кремля: «Преображение», «Вход в Иерусалим», «Сретение», «Рождество Христово», «Крещение» и другие.

В 1408 г. совместно с Даниилом Черным он несколько лет работал над восстановлением фресок Успенского собора во Владимире, ряд из которых, в частности «Шествие праведников во главе с апостолами Петром и Павлом в рай», сохранились до наших дней. Однако отделить фрески самого А. Рублева от фресок от его напарника довольно сложно. Кроме того, с именем А. Рублева и его учеников связывают и великолепный иконостас Успенского собора, который сохранился до наших дней.

В 1425–1427 гг. А. Рублев лично руководил росписью только что возведенного Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря, а на закате своей жизни, в 1427–1430 гг., великий русский живописец расписывал соборы и палаты Спасо-Андронникова монастыря. Самым знаменитым произведением А. Рублева последнего периода его творчества является «Ветхозаветная троица», написанная для Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря, которую профессор В.Н. Лазарев назвал «памятником неотразимого обаяния». Именно в этой иконе, в основу которой был положен библейский рассказ о явлении трех ангелов Аврааму и Саре, наиболее ярко была выражена идея единства и нерасторжимости трех лиц святой троицы — Бога-отца, Бога-сына и Святого духа. Кисти А. Рублева принадлежали и другие иконы Троицкого собора, в частности изображения архангела Гавриила и апостола Павла, а также известная икона «Спас», созданная для звенигородского Успенского собора.

По мнению большинства специалистов (А. Айналов, В. Лазарев, М. Алпатов), именно в творчестве А. Рублева была преодолена суровая, аскетичная традиция византийского живописного искусства и его творения в подлинном смысле стали гуманистичны, поскольку они раскрывают всю красоту и силу человеческого духа и проникнуты истинной любовью к человеку. Более того, искусство А. Рублева являло собой пример античной калокагии, т.е. единства физического и нравственного совершенства, и именно в этом проявилась предвозрожденческая тенденция в русском изобразительном искусстве того периода.

Тема: ЗАВЕРШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РУСИ (1462–1533). ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ ИВАНА III

План:

1. Собрание русских земель и создание единого Русского государства при Иване III (1462–1505).
 - а) Присоединение Ростова (1474) и Новгорода (1478).
 - б) Свержение «ордынского ига» (1480).
 - в) Присоединение Твери (1485).
 - г) Русско-литовские «пограничные» войны (1487–1494, 1500–1503).

2. Основные проблемы историографии.
3. Политический строй единого Русского государства.
4. Судебник 1497 года.
5. Завершение политического объединения русских земель при Василии III (1505–1533).
6. Русская Православная Церковь в конце XV – начале XVI вв.
7. Социально-экономическое развитие России в начале XVI в.

1. Собрание русских земель и создание единого Русского государства при Иване III (1462–1505)

а) Присоединение Ростова (1474) и Новгорода (1478)

После смерти **Василия II** его престол наследовал старший сын **Ивана III (1462–1505)**, который, по сути, завершил процесс политического объединения многих русских земель в единое Русское государство. В **1462–1464 гг.** к **Москве** были присоединены **Суздальско-Нижегородское** и **Ярославское княжества** и, таким образом, вне пределов власти Великого московского князя остались только **Новгород, Тверь, Ростов и Рязань**. Однако сразу заняться решением этой проблемы **Ивану III** не удалось, т.к. ему пришлось вести изнурительную и не совсем удачную войну с **Казанским ханством (1465–1469)**. Но после подписания мира с **Ибрагим-ханом (1467–1479)** Великий московский князь вплотную занялся новгородской проблемой, тем более что сами новгородцы своими провокационными шагами подвигли его к решительным действиям.

Традиционно в **Новгороде** были достаточно сильны антимосковские настроения, которые особенно усилились в **конце 1460-х гг.**, когда во главе антимосковской партии новгородского боярства встали вдова посадника **Исаака Борецкого Марфа Посадница** и ее сыновья **Дмитрий** и **Михаил**. Главной опорой этой группировки новгородцев в борьбе с **Москвой** традиционно было соседнее **Польско-Литовское государство**, поэтому уже в **1468 г.** новгородские бояре в нарушение **Яжелбицкого мирного договора** призвали на новгородский престол литовского княжича **Михаила Олельковича**. Затем, в **1469 г.**, после смерти владыки **Ионы**, они утвердили нового архиепископа **Феофила** не в **Москве**, а в **Киеве**, входившим в состав русско-литовской митрополии. И, наконец, в **1471 г.** они заключили «союзный» договор с польским королем **Казимиром IV (1444–1492)**, по которому **Господин Великий Новгород** становился его вассалом.

Подписание этого договора переполнило чашу терпения **Москвы** и весной **1471 г.** **Иван III** пошел походом на **Новгород**. **14 июля 1471 г.** на **реке Шелонь** московская рать разбила новгородскую посоху и пленила весь клан **Борецких** и их приспешников: саму посадницу **Марфу** сослали в **Нижегородский Зачатьевский монастырь**, а остальных отступников, в том числе ее старшего сына **Дмитрия**, казнили, отрубив им головы. В **августе 1471 г.** новый новгородский посадник **Василий Ананьевич Голенище** и архиепископ **Феофил**, заключили с **Иваном III** **Коростынский мирный договор**, по которому «**Господин Великий Новгород** обязался быть неотступными от **Москвы** и не принять власти **Литвы**». Кроме того, новгородцам пришлось уплатить Великому князю большую контрибуцию в размере **15 000 рублей серебром**.

Между тем, в 1474 г. **Иван III** без кровопролития присоединил к **Москве** остатки **Ростовского княжества**, выкупив у тамошних удельных князей **Владимира Андреевича Ростовского** и **Ивана Ивановича Долгого** их владельческие права. Затем, в 1475 г., уже в качестве полноправного господина, **Иван III** совершил «инспекционную» поездку в **Новгород**, которая обернулась для многих новгородских бояр весьма плачевно: у них были конфискованы огромные родовые вотчины, которые раздали московским служилым людям, а их самих переселили в центральные уезды страны.

Осенью 1477 г., получив известие об очередной победе антимосковской партии новгородских бояр во главе с посадником **Фомой Андреевичем Курияником**, которая спровоцировала бунт новгородской черни против московских приказных людей, **Иван III** решил положить конец новгородской вольнице и вышел в новый поход, который в **январе 1478 г.** был успешно завершён без пролития большой крови. В результате этого похода новгородский вечевой строй был ликвидирован, а вся территория **Новгородской боярской республики** была объявлена отчиной Великого московского князя, и управлять ей стал великокняжеский наместник, «**поелику вечу не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати**».

В последнее время многие либеральные историки (**Р. Пайпс, А. Юрганов, И. Данилевский**), возродив старую славянофильскую концепцию, стали утверждать, что падение **Новгородской республики** стало одной из самых трагических страниц отечественной истории, поскольку новгородский демократический республиканский строй был принесен в жертву нарождавшемуся деспотическому самодержавию. Однако эти историки либо забывают, либо преднамеренно не говорят о том, что: **1) в Новгороде** уже довольно давно существовала авторитарная олигархическая, а отнюдь не «парламентарная» демократическая республика, где власть принадлежала очень узкой касте новгородского боярства; **2) новгородское боярство** нередко выступало в роли предателей русских национальных интересов, всегда апеллируя в своем споре с **Москвой** к Ливонии, Польше и Литве, которые были форпостами католицизма в Восточной Европе.

б) Свержение ордынского ига (1480)

Успехи объединительной политики Великого московского князя **Ивана III** позволили ему заняться решением самых неотложных внешнеполитических проблем. Основными направления внешней политики в тот период были: **1) Восточное направление**, в частности взаимоотношения с татарскими ханствами, возникшими на обломках Золотой Орды — **Казанским (1438), Астраханским (1459) и Крымским (1455)**, и **2) Западное направление**, прежде всего, борьба с соседними **Польшей и Литвой** за возвращение всех исконных русских земель в лоно **Москвы**, а так же борьба с **Ливонией и Швецией** за выход в **Балтийское море**.

Для одновременного решения всех главных внешнеполитических задач сил и средств явно не хватало, поэтому первоначально было выбрано самое приоритетное из них — **свержение «ордынского ига»**. Начало этому процессу было положено в 1472 г., когда московские полки **Василия Белозерского, Юрия Дмитровского, Петра Челяднина и Семена Беклемишева** разгромили под **Алексиным** **Большую (Астраханскую) Орду хана Амата (1460–1481)**, ставшую правопреемницей **Улу Улуса (Золотой Орды)**. Итогом этой победы стало — сначала существенное сокращение

суммы «ордынского выхода» в **Хаджи-Тархан**, а затем и полный отказ от его уплаты, который произошел в **1476 г.**, когда **Иван III** в откровенно грубой форме отказался ехать в Орду для получения ханского ярлыка на великое княжение, взятого им «по отчине и по дедине».

Естественно отказ **Москвы** платить «ордынский выход», как и не желание Великого князя ехать за «мертвым» ярлыком, вызвал бешенство у хана **Ахмата** и, желая восстановить прежние даннические отношения с **Москвой**, он заключил военный союз с польским королем **Казимиром IV** и пошел походом на Русь. Момент для такого похода был найден более чем удачным, поскольку: **1)** два родных брата **Ивана III** **Андрей Угличский** и **Борис Волоцкий**, уязвленные тем, что их старший брат в нарушении давней неписаной традиции не поделился с ними выморочным уделом их умершего брата **Юрия Можайского** и присоединенными новгородскими землями, подняли мятеж; **2)** ливонцы воспользовавшись этим мятежом, стали «воровски воевать» западнорусские земли и в **1479 г.** осадили пограничный **Псков**.

В августе **1480 г.** «злонименитый царь **Ахмат** поиде на православное христьянство, на Русь, на святые церкви и на великого князя, похваляся разорити святые церкви и все православие пленити и самого великого князя, яко же при **Батый веше**» и двинулся к пограничной реке **Угре**, где заслон на границе с Литвой и Ордой держала московская рать во главе с сыном великого князя **Иваном Молодым**. Узнав о появлении татар, **Иван III** с новыми полками поспешил к **Угре**, но вскоре, подстрекаемый ближними боярами **Иваном Васильевичем Ошерой** и **Андреем Ивановичем Момоном**, он отъехал из войска в **Москву**. Его неожиданный приезд в столицу был встречен крайне враждебно, Великого князя даже обвинили в трусости и он вынужден был вернуться к войскам, «чтобы стоял крепко за православное христьянство противу безсерменству». Тем временем русская рать во главе с **Иваном Молодым** успешно отбила все попытки татар форсировать **Угру**, «многих побиша татар стрелами и пильщалии и отбвиша их от брега».

В этой ситуации хан **Ахмат** прекратил активные наступательные действия и стал дожидаться прихода союзных литовцев. Но в начале ноября **1480 г.** ситуация коренным образом изменилась, поскольку: **1)** в татарском войске из-за ранней зимы и жуткой бескормицы начался массовый падеж боевых и ездовых лошадей, а самих нукеров поразила какой-то повальный недуг, вероятнее всего, дизентерия; **2)** горе-союзник **Ахмата** польский король **Казимир**, занятый разборками в собственном королевстве, так и не пришел к назначенному сроку к **Угре**; **3)** наконец, давний соперник хана **Ахмата** крымский хан **Менгли-Гирей**, пользуясь отсутствием астраханского хана, совершил набег на его владения, а также по договоренности с **Москвой** напал на владения польского короля в **Подольи**. Все эти обстоятельства и стали причиной того, что хан **Ахмат** вынужден был убраться восвояси, так и не приняв решающего боя на **Угре**, которую сами современники называли «**поясом Богородицы**», спасшим Русь от нового погрома и опустылевших ордынцев: «и возрадовашася, и возвеселишася все людие радостию велию зело».

«**Стояние на Угре**» традиционно принято считать официальным концом ордынского ига, т.е. окончательным освобождением Руси от вассальной зависимости от Орды, продолжавшейся без малого **240 лет**. Однако ряд историков, прежде всего, доморощенные «евразийцы» (**Л. Гумилев**, **В. Кожинов**), отрицает данную трактовку

событий на **Угре**. В частности, они утверждают, что применительно к событиям **1480 г.** следует вести речь не о «**крушении ордынского ига**», которого попросту не существовало, а о создании системы противостоящих друг другу военно-политических союзов государств, возникших на обломках **Золотой Орды: Казанского и Крымского ханств**, которых поддерживала **Москва**, и **Ногайской Орды и Астраханского ханства**, которых опекала **Литва**.

В русской и советской историографии давно дискутируется вопрос о влиянии ордынского ига на всю историю Средневековой Руси. Например, **Н.М. Карамзин** был убежден, что именно оно способствовало становлению самодержавной монархии в России, которую он считал оптимальной формой правления для столь огромной державы. Профессор **К.Д. Кавелин** видел в ордынском иге больше отрицательного, чем положительного, так как полагал, что именно оно более чем на двести лет затормозило политическое и экономическое развитие страны. Вместе с тем, будучи одним из ярких представителей «**государственной школы**», он усматривал положительную роль ордынского ига в том, что татарам удалось разрушить старые родовые узы и привнести государственное начало в русскую историю. Его коллега-юрист и единомышленник, профессор **Б.Н. Чичерин**, напротив, положительно оценивал роль ордынского ига, поскольку именно оно способствовало собиранию русских земель в единое Русское государство. Крупнейший русский историк, академик **С.М. Соловьев**, который так же стоял у истоков знаменитой «**государственной школы**», утверждал, что ордынское иго практически не оказало заметного влияния на поступательный ход русской истории, поскольку татарские ханы особо не вмешивались во внутреннюю жизнь русских земель и «**татарское иго**» реально выражалось только в получении ордынцами «**черного бора**» и выдаче ханских ярлыков.

В **1940 г.** известный советский историк профессор **А.Н. Насонов** опубликовал свою знаменитую работу «**Монголы и Русь: история татарской политики на Руси**», в которой на базе новейших исторических источников, вполне убедительно доказал, что ордынское иго совершенно не способствовало становлению единого Русского государства, поскольку стержнем всей ордынской политики на Руси было стравливание русских князей и реализация хорошо известного принципа «**разделяй и властвуй**». Именно эта точка зрения была поддержана значительной частью советских ученых (**Л. Черепнин, Б. Рыбаков, И. Греков, А. Якубовский, В. Каргалов**) и до сих пор превалирует в оценках «ордынского ига» на Руси, которые содержатся в работах многих современных историков (**А. Кузьмин, В. Кучкин, Б. Сапунов, Н. Борисов, А. Горский**).

в) Присоединение Твери (1485)

Успешное решение ордынской проблемы позволило **Ивану III** продолжить собирание русских земель вокруг **Москвы**. Следующей на очереди была **Тверь**, тем более что сам Великий тверской князь **Михаил Борисович (1461–1485)** спровоцировал **Ивана III** на решительные действия против него. В **1483 г.**, женившись на внучке **Казимира IV** и заключив династический союз с польским королем, **Михаил Борисович** признал себя его вассалом, чем грубо порушил старинный **Московский договор**, заключенный в **1375 г.** **Дмитрием Донским** с его прапрадедом **Михаилом Тверским**. Ответ со стороны **Москвы** на подобное предательство тверского князя

не застал себя ждать и зимой 1484 г. московская рать во главе с **Иваном Молодым** пошла походом на **Тверь**. В этой ситуации тверской князь запросил мира и по новому «**докончанию**» вновь признал себя «**младшим братом и подручным Великого князя Ивана Васильевича**».

Однако, не теряя надежды на помощь польской короны, **Михаил Борисович** продолжил тайные сношения с агентами **Казимира**, чем подписал себе смертный приговор. В августе 1485 г. московская рать вышла в новый поход на **Тверь** и после месячной осады штурмом взяла ее. Тверской князь бежал в Литву, а его княжество было включено в состав Великого княжения и отдано под управление наследнику Великого князя **Ивану Ивановичу Молодому**, получившему титул удельного тверского князя. Причем, сразу после этого события сам **Иван III** официально принял титул **Государя Всея Руси**, что имело не столько «внутреннее», сколько колоссальное внешнеполитическое значение, поскольку обладание этим титулом, а титулатура в средневековье имела первостепенное значение, давало Великому московскому князю **законное право претендовать на все русские земли** и, в первую очередь те, которые входили в состав Польши и Литвы.

После неожиданной смерти **Ивана Молодого (1458–1490)**, в 1491–1492 гг. удельное **Тверское княжество** было ликвидировано и после описания всех тверских земель «**по московской сохе**» они окончательно вошли в состав Великого княжения как обычная великокняжеская волость.

г) Русско-литовские «пограничные» войны (1487–1494, 1500–1503)

В конце 1480-х гг. основным направлением внешней политики **Москвы** становится польско-литовское направление. Именно в этот период, особенно после свержения ордынского ига, многие удельные князья из пограничных княжеств из династий **Рюриковичей** и **Гедиминовичей**, в частности **Оболенские**, **Трубецкие**, **Мезецкие**, **Белевские**, **Воротынские**, **Одоевские** и другие стали явочным порядком переходить на службу к Великому московскому князю и Государю Всея Руси, признавая его не только своим сюзереном, но и государем.

Столь стремительный и повальный переход русских «украинников» — верхнеокских и чернигово-северских князей под власть **Москвы** стал причиной **Первой русско-литовской пограничной войны 1487–1494 гг.**, в ходе которой, одержав ряд убедительных побед, **Иван III** вынудил нового Великого литовского князя **Александра Казимировича (1492–1506)** сесть за стол переговоров. Кстати, началу этих переговоров поспособствовал и крымский хан **Менгли Гирей (1478–1515)**, который успешно пограбил пограничные рубежи Литвы с **Диким полем**, проходивших по территории будущей **Новороссии**. По итогам этих переговоров был подписан **Московский мирный договор**, по которому **Вильно** признавал все территориальные приобретения **Москвы** последних лет, в том числе **Трубчевское**, **Одоевское**, **Новосильское**, **Мезецкое** и **Вяземское княжества**. Для прочности **Московский мирный договор** был скреплен браком дочери **Ивана III** **Елены** на Великом князе **Александре Ягеллоне**, однако это не спасло от нового военного конфликта между тестем и его новоявленным зятем.

Первая пограничная война с Литвой проходила на фоне острейшего «династического» кризиса, нечаянно поразившего всю великокняжескую семью. В 1490 г. после скорострительной кончины своего старшего сына **Ивана Молодого**, **Иван III**

долго не мог определиться, кому из представителей великокняжеской династии передать права на престол. Связано это было, прежде всего, с резко обострившейся борьбой за власть между ближайшими родственниками Великого князя — его невесткой **Еленой Стефановной Волошанкой** и его второй супругой **Софьей Фоминой Палеолог**. Первоначально этот спор решился в пользу первой группировки, которую возглавляли три влиятельных члена **Боярской Думы** — князя **Иван** и **Василий Патрикеевы** и их зять, князь **Семен Рязановский**, и в результате старший внук **Ивана III** царевич **Дмитрий Иванович** в **1498 г.** был официально объявлен наследником престола.

В **1500 г.** началась **Вторая русско-литовская пограничная война**, которая сразу ознаменовалась крупной победой русских войск под командованием князей **Даниила Щени** и **Ивана Воротынского** над гетманом **Константином Острожским** на реке **Ведрица** близ **Дорогобужа (14 июля 1500 г.)**. В создавшихся условиях литовский князь пошел на заключение военного союза с ливонцами, однако, это «демарш» опять не спас его. Уже в **начале 1501 г.** русская армия под командованием воеводы **Даниила Щени** нанесла крестоносцам сокрушительное поражение под **Дерптом**, что в очередной раз заставило Литву сесть за стол переговоров. В **1503 г.** между воюющими сторонами было подписано шестилетнее **Благовещенское перемирие** и заключен новый договор, по которому Литва признала за **Москвой** все завоеванные ею чернигово-северские и смоленские земли, в том числе **Чернигов, Гомель, Брянск** и **Новгород-Северский**. Кроме того, **Великое княжество Литовское и Русское** лишилось **70 волостей, 22 городищ и 13 крупных сел**, то есть около трети всей своей территории.

2. Основные проблемы историографии

При изучении истории объединения русских земель вокруг **Москвы** и создания единого Русского государства ученые традиционно спорят по трем основным проблемам: **1)** на какой базе шел этот процесс, **2)** как оценивать это объединение и **3)** можно ли ставить знак равенства между понятиями «единое» и «централизованное» государство.

1) Надо сказать, что с момента проведения знаменитой дискуссии по основным проблемам образования единого Русского государства, прошедшей в **1946 г.**, в советской исторической науке (**П. Смирнов, Л. Черепнин**) утвердилось устойчивое представление о том, что процесс собирания русских земель вокруг **Москвы** шел исключительно на **экономической основе**, что определялось хорошо известной марксистской доктриной, получившей звонкое название «истмат», в основе которой лежал экономический детерминизм. Однако в последнее время значительная часть историков (**А. Сахаров, А. Кузьмин, Ю. Алексеев, В. Кобрин, А. Юрганов**) справедливо говорят о том, что в тот период процесс собирания русских земель проходил исключительно по политическим причинам и диктовался, прежде всего, необходимостью борьбы с внешней угрозой, исходящей от **Польши** и **Орды**, а затем и тех татарских ханств, которые возникли на ее руинах. Кстати, именно об этом еще в советский период довольно убедительно, но несколько иносказательно, писал и выдающийся советский историк профессор **А.М. Сахаров**, автор двух известных монографий «**Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.**» (**1959**)

и «Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв.» (1969). Однако в тот период, по вполне понятным причинам, он был подвергнут резкой критике за отход от основных положений марксистского учения об определяющем влиянии экономических факторов в этом процессе.

2) Что касается второй проблемы, то суть вопроса состоит в том, что еще в сталинский период, в 1940-х гг., ряд тогдашних авторов, в частности известный историк профессор П.П. Смирнов, стали утверждать, что процесс создания единого Русского государства был **реакционным по своей сути**, поскольку был связан не с зарождением прогрессивных буржуазных отношений, а с победой военно-дворянской служилой бюрократии, стоявшей у истоков крепостного права и самодержавного правления в России. Затем, в 1960-х гг., после завершения знаменитой дискуссии, посвященной проблемам образования единого Русского государства, в отечественной исторической науке утвердилось мнение об абсолютной закономерности, а главное **прогрессивности** этого процесса. Хотя, еще тогда целый ряд авторитетных авторов — академик М.Н. Тихомиров и его ученик профессор А.Г. Кузьмин, вполне справедливо указали и на отрицательный аспект столь поспешной «централизации», в частности существенное изменение баланса сил в отношениях между «Землей» и «Властью». Затем, уже в период «горбачевской перестройки» и «ельцинского лихолетья» многие историки, в основном либерального толка (В. Кобрин, А. Юрганов, И. Данилевский), «пустились во все тяжкие» и стали голословно утверждать, что ускоренный процесс политической централизации стал питательной базой для возникновения в **Московской Руси** самодержавной монархии «азиатского» типа.

3) Относительно третьей проблемы суть разногласий сводится к давнему вопросу о **синхронности** процесса объединения русских земель с процессом создания Русского централизованного государства именно в XV в. Одни историки (Л. Черепнин, Н. Борисов) утвердительно отвечали на этот вопрос и ставили знак равенства между понятиями «единое» и «централизованное» государство. Их же оппоненты (М. Тихомиров, А. Кузьмин) говорили, что применительно к этому периоду можно говорить лишь о существовании одного из трех основных признаков централизованного государства — **единстве государственной территории**. Что касается двух остальных признаков, — **единых нормативно-правовых актов и общегосударственных правительственных учреждений**, то они окончательно сформировались только в период реформ Избранной Рады при Иване Грозном.

3. Политический строй и государственные реформы Ивана III

Успешный процесс собирания русских земель и создание единого **Русского государства** естественным образом сказался на изменении функций и полномочий главы государства. Отныне Великий князь Московский и Государь Всея Руси стал не только главой всего Русского государства, но и главой всей феодальной иерархии, верховным собственником всей земли и великокняжеского домена, адресатом податей, законодателем и верховным судьей. Его взаимоотношения с другими, даже самыми титулованными феодалами — князьями из династий **Рюриковичей** и **Гедиминовичей**, стали характеризоваться уже не как отношения сюзерена к своим вассалам, а как отношения государя к своим служилым «холопам», что было зримо отражено в целом ряде законодательных актов.

Боярская Дума представляла собой законодательный и совещательный орган при Великом государе, а де-факто играла роль центрального правительства страны. Как постоянно действующий орган она возникла еще во времена **Ивана Калиты**, но весь период своего существования постепенно эволюционизировала, как по своим функциям, так по своему составу. В конце XV в. в состав **Боярской Думы** входили: 1) представители старомосковского боярства, то есть те крупные нетитулованные феодалы, чьи предки верой и правдой служили еще Великим московским князьям **Ивану Калите**, **Симеону Гордому** и **Дмитрию Донскому** — **Морозовы**, **Вельяминовы**, **Бутурлины**, **Шереметьевы** и другие; 2) бояре «по кике», то есть родственники жены Великого князя — **Сабуровы**, **Захарьины-Юрьевы**, **Глинские** и другие; 3) бывшие удельные князья из династий **Рюриковичей** и **Гедиминовичей**, перешедшие в разряд служилых князей Великого князя — **Трубецкие**, **Мстиславские**, **Шуйские**, **Одоевские**, **Вяземские** и другие. В этот период в **Боярской Думе** было всего два думных чина: **боярин**, который одновременно могли носить не более 5–7 человек, и **окольничий**, которым обладали не более 7–12 человек. Таким образом, к началу XVI века в состав **Боярской Думы** максимально входило 19 бояр и окольничих.

Во второй половине XV в. начался процесс формирования новой властной структуры — **Государева Двора**, который включал титулованную (княжескую) и нетитулованную (старомосковское боярство) знать, а также различные категории служилых землевладельцев, приближенных ко двору и составлявших во время военных походов великокняжеский **Государев полк**. Новейшие научные исследования, проведенные **А.А. Зиминим**, **В.Б. Кобриным**, **А.Л. Юргановым** и другими историками, позволяют с уверенностью говорить о достаточно весомой роли **Государева Двора** в определении основных направлений внутренней и внешней политики единого Русского государства.

Вместе с тем, вопреки утверждениям академика **Л.В. Черепнина** и его сторонников, центральная система управления в едином Русском государстве при **Иване III** так и не сложилась. В тот период существовало только два, достаточно примитивных, органа центрального управления: **Дворец** во главе с дворецким, который ведал домениальным хозяйством Великого князя и дворцовыми крестьянами, и **Казна** во главе с казначеем, которая управляла внешней политикой, финансами, государевой воинской службой (разрядом) и т.д. В 1512 г. при **Василии III** была предпринята попытка создать более совершенную систему центрального управления, и с этой целью функции **Казны** были разделены между несколькими «**Приказными избами**», но из этой затеи ничего путного не вышло. Таким образом, в едином Русском государстве все еще сохранялась традиционная **дворцово-вотчинная система государственного управления**.

Вся территория страны делилась на **уезды**, которые практически полностью совпадали с территорией бывших удельных княжеств. **Уезды**, в свою очередь, делились на более мелкие административно-территориальные единицы — **волости** и **станы**. Уездами и городами управляли великокняжеские **наместники**, а волостями и станами — **волостели**, которые имели свою администрацию в лице **тиунов** и **доводчиков**. За свою службу денежного жалования они не получали и кормились за счет процента от государевых, судебных и других податей и пошлин, собираемых на местах, получая с населения этих территорий так называемый «**кормленческий доход**».

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Великий князь Московский и Государь Всея Руси

↓
Боярская Дума
(бояре и окольные)

↓
Государев Двор

↙ ↘
Дворец (дворецкий) Казна (казначей)

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

↓
Уезды и волости
(наместники и волостели)

4. Судебник 1497 года

По общепринятой в науке точке зрения именно при **Иване III** был принят первый общерусский свод законов публичного феодального права — **Великокняжеский Судебник**, авторство которого до сих пор вызывает массу вопросов. Например, одни специалисты (**Н. Карамзин**, **С. Веселовский**, **С. Юшков**) считали, что автором этого **Судебника** был великокняжеский дьяк **Владимир Гусев**. Однако большинство историков (**А. Насонов**, **Л. Черепнин**, **Я. Лурье**, **А. Зимин**, **Ю. Алексеев**) гораздо более обосновано приписывали его авторство трем видным членам **Боярской Думы** — боярам **Ивану** и **Василию Патрикеевым** и князю **Семену Ряполовскому**, а так же трем великокняжеским дьякам — **Василию Долматову**, **Федору Курицыну** и **Василию Жуку**. При этом никто из ученых не отрицал сам факт принятия первого **Судебника** и спор шел лишь о том, когда он был одобрен **Боярской Думой** и введен в действие — то ли в **сентябре 1497 г.** (**Я. Лурье**, **А. Зимин**), то ли в **феврале 1498 г.** (**Л. Черепнин**). Хотя, во всей учебной литературе в качестве единственной даты принятия первого общерусского **Судебника** всегда фигурировал именно **1497 г.**

Между тем, как отметил очень вдумчивый и проницательный историк, профессор **А.Г. Кузьмин** не все так однозначно с историей этого **Судебника**, поскольку:

- 1) Единственное летописное известие о его принятии, дошедшее до нынешних времен, сохранилось только в **Типографской летописи**, составленной в **конце 1520-х гг.**, где содержалось весьма лаконичное известие о том, что: «**Того же лета 7006 (1497) князь великий Иван Васильевич придумал с боярами и уложил суд судити и боярам, окольным, а у боярина быти дьяку, а судити по Судебнику по великого князя**». Аналогичное свидетельство, возможно, содержалось и в **Троицком летописце**, на который ссылался **Н.М. Карамзин**, однако эта летопись была безвозвратно утеряна в **Московском пожаре 1812 г.**
- 2) Оригинал **Судебника** до нас также не дошел и его единственный список, дошедший до нас, был выполнен на бумаге с таким же водяным знаком, на которой был создан список «**Духовной грамоты**» **Ивана III** в **1504 г.**
- 3) То, что сам **Судебник** сохранился лишь в единственном экземпляре, тоже вызывает массу вопросов и дает основания предположить, что это

Тема:

ЗАВЕРШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РУСИ (1462–1533). ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ ИВАНА III

был не обязательный закон, одобренный **Боярской Думой и Великим Государем**, а лишь проект закона, внесенный на их рассмотрение, тем более что фактических материалов применения этого **Судебника** на практике в письменных источниках обнаружить до сих пор не удалось.

По своей структуре **Судебник Ивана III** представлял собой довольно внушительный сборник норм тогдашнего уголовного и уголовно-процессуального права, основными источниками которого стали **Сокращенная редакция «Русской Правды»**, созданная в XV в., различные **«Кормчие книги» XIV–XV вв.**, **Новгородская (1440–1471)** и **Псковская (1397–1467) Судные грамоты**, текущее княжеское законодательство, а также нормы обычного права и богатая судебная практика, существовавшая в разных русских землях.

В оригинальной рукописи текст первого **Судебника** не был разделен на отдельные статьи, хотя имелось несколько подзаголовков и традиционные киноварные инициалы, однако позднее он был разбит ровно на **100 статей**. Одна группа статей была посвящена преступлениям против личности, в частности душегубству, злостной клевете и бесчестью. Другая группа статей касалась защиты частного имущества от татьбы, разбоя, истребления, повреждения и противозаконного использования и т.д. Причем, в этом **Судебнике** впервые была установлена четкая система наказаний, а именно смертная и «торговая» (**«витие кнѹтом»**) казни, а также различные виды денежных штрафов и взысканий и полная конфискация имущества (**«поток и разграбление»**).

Особую «популярность» у историков первый общерусский **Судебник** приобрел еще и потому, что именно в нем содержалась знаменитая **57-я статья**, в которой был впервые установлен конкретный срок крестьянских переходов от своих феодалов к другим или «на вольные хлеба» — **осенний Юрьев день**, и зафиксирована четкая плата за «пожилое» в размере **50 копеек** с одного крестьянского двора.

5. Завершение политического объединения русских земель при Василии III (1505–1533)

Как известно, в **1490 г.**, после скоропостижной кончины своего старшего сына **Ивана Молодого**, **Иван III** довольно долго не мог определиться, кому из представителей великокняжеской династии передать права на великокняжеский престол. Связано это было, прежде всего, с резко обострившейся борьбой за власть между ближайшими родственниками великого князя — его невесткой и вдовой умершего княжича **Еленой Волошанкой (1464–1505)** и его второй супругой **Софьей (Зоей) Палеолог (1455–1503)**. Первоначально этот спор решился в пользу первой группировки, которую возглавляли три очень влиятельных члена **Боярской Думы** — князь **Иван** и **Василий Патрикеевы** и их зять, князь **Семен Ряполовский**. В результате хитроумных закулисных интриг, старший внук **Ивана III** царевич **Дмитрий Иванович** в **1498 г.** был официально объявлен наследником московского престола. Однако после неожиданной опалы отца и сына **И.Ю. и В.И. Патрикеевых** и казни князя **С.И. Ряполовского**, под давлением влиятельных церковных иерархов, прежде всего, **Иосифа Волоцкого**, обвинивших **Дмитрия** и его мать **Елену Волошанку** в связях с «**жидовствующими**» еретиками, Великий князь вынужден был изменить свое первоначальное решение. В **1502 г.** внук и невестка великого князя были посажены

в темницу и затем тайно умерщвлены, а новым наследником престола стал младший сын **Ивана III** от **Софьи Палеолог** 23-х летний князь **Василий Иванович (1479–1533)**.

1503 г. стал трагическим годом для всей великокняжеской семьи: сначала умирает великая княгиня **Софья Фоминишна Палеолог**, а затем у самого **Ивана III** произошел страшный «апокалипсический удар» (вероятно, ишемический инсульт), от которого он так и не оправился до самой своей смерти. После кончины Великого Государя на московский престол вступил его сын **Василий III (1505–1533)**, который успешно продолжил политику отца по собиранию русских земель вокруг **Москвы**.

Вскоре после смерти польского короля и великого литовского князя **Александра Казимировича** и вступления на престол его младшего брата **Сигизмунда I (1506–1548)**, в **1507 г.** на территории Литвы вспыхнул мощный мятеж влиятельного туровского князя **Михаила Львовича Глинского**, предъявившего свои претензии на литовский великокняжеский престол. В результате этого события возобновилась **Вторая русско-литовская «пограничная» война**, которая шла довольно вяло и нутужно. Крупных побед не довелось испытать ни одной из воюющих сторон, и в **1508 г.** новый польский король подписал с **Москвой** «вечный мир», признав за ней все чернигово-северские земли.

Затем, в ходе скоротечной **русско-ливонской войны (1509–1510)** к **Москве** окончательно была присоединена территория **Псковской боярской республики**, уже полвека обладавшей чисто номинальной автономией, поскольку там еще с **1461 г.** сидел великокняжеский наместник, в роли которого выступали многие бывшие удельные князья, перешедшие в разряд служилых князей Великого московского князя, в том числе **Владимир Андреевич Ростовский (1461–1462)**, **Иван Александрович Звенигородский (1463–1466)**, **Федор Юрьевич Шуйский (1467–1472)**, **Ярослав Васильевич Оболенский (1473–1477)** и другие.

В **1512–1522 гг.** состоялась **Третья русско-литовская пограничная война**. Ареной боевых действий на сей раз вновь стал многострадальный **Смоленск**. Первые два похода русской армии, состоявшиеся в **1512–1513 гг.**, увы, не увенчались успехом. И только после того, как русскую армию возглавили два талантливых русских воеводы — **Даниил Щеня** и **Михаил Глинский**, перешедший на сторону **Москвы**, в **1514 г.** **Смоленск** был, наконец, взят. Вялотекущие боевые действия на смоленском фронте продолжались еще около восьми лет, пока в **1522 г.** воюющие стороны не заключили очередное перемирие на пять лет.

Параллельно с борьбой за многострадальный **Смоленск** **Василий III** окончательно решил и судьбу **Великого Рязанского княжества**, где с **1516 г.**, отстранив от реальной власти свою мать, «промосковскую» княжну **Аграфену Васильевну**, стал править юный князь **Иван Иванович (1496–1534)**. Судя по скудным летописным свидетельствам, он попытался при поддержке нового крымского хана **Мехмед Гирея (1515–1523)** вернуть независимость своего княжества и предложил татарскому «царю» заключить с ним брачный союз и взять в жены одну из его дочерей. Вероятно, об этом сразу донесли **Василию III**, и тот вызвал мятежного князя в **Москву**. Предвидя свою незавидную участь, тот поначалу отказался ехать к Великому князю на поклон, но затем, поддавшись уговорам ближнего боярина **Семена Коробьина**, все же приехал в первопрестольный град. Естественно здесь его сразу схватили и посадили в темницу, а в **Рязань** был послан великокняжеский наместник, князь

Иван Васильевич Хабар-Симский, которому чуть позже, в 1521 г., пришлось отражать осаду крымских татар на столицу поверженного княжества.

По мнению одних историков (**С. Соловьев, А. Пресняков**), это важное событие, знаменовавшее собой полное и окончательное подчинение **Великого Рязанского княжества Москве**, произошло в 1517 г., а, по мнению их оппонентов (**Д. Иловайский, А. Кузьмин, О. Творогов, Л. Войтович**), сие событие случилось только в 1520 г. Таким образом, к началу 1520-х гг. под скипетром **Великого Московского князя и Государя Всея Руси** были объединены все русские земли, за исключением тех, которые все еще входили в состав Польши и Литвы. Правда, в 1521 г., во время совместного нашествия казанских и крымских татар, **Ивану Рязанскому** удалось бежать из **Москвы**, однако не принятый самими рязанцами, он ушел в Литву, где получил от **Сигизмунда I** в пожизненное владение местечко **Стоклипки в Ковенском повете** и прожил здесь до конца своих дней.

При **Василии III** прекратили свое реальное существования и практически все московские удельные княжества, правителями которых были умершие к тому времени братья и племянники Великого князя: **Волоцкое (1513), Калужское (1518), Угличское (1521)** и другие. Таким образом, к концу его правления в рамках единого Русского государства, остались только два удельных княжества — **Дмитровское** и **Старицкое**, где, соответственно, правили два его младших родных брата **Юрий** и **Андрей Ивановичи**.

6. Русская Православная Церковь в конце XV – начале XVI вв.

Эпоха правления **Ивана III** стала временем острейших религиозных споров и широкого распространения знаменитых ересей так называемых «**стригольников**», «**жидовствующих**» и других, которые возникли в **Новгороде, Пскове** и других русских городах еще в 1470–1480-х гг. В советской историографии (**Я. Лурье, И. Клибанов**) широкое распространение всех ересей традиционно рассматривали исключительно как форму социального протеста. Однако, по мнению ряда нынешних историков, в частности профессора **И.Я. Фроянова**, автора фундаментальной монографии «**Драма русской истории: на путях к Опричнине**» (2007), появление разнообразных ересей именно в тот исторический период стало одной из форм «идеологической войны» католического Запада не только против православия, но и против самого Русского государства, ставшего единственным оплотом православного христианства после гибели **Византийской империи**.

Новая ересь, сторонников которой прямо обвиняли в переходе в иудаизм, оставалась в целом в рамках самого христианского вероучения, но ее сторонники отрицали догмат о троичности божества, церковную иерархию, ряд церковных обрядов и т.д. В связи с этим обстоятельством ряд историков, в частности профессор **А.Г. Кузьмин**, высказали два интересных предположения: 1) во-первых, на Руси полный перевод **Библии** был сделан новгородским архиепископом **Геннадием Гонзовым** только в 1499 г., а значит «жидовствующие» вряд ли были знакомы с **Ветхим Заветом**, и 2) во-вторых, «жидовствующими» на Руси, вероятнее всего, называли приверженцев ирландской церкви, истоки которой следует искать в арианстве.

Основателем ереси «жидовствующих» был некий «жидовин» **Схарин**, в кружок которого входили купцы **Семен Кленов, Иван Зубов** и другие богатые новгородцы.

Официальная Церковь в лице будущих вождей «иосифлянства» — новгородского архиепископа **Геннадия Гонзова** и игумена **Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого** начала яростную борьбу против новой ереси, и в 1490 г. **Церковный собор в Москве** осудил «жидовствующих». Однако эта ересь оказалась крайне живучей и вскоре проникла во дворец самого Великого князя. Новыми лидерами «**партии московских еретиков**» стали видные русские дипломаты **Федор Курицын**, автор знаменитых «**Повести о Дракуле**» и «**Лаодикийского послания**», в которых центральное место отводилось тезису о свободе воли, и его брат **Иван-Волк Курицын**, автор не менее известного трактата «**Мерило Праведное**», которое было посвящено вопросам организации судопроизводства в едином Русском государстве. Кроме того, видными членами этой «партии еретиков» были протопопы **Алексей** и **Даниил**, государев «письменник» **Иван Черный** и даже невестка Великого князя **Елена Волошанка**. В ереси обвиняли и нового митрополита **Зосиму (1490—1494)**, который под давлением своих недоброжелателей и «клеветников» вынужден был оставить митрополичью кафедру.

Конец XV в. стал временем рождения двух основных направлений русской церковной мысли, получивших в русской историографии название **нестяжателей** и **иосифлян**. Лидером первой группировки стал бывший монах **Кирилло-Белоозерского монастыря** преподобный **Нил Сорский (1434—1508)**, а идейным вождем второй группировки — влиятельный настоятель **Волоколамского монастыря** преподобный **Иосиф Санин (Волоцкий) (1440—1521)**.

В зарубежной (**Г. Вернадский, Дж. Феннел**) и отчасти советской (**Е. Голубинский, Г. Прохоров, И. Клибанов**) историографии сложилось устойчивое представление о том, что по своим идейным установкам и воззрениям движение **нестяжателей** было очень близко к еретикам. Однако последние исследования **Р.Г. Скрынникова, В.В. Кожина** и **Я.Л. Лурье** убедительно доказали, что и **Нил Сорский**, и **Иосиф Волоцкий** яростно боролись против всех еретиков и были соавторами знаменитого богословского трактата «**Просветитель**». Однако по отношению к светской власти и проблеме монастырского землевладения их позиции были диаметрально противоположными.

По мнению многих ученых (**Д. Лихачев, Н. Казакова, Р. Скрынников, Г. Прохоров**), идеологической основой нестяжательства стала доктрина византийского исихазма, у истоков которого стояли монахи знаменитого **Афонского монастыря Григорий Синаит** и его ученик, солунский архиепископ **Григорий Палама**. Отвергая силлогизмы (дедуктивные умозаключения) как путь познания истины, исихасты утверждали, что разум убивает веру и что истинный христианин совершенствуется не через размышление, а через **самоуглубление и безмолвие**. Поэтому **Нил Сорский, Паисий Ярослав** и их ученики призывали православных христиан уйти от мирской суеты и богатства, искренне полагая, что только нестяжание и безмолвие являются единственно верным способом достижения идеала духовной жизни. Однако их оппоненты (**А. Кузьмин, Н. Сеницина, С. Перевезенцев**) утверждают, что к византийскому исихазму, основанному на восточном оккультизме, **Нил Сорский** и его последователи никакого отношения не имели, ибо в основе исихазма лежал агностицизм, т.е. убежденность в невозможности познать объективную действительность через субъективный опыт. Более того, из двух трактатов **Нила Сорского** — «**Предание ученикам**» и «**Скитский устав**», в которых содержалась вся

этическая программа нестяжателей, четко видно, что своими корнями их доктрина восходила к учению апостола **Павла** и уставам общежитийных монастырей, возникших в период монастырской реформы, проведенной митрополитом **Алексием** в **середине XIV века**.

По оценкам современных историков (**Г. Прохоров, В. Вышегородцев, Н. Синицына, Р. Скрынников**), идейная основа доктрины нестяжателей имела несколько значений: **1)** во-первых, нестяжательство рассматривалась как общехристианская добродетель, основанная на евангельских принципах; **2)** во-вторых, нестяжательство, наряду с послушанием и целомудрием, являлось одной из основных монашеских норм; **3)** в-третьих, идеологи нестяжательства открыто критиковали экономические порядки в монастырях и, прежде всего, практику владения и управления монастырскими селами; **4)** в-четвертых, нестяжатели, проповедуя идеи исихазма, открыто выступали за секуляризацию всей церковной земельной собственности и имущества. Однако, по их мнению, эта секуляризация должна была стать добровольным, жертвенным актом самой православной церкви, а не итогом насильственного изъятия монастырских сел и земель светской властью; **5)** в-пятых, нестяжатели абсолютно не посягали на прерогативы светской власти, убежденно полагая, что мирская суэта несовместима с достижением духовного идеала.

Идеологи **иосифлянства** **Геннадий Гонзов** и **Иосиф Волоцкий** выступали как поборники иного религиозного идеала. В самой монашеской жизни они ясно усматривали ее социальное предназначение, поэтому решительно отвергая стяжание как средство личного обогащения, они не менее решительно отстаивали земельную собственность и богатства монастырской общины, рассматривая их как средства возрождения церковной жизни и благотворительности. Кроме того, в отличие от **нестяжателей**, **иосифляне** выступали с позиций приоритета духовной власти над светской, став родоначальниками идей русского теократизма.

Кстати, именно эти обстоятельства стали причиной того, что первоначально **Иван III** активно поддерживал и покровительствовал нестяжателям и еретикам, поскольку светская власть решительно отвергала все притязания церковников на верховенство и открыто выступала за секуляризацию огромных земельных владений Русской Православной Церкви.

В **1503 г.** при активной поддержке нестяжателей на очередном **Церковном Соборе** **Иван III** попытался реализовать правительственную программу секуляризации церковных земель. Однако, столкнувшись с мощным сопротивлением иосифлян, Великий Государь вынужден был отступить, а затем дать свое согласие на расправу с еретиками. Надо сказать, что ряд современных исследователи (**В. Кожин**) отрицают факт столкновения нестяжателей и иосифлян на этом **Церковном Соборе**, утверждая, что они единым фронтом выступили против еретиков. Однако следует иметь в виду, что, выступая против самих еретиков, «**заволжские старцы**» были категорическими противниками их умерщвления, в то время как иосифляне настаивали на предельно жестком искоренении ереси, вплоть до применения к еретикам европейского опыта аутодафе «**по испански**», то есть сожжения на инквизиционных кострах.

В **декабре 1504 г.** в **Москве** вновь собрался **Церковный Собор**, целиком посвященный «проблеме еретиков». Причем, наряду с **Иваном III** его заседания впервые вел и «**великий князь всея Руси Василий Иванович**». Вместе с митро-

политом **Симоном** оба великих государя «обыскаша еретиков и повелеша аних смертною казню казнити». В результате **Иван—Волк Курицын**, **Митя Коноплев** и **Иван Максимов** были «сожгоша в клетке на Москве», а архимандрит **Кассиан**, его родной брат **Самочерный**, **Некрас Рукавов**, **Гридя Квашня** и **Митя Пустоселов** были сожжены в **Новгороде**. Однако следует особо подчеркнуть тот факт, что в то время, когда по всей католической «цивилизованной» Европе полыхали инквизиционные костры, погубившие сотни тысяч еретиков, на Руси подобной изощренной казни подверглись только несколько вождей «жидоствующих» и массовых сожжений на кострах в православной Руси никогда не было.

В отечественной исторической науке (**А. Кузьмин**, **Р. Скрынников**, **Н. Казакова**) существует традиционное представление о том, что после кончины **Нила Сорского** движение нестяжателей возглавил его верный ученик **Вассиан Патрикеев**, принявший монашеский постриг после опалы его влиятельного отца, который приходился кузеном самому **Ивану III**. Однако их оппоненты (**В. Кожинов**) называют **Вассиана Патрикеева** мнимым учеником «заволжского старца» и утверждают, что под флагом нестяжательства он попытался вернуться в «большую политику» и восстановить свое бывшее влияние при дворе. В 1509 г. **Вассиан** стал настоятелем придворного **Симонова монастыря** и вскоре близко сошелся с самим **Василием III**, который, по словам профессора **Н.А. Казаковой**, «нашел в **Вассиане** умного и деятельного сторонника политики ограничения феодальных прав церкви» и конфискации ее огромных земельных богатств.

Таким образом, **Вассиан** превратил глубокое духовное учение о «нестяжании», которое исповедовал преподобный **Нил Сорский**, в чисто политическую программу и своеобразную козырную карту в своей борьбе за политическую власть. Данное обстоятельство, по мнению **В.В. Кожинова**, вынуждены были признать даже самые известные апологеты настоятеля **Симонова монастыря**, в том числе профессора **Г.Ф. Фроловский**, **Н.А. Казакова** и **Я.С. Лурье**. Более того, якобы сама **Н.А. Казакова** утверждала, что в творчестве **Вассиана Патрикеева** трудно было найти что-либо общее с идеями **Нила Сорского** и вопрос о духовной жизни инока, составлявший основу учения «заволжского старца», не занимал в творчестве **Вассиана Патрикеева** особого значения. Основой его церковно-политической доктрины стало насильственное отторжение огромных земельных богатств церкви, и именно в этом вопросе **Вассиан** и его сторонники нашли активного союзника в лице Великого князя. Между тем, как верно заметил профессор **А.Г. Кузьмин**, все рассуждения **В.В. Кожинова** несколько оторваны от исторической реальности, ибо:

1) Он напрасно ломится в «открытые ворота», поскольку всем историкам были хорошо известны политические амбиции **В.И. Патрикеева**, который был выходцем из знатного и богатого боярского рода, многие годы находившегося у кормила государственной власти.

2) Анализ произведений **В.И. Патрикеева**, таких как «Собрание некоего старца», «Ответ кирилловских старцев на послание **Иосифа Волоцкого** великому князю **Василию Ивановичу** о наказании еретиков», «Слово ответно противу клеветующих истину Евангельскую», «Прения с **Иосифом Волоцким**», «Слово о еретиках» и особенно «Кормчая книга» (1517–1524), убедительно доказывает, что он не только решительно выступал с позиций неприятия монастырского землевладения, но

категорически не принимал инквизиторских наклонностей лидеров иосифлян и ратовал за прощение раскаявшихся еретиков.

3) Любые философско-религиозные споры той эпохи рано или поздно становились достоянием политической борьбы, а уж тем более противостояние нестяжателей и иосифлян, которые затрагивали коренные вопросы государственного управления и земельных отношений.

Долгое время позиции «мнимых нестяжателей» при великокняжеском дворе, к которым в 1516 г. примкнули выходец из **Афонского монастыря Максим Грек (Философ)** и знатный боярин **Иван Никитич (Берсень) Беклемишев**, были как никогда крепки. Однако, после того как **Вассиан Патрикеев** решительно осудил развод Великого князя с **Соломонией Юрьевной Сабуровой**, а **Максим Грек** попытался доказать «девственную» чистоту и превосходство греческого православия над русским, их позиции резко пошатнулись. В 1525 г. новый **Церковный Собор** решительно осудил **Максима Грека**, отправив его на длительное покаяние в **Иосифо-Волоцкий монастырь**, и санкционировал казнь **Берсения Беклемишева**, которого обезглавили на **Москве-реке**. Спустя шесть лет, в 1531 г. та же участь постигла **Вассиана Патрикеева**, которого также сослали для исправления в оплот ортодоксальных церковников — **Иосифо-Волоколамский монастырь**. Таким образом, к концу правления **Василия III** победу в ожесточенной идейной борьбе одержала «партия иосифлян», которая решительно отстаивала идею автокефальности и превосходства Русской Православной Церкви и сохранения ее огромных земельных богатств.

Между тем, в конце 1530-х гг. возникла новая ересь «**вольнодумцев**», идейные лидеры которой **Матвей Башкин** и **Феодосий Косой** не только отрицали церковные обряды, иконы и таинство исповеди, но и саму христианскую символику, утверждая, что крест, как орудие казни **Христа**, негоже обожествлять, а тем более поклоняться ему. Официальная церковь быстро расправилась с новыми еретиками: **Матвей Башкин** после пыток и истязательств был отправлен на исправление в тот же **Иосифо-Волоколамский монастырь**, а **Феодосий Косой**, опасаясь жестокой расправы, успел сбежать в соседнюю Литву.

7. Социально-экономическое развитие России в начале XVI в.

Сельское хозяйство, бывшее основной национальной экономики, по-прежнему развивалось экстенсивным путем и в основном носило полунатуральный характер. Однако именно в этот период произошло окончательное утверждение **трехпольной системы земледелия** (яровые, озимые, пар), а в качестве основного орудия труда стал широко применяться тяжелый плуг с железным лемехом, что позволило пусть не на много, но все же повысить среднюю урожайность зерновых до трех-четырёх центнеров зерна с десятины.

В процессе создания единого государства и усиления великокняжеской власти произошло окончательное оформление всей структуры феодального землевладения, состоящего из 1) княжеского доменального, 2) боярского вотчинного и 3) помещного условного землевладения. Кроме того, именно в этот период претерпел существенные изменения институт феодальной земельной собственности бывших удельных князей. Переходя на службу к Великому князю и становясь его **подданными**, а не феодальными вассалами, бывшие удельные владыки при сохранении

своей земельной собственности в пределах своих бывших княжеств, теряли право сбора податей с подвластного населения, суда над ним и чеканки собственной монеты, то есть всего того, что в исторической науке принято называть институтом **феодального иммунитета**. Таким образом, по своему правовому статусу удельное княжеское землевладение встало в один ряд с боярским вотчинным землевладением, ни в чем не отличаясь от него.

В недрах самого боярского землевладения в тот период четко прослеживаются два взаимоисключающих процесса. Во-первых, происходит заметный рост земельных владений бояр-вотчинников, главным образом, за счет покупки роспаши во вновь присоединенных территориях. А во-вторых, все заметнее стал проявляться процесс дробления старых боярских вотчин из-за постоянных семейных разделов, поскольку на Руси в отличие от европейских государств отсутствовал **принцип майората**, то есть передачи прав на землю одному наследнику, как правило, старшему сыну. При этом процесс дробления боярских вотчин шел гораздо быстрее и интенсивнее, чем их рост. Поэтому в **конце XV в.** само правительство инициирует создание принципиально нового института **поместного землевладения**. Причем, по мнению многих историков (**Л. Черепнин, А. Зимин, В. Кобрин, Л. Данилова**), новая поместная система стала результатом не только проблем связанных с кризисом боярского вотчинного землевладения, но и с желанием центральной власти существенно увеличить количество **служилых людей «по отечеству»**, которые стали составлять основу русской поместной конницы.

Первоначально правовой статус поместья существенно отличался от княжеской и боярской вотчины, поскольку, будучи частным, но отчуждаемым (условным) владением, находящимся в верховной собственности Государя, оно **не могло участвовать в процессе купли-продажи и дарения**, а могло передаваться только по наследству, если наследуемое лицо продолжало служить на государственной ратной службе. Если же помещик добровольно прекращал нести эту службу, то поместье **«имали в казнѣ на государев кошт»**. Основную массу первых помещиков составили мелкие великокняжеские слуги и отпрыски разорившихся вотчинных родов, которых в источниках стали называть **«дети боярские»**.

С развитием и ростом этой формы феодального землевладения начался активный процесс наступления государства и феодалов на земли и права **черносошенных крестьян**, в результате чего сами крестьяне стали более активно втягиваться в систему феодальных отношений через **поземельную зависимость** от феодала. Иными словами, за право жить и работать на земле феодала крестьяне теперь должны были нести в его пользу определенные феодальные повинности. В условиях господства полунатурального хозяйства основной формой феодальной повинности стала **натуральная рента**, хотя кое-где встречались **денежная** и даже **отработочная рента (барщина)**. Если крестьянина не устраивали условия жизни на земле его феодала, то он мог свободно покинуть ее, заплатив ему **«пожилое»** за те годы, которые он прожил на этой земле. Размер самого **«пожилого»** был четко зафиксирован в **Судебнике Ивана III** и на тот момент составлял **50 копеек** с одного крестьянского двора.

В этот же период произошли значительные изменения в социальном положении **холопов-страдников**, поскольку сами феодалы, заинтересованные в увеличении производительности их труда, стали наделять их небольшими наделами земли, переводя их на положение **крепостных крестьян**. Вместе с тем, часть бывших **чер-**

носошенных крестьян, попавших в поземельную зависимость от феодала, стали добровольно продавать себя в рабство феодалам, вследствие чего дальнейшее развитие получил такой социальный институт, как **кабальное холопство**.

В начале XVI в. дальнейшее развитие получило ремесленное производство, которое существовало в двух основных формах: **1) вотчинного ремесла**, которое носило в основном натуральный характер и обслуживало конкретного феодала и зависимое от него население, и **2) городского ремесла**, отличительной чертой которого стала работа не на заказ, а на рынок. Кроме того, дальнейшее развитие получает процесс специализации городского ремесла, что четко выразилось в появлении городских ремесленных слобод — **кадашевской, хамовной, кузнечной, гончарной** и других. Однако следует особо подчеркнуть, что в отличие от стран Западной Европы, в России отсутствовала цеховая система ремесленного производства.

Тема: РОССИЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ (1533–1584)

План:

1. Династический кризис. Борьба боярских группировок за власть (1533–1547).
2. Начало реального правления Ивана Грозного и реформы Избранной Рады (1547–1560).
3. Внешняя политика Русского государства в 1550–1560-х гг.
 - а) Вхождение в состав России Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств.
 - б) Первой и второй периоды Ливонской войны (1558–1566).
4. Опричнина (1565–1572), ее основные события и историография.
 - а) Основные события Опричнины.
 - б) Историография Опричнины.
5. Третий период и завершение Ливонской войны (1566–1583).
6. Начало освоения Дикого поля (Новороссии) (1550–1590-е гг.).
7. Присоединение Сибири (1580–1590-е гг.).
8. Проблема закрепощения крестьянства.

1. Династический кризис. Борьба боярских группировок за власть (1533–1547)

В 1526 г. **Василий III** совершил беспрецедентный поступок — развелся со своей первой женой **Соломонией Юрьевной Сабуровой (1490–1542)** по причине ее неизлечимого бесплодия и не способности родить ему наследника престола. А уже в 1527 г. он женился на юной литовской княжне, красавице **Елене Васильевне Глинской (1511–1538)**, с которой прожил до конца своих дней.

По мнению ряда известных историков (**А. Зимин, В. Кобрин**), второй брак **Василия III** разделил жизнь великого князя как бы на два периода. Во время брака с **Соломонией Сабуровой**, символизировавшего определенную политическую про-

грамму, Великий Государь опирался на старомосковское боярство, «выражавшее интересы широких кругов дворянства». Брак же с **Еленой Глинской** принес с собой крутой поворот в политической линии **Василия III**, приведший к возвышению княжеской аристократии. Однако другие известные историки (**Р. Скрынников**) полагают, что: 1) во-первых, не следует преувеличивать значение великокняжеских браков на тогдашний политический процесс и 2) во-вторых, князья **Глинские**, которые относительно недавно перешли на службу к Великому московскому князю, никогда не принадлежали к правящей русской аристократии. Но, как бы то ни было, в **августе 1530 г.** в великокняжеской семье на свет появился первый младенец, которого в честь деда нарекли **Иваном**.

В **декабре 1533 г.**, расхворавшись под **Волоколамском** на любимой звериной охоте, великий князь **Василий III** неожиданно скончался и его преемником на престоле стал трехлетний сын **Иван IV (1533—1584)**, при котором, в силу его явного малолетства, был создан регентский (опекунский) совет, получивший название «**сѣдьмочисленной думы**». В состав этого совета вошли младший брат **Василия III** князь **Андрей Иванович Старицкий** и самые влиятельные члены **Боярской Думы** — князья **Василий** и **Иван Шуйские**, **Михаил Глинский**, бояре **Михаил Юрьев**, **Михаил Тучков** и **Михаил Воронцов**. Однако эта «**семибоярщина**» управляла страной всего несколько месяцев, после чего ее власть стала стремительно рушиться. Летом **1534 г.** были арестованы князь-боярин **М.Л. Глинский** и боярин **М.С. Воронцов** и реальными правителями государства стали мать младенца, великая княгиня **Елена Глинская** и ее любовник-фаворит, боярин и конюший (высший придворный чин) князь **Иван Федорович Обуха-Телепнев-Оболенский**.

За пять лет правления **Елены** и ее фаворита произошло четыре важных события: 1) Россия впервые проиграла очередную **русско-литовскую пограничную войну (1534—1537)** и вынуждена была отдать «**польской коруне**» ряд ранее отвоеванных земель, в частности **Гомель**; 2) в **1535 г.** правительство провело денежную реформу, в результате которой общерусской денежной единицей на территории всего государства стала московская **деньга**, получившая звонкое название «**сабляница**»; 3) в **1536 г.**, после смерти родного брата **Василия III** князя **Юрия Ивановича Дмитровского** было ликвидировано **Дмитровское удельное княжество**; 4) в **1537 г.** произошел мятеж другого дядьки малолетнего государя, князя **Андрея Ивановича Старицкого**, который подстрекаемый своими ближними боярами, предъявил права на великокняжеский престол. Естественно мятежный князь был тут же схвачен, посажен в темницу и вскоре там отравлен, а единственный на тот момент **Старицкий удел** был сразу ликвидирован.

Как полагают многие историки (**А. Зимин**, **В. Кобрин**), последние три события довольно четко показали общую направленность политики правительства **Елены Глинской** на дальнейший курс **централизации** единого Русского государства. Однако в **апреле 1538 г.** при довольно загадочных обстоятельствах, скорее всего в результате отравления, **Елена Глинская** неожиданно умерла. Естественно ее фаворит, князь **И.Ф. Оболенский** был тут же посажен в темницу, а затем тайно убит по приказу князя **А.И. Шуйского**. Тем временем, у трона начинается острейшая борьба боярских группировок за власть (**1538—1547**), в которой приняли активное участие три княжеских клана — **Шуйских**, **Бельских** и **Глинских**.

Сначала власть захватили князья **Шуйские**, которые почти два года (**1538—1540**) реально управляли страной. Затем, в результате дворцового заговора и при актив-

ной поддержке митрополита **Иосафа**, к власти приходит княжеский клан **Бельских (1540—1542)**. Но и их правление тоже оказалось не очень долгим, и в результате очередного дворцового переворота к власти опять приходят **Шуйские**, которых, на сей раз, поддержал новый митрополит **Макарий**. Однако уже в **декабре 1543 г.** господству **Шуйских** приходит конец, поскольку по приказу юного **Ивана IV** глава их клана, князь **Андрей Иванович** был жестоко убит великокняжескими псарями, а сами **Шуйские** изгнаны из **Москвы**.

В советской исторической науке (**И. Смирнов, А. Зимин, А. Сахаров, В. Буганов**) борьбу боярских кланов за власть всегда трактовали как борьбу активных противников (**Шуйские**) и сторонников (**Бельские-Глинские**) дальнейшей централизации Русского государства. Однако, по мнению многих нынешних историков (**В. Кобрин, Р. Скрынников, А. Кузьмин**), данная оценка не выдерживает критики, поскольку именно при **Шуйских** в **1539 г.** была проведена знаменитая реформа местного управления, известная под названием «**губной реформы**», в ходе которой произошло существенное перераспределение власти от пришлых великокняжеских **наместников** и **волостелей** в пользу местных служилых людей и черносошенных крестьян, кровно заинтересованных в наведении порядка и сохранении единства страны.

2. Начало реального правление Ивана Грозного и реформы Избранной Рады (1547–1560)

В результате нового дворцового переворота у власти утвердилась новая боярская группировка — родственники молодого государя, князья **Глинские**. Именно с их подачи и при активнейшем участии митрополита **Макария** в жизни молодого **Ивана** произошло два важнейших события. В **январе 1547 г.** он был торжественно венчан на царство в **Успенском соборе Московского Кремля**, что имело огромное политическое значение, поскольку новый титул: **1)** несоизмеримо возвысил царскую власть над всей родовой бояро-княжеской аристократией внутри страны и **2)** впервые ставил русского монарха в один ряд с татарскими ханами, которых на Руси всегда именовали царями. Сразу после этого события, в **феврале 1547 г.** молодой царь обвенчался с юной красавицей, боярышней **Анастасией Романовной Юрьевой**, с которой прожил самые счастливые тринадцать лет своей жизни.

В **июне 1547 г. в Москве** произошел страшный пожар, в результате которого погибло свыше двух тысяч москвичей и почти восемьдесят тысяч остались без крова. В этой трагедии были обвинены князья **Глинские**, в частности бабка царя, княгиня **Анна**, которые были тут же отстранены от власти, и на смену им пришел новый боярский клан — родственники царицы **Анастасии**, бояре **Захарьины-Юрьевы** и **Воронцовы**.

В **феврале 1549 г.** на представительном совещании в **Грановитой палате Московского Кремля**, который в исторической науке (**Л. Черепнин, Н. Носов, А. Зимин**) принято считать первым **Земским Собором**, **Иван IV** выступил с обширной программой государственных реформ. Для ее реализации самим государем было создано новое правительство, которое в историографии принято называть на польский манер **Избранной Радой (1549–1560)**. Надо сказать, что многие историки (**Н. Карамзин, К. Бестужев-Рюмин, Н. Костомаров, А. Зимин, Б. Кобрин, Р. Скрынников**) и раньше, и теперь постоянно спорят о персональном составе этого правительства. Но с боль-

шой долей вероятности можно утверждать, что его членами были: руководитель **Челобитного приказа** и фактический глава правительства **Алексей Федорович Адашев**, глава **Посольского приказа** князь **Иван Михайлович Висковатый**, глава **Разрядного приказа** князь **Андрей Михайлович Курбский**, князь **Дмитрий Михайлович Курлятьев-Оболенский** и настоятель **Благовещенского храма Московского Кремля**, личный духовник царя протоирей **Сильвестр**. Кроме того, большое влияние на деятельность **Избранной Рады** оказывал и митрополит **Макарий (1542–1563)**.

Между тем, надо сказать, что относительно недавно известный историк профессор **А.И. Филошкин** в своей кандидатской диссертации «**Состав правящих кругов Российского государства и проблемы изучения «Избранной Рады» (1995)**» реанимировал старую концепцию профессора **И.И. Смирнова**, в которой отрицал реальность существования правительства «**Избранной рады**» и считал сведения о ней политическим мифом, автором которого был князь **А.М. Курбский**.

Тем не менее, большинство историков по-прежнему считают, что именно правительство **Избранной Рады** провело целый ряд фундаментальных реформ, которые условно можно разделить на следующие группы:

1) Реформа центрального управления (административная реформа), которая была воплощена в следующих мероприятиях правительства:

а) В принятии нового **Судебника 1550 г.**, который с учетом судебной практики и развития законодательства был существенно расширен и лучше систематизирован, в частности разбит на главы и статьи. В новом **Судебнике** впервые было введено наказание за мздоимство, ужесточены санкции в отношении «лихих» людей, ограничены в пользу центральной власти права наместников и волостелей в расследовании наиболее тяжких уголовных преступлений, подтверждены нормы крестьянского перехода в **Юрьев день** и несколько, с учетом денежной реформы **1535 г.** и инфляции, увеличена плата за «пожилое» — с **50-ти «старых»** копеек до **1-го «нового»** рубля и т.д.

б) В проведении **Поместного Собора Русской Православной Церкви (1551)**, который в науке традиционно называют **Стоглавым Собором**, поскольку все его решения были оформлены в ста главах. На этом **Соборе** обсуждались два основных вопроса: **1)** чисто церковные дела, связанные с наведением элементарного порядка в среде приходского духовенства и унификации церковной службы и обрядов, и **2)** проблема монастырского землевладения, который вызвал наибольшую дискуссию, поскольку царь **Иван**, поддержанный **нестяжателями (Сильвестр)**, попытался отобрать богатые монастырские вотчины в пользу государства, ибо правительству было крайне важно получить новые земли (роспашь) для поместной раздачи служилым людям «по отечеству», составлявшим основу русской поместной конницы. Но это предложение, вызвавшее резкое недовольство **иосифлян**, при активной поддержке митрополита **Макария**, было решительно отвергнуто. Единственное, что удалось сделать царю **Ивану**, так это проташить решение, что отныне все монастыри не имеют права приобретать новых земель без доклада царю, а также ограничить «**тарханы**», т.е. налоговые привилегии церкви, дарованные ей еще татарскими ханами.

в) В реформе «**Государева Двора**» и создании «**Дворцовой тетради**» и «**Государева родословца**» (**1551–1552**), на основании которых теперь стало осуществляться «**верстание на службу**», то есть назначение на все важнейшие административные, военные и дипломатические посты.

г) В создании в 1551–1555 гг. принципиально новой системы органов центрального управления — **Приказов**, в основе деятельности которых лежал отраслевой (ведомственный) или территориальный принцип управления: **Посольский приказ** ведал внешними сношениями с иноземными державами, **Разрядный приказ** занимался назначением воевод в войска и сбором поместного ополчения, **Поместный приказ** ведал раздачей и конфискацией поместий, **Разбойный** и **Земский приказы** осуществляли уголовный сыск и занимались охраной общественного порядка, **Стрелецкий приказ** ведал вновь образованным полурегулярным стрелецким войском, **Приказ Казанского дворца** занимался административно-судебным и финансовым управлением новых южных и восточных территорий, и т.д.

2) **Налоговая реформа (1551–1556)**, в результате которой была установлена общая для всех сословий единица налогообложения — **соха**, то есть мера земельной площади. Согласно новому налоговому законодательству отныне с черносошенных крестьян налог стал взиматься с **500 десятин** или **четвертой земли**, с монастырей и церкви — **600 десятин**, а светских феодалов — **800 десятин земли**.

3) **Военная реформа (1551–1556)**, которая была проведена в два этапа. **Первый этап реформы**, проведенный в 1550–1551 гг., затронул старинный институт местничества, который теперь жестко ограничивался в период военных походов, и устанавливалась четкая подчиненность всех полковых воевод первому воеводе **Большого полка**. Позднее было принято новое решение, что «**тягаться о местах**» в мирное время могут только те служилые люди «по отечеству», чьи фамилии были внесены в «**Государев родословец**», «**Государев разряд**» и «**Дворцовую тетрадь**».

Второй этап военной реформы был проведен в 1556 г., когда правительством было принято «**Уложение о службе**», согласно которому все помещики-землевладельцы, включая «**новиков**» («**недорослей**», достигших **15-ти** летнего возраста), обязаны были выходить на государеву ратную службу «**конно, людно и оружно**». С каждых **150-ти десятин** земли помещик сам выходил на ратную службу, а с каждых последующих **100 десятин земли** — выводил одного вооруженного и конного холопа. Если служилый человек «по отечеству» перевыполнял этот план и приводил больше военных холопов, чем того требовало «**Уложение**», то он получал от государства «**денежную помощь**», ежели он, напротив, уклонялся от несения службы или приводил меньшее число военных холопов — ему грозило битие кнутом и конфискация поместья.

Надо сказать, что в русской исторической науке представители знаменитой «**государственной школы**» (**С. Соловьев, К. Кавелин, Б. Чичерин**) рассматривали «**Уложение о службе**», как первый этап закрепощения дворянского сословия, за которым затем последует закрепощение всех остальных сословий Русского государства. Но эту стройную теорию «**закрепощения сословий**» в советской исторической науке по вполне понятным причинам полностью отвергали и сознательно акцентировали внимание лишь на закрепощении крестьянства и посада феодальным государством, которое произойдет в **конце XVI — первой половине XVII вв.** Хотя, в постсоветский период ряд ученых, в частности выдающийся историк профессор **Н.И. Павленко**, полностью солидаризовались с этой знаменитой теорией, указывая на то обстоятельство, что она вполне, и по фактам, и по самой своей сути, вписывалась в логику всего русского исторического процесса, в том числе создания сословного государства под патронатом сильной царской власти.

4) Реформа местного управления (1556) была проведена в развитие губной реформы (1539) и полностью ликвидировала старый институт княжеских наместников и волостелей и установила, что главами местных администраций отныне становились **городовые приказчики, губные старосты и целовальники**, которые избирались из числа местных служилых людей и черносошных крестьян.

Если в целом оценивать реформы **Избранной рады**, то следует признать правоту тех историков (**А. Кузьмин, В. Кобрин, А. Хорошкевич, А. Юрганов**), которые считали, что при всей их спонтанности они сыграли исключительно важную роль в создании централизованного Русского государства. Хотя, данная точка зрения и разделяется большинством исследователей, существуют и другие оценки деятельности **Избранной Рады**. Например, академики **В.О. Ключевский** и **Л.В. Черепнин** относили становление единого централизованного государства уже к временам **Ивана III**, а академик **М.Н. Тихомиров** — только к **середине XVII в.** Но, тем не менее все историки признают, что в результате реформ **Избранной Рады**, к **1560-м гг.** сложилась более совершенная система центрального и местного управления.

В результате реформ **Избранной Рады**, к **1560-м гг.** сложилась более совершенная система центрального и местного управления, которая выглядела следующим образом:

3. Внешняя политика Русского государства в 1550–1560-х гг. Энциклопедия «Мир России»

а) Вхождение в состав России Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств

В середине XVI в. основными направлениями внешней политики России были: 1) **Восточное направление**, то есть отношения с **Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами** и **Ногайской ордой**; 2) **Южное направление**, то есть отношения с **Османской империей** и ее вассалом **Крымским ханством** и 3) **Западное направление**, то есть отношения с ближайшими европейскими соседями России — **Польшей, Литвой, Ливонией и Швецией**.

В середине XVI в. главным направлением внешней политики России становится восточное направление. В 1552 г., после очередного поражения в Казани «промо-сковской партии» татарской знати во главе с ханами **Шах-Али** и **Джан-Али**, к власти пришла «прокрымской партии» казанских татар, за которой стояли **Сагиб-Гирей**, **Сафа-Гирей** и **Ядигир-Магомед**. Естественно в Москве никак не могли допустить возникновения столь мощного военного союза двух самых сильных и влиятельных татарских ханств, и было принято решение пойти очередным походом на **Казань**.

В отличие от всех предыдущих походов на **Казань**, предпринятых в 1487, 1524, 1530 и 1550 гг., к предстоящей военной кампании стали готовиться загодя и планомерно. Сначала близ **Казани** под руководством дьяка **И.Г. Выродкова** была построена **Свияжская крепость**, ставшая опорной базой русских войск в предстоящем походе на **Казань**. Затем в самой крепости был размещен крупный военный гарнизон под руководством князя **А.В. Горбатого-Шуйского** и сосредоточена вся полевая артиллерия. И лишь потом, в июне 1552 г., многотысячная русская армия под командованием самого царя **Ивана** и трех молодых и талантливых воевод, князей **И.И. Пронского**, **А.М. Курбского** и **И.М. Воротынского** вышла в поход. Причем, по мере продвижения к означенной цели ряды русской армии пополнили касимовские и казанские татары во главе с **Шах-Али-ханом** и **Камай Хусейном** и донские казаки под водительством **Сусара Федорова**.

В августе 1552 г. русская рать форсировала **Волгу** и начала осаду **Казани**, которая завершилась генеральным штурмом и взятием ханской столицы 2 октября 1552 г. После этого события **Казанское ханство** были ликвидировано, а в бывшей ханской столице обосновался царский наместник князь **Александр Борисович Горбатый-Шуйский**, который приложил немало времени и сил для обустройства новых обширных территорий Русского государства.

После взятия **Казани** на повестку дня встал вопрос о покорение **Астраханского ханства**, что позволило бы решить сразу две насущных проблемы: 1) добиться полного контроля над стратегически важным **Волжским торговым путем** и получить прямой выход в **Каспийское море** и 2) положить конец постоянным набегам астраханских татар на порубежные русские земли в **Диком Поле** (будущей **Новороссии**).

Поводом для начала активных военных действий стало пленение ханом **Ямгурчи** московских послов в **Хаджи-Тархане** (**Астрахани**). В ответ на эту провокацию, по приказу царя в марте 1554 г. русская рать во главе с князем **Ю.И. Пронским** вышла в поход, и вскоре у **Черного Яра** стрельцы князя **А.И. Вяземского** разгромил головной отряд астраханских татар. В этой ситуации хан **Ямгурчи** не стал вступать в новое сражение и при подходе русских войск покинул ханскую столицу и бежал в турецкую крепость **Азак** (**Азов**).

После его бегства в **Хаджи-Тархане** воцарился давний союзник русской царя, звенигородский вотчинник, хан **Дервиш-Али**, клятвенно обещавший ему быть неотступным от **Москвы**. Однако уже в 1556 г. он перешел на сторону крымского хана **Девлет Гирея** (1551–1577) и спровоцировал новый поход московских полков на **Астрахань**. В июле 1556 г. большая русская рать и отряды донских казаков во главе с царским воеводой **Н.С. Черемисиновым** и войсковым атаманом **Л.П. Филимоновым** разгромили ханское войско и без боя взяли **Астрахань**. По итогам этого похода **Астраханское ханство** было ликвидировано, а в его столице сел царский наместник-воевода **Николай Семенович Черемисинов-Караулов**.

В 1557 г. вассальную зависимость от **Москвы** признала **Ногайская Орда** и **Башкирия** и, таким образом, на восточных рубежах России остался только один серьезный враг — **Сибирское ханство**, где правил тайбугинский мурза **Едигер (1552–1563)**.

Надо сказать, что в настоящее время ряд татарских историков-националистов (**Р. Фахрутдинов, И. Гилязов**) пытаются представить восточную политику **Ивана Грозного** как самый трагический период в истории их многострадального народа, ставшего жертвой имперских амбиций невменяемого русского царя, который вполне целенаправленно проводил в отношении покоренных тюркских народов политику тотального геноцида и истребления. Между тем, как верно отметили те же евразийцы (**Л. Гумилев, В. Кожин**), исторически **Иван Грозный** боролся не с татарским народом (древними булгарами), который был такой же жертвой монгольской агрессии, как и русский народ, а с одряхлевшими остатками монгольской империи и прямыми потомками **Чингисхана**, которые давно вынашивали планы превратить свои ханства в вассалов **Османской империи**.

б) Первой и второй периоды Ливонской войны (1558–1566)

После успешного решения восточной проблемы внутри правительства разгорелась борьба о том, какому направлению — западному или южному — отдать предпочтение. **Иван Грозный** настаивал на первом варианте, а **Алексей Адашев** — на втором. В конце концов, было принято решение о начале **Ливонской войны (1558–1583)**, главной целью которой стало возвращение исконных русских прибалтийских земель и получение надежного выхода в **Балтийское море**. Подобную оценку главных причин и задач **Ливонской войны** всегда разделяли все историки, в том числе и авторы специальных научных работ, посвященных истории этой войны, — **Р.Ю. Виппер, А.С. Королюк, И.П. Шаскольский, Б.Н. Флоря** и другие. Однако в последнее время традиционная концепция **Ливонской войны** была подвергнута серьезной критике со стороны профессора **А.И. Филюшкина**, который в своей последней работе «**Изобретая первую войну России и Европы**» (2013) предложил трактовать **Ливонскую войну** как историографический конструкт, сочиненный **Н.М. Карамзиным**, и рекомендовал вместо старого термина ввести понятие «**Балтийские войны**», под которым надо понимать серию локальных военных конфликтов за обладание Прибалтикой.

В **январе 1558 г.** русская армия под командованием князя **М.В. Глинского** начала боевые действия на территории Ливонии и уже к **лету 1558 г.** овладела **Нарвой, Дерптом, Мариенбургом** и другими ливонскими городами. В **начале 1559 г.**, оккупировав практически всю Ливонию, русские войска подошли к предместьям **Ревеля** и **Риги** и начали их осаду. Однако вскоре боевые действия пришлось приостановить и заключить с ливонцами перемирие. Причина столь неожиданного поворота на театре военных действий состояла в том, что: **1)** новый магистр Ливонского ордена **Готтгард Кетлер** сумел заверить **Москву** в своей готовности признать вассальную зависимость от нее, **2)** а главе **Избранной Рады А.Ф. Адашеву** удалось убедить царя начать войну с **Крымским ханством**.

Однако **осенью 1559 г.** русское войско под командованием воеводы **Д.Ф. Адашева**, «несолоно хлебавши», с большими потерями вернулось в **Москву** из **Крымского похода**. Тем временем, ливонский магистр **Г. Кетлер**, признав вассальную зависимость от польского короля **Сигизмунда II Августа (1548–1572)**, передал ему в правление всю южную, пограничную с Литвой, территорию **Ливонского Ордена**,

и оставил за собой лишь территорию **Курляндии**, **Эстляндии** и остров **Эйзель**, которые в **1661 г.** отошли Швеции и Дании.

А между тем, в **конце 1560 г.** совершенно неожиданно пало правительство **Избранной Рады**, что до сих пор вызывает споры у историков. Одни (**В. Корольук, К. Базилевич, А. Кузьмин**) считают, что основной причиной падения **А.Ф. Адашева** и его правительства стали разногласия с царем по вопросам внешней политики. Другие историки (**В. Кобрин, А. Юрганов**) полагают, что главной причиной отставки **А.Ф. Адашева** стали разногласия с царем по вопросам темпов проведения реформ. Кроме того, эти же историки утверждают, что еще одной причиной и прямым поводом к опале всех членов **Избранной Рады** послужило поведение **А.Ф. Адашева** и **Сильвестра** в **1553 г.**, когда в дни тяжелой болезни царя, они отказались присягнуть его сыну, «пеленочнику» **Дмитрию**, и предпочли ему царского кузена **Владимира Андреевича Старицкого**. Наконец, третья группа авторов (**Р. Скрынников**) видит причины падения **Избранной Рады** в борьбе боярских группировок за власть, в частности в кознях бояр **Захарыных-Юрьевых**, обвинивших **А.Ф. Адашева** в отравлении царицы **Анастасии**, умершей в **августе 1560 г.**

Между тем, в **1561 г.** возобновились боевые действия в Ливонии, однако после распада **Ливонского Ордена**, России пришлось столкнуться уже не с одним, довольно слабым противником, а с мощной коалицией четырех европейских держав в составе **Польши, Литвы, Швеции** и **Дании**. Первоначально русскому войску сопутствовал явный успех, и в **феврале 1563 г.** князь **Петр Иванович Шуйский** взял штурмом стратегически важный пункт — город **Полоцк**. Однако затем началась череда крупных неудач: в **январе 1564 г.** польско-литовская рать гетмана **Радзивилла Рыжего** разбила русскую армию под **Полоцком**, в **апреле 1564 г.** в Литву сбежал командующий русской армией князь **А.М. Курбский**, а **летом 1564 г.** русская армия потерпела новое поражение под **Оршей**. К неудачам в Литве присовокупился и новый набег крымского хана **Девлет-Гирея**, который по договоренности с **Варшавой** в **октябре 1564 г.** разорил пограничные калужские и рязанские уезды страны.

4. Опричнина (1565–1572), ее основные события и историография Павлов

а) Основные события Опричнины

В обстановке военных поражений на ливонском фронте происходит резкое изменение политического курса в стране. В **декабре 1564 г.** **Иван Грозный** выехал на богомолье в **Троицкий монастырь**, а затем неожиданно уехал в старинное охотничье великокняжеское село — **Александрову Слободу**, откуда в **январе 1565 г.** его гонец **К.В. Поливанов** привез в **Москву** две царских грамоты. В первой грамоте, адресованной митрополиту **Афанасию**, **Боярской Думе** и **Освященному Собору**, содержался богатый список «измен и неправд» всех князей, бояр и духовенства. Во второй же грамоте, адресованной всему посадскому люду **Москвы**, говорилось о том, что **Государь «гнева на них не держит и опалы никоторые не кладет»**. Под давлением растроганных москвичей в **Александрову Слободу** было тут же направлено представительное посольство в составе двух архиепископов — **Пимена** и **Никифора** и трех влиятельных бояр — князей **И.Ф. Мстиславского**, **И.Д. Бельского** и **П.М. Щенятева**. Во время переговоров с визитерами царь дал согласие вернуться в **Москву**, но лишь при выполнении следующих условий: **1)** он получает право без согласия

Боярской Думы казнить всех бояр, заподозренных в государственной измене, и 2) учреждает царскую **Опричнину**.

Сам термин «**Опричнина**» происходит от старинного русского слова «**опричь**», то есть кроме. В Древней Руси опричниной традиционно называли ту часть княжеского домена, которую после смерти князя выделяли его вдове «**опричь**» всех остальных земель. На сей раз «**опричь**» всей земли Российского государства выделялась территория царской **Опричнины**, в которую вошли: 1) все русские уезды на границе с Литвой (**Можайск, Вязьма, Белев, Козельск**), 2) территории с давно и хорошо развитым феодальным землевладением (**Суздаль, Ростов, Переяславль**) и 3) северные промысловые города и уезды (**Вологда, Старая Русса, Поморье, Устюг Великий**). Та территория государства, которая не вошла в царскую **Опричнину**, стала называться **Земщиной**, и управление ею было возложено на «**семибоярщину**» или земскую **Боярскую Думу** во главе с князьями **И.Д. Бельским, И.Ф. Мстиславским** и **И.П. Челядиным-Федоровым**. Таким образом, в стране фактически сложилось классическое двоевластие: существовало две **Боярских Думы** (земская и опричная), два **Государевых Двора**, две системы **Приказов**, два войска и т.д.

Одним из первых мероприятий опричных властей стало формирование опричного войска. С этой целью под руководством членов опричной **Боярской Думы** — князя **Афанасия Ивановича Вяземского** и **Алексея Даниловича Басманова** была создана специальная комиссия, которая в **январе 1565 г.** провела в **Москве** генеральный смотр всего провинциального дворянства трех опричных уездов страны — **Суздальского, Вяземского и Можайского**. В результате этого смотра в **Опричнину** была отобрана **1000 «лутших слуг»**, которые на первых порах и составили костяк опричного войска, возросшего затем до **6000 опричников**. Те служилые люди, которым не «подфартило» войти в личную гвардию Государя, были выселены из опричных уездов и «**испомещены**» в земские уезды страны. При этом прежние их вотчины и поместья у них были конфискованы в пользу опричников. Сама **Опричнина** была построена по принципу монашеской братии, где роль игумена исполнял сам Государь, роль келаря играл князь **А.И. Вяземский**, а государева воинства — опричники, облаченные в черные кафтаны, наподобие монашеских ряс и клобуков.

Далее мы предложим традиционный взгляд на историю самой **Опричнины**, который с разной степенью подробностей и достоверности изложен в трудах многих русских и советских историков, в частности **В.О. Ключевского, С.Б. Веселовского, А.А. Зимина, В.Б. Кобрин, Р.Г. Скрынникова** и других. Однако сразу оговоримся, что описание многих «ужасов» **Опричнины** базируются, в основном, на очень скудном и спорном источниковом материале, в частности на крайне сомнительной «**Повести о разгроме Великого Новгорода**», созданной в самом Новгороде в годы шведской оккупации (1611–1617), и в явно политизированных «мемуарах» двух известных иноземцев — толмача царского лекаря **Альберта Шлихтинга** «**Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тираннии государя Ивана**» (1570) и толмача Посольского приказа и мнимого опричника **Генриха Штадена** «**Страна и правление московитов, описанные Генрихом фон Штаденом**» (1577–1578). Причем, если **А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников** и особенно **В.Б. Кобрин** очень высоко оценивают степень достоверности всех трех источников, особенно **Г. Штадена**, то даже ряд их либеральных коллег, в частности академик **С.Б. Ве-**

селовский и профессор Д.А. Альшиц, говорят о том, что они сродни «небылицам барона Мюнхгаузена».

Проведя всю подготовительную работу, **Иван Грозный** запустил в действие заранее подготовленный маховик репрессий против зарвавшейся бояро-княжеской аристократии. Уже в **феврале 1565 г.** произошло два совершенно беспрецедентных события: **1)** во-первых, были казнены или отправлены в ссылку несколько самых видных и авторитетных членов **Боярской Думы** — князя **А.Г. Горбатый-Шуйский**, **М.В. Кашин**, **М.П. Репнин**, **Д.М. Курлятев**, **Ф.И. Троекуров** и ряд других; **2)** во-вторых, после полного разгрома земской **Боярской Думы**, которая теперь стала послушным орудием в руках царя, последовала знаменитая «**казанская ссылка**», в результате которой своих родовых вотчин и поместий лишились более **100 (из 282)** представителей самой титулованной княжеской аристократии страны. Историки по-разному оценивали это событие: одни (**А. Зимин**, **В. Кобрин**) не придавал этой «акции» большого значения, а другие (**Р. Скрынников**), напротив, считал, что «**казанская ссылка**» стала крупной вехой в истории русской аристократии, поскольку она значительно ускорила процесс отчуждения ее родовых вотчин и поместий. Правда, следует сказать, что после этой акции, репрессии аристократии пошли на спад, и начался период непродолжительной «оттепели».

Летом 1566 г. состоялся **Земский Собор**, который был созван для обсуждения условий мирного договора с Польшей и Литвой, условия которого привезли в **Москву** «**большие литовские послы**» **Ю.А. Хоткевич**, **Ю.В. Тишкевич** и **М.Б. Гарабурда**. Однако в самый разгар обсуждения этого вопроса, когда торговый и служилый люд **Новгорода**, **Пскова**, **Торопца** и **Великих Лук** «за его государское дело обещали покласть своя животы и головы, чтоб государева рука везде была высока», совершенно неожиданно выступила оппозиция, которая потребовала от царя отменить **Опричнину** и прекратить все казни служилых князей и бояр. **Иван Грозный** пришел в неопишное бешенство, в результате чего **300 челобитчиков** были арестованы, а ряд из них, в том числе глава челобитчиков князь **В.Ф. Рыбин-Пронский**, казнены.

Тем временем, по информации ряда смутных источников, в **сентябре 1567 г.** **Иван Грозный** через английского посланника **Э. Дженкинсона** передал королеве **Елизавете I (1558–1603)** свою просьбу о предоставлении ему убежища в Англии. Якобы эта просьба была связана с известием о каком-то заговоре в **Земщине**, поставившим своей целью свергнуть законного царя с престола и передать власть его кузену, князю **В.А. Старицкому**. Однако, как заявил профессор **Р.Г. Скрынников**, этот принципиальный вопрос так и остался неразрешенным, поскольку невозможно установить действительно ли **Земщина** составила какой-то заговор, или все свелось к банальной болтовне оппозиционного толка.

Новой крупной жертвой очередной волны репрессий стал влиятельный глава земской **Боярской Думы** боярин **Иван Петрович Челядин-Федоров**, который по ложному доносу был обвинен в заговоре в пользу князя **В.А. Старицкого** и в **начале 1567 г.** сослан на воеводство в **Полоцк**. Затем последовала опала самого князя **В.А. Старицкого**, которого выселили в **Нижний Новгород** и казнили ряд его ближайших родственников, в том числе знатных дворян **К.М. Дубровского**, **В.А. Борисова** и других.

Новые казни вызвали резкий протест со стороны нового главы Русской Православной Церкви митрополита **Филиппа (Федора Степановича Колычева)**, который

открыто потребовал от царя упразднить **Опричнину**. Его гневная речь, адресованная самому **Ивану Грозному**, была продиктована не только тем, что он был самым искренним противником политики **Опричнины**, но и тем важным обстоятельством, что в числе опальных оказались князь **В.А. Старицкий** и боярин **И.П. Федоров**, с которыми семейство бояр **Колычевых** было связано тесными узами службы и родства.

Резкий демарш митрополита **Филиппа** заставил царя отдать давно подготовленный приказ об окончательной расправе над боярином **И.П. Федоровым**, которого летом 1568 г. привезли в **Москву** и подвергли жестокой казни вместе с его многочисленными слугами и холопами. В знак протеста против этой расправы митрополит **Филипп** демонстративно покинул свою резиденцию в **Московском Кремле** и уехал в **Симонов монастырь**. Покинул столицу и царь **Иван**, который в **Александровой Слободе** вкупе с новгородским архиепископом **Пименом** стал стряпать дело против главы **РПЦ**. Однако обвинительное заключение было столь надуманным, что почти все члены земской **Боярской Думы** отказались утвердить его. В результате полетели головы новых строптивых бояр — князей **А.И. Катырева-Ростовского**, **Д.И. Сицкого**, **М.Ю. Лыкова** и других. Только после этого новый состав земской **Боярской Думы** утвердил обвинительный приговор митрополиту **Филиппу**: он был низложен, публично избит и увезен под крепким караулом в **Богоявленский монастырь** под **Тверь**.

В октябре 1569 г. по дороге в **Александрову Слободу** два верных царских опричника **Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский** (**Малюта Скуратов**) и **Василий Григорьевич Грязной** расправились с царским кузеном, последним удельным князем **Владимиром Андреевичем Старицким**, отравив его вместе со всей семьей — престарелой матерью **Ефросиньей Старицкой**, женой **Евдокией Одоевской** и малолетней дочерью **Марией**.

В ходе розыска о заговоре князя **В.А. Старицкого** в недрах **Опричнины** созрело дело «о новгородской измене» и в декабре 1569 г. опричная **Боярская Дума** приняла решение отправить опричное войско в поход против мятежных новгородцев. По информации историков путь опричников в **Новгород** был отмечен зверскими убийствами и грабежами в **Клину**, **Твери**, **Торжке**, **Вышнем Волочке** и других русских городах. Причем, якобы тогда по личному приказу царя **Малюта Скуратов** задушил и бывшего митрополита **Филиппа** в его келье в **Тверском Отрочь Успенском монастыре** только за то, что он оказался благословить **Ивана Грозного** на новгородский поход. Погром в **Новгороде**, в ходе которого, по разным оценкам, погибло от 4000—6000 (**Р. Скрынников**) до 15 000 (**В. Кобрин**) новгородцев, продолжался весь январь 1570 г. А затем царские опричники направились грабить и убивать в соседний **Псков**, но, испугавшись пророчеств некоего юродивого **Николы**, царь не рискнул войти в этот порубежный город и вернулся обратно в **Москву**.

Живописуя зверства новгородского похода многие историки **Опричнины** почему-то упорно умалчивают следующие факты: 1) Опричный суд функционировал на новгородском **Городище** всего три недели и даже при максимально ускоренном делопроизводстве опричные судьи едва ли могли рассмотреть больше нескольких сотен уголовных дел. 2) По сохранившимся источникам, в частности церковным синодикам, смертной казни подверглось около 200 новгородских дворян, 45 дьяков и приказных и примерно 150 их домочадцев. 3) Еще до новгородского похода,

в 1568—1569 гг. в трех новгородских пятинах, вспыхнул массовый голод и резко возросла смертность населения, что было вызвано эпидемией чумы, сильным подорожанием зерна из-за двух неурожаев и **Ливонской войны**, которая существенно подорвала всю новгородскую экономику, нарушив прежние торговые связи Новгорода с державами всего **Балтийского региона**. 4) Если внимательно проанализировать источники, то можно легко убедиться в том, что опричной «ревизии» и «погрому» было подвергнуто именно церковное и монастырское хозяйство, где шла конфискация зерна, скота и соли, которого так не хватало простым новгородцам. 5) Вероятнее всего, так называемый новгородский «погром» был во многом связан с тем, что в условиях сильнейшего голода и катастрофического роста цен, новгородские бояре и церковники вполне сознательно провоцировали недовольство новгородцев «политикой **Москвы**». 6) Не исключено и то, что именно тогда у всей новгородской элиты возникло горячее желание искать спасение в присоединении к **Люблинской унии**, которую только что, в 1569 г., заключили Польша и Литва. 7) Кроме того, совершенно очевидно, что всей новгородской элите была крайне не выгодна политика **Ивана Грозного** в **Балтийском регионе**, грозившая потерей их очень больших доходов в традиционной балтийской торговле. 8) Наконец, вероятнее всего, новгородцев явно не устраивала ориентацией царя на **Лондон**, поскольку было доподлинно известно, что именно тогда английские купцы получили от него ряд важных преференций и открыли альтернативный балтийской торговле новый «торговый меридиан» через **Холмогоры-Вологду-Москву**. Кроме того, не надо забывать, что сами англичане были крайне недовольны политикой «новгородской торговой корпорации», которая некогда входила в конкурирующий им **Ганзейский союз**, а в 1560-х гг. открыла свой город для голландцев, бывших главными конкурентами англичан во всей международной торговле. Все это зримо говорит о том, что новгородский поход никак не мог быть некой параноидальной импровизацией **Ивана Грозного**, а имел глубокие причины и был совершен вполне вовремя.

Между тем, по возвращению из **Новгорода**, весной 1570 г. неожиданно начались казни самих опричников, в результате которых свои головы на плахе сложили все первые руководители **Опричнины**, стоявшие у ее истоков: князя **А.И. Вяземский**, **М.Т. Черкасский**, **А.Д. Басманов**, **Ф.А. Басманов** и другие. Причем, одни историки (**В. Кобрин**) связывали эти казни со смертью второй жены царя, кабардинской княжны **Марии Темрюковны Черкасской**, а их оппоненты (**Р. Скрынников**) — с кознями **М.Л. Скуратова** и **В.Г. Грязного**, которые вскоре заняли руководящие посты в **Опричнине**.

Летом 1570 г. **М.Л. Скуратов** и его головорезы состряпали новое «**московское дело**», главными обвиняемыми по которому стали руководители многих земских **Приказов**: **Посольского** — дьяк **И.М. Висковатый**, **Казенного** — дьяк **Н.А. Фунников**, **Поместного** — дьяк **В.В. Степанов**, **Разбойного** — дьяк **Г.И. Шапкин** и другие крупные представители приказной бюрократии, которых обезглавили на **Поганой луже** в **Москве**. По мнению многих историков (**С. Платонов**, **А. Зимин**, **В. Кобрин**), **Иван Грозный** хотел учинить в столице новый «новгородский погром», но события, произошедшие летом следующего года, положили конец кровавой **Опричнине**.

В мае 1571 г. крымский хан **Девлет-Гирей**, пройдя **Изюмским шляхом** через территорию **Дикого Поля**, совершил опустошительный набег на **Москву**, в результате которого столица государства была сожжена практически дотла. После ухода татар

в городе начались новые казни опричных (**И.С. Воронцов**) и земских (**С.А. Яковлев**) воевод, которых обвинили во всех смертных грехах и сделали «козлами отпущения». На следующий год крымцы тем же **Изюмским шляхом**, через **Северский Донец**, вышли в новый поход на **Москву**, однако **Иван Грозный** на сей раз объединил земское и опричное войско под единым командованием трех талантливых воевод — князей **М.И. Воротынского**, **И.П. Шуйского** и **Д.И. Хворостина**, и выставил **40-тысячную** рать под **Коломной**, **Серпуховым** и **Калугой**. В начале августа 1572 г. русская армия в ходе трехдневного кровопролитного сражения у села **Молоди** нанесла сокрушительное поражение крымской орде и обратила татар в постыдное бегство: «и воеводы на үтрее үзнали, что царь крымской повежал и на тех остальных тотар пришли всеми людьми и тех тотар провили человек с тысячу, а иные многие тотаровя перетонүли, а инья үшли за Оқу».

Победа при **Молоди** убедила грозного царя в бессмысленности и опасности дальнейшего раскола страны, и в **сентябре 1572 г.** **Опричнина** была отменена. Однако справедливости ради следует сказать, что эту точку зрения разделяют далеко не все историки. Одни авторы (**С. Платонов**, **П. Садиков**, **Д. Альшиц**) утверждали, что **Опричнина** просуществовала до самой смерти **Ивана Грозного**. А их оппоненты (**Р. Скрынников**, **В. Кобрин**, **А. Зимин**, **В. Корецкий**, **Я. Лурье**) полагают, что это не совсем так, поскольку «вторая редакция» **Опричнины** была издана только в **1575 г.**, но в гораздо более мягкой форме, нежели первая.

В **1575 г.** произошло очередное загадочное событие: **Иван Грозный** добровольно отказался от престола и назначил Великим московским князем крещеного касимовского царевича **Симеона Бекбулатовича**. Этот политический спектакль продолжался всего несколько месяцев, но его причины до сих пор покрыты тайной и вызывают самые горячие споры у историков. Одни (**В. Корецкий**) считают, что эти события были связаны с попыткой **Ивана Грозного** завладеть польско-литовским престолом, который, после бегства из **Варшавы** французского «принца крови» **Генриха Валуа**, вновь оказался вакантным, как и пару лет назад. Другие (**А. Зимин**, **В. Кобрин**, **А. Станиславский**, **А. Юрганов**) связывают это событие с изданием «второй редакции» **Опричнины**, поскольку страна с этого момента вплоть до смерти **Ивана Грозного** вновь была поделена, но уже на **Земщину** и **Двор (Особый двор)**, в состав которого монарх впервые попытался ввести ряд лиц из среды провинциального дворянства, которые ранее просто не могли претендовать на столь высокий взлет в своей карьере в силу своего незнатного происхождения и должностного положения.

Что касается общих жертв опричных репрессий, то одни историки (**Р. Скрынников**, **И. Фроянов**), детально проанализировав синодики (поминальные списки) репрессированных, заявили, что непосредственно жертвами **Опричнины** стали примерно **4500 человек**, тогда как за одну **Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 г.** в **Париже** было уничтожено более **4000 гугенотов**. Однако их оппоненты из либерального лагеря (**В. Кобрин**, **А. Юрганов**), которые буквально смакуют вопрос о жертвах опричного террора и наслаждаются живописанием зверств опричных репрессий, считают эту цифру крайне заниженной и утверждают, что «писцовые книги», составленные вскоре после **Опричнины**, «создают впечатление, что страна испытала опустошительное вражеское нашествие». Хотя, при этом конкретное число жертв опричных репрессий они так и не называют.

б) Историография Опричнины

Вопрос о роли и значении **Опричнины** давно является предметом самых ожесточенных споров. Долгое время этот спор шел исключительно в моральной плоскости. Такой подход был характерен для многих русских историков, в том числе **В.Н. Татищева**, **М.М. Щербатова**, **Н.М. Карамзина**, **М.П. Погодина** и других. Пожалуй, впервые увидеть социальные корни **Опричнины** удалось академику **С.М. Соловьеву**, который осуждая зверства **Опричнины**, усмотрел в ней глубокий государственный смысл, поскольку именно она завершила переход от «родовых к государственному началу». Однако с этим выводом не согласился его ученик, академик **В.О. Ключевский**, который говорил о политической бесцельности **Опричнины** и утверждал, что **Иван Грозный**, не имея реальной возможности сокрушить существующий государственный строй, стал истреблять «отдельных подозрительных лиц», вследствие чего, «направленная против воображаемой крамолы, она подготовила действительную».

Совершенно иной взгляд на эту проблему предложил академик **С.Ф. Платонов**, который в своей знаменитой работе «**Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.**» (1899) создал принципиально новую концепцию **Опричнины**, которая не только дожила до наших дней, но и до сих пор тиражируется во всей учебной и научно-популярной литературе. Суть его концепции состояла в том, что **Опричнина** стала зримым проявлением борьбы прогрессивного дворянства с реакционной бояро-княжеской аристократией, которая являлась главным тормозом прогресса и политической централизации страны. В сталинскую эпоху эта концепция была поддержана не только многими историками, такими как **М.Н. Покровский**, **Ю.Р. Виппер**, **К.В. Базилевич** и **И.И. Смирнов**, но и освящена верховной властью в лице самого **И.В. Сталина**.

Вместе с тем, именно тогда против концепции **С.Ф. Платонова** выступил академик **С.Б. Веселовский**, который в своей работе «**Исследования по истории опричнины**», опубликованной только в 1963 г., пришел к следующим выводам: 1) в годы **Опричнины** царь порвал всяческие отношения не только бояро-княжеской аристократией, но и со всем старым **Государевым Двором**; 2) на одного убиенного боярина или члена **Государева Двора** приходилось убиенными три-четыре рядовых землевладельца и десяток крестьян, холопов и посадских людей; 3) опричные репрессии свелись к уничтожению конкретных лиц и не изменили общего порядка вещей.

В 1960-х гг. появилась еще одна концепция **Опричнины**, автором которой стал профессор **А.А. Зимин**, автор известной монографии «**Опричнина Ивана Грозного**» (1964). Как и академик **С.Б. Веселовский**, он считал, что **Опричнина** не носила антикняжеской и антибоярской направленности, но в отличие от старшего коллеги, полагал, что «основной смысл опричных преобразований сводился к завершающему удару по последним оплотам удельной системы», а именно **Старицкому уделу**, **Новгороду** и **Русской Православной Церкви**.

Позднее, в 1960–1980-х гг., эту концепцию профессора **А.А. Зимина** активно поддержал его ученик, профессор **В.Б. Кобрин**, который в своих известных работах «**Социальный состав опричного двора**» (1960), «**Власть и собственность Средневековой России**» (1985) и «**Иван Грозный**» (1989) заявил:

1) У истоков опричнины стояли не худородные провинциальные дворяне, а отпрыски знатнейших княжеских и боярских родов **В.М. Захарьин-Юрьев**, **А.Д. Бас-**

манов, М.Т. Черкасский, А.И. Вяземский и другие, поэтому она не могла носить и не носила антиаристократического характера.

2) Бояро-княжеская аристократия, как и весь класс служилых землевладельцев, была кровно заинтересована в дальнейшей централизации государства, поскольку это отвечало ее землевладельческим интересам, поэтому борьба дворянства и аристократии это исторический миф.

3) Опричнина не изменила структуры феодального землевладения, поскольку крупное княжеское и боярское землевладение сохранилось практически в неизменном виде. Частично изменился лишь персональный состав землевладельцев. Таким образом, профессор В.Б. Кобрин подтвердил основной вывод своего учителя, что главной целью Опричнины стало уничтожение пережитков удельной системы в лице Старицкого удела, Новгорода и РПЦ.

Еще один взгляд на причины введения и итоги Опричнины предложил профессор Д.Н. Альшиц, который в своей работе «Начало самодержавия в России» (1988) утверждал, что основной смысл и предназначение Опричнины заключался в том, что она положила начало русскому самодержавию. Опричный террор нельзя сводить только к столкновению монархии с аристократией, поскольку ограничить власть монарха-самодержца стремились и знать, и дворянство, и верхи посада, и церковь. Именно опасность объединения всех этих политических сил и вынудила царя прибегнуть к террору в форме Опричнины. Кроме того, Д.Н. Альшиц утверждал, что нет оснований называть мифом борьбу боярства и дворянства, поскольку эта борьба была исторической реальностью, но шла она не «за» и «против» централизации, а за то, какой быть этой централизации, за то, кто и как будет управлять Русским централизованным государством.

Довольно оригинальный взгляд на Опричнину высказал известный специалист по эпохе Ивана Грозного профессор С.О. Шмидт, который в своей работе «У истоков Российского абсолютизма» (1996) утверждал, что Опричнина, во всяком случае, первоначально, была направлена против «верхушки недавно возвысившегося дьячества», т.е. против существующей системы центрального управления, которая была создана самим Иваном Грозным. Таким образом, «излишняя централизация» и стала главной причиной ее введения.

Одним из самых авторитетных исследователей Опричнины был известный ленинградский историк профессор Р.Г. Скрынников, который посвятил этой эпохе несколько крупных работ: «Начало опричнины» (1966), «Опричный террор» (1969) и «Царство террора» (1993). Основные положения его концепции, которую мы в целом разделяем, состоят в следующем:

1) Опричнина неоднократно меняла свою направленность и в своем развитии прошла несколько этапов. Опричнину образца 1565 г. он характеризует как антикняжеское мероприятие. Следующий год стал годом «оттепели» и робких надежд на примирение с аристократией, но мощное выступление политической оппозиции в лице старомосковского боярства и Государева Двора на Земском Соборе 1566 г. развеяли эти радужные иллюзии. Именно после этого конфликта с влиятельными политическими силами Иван Грозный перешел к необузданному террору ради террора, когда страх за личную жизнь и безопасность превратил террор не в орудие политики, а в самоцель.

2) Ни царь, ни его опричная Боярская Дума никогда не выступали последовательными противниками удельной системы. Более того, Иван Грозный создал

Опричнину по образу и подобию княжеского удела и, судя по его «**Духовной грамоте**», намеревался возродить удельные порядки в стране.

3) Борьба боярства и дворянства в годы **Опричнины** не имела существенного значения, и куда большее значение имела коренная трансформация бояро-княжеской аристократии в дворянско-служилое сословие. Эта трансформация была связана с развитием поместной системы и падением роли титулованной аристократии внутри **Государева Двора** и **Боярской Думы**.

Относительно недавно, изучением истории, а вернее предыстории, **Опричнины** занялся другой известный питерский историк профессор **И.Я. Фроянов**, который в своем фундаментальном труде «**Драма русской истории: на путях к Опричнине**» (2007), заявил, что ее истоки уходят своими корнями в эпоху **Ивана III**, когда католический Запад развязал идеологическую войну против России, забросив на русскую почву семена опаснейшей ереси «**жидовствующих**», подрывающей основы православной веры и зарождающегося самодержавия. Эта идеологическая война, продолжавшаяся почти целый век, создала в стране такую религиозно-политическую неустойчивость, которая начала угрожать самому существованию Русского государства и поэтому **Опричнина** стала своеобразной формой защиты от этой идеологической агрессии.

Наконец, совершенно оригинальный взгляд на природу **Опричнины** высказал другой ленинградский историк академик **А.М. Панченко**, который в своей последней работе «**О русской истории и культуре**» (2000) писал о том, что накануне ожидаемого конца света **Опричнина** стала репетицией «**Страшного Суда**» на земле.

5. Третий период и завершение Ливонской войны (1566–1583)

Как известно, в 1566 г. была предпринята попытка начала мирных переговоров между воюющими сторонами, но она закончилась безрезультатно и вялотекущие боевые действия были возобновлены. Между тем, в 1569 г. **Варшава** и **Вильно** подписали межгосударственную **Люблинскую унию**, в результате чего на политической карте Европы появилось новое государственное образование — **Речь Посполитая**, главой которого был избран прежний польский король **Сигизмунд II Август**, который скончался в 1572 г.

Со смертью старого короля пресеклась и сама династия **Ягеллонов**, поэтому вскоре на вакантный престол в **Варшаве** был избран французский «принц крови» **Генрих Валуа (1573–1575)**. Правда, всего через год, познав все прелести «республиканского» правления польских магнатов и шляхты, он сломя голову бежал из **Варшавы** в **Париж**, а на польский престол был избран новый король, которым стал трансильванский князь **Стефан Батория (1575–1586)**.

Пока **С. Батория** был занят подавлением мятежа недовольных его избранием польских магнатов и шляхты, русская армия под водительством князей **В.Ю. Голицына** и **Д.И. Хворостина** вновь захватила практически всю **Ливонию** и начала осаду **Ревеля** и **Риги**. Однако вскоре радость побед сменилась горечью тяжелых поражений. Справившись с внутренней смутой, **Стефан Батория** резко активизировал боевые действия по всему фронту и к 1580 г. отвоевал у **Москвы** всю **Ливонию**, занял **Полоцк**, **Великие Луки** и в 1581 г. осадил **Псков**, где героическую оборону крепости возглавил здешний воевода князь **И.П. Шуйский**. Одновременно боевые

действие в Прибалтике начали и шведы, которые приступив к реализации «великой восточной программы» **Юхана III (1568–1592)**, захватили **Карелу, Нарву, Копорье и Ивангород**. Ситуация на ливонском фронте сложилась критическая и **Москва** вынуждена была начать мирные переговоры. В **январе 1582 г.** было заключено **Ям-Запольское перемирие** с Речью Посполитой, а в **мае 1583 г.** подписано **Плюсское перемирие** со Швецией. В итоге кровопролитная **Ливонская война** закончилась тяжелым поражением России, которая отдала неприятелю не только все свои завоевания в Прибалтике, но и исконные русские земли — **Ям, Копорье, Ивангород** и другие города.

6. Начало освоения Дикого поля (Новороссии) (1550–1590-е гг.)

Сразу после присоединения **Казанского и Астраханского ханств** на границах **Дикого Поля**, находившегося между Русским государством, Крымским ханством и Речью Посполитой, в **1550-х гг.** началось строительство **Большой засечной черты**, предназначенной для защиты рубежей Русского государства от постоянных набегов крымских и ногайских татар. Царское правительство, кровно заинтересованное в притоке новых поселенцев, способных нести государеву пограничную службу, сознательно поощряло заселение этих, давно запустевших земель новыми переселенцами, для чего освобождало их от уплаты всех государственных податей и позволяло им беспощадно заниматься винокурением и соляным промыслом. Кроме того, всем поселенцам **Слободской Украины** разрешалось на правах заимки безвозмездно владеть определенным количеством земли и самим формировать и избирать органы местного самоуправления.

Затем, в **конце XVI в.**, царское правительство начало строительство новой **Белгородской засечной черты**, куда хлынул новый поток как русских поселенцев, основавших **Белгород, Чугуев, Царёв-Борисов, Русскую Лозовую и Русские Тишки**, так и малороссийских поселенцев из **Русского, Киевского и Брацлавского воеводств**, входивших в состав Речи Посполитой. Основную массу этих поселенцев составляли запорожские казаки, великорусские и малороссийские селяне и православное духовенство, но встречались среди них и представители малороссийской православной шляхты, которые вместе с донскими казаками не только стерегли рубежи Русского государства, но и активно осваивали земли будущей **Новороссии**.

Официальной датой основания **Донского казачьего войска** считается **3 января 1570 г.** Однако, как установили многие историки (**А. Разин, А. Пронштейн, Н. Миненков**), безусловно, это войско возникло значительно раньше, поскольку еще сам Великий московский князь **Иван III** знал об особой моде пограничных рязанцев «пойти самодурью на **Дон** в молодечество за зипунами», то есть военной добычей. Кроме того, достоверно известно, что отряды донских казаков под началом атаманов **Сусара Федорова** и **Ляпуна Филимонова** принимали активное участие в осаде и взятии **Казани (1552)** и **Астрахани (1556)**, за что **Иван Грозный** и пожаловал донским казакам первую царскую грамоту «на вечное владение **Донем** и всеми его притоками». К концу **XVI в.** берега **Дона** покрылись казачьими городками и станицами от реки **Акса** до села **Коротояк**. Множество казачьих станиц было основано также на **Северском Донце** и в вдоль реки **Айдар**. Так, согласно «**Книге Большого Чертежу**», составленной в начале **XVII в.**, тогдашняя граница с Крымским

ханством проходила по **Шабалинскому** перевозу, рекам **Бахмутовка**, **Лугань**, **Каменка** и **Лихая**, впадавших в **Северский Донец**, а далее шла по **Татарскому** перевозу, вплоть до границ с **Ногайской Ордой**. Именно здесь и возникли первые казачьи станицы и городки, в частности **Сухаревский**, **Красненский**, **Боровской**, **Трехизбенский**, **Луганский**, **Айдаровский**, **Теплинский**, **Митякин**, **Гундуrow** и другие.

В **1584 г.** донские казаки впервые присягнули на верность царю **Федору Иоанновичу** и были включены в «**государев разряд**», результате чего **Разрядный Приказ**, которым в ту пору ведал думный дьяк **Василий Яковлевич Щелкалов**, поставил их на «**пороховое и хлевное жалование от Великого Государя**».

7. Присоединение Сибири (1580–1590-е гг.)

Еще в **1555 г.**, под влиянием известий о взятии **Казани**, сибирский хан **Едигер** добровольно признал себя вассалом **Москвы** и обязался платить русскому царю **ясак** в виде драгоценной сибирской «**рухляды**», то есть пушнины. Но в **1563 г.** в **Кашлыке** произошел дворцовый переворот, в результате которого к власти пришел хан **Кучум** и его брат **Бекбулат**. На первых порах **Кучум** не отказывался от русского подданства и исправно платил **ясак** в **Москву**. Но в **1571 г.**, справившись с внутренней смутой, **Кучум** прекратил дипломатическую игру в покорность **Москве** и совершил несколько опустошительных набегов на уральские земли, в том числе богатейшие вотчины купцов **Строгановых**, которые пользовались особым расположением **Ивана Грозного**. Особым царским указом им было дозволено набрать «охочих людей» для охраны своих вотчин и восточных рубежей Русского государства от набегов ногайцев и сибирских татар. На призыв **Строгановых** откликнулись несколько волжских атаманов, в частности **Ермак Тимофеев**, **Иван Кольцо** и **Матвей Мешеряк**, которые вскоре прибыли на **Северный Урал**. Летом **1580 г.** строгановские вотчины пережили новый опустошительный набег отрядов **Кучума**. Именно этот набег и стал прелюдией знаменитого **похода Ермака в Сибирь**.

В отечественной исторической науке до сих пор продолжается спор по нескольким ключевым проблемам:

а) Кто конкретно стоял за походом **Ермака** в Сибирь. Ряд историков (**Г. Миллер**, **А. Преображенский**) говорят о решающей роли царского правительства и лично **Ивана Грозного** в организации этого похода. А их оппоненты (**А. Введенский**, **Р. Скрынников**) утверждают, что решающая роль в присоединении Западной Сибири принадлежала купцам **Строгановым**.

б) Какова была численность «армии» **Ермака**. Разные летописные своды приводят совершенно разные данные на сей счет, от **540** до **5000 казаков** и «охочих людей». Но большинство историков считают, что последняя цифра грешит явным преувеличением и, вероятнее всего, под знаменами **Ермака** собралось не более **600–1000 казаков** и «охочих людей».

в) Каковы хронологические рамки этого похода. В исторической науке начальной датой похода **Ермака** в Сибирь называют сразу четыре года — **1579**, **1580**, **1581** и **1582**, а конечной датой этого похода **1584** и **1585** годы. После долгих и продолжительных споров историки все же пришли к относительно единому взгляду на данную проблему и датируют поход **Ермака** в Сибирь **сентябрем 1581 — августом 1584 гг.**

В сентябре 1581 г. по указанию Москвы несколько сот казаков под водительством атамана Ермака вышли в поход против сибирского хана Кучума, подданные которого постоянно грабили и разоряли восточные рубежи Русского государства. В октябре 1581 г. Ермак разбил основные силы сибирских татар у Тобола и Ишима и торжественно вступил в столицу Сибирского ханства город Кашлык. Затем, в 1582—1583 гг., отряды Ермака взяли под контроль все северное течение Иртыша, а после вышли к Оби и захватили столицу остяков город Назым. В марте 1583 г. на помощь Ермаку прибыло стрелецкое войско во главе с князем С.Д. Болховским, однако вскоре в Кашлыке начались цинга и голод, которые отправили на тот свет добрую половину русского войска и казаков. В этой ситуации Ермак не рискнул покидать Кашлык и в течение нескольких месяцев держал его оборону от татар. В июне 1584 г. казаки совершили удачную вылазку и наголову разгромили осаждавших их татар, а затем Ермак с небольшим отрядом казаков и стрельцов вышел на поиски купеческого каравана, но не нашел его и на обратном пути в августе 1584 г. татары напали на спящих ратников и перебили их. Сам Ермак, спасаясь от верной гибели, попытался переплыть Иртыш, но под тяжестью собственных доспехов утонул в могучей реке.

После гибели Ермака остатки его дружины и московские стрельцы покинули Кашлык. Однако борьба за этот край вскоре возобновилась и окончилась полным поражением Кучума. В 1586 г. здесь была поставлена первая крепостица Тюмень, в 1587 г. основан целый город Тобольск, а в 1591 г. князь М.И. Кольцов-Мосальский окончательно разгромил последнего сибирского «хана» Сейд-Ахмеда и де-факто завершил присоединение огромной территории Западной Сибири к Русскому государству. Хотя, надо сказать, ряд современных авторов (Х. Атласи, Д. Исхаков) считают, что хан Кучум так и не признал этого факта и откочевал на юг своих владений, где оказывал активное сопротивление русским отрядам вплоть до апреля 1598 г., пока не был разбит тарским воеводой Андреем Воейковым на берегу реки Обь и откочевал в Ногайскую Орду.

8. Проблема закрепощения крестьянства

В отечественной исторической науке проблема закрепощения крестьян до сих пор является одной из наиболее спорных. Еще в позапрошлом веке сложилось два основных направления в оценке этой проблемы — «указники» и «безуказники». «Указники», прежде всего, родоначальники и активные сторонники теории «закрепощения сословий» (С. Соловьев, Б. Чичерин, К. Кавелин, Н. Костомаров), утверждали, что закрепощение крестьянства стало логическим продолжением политики закрепощения сословий, в результате которой государство в 1581 г. издало специальный законодательный акт, запретивший крестьянские переходы от феодала к феодалу в Юрьев день по всей территории страны на вечные времена. В советской исторической науке это направление стало главенствующим, хотя само содержание теории «закрепощения сословий», естественно, было выхолощено и акцент намеренно стал делаться только на закрепощении крестьян феодальным государством.

«Безуказники» (М. Погодин, В. Ключевский, П. Милоков) считали, что никакого законодательного акта о закрепощении крестьян государством издано не было

и крепостничество возникло естественным путем, через долговую зависимость крестьян своим феодалам, то есть институт кабального холопства.

В советской исторической науке эта проблема изучалась в принципиально ином плане и спор до сих пор идет вокруг двух ключевых проблем:

1) Когда и как произошло закрепощение крестьянства.

Академик **Б.Д. Греков**, автор знаменитой монографии «**Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века**» (1952–1954), утверждал, что в 1581 г. был издан специальный царский Указ «**О заповедных летах**», который наложил «**заповедь**» (запрет) на все крестьянские переходы в **Юрьев день**, то есть раз и навсегда закрепостил крестьян на всей территории страны, что и стало юридической основой режима крепостного права в Русском государстве. До недавнего времени именно эта точка зрения, которую тогда поддерживали многие историки, в том числе академики **С.В. Бахрушин** и **С.Б. Веселовский**, господствовала в исторической науке и была представлена во всей учебной литературе.

Однако спустя два десятка лет данная проблема вновь оказалась в центре внимания историков. В частности, профессор **В.И. Корецкий**, автор известной монографии «**Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России**» (1975), полагал, что действительно в 1581/1582 г. вышел царский Указ «**О заповедных летах**», который запретил крестьянские переходы в **Юрьев день**, но он носил временный характер и действовал только в новгородских пятинах (уездах), наиболее пострадавших в годы **Ливонской войны** и **Опричнины**. Затем, в 1592 г. вышел новый царский указ, который окончательно запретил крестьянские переходы по всей территории страны. Сам Указ 1592 г. так и не был найден в архивах, но его можно косвенно восстановить по Указам 1597 и 1607 гг., которые устанавливали **5-ти летний** и **15-ти летний** сыск беглых крестьян и холопов. Вместе с тем, другой известный историк, профессор **Р.Г. Скрынников**, в своей работе «**Россия накануне смутного времени**» (1985) высказал предположение, что фактическое закрепощение крестьян произошло в результате издания царского Указа «**Об урочных летах**» 1597 г., в котором помещикам было предоставлено право поиска и возвращения беглых крестьян и холопов в течение пяти «**урочных лет**».

2) Роль барщины в закрепощении крестьян.

По данной проблеме существует две основных точки зрения. Одни историки (**Б. Греков**, **В. Корецкий**, **Р. Скрынников**, **А. Копанев**, **Ю. Тихонов**), вслед за **К. Марксом**, утверждали, что закрепощению крестьян предшествовало широкое распространение такой тяжелой формы феодальной эксплуатации, как **барщина**. Причем, профессор **Р.Г. Скрынников** всячески убеждал, что развитие крепостного права в России шло параллельно и в прямой связи с превращением государственной (поместной) земельной собственности в господствующую форму собственности Средневековой Руси. Однако их не менее известные оппоненты (**Г. Абрамович**, **Л. Данилова**, **А. Шапиро**, **С. Каштанов**, **В. Назаров**), напротив, полагали, что именно само закрепощение крестьян дало мощный толчок развитию барщины. Причем, сама крепостная система выросла не столько из помещичьей барщины, сколько из: а) процесса усиления феодальной эксплуатации со стороны самого государства и б) общего роста всех феодальных повинностей, то есть продуктовой, отработочной и денежной рент.

Тема: РУССКАЯ КУЛЬТУРА КОНЦА XV–XVI ВВ.

План:

1. Устное народное творчество.
2. Грамотность и письменность.
3. Научные знания.
4. Начало книгопечатания.
5. Летописание и исторические знания.
6. Общественно-политическая мысль.
7. Развитие архитектуры.
8. Развитие живописи.

1. Устное народное творчество

Вероятнее всего, в середине — второй половине XVI в. начинает складываться целый цикл устных народных сказаний и исторических песен, связанных с успешной политикой по укреплению единого Русского государства и многогранной, но крайне противоречивой государственной деятельностью царя **Ивана Грозного**. Наиболее яркими произведениями устного народного творчества этого периода стали «Сказка о Барме Ярыжке — простом человеке», «Песня о русских пушкарях», «Песня о Кострюке», «Песня о гневе Ивана Грозного на сына», «Песня об Иване Грозном и разбойниках», «Песня о встрече казаков с Иваном Грозным» и «Песня о плаче над гробом Ивана Грозного», в которых зримо проявилась идеализация образа **Ивана Грозного** и наивная вера русского народа в доброго и справедливого царя. При этом надо отметить, что, по мнению ряда авторов (**А. Сахаров**, **А. Муравьев**), именно в XVI в. социальная тематика становится отличительной чертой всего устного народного творчества и, прежде всего, исторических песен и былин. В этом отношении особо характерна знаменитая былина «О Вавиле и скоморохах».

В этот же период естественный отклик в устном народном творчестве нашла и тема борьбы русского народа с татарскими ханствами, возникшими на обломках Золотой Орды. В этой связи подверглись значительной переработке многие былины **Киевского цикла**, в которых воедино слилась героическая борьба далеких предков с половецкими и татарскими ханами. В частности, в «Сказании о киевских богатырях» на смену **Калину-царю** приходит хан **Мамай**, а любимые персонажи древнерусских былин — **Илья Муромец**, **Добрыня Никитич** и **Алеша Попович** вместе с дворянином **Алексеем Залешаниным** «воронят» родную землю от постоянных набегов казанских, ногайских и крымских татар.

В это же время возникает огромное количество разнообразных исторических песен, посвященных взятию **Казани**, походам **Ермака Тимофеевича** в **Сибирь**, героической обороне **Пскова** против войск **Стефана Батория** и т.д. Причем, интересно отметить тот занимательный факт, что последняя песня тоже была посвящена борьбе русского народа против татар, поскольку в народном сознании главными врагами были татарские ханства, откуда постоянно совершались опустошительные набеги на пограничные русские земли.

2. Грамотность и письменность

В условиях образования единого Русского государства, потребность в грамотных и знающих людях значительно возросла. Это было связано как с развитием феодального хозяйства, городского ремесла и торговли, так и особенно с развитием аппарата центральной и местной государственной власти, активным развитием международных отношений и укреплением влияния Русской Православной Церкви в обществе и государстве.

В частности, центральное правительство проявляло особую заботу о подготовке кадров для местных губных учреждений, а руководство Русской Православной Церкви — о подготовке кадров священнослужителей. Именно с этой целью на **Стоглавом Соборе в 1551 г.** было принято решение об «учинении» в домах священников, дьяконов и дьячков начальных училищ. В этих «домашних» школах обучали грамоте, чтению, письму, сложению и вычитанию. Первоначально в качестве учебных пособий выступали богослужебные книги. А затем, во **второй половине XVI в.**, появились первые учебные пособия, в частности «**Беседа об учении грамоте, что есть грамота и ея строение, и чего ради составлено таково учение, и что от нея приобретение, и что прежде всего учиться подобает**», «**Сказание грамотичным степенем, до колика степеней азбучный слог доходит**», «**Книга рекома по-гречески Арифметика, а по-немецки Алгоризма, а по-русски цифирная счетная мудрость**» и другие.

Рукописных книг в XVI в. стало значительно больше, но они по-прежнему были большой редкостью и ценностью. Достаточно сказать, что часто книга являлась вкладом состоятельных людей в монастырь и даже военным трофеем. Именно таким путем во время **Ливонской войны (1558—1583)** из Литвы на Русь попали многочисленные сборники, содержащие разнообразные сведения о природе — так называемые «**Шестодневы**».

Широкое распространение письменности постепенно привело к вытеснению пергамента. Теперь основным материалом для письма стала бумага, которую привозили из Италии, Франции, Германских государств и Польши. Каждый сорт бумаги имел специальный водяной знак, который прямо указывал на ее происхождение. Например, для французской бумаги было характерно изображение различных фамильных и городских гербов, а для немецкой — изображение вепрей, орлов, быков и т.д. В **середине XVI в.** была предпринята попытка завести бумажное дело в России. С этой целью на реке **Уча** под **Москвой** даже построили бумажную мельницу, однако просуществовала она недолго и через пару лет была разобрана.

Рукописные тексты обычно представляли собой либо отдельные листы, либо свитки, либо тетради, либо целые книги, которые сшивались из нескольких тетрадей. Вместе с тем в государственном делопроизводстве широкое распространение получили так называемые «**столбцы**». Текст на таком «столбце» писался только с одной стороны и чтобы исключить изъятие или подмену листов «столбца» писцы, как правило, **подьячие**, на местах склеек (составов) ставили свои подписи-скрепы, а сами «столбцы» хранили в свернутом виде в специально сделанных для них ларях.

Книги, как и раньше, писали чернилами бурого цвета, технология производства которых осталась прежней. Однако именно в этот период особенно часто для украшения книг стали использовать золотую и серебряную краски, а также киноварь. Кроме того, книги стали обильно украшать различного рода миниатю-

рами и заставками. В середине XVI в. существенно изменилась техника и графика письма. Отныне **скоропись** полностью вытеснила **полуустав**, причем, не только в государственных канцеляриях, но и в монастырских кельях, где по-прежнему создавалось большинство светских и богослужебных книг. Тогда же появился новый стиль украшения рукописей в виде узорчатых рамок («клеим»), который получил название **«старогреческого орнамента»**.

3. Научные знания

В XVI в. зарождаются первые естественнонаучные представления о природе, давшие толчок дальнейшему развитию прикладной химии, математике, астрономии, минералогии, географии и геодезии, биологии и медицины. Однако отличительной чертой научного поиска того времени являлось теологическое восприятие мира. Именно этим обстоятельством и объясняется сохранение значительных псевдонаучных напластований во многих областях практических научных знаний: астрономия вполне мирно соседствовала с астрологией, химия с алхимией, а география с космографией. Тем не менее, успехи в освоении научных знаний были налицо.

Математика: в этой сфере научных знаний наши предки прекрасно знали, как вычислять площади квадрата, прямоугольника, треугольника, трапеции и параллелограмма, умели определять «евклидовскую» сферу, решать задачи равенства треугольников и вычислять сумму их углов, проектировать фортификационные сооружения и т.д. Все эти крайне важные для практического применения сведения содержались в различных источниках, в том числе в дошедшем до нас пособии **«О земном же верстании, как земля верстать»**.

Физика: в этой сфере научных знаний особый интерес был проявлен к механике, изучающей самые простые и наглядные физические явления, законы которой активно использовали при сооружении «высотных» культовых зданий и в практической баллистике, например, при применении мортир при осаде крепостей и городов.

Химия: с распространением огнестрельного оружия эта область научных знаний приобрела первостепенное практическое значение, поэтому **«мүроли зелейного дела»** отлично разбирались в вопросах производства, добычи и свойств селитры, горючей серы, древесного угля, смолы, конопляного масла, сернистой сурьмы, сулемы и других компонентов, необходимых для изготовления пороха, шумовых эффектов и удушающих газов. Кроме того, познания в области практической химии широко использовались при изготовлении чернил, туши, различных красителей и красок. Например, киноварь, которую раньше получали из растительного вещества «крутика», теперь стали получать путем соединения сульфида ртути с серой, и т.д.

География: в этой сфере научных знаний значительные успехи были достигнуты не только в описании различных территорий, но и в составлении географических и геодезических карт, которые на Руси традиционно называли «чертежами». Например, сохранились подлинные известия о существовании **«Дорожника»** или **«Указателя пути в Печеру, Юргу и к реке Оби»**, **«Карты Московии»**, составителем которой был московский посол в Риме **Дмитрий Герасимов (Митя Малый)**, беломорской лоции **«Плавание по Ледовитому морю»** и **«Чертежа земли по реке Солонице»**, древнейшей русской карты созданной в 1530 г.

Медицина и биология: в этой сфере научных знаний впечатляющие успехи были достигнуты в фармацевтике, где наряду с традиционными знахарскими средствами, основанными на применении различных лекарственных трав, стали использоваться последние достижения европейской медицины. В 1566 г. в **Москве** появляются первые европейские фармацевты — голландец **Арендт Клаузендт** и англичанин **Томас Корвер**, а в 1581 г. открывается первая аптека, создателем которой стал еще один англичанин **Джеймс Френч**, где помимо традиционных лекарственных снадобий стали создаваться лекарства из камфары, мускуса и ревеня. Наконец, в 1595 г. при царском дворе появляется собственный **Аптекарский приказ**, главой которого стал дьяк **Иван Карпов**.

4. Начало книгопечатания

Несмотря на значительный рост производства рукописных книг, они уже не могли полностью удовлетворить растущих потребностей государства и церкви, поэтому **Иван Грозный** обратился к митрополиту **Макарию** с предложением об организации в **Москве** **Печатного Двора**, и предстоятель Русской Православной Церкви, как гласит летопись, «зело возрадовался царьскому слову» и принял самое активное участие в организации печатного дела в стране.

В настоящее время благодаря известной статье академика **М.Н. Тихомирова** «Начало книгопечатания в России» (1959) достоверно установлено, что начальной датой русского книгопечатания является 1553 год, когда была создана первая печатная книга «**Триодь Постная**». Затем в течение десяти лет было напечатано еще восемь книг, которые, однако, как и первая, были анонимны, то есть в них отсутствовали сведения об авторстве, дате и месте издания.

Новый этап в развитии книгопечатания наступил в 1563 г., когда на средства царской казны в **Москве** была построена новая типография на **Никольской улице** близ **Кремля**, которую возглавили **Иван Федорович Московит (Иван Федоров)** и его ученик **Петр Тимофеевич Мстиславец**. По версии ряда историков (**Е. Немировский**), **Иван Федоров** в 1529–1532 гг. учился на богословском факультете **Краковского университета** и по возвращению в **Москву** вошел в ближайшее окружение митрополита **Макария**, по протекции которого вскоре получил должность диакона в храме **Николы Гостунского** в **Московском Кремле**. Именно в этом качестве он и занялся организацией печатного дела в России.

В марте 1564 г. из **Никольской типографии** вышла первая, точно датированная, русская печатная книга — «**Деяния двенадцати Апостолов**» или «**Апостол**». Затем, в 1565 г., в этой типографии была напечатана еще одна книга — «**Часословец**» или «**Часовник**», но на этом, вероятнее всего, просветительская деятельность первопечатника в **Москве** завершилась, поскольку других книг, созданных в **Никольской типографии**, до сих пор не обнаружено.

В 1568 г. **Иван Федоров** и **Петр Мстиславец** обосновались в городе **Заблудове** — родовом владении гетмана **А.А. Ходкевича**, где возобновили свою просветительскую деятельность. Причины их переезда в Литву до сих пор вызывают споры у историков. Большинство из них склоны объяснять это бегство из **Москвы** острым конфликтом первопечатников с новым митрополитом **Афанасием** и его ортодоксальным окружением. Однако академик **М.Н. Тихомиров** заявил, что их переезд

в Литву был согласован с самим **Иваном Грозным**, который был крайне заинтересован в усилении влияния Русской Православной Церкви на территории Литвы, которая давно стала полем битвы с римско-католической церковью.

В **Заблудове** первопечатники издали всего одну книгу — «**Учительское Евангелие**» (1569), а затем переехали во **Львов**, где основали новую типографию и издали ряд книг, в том числе «**Псалтырь с Часословцем**» (1570) и знаменитую «**Азбуку**» (1574). В 1578 г. они вновь «подались в бега» и осели в городе **Острог**, во владениях князя **К.К. Острожского**, где прожили около трех лет и издали еще несколько книг, в том числе «**Хронологию Андрея Рымши**» (1581) и «**Острожскую библию**» (1581). Последние два года своей жизни **Иван Федоров** вновь провел во **Львове**, где скончался в 1583 г. и был похоронен в **Онуфриевом монастыре**.

Несмотря на отъезд **Ивана Федорова** и **Петра Мстиславца** в Литву, традиции книгопечатания в **Москве** были продолжены, но судя по анализу шрифтов, уже в новой типографии, которую возглавили **Невежа Тимофеев** и **Никифор Тарасиев**. В 1568 г. здесь была напечатана еще одна церковная книга — «**Псалтырь**», однако в 1571 г. во время набега крымского хана **Девлет-Гирея** на **Москву** она сгорела.

В 1576 г. по указанию **Ивана Грозного** в его великокняжеском охотничьем селе — знаменитой **Александровой Слободе** была основана новая типография, руководителем которой стал либо **Невежа Тимофеев**, либо его сын **Андроник Тимофеев**. В этой типографии увидел свет новый «**Псалтырь**», опубликованный в 1577 г., но затем по не понятным причинам книгопечатание в стране вновь прекратилось, и только в 1597 г. в типографии **Андроника Тимофеева** был напечатан новый «**Апостол**».

5. Летописание и исторические знания

XVI в. стал важной вехой в развитии летописания, которое еще более зримо приобрело официальный характер, став, по выражению академика **Д.С. Лихачева**, «школой патриотизма и уважения к государственной власти». Причем, характерной особенностью московского летописания становится широкое использование в нем различных официальных документов, в частности разрядных записей и посольских книг, которые велись в центральных и местных правительственных канцеляриях, а также публицистических произведений, которые придавали ему особый колорит. Более того, по мнению профессора **С.О. Шмдта**, летописи времен **Ивана Грозного** являлись не только памятниками исторической мысли и русской публицистики, но и зачастую носили характер мемуаров их составителей, что явственно видно при анализе, например, **Постниковского** или **Пескаревского летописцев**. Кроме того, именно в это время в историю властно вторгается политическая легенда, которая нашла свое отражение во многих тогдашних сочинениях, особенно в «**Степенной книге**» и «**Сказании о князьях Владимирских**».

Одним из первых памятников официального московского летописания стала так называемая «**Воскресенская летопись**», созданная в 1545–1548 гг. Затем был составлен знаменитый «**Летописец начала царствования Великого князя Ивана Васильевича**», редактором которого был либо сам **Иван Грозный** (**Д. Альшиц**, **С. Шмидт**), либо глава правительства **А.Ф. Адашев** (**А. Зимин**, **Б. Клосс**). Причем, этот «**Летописец**», созданный в 1553–1558 гг., своей главной задачей считал не описание всей русской истории, а только рассказ о времени правления нового царя. Поэтому он

освещал лишь события **1533—1553 гг.**, и был посвящен обоснованию идей сильной самодержавной власти, что вытекало из особо красочного описания мрачных времен боярского правления в малолетство первого царя.

В **1550-х гг.**, при митрополите **Макарии**, была завершена работа над огромным историческим сводом — так называемой «**Никоновской**» или «**Патриаршей**» летописью, которая началась еще в **1526—1530 гг.** при митрополите **Данииле**. Эта «**Летопись**» представляла собой оригинальную компиляцию различных источников и только внешне сохраняла форму летописи, то есть погодной записи главных исторических событий. В действительности в тексте **Никоновской летописи** содержалось большое количество разнообразных повестей и исторических сказаний, которые были приурочены к определенным историческим событиям и датам. Характерно и то, что этот летописный свод соединил в себе события не только русской, но и византийской истории, почерпнутых из оригинальных византийских исторических источников, что, по мысли его авторов, должно было способствовать распространению теократической идеи «**Москва — третий Рим**». Примечателен и тот факт, что один из многочисленных списков **Никоновской летописи** составил знаменитый «**Лицевой летописный свод**» (**1568—1578**), который насчитывал несколько увесистых томов, украшенных тысячами красочных миниатюр.

Из кругов близких к митрополиту **Макарию** вышел целый ряд других исторических сочинений, направленных на прославление Русской Православной Церкви и самодержавной власти первого русского царя. Одним из самых известных трактатов этого цикла, редактором которого был сам митрополит, стал грандиозный свод житий святых «**Великие Четы-Минеи**», вышедший в двух редакциях в **1552—1554 гг.** Эта своеобразная церковная энциклопедия, предназначенная для ежедневного чтения, содержала колоссальное количество разнообразных церковных книг, наставлений и поучений, в частности «**Житий**» **Александра Невского**, **Саввы Сторожевского**, первого московского митрополита **Ионы** и т.д.

При активном участии митрополита **Макария** и самого **Ивана Грозного** была составлена и знаменитая «**Царственная книга**», которая представляла собой очень большой, богато иллюстрированный фолиант, посвященный истории борьбы царской власти с бояро-княжеской аристократией, ее крамолами и мятежами. Однако датировка этого произведения до сих пор является предметом давней дискуссии, поскольку одни авторы (**А. Зимин**, **Р. Скрынников**) датировали ее **1565—1568 гг.**, другие (**Н. Лихачев**) утверждали, что она была создана на рубеже **1570—1580-х гг.**, а третьи (**А. Пресняков**) вообще датировали ее **1603—1605 гг.**

В **1560-х гг.** была создана «новаторская» по форме изложения «**Книга степенного царского родословия**» или «**Степенная книга**», автором которой, вероятнее всего, был новый духовник царя и будущий митрополит **Афанасий**. В этой книге изложение событий велось уже не по годам, как в летописных сводах, а по «степеням» или «граням», поэтому весь исторический материал был сгруппирован по периодам правления Великих московских князей и митрополитов, что по замыслу автора книги дало возможность ярко показать основную ее идею — нерушимый союз великокняжеской власти с Русской Православной Церковью. Новый тип исторических сочинений зримо проявился и в «**Истории о Казанском ханстве**» или «**Казанском летописце**» (**1571—1575**), который был посвящен всего одному сюжету и должен был обосновать историческую неизбежность завоевания **Казанского**

ханства и подчеркнуть особые заслуги самого **Ивана Грозного** в решении старой «казанской проблемы».

Ярким произведением русской исторической литературы стала «**Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков**», посвященная одному из самых известных эпизодов **Ливонской войны** — героической обороне **Пскова** князем **И.П. Шуйским** и его воинством. А последней исторической повестью, написанной на исходе уходящего века, стала «**Повесть о царе Федоре Иоанновиче**», автором которой, вероятнее всего, был первый русский патриарх **Иов**.

Между тем, надо подчеркнуть, что исторические сочинения выходили не только из правительственных канцелярий и церковных кругов. Самим ярким памятником исторической мысли бояро-княжеской оппозиции стала знаменитая «**История о Великом князе Московском**», автором которой был князь **Андрей Михайлович Курбский**. Вопрос о ее датировке до сих пор не решен, поскольку сам текст этого трактата сохранился только в списках **середины XVII в.** Тем не менее, большинство историков считают, что свое произведение князь **А.М. Курбский** создавал между **1572—1581 гг.** Главным лейтмотивом этого трактата, в котором он всячески пытался оправдать свое постыдное бегство в Литву, стала знаменитая концепция «двух Иванов», то есть двух периодов правления **Ивана Грозного** — до и после **Избранной Рады**. Кроме того, ряд историков (**А. Зимин, Р. Скрынников, А. Филошкин**) приписывали **А.М. Курбскому** авторство других произведений — двух «**Житий Августина Блаженного**» и «**Сказания о Максиме Греке**», а также переводы книг известных европейских авторов: «**Источник знания**» **Иоанна Дамаскина**, «**Диалоги**» **Геннадия Схолария** и «**О силлогизме**» **Иоганна Спангенберга**.

6. Общественно-политическая мысль

XVI век часто называют веком русской публицистики, которая именно тогда начинает проникать и в летопись, и в «жития святых», и в деловую письменность, и в литературу, и даже в настенную живопись. Более того, тогда же четко обозначился и новый этап в развитии русской публицистики, в центре внимания которой оказались проблемы самодержавной власти, места и роли Русской Православной Церкви в жизни государства, положения самого государства в системе международных отношений и т.д.

В самом **начале XVI в.** возникли два выдающихся произведения русской публицистики — «**Послание о Мономаховом венце**», автором которого был **Спиридон-Савва**, и анонимное «**Сказание о князьях Владимирских**», которое в своей фактической основе базировалось на его «**Послании**». Именно эти сочинения стали основой официальной идеологии великокняжеской власти, поскольку основная их идея заключалась в том, чтобы собрать воедино ряд исторических преданий и легенд и, виртуозно объединив их в единую «логическую цепь», убедительно доказать знатность происхождения русского правящего дома, который вел свою родословную от знаменитого римского императора **Августа**.

Вместе с тем, это «**Послание**» имело своей целью подчеркнуть исконность самодержавного правления в России и право Великих московских князей на верховную власть, а так же обладание всеми исконно русскими землями, прежде всего, теми, которые входили в состав Польско-Литовского государства. Кроме того, по мнению

ряда авторов (**Р. Дмитриева, А. Кузьмин, А. Сахаров**), обращение к Древнему Риму как исходному пункту всей **династии Рюриковичей**, явилось своеобразным откликом русских публицистов на европейское **Возрождение**, в основе которого лежал повышенный интерес к античному миру. Основные идеи **«Послания» Спиридона-Саввы** послужили фактической основой для создания нового трактата **«Сказания о князьях Владимирских»**, которое было подвергнуто совсем незначительной редакторской обработке, чтобы придать легендарному материалу еще «большую документальность и историчность».

Тогда же, в **начале XVI в.**, в **Новгороде** была создана знаменитая **«Повесть о белом клобуке»**, которая впервые обозначила все содержание новой идеологической доктрины **«Москва — третий Рим»**. Основная мысль этого трактата состояла в том, что после падения **Рима и Константинополя**, именно **Москва** должна стать центром мирового христианства и оплотом вселенского православия, куда и должен быть перенесен патриарший престол. Однако светскую власть такая перспектива тогда вряд ли устраивала, особенно в условиях бесконечных и ожесточенных споров между иосифлянами и нестяжателями. Видимо, именно по этой причине патриаршество в России было учреждено только в **1589 г.**, то есть через полтора столетия после создания автокефальной Русской Православной Церкви и падения **Константинополя**.

Затем эта доктрина получила дальнейшее развитие в знаменитых **«Посланиях»** старца псковского **Елеазарова монастыря Филофея**, адресованных Великому князю **Василию III**, которому автор предлагал стать и главой Русской Православной Церкви. В исторической литературе существуют совершенно разные оценки этой знаменитой доктрины, созданной в **1510–1524 гг.** Одни историки (**А.М. Сахаров, Л. Гумилев**) считали, что мировоззренческая основа этой изоляционистской доктрины была глубоко консервативна и реакционна, поскольку в ней наиболее ярко воплотились враждебное отношение ко всему иноземному и проповедь религиозной нетерпимости. Однако их оппоненты (**А. Кузьмин, И. Фроянов**) отрицают данную трактовку и обращают внимание на то, что идеи **«Повести о белом клобуке»** и **«Посланий» Филофея** абсолютно противоположны по своей сути. Автор **«Повести»** выступает как сторонник полной автокефальности Русской Православной Церкви и учреждения патриаршего престола в **Москве**, а автор **«Посланий»** был активным сторонников укрепления не только самодержавных, но и теократических претензий великокняжеской власти.

Одним из крупных публицистов **первой половины XVI в.** был **Максим Грек (Михаил Триволис)**, который еще в **1502 г.** под влиянием проповедей знаменитого **Д. Савонаролы** стал монахом монастыря **Святого Марка во Флоренции**. Однако затем, разочаровавшись в католицизме, он перебрался в знаменитый **Афонский монастырь**, откуда в **1517 г.** по личному приглашению **Василия III** прибыл в Россию «для исправления» богослужебных книг и стал монахом кремлевского **Чудова монастыря**. Поскольку он происходил из знатного рода **Триволисов**, близкого к **Палеологам**, а значит и к самим **Рюриковичам**, то это сразу сблизило его с придворными кругами, где он быстро оказался в центре политической и церковной борьбы.

Многие историки (**Н. Казакова, Н. Силицына, М. Громов, В. Иванов**), изучавшие творчество **М. Грека**, пришли к выводу, что его перу принадлежит более **350 произведений**, среди которых особо следует отметить **«Сказание о житии и о чудесах в Святой Горе»**, **«Слово отвещательное об исправлении книг русских»**, **«Послание об**

устройстве афонских монастырей», «Послание о францисканцах и доминиканцах», «Беседу ума с душой», «Исповедания православной веры», «Слово душеполезное, зело внимающим ему», «Слово о покаянии», «Стязание о известном иноческом житие» и «Послание об Афонской горе». Во всех своих сочинениях, проповедуя идеи «нестяжания», он гневно осуждал ростовщичество монастырей и тяжкий несправедливый гнет, которому подвергались «поселяне» монастырских сел, а также укоренившуюся в них практику лишения свободы, конфискации имущества и земельных наделов за долги.

В плане чисто богословских проблем, он утверждал традиционную для русского православия идею о верховенстве евангельских заповедей над ветхозаветными. А в вопросах чисто политических, он выступал с позиций укрепления авторитета великокняжеской власти, осуждая, при этом, любые проявления произвола и «лихоимства» властей. Кроме того, он сурово осуждал злоупотребления великокняжеских наместников и волостелей, выступал за ликвидацию института кормлений и проведение губной реформы, основанной на выборности местных должностных лиц.

Одним из близких идейных друзей **Максима Грека** был окольный **Федор Иванович Карпов** — один из крупнейших русских дипломатов, который курировал в **Посольской избе** отношения с Крымским ханством. В свое время профессор **И.У. Будовниц** в своей известной работе «**Русская публицистика XVI в.**» (1947) справедливо отметил «уныние» боярских публицистов того времени и их пессимизм в отношении будущего России. Поэтому многие из них, в частности **В. Патрикев**, **Б. Беклемишев**, **Ф. Карпов** и **Г. Тушин**, искренне переживая за будущее страны, и оказались в лагере «нестяжателей». Большинство сочинений **Ф.И. Карпова** были уничтожены его идейными противниками, но все же ряд из них, в частности «**Послания**» **Максиму Греку**, **Николаю Немчину**, старцу **Филофею** и митрополиту **Даниилу**, сохранились. Во всех своих публицистических «**Посланиях**», не углубляясь в существо чисто богословских споров, но решительно возражал против ряда важнейших положений христианской догматики. В частности, он подверг резкой критике традиционный тезис церковников о «благодати долготерпения», которому противопоставил «правду», «закон» и «милость», которые должны быть положены в основу мирского общежития.

Выдающимся мыслителем первой половины XVI в. был духовник царя, протопоп **Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестр**, которые еще в 1550 г. написал «**Послание**» **Ивану Грозному**, где активно отстаивал идею о высокой ответственности царя перед богом и обществом, требующей устранения многих существующих бед и пороков, а именно ненависти, гордыни, лихоимства, насилия и т.д. Конкретную программу реформ **Сильвестр** не предлагал, однако, в этом «**Послании**» достаточно четко прозвучала мысль о том, что царская власть должна находиться под опекой Церкви и руководствоваться в своей повседневной деятельности ее установлениями. В таком понимании задач царской власти, **Сильвестр**, безусловно, смыкался со сторонниками иосифлянской доктрины. Однако, наряду с этим, ему не были чужды и основные элементы «нестяжательской» доктрины. Например, накануне знаменитого **Стоглавого Собора (1551)** именно **Сильвестр** открыто заявил о необходимости ограничения монастырского землевладения, что вполне соотносилось с настроениями самого царя и многих членов **Избранной Рады**, в первую очередь самого **А.Ф. Адашева**.

Сильвестром был написан (или отредактирован) знаменитый **«Домострой»** — своеобразная энциклопедия домашнего хозяйства и морально-этических норм **XVI века**. Это трактат представлял собой компилятивное произведение, соединившее в себе несколько литературных жанров, которое сохранилось в трех различных редакциях и сорока списках. Сам **«Домострой»** состоял из **3 частей** и **64 глав**: первая часть (**главы 1–15**) — **«Духовное строение»**, содержала различные религиозные наставления, вторая часть (**главы 16–29**) — **«Мирское строение»**, содержала наставления о семейных отношениях и воспитании детей и третья часть (**главы 30–63**) — **«Домовое строение»**, содержала наставления по ведению домашнего и дворового хозяйства. Обычно на **«Домострой»** ссылаются как на «классический» образец норм семейного права, построенного на всевластии главы семьи и беспрекословном подчинении ему всех домочадцев. Однако это не совсем так, поскольку женщине, а особенно вдове главы семейства, в **«Домострое»** отводилось не такое уж бесправное положение: она не только занималась воспитанием детей, но и играла заметную роль в управлении домашним и дворовым хозяйством.

Одним из наиболее значительных явлений русской общественной мысли **середины XVI в.** стали выступления **Ивана Семеновича Пересветова**. Раньше считалось, что **И.С. Пересветов** — это некий собирательный образ или даже псевдоним самого **Ивана Грозного**. Однако крупнейший знаток средневековой русской истории, профессор **А.А. Зимин** в своей известной работе **«И.С. Пересветов и его современники» (1958)** убедительно доказал, что он был реальным историческим персонажем.

И.С. Пересветов был выходцем из Литвы и долгое время в статусе ратного человека служил польскому, чешскому и венгерскому королям. Затем, в период боярской «смуты», примерно в **1538–1539 гг.**, он выехал в Россию и поступил на службу к Великому московскому князю. За время своей службы, внимательно изучив внутреннее положение России, он разработал широкомасштабную программу реформ и в **сентябре 1549 г.** подал **Ивану Грозному** свою челобитную, в которой содержались несколько проектов государственных преобразований. Эта челобитная, а также ряд произведений **И.С. Пересветова**, в частности **«Сказание о книгах»**, **«Сказание о Магомет-Салтане»** и **«Сказание о царе Константине»**, досконально изученные многими историками, дают детальное представление о его политических и общественных взглядах.

Главным пороком государства, обличению которого он посвятил многие страницы своих произведений, являлось засилье аристократии, ее произвол, несправедный суд и равнодушие к решению общегосударственных задач. Вместе с тем, надо подчеркнуть, что **И.С. Пересветов** никогда не выступал против самой аристократии, он лишь подчеркивал тот факт, что в настоящий момент положение человека во властных структурах определялось не его личными заслугами и способностью принести пользу интересам государства и общества, а его «породой» и службой его предков.

И.С. Пересветов выступал решительным сторонником централизованной дворянской монархии и настаивал на том, что на смену всевластия родовой аристократии, должна прийти сильная царская власть, опорой которой должны стать «воинники», т.е. служилые дворяне, составлявшие основу русской поместной конницы. Таким образом, **И.С. Пересветов** стал, пожалуй, первым идеологом и выразителем коренных интересов подавляющей массы нового служилого сосло-

вия — провинциального поместного дворянства. Для достижения указанной цели, он считал необходимым провести военную, финансовую и судебную реформы. Причем, центральное место в его программе преобразований отводилось именно военной реформе, которая должна была кардинальным образом перестроить всю структуру военной организации и стать главным инструментом утверждения самодержавной монархии в России.

В исторической литературе (**М. Алексеев**) иногда высказывалось мнение, что воззрения **И.С. Пересветова** в известной мере перекликались с европейским реформационно-гуманистическим течением. Однако, по мнению большинства авторов (**А. Зимин, В. Кобрин, А. Сахаров**), это не совсем так, ибо в своих произведениях он ни разу не затрагивал проблем религиозного мировоззрения и роли и значения Русской Православной Церкви в жизни общества и государства. Конечно, объективно взгляды **И.С. Пересветова** шли в разрез с официальной церковной доктриной, но той резкой критики официальной Церкви, которая содержалась в работах европейских реформаторов и «гуманистов», у него нет и в помине. Более того, как верно подметил профессор **А.Г. Кузьмин**, идеалом **И.С. Пересветова** являлась неограниченная монархия, т.е. «правда» соединенная не с «милостью», как у **Ф.И. Карпова**, а с «грозою». Именно этот идеал, по мнению профессора **А.Г. Кузьмина**, и нашел свое зримое воплощение в **Опричнине**.

Одним из самых ярких публицистов середины XVI века был **Ермолай-Еразм (Ермолай Прегрешный)**, который был выходцем из среды придворного духовенства, а посему во многом был сторонником иосифлянских теократических взглядов. Но при этом в его сочинениях совершенно четко проявился и резкий протест не только против стяжательства светских вельмож и феодалов, но и против стяжательства своих коллег по монашескому ремеслу. Перу **Ермолая-Еразма** принадлежит много различных сочинений, написанных по поручению митрополита **Макария**, который достаточно высоко ценил и ум, и литературный талант протопопа кремлевского собора **Спаса на Бору: «Моление к царю», «Книга о святой Троице», «Зрячая Пасхалия», «Поучение к своей душе»** и даже светские произведения **«Повесть о Петре и Февронии»** и **«Повесть о Василии Рязанском»**. Но самым известным его сочинением стала **«Благохотящим царем правительница и землемерие»**, в котором впервые была поднята проблема бедственного положения крестьян. В связи с этим обстоятельством ряд советских и современных историков (**И. Клибанов, А. Кузьмин**) причислили **Ермолая-Еразма** к числу первых крестьянских идеологов. Однако внимательный анализ его сочинений убеждает в том, что проблема бедственного положения крестьян интересовала автора лишь в той мере, в какой она отвечала интересам самих помещиков и государства в целом. Иными словами, он проводил прямую связь между благосостоянием крестьян и их владельцев, которые, как известно, составляли костяк поместной (дворянской) конницы.

По мнению многих историков, крупнейшим памятником общественной мысли того времени стала знаменитая переписка князя **А.М. Курбского** с **Иваном Грозным**. Надо сказать, что известный американский славист **Э. Кинан** в свое время высказал предположение, что автором этой «переписки», которая была создана в XVII в., был князь **С.И. Шаховской**. Однако детальный, в том числе и стилистический, анализ целого ряда **«Посланий»** **Ивана Грозного**, в том числе английской королеве **Елиза-**

вете I и шведскому королю Юхану III, проведенный многими учеными (А. Зимин, В.Б. Кобрин, Р.Г. Скрынников), убедительно доказал, что одним из авторов этой переписки был именно **Иван Грозный**.

Если суммировать общий смысл всех идей, высказанных князем **А.М. Курбским** в трех его «Посланиях» к царю, написанных в 1564, 1567 и 1579 гг., то можно выделить несколько главных постулатов мятежного князя:

1) Он решительно возражал против абсолютизации великокняжеской власти и был искренне убежден в том, что «помазанник божий» должен разделить бремя власти с наиболее видными и авторитетными представителями бояро-княжеской аристократии. Иными словами, политическим идеалом **А.М. Курбского** являлась сословная монархия польского типа, основанная на всевластии олигархических магнатских кланов.

2) Он решительно отстаивал традиционное вассальное право аристократов и всего «служилого сословия» на свободный отъезд от одного государя-сюзерена к другому, не расценивая само право этого отъезда как акт государственной измены.

3) Наконец, он был категорическим противником иосифлянской доктрины, которая всячески культивировала идею божественного происхождения монархической власти и изначальной непогрешимости царя.

Как известно, **Иван Грозный** ответил только на два первых послания мятежного князя, однако и они дают прекрасное представление о его политико-философских взглядах, суть которых состояла в следующем:

1) Наряду с конкретными обвинениями князей и бояр во всевозможных грехах и крамолах, царь особенно подробно разбирал вопрос о природе монархической власти, разрешая его с позиций иосифлянской доктрины. В частности, опираясь на «Послание» апостола Павла, **Иван Грозный** доказывал, что монархическая власть имеет божественное происхождение и поэтому только перед Богом и самим собой, царь несет ответственность за все свои деяния и поступки. А раз всякая власть от Бога, то любой власти надлежит повиноваться, не особо рассуждая, справедлива она или нет. Более того, **Иван Грозный** был убежден, что самодержавное правление само по себе представляет величайшее благо для подданных, поскольку исходит от «боговенчанного» царя.

2) Ссылаясь на многочисленные тексты «Священного писания» и «Степенную книгу», **Иван Грозный**, особо подчеркивая древность своего царского происхождения «от римского цезаря Августа», с гневом отвергал любые притязания бояро-княжеской аристократии на равную с ним, «помазанником божьим», власть.

3) Наконец, **Иван Грозный** решительно отвергает один из важнейших элементов классического феодального права свободного отъезда вассала от одного сюзерена к другому, противопоставляя этому праву тезис о том, что такой отъезд равносителен государственной измене.

В середине XVI века продолжилась борьба двух основных течений в Русской Православной Церкви — иосифлян и нестяжателей. Выдающимся памятником нестяжательской идеологии того времени стала «Беседа валаамских чудотворцев **Сергия и Германа**», возникшая в 1551 г. во время работы знаменитого Стоглавого Собора в Москве. Надо сказать, что вопрос о том, чьи социальные интересы отражала «Валаамская беседа» до сих пор не разрешен в исторической литературе.

Например, профессор **И.И. Смирнов** заявлял, что в центре внимания этой «Беседы» был крестьянский вопрос. Его оппонент профессор **Г.Н. Моисеева** говорила о том, что, защищая сильную самодержавную власть, автор «**Валаамской беседы**» выступает последовательным защитником интересов дворянства. А профессор **А.Г. Кузьмин** резонно полагал, что идеи нестяжательства не укладываются в рамки какого-либо социального слоя вообще, однако, некая симпатия к боярству, как высшему правящему слою государства, в этом сочинении все же очевидна. Более того, по мнению **А.Г. Кузьмина**, «**Валаамская беседа**» — это памятник русской публицистики с резко выраженной светской направленностью, в котором чисто церковные споры отодвинуты на второй план, а на первое место поставлены проблемы государственного устройства. По сути, анонимный автор «**Валаамской беседы**» разрабатывает целую систему альтернативной самодержавию организации государственной власти в стране. Суть этой альтернативы заключается в том, что «**Власть**» должна править вместе с «**Землей**», в лице постоянного **Земского Совета**, состоящего из представителей всех сословий, уездов и городов.

Одним из самых интересных представителей века русской публицистики был видный ученик **Нила Сорского**, игумен **Троице-Сергиева монастыря** **Артемий**, который под давлением иосифлян в **1553 г.** вынужден был покинуть свой престижный пост и ушел в заволжские скиты. Позднее он предстал перед церковным судом, был предан анафеме и сослан на поселение в **Соловецкий монастырь**, откуда через несколько лет бежал в Литву, где и закончил свой жизненный путь. Сохранилось более десятка «**Посланий**» **Артемия**, но рассчитанные на широкую аудиторию, они, очевидно, не вполне точно отражают его реальные взгляды. Анализируя идейные воззрения **Артемия**, необходимо обратить внимание на три основных постулата, которые содержатся в его «**Посланиях**»: 1) так же, как преподобный **Нил Сорский**, он решительно выступал против стяжательства Церкви и проповедовал идеи монашеского аскетизма; 2) демонстрировал критический подход к «**Священному писанию**», утверждая, что не все написанное в нем есть «**божественна сѣть**», и 3) резко критиковал официальную Церковь за нетерпимость к своим заблудшим «чадам» и за жестокие расправы над еретиками.

Еретические идеи **Артемия** оказали большое влияние на формирование взглядов ряда, еще более радикальных, мыслителей **середины XVI в.**, в частности **Матвея Семеновича Башкина** и **Феодосия Косого**, которые ударившись в настоящую ересь, выступали с отрицанием основных церковных догматов, не признавали троичность божества, видели в **Иисусе Христе** не бога, а простого человека, подвергали рациональной критике многие догматы «**Священного писания**» и сочинения **Святых отцов** Русской Православной Церкви. Кроме того, они вообще отвергали Церковь как общественный институт, существование которой противоречит самому христианскому вероучению.

В советской исторической науке (**А. Зимин, А. Сахаров, И. Клибанов**), особенно на волне хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь, всячески превозносили взгляды и идеи этих еретиков и утверждали, что они были чрезвычайно близки реформационным и гуманистическим взглядам всех передовых идеологов Средневековой Европы. Однако в настоящее время в исторической науке (**М. Веретинников, М. Дмитриев**) утвердился более здравый и критический взгляд на идейные воззрения **М. Башкина, Ф. Косого** и их последователей.

7. Развитие архитектуры

С конца XV века в развитии русского зодчества, как и в истории культуры вообще, обозначился новый этап, обусловленный крупными переменами, произошедшими в жизни русских земель.

Признаки нового подъема русского зодчества проявились: 1) в резком увеличении объемов строительства новых и, особенно, в интенсивном восстановлении старых построек, пришедших в неприглядное и ветхое состояние; 2) в образовании крупных строительных артелей под началом богатых бояр и купцов, выполнявших заказы по строительству и реставрации старых зданий, например, артелей бояр **В.Г. и И.В. Ховриных** и выдающегося русского зодчего **В.Д. Ермолина**; 3) в значительном расширении каменного строительства, когда наряду с традиционными храмовыми постройками, каменное зодчество все более интенсивно стало проникать в гражданскую архитектуру при возведении монастырских трапезных и палат бояро-княжеской аристократии, и 4) в характерном новшестве этого периода — широком использовании кирпича и терракоты, пришедших на смену традиционной белокаменной кладке.

При этом надо отметить, что после двух веков ордынского ига новое московское зодчество и формировавшаяся на его основе общерусская архитектурная школа, значительно отличались от изысканного и изящного владимирского зодчества XII–XIII вв. простотой своих форм и усилением внешней декоративности.

Уже в 1476 г. на территории **Троице-Сергиева монастыря** была возведена изумительная **церковь Сосшествия Святого Духа на апостолов** или **Духовская церковь**, в которой удивительным образом соединились основные элементы московской и псковской архитектурных школ. Те же элементы обеих архитектурных школ отчетливо просматриваются и в кафедральном **соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря на Белоозере**, построенного в 1490-х гг.

Формирование нового московского стиля было напрямую связано с перестройкой **Московского Кремля** и созданием нового городского ансамбля всей **Москвы**. Первоначальный ансамбль кремлевских построек, созданный при **Иване Калите (1325–1340)**, за полтора столетия сильно обветшал, поэтому с благословения митрополита **Филиппа Иван III (1462–1505)** принял решение начать грандиозную перестройку всего ансамбля **Московского Кремля**, который должен был зримо воплотить в себе могущество единого Русского государства.

В 1472 г. под руководством великокняжеского казначея **Владимира Григорьевича Ховрина** и московских зодчих **Ивана Кривцова** и **Ивана Мышкина** началось возведение **Успенского собора в Московском Кремле**. Однако в мае 1474 г., в результате подземного «треса», он неожиданно рухнул и тогда **Иван III** призвал на помощь псковских мастеров, однако те, осмотрев руины нового собора и уяснив причины этого падения, отказались от лестного предложения Великого князя.

Вскоре после этих событий государев посол **Семен Иванович Толбузин** получил от **Ивана III** наказ привезти из Италии толкового «мүроля» — мастера каменных дел, и уже в марте 1475 г. вместе с ним в **Москву** приехал знаменитый болонский инженер и архитектор **Аристотель Фиорованти**, которому и было поручено строительство нового **Успенского собора**. Обстоятельно ознакомившись с памятниками русского зодчества, возведенных в **Ярославле, Владимире, Великом Устюге и Новгороде**, в августе 1475 г. он приступил к строительству **Собора Успения Богородицы**

в южной части **Кремля**, которое было успешно завершено в **1479 г.** Монументальный шестистолпный **Успенский собор**, сразу ставший главным храмом **Московского Кремля**, имел пять величавых шлемовидных глав, изящный аркатурный пояс по фасаду всего здания и пять апсид. Позднее, уже во времена **Василия III**, **Успенский собор** был расписан и стал усыпальницей всех московских митрополитов, а затем и патриархов **РПЦ**, начиная с первого митрополита **Петра (1326)** и кончая патриархом **Адрианом (1700)**.

Вскоре из **Италии** приехали и другие знатные мастера — **Пьетро Антонио Солари**, **Антон Фрязин** и **Марко Руффо**. В **1485 г.** под руководством **Антон Фрязина** началась перестройка южной крепостной стены **Кремля**, выходившей к **Москва-реке** и за два года русские мастеровые люди возвели **Тайницкую**, **Первую** и **Вторую Безымянные башни**. Затем, в **1487 г.**, **Марко Руффо** начал строительство **Беклемишевской башни**, а в **1488 г.** **Антон Фрязин** построил **Свибловскую (Водовоздную) башню** и закончил строительство всей южной части крепостной стены.

В **1490 г.** **Пьетро Солари** поставил **Боровицкую** и **Константино-Еленинскую башни**, а также соединил **Свибловскую** и **Боровицкую башни** зубчатой кирпичной стеной. Затем, в **1491 г.**, под руководством **Марко Руффо** началось строительство **Фроловской (Спасской)** и **Никольской башен**, обрамлявших **Красную площадь**, которая тогда называлась **Пожар**. А в **1492 г.** **Пьетро Солари** поставил круглую **Собакину (Арсенальную) башню** и возвел крепостные стены на северной стороне **Кремля**. После смерти **Пьетро Солари** его ученик **Алевиз Миланец** построил **Троицкую башню** и опоясал крепостной стеной все кремлевское пространство по реке **Неглинке**. Таким образом, к концу **XV в.** были построены все стены и башни современного **Московского Кремля**, хотя отдельные работы продолжались здесь вплоть до **1516 г.**

В этот же период окончательно сложилась и внутренняя планировка **Кремля**, в центре которого находилась **Соборная площадь** с монументальным **Успенским собором** и церковью **Иоанна Лествичника**, которая была возведена еще во времена **Ивана Калиты**. В **1485–1489 гг.** именно здесь, на месте обветшавшей и разобранный церкви **Благовещения (1397–1416)**, псковскими мастеровыми были построен трех, а затем семиглавый **Благовещенский собор**, ставший домовою церковью Великих московских князей и княгинь. Тогда же, в **1484–1486 гг.**, московские зодчие возвели рядом с **Успенским собором** одноглавую **Церковь Ризположения (1484–1486)**, ставшую официальной резиденцией и домовым двором митрополита Московского и Всея Руси. В **1487–1489 гг.** на той же **Соборной площади** **Марко Руффо** и **Пьетро Солари** возвели здание **Грановитой палаты**, которая стала составной частью великокняжеского дворца и была предназначена для торжественного приема иностранных послов и делегаций.

При **Василии III**, в **1505–1508 гг.** **Алевиз Новый** построил новую усыпальницу Великих московских князей — **Собор Михаила Архангела**, во внешнем облике которого особенно заметны многие выразительные элементы итальянского зодчества эпохи позднего **Возрождения**. Параллельно с его возведением на месте снесенной церкви **Ивана Лествичника**, началось строительство **Колокольни Ивана Великого**, которое затянулось почти на сто лет, и было завершено только при **Борисе Годунове** в **1600 г.** Тогда же на территории **Кремля** был построен новый ансамбль знаменитого **Чудова монастыря (1504–1507)**, который был уничтожен в годы советской власти.

После завершения строительства кремлевского ансамбля, началось грандиозное строительство новых оборонительных линий вокруг **Москвы**. В **1530–1534 гг.** под руководством итальянского зодчего **Петрока Малого** были возведены кирпичные стены и башни знаменитого **Китай-города**. А затем, в начале **1580-х гг.**, под руководством знаменитого русского зодчего **Федора Коня** были построены стены и башни **Белого города**, протяженностью более восьми километров. Наконец, в **1591–1592 гг.** под руководством все того же **Федора Коня** был возведен шестнадцати километровый деревянный **Скородом**, который опоясал весь московский посад.

В конце **XV–XVI вв.** началось строительство каменных оборонительных линий во многих русских городах. В **1492 г.** были построены стены и башни пограничного с **Ливонским Орденом Ивангорода**. На рубеже веков было завершено возведение башен и крепостных стен **Новгородского** и **Псковского кремлей**. В **1508–1511 гг.** под руководством **Петра Фрязина** был построен каменный кремль в **Нижнем Новгороде**, а несколько позднее аналогичные крепостные укрепления из красного кирпича были воздвигнуты в **Туле (1514–1521)**, **Коломне (1525–1531)**, **Зарайске (1531)**, **Серпухове (1556)** и других русских городах. Тогда же подверглись капитальной перестройки укрепления и многих знаменитых монастырей, в том числе **Троице-Сергиева**, **Пафнутия-Боровского**, **Симонова**, **Кирилло-Белозерского**, **Иосифо-Волоцкого** и **Соловецкого**. А своеобразным итогом развития русского крепостного зодчества этого периода стал знаменитый **Смоленский Кремль**, построенный в **1580-х гг.** под руководством все того же **Федора Коня**, который современники за изумительную красоту называли «ожерельем земли Русской».

Строительство культовых зданий в этот период развивалось, в основном, по двум направлениям: **1)** возведения монументальных храмов и **2)** создания небольших посадских, сельских и монастырских церквей. Причем, довольно значительное строительство небольших приходских храмов заставило русских зодчих и мастеров обратиться к новым техническим и художественным приемам. Поэтому, уж начиная с **1520-х гг.**, стали повсеместно возводиться бесстолпные с единым нерасчлененным пространством храмы, что достигалось за счет усовершенствования системы сводчатых перекрытий.

Другое направление в развитии культового зодчества возникло под влиянием строительства **Успенского** и **Архангельского соборов Московского Кремля**, которые отличались особой монументальностью и изысканным внешним декором. В подражание кремлевским соборам, в **первой половине XVI в.** были построены монументальные храмы во многих русских городах и монастырях, в частности в **Хутынском монастыре** под **Новгородом**, в **Лужицком монастыре** под **Можайском**, во **Владычнем монастыре** под **Серпуховом**, в **Ростове**, **Дмитрове**, **Тихвине** и других городах. Но, безусловно, настоящими шедеврами культового зодчества стали **Смоленский собор Новодевичьего монастыря (1524–1525)**, **Пятницкая** и **Введенская церкви Троице-Сергиева монастыря (1547)** и **Успенский (1552–1557)** и **Преображенский (1556–1566)** соборы **Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря**.

Характерным явлением в русском зодчестве всего **XVI века** стало развитие «вертикализма», начало которому положила **Колокольня Ивана Великого** в **Кремле**. Именно в таком «столпообразном» или «шатровом» стиле в **1520–1540-х гг.** было построено несколько десятков замечательных культовых зданий, в частности храм

Святого Георгия в Хутынском монастыре под Новгородом, церковь-колокольня Болдина монастыря под Дорогобужем, Георгиевская церковь в селе Коломенском под Москвой, церковь Иоанна Предтечи в селе Дьяково под Москвой, кафедральные храмы Покровского и Спасо-Евфимьево монастырей в Суздале и знаменитая церковь Преображения Господня в селе Острове под Москвой.

Новый период в развитии русского зодчества связан со строительством изумительного по своей органике и красоте храма Вознесения в селе Коломенском под Москвой в 1532 г., возведенного в честь рождения будущего царя **Ивана Грозного**. Этот величественный **58-ти метровый** храм, устремленный своим «шпилем» в небо, имел удивительную форму: верхний восьмигранный шатер покоился и органически сливался с четырехугольным зданием самого храма («восьмерик на четверике»). Но самым знаменитым шедевром русской шатровой архитектуры **XVI века** стал девятикупольный собор **Покрова на Рву**, более известный как **храм Василия Блаженного** или **Покровский собор (1555–1561)**, сооруженный в честь взятия **Казани**. Это величественное здание, воздвигнутое на «лбу» **Красной площади**, создавалось в течение шести лет под руководством замечательных русских зодчих **Бармы и Постника Яковлева**. Хотя, надо сказать, что вопрос об их авторстве и даже исторической достоверности этих выдающихся зодчих Средневековой Руси до сих пор является предметом давней научной дискуссии, что отчетливо видно при прочтении работы известного московского краеведа **Е.И. Осетрова «Мое открытие Москвы» (1987)**. Позднее, в **1596 г.**, к **Покровскому собору** был пристроен еще один предел, возведенный над погребением одного из самых почитаемых на Руси юродивых **Василия Блаженного**, после чего он и получил свое новое неофициальное название.

Надо сказать, что официальная Церковь крайне негативно относилась к постройкам, выполненным в шатровом стиле, и продолжала отстаивать традиции крестово-купольной архитектуры, образцом которой считался **Успенский собор Московского Кремля**. Именно в этом «византийском» стиле были построены кафедральный **Софийский собор Вологды (1568–1570)** и **Успенский собор Троице-Сергиева монастыря (1559–1585)**. Вместе с тем, именно во второй половине **XVI в.** большое распространение получили так называемые «комбинированные» храмы, в которых органично были соединены элементы крестово-купольной и шатровой архитектур. Таковыми храмами стали **Богоявленский собор Авраамиева монастыря в Ростове**, построенный **Андреем Малым** в **1550-х гг.**, **Троицкая (Преображенская) церковь** в селе **Вязёмы**, сооруженная в **1570-х гг.**, и **Рождественский собор Пафнутия-Боровского монастыря**, воздвигнутый в **1570–1580-х гг.**

8. Развитие живописного искусства

Новые политические реалии, сложившиеся в **конце XV–XVI вв.**, а именно значительное усиление власти Великого московского князя и Государя всея Руси и роли Русской Православной Церкви в политической и духовной жизни страны, привели к еще большему подчинению искусства официальной государственной идеологии. Эти явления в значительной мере определили и сам характер развития культовой живописи, которые наиболее ярко проявились в творчестве крупнейшего русского живописца **Дионисия (1440–1519)**, который был очень близок к правящим кругам Московского государства и, особенно, к **Иосифу Волоцкому**.

В начале своего пути **Дионисий «со товарищи»** расписывал фресками соборы **Московского Кремля**, однако вскоре он неожиданно покинул столицу и уехал в **Заволжье**, где создал изумительные по мастерству и красоте фрески **Рождественского собора Пафнутия-Боровского монастыря (1477–1479)** и **Успенского собора Иосифо-Волоколамского монастыря (1481–1486)**, которые считаются вершиной его гениального творчества. Затем в течение многих лет он работал в **Москве** и принимал активное участие в росписи **Успенского собора Московского Кремля (1514–1515)**.

Однако в наибольшей степени масштаб дарования этого великого художника проявился во фресковых росписях собора **Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря под Вологдой**, которые дошли до нас практически в первозданном виде. Все эти фрески, в частности **«Видение Петра Александрийского»** и **«Видение брата Леонтия»**, до сих пор поражают зрителей чрезвычайным богатством красок, особой изящностью фактуры, преувеличенной удлинённостью формы человеческого тела и т.д. Однако, как считают многие искусствоведы, в отличие от **Андрея Рублева**, которого значительно больше интересовал внутренний мир человека, **Дионисий** придавал большее значение внешней красивости и декоративной пышности фресковых росписей.

Следует отметить и тот факт, что в отличие от своих предшественников, **Дионисий**, как правило, работал с артелями живописцев. Поэтому исследователям его творчества (**В. Лазарев, М. Алпатов**) достаточно трудно точно установить степень участия самого мастера в исполнении целого ряда фресок. Например, стены и своды **Рождественского собора Пафнутия-Боровского монастыря** он расписывал вместе со старцем **Митрофаном**, а в росписи **Успенского собора Иосифо-Волоколамского монастыря** наряду с самим **Дионисием** принимали участие его сыновья **Владимир** и **Феодосий**, а так же старец **Паисий** и другие художники.

Помимо фресковых росписей, **Дионисием** и его школой (**Тимофей, Яреп, Конь**) были написаны многие иконы, которые до сих пор украшают алтари ряда известных храмов и соборов, в том числе кремлевского **Успенского собора**: **«Спас в силах»**, **«Деисус с праздники и с пророки»**, **«Апокалипсис»**, **«О тебе радуется»**, **«Богоматерь Одигитрия»**, **«житийные иконы»** московских митрополитов **Петра** и **Алексия**, а также известных духовных подвижников **Дмитрия Прилуцкого** и **Кирилла Белозерского**.

После знаменитого **Стоглавого Собора 1551 г.** живописное искусство становиться более каноническим, а образцом для подражания стали произведения **Андрея Рублева** и его школы, которые были возведены в канон. Живописное искусство стало напрямую связываться с текстами **«Священного писания»**, **«Житиями святых»** и другими трактатами церковной литературы. Поэтому иконы, фрески и темперная живопись очень часто стали перегружаться многочисленными деталями, композиции стали дробными, а прежний лаконизм художественных средств был утрачен.

В первой половине **XVI в.** под руководством сына **Дионисия Феодосия** был расписан **Благовещенский собор Московского Кремля**, во фресках которого наиболее ярко воплотилась официальная государственная идея об исторической преемственности власти Великих московских князей от византийских императоров и императриц: на столбах и стенах этого собора были изображены многие византийские правители (**Константин, Михаил, Иоанн, Елена**) и русские князья (**Владимир Святой, Даниил Московский, Дмитрий Донской**) в богатых и пышных одеяниях, что придавало всей композиции особо нарядный и торжественный вид. Позднее, в **1560-х гг.**, на его

стенах появились изображения выдающихся античных мыслителей и поэтов — **Аристотеля, Гомера, Вергилия, Плутарха** и других.

По мнению многих ученых, в условиях подчинения живописного искусства требованиям официальной Церкви, в **конце XVI в.** появилось новое художественное направление, сосредоточившее главное внимание на самой живописной технике. Это направление получило название **«строгановской школы»**, по имени основных ее заказчиков — богатейших купцов-солепромышленников **Строгановых**, которые способствовали развитию именно этого направления в русском живописном искусстве. **«Строгановская школа»** характеризуется, прежде всего, замечательным мастерством внешнего исполнения, а внутренний мир изображаемых персонажей, раскрытие их духовного мира уходит на задний план. Композиция произведений этой художественной школы всецело подчинена внешней красоте, тонкой проработки отдельных деталей рисунка, особой утонченности фигур, которые облакаются в драгоценные богатые одежды, а сами иконы получают изящный и нарядный орнамент. Кроме того, многие иконы **«строгановской школы»** получают очень богатые оклады, выполненные из золота и серебра, которые нередко украшались драгоценными камнями.

Наиболее известными живописцами **«строгановской школы»** были **Прокопий Чирин**, автор таких икон, как **«Никита-воин»**, **«Тихвинская богоматерь»** и **«Владимирская Богоматерь с праздниками и ликами святых»**, **Никифор Истома**, кисти которого принадлежит знаменитая икона **«Церковь воинствующая»**, и **Назарий и Федор Савины**, создавшие икону **«Чудо Георгия о змие»**.

В самом **конце XVI в.**, наряду со **«строгановской школой»** получила широкое распространение **«годуновская школа»**, которая, по мнению историков искусства (**В. Языкова**), явилась результатом синтеза традиций различных иконописных стилей — киевского, ярославского, ростовского, новгородского и псковского. Главной особенностью живописцев **«годуновской школы»** стало возвращение к традициям монументального живописного искусства, характерного для **второй половины XV в.** Однако фигуры самих святых, изображаемые на фресках и иконах, при характерной вытянутости форм, все же создают впечатления излишней грузности тел и одутловатости лиц изображенных персонажей. Прекрасными образцами художественной манеры живописцев **«годуновской школы»** являются фрески в **Спасо-Преображенского собора** в селе **Вяземы** под **Москвой** и иконы **«праздничного чина»** в иконостасе **Смоленского собора Новодевичьего монастыря** в **Москве**.

Тема: РОССИЯ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВВ. СМУТА В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

→ План: ~~1. Правление Федора Ивановича (1584–1598).~~

1. Правление Федора Ивановича (1584–1598).
2. Правление Бориса Федоровича Годунова (1598–1605).
3. Причины Смутного времени.
4. Лжедмитрий I (1605–1606).

5. Василий Шуйский (1606–1610) и движение И.И. Болотникова (1606–1607).
6. Лжедмитрий II (1607–1609).
7. Польско-шведская интервенция (1609–1610).
8. Первое и Второе Ополчения (1611–1612).
9. Земский Собор 1613 г. и избрание нового царя.
10. Завершение Смуты и иностранной интервенции (1613–1618).

1. Правление Федора Ивановича (1584–1598)

После смерти **Ивана Грозного** царский престол унаследовал его старший сын **Федор Иоаннович (1584–1598)**. Но поскольку от рождения он был немощным и слабоумным, по завещанию царя **Ивана** при нем был создан **регентский (опекунский) совет** в составе пяти самых влиятельных членов **Боярской Думы**: князя **Богдана Яковлевича Бельского**, князя **Ивана Петровича Шуйского**, боярина **Никиты Ивановича Романова**, князя **Ивана Федоровича Мстиславского** и боярина **Бориса Федоровича Годунова**. Правда, ряд историков (**Р. Скрынников**), пересмотрев свои же прежние представления, стали утверждать, что данный опекунский совет был изначально «семичисленным» и помимо пяти влиятельных бояр, в его состав вошли еще два видных члена **Боярской Думы** — глава **Казенного Приказа** окольничий и казначей **Петр Иванович Головин** и глава **Посольского Приказа** думный дьяк **Андрей Яковлевич Щелкалов**.

Думается, что в данном случае профессор **Р.Г. Скрынников**, будучи одним из самых известных и авторитетных специалистов по истории того периода, абсолютно верно подметил одну очень интересную деталь, что многие коллегиальные органы Древней и Средневековой Руси, были именно «семичисленными». А в период Смуты эта «деталь» вообще станет правилом.

Этот орган просуществовал недолго, поскольку между его членами практически сразу началась острейшая борьба за власть (**1584–1586**), победу в которой одержал шурин царя, боярин **Борис Федорович Годунов (1552–1605)**, ставший фактическим правителем государства. В годы соправления **Бориса Годунова** и **Федора Иоанновича** в стране произошло ряд значительных событий, как во внутренней, так и во внешней политике:

1) в **1587 г.** искусным русским дипломатам во главе с дьяком **Посольского Приказа Андреем Яковлевичем Щелкаловым** удалось пролонгировать действие **Ям-Запольского мирного договора** с **Речью Посполитой**, заключенного в **1582 г.**, что было очень важно для страны, крайне истощенной **Опричниной** и **Ливонской войной**;

2) в **1589 г.**, с благословения находившегося в **Москве** константинопольского патриарха **Иеремия II**, в России было учреждено **патриаршество** и первым патриархом **Русской Православной Церкви** был избран прямой ставленник и сподручник **Бориса Годунова**, действующий московский митрополит **Иов (1589–1605)**;

3) в **1589 г.** **Федор Иванович** утвердил новый **Судебник**, который был лучше систематизирован и несколько расширен с учетом богатой судебной практики, особенно в части земельных прав черносошных крестьян и полномочий крестьянской общины. Однако самое происхождение и авторство этого **Судебника** до сих пор вызывают споры и ряд авторов (**М. Владимирский-Буданов**, **А. Смыкалин**) считают его либо законопроектом, не введенным в действие, либо неким пособием для земских судей в условиях отмены прежней системы кормлений;

4) в 1590–1593 гг. прошла очередная русско-шведская война, по итогам которой был подписан **Тявзинский мирный договор (1595)**, по условиям которого Россия возвратила себе **Ям, Копорье, Ивангород, Орешек** и другие города, утерянные по **Плюсскому перемирию (1583)**;

5) в 1591 г. в Угличе при довольно загадочных обстоятельствах погиб последний представитель династии **Рюриковичей** младший сын **Ивана Грозного** девятилетний царевич **Дмитрий**. Историческая традиция, идущая от **Н.М. Карамзина**, связывала его гибель с именем **Бориса Годунова**, однако эта версия до сих пор считается не доказанной и отвергается многими историками (**Р. Скрынников, В. Кобрин, В. Козляков**). Хотя, конечно, смерть царевича **Дмитрия** была на руку именно **Борису Годунову** и открывала ему прямую дорогу к трону. Поскольку в рамках нашего курса мы не можем подробно остановиться на этой проблеме, то рекомендуем нашему читателю обратиться к работе известного советского историка профессора **В.Б. Кобрин** «**Кому ты опасен, историк**» (1992), где подробно изложены четыре разных версии гибели царевича **Дмитрия**.

2. Правление Бориса Федоровича Годунова (1598–1605)

После смерти **Федора Ивановича**, последнего царя из великокняжеской ветви династии **Рюриковичей**, между самыми влиятельными членами Боярской Думы — **Б.Ф. Годуновым** и **Ф.Н. Романовым** (будущим патриархом **Филаретом**) началась острейшая борьба за власть, победу в которой одержал шурин умершего царя. В феврале 1598 г. на Земском Соборе в Москве по инициативе патриарха **Иова** и после троекратных увещеваний **Борис Годунов** был избран новым русским царем и Государем Всея Руси. Его недолгое правление не увенчалось крупными свершениями, что особо печалит, поскольку, по свидетельству многих современников, да и ряда известных историков (**В. Кобрин, В. Козляков**), это был, несомненно, очень одаренный и опытный человек и крупный государственный деятель, который в иных исторических условиях мог бы принести немало пользы для страны.

Укрепившись у власти, **Борис Годунов** серьезно перетряхнул весь состав **Боярской Думы** и первым делом расправился со своим давним оппонентом **Федором Никитичем Романовым**. В 1600 г. вместе со своей женой **Ксенией Ивановной Шестовой** он был насильно пострижен в монахи и под иноческим именем **Филарет** увезен в **Холмогоры** и заточен в далекий **Антониево-Сийский монастырь**. Затем, в 1601–1602 гг., жертвами «царской немилости» стали и другие важные персоны, в том числе князь-боярин **Иван Иванович Шуйский-Пуговка**, князя-воеводы **Иван Васильевич Сицкий** и **Александр Андреевич Репнин**, глава **Посольского Приказа** думный дьяк **Василий Яковлевич Щелкалов** и другие.

Между тем, именно тогда, в 1601–1603 гг., в стране три года подряд из-за ужасных погодных условий: сначала засухи, а потом проливных дождей и ранних заморозков, был сильный неурожай, что вызвало массовый, невиданный по своим масштабам голод. Правительство **Бориса Годунова** предпринимало максимум усилий для того, чтобы как-то смягчить социальную напряженность в стране: оно организовало общественные работы в разных городах и массовую бесплатную раздачу хлеба голодающим из государственных хранилищ. Кроме того, специальным царским указом было восстановлено право перехода крестьян в **Юрьев день (1601/1602)**. Од-

нако все предпринятые меры имели очень небольшой эффект и ситуация в стране продолжала стремительно ухудшаться. Кульминацией социально-экономического кризиса и «голодных бунтов» по всей стране стало движение холопов-разбойников под водительством атамана **Хлопка Косолапа (1603)**, которое с огромным трудом и большой кровью было подавлено правительственными войсками.

Надо сказать, что в советской исторической науке (**А. Зимин, И. Смирнов, В. Корещкий**) это мощное движение традиционно связывали с обострением классовой борьбы и называли первым этапом **Крестьянской войны** под руководством **И.И. Болотникова**. Хотя, еще в 1985 г. профессор **Р.Г. Скрынников** в своей известной монографии «**Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века**» убедительно доказал, что главной движущей силой движения **Хлопка** были не крепостные крестьяне, а военные холопы и даже провинциальные (городовые) дворяне.

3. Причины Смутного времени

В русской исторической науке, особенно после выхода в свет фундаментального исследования академика **С.Ф. Платонова** «**Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.**» (1899), главной причиной начавшейся **Смуты** называли **совокупность династического, хозяйственного и социального кризисов**, поразивших страну на рубеже столетий. При этом подчеркивалось их равновеликое влияние на возникновение и развитие этого процесса и утверждалось, что раскол русского общества произошел не по социальным интересам, а сугубо по корыстно-эгоистическим притязанием и «верхов» («**Власти**»), и «низов» («**Земли**»).

В советской исторической науке, особенно после выхода в свет известной работы профессора **И.И. Смирнова** «**Восстание Болотникова**» (1951), акцент стал сознательно делаться исключительно на **социальном или классовом аспекте структурного кризиса в стране**, что вполне вписывалось в классическую марксистскую формулу «о классовой сущности любого государства» и «о классовой борьбе как локомотиве истории». Однако в последнее время в работах многих историков (**А. Кузьмин, Р. Скрынников, В. Козляков, О. Тюменцев, Л. Морозова**) прежняя концепция причин и истоков **Смуты**, предложенная академиком **С.Ф. Платоновым**, вновь получила свое признание и стала довольно активно тиражироваться в научной и учебной литературе. Более того, с подачи профессора **А.Л. Станиславского**, автора известной монографии «**Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории**» (1990), саму **Смуту** довольно часто стали называть **Первой Гражданской войной** в России.

4. Лжедмитрий I (1605–1606)

Именно в такой, накаленной до предела социальной и политической обстановке в стране на исторической арене **России** появляется фигура **Лжедмитрия I (1582–1606)**. Сейчас абсолютно точно установлено, что под этим именем скрывался бывший галицкий дворянин, а затем монах **Московского Чудова монастыря Юрий Богданович (Григорий) Отрепьев**, который еще в 1603 г. бежал в **Польшу**, хотя ряд русских историков (**Н. Костомаров, С. Платонов**) отвергали эту точку зрения, как недоказуемую.

Кому пришла в голову идея использовать этого амбициозного авантюриста в своих целях доподлинно установить довольно трудно до сих пор. Одни историки (**С. Соловьев, В. Ключевский, С. Платонов**) называют бояр **Романовых**, у которых когда-то служил **Гришка Отрепьев**, другие (**Р. Скрынников, А. Кузьмин**) — польских магнатов **Ю. Мнишека** и **А. Вишневецкого**, а третьи (**Н. Костомаров**) — самого польского короля **Сигизмунда III**. Но, кто бы ни стоял за фигурой первого самозванца, совершенно очевидно, что он «был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве» (**В. Ключевский**).

Весной 1604 г. Лжедмитрий I начал собирать в **Малороссии**, входившей тогда в состав Речи Посполитой, и на территории **Дикого Поля**, где обитали донские и запорожские казаки, войско для похода на **Москву**. Собрать под свои знамена ему удалось несколько тысяч запорожских и донских казаков и мелкопоместных польских и малороссийских шляхтичей. В **октябре 1604 г.** с этим разношерстным войском он перешел границу Русского государства и начал поход на **Москву**. Вначале ему сопутствовал явный успех, поскольку на сторону самозванца перешли практически все города южных уездов страны — **Чернигов, Воронеж, Путивль, Белгород, Елец** и другие. Однако уже в **январе 1605 г.** он потерпел первое крупное поражение от царских воевод **П.Ф. Басманова** и **В.В. Голицына** в районе **Добрыничей** и вынужденно отступил в **Путивль**, ставший главной базой самозванца до нового похода на **Москву**.

Нам трудно предположить, как бы развивались события дальше, но в **апреле 1605 г.** от апокалипсического удара (ишемического инсульта) в **Москве** скоропостижно скончался царь **Борис Федорович Годунов**, и **Лжедмитрий I**, воспользовавшись этим обстоятельством, начал новый поход на **Москву**. Уже в **мае 1605 г.** к нему присоединились правительственные войска воевод **В.В. Голицына** и **П.Ф. Басманова** и он начал свое триумфальное шествие к столице.

В начале июня 1605 г. в самой **Москве** агентами самозванца во главе с князем **В.В. Голицыным** был организован мятеж против нового царя **Федора Борисовича Годунова (1589–1605)**, в ходе которого он и его мать, вдовствующая царица **Мария Григорьевна Годунова (Скуратова-Бельская)**, были убиты князем **Василием Мосальским** и его сподручными холопами, а его сестра **Ксения Борисовна Годунова** пострижена в монашки и сослана во **Владимирский Девичий монастырь**.

Тем временем самозванец вошел **Серпухов**, куда к нему срочно выехала представительная депутация москвичей, в состав которой вошли аж **37** представителей двух старейших и знатнейших боярских родов — **Вельяминовых** и **Сабуровых**, которые состояли в родстве с **Годуновыми**. Первоначально самозванец «принял депутатов ласкою», однако затем по наущению **П.Ф. Басманова**, который стал главным воеводой самозванца, все они были ограблены и отправлены в темницу.

А уже **20 июня 1605 г. Лжедмитрий I** торжественно въехал в **Москву**, где был опознан «своей матерью» инокиней **Марфой (Марией Федоровной Нагой)** как ее родной сын, чудом спасшийся царевич **Дмитрий**, и через месяц, венчавшись на царство под именем **Дмитрия Ивановича (1605–1606)**, он стал новым «помазанником божьим» и законным правителем огромного Русского государства. Тогда же новый государь подыскал себе и подходящую кандидатуру нового московского патриарха, которым по его «рекомендации» был «избран» рязанский митрополит, грек **Игнатий (1605–1606)** — первый из высших иерархов **РПЦ**, признавший в **Лжедмитрии** законного царя.

Однако век первого самозванца на московском престоле оказался на редкость недолговечным. Амбициозный и неглупый самозванец, сознавая всю шаткость своего положения на царском троне, попытался заручиться поддержкой влиятельного московского боярства, для чего вернул из ссылки всех тех, кто попал в опалу при **Борисе Годунове**: князей **Бельских, Черкасских, Сицких, Нагих**, бояр **Романовых, Головиных** и других. Более того, всех он призвал войти в состав его правительства, однако многие из них, особенно **Романовы**, зная истинное лицо самозванца, отказали ему в поддержке и предпочли наблюдать за дальнейшим развитием событий со стороны. В обновленный состав **Боярской Думы** вошли только три «возвращенца», удостоенных думного чина окольничих, — **Василий Яковлевич Щелкалов**, да братья **Иван Петрович и Петр Петрович Головины**.

В исторической литературе было немало споров о социальной политике **Лжедмитрия I**. Его называли и крестьянским, и казачьим, и крепостническим «царем», однако, как верно подметил профессор **А.Г. Кузьмин**, ни в какую из этих категорий он, конечно, не укладывался, поскольку преследовал одну единственную цель: удержаться у власти только ради удовлетворения собственных прихотей и разгоревшегося честолюбия. Хотя, конечно, ему пришлось откликаться на социальные запросы различных групп населения, в том числе казаков и дворян.

В **январе 1606 г.** под давлением московского служилого люда был восстановлен пятилетний сыск беглых крестьян, отмененный при **Борисе Годунове**. В результате **Лжедмитрий I** потерял поддержку южных уездов страны, которые являлись основной опорой его власти, поскольку именно помещики этих уездов были кровно заинтересованы в полной отмене этой нормы, так как именно в их южные уезды и направлялась основная масса беглых крестьян и холопов из центральных районов страны.

В **феврале 1606 г.** в **Москве** начались переговоры с послами **Сигизмунда III** о передаче Речи Посполитой **Смоленска, Чернигова, Пскова, Новгорода** и других русских городов, обещанных самозванцем в качестве откупного польскому королю и его покровителю, польскому магнату **Юрию Мнишеку**. Переговоры эти закончились безрезультатно, и в итоге самозванец оказался без поддержки польской шляхты, что ускорило его неизбежный конец. Тем временем в **Москве** возник заговор против **Лжедмитрия I**, который возглавили члены новой **Боярской Думы**, князь **Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские**, возвращенные незадолго до этого, еще при **Борисе Годунове**, из политической ссылки в столицу.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения москвичей, стало венчание **Димитрия-Самозванца** на польской магнатке **Марине Юрьевне Мнишек**, которое прошло без важнейшего в православии свадебного обряда причастия. И уже через неделю после этого события, **17 мая 1606 г.**, в **Москве** вспыхнуло «народное восстание», в результате которого **Лжедмитрий I** был убит, труп его сожжен, а прах развеян по ветру. Так бесславно и трагически закончился жизненный путь первого самозванца в истории России.

Надо сказать, что историки до сих пор крайне неоднозначно оценивают личность и деяния этого знаменитого персонажа русской истории. Значительная часть из них (**А. Панченко, Р. Скрынников, А. Кузьмин**) по-прежнему продолжают считать **Лжедмитрия I** «льстивым антихристом», лжецом и казнокрадом. Но другие авторы, в основном из либерального лагеря (**В. Кобрин, А. Юрганов**), утверждают, что лич-

ность **Лжедмитрия I**, которого они считали очень «креативным» русским царем, была хорошим шансом для России стать цивилизованной европейской страной. Правда, при этом, они почему-то забывают о том, чьим ставленником был этот «креативный» царь и какие переговоры он вел с посланниками польского короля.

5. Василий Шуйский (1606–1610) и движение И.И.Болотникова (1606–1607)

19 мая 1606 г. новым царем был «выбран» организатор заговора против **Лжедмитрия I**, престарелый князь **Василий Иванович Шуйский (1606–1610)**, который при своем вступлении на престол дал московским боярам «**Крестоцеловальную запись**», в которой «целовати крест на том, что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом з бояры своими, смерти не предати, и вотчин, и дворов, и животов у братии их, и у жен и у детей не отымати». В отношении этой крестоцеловальной клятвы-присяги в исторической науке до сих пор существуют разные оценки. Одни авторы (**В. Ключевский, А. Кузьмин, Г. Абрамович**), ссылаясь на «**Иное сказание**» (1625), в котором сохранилась эта уникальная «Запись», утверждают, что она существенно ограничивала власть нового монарха в пользу родовой аристократии, однако их оппоненты (**С. Платонов, Р. Скрынников**) отрицали этот факт. Между тем, ряд известных историков либерального толка (**В. Кобрин, А. Юрганов**) усмотрели историческое значение «**Крестоцеловальной записи**» в том, что она явила собой первый в истории России договор царя со своим подданными, что, конечно же, является очень большой натяжкой, причем, явно политизированной.

В начале июля 1606 г. аналогичная смена власти произошла и в РПЦ: «самозванный патриарх» **Игнатий** был отрешен от сана, взят под стражу и заточен в **Чудов монастырь**, а новым архипастырем Русской Православной Церкви был избран влиятельный владыка, казанский митрополит **Гермоген (1606–1612)**, который был очень активным противником свергнутого самозванца и сторонником нового царя.

Тем временем на политической арене России появляется новая фигура исторического масштаба — **Иван Исаевич Болотников**. По данным профессора **В.И. Корещкого**, в далекой юности он был военным холопом князя **Андрея Ивановича Телятевского**, который во время голода бежал от своего господина к донским казакам, затем попал в плен к крымским татарам, которые продали его туркам на галеры, и только после всех этих злоключений он был выкуплен венецианскими купцами и отпущен ими на родину. Возвращаясь в родные пенаты, **И.И. Болотников** оказался в **Путивле**, где местный воевода, князь **Григорий Иванович Шаховской** поднял мятеж против **Василия Шуйского**. Именно ему и боярскому сыну **Федору Ивановичу (Истоме) Пашкову** мятежный воевода поручил возглавить его повстанческую армию и начать новый поход на **Москву**.

В июле — августе 1606 г. **И.И. Болотников** и **Ф.И. Пашков** разгромили правительственную армию князей **Ю.Н. Трубецкого** и **И.М. Воротынского** под **Кромами** и **Ельцом**. А в сентябре 1606 г. они разбили царские войска князя **Д.И. Шуйского** под **Калугой** и **Каширой** и, пополнив свои ряды отрядами тульских и рязанских дворян во главе с **Исаком Никитичем Сумбуловым** и **Прокопием Петровичем Ляпуновым**, двинулись к **Коломне**. Здесь состоялась их решающая битва с правительственной армией под командованием трех царских воевод — князей **Ф.И. Мстиславского**

и **И.М. Воротынского** и боярина **М.Б. Шеина**, в которой повстанцы одержали вверх и продолжили свое победоносное шествие к столице.

В **октябре 1606 г.** армия **И.И. Болотникова**, разбив лагерь в подмосковном селе Коломенском, начала осаду **Москвы**. Однако вскоре в лагере повстанцев произошел раскол и в результате — сначала **П.П. Ляпунов** и **И.Н. Сумбулов**, а затем и **Ф.И. Пашков** переметнулись на сторону **Василия Шуйского**. В начале декабря 1606 г. **И.И. Болотников** потерпел сокрушительное поражение от князя **Ф.И. Мстиславского** и отошел к **Калуге**, осаду которой в **январе 1607 г.** начали правительственные войска.

Тем временем на Руси объявился новый самозванец **Илейка Муромец-Горчаков** (**Илья Иванович Коровин**), который объявил себя не существующим сыном царя **Федора Ивановича Петром**. Под знаменами очередного самозванца князя **Г.И. Шаховской** и **А.И. Телятевский** собрали новую армию, которую отправили на помощь **И.И. Болотникову**. Но в **апреле 1607 г.** армия «царевича Петра» была разбита и так и не смогла пробиться к **Калуге**. В результате **И.И. Болотников** отошел к **Туле**, где к нему присоединился **И.И. Горчаков**. В **мае 1607 г.** царская армия под командованием самого **Василия Шуйского** начала осаду **Тулы**, которая завершилась в **октябре 1607 г.** полным поражением повстанцев. **И.И. Горчаков** и **И.И. Болотников** были взяты в плен: первого этапировали в **Москву**, где после проведенного сыска, «по совету всей земли» он был повешен, а второй был сначала ослеплен, а затем сослан в **Каргополь** и утоплен здесь в проруби.

В отечественной историографии движение **И.И. Болотникова** всегда оценивали крайне неоднозначно. Первоначально восторжествовала точка зрения так называемой «школы академика **М.Н. Покровского**», которая оценивала движение **И.И. Болотникова** как неудавшуюся буржуазную революцию, которую позднее совершенно бездоказательно попытался «реабилитировать» смоленский историк профессор **Д.П. Маковский**. Затем, в сталинско-брежневские времена (**И. Смирнов**, **А. Зимин**, **В. Корецкий**) движение **И.И. Болотникова** стали называть **Первой Крестьянской войной**. Однако в постсоветский период большинство историков (**А. Станиславский**, **Р. Скрынников**, **Н. Павленко**, **В. Козляков**) справедливо говорят, что эти события следует характеризовать как один из этапов **Гражданской войны**, поскольку: 1) ни по своим целям, ни по движущим силам это движение никак не тянет на полномасштабную **Крестьянскую войну**; 2) в кровавое вооруженное противостояние были втянуты все классы и сословия русского общества и 3) представители всех социальных групп и слоев населения прибывали в составе всех враждующих лагерей.

6. Лжедмитрий II (1607–1609)

В **июле 1607 г.** в **Стародубе** объявился новый самозванец — **Лжедмитрий II**, личность которого до сих пор является предметом давних научных споров. Одни авторы (**А. Палицын**, **Н. Карамзин**) склонны видеть в нем поповского сына **Матюшку Веревкина**, другие (**Р. Скрынников**) полагают, что им был крещеный литовский еврей **Богданко Шкловский**, а оппоненты и тех, и других (**В. Корецкий**, **В. Кобрин**, **А. Кузьмин**) утверждают, что новым самозванцем стал вяземский дворянин **Михаил Андреевич Молчанов**.

Между тем, современный российский историк профессор **И.О. Тюменцев** в своей последней работе «**Смутное время в России начала XVII столетия: движение**

Лжедмитрия II» (2008) высказал вполне разумное предположение, что доступные источники позволяют точно выявить только круг тех людей, которые с большой долей вероятности стояли у истоков новой самозванческой интриги. К этим лицам он причислил трех любимцев первого самозванца — боярских детей **М.А. Молчанова, Б.И. Сутупова и Г.И. Микулина**, а также князя **Г.П. Шаховского** и боярского сына **И.Е. Михнева**. Более того, он установил, что никто из указанных персон не принадлежал ни к людям романовского круга, ни к сторонникам князя **Ф.И. Мстиславского**, поэтому сделанное наблюдение позволило ему отказаться от старой гипотезы академика **С.Ф. Платонова** о причастности боярской оппозиции к организации этой интриги и высказать предположение, что это дело рук бывших фаворитов **Лжедмитрия I**.

Осенью 1607 г. Лжедмитрий II со своим войском, основу которого составляли донские казаки атамана **Ивана Мартыновича Заруцкого** и польская шляхта, захватил **Орел** и, перезимовав здесь, **весной 1608 г.** вместе с польскими отрядами гетманов **А. Лисовского и Р. Ружинского** начал новый поход на **Москву**. В начале мая **1608 г.** самозванец, разбив у **Болхова** царскую армию князей **Д.И. Шуйского и В.В. Голицына**, вошел в село **Тушино** под **Москвой**, которое и стало главной резиденцией **Лжедмитрия II**, более известного под именем «**Тушинский вор**». В скором времени в этот тушинский лагерь стали быстро стекаться все противники **Василия Шуйского**, в том числе князя **Д.Т. Трубецкой, Д.И. Черкасский, А.Ю. Сицкий, Г.И. Шаховской**, боярин **М.Ф. Бутурлин** и другие важные персоны, которые признали в «**Тушинском воре**» законного царя и вошли в состав его **Боярской Думы**.

Более того, в тушинский лагерь потянулись и многие иерархи **РПЦ**, в том числе давний противник **Годуновых** и **Шуйских**, глава романовского клана и бывший ближний боярин **Федор Никитич Романов**, который в **1605 г.**, после своего освобождения из **Антониево-Сийского монастыря**, вернулся во власть и стал ростовским митрополитом. Здесь же под **Москвой** он стал играть роль «нареченного патриарха» нового русского «царя», хотя всем противникам **Лжедмитрия II** представлял себя, как «пленник самозванца» и не настаивал на своем патриаршем сане. Неслучайно законный патриарх **Гермоген** в своем послании прямо указал: «а которые взяты в плен, как и **Филарет-митрополит** и прочий, не своею волею, но нуждею, и на христианский закон не стоят, и крови православных братии своих не проливают, таковых мы не порицаем, но и молим о них Бога, елика сила, чтоб Господь от них и от нас отвернул праведный свой гнев и подал им и нам по велицей Его милости».

Между тем, стало совершенно очевидно, что вся страна окончательно раскололась на две части: **Ярославль, Кострома, Ростов, Владимир, Суздаль, Вологда, Муром** признали власть **Лжедмитрия II**, а **Смоленск, Новгород, Рязань, Нижний Новгород, Казань** остались верны **Василию Шуйскому**. Этот общественный раскол, как и раскол самой элиты, обострился с началом открытой польской интервенции отрядов **Я. Сапеги, А. Лисовского и Р. Ружинского**, которые в **конце 1608 г.** захватили **Кострому, Ярославль, Углич** и другие города **Верхнего Поволжья**.

7. Польско-шведская интервенция (1609–1610)

В этой ситуации, в **феврале 1609 г. Василий Шуйский** подписал со шведами союзный договор, по которому Россия отказывалась от выгодных условий **Тявзинского**

договора (1595), а шведы направляли для борьбы с тушинцами и поляками пятитысячный корпус генерала **Якуба Делагарди**. Подписывая этот договор, московское правительство руководствовалось исключительно тем соображением, что личные отношения между польским королем **Сигизмундом III** и его родным дядькой, шведским королем **Карлом IX Ваза** были крайне натянутыми, если не сказать враждебными. Но как показали все дальнейшие события, это соглашение стало крупным внешнеполитическим просчетом русской дипломатии, прежде всего, нового главы **Посольского Приказа** окольничего **П.А. Третьякова**.

Весной 1609 г. русско-шведская армия под командованием **Михаила Васильевича Скопина-Шуйского** освободила от поляков **Старую Руссу, Торопец, Торжок, Кострому, Галич, Ярославль** и другие города. В июле 1609 г. **М.В. Скопин-Шуйский** разбил тушинцев под **Тверью**, но затем шведы, не получив обещанного жалования, «пустились в разбой».

В сентябре 1609 г. Речь Посполитая начала открытую интервенцию против **России** и польская армия под командованием польного гетмана **С. Жолкевского** осадила **Смоленск**. Одновременно всем польским отрядам, находившимся в тушинском лагере, было ту же приказано оставить самозванца и присоединиться к регулярной армии. Оставшись без военной поддержки, **Лжедмитрий II** бежал в **Калугу**, где в конце 1610 г. был убит на охоте его собутыльником и начальником личной стражи, князем **Петром Арслановичем Урусовым**. В этой ситуации ряд членов тушинской **Боярской Думы** обратились к **Сигизмунду III** с просьбой прислать на московский престол своего сына **Владислава**, и в феврале 1610 г. боярин **М.Г. Салтыков-Кривой** подписал с поляками предварительное соглашение о призвании **Владислава** на московский престол.

Тем временем, в марте 1610 г., в результате отравления скоропостижно скончался талантливый русский полководец, князь **М.В. Скопин-Шуйский**, что окончательно лишило правительство его престарелого дядьки **Василия Шуйского** каких-либо перспектив остаться у кормила власти. В июне 1610 г. русская армия во главе с **Дмитрием Шуйским** была разбита гетманом **С. Жолкевским** у села **Клушино** близ **Смоленска**. В результате поляки заняли **Можайск, Волоколамск** и **Дмитров**, и стали стремительно продвигаться к **Москве**. В этой критической ситуации под руководством **Захария Петровича Ляпунова** в **Москве** вспыхнул новый мятеж, в ходе которого **Василий Шуйский** был свергнут с престола, насильно пострижен в монахи и заточен в **Чудов монастырь**.

После свержения очередного царя власть в **Москве** перешла к так называемой «**Семибоярщине**» в составе пяти служилых князей и двух старомосковских бояр — **Федора Ивановича Мстиславского, Ивана Михайловича Воротынского, Андрей Васильевича Трубецкого, Андрея Васильевича Голицына, Бориса Михайловича Лыкова-Оболенского, Федора Ивановича Шереметьева** и **Ивана Никитича Романова**, которая сразу направила гетману **С. Жолкевскому** новый проект договора о призвании королевича **Владислава** на русский престол. В августе 1610 г. этот договор был подписан обеими сторонами и уже через месяц в **Москву** был введен польский гарнизон, а свергнутый царь **Василий Шуйский** и два его младших брата, князья **Дмитрий** и **Иван Шуйские** были выданы **С. Жолкевскому** и отправлены под крепким караулом сначала в **Смоленск**, а затем под **Варшаву**, где в **Гостыньском замке** в 1612 г. два старших брата — **Василий** и **Дмитрий** нашли свое последнее упокоение.

Тем временем, в **октябре 1610 г. в Смоленске** русская делегация во главе с князем **В.В. Голицыным**, вовремя переметнувшимся на сторону «**Семибоярщины**», и тушинским патриархом **Филаретом** начала тяжелые переговоры с **Сигизмундом III** на предмет того, чтобы его сын, королевич **Владислав** при вступлении на русский престол принял православие. Однако польский король, будучи ревностным католиком, категорически отказался от данного условия, поскольку именно оно полностью рушило все его гегемонистские планы в отношении русских земель. Поэтому, когда «нареченный патриарх» **Филарет** и князь **В.В. Голицын** оказались завизировать окончательный вариант договора в польской редакции, они были арестованы и увезены в **Смоленск**, а затем подо **Львов**, в имение гетмана **С. Жолкевского Каменку**.

Князь **Василий Васильевич Голицын**, который весь период **Смуты** бегал по разным «партийным лагерям» и всегда прислонялся к «победившей» стороне, так и не вернулся на Русь и умер в заточении в **Вильно** в **1619 г.** А «нареченный патриарх» **Филарет** несколько лет находился в заточении в старинном тевтонском замке **Мальборк** и был отпущен из плена только после подписания **Деулинского перемирия** и вернулся в **Москву** в том же **1619 г.**

Надо сказать, что в русской и советской либеральной историографии (**В. Ключевский, С. Платонов, В. Кобрин**) **Смоленский договор**, подписанный «**Семибоярщиной**» и гетманом **С. Жолкевским**, традиционно высоко оценивали как выдающийся памятник политической мысли, где впервые были четко оговорены гражданские, и отчасти политические права подданных нового «русского» царя. Однако значительное большинство советских и современных историков (**К. Базилевич, Р. Скрынников, А. Кузьмин, В. Волков**) справедливо расценивали этот договор как акт национального предательства, который, к тому же, окончательно запутал тяжелейшую внутриполитическую ситуацию в стране.

Единственным крупным государственным деятелем, не признавшим этот акт национального предательства со стороны «**Семибоярщины**», был глава Русской Православной Церкви патриарх **Гермоген**, который на особом молебне освободил русский люд от присяги королевичу **Владиславу** и призвал весь народ подняться на «**литовских людей**» и изгнать польских оккупантов из страны.

8. Первое и Второе Ополчения (1611–1612)

К началу **1611 г.** ситуация в стране полностью вышла из-под контроля «**Семибоярщины**»: в самой **Москве** и других близлежащих городах хозяйничали поляки, на севере открытую интервенцию против **России** начали шведы, а на юге хозяевами положения стали донские казаки **Ивана Мартыновича Заруцкого**.

В создавшейся ситуации в **январе 1611 г. в Рязани** по инициативе худародного боярского сына **П.П. Ляпунова**, князя **Д.Т. Трубецкого** и донского атамана **И.М. Заруцкого** начинает формироваться **Первое (Рязанское) Ополчение** и создается первое оппозиционное правительство — «**Совет Вся Земли**», полный состав которого не известен до сих пор. В ряды **Первого Ополчения**, помимо тульских и рязанских дворян и донских казаков влился и посадский люд **Нижнего Новгорода, Владимира, Суздаля** и ряда других городов центральной России.

Тем временем в самой **Москве** под руководством князя **Дмитрия Михайловича Пожарского**, бывшего тогда зарайским воеводой, и окольного **Василия Ивановича**

Бутурлина началось восстание против поляков, но когда **Первое Ополчение** подошло к столице, это восстание уже было подавлено. **Москва** осталась в руках польских интервентов, а в стане ополченцев началось выяснение отношений между его руководителями, которое закончилось трагической гибелью **П.П. Ляпунова**, убитого донскими казаками, и распадом **Первого Ополчения**. Тем временем, в июне 1611 г., после почти двухлетней осады, пал многострадальный **Смоленск**, а в июле шведы захватили **Новгород**, и огромная страна оказалась на краю гибели.

Между тем, еще в марте 1611 г. в **Ивангороде** объявился новый самозванец **Лжедмитрий III**, под личиной которого скрывался очередной авантюрист, известный по источникам под именем монаха **Сидорки** или **Матюшки**. Тем не менее, в лагерь нового самозванца опять потянулся служилый и посадский люд близлежащих городов — **Пскова**, **Гдова**, **Яма** и **Копорья**. Собрав внушительное войско из местных казаков и стрельцов, он двинулся на **Псков** и в начале июля 1611 г., расположившись лагерем под стенами его детинца, стал вести переговоры с псковичами об условиях признания его государем.

Более того, желая привлечь на свою сторону «московских» ополченцев, оставшихся без своего вождя после убийства **П.П. Ляпунова**, **Лжедмитрий III** послал к столице одного из своих атаманов, который привел под **Псков** двух их представителей — **Казарина Бегичева** и **Нехорошку Лопухина**, которые при большом стечении псковичей заявили, что перед ними «истинной государь наш».

Тем временем в **Нижнем Новгороде** по призыву тамошнего старосты **Кузмы Минича Захарьева-Сухорука (1570–1616)** в сентябре 1611 г. началось формирование **Второго (Нижегородского) Ополчения**, вооруженные силы которого возглавил опытный воевода, князь **Дмитрий Михайлович Пожарский (1578–1642)**, только что оправившийся от ран. В марте 1612 г. войска **Второго Ополчения** двинулись на **Ярославль**, где вскоре было создано новое правительство — второй «**Совет Всея Земли**» во главе с **К.З. Мининым** и **Д.М. Пожарским** и принято решение о начале освободительного похода на **Москву**.

Персональный состав этого правительства, столицей которого стал **Ярославль**, доподлинно также не известен, да и вряд ли историки смогут полностью его установить, поскольку в первой грамоте «**Ото всей Земли**», датированной апрелем 1611 г., было установлено, что все русские города, признавшие власть ярославского правительства, должны делегировать в его состав «**изо всех чинов людей человека по два**». Однако достоверно известно, что: 1) в состав этого правительства вошли ряд представителей родовой аристократии, подписавших апрельскую грамоту «**Ото всей Земли**», в том числе **Василий Григорьевич Долгоруков**, **Андрей Петрович Куракин**, **Василий Иванович Бутурлин** и **Василий Петрович Шереметьев**, и 2) именно **К.З. Минин** и **Д.М. Пожарский** встали во главе этого правительства и поделили полномочия следующим образом: опытный нижегородский староста возглавил весь «финансово-экономический блок», а талантливый и мужественный воевода — весь «силовой блок». Причем, что особо интересно: 1) все известные правительственные грамоты подписывались всеми видными членами «**Совета всея Земли**», а поскольку в тот период неукоснительно соблюдался древний принцип «местничества», то подпись князя **Д.М. Пожарского** стояла на десятом месте, а посадского старосты **К.З. Минина** — только на пятнадцатом; 2) поскольку **К.З. Минин** был неграмотным, то вместо него подпись на всех грамотах ставил князь **Д.М. Пожарский** с обяза-

тельной припиской «в выборного человека всю землёю в Козмино место Минина князь Дмитрий Пожарской руку приложил».

Тем временем, в марте 1612 г. «псковскому вору целовали крест вси дворяне, дети боярские, московские жилацкие люди, стрельцы и боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой», что естественно распыляло силы ополченцев, поэтому, узнав о новом самозванце, К.З. Минин и Д.М. Пожарский срочно разослали по городам и весям страны специальную грамоту от «Совета Всея Земли», в которой призывали «всех православных христиан не верить ни Маринке с сыном, ни тому вору, что стоит под Псковом».

Между тем обстановка в лагере очередного самозванца резко обострилась, поскольку своим самоуправством и беззастенчивым грабежом он настроил против себя и «московских казаков», ушедших обратно под Москву, и самих псковичей, сколотивших против него заговор. Более того, против самозванца поднялись и шведы, которые в мае 1612 г. осадили псковский пригород Порхов. Почувствовав неладное, Лжедмитрий III попытался бежать в Гдов, но был пойман отрядом псковских стражей и в цепях доставлен в Псков, а откуда направлен в Москву. Что случилось с самозванцем дальше «не бог весть», поскольку по одним источникам он был убит самими псковичами во время стычки с отрядом гетмана Г. Ружинского, а по другим — он все же был доставлен в Москву и обезглавлен здесь.

Тем временем войска Второго Ополчения пошли походом на столицу. Уже в июле 1612 г. передовые отряды ополченцев подошли к центру Москвы и сразу же ввязались в боевые действия против двух польских отрядов полковников М. Струся и Ю. Будзилы, крепко засевших в Китай-городе и Кремле. Затем к столице подошли основные силы Второго Ополчения, возглавляемые князем Д.М. Пожарским, которые в конце августа у Донского монастыря в ходе трехдневного сражения разгромили армию гетмана Я.К. Ходкевича, шедшую на помощь осажденному польскому гарнизону. В начале октября к Д.М. Пожарскому присоединились отряды Первого Ополчения во главе с князем Д.Т. Трубецким, и в результате польский гарнизон, потеряв всякую надежду на спасение, в конце октября 1612 г. капитулировал и покинул территорию Московского Кремля.

9. Земский Собор 1613 г. и избрание нового царя

После изгнания интервентов из Москвы на повестку дня встал важнейший вопрос об избрании нового царя. С этой целью в январе 1613 г. в Москве был созван беспрецедентный по своему составу Земский Собор: помимо традиционной Боярской Думы, Освященного Собора и депутатов московского и городского дворянства и верхушки купечества, в нем приняли участие делегаты от черносошных крестьян, ремесленного посада и казачества. Основными претендентами на царский престол источники называли польского королевича Владислава, шведского королевича Карла-Филиппа, а так же князей Ф.И. Мстиславского, Д.Т. Трубецкого, И.М. Воротынского, Д.И. Пожарского, П.И. Пронского, И.Б. Черкасского и ряд других. Но окончательный выбор пал на шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова (1596—1645), которого в феврале 1613 г. избрали на царский престол.

В марте 1613 г. в Ипатьевский монастырь близ Костромы, где тогда проживал новоиспеченный государь и его мать, инокиня Марфа (Ксения Ивановна Шестова),

выехало земское посольство во главе с боярином **Ф.И. Шереметьевым**, которое известило их о решении **Земского Собора**, и в **июне 1613 г. Михаил Романов** приехал в **Москву**, где был торжественно венчан на царство и стал новым русским царем.

В русской исторической науке давно дискутируются две проблемы, связанные с этим эпохальным событием:

1) Почему среди столь большого количества претендентов на царский престол, выбор пал именно на **Михаила Романова**. Одни авторы (**Н. Костомаров, С. Платонов**) считали, что главным аргументом стали молодость и неопытность нового царя, что вполне устраивало родовую княжеско-боярскую аристократию. Другие авторы (**А. Кузьмин, В. Кобрин, Л. Морозова**) утверждали, что фигура нового царя стала результатом реального компромисса между различными политическими силами, прежде всего, «**романовской партией**» (**Б.М. Лыков, Б.М. Салтыков, И.Б. Черкасский**) и «**правительственной партией**» (**Ф.И. Мстиславский, Д.Т. Трубецкой, Д.М. Пожарский**). Третьи (**А. Станиславский, Р. Скрынников**) полагают, что избрание нового царя стало результатом победы «**земской партии**» (**А. Палицын, И.М. Заруцкий**), основу которой составляли посадские низы и донские казаки. Наконец, четвертые (**В. Козляков**) считают, что решающим обстоятельством стало все-таки родство будущего царя с прежней правящей династией, о чем и было поведено в специальной грамоте, направленной местоблюстителю патриаршего престола, казанскому митрополиту **Ефрему**: «совет наш и всяких чинов людей во едину мысль и во едино согласие учинилась на том, чтоб быти на Московском государстве государем царем и великим князем всеа Росии благословенной отрасли великого государя царя и великого князя **Иоанна Васильевича** все Росии самодержца и великие государыни царицы и великие княгини **Анастасии Романовны** внуку, а великого государя царя и великого князя **Федора Ивановича** всеа Росии по материю сродственнику **Михаилу Федоровичу Романову Юрьева**».

2) Существовала ли «**Ограничительная запись**», которая урезала ряд традиционных прав и привилегий нового царя. Одни авторы (**П. Милоков, Л. Черепнин, А. Кузьмин**) не только признавали ее существование, но и считали важнейшим государственным актом той поры. А их оппоненты (**С. Платонов, Д. Цветаев**) отрицали факт ее существования. Кроме того, в последнее время ряд историков (**Р. Скрынников, В. Вышегородцев**) высказали смелое, но вполне законное предположение, что на **Земском Соборе 1613 г.** был избран только новый царь, но не новая династия.

10. Завершение Смуты и иностранной интервенции (1613–1618)

Законное избрание нового царя на русский престол не означало автоматического выхода из тяжелейшего политического кризиса в стране. Серьезную опасность для новой власти представлял не в меру амбициозный казачий атаман **Иван Мартынович Заруцкий**, против которого вскоре были направлены правительственные войска под командованием князя **Н.И. Одоевского**. В конце 1613 г., разгромленный под **Воронежем**, атаман **И.М. Заруцкий, М.Ю. Мнишек**, ставшая его женой, и ее трехлетний сын **Иван Воренок** бежали сначала в **Астрахань**, а затем на **Яик**. Но в 1614 г. они были схвачены и привезены для сыска в ту же **Астрахань**, а затем в столицу, где «на **Москве** же тово **Заруцкова** посадиша на кол, а **Воренка** повесиша, а **Марина** умре на **Москве**».

Избрание **Михаила Федоровича Романова** на русский престол привело к эскалации военного конфликта с Речью Посполитой и Швецией. На северо-западе страны, шведы во главе с самим королем **Густавом II Адольфом** предприняли несколько попыток взять хорошо укрепленный **Псков**. Однако в **декабре 1615 г.**, при посредничестве английского короля **Якова I**, начались мирные переговоры двух воюющих сторон, которые завершились в **феврале 1617 г.** подписанием **Столбовского мирного договора**, по которому Россия теряла **Ижорскую землю (Корела, Ям, Копорье, Орешек)**.

В **апреле 1617 г.** польский королевич **Владислав**, считавший себя законным русским царем, при поддержке запорожского гетмана **П.К. Сагайдачного**, начал новый поход на **Москву**. Ему удалось захватить **Вязьму, Дорогобуж и Елец**, но в **октябре 1618 г.** он был разбит под **Москвой** и сел за стол переговоров. По итогам оных в **декабре 1618 г.** было подписано **Деулинское перемирие**, по которому Россия отдавала Речи Посполитой **Смоленск, Чернигов** и другие русские города. Кроме того, по условиям этого договора поляки обязались отпустить в Россию всех оставшихся в живых пленников, в том числе и отца **Михаила Романова**, «**тушинского**» патриарха **Филарета**, который вскоре с триумфом вернется на родину и станет соправителем своего сына и фактическим правителем Русского государства (**1619–1633**).

Тема: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVII В.

План:

1. Предварительные замечания.
2. Экономическое развитие России.
 - а) Сельское хозяйство.
 - б) Промышленность.
 - в) Начало формирования Всероссийского рынка.
3. Социальное развитие: предварительные замечания.
4. Сословно-классовая структура русского феодального общества.
5. Соборное Уложение 1649 года.
6. Политический строй: основные проблемы в историографии.
7. Политический строй. Начало формирования абсолютизма.

1. Предварительные замечания

Основные проблемы социально-экономического развития России в **XVII веке** всегда были в центре внимания отечественных историков. Особенно дискуссионным был и остается вопрос о времени зарождения капитализма в России. На сей счет существует три основных точки зрения: **1)** Одни авторы (**С. Струмилин, Д. Маковский**) утверждали, что генезис капиталистических отношений в России начался во **второй половине XVI века**, поскольку именно в этот период наблюдался заметный рост товарного производства; **2)** Другие историки (**М. Нечкина,**

В. Буганов, А. Преображенский, Ю. Тихонов, И. Булыгин, Е. Индова) говорили, что становление буржуазных отношений в России следует датировать **серединой XVII в.**, поскольку именно тогда формируется общероссийский рынок, и возникают первые капиталистические мануфактуры; **3)** Наконец, третьи авторы (**Н. Павленко, Б. Миронов**) резонно полагают, что генезис капиталистических отношений в России начался значительно позже, только во **второй половине XVIII в.**, поскольку именно тогда возникает один из самых главных признаков капитализма — господство наемного труда.

2. Экономическое развитие России

а) Сельское хозяйство

В **XVII веке** Россия по-прежнему оставалась преимущественно аграрной страной, где сельское хозяйство являлось основной отраслью экономики, а крестьяне составляли подавляющую часть населения страны. Земледелие, как и в прежние века, развивалось в основном экстенсивным путем, за счет распашки и включения в севооборот новых территорий, главным образом, в районе **Поволжья, Дикого поля и Сибири**. В основном сохранялась и традиционная **трехпольная система земледелия**, когда одна треть клина засеивалась яровыми, другая — озимыми, а третья — оставалась под паром. Пашня обрабатывалась, в основном, сохой и бороной, а тяжелый плуг с железным лемехом использовался гораздо реже, чем это принято традиционно считать. Основными сельскохозяйственными культурами оставались рожь, пшеница, овес, ячмень и гречиха.

Крестьянское и помещичье хозяйства по-прежнему сохранили свой **полунатуральный характер**, их связь с рынком была минимальной и носила нерегулярный характер. Основной формой зависимости **владельческих (крепостных) крестьян** от своих феодалов по-прежнему оставалась **натуральная рента**, а **денежная рента и барщина** еще не заняли ведущего положения в господском (вотчинном и помещичьем) хозяйстве, но **определяющей тенденцией** социально-экономического развития страны был не пресловутый кризис, а, напротив, **укрепление феодально-крепостнической системы**. Наиболее ярко эта тенденция проявилась: **1)** в существенном росте феодального землевладения и наступлении феодального государства на права, свободу и земли черносошного крестьянства и **2)** в становлении и развитии барщинной системы хозяйства.

В свое время лидер российских большевиков **В.И. Ульянов-Ленин** в своей знаменитой работе **«Развитие капитализма в России» (1899)** совершенно верно сформулировал основные черты барщинного хозяйства, и хотя в современной историографии любые ссылки на вождя мирового пролетариата стали «не комильфо», мы, тем не менее, полностью разделяем его взгляд по этому вопросу. **Основными чертами барщинного хозяйства были: 1)** полное господство натурального хозяйства; **2)** наделение непосредственного производителя (крестьян) средством производства (землей) и установление поземельной зависимости крепостных крестьян от своего феодала; **3)** установление правовой и личной зависимости крестьян от феодала и юридическое оформление государством режима крепостного права, основанного на внеэкономическом принуждении; **4)** низкое, рутинное состояние техники и культуры земледелия.

б) Промышленность

Основной формой промышленного производства в России оставалась **мелкая кустарная промышленность** в виде трех основных элементов: **1) крестьянских промыслов**, которые обслуживали самих крестьян и отчасти их феодалов, **2) вотчинного ремесла**, которое обслуживало феодала и его челядь, и **3) городского ремесла**, которое медленно, но неуклонно **перерастает в мелкотоварное производство**, напрямую связанное с рынком. **Мануфактурное производство** было практически не развито, поскольку, по оценкам авторитетных историков (**Н. Павленко, И. Смирнов, В. Буганов, Л. Кошман**), на всю страну приходилось всего несколько десятков мануфактур, которые, в основном, принадлежали либо казне, либо иностранцам, в частности голландским купцам **А.Д. Виниусу, П.Г. Марселису и Ф.Ф. Акема**, принявшим российское подданство.

Надо сказать, что в исторической литературе довольно давно идет жаркая дискуссия о характере этих мануфактур. Одни авторы (**М. Нечкина, В. Буганов, В. Мавродин, И. Смирнов**) утверждали, что они носили **буржуазный характер**, поскольку по уровню развития техники и технологий производства они ничем не отличались от западноевропейских мануфактур. Однако их оппоненты (**Н. Павленко**) справедливо указывали на то обстоятельство, что для определения характера мануфактур, надо изучать не уровень развития их техники и технологий, а **характер производственных отношений**, присущий им.

По мнению большинства историков для мануфактурного производства обязательны три основных черты: **1) крупное производство; 2) производство, основанное на применении ручного труда, и 3) производство, основанное на разделении труда**. Если хотя бы один из этих признаков отсутствует, то такое производство не имеет никакого отношения к мануфактуре, а представляет собой **простую (купеческую или ремесленную) кооперацию, не имеющую формационного значения**. Если налицо все три признака классической мануфактуры, то необходимо оценить присутствие четвертого, определяющего, признака — наличие **наемного труда**. Если на мануфактуре **используется наемный труд, то она имеет прямое отношение к генезису капитализма**. Если же на мануфактуре **используется принудительный труд крепостных крестьян, то такая мануфактура никакого отношения к генезису капитализма не имеет**.

По справедливому мнению ряда современных историков, в частности профессора **Н.И. Павленко**, русские мануфактуры, которые первоначально, в **1630–1650-х гг.**, возникли как мануфактуры буржуазного типа, очень скоро оказались задавлены господствующими феодально-крепостническими отношениями и к концу столетия постепенно превратились в **крепостнические мануфактуры**.

в) Начало формирования Всероссийского рынка

В советской исторической науке (**В. Буганов, А. Преображенский, Ю. Тихонов, О. Вилков**) традиционно утверждали, что в **XVII в.** Россия вступила в новый период своего развития, который выразился в становлении и развитии **Всероссийского рынка**. Причем, почти всегда советскими учеными проводилась **прямая параллель между становлением Всероссийского рынка и генезисом буржуазных отношений**, поскольку **В.И. Ленин** в той же знаменитой своей работе «**Развитие капитализма в России**» (1899) однозначно утверждал, что руководителями и хозяевами этого рынка были «**капиталисты-купцы**». Однако, как справедливо указали ряд авторитетных

советских ученых (С. Сказкин, В. Яцунский, Н. Павленко), в действительности это ленинское утверждение является грубейшей методологической ошибкой, поскольку купеческий капитал никогда не имел формационного значения и мог обслуживать совершенно разные общественно-экономические формации, в том числе рабовладельческую или феодальную. Поэтому само понятие «капиталисты-купцы» применительно к XVII веку является явной натяжкой, а сами факты говорят о том, что реально формирование **Всероссийского рынка** шло исключительно на **базе господства мелкотоварного производства**. Внешним проявлением становления и развития **Всероссийского рынка** стало:

1) **Углубление специализации** различных регионов страны. Например, центрами производства товарного зерна стали **Воронеж, Саратов и Казань**, центрами полотняной промышленности — **Москва, Новгород, Псков, Ярославль, Кострома и Вологда**, центрами железнорудной и обработки металлов — **Тула, Серпухов и Устюг Великий** и т.д.

2) **Становление оптовой ярмарочной торговли** и появление первых оптовых общероссийских ярмарок в Центральной России, в Поволжье, на Урале и даже в Сибири, в частности **Архангельской, Ирбитской, Макарьевской и Свенской**.

3) **Протекционистская политика** русского правительства и поддержка отечественных товаропроизводителей. После многочисленных челобитных торговых людей гостиных и суконных сотен **1627, 1635, 1637, 1645, 1646 и 1648 г.**, постоянно жаловавшихся на засилье иностранцев в **Москве** и других русских городах, в **1649 г.**, под предлогом казни «**их короля Карлуса**», из страны были высланы все английские купцы, которым запретили розничную торговлю на всей территории страны. Затем, в **1653 г.**, по предложению нового главы Посольского Приказа **Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нашекина** был принят «**Торговый устав**», который унифицировал все таможенные сборы, установив единую рублевую пошлину на иноземные товары. Наконец, в **1667 г.** с подачи того же **А.Л. Ордина-Нашекина** был принят «**Новоторговый устав**», который полностью запретил всем иностранным купцам розничную торговлю на территории всего Русского государства, даже в приграничных уездах и волостях страны. Вместе с тем, надо особо подчеркнуть тот поразительный факт, что на всей территории страны по-прежнему **сохранялись внутренние таможенные пошлины** (зримое наследие удельного периода), которые **были отменены только в 1754 г. при императрице Елизавете Петровне!**

3. Социальное развитие: предварительные замечания

Прежде чем говорить о социально-классовой структуре русского общества **XVII в.**, которая отличалась относительной устойчивостью, следует дать необходимые пояснения таким «классическим» понятиям как «**класс**» и «**сословие**». По мнению большинства современных историков, **классы** — это большие группы людей, которые отличаются друг от друга **а) по их отношению к собственности, б) по месту и роли в общественном разделении труда, в) по отношению к эксплуатации и г) по форме и способу присвоения прибавочного продукта**. **Сословия**, которые характерны только для феодального общества, — это более мелкие, в рамках тех или иных классов, группы людей, отличающиеся между собой по **уровню прав, обязанностей и привилегий**.

Между тем, следует сказать, что ряд современных либеральных авторов (**И. Данилевский, Н. Проскурякова**), шибко увлеченных новомодной модернистской методологией западного толка, утверждают, что в феодальном обществе существовала исключительно сословная структура, а деление общества на классы стало следствием развития только индустриального общества. Однако, на наш взгляд, это совершенно не соответствует реальному положению вещей, поскольку классовое деление общества есть величина объективная, независящая от правового регулирования нормами обычного (неписанного) или публичного (писанного) права, а сословная структура общества — это как раз чисто субъективная величина, закреплённая, как в нормах обычного, так и в нормах публичного права, то есть разного рода государевых «Судебниках», «Привилегиях», «Уложениях», «Жалованных грамотах» и т.д.

4. Сословно-классовая структура русского феодального общества

а) Феодалы. Господствующим классом русского общества по-прежнему оставались **светские феодалы-землевладельцы**, которые окончательно превратились в замкнутую сословную корпорацию. **Класс светских феодалов** делились на три основных сословия:

1) Княжеско-боярская аристократия. По данным многих современных историков (**В. Буганов, П. Седов, Г. Талина, И. Михайлова**), в эту наиболее привилегированную категорию феодалов входили представители **20 княжеских и 11 боярских аристократических фамилий**, которые делились на **а) «роды первой статьи»** (**Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Одоевские, Пронские, Морозовы Шереметьевы, Буйносовы** и другие), представители которых **«бывають только в боярех, а в окольных не бывають»**, и **б) «роды второй статьи»** (**Долгорукие, Милославские, Куракины, Ромодановские, Пожарские, Волконские, Пушкины, Плещеевы, Бутурлины** и другие), которые **«бывають и в окольных и в боярех»**.

Именно эта категория феодалов не только составляла костяк **Боярской Думы** и **Государева Двора**, но и занимала ключевые должности в центральном управлении, армии и на дипломатической службе в качестве руководителей **Приказов**, полковых воевод, государевых послов и т.д.

2) «Чины московские» или «жилыцы» — это столичные дворяне, входившие в состав **Государева Двора** и занимавшие важные посты в дворцовом и государственном управлении. Эти же дворяне составляли и костяк придворной администрации (**стольники, стряпчие, кравчие**), а некоторые из них, получив чины **думных дворян** и **думных дьяков**, входили в состав **Боярской Думы** и являлись руководителями **Приказов** (**Толстые, Нарышкины, Апраксины, Татищевы, Скобелыцыны, Овцыны, Спицыны** и другие).

3) «Чины городовые» («путные дворяне» или «дети боярские») — самая большая категория провинциальных **служилых людей «по отечеству»**, составлявшая основу поместной конницы, за службу в которой они **«верстались»** государством, т.е. получали земельные владения в виде поместья и денежный оклад.

Характер взаимоотношений внутри двух первых сословий, определялся традициями **местничества**. Однако в **1682 г.** по инициативе некоторых вельмож из окружения царя **Федора Алексеевича (1676–1682)**, в частности князя **Василия Васильевича Голицына**, **Боярская Дума** и **Освященный Собор** единогласно приняли **«Соборный**

приговор» об уничтожении «**вогoproтивного местничества**» и сожжении всех **разрядных книг**, которые с «**превеликой радостью сотвориша**» сам патриарх **Иоаким** и члены **Освященного Собора** в сенях **Передней палаты Государева Дворца**. При этом по данным ряда историков (**А. Богданов**), одновременно с этим актом была создана **Палата родословных дел («Гербальня»)**, в недрах которой под началом князей **В.Д. Долгорукова, И.А. Голицына** и **А.И. Хованского** стал разрабатываться проект новой сословной реформы, ставший предтечей петровского «**Табеля о рангах**».

В результате уже в **марте 1682 г.** вместо сожженных **разрядных книг** были созданы **родословные книги** или «**разряды без мест**», предназначенные **1) родословным людям; 2) выежжим; 3) московским знатым родам; 4) дворянским; 5) гостиным и дьячим; 6) всяким низким чинам**», которые отныне служили не в качестве главного инструмента для назначения на разные государственные должности, а для кодификации всех дворянских родов. Таким образом, **отмена местничества** стала крупным шагом на пути **консолидации всего класса феодалов** и **стиранием граней между его различными сословиями**.

Однако надо подчеркнуть, что ряд современных историков, в частности профессор **П.В. Седов**, автор известной монографии «**Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века**» (2008), считает, что: **1)** существующее до сих пор в отечественной историографии представление о русской знати **XVII в.** как о «**зяблом и упалом дереве**» и о растворении боярства в огромной массе служилого провинциального дворянства нуждается в коренном пересмотре, поскольку в действительности при малолетних и болезненных государях **последней четверти XVII в.** имел место обратный процесс — резкий рост роли и влияния **Боярской Думы** с одновременным обогащением княжеско-боярской знати на фоне оскудения основной массы провинциального дворянства; и **2)** именно в это время в России складывается так называемое **придворное общество** как особая форма взаимодействия Великого государя с правящей элитой в период перехода от средневековой монархии к монархии нового времени, который завершится в **XVIII в.** в форме абсолютизма.

Вместе с тем, надо подчеркнуть, и то обстоятельство, что все светские феодалы, в том числе самая титулованная княжеская знать, независимо от своего имущественного и должностного положения, являлись **холопами Государя, царя и Великого князя Всея Руси**. То есть, традиционный для феодального общества **институт вассалитета** был окончательно заменен принципиально иным **институтом феодального подданства**.

б) Духовенство. Начиная со **второй половины XIV в.**, после проведения **монастырской («общежитийной») реформы** митрополита **Алексия**, **Русская Православная Церковь** превратилась в крупнейшего земельного собственника. Светская власть неоднократно пыталась прибрать к рукам огромные земельные богатства церкви, но даже **Ивану Грозному** не удалось решить эту проблему и при нем лишь частично были ограничены налоговые («**тарханные**») привилегии Церкви, а также наложен жесткий запрет на свободное приобретение монастырями новых земель без доклада царю. В **середине XVII в.** крупнейшим монастырям (**Троице-Сергиев, Соловецкий, Иосифо-Волоцкий, Кирилло-Белозерский**) принадлежала треть всей пахотной земли, что во многом определяло политический вес **Русской Православной Церкви** не только в церковных и религиозных, но и сугубо светских государственных делах. Однако большая часть монастырей и церковных приходов были безземельными и получали на свое содержание «**царскую ругу**».

Все русское православное духовенство делилось на две больших категории: 1) «Белое» (монашеское) духовенство, которое не платило государственных податей и пошлин. Именно эта привилегированная категория «царских вогомольцев», составляла немногочисленную прослойку духовных феодалов — патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы и архимандриты и 2) «Черное» (приходское) духовенство, которое являлось «подлым», т.е. податным сословием, и составляло большую часть «царских вогомольцев» — иереи, диаконы, протодиаконы и т.д.

в) **Крестьяне.** В начале правления Федора Алексеевича, 1678 г. была проведена знаменитая «Дворцовая перепись» всех земель, по итогам которой была установлена общая численность и структура всего сельского населения страны, которое делилось на три основных категории:

1) **Владельческие или крепостные крестьяне**, которые составляли подавляющую часть всего податного населения страны и делились на дворцовых (удельных), монастырских и вотчино-помещичьих. При этом определяющей тенденцией стало стирание граней между его различными категориями, поскольку всех их отныне уравнивал институт крепостного права, окончательно установленный Соборным Уложением 1649 г.

В исторической науке традиционно выделяют несколько основных этапов закрепощения крестьян: 1) 1497 г. — Судебник Ивана III, установивший единый срок крестьянских переходов в Юрьев день и единую плату за пожилое. 2) 1550 г. — Судебник Ивана Грозного, который подтвердил право крестьянских переходов только в Юрьев день и повысил вдвое, с учетом инфляции, плату за пожилое. 3) 1581/1592 г. — Указ «О заповедных летах», наложивший «заповедь» на все крестьянские переходы в Юрьев день. 4) 1597 г. — Указ «Об ырочных летах», впервые установивший пятилетний срок («ырок») сыска беглых крестьян. 5) 1601–1602 гг. — Указы Бориса Годунова о восстановлении права крестьянских переходов в Юрьев день. 6) 1607–1637 гг. Уложение Василия Шуйского и Указы Михаила Федоровича о новых «ырочных годах» сыска беглых и вывезенных крестьян. 7) 1649 г. — Соборное Уложение Алексея Михайловича, установившее бессрочный сыск беглых и вывезенных крестьян и холопов.

Все владельческие крестьяне несли феодальные повинности в виде барщины и оброка (денежного или натурального). Кроме того, они являлись основным тягловым сословием, которое обязано было платить подати в пользу государства. Но поскольку крепостные не являлись юридическими лицами, то за выполнение ими государственных повинностей отвечал их владелец, которому государство передало значительную часть административно-фискальных и судебно-полицейских функций и прав.

2) **Черносошенные крестьяне** были лично и поземельно свободными сельскими жителями, платившими подати только государству. Главное отличие этой категории крестьян состояло в том, что они, сидя на государственной земле, располагали правом ее отчуждения, т.е. продажи, заклада и передачи по наследству. У черносошенных крестьян функции управления и сбора податей выполняла община с мирским сходом и выборные должностные лица — старосты и сотские, которые производили раскладку податей, отвечали за их своевременную уплату, чинили суд и расправу, защищали земельные права общины и т.д.

3) **Холопы**, составлявшие особую прослойку сельского населения страны, делились на три основных категории: дворовую челядь, служившую в усадьбах феодалов

в качестве личной прислуги и приказчиков, **военных холопов**, составлявших ко-
стяк «феодалного войска», и **холопов-страдников**, которые обрабатывали барскую
запашку. В отечественной историографии долгое время существовало ошибочное
представление, что в **XVII в.** социальный институт феодалного холопства из-
жил себя. Однако последние исследования ряда ученых, в частности профессора
В.М. Панеяха «Холопство в первой половине XVII в.» (1984), убедительно показали,
что этот социальный слой сохранял свою жизнеспособность и его процесс слияния
с крепостным крестьянством протекал не столь последовательно и интенсивно,
как это представлялось ранее.

Новое в институте холопства состояло в том, что по **Соборному Уложению 1649 г.:**
а) были существенно ограничены источники его пополнения и отныне холопами
могли стать только вольные люди, а крепостным и служилым людям путь в холопы
был закрыт; **б)** был установлен бессрочный порядок сыска беглых холопов и **в)** по-
сле введения в **1678 г. подворной подати** холопы впервые, наряду с крестьянами,
посадом и приходским духовенством, стали податным сословием.

г) Посадские люди. Эта категория городского населения страны делилась
на две больших группы:

1) Купечество, которое традиционно составляло верхушку самого посада.
В рамках этого сословия особо выделялись две категории: **а) гости** — самая богатая
и привилегированная прослойка купечества, которые не платили податей, были
освобождены от постоя, имели право владеть вотчинами, свободно выезжать за
границу по торговым делам и т.д. (**Строгановы, Шорины, Чистые, Никитниковы**);
б) торговые люди Гостиной и Суконной сотен, которые обладали тем же объемом прав
и привилегий, что и гости, за исключением права свободного выезда за границу.

2) Ремесленники, которые составляли основную массу городского населения
и проживали в посадских слободах — **кадашевской, гончарной, таганской, кузнечной**
и других. При этом по **Соборному Уложению 1649 г.** все ремесленники были **при-**
креплены к своим посадкам и слободам, которые без специального на то разрешения
не могли покидать. Кроме того, во всех городах были ликвидированы привилеги-
рованные «**белые слободы**», принадлежавшие крупным феодалам, и отныне все
ремесленное население городов стало податным сословием. Важно так же отметить
и то обстоятельство, что в отличие от западноевропейских городов, в России вплоть
до **начала XVIII в.** отсутствовала цеховая организация ремесленного производства.

5. Соборное Уложение 1649 года

Возникновение этого знаменитого кодекса феодалного права было связано с ост-
рой необходимостью серьезно реформировать всю правовую систему Русского
государства, а **Соляной бунт в Москве** стал лишь удобным предлогом для решения
этой животрепещущей проблемы.

В **июне 1648 г.** по требованию широких слоев дворянства и посада в **Москве**
был созван очередной **Земский Собор**, делегаты которого приняли решение о со-
здании специальной комиссии по подготовке нового **Уложения** во главе с князем
Н.И. Одоевским. В состав этой **Комиссии**, получившей статус временного **Приказа**,
вошли князь-боярин **С.В. Прозоровский**, князь-окольничий **Ф.Ф. Волконский**, а так
же дьяки **Г.П. Леонтьев** и **Ф.А. Грибоедов**. Работа этого **Приказа** продолжалась более

трех месяцев, а уже в начале октября 1648 г. в двух палатах Земского Собора началось обсуждение проекта Уложения. В «Государевой палате» заседали сам Государь, Боярская Дума и Освященный собор. А в другой, «Ответной палате», под руководством князя Ю.А. Долгорукова совещались «выборные» люди от провинциального дворянства, посада и черносотенных крестьян. Работа над главами и статьями этого проекта продолжалась более трех месяцев и завершилась 29 января 1649 г. принятием знаменитого Соборного Уложения, «заручную скрепу» на котором поставили все без исключения члены Земского Собора.

Соборное Уложение состояло из XXV глав и 967 статей.

Главы I—IX содержали статьи о государственном и уголовном праве, в которых закреплялась существующая форма государственного правления и устройства, устанавливалась уголовно-правовая защита личности Государя, чести Государева Двора и Русской Православной Церкви, определялась юридическая (уголовная) ответственность за подделку государственных актов и монеты и т.д.

Главы X—XV были посвящены системе судостроительства и судопроизводства. В частности, глава XI «Суд о крестьянах» удовлетворила многолетние требования провинциального городского дворянства об установлении бессрочного сыска беглых крепостных крестьян и холопов. Тем самым были отменены «урочные лета» и крестьяне с их потомством навечно становились собственностью светских и духовных феодалов.

Главы XVI—XX содержали нормы гражданского права. В частности, главы XVI «О поместных землях» и XVII «О вотчинах» были посвящены праву земельной собственности и правам и обязанностям служилых людей «по отечеству». По мнению ряда историков (А. Маньков, Н. Павленко), эти статьи практически уравнивали правовой статус поместья и вотчины как наследственных владений, которые теперь могли на равных правах участвовать в свободной купле-продаже и дарении. Глава XIX «О посадских людях» распространяла нормы крепостного права на посадское население. Отныне во всех городах ликвидировались «белые слободы», и все посадское население навечно прикреплялось к своим посадкам и слободам.

Главы XXI—XXII были полностью посвящены нормам уголовного права и, в частности серьезно ужесточали наказания за такие тяжкие уголовные преступления, как душегубство, грабеж, разбой и издоемство. А Главы XXIII—XXV определяли правовой статус служилых людей «по прибору» — казаков и стрельцов.

В советской историографии (М. Тихомиров, А. Маньков, П. Епифанов) главный смысл и назначение Соборного Уложения усматривали в юридическом оформлении крепостного права. Однако было бы не совсем верно акцентировать внимание только на ряде глав этого знаменитого документа, поскольку, как верно отметил профессор Н.И. Павленко, едва ли не самый важный результат этого законодательного акта состоял в оформлении сословной структуры русского общества, в определении прав и обязанностей каждого из четырех сословий: дворянства, духовенства, посадских и крестьян.

6. Политический строй: основные проблемы в историографии

По мнению большинства историков (Л. Черепнин, С. Богоявленский, А. Леонтьев, К. Базилевич), в первой половине XVII в. в России сложился классический режим

сословно-представительной монархии, поскольку заметную роль в управлении государством стали играть **Земские Соборы**.

Практически весь период правления **Михаила Федоровича (1613–1645)**, даже когда фактическим правителем государства был его властный отец патриарх **Филарет (1619–1633)**, **Земские Соборы** созывались довольно часто и работали на постоянной основе. В частности, по данным историков (**Л. Черепнин, Д. Иванов**), достоверно известно о работе семи **Земских Соборов 1613–1615, 1616–1619, 1619–1622, 1632, 1634, 1636–1639 и 1641 гг.**, на которых решались важнейшие проблемы хозяйственного восстановления страны, введения новых налогов, объявления войны и заключения мира и т.д.

Первые годы правления **Михаила Федоровича Романова** власть фактически была сосредоточена в руках бояр **Салтыковых**, близких родственников его матери, инокини **Марфы (1613–1619)**. Затем, после возвращения из польского плена отца **Михаила Романова**, управление страной переходит в руки всесильного патриарха **Филарета (1619–1633)**. А в последний период царствования **Михаила Федоровича (1633–1645)** огромное влияние на выработку и проведение внешней и внутренней политики государства стали оказывать наиболее видные члены **Боярской Думы Ф.И. Шереметьев, Н.И. Одоевский и И.Б. Черкасский**.

Укоренившаяся практика созыва **Земских Соборов** сохранилась и в начальные годы правления нового царя **Алексея Михайловича (1645–1676)**. В частности, в первое десятилетие его царствования состоялась работа трех **Земских Соборов 1648–1649, 1650 и 1653 гг.**, созданных для решения острейших социальных, правовых и внешнеполитических проблем. Однако затем созыв **Земских Соборов** был прекращен и этот политический институт, а вместе с ним и режим сословно-представительной монархии, ушли в историческое небытие.

По мнению большинства историков (**Л. Черепнин, К. Базилевич, А. Маньков, Г. Талина**), во второй половине XVII в. политический строй России стал постепенно эволюционировать в сторону абсолютизма. В исторической науке до сих пор идет оживленная дискуссия по двум ключевым проблемам, связанных с процессом становления абсолютизма в России: **1) на какой социальной базе развивался этот процесс и 2) каковы хронологические рамки этого процесса.**

1) До недавнего времени спор по первой проблеме развивался исключительно в рамках марксистской методологии, и все советские историки пытались обосновать свою позицию, опираясь на формационный подход. При этом одни авторы (**С. Сказкин, Б. Поршнев, В. Буганов**), в след за **К. Марксом и Ф. Энгельсом**, утверждали, что абсолютная монархия возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется класс буржуазии. А их оппоненты (**Н. Павленко, А. Аврех**) отвергали теорию «равновесия сил» и заявляли, что формирование абсолютной (самодержавной) монархии в России шло исключительно на базе господства феодально-крепостнических отношений. В настоящее время большинство авторов (**Н. Павленко, П. Седов, Г. Талина**) справедливо говорят, что вопрос об условиях возникновения абсолютизма в России требует дальнейшего изучения, но уже сейчас можно точно сказать, что бесполезно искать предпосылки становления абсолютизма в экономическом базисе. Политические причины, в частности необходимость борьбы с внешней угрозой, и на этот раз сыграли **решающую роль в форсированном**

утверждении абсолютизма в стране. Кстати, именно об этом в свое время писали и все представители знаменитой «государственной школы», выдающиеся русские историки и юристы С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и П.Н. Милюков.

2) По второй проблеме так же существует две основных точки зрения. Ряд авторов (С. Шмидт, Д. Альшиц) утверждают, что абсолютная монархия стала реальностью уже во второй половине XVI в., в годы правления Ивана Грозного. Но большинство историков (Л. Черепнин, Н. Павленко, А. Маньков, П. Седов, Г. Талина) справедливо датируют этот процесс второй половиной XVII – первой четвертью XVIII вв. Дело в том, что уважаемые профессором С.О. Шмидт и Д.Н. Альшиц, видимо, не до конца поняли, что термин «самодержец», который использовался в княжеской титулатуре еще со времен Ивана III, обозначал тогда не самодержавный (в смысле неограниченный) характер великокняжеской власти, а суверенность и независимость власти Великого Московского князя и Государя Всея Руси по отношению к своим «коллегам» по монаршему ремеслу, прежде всего, татарским ханам. Однако уже со второй половины XVII в. этот термин стал использоваться по прямому назначению, подчеркивая именно абсолютистский характер власти Великого Государя.

7. Политический строй. Начало формирования абсолютизма

Основными институтами государственной власти Московского царства в XVII в. были:

1) **Государь, царь и Великий князь**, который одновременно являлся главой государства и всей феодальной иерархии, адресатом податей, верховным законодателем и судьей, а также верховным собственником всей земли и дворцовых (домениальных) вотчин. Процесс абсолютизация власти монарха наглядно выразился: а) в изменении с 1654 г. царской титулатуры, в которой стала особо подчеркиваться идея божественного происхождения царской власти и ее самодержавный характер — «Божией милостью Великий Государь, царь и Великий князь всеа Великие и Малые и Белые Русии самодержец»; б) в закреплении в Соборном Уложении 1649 г. жесткой, вплоть до смертной казни, уголовной ответственности за оскорбление своими действиями или даже помыслами престижа царской власти, личности Государя и царского двора.

2) **Боярская Дума**, которая, по меткому выражению академика В.О. Ключевского была «маховым колесом» всего государственного механизма монархической России, являлась главным совещательным, законодательным и исполнительным органом власти при Государе. В ее составе было четыре думных чина: боярин, окольничий, думный дворянин и думный дьяк. Два последних чина, введенных еще Иваном Грозным, стали довольно часто даваться представителям столичного и провинциального дворянства и видным представителям центрального приказного аппарата. Данное обстоятельство ряд историков (В. Ключевский, С. Платонов) трактовали как падение роли родовой аристократии и усиление влияния московского и провинциального дворянства в этом важнейшем государственном институте, хотя ряд современных авторов (Г. Талина, П. Седов) отрицают этот факт.

Другое новшество касалось беспрецедентного увеличения численности Боярской Думы с традиционных 25–30 до 90–95 думных чинов. Как логическое следствие этого процесса обычной практикой во времена царя Алексея Михайловича

стало создание существенно более компактных (не более 5–15 бояр) **«Государевой комнаты», «Ближней Думы»** или **«Комиссий на Москве»**, состав которых зависел исключительно от **личной воли царя**. Это обстоятельство, по мнению историков (Г. Талина), внесло раскол в некогда единый клан родовой княжеско-боярской аристократии, и избавило монарха от необходимости постоянного согласования своего политического курса со всем составом **Боярской Думы**.

3) **Земский Собор** был общегосударственным органом сословного представительства, состоявший из **Боярской Думы, Освященного Собора и шести выборных курий** — 1) московских дворян, 2) московской приказной администрации, 3) городских уездных дворян, 4) московской гостиной и суконной сотен, 5) московских посадских тяглецов и 6) служилых людей по «прибору», то есть казаков и стрельцов. Такой состав **Земских Соборов** признается большинством его исследователей, в частности С.Ф. Платоновым, М.Н. Тихомировым, С.В. Юшковым, Л.В. Черепниным, Н.И. Павленко, С.О. Шмидтом и другими.

Хотя, надо признать, что не все историки разделяли это устоявшееся представление о составе **Земских Соборов**. Например, профессор Б.А. Романов считал, что **Земский Собор** состоял всего из двух «палат»: первую палату составляли бояре, окольничие, дворецкие и казначеи, а вторую — воеводы, княжата, дети боярские и большие дворяне. Однако из кого состояла вторая «палата» не вполне ясно — то ли из тех, кто в это время оказался в **Москве**, то ли из тех, кто был вызван специально в столицу. Причем, зачастую обсуждение вопросов проходило по отдельности у бояр и окольничих, духовенства и служилых людей. Кроме того, по мнению этих «скептиков» данные об участии посадского люда в работе **Земских Соборов** очень сомнительны, хотя решения, принимаемые ими, были зачастую очень выгодны именно верхушке посада. Между тем, с **середины XVII в.** этот государственный институт сначала перестал созываться, а затем и вовсе прекратил свое существование.

Надо сказать, что в отечественной исторической науке до сих пор продолжается спор по трем ключевым проблемам: а) какова была специфика **Земских Соборов**, б) какова была роль **Земских соборов** и в) каковы хронологические рамки деятельности **Земских Соборов**.

а) По первой проблеме историки и юристы разделились на два лагеря: 1) Одни (Б. Чичерин, В. Сергеевич, С. Юшков, Л. Черепнин) говорили об **обществадиальном характере Земских Соборов**, которые ничем не отличались от сословно-представительных учреждений европейских государств. 2) Другие (В. Ключевский, И. Беляев) стремились доказать своеобразие **Земских Соборов** и их тесную связь с **национальной почвой и «мирскими» традициями**.

б) По второй проблеме суть разногласий состоит в следующем: 1) Одни историки (С. Юшков, Л. Черепнин, М. Тихомиров) утверждали, что **Земские Соборы** с момента своего возникновения были **полноценными органами сословного представительства** и играли существенную роль в определении политического курса страны. 2) Другие историки (В. Ключевский, К. Базилович, Н. Павленко, Р. Скрынников) полагали, что **не следует переоценивать роль Земских Соборов** в истории России, поскольку, в отличие аналогичных органов европейских государств, они не выбирались и созывались не регулярно, а исключительно по личному усмотрению царя и его ближайшего окружения.

в) По третьей проблеме так же существует две основных точки зрения. 1) Одни авторы (**Л. Черепнин, В. Буганов, А. Богданов**) определяли хронологические рамки **Земских Соборов 1549–1682 гг.** 2) А их оппоненты (**Н. Павленко, Г. Талина**) считали, что хронологические рамки работы **Земских Соборов** следует ограничить **1549–1653 гг.**, поскольку так называемые **Земские Соборы 1662, 1681 и 1682 гг.** были всего лишь расширенными правительственными совещаниями, в работе которых принимали участие только члены **Боярской Думы и Освященного Собора.**

4) **Приказы.** XVII век по праву считается временем расцвета **Приказной системы** Русского государства. Это была довольно запутанная и громоздкая система центральных правительственных учреждений, в которой отсутствовали, как единые принципы их деятельности, так и четкое распределение функции между ними. Именно этим обстоятельством и объясняется вся трудность их классификации, но, по мнению большинства историков (**С. Богоявленский, А. Леонтьев, А. Маньков, Н. Павленко, Н. Демидова**), все **Приказы**, число которых к концу правления **Алексея Михайловича** перевалило за **50 «штук»**, делились на:

а) **Постоянные и временные.** Последние создавались для решения конкретных задач, и прекращали свое существование по мере их исполнения, например, **Приказ боярина Н.И. Одоевского**, созданный в **1648 г.** для подготовки **Соборного Уложения.**

б) **Постоянно действующие Приказы**, по признаку их подчиненности, делились на три большие группы — **государственные, дворцовые и патриаршие.**

Самой многочисленной группой были **государственные Приказы**, которые по территориальному признаку подразделялись на **общегосударственные (Посольский, Поместный, Разбойный, Стрелецкий)** и **областные (Сибирский, Малороссийский, Смоленский).** При этом все **общегосударственные Приказы** строились по отраслевому принципу. **Посольский приказ** ведал сношениями с иностранными державами, **Разрядный приказ** отвечал за сбор дворянского ополчения и назначение на военные должности и посты, **Приказ Большой Казны** управлял казенной промышленностью и торговлей, **Поместный приказ** занимался вопросами поместного землевладения и регистрацией земельных сделок дворян, **Разбойный приказ** выполнял функции уголовного сыска и следствия, **Стрелецкий, Пушкарский, Иноземный, Рейгарский** и **Казачий приказы** ведали различными родами войск и служилыми людьми «по прибору» и т.д.

Дворцовые приказы ведали обширным хозяйством самого царя и его ближайших домочадцев — супруги и детей. Среди них первостепенное значение имели **Приказ Большого Дворца**, который управлял царскими вотчинами, **Казенный Приказ**, который ведал хранением вещевой казны, в том числе драгоценной мягкой рухляди (пушнины), **Конюшенный Приказ**, который распоряжался царским выездом, **Царская мастерская палата**, ведавшая царским гардеробом, и т.д.

Патриаршие Приказы ведали хозяйством патриарха и вопросами его личного обеспечения. Среди них важнейшими считались **Патриарший Дворцовый Приказ**, управлявший всеми вотчинами главы Русской Православной Церкви, и **Патриарший Казенный Приказ**, ведавший личными нуждами патриарха.

Особое место в системе центрального управления занимали **Приказ Тайных дел** и **Приказ Счетных дел.** Первый, который, поочередно, возглавляли окольный Федор Михайлович Ртищев и думный дьяк Дементий Минич Башмаков, осуществлял контроль за деятельностью всех остальных **Приказов**, а второй, главой кото-

рого был думный дьяк **Ларион Иванович Иванов**, осуществлял жесткий контроль за расходованием всех государственных средств. При этом оба **Приказа** находились в исключительном ведении самого царя и не подчинялись **Боярской Думе**. Все **Приказы** возглавлялись **судьями и дьяками**, многие из которых были членами **Боярской Думы**, а приказной аппарат состоял из **подьячих**, число которых за сто лет возросло с **850 до 2750 человек**.

5) Местное управление. Вторая половина **XVII в.** стала временем коренных изменений в системе уездного управления страной. На смену выборным земским должностным лицам — **городовым приказчикам и губным старостам**, пришел **институт воеводства**, в руках которого была сосредоточена вся полнота власти на местах. По традиции уездными воеводами назначались отставные дворяне, получившие серьезные увечья в походах и неспособные в силу этого обстоятельства нести ратную государеву службу. Воеводская должность была «корыстной», т.е. не оплачивалась государством, поэтому воеводу и его челядь содержало местное население: при вступлении в должность он получал «**въездный корм**», к праздникам — «**приношения**», а от челобитчиков — «**подношения**».

Все делопроизводство в **250 воеводских канцеляриях («Приказных» или «Съезжих» избах)** вели **осадные, объезжие, кабацкие** и иные головы, общая численность которых к **концу XVII в.** составляла около **2000 человек**. Контроль за деятельностью воевод был крайне слабым, что способствовало процветанию произвола, мздоимства и других тяжких злоупотреблений, особенно в отдаленных уездах страны.

Во второй половине **XVII в.** дальнейшее развитие получают военно-административные округа — **разряды**, которые создавались в пограничных (**Белгородском, Смоленском, Воронежском**) уездах страны. Воеводами **разрядов**, как правило, назначались бояре, которым подчинялись уездные воеводы. Права и обязанности «**разрядных**» воевод не были четко определены, но их главная задача состояла в мобилизации сил для отпора внешнему врагу.

Тема: РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XVII В. ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ

План:

1. Предыстория раскола.
2. Реформа патриарха Никона.
3. Итоги реформы и ее оценка в историографии.

1. Предыстория раскола

Тяжелейший социально-политический кризис, потрясший Россию в начале XVII в., стал предтечей не менее тяжелого идеологического кризиса, причины которого всегда трактовались неоднозначно. Одни авторы (Е. Голубинский, Н. Павленко) утверждали, что этот кризис был вызван «порухой прежних церковных обрядов и богослужебного чина», а их оппоненты (Н. Каптерев, Л. Гумилев, В. Вышегородцев) считали его мировоззренческим кризисом и, прежде всего, кризисом прежней, изоляционистской историософской доктрины «Москва — Третий Рим», ставшей еще в начале XVI в. официальной государственной идеологией Московского царства.

Истоки самого религиозного кризиса относятся к середине 1640-х гг., когда вокруг царского духовника Стефана Вонифатьева сложился знаменитый Кружок «ревнителей древнего благочестия», членами которого стали сам Великий Государь Алексей Михайлович, окольный Федор Михайлович Ртищев, настоятель Новоспасского монастыря архимандрит Никон, протопоп Казанского собора Иван Неронов и ряд провинциальных церковников — протопопы Аввакум, Даниил, Логгин и другие.

По мнению ряда русских и советских историков (Н. Каптерев, Л. Гумилев, В. Вышегородцев), свою главную миссию «ревнители древнего благочестия» видели в создании новой историософской концепции русского православия. Однако их оппоненты (Е. Голубинский, А. Карташев, Н. Павленко) утверждали, что претензии «царских боголюбцев» были гораздо скромнее и свою историческую миссию они видели в решении трех основных задач: 1) унификации всей системы церковных обрядов и богослужения, поскольку в средневековье обрядовая сторона религиозности имела не меньшее значение, чем сугубо богословская; 2) в наведении дисциплины и порядка в среде приходского духовенства, где укоренились такие пороки, как пьянство, разврат и стяжательство, и 3) в противодействии проникновению светских начал в духовную жизнь общества. Хотя, безусловно, последняя задача носила не столько прикладной, сколько историософский характер в духе идей одного из самых почитаемых «отцов церкви» Иоанна Златоуста «о строительстве монастыря в душе каждого верующего христианина».

В любом случае, сама программа «ревнителей благочестия» в целом отвечала интересам нарождавшегося самодержавия, поэтому царь Алексей Михайлович всячески поддерживал своего духовника и его соратников по борьбе за чистоту православной веры. Более того, ряд авторов (Н. Каптерев, А. Карташев) утверждали, что именно царю Алексею Михайловичу принадлежала сама идея проведения церковной реформы, поскольку в силу своего семейного воспитания он, как и его великий дед, патриарх Филарет, был истинным грекофилом.

В феврале 1649 г. программа «ревнителей благочестия» была вынесена на Церковный Собор, созданный по инициативе патриарха Иосифа, но, несмотря на ее поддержку самим царем, она была отвергнута большинством церковников, в том числе и архиереев РПЦ, и светская власть была вынуждена временно отступить.

Тем временем стремительно стало рушиться единство взглядов самих «боголюбцев», особенно, когда речь зашла о выборе образцов, по которым надлежало проводить исправление обрядов и богослужебных книг. Одни «ревнители», в частности протопопы Даниил и Аввакум, считали, что за основу исправления следует взять древнерусский «богослужебный чин», канонизированный на знаменитом Стоглавом Соборе 1551 г., а другие — архимандрит Никон, Ф.М. Ртищев и С. Вонифатьев полагали, что образцом для исправления должны были послужить греческие оригиналы библейских и богослужебных книг, а также византийские церковные традиции и обряды. Такая позиция «группировки Ртищева-Никона», по мнению большинства историков (Л. Гумилев, В. Вышегородцев Р. Скрынников), была продиктована не только религиозными мотивами, но и политической целесообразностью, а именно острой необходимостью унификации всего «церковного чина» с единокровной Русской Православной Церковью Киевской митрополии, входившей в состав Константинопольского патриархата, накануне исторического воссоединения Малороссии с Россией. Кстати, именно тогда же, в январе 1649 г., в Москве побывало и первое посольство малороссийского гетмана Богдана Хмельницкого во главе с полковником Силуаном Мужилевским, которое привезло московскому царю прошение «о принятии Войска Запорожского под высокую государеву руку».

Первоначально этот спор развивался исключительно в рамках клубной богословской дискуссии, но в конце 1649 г. ситуация резко изменилась, поскольку: 1) во-первых, в Москву по приглашению царя, воспитанного в духе грекофильства, для исправления богослужебных книг по греческим образцам приехали знаменитые малороссийские ученые-богословы из Киево-Могилянской академии Арсений Сатановский, Епифаний Славенецкий, Дамаскин Птицкий и некоторые другие; 2) во-вторых, один из наиболее близких и доверенных лиц из окружения молодого царя, архиепископ Никон, возглавив Новгородскую митрополию, стал явочным порядком проводить в жизнь основные постулаты церковной реформы в грекофильском духе, не дожидаясь их одобрения даже Освященным Собором РПЦ.

2. Реформа патриарха Никона

В апреле 1652 г. умер престарелый патриарх Иосиф и Алексей Михайлович тут же поспешил известить «любимого богомольца» и «совинного друга», митрополита Никона о своем желании видеть именно его на патриаршем престоле в Москве. О том, что новгородского владыку придворные круги готовят в патриархи, красноречиво говорил тот факт, что царь категорически отказал в настоятельной просьбе «боголюбцев» во главе с Иваном Нероновым поставить новым главой церкви своего духовника Стефана Вонифатьева.

Сразу по прибытии Никона в Москву, по заранее оговоренному сценарию, он был тут же «избран» новым патриархом РПЦ. Однако во время его посвящения в сан в Успенском соборе Московского Кремля, он неожиданно отказался от па-

триаршего посоха и белого клобука — главных символов верховной церковной власти, и самому царю, боярам и высшим церковным иерархам пришлось слезно, буквально на коленях, умолять любимого царского богомольца не отречься от патриаршего клобука.

В отечественной историографии (**Н. Павленко, Л. Гумилев, Р. Скрынников**) этот неординарный шаг будущего патриарха традиционно трактуют, как его неумное стремление сразу поставить духовную власть выше светской, истребовав для себя особые полномочия не только по управлению церковными, но и всеми светскими государственными делами. Однако это не совсем так. Как верно подметили ряд проникательных историков (**А. Кузьмин, В. Вышегородцев**), мотивы поведения **Никона** нельзя понять без четкого представления всей программы «придворных боголюбцев» по строительству Православного Царства в России.

Центральным пунктом этой программы была **доктрина «симфонии властей»**, основные постулаты которой были взяты «боголюбцами» из сочинений **Иоанна Златоуста** и знаменитого законодательного памятника **Византии IX в. «Эпанагоги»**, которая впервые была полностью переведена на русский язык только в **середине XVII в.** Основная мысль **Иоанна Златоуста** и анонимного автора «**Эпанагоги**» заключалась в двойном подчинении императорской (царской) власти, а именно: **1) действующим в государстве законам и 2) высшим нравственным заповедям**, которые установлены канонами православной церкви. Первым шагом во исполнение этих требований стало принятие **Соборного Уложения в январе 1649 г.** Вторым же шагом должен был стать договор святейшего архиерея с «**Властью**» и «**Землей**» о предоставлении патриаршей власти, как единственной блюстительнице нравственности и канона, исключительных прав и в церковных, и государственных делах. Безусловно, что такое требование могло быть выдвинуто только при наличии предварительной договоренности между патриархом и царем.

25 июля 1652 г. после троекратных «уговоров» и при явной поддержке со стороны царя и правящей партии **Б.И. Морозова-И.И. Милославского «любимый царский богомолец» и «совинный друг»**, митрополит **Никон** — в миру **Никита Минич Минов (1605–1681)**, наконец, соизволил принять патриарший посох и клобук, что знаменовало собой начало конкретной реализации программы «**симфонии властей**». Последствий этого договора не могли себе представить ни сам царь, ни патриарх, ни члены царского правительства. Пожалуй, только провинциальные «боголюбцы», хорошо знавшие властный характер патриарха **Никона** и его далеко идущие планы, первыми почувствовали надвигающуюся угрозу всевластия главы Русской Православной Церкви.

В **начале 1653 г.** всем церковным приходам и монастырям была направлена «**Память**» патриарха **Никона**, которая предписывала внести существенные изменения в богослужебный чин и основные церковные обряды: двуперстие заменить трехперстием, земные поклоны — поясными, многоголосие — единоголосием, пасхальный крестный ход посолонь — крестным ходом навстречу солнцу, семи-просфорную литургию — пятипросфорной, двукратную аллилуйю — троекратной, и т.д.

Патриаршья «**Память**» сразу вызвала большое замешательство, а затем открытый протест «провинциальных боголюбцев», которые вскоре подали челобитную царю с указанием «**никоновских неправд**». Однако **Алексей Михайлович**

и его ближние бояре **Б.И. Морозов, И.И. Милославский, И.Д. Пронский** и другие отвергли все обвинения челобитчиков и полностью поддержали патриарха в его благих деяниях.

В 1654 г. по инициативе патриарха **Никона** и при активной поддержке двух Вселенских патриархов — александрийского **Паисия** и антиохийского **Макария**, чье материальное благосостояние напрямую зависело от благорасположения самого **Никона** и его богатой патриаршей казны, в **Москве** был созван новый **Церковный Собор**, который принял решение об исправлении всей богослужебной литературы по «старым харатейным русским и греческим книгам». После окончания Собора **Алексей Михайлович** отбыл во главе русской армии на польский фронт, и полноправным хозяином **Москвы** стал всесильный патриарх **Никон**, который, обладая таким же титулом «**Великий Государь**» (1652), стал бесцеремонно вмешиваться в дела государственного и дворцового управления, что вызвало резкое неприятие многих членов **Боярской Думы**, прежде всего, близких родственников царя князей **Милославских**.

В целом противников **Никона** условно можно разделить на три больших группы.

1) Первая группа противников патриарха была недовольна не столько содержанием самой реформы, сколько формой и методами ее проведения. Представителям этой группы не нравился сам **Никон**, его властолюбие, высокомерие, непримиримость, жестокость и другие «богомерзкие» черты характера архипастыря **Русской Православной Церкви**.

2) Вторую группу противников реформы составляли многочисленные приходские священники и монахи, которые в силу своей малограмотности элементарно просто не были готовы к осмысленной работе с новыми, исправленными богослужебными книгами и обрядами, которые они знали довольно плохо и только на память.

3) К третьей группе относились идейные противники **Никона**, которые были ярыми блюстителями старины вообще, и непримиримыми защитниками старой веры в частности. Их принципиальные разногласия с **Никоном** состояли в следующем: а) они рьяно отстаивали государственную изоляционистскую историософскую концепцию «**Москва — третий Рим**», считая остальные **Вселенские Православные Церкви**, подписавшие **Флорентийскую унию (1439)** с католическим **Римом**, «неполноценными» униатскими **Церквами**; б) будучи сторонниками **иосифлянской доктрины** о божественном происхождении царской власти, «ревнители благочестия», в отличие от патриарха, отвергали верховенство духовной власти над светской и считали только самодержца гарантом чистоты православия и **ключевой фигурой Православного Царства**; в) наконец, они категорически выступали против исправления богословских книг и церковных канонов по греческим образцам, считая их «**порченными еретическими новоделами**», созданными после подписания «богомерзкой» **Флорентийской унии** в **Риме, Венеции, Париже** и других городах католической и протестантской Европы.

В числе наиболее ярых идейных противников **Никона**, ставших затем идеологами и вождями раскола, были не только священнослужители **Аввакум, Иван Неронов, Никита Пустосвят, Спиридон Потемкин**, но и видные представители русской родовой аристократии — князья **Хованские, Урусовы**, бояре **Соковнины, Морозовы, Стрешневы** и другие.

В марте 1655 и апреле 1656 гг. в Москве состоялись два новых **Церковных Собора**, которые не только официально подтвердили главные положения церковной реформы, но и осудили самых ярких идейных противников патриарха. Одни из них, в частности **Даниил** и **Логин**, были лишены духовного сана и отлучены от Церкви, а другие — **Аввакум** и **Иван Неронов** сосланы на покаяние в дальние монастыри.

Между тем, своенравный характер **Никона**, который всячески подчеркивал верховенство духовной власти над светской, стали раздражать самого царя. Первые признаки охлаждения отношений между двумя «**Великими государями**» проявились уже в 1657 г., когда **Алексей Михайлович** публично назвал патриарха **Никона** «невежей, мужиком и владыным сыном». Затем, в июле 1658 г., после публичного конфликта с царем, **Никон** демонстративно отрекся от патриаршества и удалился в основанный им **Воскресенский Новоиерусалимский монастырь**, рассчитывая этим неординарным поступком вернуть себе прежнее расположение царя. Однако **Алексей Михайлович** крайне прохладно отнесся к этой выходке бывшего «совинного друга» и стал активно подыскивать новую кандидатуру на патриарший престол. В 1660 г. в Москве состоялся новый **Церковный Собор**, на котором **Никон** был отрешен от патриаршества, но нового патриарха избрать не удалось, и местоблюстителем патриаршего престола был назначен **Крутицкий митрополит Питирим**.

Спустя четыре года, в декабре 1664 г. **Никон** неожиданно для всех вернулся в столицу и из **Успенского собора Московского Кремля** направил царю послание, в котором заявил о своем возвращении на патриарший престол. Однако этот вызывающий шаг низложенного патриарха был воспринят крайне отрицательно и по требованию церковных архиереев, спешно созванных на **Освященный Собор** самим царем **Алексеем Михайловичем**, **Никон** вынужден был покинуть столицу и вернуться в **Воскресенский монастырь**. После этого демарша, опальный патриарх смирился со своей незавидной участью и согласился отречься от сана, но при условии сохранения за ним трех монастырей и всех «патриарших» привилегий.

Последний акт затянувшейся драмы состоялся в 1666–1667 гг., когда на очередном **Церковном Соборе** с участием двух Вселенских патриархов **Паисия** и **Макария**, **Никон** был обвинен в теократизме и повторно отрешен от сана и священства. Последние годы своей жизни опальный патриарх провел в заточении в **Феропонтовом** и **Кирилло-Белоозерском монастырях**. Однако при царе **Федоре Алексеевиче** (1676–1682) он был помилован и ему разрешили вернуться в **Воскресенский монастырь**, но по дороге в столицу, под **Ярославлем** в августе 1681 г. бывший патриарх скоропостижно скончался.

В мае 1686 г., сразу после заключения «**Вечного мира**» между Россией и Речью Посполитой, положившего конец многовековой вражде **Варшавы** и **Москвы** за обладание исконными русскими землями, константинопольский патриарх **Дионисий IV** дал согласие на подчинение Киевской митрополии **Московскому Патриархату**, в результате чего эта церковная организация православной церкви **Константинопольского патриархата** на территории **Малороссии**, созданная в 1458 г., вскоре после подписания **Флорентийской унии** по сугубо политическим мотивам, прекратила свое существование.

3. Итоги реформы и ее оценка в историографии

Церковный Собор 1666–1667 гг., прошедший под руководством нового патриарха **Иоасафа II**, стал последним актом раскола в **Русской Православной Церкви**, поскольку на нем были приняты два важнейших решения: **1)** подтверждены все основные постулаты никонианской реформы и **2)** всех идейных вождей **старообрядчества** официально предали анафеме и прокляли как еретиков. В частности, протопоп **Аввакум Петров** был лишен сана и сослан в **Пустоозерск**, где затем был сожжен на костре, боярыня **Феодосия Прокопьевна Морозова** и ее сестра, княгиня **Евдокия Прокопьевна Урусова** были посажены в **Боровскую земляную тюрьму**, где умерли от голода и пыток, и т.д.

Надо сказать, что **старообрядчество** было довольно сложным социальным явлением, как по составу своих участников, так и по существу. Общим лозунгом старообрядцев был возврат к «старине», однако различные социальные группы (аристократия, духовенство, посадские) вкладывали в это понятие сугубо свое классово-сословное содержание. Так, крепостные крестьяне и посадский люд видели в старообрядчестве реальный противовес государственной власти, с которой они связывали окончательное оформление крепостничества и покушение на весь, сложившийся веками жизненный уклад. У духовенства, в первую очередь рядовых монахов и приходских священников, «старина» ассоциировалась с привычным совершением церковных обрядов и чтением давно заученных молитв. Для представителей бояро-княжеской аристократии старообрядчество стало своеобразной формой политического протеста против нарождавшегося абсолютизма и падения их влияния во властных институтах государства, и т.д.

На длительном пути своего существования старообрядчество являлось то знаменем открытой вооруженной борьбы с самодержавием (**Соловецкое восстание 1668–1676 гг.**), то символом пассивного непротивления путем ухода в леса и создания там старообрядческих общин-скитов (**Аввакум**), то символом самого отчаянного протеста против никонианства — самосожжения или «**самоуморения**» (**Капитон**).

Следует сказать, что в отечественной исторической науке еще в позапрошлом веке сложились два основных направления в оценке церковного раскола. Часть авторитетных авторов (**С. Соловьев, В. Ключевский, Н. Бердяев, Е. Голубинский**) рассматривали его как чисто **религиозно-церковное явление**. Но другие авторы (**А. Щапов, Н. Костомаров**) были склонны рассматривать раскол как **социально-политическое движение, облаченное в религиозную форму**. Именно это понимание раскола стало общепризнанным и в советской, и в современной исторической науке (**И. Клибанов, Р. Скрынников, Н. Павленко, А. Богданов**).

По мнению большинства современных историков (**Р. Скрынников, Л. Гумилев, В. Вышегородцев**), главными итогами никонианской реформы стали: **1)** установление вселенского характера русского православия и **2)** окончательное разрешение многовекового спора о верховенстве духовной и светской властей в пользу последней, что затем станет осязаемой реальностью в годы петровских реформ, когда Русская Православная Церковь превратится в **один из институтов государственной власти**, а российский император станет ее юридическим главой.

Тема: СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В XVII В.

План:

1. Предварительные замечания.
2. Соляной бунт в Москве 1648 г.
3. Медный бунт в Москве 1662 г.
4. Основные проблемы изучения Крестьянских войн.
5. Крестьянская война под руководством С.Т. Разина (1670–1671).

1. Предварительные замечания

Современники и историки называли XVII столетие «бунташным» веком, и это совершенно неслучайно, поскольку именно на этот век пришлось такие мощные социальные движения, как **Гражданская война** начала века, получившая очень емкое и точное название **Смута**, городские восстания середины столетия, в том числе **Соляной** и **Медный бунты** в **Москве**, **Крестьянская война** под руководством **С.Т. Разина** и стрелецкие бунты последней четверти столетия.

Предварить наше повествование о самых мощных социальных движениях «бунташного века» мы хотим двумя существенными замечаниями:

1) При изучении истории всех социальных движений следует помнить, что они были порождением не только классовых антагонизмов и противоречий, как это традиционно трактовалось в советской историографии. Во многом они представляли собой совокупность социальных, религиозных и даже этнических конфликтов: на протяжении почти двух столетий казачья вольница боролась с московским правительством, «голутвенные» казаки против «домовитых», провинциальное дворянство с аристократией, старообрядцы с «новокрещенцами», крепостные крестьяне против помещиков и т.д.

2) В исторической литературе можно встретить абсолютно полярные оценки различных социальных движений, потрясавших Россию на протяжении всех столетий ее богатой истории. Но, как правило, те ученые, которые рассматривали государство как главную движущую силу русской истории и прогресса, в частности сторонники знаменитой «**государственной школы**», оценивали их как преступные деяния — бунты и мятежи, направленные против законной власти и правопорядка. Те же ученые, прежде всего, представители **советской исторической школы**, которые априори исходили из марксистского учения о «классовой борьбе как локомотиве истории», напротив, всегда оценивали их довольно позитивно, поскольку полагали, что основным содержанием этих движений была борьба с крепостничеством и самодержавием. При этом многие советские историки, в том числе такие авторитетные ученые, как **М.Н. Тихомиров**, **П.П. Смирнов**, **В.В. Мавродин**, **В.И. Корецкий** и **В.И. Буганов**, зачастую сознательно игнорировали откровенно разбойный характер этих движений, которые сопровождались массовыми убийствами, грабежами и погромами.

2. Соляной бунт в Москве 1648 г.

В 1648–1650 гг. в разных городах России, в том числе в **Пскове**, **Новгороде** и **Устюге Великом**, произошли крупные антиправительственные выступления, но,

безусловно, самым мощным из них стал **Соляной бунт** в **Москве**, вспыхнувший в **июне 1648 г.**

Предыстория **Соляного бунта** была такова: в **июле 1645 г.** умер царь **Михаил Федорович** и по сложившейся традиции предстояли выборы нового монарха. Русская аристократия в лице ряда влиятельных князя и бояр, в частности **И.М. Черкасского**, **Ф.Ф. Шереметьева**, **Н.И. Одоевского** и других членов **Боярской Думы**, решила посадить на русский престол датского принца **Вольдемара** и создать в России на польский манер **режим выборной монархии**. Но эта дворцовая интрига не удалась, поскольку усилиями боярина **Б.И. Морозова** на русский престол был избран его воспитанник, старший сын почившего государя, молодой царевич **Алексей Михайлович (1645–1676)**. В результате этого «дворцового переворота» к власти пришло новое правительство, в состав которого вошли бояре **Б.И. Морозов**, **Г.Г. Пушкин**, **М.М. Салтыков**, **Л.С. Плещеев**, **П.Т. Траханиотов** и другие представители родовой аристократии и столичного дворянства. Причем, что примечательно, многие из них были повязаны различными родственными узами, как, например, **Борис Иванович Морозов**, **Леонтий Степанович Плещеев** и **Петр Тихонович Траханиотов**, которые приходились родней царскому тестю, боярину **Илье Даниловичу Милославскому**.

Вскоре новое правительство выступило с обширной программой «либеральных» экономических реформ, которая предусматривала отмену «урочных лет», ликвидацию «белых слобод», введение косвенных податей, сокращение расходов на государственный аппарат и т.д. В **феврале 1646 г.** по инициативе **Б.И. Морозова**, **Н.И. Чистого** и **А.И. Чистого** вместо ряда прямых налогов, в частности «стрелецкой» и «ямской» деньги, был введен косвенный налог на соль. Однако уже в **декабре 1647 г.**, не оправдав надежд правительства, «соляная деньга» была отменена, и правительство решило взыскать двухгодовую задолженность за отмененные ранее подати, что имело самые печальные последствия для творцов этого решения.

1 июня 1648 г. во время возвращения царя с традиционного богомолья из **Троице-Сергиева монастыря** толпа москвичей попыталась передать **Алексю Михайловичу** челобитную с просьбой об отставке и наказании главного мздоимца, главы **Земского Приказа** **Леонтия Степановича Плещеева**. Однако челобитчики были разогнаны стрельцами и тогда **2–3 июня 1648 г.** разъяренная толпа москвичей ворвалась в **Кремль** и начала крушить дворы **Б.И. Морозова**, **П.Т. Траханиотова**, **Г.Г. Пушкина**, **М.М. Салтыкова**, **В.Г. Шорина** и других членов правительства. При этом во время погрома был убит дьяк **Приказа Новгородской чети Назарий Иванович Чистый**. Причем, как установил профессор **П.П. Смирнов**, автор известной работы «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века» (1947), этот погром целенаправленно осуществлялся под руководством дворовых людей дядьки царя, боярина **Н.И. Романова** и князя **Д.М. Черкасского**, т.е. партии аристократов, отстраненной от власти в **1645 г.**

В доказательство этого предположения зримо говорит тот факт, что вечером **3 июня** переговоры с восставшими вели именно **Н.И. Романов** и **Д.М. Черкасский**, которые приняли от них петиции с требованием расправы над ключевыми членами правительства. Итог этих переговоров оказался плачевен для «власти предержащих» бояр: глава правительства боярин **Б.И. Морозов** был сослан в **Кирилло-Белозерский монастырь**, судьбу **Земского Приказа** думного дьяка **Л.С. Плещеева** отдали на рассмотрение восставшей толпе, а глава **Пушкарского Приказа** окольничий **П.Т. Траханиотов** был обезглавлен на **Красной площади** в **Москве**.

Реальный итог **Соляного бунта** состоял в том, что: 1) Русское правительство вновь возглавила старая **партия Ф.И. Шереметьева – И.И. Черкасского**, в состав которого вошли князья **Н.И. Одоевский, Ф.Ф. Волконский, М.П. Пронский, С.В. Прозоровский** и другие; 2) По требованию широких слоев московского дворянства и посада было принято решение о созыве нового **Земского Собора**, работа которого увенчалась принятием **Соборного Уложения 1649 г.**, о котором мы подробно писали в предыдущей теме.

3. Медный бунт в Москве 1662 г.

Летом 1662 г. в **Москве** вспыхнуло новое восстание, получившее название **Медного бунта**, предыстория которого была такова: в 1656 г. для покрытия бюджетного дефицита, вызванного **русско-польской войной (1654–1667)**, по предложению царского фаворита, окольничего **Ф.М. Ртищева** правительство приняло решение наряду с традиционной серебряной монетой (**ефимками**) выпустить в обращение медные деньги. Однако вскоре они стали стремительно обесцениваться, поскольку: 1) правительство постоянно увеличивало чеканку медной монеты; 2) ряд оборотистых дельцов, в частности тесть царя боярин **И.Д. Милославский**, наладили чеканку собственной фальшивой монеты; 3) все подати и пошлины по-прежнему собирались серебряной монетой, а жалование, напротив, стали все чаще и больше платить медной деньгой; 4) наконец, из-за финансовых трудностей правительство ввело новую подать «на войну». В результате, уже в **начале 1662 г.** номинальная стоимость одного медного рубля в двенадцать раз была меньше серебряного!

25 июля 1662 г. в **Москве** появились «воровские и подметные письма», в которых ряд членов правительства, в частности **И.Д. Милославский, Ф.М. Ртищев и В.Г. Шорин**, были названы «польскими агентами» и «ворами». Именно с этими «подметными письмами» большая группа стрельцов и посадских направилась к царю в село **Коломенское** под **Москвой** с требованием выдачи указанных лиц на расправу. Тем временем, в самой **Москве** начались погромы дворов тех бояр и купцов, которые были причастны к этой реформе. Особенно досталось дворам двух богатых купцов — **В.Г. Шорина и С.Ф. Задорина**, которым правительство отдало на откуп сбор многих податей и пошлин.

Как сообщает летопись, с первой партией челобитчиков **Алексей Михайлович** говорил «тихим обычаем и обещал им учинить скорый сыск и правую расправу» над всеми «лихонмицами и ворами». Однако новая толпа москвичей, «невежливо бившая челом» Государю, была жестоко разогнана тремя стрелецкими полками. Во время этой акции погибло несколько сот москвичей, а в вечером того же дня было схвачено и повешено еще более ста челобитчиков. По сообщениям небезызвестного беглого посольского дьяка **Григория Карповича Котошихина** «и того ж дни около того села повесили со 150 человек, а остальным всем был указ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсекали руки и ноги и у рук и у ног пальцы, а иных бив кнутом, розослали всех в дальние города, в **Казань**, и в **Астрахань**, и на **Терки**, и в **Гвирь**, на вечное житье, а иным пущим вором того ж дни, в ночи, учинен указ, завязав руки назад посаждая в большие суды, потопили в **Москве реке**».

По данным профессора **В.И. Буганова**, автора известной монографии «**Медный бунт: московские «бунтари» 1662 года**» (1968), розыск по этому бунту не имел

прецедентов во всей предыдущей истории подобных событий, поскольку всех грамотных москвичей заставили дать образцы своего почерка, чтобы сличить их с «воровскими листами», послужившими сигналом для начала **Медного бунта**, однако его зачинщиков так и не нашли.

Тем не менее, основным итогом нового московского бунта стала постепенная отмена медной монеты. Сначала, в **1663 г.**, медные дворы были закрыты в **Новгороде** и **Пскове**, затем в **Москве** и **Новгороде** возобновили чеканку серебряной монеты, а всю медную деньгу полностью изъяли из наличного обращения и переплавили ее для прикладных нужд.

4. Основные проблемы изучения Крестьянских войн

Городские восстания и другие крупные антиправительственные выступления, в частности поход донского атамана **Василия Уса** на **Москву (1666–1667)**, стали предвестниками одного из самых мощных социальных движений в истории России — **Крестьянской войны под руководством С.Т. Разина**. Но прежде чем говорить об этой **Крестьянской войне**, мы остановимся на ключевых вопросах историографии, где до сих пор продолжается спор по целому ряду проблем:

1) Сколько в истории России было **Крестьянских войн**. Одни авторы (**В. Мавродин, В. Буганов, А. Маньков, А. Преображенский, Е. Подъяпольская**) утверждали, что в России было четыре **Крестьянских войны** — **И.И. Болотникова (1606–1607)**, **С.Т. Разина (1667–1671)**, **К.А. Булавина (1707–1709)** и **Е.И. Пугачева (1773–1775)**. Другие историки (**Н. Павленко, А. Станиславский**) оппонировали им и резонно полагали, что движения **И.И. Болотникова** и **К.А. Булавина** ни по своим целям, ни по размаху, ни по составу своих участников **Крестьянскими войнами** не являлись.

2) Какова была реальная идеология **Крестьянских войн**. Одни авторы (**В. Буганов, М. Белявский, А. Преображенский, Е. Подъяпольская**) традиционно утверждали, что существовала самобытная крестьянская идеология, всегда носившая антимонархический и антифеодальный характер. Другие историки (**Н. Павленко, А. Станиславский, Л. Милов**) более аргументировано считали, что никакой самобытной крестьянской идеологии до возникновения народничества не существовало, а «идейные» воззрения подавляющей массы российского крестьянства носили сугубо религиозный и царистский характер.

3) Каков был характер **Крестьянских войн**. Первоначально в советской историографии времен главного историка-марксиста, академика **М.Н. Покровского** утвердилось стойкое представление об антифеодальном характере всех **Крестьянских войн** в истории России, поскольку все эти войны априори были неудавшимися буржуазными революциями. Однако затем, это явно вульгарное толкование марксизма было решительно отвергнуто, но сама характеристика **Крестьянских войн** как антифеодальных движений странным образом была сохранена и существует поныне в трудах целого ряда историков (**В. Буганов, А. Сахаров, И. Заичкин**). Вместе с тем, в последнее время ряд известных историков (**Н. Павленко**) совершенно верно говорят о том, что **Крестьянские войны** никогда не были и не могли быть антифеодальными движениями, поскольку весь набор требований восставших не выходил за рамки традиционных царистских представлений и на их «политических лозунгах» априори невозможно отыскать элементарных буржуазных требований

о ликвидации самодержавия, предоставлении гражданских и политических прав и свобод и т.д. Более того, **Крестьянские войны** отнюдь не расшатывали, а напротив, укрепляли феодально-крепостнический строй, поскольку сразу после подавления всех крупных социальных движений и протестов государство в лице царской власти ужесточало полицейский и репрессивный аппарат власти и в центре, и на местах. В данном случае достаточно вспомнить знаменитую **губернскую реформу (1775)**, проведенную **Екатериной II** тотчас после подавления пугачевского бунта.

4) Какова была роль различных классов и сословий в организации **Крестьянских войн**. В советской историографии (**В. Мавродин, В. Буганов, А. Преображенский, Е. Подъяпольская**) традиционно утверждалось, что главной движущей силой всех **Крестьянских войн** в истории России были крепостные крестьяне, а посадский люд и казачество выполняли лишь вспомогательную роль их попутчиков. Однако, еще в 1972 г. на страницах журнала «Вопросы истории» была опубликована статья профессора **Н.И. Павленко** «О роли казачества в организации крестьянских войн», в которой автор убедительно доказал, что инициатором и главной движущей силой всех «**Крестьянских**» войн в России являлось именно казачество. Позднее этот, довольно смелый и даже в чем-то новаторский для всей советской исторической науки вывод авторитетного московского профессора был полностью подтвержден ведущими профессорами **Ростовского университета А.П. Пронштейном** и **Н.А. Мининковым** в их фундаментальной монографии «**Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество**», вышедшей в 1983 г.

5. Крестьянская война под руководством С.Т. Разина (1670–1671) С.Т. Разин

В исторической науке существуют разные подходы к определению хронологических рамок этой **Крестьянской войны**. Одни историки (**В. Буганов, А. Сахаров**) датируют ее 1667–1671 гг., поскольку убеждены, что «действия восставших с самого начала носили четкие и ясно выраженные антифеодальные черты». Другие авторы (**И. Степанов, Н. Павленко**) датируют эту войну 1670–1671 гг., поскольку резонно полагают, что события 1667–1669 гг. были вполне традиционным грабительским походом донских казаков «за зипунами», то есть военной добычей, а не социальным «антифеодальным» движением той поры.

Инициаторами разинщины стали донские «голутвенные» казаки, жившие на территориях будущей **Области Войска Донского** и **Новороссии**. Истоки этого движения следует искать в особенностях жизненного уклада донских казаков, и в частности в том, что у них отсутствовало пашенное земледелие и традиционной формой их бытия были военные (разбойные) походы и оборона своих земель, внешняя торговля, а так же соляные, рыбные и иные промыслы. Кроме того, обширная территория **Донского края** издавна управлялась выборными атаманами и старшинами, а не воеводами, назначаемыми из **Москвы**. Центральное правительство вынуждено было мириться с таким ненормальным положением вещей, поскольку было кровно заинтересовано в услугах донского казачества по охране южных рубежей Русского государства от постоянных набегов османов, ногайцев, крымских татар и калмыков.

Социальный состав донского казачества был крайне неоднороден. Так, в **низовьях Дона** традиционно жили потомственные «**домовитые**» казаки, которые за свою государеву ратную службу получали из **Москвы** хлебное и пороховое жалование.

А в **верховьях Дона**, напротив, в основном жили «**голутвенные**» казаки, численность которых постоянно росла за счет беглых крепостных крестьян и холопов. Именно эти «**верховские**» казаки часто и совершали те самые разбойные походы «за зипунами» в сопредельные государства и территории **Дикого Поля**, о которых мы писали ранее. С очередного такого похода и начался самый мощный бунт донских казаков, который возглавил **Степан Тимофеевич Разин (1630—1671)**, происходивший из довольно зажиточной семьи «**домовитых**» казаков станицы **Зимовейской**, расположенной в верховьях **Дона**.

В мае 1667 г., собрав под своими знаменами примерно тысячу «голутвенных» казаков, **С.Т. Разин** отправился в низовья **Волги**. Пограбив здесь, в районе **Астрахани** и **Царицына**, богатые купеческие караваны, разинцы вышли в **Каспийское море**, а затем по **Яику** поднялись на стругах до пограничного **Яицкого городка** и захватили его. Перезимовав на **Яике**, в марте 1668 г. **С.Т. Разин** с ватагой своих казаков спустился к западному побережью **Каспийского моря**, где его казаки удачно пограбили население многих персидских городов и селений, в том числе **Дербента**, **Фарабада**, **Решта** и **Баку**. Зиму 1668—1669 гг. разинцы провели на **Свином острове** близ **Гиляна**, где в июне 1669 г. разгромили целый флот персидского шаха **Мамед-хана**. А затем, в августе 1669 г., разинцы высадились в **Астрахани** и оттуда ушли на **Дон**, в **Кагальницкий городок**, который стал их главной опорной базой.

Тем временем московское правительство, оценив всю опасность и размах нового казачьего бунта, попыталось с помощью «домовитого» казачества взять ситуацию на **Дону** под контроль. С этой целью в столицу **Донского края** город **Черкасск** был послан думный дворянин **Иван Григорьевич Евдокимов**, являвшийся доверенным лицом главы **Посольского приказа** **А.Л. Ордина-Нашекина**. Однако **С.Т. Разин**, узнав о тайной миссии московского посла и его переговорах с войсковым атаманом **Корнилой Яковлевым**, неожиданно прибыл на казачий круг в **Черкасск**, где казнив бедолагу **И.Г. Евдокимова** и низложив войскового атамана **К.Я. Яковлева**, захватил власть.

В апреле 1670 г. семитысячный отряд **С.Т. Разина** пересек волго-донской водораздел, вышел к **Царицыну** и без труда овладел им. Во время пребывания здесь, разинцы одержали две очень важных победы: сначала они разбили стрелецкий отряд воеводы **И.А. Лопатина**, посланный сюда из **Москвы**, а затем под **Черным Яром** разгромили астраханских стрельцов во главе с князем **С.И. Львовым**.

В июне 1670 г. разинцы штурмом овладели **Астраханью**, где перебили всех «начальных» людей во главе с князем-воеводой **И.С. Прозоровским**, а затем, оставив в городе двухтысячный гарнизон во главе с атаманом **Василием Родионовичем Усом**, **С.Т. Разин** вернулся в **Царицын** и оттуда двинулся вверх по **Волге**. В течение июля-августа 1670 г. на сторону восставших добровольно перешли **Саратов**, **Самара**, **Пенза**, **Сызрань**, **Саранск** и многие другие города **Среднего Поволжья**. Тогда же **С.Т. Разин** впервые обратился к местному населению со знаменитыми «**Прелестными письмами**», в которых призвал всех холопов, крепостных крестьян и посадский люд примкнуть к его восстанию и пойти походом на **Москву**. Кстати, именно эти «**Прелестные письма**» многие советские историки (**В. Мавродин**, **В. Буганов**, **А. Преображенский**, **А. Пронштейн**) выдвигали в качестве главного аргумента антифеодального характера этой **Крестьянской войны**. Однако, как верно заметил все тот же профессор **Н.И. Павленко**, даже на этом, так называемом «социальном», этапе это восстание донских казаков вовсе не утратило своего разбойного и грабительского характера.

В сентябре 1670 г. разношерстное войско Степана Разина подошло к Симбирску. Местный воевода, князь Иван Богданович Милославский не стал испытывать судьбу и со своим трехтысячным стрелецким гарнизоном укрылся за мощными каменными стенами Симбирского Кремля. Разинцы четыре раза штурмовали эту хорошо укрепленную цитадель, но так и не смогли ее взять.

Тем временем московское правительство послало на Волгу многотысячную армию под командованием опытного воеводы, князя Юрия Никитича Бярятинского, который в кровопролитном сражении у стен Симбирска уничтожил разинское войско. Сам атаман С.Т. Разин, получив тяжелое ранение, еле спасся с поля боя и на всех парах двинулся вниз по Волге в Астрахань, где после смерти Василия Уса верховодил другой донской атаман Федор Шелудяк. Однако до намеченной цели он так и не дошел и решил укрыться в укрепленном Кагальницком городке. Именно здесь в апреле 1671 г. «домовитые» казаки во главе с войсковым атаманом К.Я. Яковлевым арестовали Степана и Фрола Разиных и под «крепким караулом» отправили их в Разбойный приказ в Москву.

Следствие и суд над предводителями бунта продолжались около двух месяцев, а 6 июля 1671 г. С.Т. Разин и ряд его сподвижников были четвертованы на Красной площади в Москве. Между тем, младший брат казненного атамана, Фрол, пообещавший раскрыть страшную тайну о несметных богатствах разинской казны, был помилован и опять препровожден в Сыскной приказ к его главе, князю В.С. Волынскому, где несколько лет подвергался мучительным пыткам, но так ничего и не поведав государевым сыскарям, был казнен в 1676 г. Тем временем, в ноябре 1671 г. пал последний оплот восставших — город Астрахань, где засели несколько тысяч донских казаков во главе с атаманом Ф.И. Шелудяком, который был повешен князем Я.Н. Одоевским в 1672 г.

Тема: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XVII В.

План:

1. Основные направления внешней политики.
2. Смоленская война (1632–1634).
3. Присоединение Восточной Сибири и Дальнего Востока.
4. Национально-освободительная война Малороссии против Польши (1648–1654).
5. Русско-польская война (1654–1667) и Русско-шведская война (1656–1661).
6. Русско-крымско-османские отношения. Крымские (1687–1689) и Азовские (1695–1696) походы.

1. Основные направления внешней политики

Внешнеполитический курс России на протяжении всего XVII в., был нацелен на решение четырех основных задач: 1) возвращение всех исконных русских земель, входивших в состав Речи Посполитой; 2) обеспечение надежного выхода в Бал-

тийское море, утерянного после **Столбовского мирного договора**; 3) обеспечение надежной безопасности южных границ и борьба с **Крымским ханством** и **Османской империей** за выход в **Черное море** и 4) дальнейшее продвижение в Сибирь и на Дальний Восток.

2. Смоленская война (1632–1634)

После смерти престарелого польского короля **Сигизмунда III Ваза**, в июне 1632 г. по инициативе патриарха **Филарета** был созван **Земский Собор**, который принял решение о начале новой войны с Польшей за возвращение смоленских и черниговских земель.

В августе 1632 г. под Смоленск была направлена довольно сильная русская армия, костяк которой составили три полка поместной конницы — Большой (воевода **Михаил Борисович Шеин**), Передовой (воевода **Семен Васильевич Прозоровский**) и Сторожевой (воевода **Богдан Михайлович Нагой**) и Полки нового строя под командой четырех иноземных полковников — **Александра Лесли**, **Ганса Фукса**, **Якова Хареслебена** и **Томаса Сандерсона**. Осенью 1632 г. русская армия, разгромив поляков и запорожских казаков, довольно быстро овладела **Невелем**, **Рославлем**, **Серпейском**, **Стародубом**, **Трубчевском**, **Себежем** и **Почепом**, и уже в начале декабря начала осаду **Смоленска**, оборону которого держал польский гарнизон под командованием гетмана **А. Гонсевского**.

Однако из-за полного отсутствия тяжелых орудий, осада **Смоленска** явно затянулась. А тем временем, по договоренности с **Варшавой**, крымские татары совершили опустошительный набег в земли **Рязанского**, **Белевского**, **Калужского**, **Серпуховского**, **Каширского** и других южных уездов страны, в результате чего в армии воеводы **М.Б. Шеина** началось массовое дезертирство служилых людей по «отечеству», поспешивших спасти свои разоренные поместья. Как позднее доносил в **Москву** один из очевидцев тех событий, «**дети боярские южных украин, видя татарскую войну, что у многих поместья и вотчины повоєваны, и матери, и жены, и дети в полон понманы, из-под Смоленска разъехали, а остались под Смоленском с боярином и воеводоу немногие люди**».

Тем временем в самой **Польше** завершился затянувшийся династический кризис и на престоле закрепился старший сын **Сигизмунда III Владислав IV (1633–1648)**, который во главе большой армии поспешил на помощь осажденному **Смоленску**. В сентябре 1633 г. польская армия вынудила **М.Б. Шеина** снять осаду **Смоленска**, а затем окружила остатки его войска восточнее **Днепра**. В феврале 1634 г., страдая от нехватки провианта и боеприпасов, воевода **М.Б. Шеин** капитулировал, оставив неприятелю всю осадную артиллерию и лагерное имущество.

Затем **Владислав** двинулся на **Москву**, но узнав, что оборону столицы держит русская армия во главе с князьями **Д.М. Пожарским** и **Д.И. Черкасским**, он сел за стол переговоров, которые завершились в июне 1634 г. подписанием **Поляновского мирного договора**. По условиям этого договора: 1) **Владислав** отказывался от претензий на русский престол и признавал **Михаила Федоровича Романова** законным русским царем; 2) Польша возвращала себе все смоленские и черниговские города; 3) **Москва** выплачивала **Варшаве** огромную военную контрибуцию в 20 тысяч рублей.

После смерти своего отца **Филарета**, Великий Государь особенно болезненно воспринял тяжелое поражение в **Смоленской войне**, поскольку все еще прекрасно помнили обстоятельства свержения **Василия Шуйского** после военной катастрофы у села **Клушино** в **июне 1610 г.** Поэтому по боярскому приговору «за государеву измену» воеводе **Михайлу Шеину** и его сподручным **Артемию** и **Василию Измайловым** отрубили головы на **Красной площади** в **Москве**.

3. Присоединение Восточной Сибири и Дальнего Востока

Вскоре после завершения Смуты продолжилось интенсивное продвижение русских «охочих» людей и казаков в неизведанные районы Сибири и Дальнего Востока. В **1618 г.** здесь был основан **Енисейский острог**, через десять лет казаки срубили **Красноярский острог (1628)**, а затем возникли **Братский (1630)**, **Киренский (1631)**, **Якутский (1632)**, **Верхотенский (1642)** и другие крепостицы и остроги, которые стали опорными пунктами русских людей в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Продвижение русских в Сибирь и на Дальний Восток проходило двумя традиционными путями. Первый маршрут лежал вдоль суровых морей **Северно-Ледовитого океана**, а второй — пролегал вдоль южных границ Сибири и соседнего с ней Китая. В **1643—1645 гг.** письменный голова Якутского острога **Василий Данилович Поярков** с небольшим отрядом казаков и стрельцов совершил большую экспедицию на юг от своего острога и в течение двух лет подробно исследовал берега рек **Зей** и **Шилки**. Затем, спустившись по **Амуру** на нескольких речных судах, он вышел в **Охотское море** и исследовал значительную часть его западного побережья. В **1646 г.** **В.Д. Поярков** основал на Западном побережье Тихого океана **Охотский острог**, а затем вернулся обратно в **Якутск**.

В **1648 г.** бывший устюжанин **Семен Иванович Дежнев**, ставший волею судьбы сибирским казаком, проплыл на небольших суденышках суровые северные моря и сделал выдающееся географическое открытие, установив, что между американским и азиатским континентами существует морской пролив, названный позднее проливом **Витуса Беринга**. В **1649—1653 гг.** другой устюжский торговый человек **Ерофей Павлович Хабаров** завоевал богатые земли по **Амуру** и заложил здесь несколько пограничных с Китаем острогов и крепостей, в том числе **Албазинский острог**.

В сибирских военных экспедициях участвовали небольшие правительственные отряды и ватаги бесстрашных казаков и «охочих» людей. Обычно они насчитывали всего несколько десятков, и значительно реже — несколько сот человек. Как правило, эти военные отряды снаряжались либо **Сибирским приказом**, который, поочередно, возглавляли князь **А.Н. Трубецкой** и окольничий **Р.М. Стрешнев**, либо местной воеводской администрацией. Однако нередко сами торговые люди снаряжали военные экспедиции за драгоценной сибирской пушниной на свои личные средства и сбережения. Русские отряды довольно проворно продвигались по бурным и грозным сибирским рекам и облагали данью («**ясаком**») в виде «**мягкой рухляди**» (пушнины) многочисленные местные племена — **чукчей, тунгусов, ительменов, бурятов, якутов, дауров, ненцев и дючеров**, живших в условиях родового строя или его разложения. Вооруженные «**огненным боем**», сибирские казаки, стрельцы и «охочие» люди без особого труда подчиняли малочисленные, разроз-

ненные и постоянно враждовавшие между собой сибирские племена, и серьезное сопротивление русским отрядам оказали только **буряты**, подвластные соседним монгольским племенам.

Надо сказать, что в русской историографии позапрошлого века (**Г. Миллер, С. Соловьев, В. Ключевский**) акт присоединения Сибири и Дальнего Востока к Российскому государству всегда трактовался как завоевание этих территорий. Однако позднее, благодаря работам **С.В. Бахрушина, А.А. Преображенского, А.П. Окладникова, Г.А. Леонтьевой** и других советских историков, это ошибочное представление было преодолено и раскрыт подлинный процесс хозяйственного освоения азиатской части России первыми русскими землепроходцами.

К концу XVII века численность гарнизонов нескольких десятков сибирских острогов и крепостей едва превышала **50–60 тысяч** служилых людей и казаков. Поэтому русские отряды так и не смогли продвинуться в верховья **Оби** и **Енисея**, где путь им преградила калмыцкая орда и енисейские киргизы, подвластные монголам. Кроме того, в **Приамурье** Россия столкнулась с соседним Китаем, где правила маньчжурская династия **Цин**. Основные военные действия против маньчжуров развернулись у стен **Албазинского городка**. Первоначально китайская армия разрушила эту пограничную крепость на реке **Амур**, но русские быстро восстановили разрушенные укрепления и в течение целого года героически обороняли ее от грозного соседа. Однако когда силы противоборствующих сторон иссякли, они сели за стол переговоров, на которых русскую делегацию представляли окольный **Федор Алексеевич Головин**, посланный лично князем **В.В. Голицыным** «в дауры для договоров и успокоении ссор китайского богдыхана», посольский дьяк **Семен Иванович Корницкий** и нерчинский воевода **Иван Евстафьевич Власов**. В 1689 г. между Россией и Китаем был подписан **Нерчинский мирный договор**, по которому русские отряды оставили ранее занятые земли в верховьях **Амура**, и отошли к истокам реки **Лены**.

Тем не менее, практически за один век, от похода **Ермака (1581–1584)** до войны с **Китаем (1687–1689)**, Россия укрепилась на огромных просторах Восточной Сибири и Дальнего Востока и превратилась в **Великую евразийскую державу**. Причины столь стремительного освоения этого огромного региона были многообразны. Традиционно все историки выделяют три из них: **1)** казаки и «охочие» люди были очень пассионарны и, невзирая на суровые климатические условия, невероятные трудности и постоянную угрозу их жизни, целенаправленно и методично продвигались на восток; **2)** продвинувшись в Сибирь и на Дальний Восток, они не вышли за пределы привычного им «кормящего ландшафта», т.е. традиционных речных долин; **3)** русские переселенцы и воеводская администрации, заинтересованная в регулярном поступлении драгоценной «мягкой рухляди» в государеву казну, довольно легко устанавливали плодотворные и мирные контакты с местными сибирскими племенами, не посягая на их жизненный уклад и не истребляя их, как это методично делали испанские и португальские конкистадоры и «цивилизованные» англичане на американском континенте. Однако немаловажным обстоятельством было и то, что русские люди привнесли в этот регион свои традиции **соседской (территориальной) общины** с мирским самоуправлением, в рамках которой происходила естественная и безболезненная инкорпорация местных сибирских племен в невиданный доселе «русский мир».

4. Национально-освободительная война Малороссии против Польши (1648–1654)

К моменту окончания **Смоленской войны (1632–1634)** ситуация в русских воеводствах Речи Посполитой стала резко обостряться, поскольку польская и местная малороссийская католическая шляхта и магнаты стали подвергать тяжелейшему социальному, национальному и религиозному гнету местное русское население, где особую прослойку составляли казаки. Все местные казаки делились на **городовых** или **полковых**, и **низовских** или **запорожских**. Первые жили оседло на **Левобережье**, в среднем течении **Днепра** и официально входили в число «реестровых» казаков, которые находились на службе у польской короны. Городовыми казаками, которые за несение пограничной службы получали жалование из королевской казны, управляли выборные, но утверждаемые **Варшавой** гетман, полковники, старшины и есаулы. Низовские казаки жили на островах за днепровскими порогами на территории **Запорожской Сечи**, которая возникла на границах с Крымским ханством еще в **середине XVI в.** Формально запорожские казаки также считались подвластными польской короне, хотя де-факто были независимы от **Варшавы** и все вопросы, в том числе выборы кошевого атамана и войскового писаря, решения об организации военных походов и разбойных набегов на сопредельные государства, решались на **Общевойсковой Раде**. Кошевому атаману, который обладал неограниченными полномочиями во время военных походов, подчинялись все выборные куренные атаманы и полковники.

В **конце XVI в.** польская корона, кровно заинтересованная в прекращении грабительских походов запорожцев, а так же в их услугах по охране южных рубежей от постоянных набегов крымских татар, стала заигрывать со старшинской верхушкой, которая была зачислена в разряд «реестровых» казаков. Однако подавляющая часть запорожцев — «выписные» казаки, число которых постоянно росло за счет беглых русских крепостных крестьян и холопов, по-прежнему не признавали власть **Варшавы**. Поэтому здесь время от времени вспыхивали мощные восстания под руководством кошевых запорожских гетманов **К. Косинского (1591–1593)**, **С. Наливайко (1594–1596)**, **Я. Бородавки (1619–1621)**, **Т. Трясилы (1630)**, **И. Сулимы (1635)**, **П. Павлюка (1638)** и других. Правда, после подавления последнего восстания целое десятилетие здесь сохранялось зыбкое перемирие, которое польская шляхта окрестила «золотым покоем», но это было затишье перед бурей.

Новый этап борьбы русского народа против социального, национального и религиозного гнета панской Польши связан с именем **Богдана Михайловича Хмельницкого (1595–1657)**, который в годы последнего восстания запорожских казаков занимал должность войскового писаря. За причастность к этому восстанию он был отстранен от своей должности и назначен с понижением сотником в пограничный **Чигирин**. Именно здесь в **1646 г.** у него возник острый конфликт с местным старостой паном **А. Чаплинским**, который и вынудил его бежать в **Запорожскую Сечь**. В **начале 1648 г.** на **Общевойсковой Раде** **Б.М. Хмельницкий** был избран кошевым гетманом **Запорожского войска** и призвал запорожских казаков и малороссийских селян начать национально-освободительную борьбу против панской Польши.

В **апреле — сентябре 1648 г.** запорожцы разгромили армии коронных гетманов **Н. Потоцкого**, **М. Калиновского** и **И. Вишневецкого** в битвах у **Желтых Вод**, **Корсуни** и **Пилявца**, а затем освободил практически всю территорию **Подоллии** и **Волыни**.

В это время в **Варшаве** скончался король **Владислав IV (1633–1648)** и королевский престол занял его младший брат, польский кардинал **Ян II Казимир (1648–1668)**, который предложил **Б.М. Хмельницкому** заключить перемирие. Запорожский гетман принял это предложение польской стороны и отвел свою армию к **Киеву**, куда торжественно вступил в **декабре 1648 г.**

В **марте 1649 г.** **Б.М. Хмельницкий**, искавший союзников в борьбе с польской короной, послал в **Москву** полковника **С.А. Мужилового** с личным посланием к царю **Алексею Михайловичу**, в котором просил его взять «**Войско Запорожское под высокую государеву руку**» и оказать ему посильную помощь в борьбе с Польшей. Это послание было благосклонно принято в **Москве**, и по цареву приказу в **Чигирин**, где размещалась ставка и канцелярия гетмана, выехал первый русский посол, думный дяк **Г.И. Унковский**, который подписал с **Б.М. Хмельницким** следующее соглашение: 1) Поскольку **Москва** в настоящий момент вынуждена соблюдать условия **Поляновского договора (1634)**, она пока не сможет начать новую войну с Польшей, но окажет посильную помощь запорожскому гетману финансами и оружием; 2) **Москва** не будет возражать, если по просьбе запорожцев донские казаки примут участие в боевых действиях против польской короны.

Тем временем **Ян II Казимир** возобновил боевые действия против **Б.М. Хмельницкого**, но в **августе 1649 г.** польская армия была разбита под **Зборовым**, и он был вынужден объявить «**Милость Его Королевского Величества Войску Запорожскому на пункты, предложенные в их челобитной**». Суть этих привилегии состояла в следующем: 1) **Варшава** официально признала **Б.М. Хмельницкого** гетманом Запорожского войска; 2) **Варшава** передавала ему в управление **Киевское, Брацлавское и Черниговское воеводства**; 3) На территории этих воеводств запрещалось расквартирование польских коронных войск, однако местная польская шляхта получила право возвращения в свои владения; 4) Численность реестровых казаков, находящихся на службе у польской короны, увеличивалась с **20 до 40 тысяч сабель**.

Естественно **Б.М. Хмельницкий** попытался максимально использовать возникшее перемирие для поиска новых союзников в борьбе с польской короной. Заручившись поддержкой **Москвы**, где идея союза с запорожским гетманом была поддержана на **Земском Соборе в феврале 1651 г.**, и **Бахчисарая**, заключившего военный союз с запорожцами, **Б.М. Хмельницкий** возобновил боевые действия против Польши. Но в **июне 1651 г.** под **Берестечком**, из-за подлого предательства крымского хана **Ислам-Гирея**, запорожские казаки потерпели сокрушительное поражение и вынуждены были сесть за стол переговоров. В **сентябре 1651 г.** воюющие стороны подписали **Белоцерковский договор**, по условиям которого: 1) Запорожский гетман лишался права внешних сношений; 2) В его управлении оставалось только **Киевское воеводство**; 3) Численность реестровых казаков вновь сокращалась до **20 тысяч сабель**.

Однако новый мир оказался еще менее долговечным, чем предыдущий, и вскоре боевые действия были возобновлены. В **мае 1652 г.** **Б.М. Хмельницкий** разгромил армию гетмана **М. Калиновского** под **Батогом**, а в **октябре 1653 г.** разбил армию полковника **С. Маховского** в битве под **Жванцем**. В результате **Ян II Казимир** вынужден был подписать **Жванецкий мирный договор**, который в точности воспроизводил все условия «**Зборовской милости**», дарованной им в **1649 г.**

Тем временем, в **октябре 1653 г.**, в **Москве** состоялся новый **Земский Собор**, на котором по новому, пятому по счету, прошению гетманских послов **К.И. Бурляя**,

С.А. Мужилковского, И.Е. Выговского и Г.Г. Гуляницкого было де-юре утверждено окончательное решение о принятии Запорожского войска под «высокую руку» русского царя и начале войны с Польшей. Для оформления этого решения в ставку Б.М. Хмельницкого было послано Великое Посольство в составе боярина В.В. Бутурлина, окольничих И.В. Алферова и А.М. Матвеева и думного дьяка Л.В. Лопухина. В январе 1654 г. в Переяславле состоялась Общевойсковая Рада, на которой были официально одобрены все статьи договора, определявшие условия воссоединения Малороссии с Россией, а сам гетман, полковники, старшины и представители 166 «черкасских» городов дали присягу быть «вечными подданными его царскому величеству всероссийскому и наследникам его».

В марте 1654 г. в Москве в присутствии царя Алексея Михайловича, членов Боярской Думы, Освященного Собора и гетманских послов — полковников С.З. Богдановича и П.И. Тетери был подписан исторический договор о воссоединении исконных русских земель с Россией. В соответствии с «Мартовскими статьями»: 1) На всей территории Малороссии сохранялась прежняя административная, то есть военно-полковая система управления, «чтово Войско Запорожское само меж себя Гетмана избирали и Его Царскому Величеству извещали, чтово то Его Царскому Величеству не в кручину было, понеже тот давний обычай войсковой». 2) «В Войске Запорожском, что своими правами суживались и вольности свои имели в добрах и в судах, чтово ни воевода, ни боярин, ни стольник в суды войсковые не вступались», 3) «Войско Запорожское в числе 60 000 чтово всегда полно было» и т.д. Причем, что особо интересно, в «Мартовских статьях» детально оговаривался конкретный размер государева жалования и владений всей казацкой верхушки, в частности войскового писаря, войсковых судей, войсковых полковников, полковых есаулов и сотников.

Надо сказать, что в современной украинской историографии, да и в широком общественном сознании многих «украинцев» господствует устойчивый миф о существовании особой формы республиканского правления в Малороссии (Гетманщине), которая зримо проявилась в образе вольной Казацкой державы. Однако даже ряд современных украинских историков (В.А. Смольий, Н.Н. Яковенко) справедливо говорят о том, что в так называемой «Казацкой республике» в гораздо большей степени присутствовали зримые элементы махрового авторитаризма и олигархического правления, особенно в периоды гетманства Б.М. Хмельницкого, И.Е. Выговского, Ю.Б. Хмельницкого и П.И. Тетери. Причем, практически все претенденты на гетманскую булаву, внешне демонстрируя свою приверженность идеям подчинения гетманских полномочий «коллективной воле» Запорожского войска, на деле прилагали максимум усилий для расширения границ своего авторитаризма и даже передачи гетманской булавы по наследству. Более того, профессор Н.Н. Яковенко прямо утверждала, что именно при Б.М. Хмельницком в «Гетманщине» установился режим военной диктатуры, поскольку все руководящие посты здесь занимала исключительно войсковая старшина. Так же хорошо известно, что многие малороссийские гетманы после своего прихода к власти проводили политику террора в отношении всех политических оппонентов. Например, тот же И.Е. Выговский только в июне 1658 г. казнил переяславского полковника Ивана Сулиму, корсунского полковника Тимофея Оникиенко и более десятка полковых сотников. Поэтому спасаясь от гетманского террора, из Малороссии бежали уманский полковник

Иван Беспалый, паволоцкий полковник **Михаил Суличич**, генеральный есаул **Иван Ковалевский**, наказной гетман **Яким Самко** и многие другие.

Так же не состоятельны постоянные ссылки украинских самостийников об особом национально-автономном статусе **Левобережной Украины (Малороссии)** в составе **Московского царства**, поскольку реально это была не национальная или региональная, а **военно-сословная автономия**, проистекавшая из особого пограничного положения малороссийских и новороссийских земель, расположенных на границах с Крымским ханством и Речью Посполитой. Точно такая же военно-сословная автономия существовала и в землях **Донского** и **Яицкого казачьих войск**, которые, как и запорожские казаки, несли пограничную службу на южных рубежах Московского царства, а затем Российской империи.

5. Русско-польская война (1654–1667) и Русско-шведская война (1656–1661)

Принимая **Запорожское войско** или **Гетманщину** под свою «высокую руку», царь **Алексей Михайлович**, безусловно, учитывал неизбежность войны с Польшей, поэтому это решение было принято только тогда, когда русская армия была в состоянии начать новую войну со своим давним и сильным противником. Новая **русско-польская война** началась в мае 1654 г., когда 100-тысячная русская армия выступила в поход в трех главных направлениях: сам царь **Алексей Михайлович** во главе основных сил двинулся из **Москвы** на **Смоленск**, князь **А.Н. Трубецкой** со своими полками выступил из **Брянска** на соединение с войсками гетмана **Б.М. Хмельницкого**, а боярин **В.Б. Шереметьев** из **Путивля** вышел на соединение с запорожскими казаками. Чтобы предупредить возможное выступление турок и крымских татар, тогда же на **Дон** был послан боярин **В.А. Троекуров** с наказом донским казакам зорко стеречь крымские рубежи, а при необходимости выступить против неприятеля.

В ходе военной кампании 1654 г. русская армия и запорожские казаки, нанеся ряд крупных поражений польской армии, взяли **Смоленск**, **Дорогобуж**, **Рославль**, **Полоцк**, **Гомель**, **Оршу**, **Шклов**, **Умань** и другие города в Белоруссии и Малороссии. Военная кампания 1655 г. так же оказалась на редкость удачной для русской армии, которая нанесла ряд крупных поражений полякам и овладела **Минском**, **Гродно**, **Вильно**, **Ковно** и вышла к **Бресту**. Но к лету 1655 г. серьезно осложнилась ситуация на территории самой Малороссии, поскольку часть казацкой старшины, которая не признала решений **Переяславской Рады**, поддержала польскую шляхту, и коронному гетману **С. Потоцкому** удалось собрать и вооружить новую армию. Однако уже в середине июня 1655 г. отборные полки **Б.М. Хмельницкого**, **А.Н. Трубецкого** и **В.В. Бугурлина** разгромили поляков под **Львовом**, а сам город взяли в кольцо. Тем временем новый крымский хан **Магомет-Гирей** решил оказать помощь **Варшаве** и вторгся в пределы Польской Украины, но в районе **Озерной** татары были разбиты и спешно ретировались восояси. После этих событий польский король **Ян II Казимир** в панике бежал в **Силезию**, а литовский гетман **Я. Радзивилл** переметнулся к шведскому королю **Карлу X Густаву**, который еще год назад начал **Северную войну (1655–1660)** с польской короной.

Сокрушительным военным поражением Польши умело воспользовались в **Стокгольме**, и уже в конце 1655 г. шведская армия захватила **Познань**, **Краков**, **Варшаву**

и другие города южного соседа. Эта ситуация в корне изменила ход дальнейших событий. Не желая укрепления позиций Швеции в стратегически важном балтийском регионе, под давлением главы **Посольского Приказа А.Л. Ордина-Нашекина** и патриарха **Никона Алексей Михайлович** объявил войну **Стокгольму** и в мае 1656 г. русская армия спешно двинулась в Прибалтику.

Начало новой шведской кампании оказалось очень успешным для русской армии, и буквально за один месяц она овладела **Динабургом** и **Мариенбургом** и начала осаду **Риги**. Однако, в начале октября, получив известие о том, что **Карл X** готовит поход в Ливонию, осаду **Риги** пришлось снять и отойти к **Полоцку**.

В этой ситуации в октябре 1656 г. **Москва** и **Варшава** подписали **Виленское перемирие** и начали совместные боевые действия против шведской армии, которая к тому времени взяла под контроль значительную часть польской территории. Это обстоятельство очень напугало **Б.М. Хмельницкого** и в феврале 1657 г. он заключил военный союз со шведским королем **Карлом X**, послав на помощь своим новым союзникам 12 тысяч запорожских казаков. Узнав об этом, поляки тут же известили о сем факте **Москву**, откуда к **Б.М. Хмельницкому** была направлена посольская миссия во главе с боярином **Б.М. Хитрово**, которая застала запорожского гетмана уже тяжело больным. Пытаясь оправдаться перед царским послом, он поведал тому, что в феврале 1657 г. в **Чигирин** приезжал королевский посланник полковник **С. Беневский**, предложивший ему перейти на сторону короля, поэтому «вследствие таких хитростей и неправд, пустили мы против ляхов часть Войска Запорожского». В силу этих, явно надуманных причин, сам **Б.М. Хмельницкий** отказался отзываться своих казаков с польского фронта, однако сами запорожцы, узнав, что их поход не был согласован с **Москвой**, вернулись самочинным путем и заявили своей старшине: «как де вам было от ляхов тесно, в те поры вы приклонились к государю, а как де за государевою обороною увидели себе простор и многое владенье и обогатились, так де хотите самовластными панами быть».

Тогда же, в феврале 1657 г., шведская армия перешла в наступление в Ливонии, а в **Москве** было принят боярский приговор «промышлять всякими мерами, чтобы привести шведов к миру». В этой ситуации русские войска перешли к обороне и сковали армию **М. Делагарди** под **Юрьевым** и **Гдовом**, где в сентябре 1657 г. князь **И.А. Хованский** разгромил шведских вояк и вернул себе стратегическую инициативу.

А тем временем по завещанию **Б.М. Хмельницкого**, умершего в августе 1657 г., гетманскую булаву передали его 16-тилетнему сыну **Юрию**. Однако ввиду его малолетства, казацкая старшина, созвав в **Чигирине** новую **Общевойсковую Рад**у, вручила гетманские полномочия генеральному писарю **Запорожского войска Ивану Евстафьевичу Выговскому**, который вскоре изменил **Москве** и в июне 1658 г. подписал с **Варшавой** **Гадячский мирный договор**. По этому договору **Гетманщина** под названием «**Великое княжество Русское**» входила в состав **Речи Посполитой** как равноправная часть этого государства, наделенная внутренней автономией. При этом польской шляхте и католической церкви возвращалось все имущество и прежние земли в **Малороссии**. Первоначально статьи этого договора были восторженно встречены «украинской» старшиной. Однако при их утверждении в **Польском Сейме**, многие из этих статей были отклонены польскими магнатами и шляхтой, и **Гадячский договор** был ратифицирован в сильно урезанном виде. Тем не менее, новоиспе-

ченый пан **И.Е. Выговский**, возложив на себя титул «**Великого гетмана княжества Русского**», переметнулся на сторону **Варшавы** и совместно с ней начал активные боевые действия против России. Кстати, новый титул запорожского гетмана одна из самых страшных тайн современной «украинской историографии», поскольку он полностью рушит всю их бредовую концепцию о существовании «самостийной» Украинской Казачьей державы и о древнем «украинском народе», который якобы никакого отношения к клятым кацапам и москалям не имел.

В августе 1658 г. гетман **И.Е. Выговский**, неожиданно ударив по тылам русских войск, взял **Полтаву, Лубны и Глухов**, что крайне осложнило ситуацию на «украинском фронте». Поэтому русская армия срочно прекратила боевые действия против шведов и в конце декабря 1658 г. князь **И.С. Прозоровский** заключил со шведскими послами трехлетнее перемирие в **Велиесаре**, по которому **Стокгольму** передали все завоеванные земли в Прибалтике, что позднее будет закреплено в **Кардисском мирном договоре**, подписанном в июне 1661 г.

В начале 1659 г. крымско-шляхетская армия под командованием **И.Е. Выговского** и **Магомет-Гирея** нанесла крупное поражение русским войскам под **Конотопом**, где погибла лучшая часть поместной конницы во главе с князем **А.Н. Трубецким**. Однако вскоре против запорожского гетмана выступила Правобережная Малороссия, которую вскоре поддержали и в Левобережье. В результате **И.Е. Выговский** в панике бежал в **Варшаву**, а новым гетманом Запорожского войска был избран уманский полковник **Иван Федорович Беспалый**, которого уже через несколько месяцев сменил **Юрий Богданович Хмельницкий** — абсолютно бездарная и ничтожная личность, страдавшая хроническими запоями.

В современной исторической науке и украинской публицистике (**Т. Яковлева, Н. Яковенко, О. Бузина**) события на **Польской Украине**, которые развернулись после смерти **Б.М. Хмельницкого** и продолжались ровно тридцать лет (1657–1687) традиционно именуют очень емким и предельно точным термином «**Руины**». Причем, большинство этих авторов, в том числе сами украинские самостийники, справедливо характеризуют ее как **Гражданскую войну**, которая имела катастрофические последствия для всех малороссийских земель. Хотя, ряд современных кандидатов украинских наук категорический отрицают данную характеристику и утверждают, что это была либо Украинская национальная революция (**В. Смолий, В. Степанков**), либо судьбоносная борьба за утверждение независимой Казацкой Державы (**Т. Чухлиб, Ю. Мицик**). Однако все эти оценки носят явно спекулятивный характер, и совершенно не согласуются с хорошо известными фактами, которые признавали даже такие столпы украинского сепаратизма, как **Н.М. Костомаров** и **М.С. Грушевский**.

Активное участие в этой **Гражданской войне**, которая носила абсолютно беспринципный характер борьбы за власть, приняли участие разные старшинские группировки запорожского казачества и малороссийской шляхты, которые возглавляли то гетман **И.Е. Выговский** (1657–1659), то гетман **И.Ф. Беспалый** (1659), то гетман **Ю.Б. Хмельницкий** (1660–1663), которые, постоянно нарушая все соглашения с **Москвой**, стали как политические проститутки метаться между **Варшавой** и **Стамбулом**, заключая с ними различные военные и политические союзы. В этой ситуации, в 1662 г. в **Москве** был создан **Малороссийский приказ**, который возглавил боярин **П.М. Салтыков**, поскольку внутренняя ситуация в Польской Украине,

фактически вышла из-под контроля очень слабой гетманской администрации. Уже к концу 1663 г. Малороссия де-факто разделилась на две части: гетманом Правобережной (Польской) Малороссии стал переяславский полковник Павел Иванович Тетеря (1663–1665), которого затем сменил генеральный есаул Петр Дорофеевич Дорошенко (1663–1676), а гетманом Левобережной Малороссии был избран кошевой атаман Иван Мартынович Брюховецкий (1663–1668), которого позднее сменил черниговский полковник Демьян Игнатьевич Многогрешный (1668–1672). При этом вся гетманская верхушка и полковая старшина не только воевала друг с другом, но и вела активные боевые действия на польском, крымском и русском «фронтах».

В январе 1664 г. Ян Казимир предпринял последнее наступление на Левобережную Малороссию, но под Глуховым был разбит гетманом И.М. Брюховецким, который совершил удачный рейд на правый берег Днепра, где захватили Канев и Черкассы. Тем временем в самой Польше часть шляхты подняла мятеж против Яна Казимира и в этой ситуации Варшава предложила Москве начать мирные переговоры, которые завершились в январе 1667 г. подписанием Андрусовского перемирия на 13,5 лет. По условиям этого перемирия: 1) Польша признавала за Россией Смоленские, Черниговские, Стародубские и Северские земли; 2) Польша признавала за Москвой всю Левобережную Малороссию и Киев; 3) Россия возвращала Польше все свои завоевания в Белоруссии и Литве; 4) Запорожская Сечь переходила под совместное управление России и Польши «на общую их службу от наступающих басурманских сил»; 5) Обе стороны брали на себя обязательства оказать запорожским казакам военную помощь в случае нападения на их порубежные земли крымских татар.

Позднее, в 1686 г., когда османская угроза станет постоянной головной болью всей католической Европы, под давлением австрийского двора, между Варшавой и Москвой будет подписан знаменитый «Вечный мир», который де-юре закрепит все условия Андрусовского перемирия, ставшего поворотной вехой в истории многовековых и крайне непростых русско-польских отношений.

Вместе с тем надо подчеркнуть, что в настоящее время Андрусовское перемирие стало очень неоднозначно оцениваться в исторической науке. Например, все украинские самостийники, считают, что заключив это перемирие, Россия предательски нарушила все свои обязательства перед «украинской стороной» о совместной борьбе против панской Польши. Однако в российской историографии это перемирие по-прежнему считают крупнейшей внешнеполитической победой русской дипломатии, в результате которой воссоединились исконные русские земли.

Андрусовское перемирие де-факто закрепило за Российским государством всю территорию Левобережной Малороссии, которую в современной украинской историографии называют «Гетманщиной», занимавшую территорию современных Черниговской и Полтавской областей, а также значительную часть Киевской и Черкасской областей и незначительную часть Сумской области. На востоке Левобережная Малороссия граничила со Слободской Украиной, а на юге — с землями Запорожской Сечи. В административном отношении эта территория, где сохранилась прежняя военно-полковая система управления, делилась на пять полков — Черниговский, Полтавский, Переяславский, Прилуцкий и Миргородский, которые возглавляли войсковые полковники, подчинявшиеся Малороссийскому гетману и генеральной старшине.

Надо сказать, что в общественном сознании существует расхожее представление, что вместе с **Малороссией** в состав России вошла и **Слободская Украина**, которая практически полностью совпадала с границами современных **Харьковской, Сумской, Луганской** и части **Полтавской и Донецкой областей**. Однако это совершенно не так, поскольку эти земли еще с **начала XVI в.** де-факто принадлежали России. Именно здесь, на границах **Дикого Поля**, еще во времена **Ивана Грозного** началось строительство **Большой засечной черты**, предназначенной для защиты пограничных рубежей Русского государства от постоянных набегов крымских и ногайских татар. Царское правительство, кровно заинтересованное в притоке новых поселенцев, способных нести государеву пограничную службу, сознательно поощряло заселение этих, давно запустевших земель новыми переселенцами для чего освобождало их от уплаты государственных податей и позволяло беспоплатно заниматься винокурением и соляным промыслом. Кроме того, всем поселенцам **Слободской Украины** разрешалось на правах заимки безвозмездно владеть определенным количеством земли и самим определять, формировать и избирать органы местного самоуправления.

С **конца XVI в.** царское правительство начало строительство **Белгородской засечной черты**, куда хлынул новый поток как русских поселенцев, основавших **Белгород, Чугуев, Царёв-Борисов, Русскую Лозовую и Русские Тишки**, так и малороссийских поселенцев из **Русского, Киевского и Брацлавского воеводств**. Основную массу этих поселенцев составляли запорожские казаки, малороссийские селяне и православное духовенство, но встречались среди них и представители малороссийской православной шляхты, которые основали города **Олешню (1631) и Ахтырку (1641)**. Массовый исход запорожских казаков на **Слободскую Украину** начался при **Б.М. Хмельницком**, которые основали города **Красноутск (1651), Острогожск (1652), Сумы (1652), Харьков (1653)** и другие. В период кровавой «**Руины**» началась новая волна переселения малороссийских селян и казаков на земли **Слободской Украины**, где они основали города **Салтов (1659), Балаклею (1663), Волчанск (1674), Изюм (1681)** и другие. Как и в соседней **Малороссии**, управление здесь строилось на принципах военно-полковой системы, основу которой составляли **Острогожский, Сумской, Ахтырский, Харьковский и Изюмский полки**, командиры которых, однако, подчинялись белгородскому воеводе, назначаемому из **Москвы**, а не гетманской администрации.

Тем временем новым гетманом Левобережья стал верный союзник **Москвы**, генеральный войсковой судья **И.С. Самойлович (1672–1687)**, а гетман Правобережья — генеральный есаул **П.Д. Дорошенко (1672–1676)**, который еще недавно был ярым поборником «самостийной Украины», теперь признал себя вассалом крымского хана и заключил с ним новый военный союз. В **1672 г.** объединенная крымско-турецкая армия при поддержке части запорожских казаков вторглась на территорию **Подольского воеводства**, захватила **Каменец-Подольский** и осадила **Львов**. Новый польский король **Михаил Вишневецкий (1668–1673)**, неспособный организовать достойный отпор сильному агрессору, сдался на милость победителя и заключил со **Стамбулом** **Бучачский мирный договор**, по которому передал ему всю территорию **Правобережной Малороссии**, управление которой было возложено на все того же гетмана **Южной (Ханской) Украины** **П.Д. Дорошенко**, резиденцией которого стал **Чигирин**.

6. Русско-крымско-османские отношения. Крымские (1687–1689) и Азовские (1695–1696) походы

В условиях активизации османской агрессии **Москва** попыталась создать мощную антитурецкую коалицию, однако эта кропотливая работа, из-за позиции австрийского и польского дворов, не увенчалась успехом. Тогда в **Москве** было решено действовать по собственному разумению. В **1676 г.** русско-запорожская армия под водительством князя **Г.Г. Ромодановского** совершила удачный поход на **Чигирин**, в результате которого **П.Д. Дорошенко** был лишен гетманской булавы и новым гетманом всего **Запорожского войска** стал полковник **Иван Самойлович Самойлович**. В результате этих событий началась **русско-турецкая война (1677–1681)**, инициатором которой выступил сам **Стамбул**, где в это время к власти пришла воинственная группировка великого визиря **Кара-Мустафы-пашы**.

В **августе 1677 г.** турецко-крымская армия начала осаду пограничного **Чигирина**, оборону которого возглавил князь-воевода **И.И. Ржевский**, сумевший сковать неприятеля до подхода основных сил. А уже в **сентябре 1677 г.** русская армия под командованием князя **Г.Г. Ромодановского** и гетмана **И.С. Самойловича** разгромила крымско-турецких вояк у **Бужина** и обратила их в постыдное бегство.

На следующий год крымско-османская армия вновь вторглась в **Малороссию** и в **августе 1678 г.** в результате продолжительного штурма все же овладела **Чигирином**, но форсировать **Днепр** она так и не смогла. После нескольких локальных стычек, воюющие стороны сели за стол переговоров, по итогам которых в **январе 1681 г.** был подписан **Бахчисарайский мирный договор**. По его условиям: 1) **Стамбул** и **Бахчисарай** признавали за **Москвой** **Киев** и Левобережную Малороссию; 2) Правобережная Малороссия оставались под властью турецкого султана; 3) Все **Причерноморские земли** объявлялись нейтральным и не подлежали заселению подданными русского царя и крымского хана.

В **1683 г.**, осознав всю опасность турецкой экспансии в Европу, **Варшава** и **Вена**, наконец-то, заключили антиосманский военный союз. Сразу после этого события польско-австрийская армия под командованием нового польского короля **Яна III Собеского (1673–1696)** нанесла сокрушительное поражение турецкой армии **Кара-Мустафы** под **Веной**, в результате которого **Стамбул** потерял всю Южную (Ханскую) Украину. Затем, в **1684 г.** к австро-польскому союзу присоединилась **Венеция** и **Мальтийский Орден**, в результате чего в Европе возникла знаменитая антиосманская «**Священная лига**». В том же году союзные державы обратились к **Москве** поддержать их усилия в борьбе с турецкой агрессией. Однако серьезным препятствием на пути вступления России в «**Священную лигу**» были ее давние враждебные отношения с Речью Посполитой. Поэтому по настоятельному требованию венского двора **Варшава** пошла на мирные переговоры с **Москвой**, которые завершились в **1686 г.** подписанием знаменитого «**Вечного мира**» и вступлением России в «**Священную лигу**».

В **мае 1687 г.** во исполнение союзнических обязательств **100-тысячная** русско-запорожская армия под командованием князя **В.В. Голицына** и гетмана **И.С. Самойловича** выступила в **Первый Крымский поход**. Однако из-за очень жаркого лета, катастрофической бескормицы и отсутствия воды в степных районах **Дикого Поля** и **Малороссии**, понеся огромные потери, русское войско, даже не дойдя до **Перекопа**, вынуждено было повернуть назад. На сей раз «**козлом отпущения**» стал

запорожский гетман **И.С. Самойлович**, которого лишили гетманской булавы и сослали в Сибирь, а новым малороссийским гетманом стал будущий иуда и предатель **Иван Степанович Мазепа (1687–1708)**.

В феврале 1689 г. русско-запорожская армия под командованием князя **В.В. Голицына** начала **Второй Крымский поход**, который на сей раз был подготовлен гораздо лучше, и русскому войску даже удалось дойти до **Перекопа**. Однако прорвать оборону противника на хорошо укрепленном перешейке **В.В. Голицын** так и не смог, и «несолоно хлебавши» повернул вспять.

Логическим продолжением **Крымских походов** стали **Азовские походы Петра I**, совершенные в 1695–1696 гг. В мае 1695 г. русская армия под командованием **Ф.А. Головина**, **П.К. Гордона** и **Ф.Я. Лефорта** вышла походом на Азов, который закрывал выход в Азовское и Черное моря. В июне 1695 г. русские полки начали осаду этой крепости, но через три месяца ее пришлось снять, поскольку русские стрельцы и донские казаки так и не смогли полностью блокировать его. Таким образом, **Первый Азовский поход** закончился безрезультатно.

В мае 1696 г. русская армия уже под командованием самого **Петра**, воеводы **А.С. Шеина** и генерала **Ф.Я. Лефорта** начала **Второй Азовский поход**. На сей раз, **Азовская крепость** была окружена не только с суши, но и с моря, где несколько десятков военных галер и более тысячи казацких стругов надежно блокировали ее. Оказавшись в полной блокаде, турецкий гарнизон не смог долго сопротивляться, и в июле 1696 г. осажденный Азов, сильно разрушенный русской артиллерией, был взят измором, а его изможденный гарнизон сдался на милость победителя.

В январе 1697 г. Россия, Австрия и Венеция заключили **Венский наступательный союз** против Османской империи сроком на три года. Одновременно в Москве решили укрепить этот союз и привлечь в его ряды новых европейских монархов. С этой целью в марте 1697 г. в Европу было направлено **Великое посольство** во главе с **Францем Яковлевичем Лефортом**, **Федором Алексеевичем Головиным** и **Петром Богдановичем Возницким**. Однако выполнить свою дипломатическую миссию оно так и не смогло, поскольку ведущие европейские дворы готовились к предстоящей войне за «испанское наследство», где доживал свои последние дни престарелый бездетный король **Карл II Габсбург**. Да и прежние союзники, готовясь к дележу «испанского наследства», резко охладели к исполнению своих союзных обязательств, что заставило царя **Петра**, инкогнито входившего в состав **Великого посольства**, срочно выехать в Вену, где уже вовсю шли трудные переговоры с австрийскими дипломатами. Однако встреча между **Петром I** и императором Священной Римской империи **Леопольдом I**, прошедшая в июле 1698 г., закончилась безрезультатно, поэтому для продолжения переговоров в Вене был оставлен думный дьяк **П.Б. Возницын**.

В октябре 1698 г. в сербских **Карловицах** начал свою работу международный конгресс, созданный **Веной** для заключения мирного договора со **Стамбулом**. Однако из-за острых разногласий российской, австрийской и польской делегаций совместный договор подписать не удалось и в январе 1699 г. дело завершилось заключением отдельных, двусторонних соглашений между членами «**Священной лиги**» и **Стамбулом**. При этом, дьяку **П.Б. Возницину** удалось подписать с турками лишь двухгодичное перемирие, что вскоре стало предметом новых дипломатических баталий, которые теперь пришлось вести другому русскому дипломату, посольскому

дьяку **Емельяну Ивановичу Украинцеву**. В июле 1700 г. эти многотрудные баталии принесли свои плоды и успешно завершились подписанием **Константинопольского мирного договора**, по которому Азов и прилегающие к нему земли признавались за Россией.

Тема: РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVII В.

План:

1. Предварительные замечания.
2. Устное народное творчество.
3. Грамотность и письменность.
4. Научные знания.
5. Исторические знания и общественно-политическая мысль.
6. Национальная литература.
7. Архитектурное творчество.
8. Живописное искусство.
9. Музыка и театр.
10. Быт и нравы Средневековой Руси.

1. Предварительные замечания

XVII век занимает особое место в истории русской культуры, поскольку именно в это столетие:

1) Завершился процесс формирования, а вернее исторической трансформации древнерусской народности в триединую русскую нацию, что самым непосредственным образом сказалось на невиданном подъеме национального самосознания всего русского народа;

2) Обозначился значительный рост социальных противоречий в различных слоях русского общества, что естественным образом отразилось и на развитии целых отраслей культурного творчества, придав им более острый социальный характер и оттенки;

3) Начался постепенный процесс разрушения средневекового религиозного мировоззрения или обмирщения (секуляризации) русской национальной культуры. Однако этот процесс практически не затронул основную массу русского народа, и развивался исключительно в верхушечных слоях русского общества.

Наиболее отчетливо эта возрожденческая (ренессансная) тенденция проявилась в произведениях общественно-политической мысли и художественной литературы. Кроме того, светские элементы все более активно стали проникать и в те традиционные сферы культуры, которые всегда находились под неусыпным контролем Русской Православной Церкви, а именно в культовое зодчество и живопись. Более того, **XVII век** разрушил монополию Русской Православной Церкви на всю систему начального образования и отныне азам научных знаний и премудростям стали учить не только в монастырских кельях и церковных школах, но и в чисто

светских учебных заведениях, которые создавались на средства бояр, купцов и посадских ремесленных слобод.

При этом следует сказать, что ряд известных исследователей русской средневековой культуры (**Д. Лихачев, А. Панченко, Н. Поньрко**) пришли к убеждению, что в ее «секуляризации» значительную роль сыграло именно **барокко** — новое общеевропейское культурное направление, которое выполнило в России ту же историческую миссию, что и культура **Возрождения** в Европе. Причем, если в европейских странах оно явилось своеобразной антитезой **Ренессанса**, то в России барокко оказалось очень близким к возрожденческим традициям и идеалам, поскольку несло в себе просветительское начало.

2. Устное народное творчество

В **XVII веке** дальнейшее развитие получило устное народное творчество. Причем, именно в это столетие появились первые литературные записи фольклора. В частности, весьма интересны многочисленные пословицы и поговорки, отраженные в различных сборниках того периода, которые до сих пор широко используются в устной разговорной речи: «**баснями соловья не накормишь**», «**взялся за гуж не говори, что не дюж**», «**кому тошно, а кому мошно**», «**где тонко, там и рвется**», «**Богу молись, а сам не плошай**», «**муж любит жену здоровую, а брат сестру — богатую**» и многие другие. Особо следует отметить, что многие пословицы того периода имели ярко выраженную социальную окраску: «**закон что дышло, как повернешь, так и вышло**», «**наказал бог народ — наслал воевод**», «**законы наши святы, да исполнители лихие супостаты**» и другие.

Традиционным жанром устного фольклора оставались **народные исторические песни**, в которых отразилась вся многообразная палитра чаяний и чувств русского народа. Особенно ярко эта тенденция проявилась в многочисленных исторических песнях, главным героем которых стал **Степан Тимофеевич Разин** — предводитель самой мощной **Крестьянской войны XVII века**.

3. Грамотность и письменность

В **XVII веке** основная масса крестьянского населения страны по-прежнему оставалась неграмотной, однако, именно в этот период общее количество грамотных людей существенно возросло, особенно среди посадского населения крупных административных центров и ремесленно-торговых городов. Причиной такого положения вещей стали не только значительно возросшие потребности в развитии административного делопроизводства, но и существенные изменения в социально-экономическом развитии страны, в частности в бурном росте оборотов внутренней и внешней торговли. Так, по данным выдающегося русского филолога академика **А.И. Соболевского**, уровень грамотности в среде посадских людей составлял **40 %**, дворян и представителей приказной администрации (дьяков и подьячих) — **65 %**, а в купеческой среде — почти **96 %**.

Помимо значительного расширения деловой письменности, еще большее распространение получили и традиционные рукописные книги. Несмотря на дальнейшее развитие книгопечатания, такие книги по-прежнему пользовались большим спросом. Причем, многие из них уже делались не столько на заказ, сколько на про-

дажу, поэтому общий круг потребителей книжной продукции довольно сильно расширился и теперь не только знать и монастырское духовенство, но и простой посадский люд обзаводились личными библиотеками. Тогда же появилась и первая рукописная газета — **«Куранты» (1621)**, представлявшая собой антологию переводных печатных изданий, выходивших в Европе, которую стали составлять для царя **Михаила Федоровича** и его домочадцев придворные толмачи.

Потребности в массовом и быстром изготовлении разнообразных рукописей обусловили окончательное торжество особой техники письма — так называемой **скорописи**, которая в **XVII в.** приобрел особенно изящные черты. Тогда же вновь была предпринята попытка организации производства собственной бумаги и в **1660—1670-х гг.** в **Москве** были созданы две «бумажных мельницы», владельцами которых были голландские купцы. Однако эти предприятия так и не смогли покрыть растущие потребности в бумаге, поэтому Голландия и Франция, как и в прежние века, оставались основными импортерами этого дефицитного товара в Россию. Впрочем, следует отметить и такой интересный факт, что в отдельных регионах страны, главным образом на **Беломорье** и за **Уральским хребтом**, в качестве писчего материала по-прежнему использовали пергамент и бересту. Например, в **Сибири** составлялись целые берестяные книги, где фиксировались данные о сборе **ясака** с местных сибирских племен.

Наряду с рукописными книгами, дальнейшее развитие получило и книгопечатание. Так, по данным известного советского историка профессора **С.П. Лупова**, автора фундаментальной монографии **«Книга в России в XVII в.» (1970)**, на **Московском Печатном дворе** только в первой половине «бунташного века» было издано около двухсот названий книг, среди которых одна половина была представлена книгами традиционного религиозного содержания — **Библиями, Псалтырями и Евангелиями**, а вторая половина — официальными государственными актами и учебной литературой — **«Соборным Уложением»**, **«Учением и хитростью ратного строения пехотных людей»** и другими. Причем, многие печатные издания этой типографии не только пополнили богатые книжные хранилища различных государственных учреждений и монастырей, но и стали продаваться в специализированных книжных лавках, первая из которых была открыта в **Москве** в **1672 г.**

В **XVII в.** возникли крупные библиотечные коллекции не только в крупных и богатых монастырях, но и в ряде частных собраний известных и именитых людей. Например, богатые коллекции печатных изданий на русском, латинском, греческом и польском языках были у царя **Алексея Михайловича**, патриарха **Никона** и видных членов **Боярской Думы** князя **В.В. Голицына**, **А.Л. Ордина-Нашекина**, **А.С. Матвеева** и других. Богатейшая библиотека, основу которой составил царский подарок Великого государя **Федора Алексеевича**, была и в первом высшем учебном заведении России — **Славяно-греко-латинской академии**.

Широкое распространение рукописных и печатных книг дало положительный импульс дальнейшему развитию всей системы начального и среднего образования в стране и, прежде всего, обучению грамоте и письму. Огромное значение в этом благом деле сыграло издание целого ряда учебных пособий, в частности знаменитой **«Азбуки» (1648)** патриаршего дьякона **Василия Бурцева**, **«Грамматики» (1648)** **Мелентия Смотрицкого**, **«Лексикона речений языка славенска и греческа со иными**

языки в научение и разумение учащихся» (1650) Епифания Славенецкого и многочисленных учебных «Псалтырей» и «Часословов», общий тираж которых составил без малого 450 тысяч экземпляров.

XVII век стал временем создания первых частных школ при монастырях и приходских храмах. Уже в 1633 г. по указанию патриарха Филарета при Чудовом монастыре Московского Кремля была открыта первая греко-латинская школа, которую после смерти святейшего первоиерарха стали называть Патриаршей школой. Затем, в 1646 г., один из видных государственных деятелей, окольничий и постельничий царя Федор Михайлович Ртищев пригласил из Киева в Москву выпускников знаменитой Киево-Могилянской духовной академии для организации первой частной школы в Андреевском мужском монастыре, где ее воспитанники изучали латинский и греческий языки, риторику и философию. В 1650-х гг. по инициативе известного киевского богослова Епифания Славинецкого была создана еще одна греко-латинская школа в Чудовом монастыре, которая позднее, слившись с Патриаршей школой, составили единое учебное заведение. Затем, в 1664 г., для обучения подьячих центральных государевых Приказов открылась школа в Заиконо-Спасском монастыре на Никольской улице в Москве, которую возглавил известный просветитель «бунташного века» Симеон Полоцкий. В 1667 г. по инициативе нового патриарха Иоасафа II открылся «гимнасион» при церкви Иоанна Богослова в Китай-городе, а в 1680 г. была основана школа при Московском Печатном дворе, руководителем которой стал иеромонах Тимофей.

Первые частные школы в Москве стали своеобразной предтечей создания первого высшего учебного заведения в России — знаменитой Славяно-греко-латинской академии, устав которой — «Академический лексикон», по личному поручению царя Федора Алексеевича в 1680 г. составил «придворный пиит» Симеон Полоцкий. Предполагалось, что именно он и станет ректором этой академии, однако его преждевременная смерть спутала все карты и отложила ее открытие на целых семь лет. Только в 1687 г. состоялось открытие Славяно-греко-латинской академии, которую возглавили два выходца из Сербии, выпускники знаменитого Падуанского университета Иоанникий и Софроний Лихуды.

Согласно своему «лексикону» эта академия, расположенная на территории Заиконо-Спасского монастыря, открывалась для людей «всякого чина и сана» и предназначалась для подготовки высшего духовенства и дьяков государевых Приказов, поэтому первыми ее учениками стали выпускники двух школ — при Московском Печатном дворе и Богоявленском монастыре. Эта академия была построена по образцу европейских учебных заведений, где помимо традиционного набора учебных предметов — богословия, грамматики, пиитики, риторики и различных языков, преподавались физика, диалектика и философия, что вызвало особую неприязнь у ревнителей древней старины.

В 1694 г. благодаря интригам и наветам иерусалимского патриарха Досифея II, братья Лихуды вынуждены были покинуть Москву и перебраться в Новгород, а академию возглавили их ученики Николай Семенов и Федор Поликарпов. Однако в 1699 г. был назначен новый ректор академии, первый русский доктор философии и доктор богословия, игумен Заиконо-Спасского монастыря Палладий Роговский. Кстати, значительно позднее именно на базе этой академии будет создана Московская Духовная академия.

4. Научные знания

В XVII веке произошел заметный рост интереса наших предков к разнообразной научной литературе эпохи европейского **Возрождения** с ее рациональным подходом к объяснению многих природных явлений. Поэтому именно в этот период в России появляются первые переводы целого ряда научных трактатов известных европейских авторов, в частности **Андрея Везалия «О строении человеческого тела» (1543)** и **Яна Гевелия «Селенография, или Описание Луны» (1647)**, оказавших существенное влияние на формирование и распространение научных знаний в России.

Вместе с тем, **1620-х гг.** вышло в свет и несколько оригинальных научных трактатов, в том числе **«Устав ратных, пушечных и других дел, касающийся до воинской науки» (1621)**, автором которого был **Онисим Михайлов (Радышевский)**, и анонимная **«Книга сошного письма» (1629)**. Первый трактат, основанный на существенно переработанной работе немецкого ландскнехта **Леонарда Фронсбергера «Военная книга» (1573)**, содержал различные сведения об организации регулярной армии, о значении артиллерии и устройстве артиллерийских орудий, о приемах ведения боевых действий и т.д. Кроме того, здесь содержались практические сведения из различных областей научных знаний — геометрии, механики, физики и химии. В частности, **«Устав»** очень подробно рассматривал проблемы баллистики и прикладной химии, прежде всего, рецепты варки селитры и изготовления «порохового зелья». А второй трактат был предназначен для обучения важным математическим манипуляциям: измерению площадей, извлечению квадратных и кубических корней и их практического применения к исчислению двух окладных единиц — **сох и выгтей**, с учетом качества **«доброй, средней и худой земли»**.

В XVII в. широкое распространение получили переводы известных иностранных лечебников и травников, среди которых самым популярным стал **«Благопрохладный цветник»**, переведенный в **1672 г.** подъячим **Андреем Никифоровым** под названием **«Книга глаголемая Вертоград Прохладный, избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещах ко здравью человекам пристоящих»** или просто **«Прохладный вертоград»**. В том же **1672 г.** по указанию царя **Алексея Михайловича** был создан **Аптекарский Приказ**, где работали искусные русские мастера, обладавшие широкими познаниями в области химии, ботаники и фармацевтики — **Тихон Ананьин, Василий Шилов и Иван Венедиктов**, который позднее составил первый оригинальный трактат по медицине — **«Фармакопея»**.

В XVII веке особый интерес стал проявляться к накоплению и развитию географических знаний. Уже в **1627 г.** в **Разрядном Приказе** была составлена **«Книга Большому чертежу»**, которая содержала крайне интересные географические данные о европейской части России. Несколько позднее, в **1630-х гг.**, географические сведения в большом объеме стали фиксироваться в многочисленных **«Писцовых книгах» Поместного Приказа**. А в **1656 г.**, в связи с начавшейся **русско-шведской войной**, в **Посольском Приказе** был составлен **«Чертеж городам русским и шведским до Варяжского моря»**.

Важный географический материал был получен и в ходе знаменитых экспедиций **И.И. Реброва, В.Д. Пояркова, С.И. Дежнева, Е.П. Хабарова, В.В. Атласова** и других землепроходцев. Именно в их разнообразных донесениях — **«Расписках»** и **«Расспросных речах»**, содержался очень интересный географический и этнографический материал **Восточной Сибири и Дальнего Востока**, на основании которых

были составлены первые сводные географические атласы: «**Роспись сибирским городам и острогам**» (1640), «**Роспись морского пути вдоль Охотского моря**» (1649), знаменитый «**Годуновский чертеж**» (1667), автором которого был юрский воевода П.П. Годунов, и другие.

Важное место в развитии географических знаний имели и переводные книги. В 1637 г. толмачи Посольского Приказа перевели известный труд знаменитого голландского географа и картографа Герарда Меркатора «**Космография, сиречь всего света описание**». А чуть позже, в 1655–1657 гг., был переведен шеститомный атлас немецких ученых Вильгельма и Иоганна Блеу «**Позорище всяя Вселенная, или Атлас новый**», который был осуществлен Епифанием Славинецким и двумя монахами из ближайшего окружения патриарха Никона Исаией и Арсением.

5. Исторические знания и общественно-политическая мысль

Бурные политические события в России, сотрясавшие ее практически весь век, способствовали новому подъему общественно-политической мысли, которая столь ярко расцвела в предыдущую эпоху. При этом надо отметить, что именно в XVII веке характерная для средневекового мышления идеология провиденциализма, которая объясняла исторический процесс как осуществление божественного промысла, постепенно стала «разбавляться» попытками рационального толкования исторических событий и поиска реальных причин их возникновения.

Уже в годы самой Смуты возникло несколько ярких публицистических произведений, вышедших, вероятнее всего, из дворянской, посадской и монастырской среды, в которых содержались разные трактовки и оценки произошедших событий: «**Новая повесть о преславном Российском царстве и Великом государстве Московском**» (1611), «**Повесть како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов**», «**Сказание о Гришке Отрепьеве и о походе его**», «**Плач о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства в пользу и наказание слушающим**» (1612), «**Сказание, каких ради грехов попустил господь бог нам праведное свое наказание**» (1612) и «**Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Скопина**» (1612).

Затем трагические события Смуты оказались в центре внимания целого ряда знаменитых публицистов и мемуаристов, бывших свидетелями и активными участниками тех событий. В 1620 г. было создано знаменитое «**Сказание**» или «**История в память предыдущим родам**» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына (Аверкия Иванова), которое, по мнению историков (С. Платонов), условно можно разделить на три основных части: 1) в первой части излагались события Смуты от смерти Ивана Грозного до начала осады поляками Троице-Сергиева монастыря (1584–1608); 2) во второй части содержалось описание самой осады этого монастыря и героизм его защитников (1608–1611) и 3) в третьей части был представлен очень сжатый рассказ о дальнейших событиях Смуты вплоть до подписания Деулинского перемирия в 1618 г. Весь пафос этого «Сказания» был подчинен единственной идеи — прославлению роли Русской Православной Церкви в защите национальной независимости и территориальной целостности страны и объяснения причин Смуты забвением русскими людьми основных догматов православной веры.

В 1622 г. из-под пера ярославского воеводского дьяка **Ивана Тимофеева (Ивана Тимофеевича Семенова)** вышел знаменитый «**Временник**», в котором автор усматривал главные причины **Смуты 1)** в политике опричного террора и массового беззакония времен **Ивана Грозного**, которые полностью подорвали все основы государственной власти в стране, и **2)** в узурпации трона «окаянным деспотом» **Борисом Годуновым** и **Василием Шуйским**, которые не имели законных прав на престол.

В середине 1620-х гг. появился анонимный полемический ответ на «**Сказание**» **Авраамия Палицына** — так называемое «**Иное сказание**», а так же целый ряд других публицистических произведений, написанные представителями разных социальных групп, которые со своих позиций оценивали многоликие события **Смуты** и причины ее возникновения. Наиболее интересными произведениями этого цикла были две повести, вышедшие из-под пера псковских посадских людей: «**О псковском разорении**» и «**О бедах, скорбях и напастях, иже бысть в Велицей России**», а также «**Словеса**» князя **Ивана Андреевича Хворостина** и «**Повесть**» князя **Ивана Михайловича Катырева-Ростовского**.

В 1630 г. на свет появился «**Новый летописец**» или «**Летопись о многих мятежах**», где на богатом историческом материале излагались события со смерти **Ивана Грозного** до возвращения патриарха **Филарета** из польского плена в **Москву**. Главная идея «**Нового летописца**», созданного по заказу патриарха **Филарета**, состояла в обосновании законности избрания **Михаила Романова** на царский престол и доказательства близкой родственной связи старинного боярского рода **Романовых** с **Иваном Грозным**, а значит, и со всей династией **Рюриковичей**. Причем, надо сказать, что «**Новый летописец**» стал одной из последних русских летописей, где сохранилась традиционная погодная, «из лето в лето», запись основных исторических событий. Другие летописные своды той поры уже представляли собой сугубо синтезированные произведения, где погодное изложение событий активно перекликалось с довольно существенными отступлениями философского, религиозного и иного характера, почерпнутыми из других, внелетописных сочинений.

Оригинальными произведениями русской исторической мысли **XVII в.** стали так называемые **Сибирские летописи**. Одна из них — «**Есиповская летопись**» или «**Сибирское царство и княжение и о взятии**», была написана в 1636 г. дьяком сибирского архиепископа **Савой Есиповым**. Эта летопись скорее походит на чисто литературное произведение, нежели на полноценный летописный свод, поскольку погодная сетка изложения событий полностью отсутствует, а главным героем всего повествования становится **Ермак Тимофеевич**, который изображен как главный борец за торжество христианства и русского православия в Сибири.

В середине **XVII в.** был написан целый цикл публицистических произведений, состоящий из четырех повестей «**О начале Москвы**», который продолжил линию на прославление **Москвы** как центра истинного православия и собирательницы русских земель в единое государство.

Особое место в развитии исторических знаний сыграл знаменитый «**Синописис**» ректора **Киево-Могилянской Духовной академии** и настоятеля **Киево-Печерского монастыря** **Иннокентия Гизеля**, который содержал краткий обзор русской истории с древнейших времен до конца 1670-х гг. При жизни самого **И. Гизеля** его сочинение выдержало три издания, в 1674, 1678, 1680 гг., а затем на протяжении полувека

использовалось в качестве прекрасного учебного пособия по русской истории для школяров. Тогда же вышел целый ряд и других интересных исторических трактатов, в частности сочинение **Сильвестра Медведева «Созерцание краткое...» (1683)**, посвященное **Стрелецкому бунту 1682 г.**, и **«Скифская история» (1692)** царского стольника **Андрея Лызлова**, которая подробно освещала историю борьбы России с османско-крымской агрессией на протяжении полутора веков.

Одними из самых интересных памятников русской общественной мысли **второй половины XVII в.** стали произведения известного униатского богослова, хорвата **Юрия Крижанича (1617–1683)**, который в **1659 г.** был приглашен русским послом в Вене **Яковом Лихаревым** в Россию для **«справной службы русскому государю»**. Первоначально он работал в **Москве**, но затем, справедливо заподозренный в симпатиях к католицизму, в **1661 г.** был сослан в **Тобольск**, где, прожив пятнадцать лет, написал около десятка разнообразных сочинений, самым известным из которых стал его трактат **«Думы политичны»** или **«Политика»**.

В этой работе **Ю. Крижанич** выступил с программой глубокие преобразований в России, как необходимого условия ее успешного движения вперед через: **1)** изменение государственного устройства страны путем перехода от сословно-представительной к самодержавной монархии, при безусловном отказе от деспотичных и незаконных методов правления, и **2)** приоритетное развитие промышленности и торговли, которые стали бы основой экономической мощи России, а значит, и роста ее влияния во всем христианском мире.

В своем трактате **Ю. Крижанич** обратился и к проблемам крепостного права в России. Будучи убежденным сторонником сохранения этого социально-правового института, он одновременно выступал за существенное уменьшение тяглового бремени крестьянских хозяйств, поскольку в противном случае они придут в упадок и утратят элементарную тягловоспособность, что приведет к неизбежному экономическому кризису в стране и новым социальным потрясениям.

Кроме того, в своей работе **Ю. Крижанич** впервые выступил с идеей панславизма и заявил о том, что именно Россия может и должна объединить славянские народы в борьбе с османской (мусульманской) угрозой. Правда, при этом он полагал, что для выполнения данной исторической миссии Россия должна перейти из православия в католицизм, что было абсолютной утопией с исторической, политической и мировоззренческой позиций. Неслучайно известный исследователь его творчества, профессор **Л.Н. Пушкарёв** в своей книге **«Общественно-политическая мысль в России второй половины XVII в.» (1982)** писал, что в своей политической доктрине **Ю. Крижанич** пытался соединить несоединимое.

Выдающимся мыслителем **второй половины XVII в.** был **Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нашекин (1605–1680)**, который, безусловно, будучи знаком с произведениями **Ю. Крижанича**, предложил несколько иную, больше отвечающую национальным интересам страны, программу реформ. Будучи сначала псковским воеводой, а затем влиятельным главой **Посольского Приказа**, **А.Л. Ордин-Нашекин** написал три **«Памяти»**, в которых содержалась целостная программа экономических преобразований страны.

Исходя из коренных интересов Русского государства и укрепления самодержавной власти монарха, он настаивал на необходимости всемерной поддержки национальной промышленности и торговли, а так же укрепления позиций России

в стратегически важных регионах мира, прежде всего, на **Балтийском побережье**. Поэтому именно он был самым убежденным сторонником **русско-шведской войны (1656–1661)**, которая, увы, закончилась безрезультатно. **А.Л. Ордин-Нашекин** так же активно выступал в поддержку русского купечества и ратовал за предоставление ему различных привилегий и льгот. Так, будучи псковским воеводой, он попытался ввести в городе и его округе систему местного самоуправления и оградить здешнее купечество от произвола и мздоимства со стороны чиновного приказного люда и феодальной знати.

Кроме того, **А.Л. Ордин-Нашекин** был горячим сторонником протекционизма и выступал за установление высоких таможенных тарифов на ввозимые из-за рубежа товары и лишения «заморских» купцов различного рода привилегий, полагая, что в противном случае России грозит потеря национальной независимости и закабаление со стороны европейского торгового капитала. Поэтому неслучайно, став главой **Посольского Приказа**, в 1667 г. он сразу добился принятия знаменитого «**Новоторгового устава**», который полностью запретил всем иностранным купцам розничную торговлю на территории Русского государства.

По мнению многих историков (**Л. Пушкирев, А. Богданов, В. Вышегородцев**), **вторая половина XVII в.** стала временем противостояния двух религиозно-культурных направлений, которые во многом предопределили дальнейшее развитие страны, особенно в годы петровских реформ. Речь идет о противостоянии так называемой «**латинской партии**», которая носила прозападнический и более светский характер, и «**грекофильской партии**», которая опиралась на традиции раннего христианства и суровой византийской догматики. Первую партию возглавляли **Симеон Полоцкий** и его ученик **Сильвестр Медведев**, а вторую партию — **Елифаний Славинецкий** и патриарх **Иоаким**.

Особенно ожесточенный характер борьба этих партий приобрела во **второй половине 1680-х гг.**, когда основными оппонентами стали братья **Иоанникий** и **Софроний Лихуды** и **Сильвестр Медведев**, который имел поддержку при дворе в лице царевны **Софьи** и ее влиятельного фаворита, князя **Василия Васильевича Голицына**. Поэтому первый раунд этих баталий остался за **С. Медведевым**, поскольку в 1688 г. братья **Лихуды** были отстранены от руководства **Славяно-греко-латинской академией** и отправлены с дипломатической миссией в **Венецию**. Однако после опалы царевны **Софьи** **С. Медведев** потерял поддержку при дворе и был обвинен в ереси. В 1690 г. **Церковный Собор** постановил сжечь все его произведения, а в **феврале 1691 г.**, обвиненный в заговоре в пользу **Софьи**, он был осужден на казнь и обезглавлен.

Наша либеральная научная общественность и раньше (**А. Лаппо-Данилевский**), и теперь (**Р. Скрынников, А. Богданов**) всегда искренне сокрушалась по поводу победы «**грекофилов**» и утверждала, что эта «пиррова победа» «воздвигла труднопроходимую преграду на пути распространения западноевропейской культуры и науки в России». Однако, безусловно, это слишком предвзятое представление о позиции «**грекофилов**», хотя, определенная доля истины в этом суждении есть. Но представлять «**грекофилов**» в виде конченных мракобесов и обскурантов это уж слишком, они отнюдь не были противниками просвещения и науки, они лишь выступали против западных моделей, которые умело и изощренно насаждались римско-католической церковью.

6. Национальная литература

Русская литература XVII века была самым тесным образом связана с общественно-политической мыслью, отражая в своих произведениях, как никогда ранее, социально-политические интересы различных социальных групп и слоев русского общества. Вместе с тем, именно тогда русская литература вступила в новый этап своего развития, что зримо сказалось и на самом ее содержании, и на развитии разнообразных форм литературного творчества.

По мнению многих известных ученых (И. Еремин, В. Адрианова-Перетц, Д. Лихачев, В. Истрин), наиболее важным, в определенном смысле даже революционным, стало распространение **светского (личностного) начала** в литературе, и ее постепенное освобождение от религиозного мировосприятия и традиционной провиденческой идеологии. Другим своеобразием русской литературы этого периода стало становление и развитие **демократического направления** и принципиально нового жанра литературного творчества — **жанра демократической сатиры**, который был основан на глубоких народных традициях «смеховой культуры». Более того, академик Д.С. Лихачев и профессор А.М. Панченко в своей известной монографии «Смеховой мир Древней Руси» (1976), анализируя «смеховую» литературу того времени, писали, что она «противопоставляет себя не только официальной «неправде» о мире, но и народному фольклору с его утопическими мечтаниями». Вообще же, по мнению этих ученых, появление новой системы жанров, основанной на личностном начале, — это и есть основной признак «перехода русской литературы от средневекового типа к типу нового времени».

Первой весь сарказм нового литературного жанра в полной мере испытала на себе Русская Православная Церковь. Именно в этом жанре в **первой половине XVII века** были написаны такие известные повести, как «Сказание о **куре и лисице**», в которой в ярких сатирических красках осуждалось лицемерие и стяжательство духовенства, «Служба **кабаку**» или «Праздник **кабацких ярыжек**», в которой едкой пародии был подвергнут ритуал всенощного богослужения, и «**Калязинская челобитная**», в которой обличались такие зловерные пороки, укоренившиеся в монашеской среде, как пьянство и распутство, а так же высмеивались архаичные монастырские порядки и нравы. Не менее острая критика распутства и пьянства монахов и церковнослужителей содержалась в «Повести о **Карпе Сутулове**», в «Сказании о **попе Савве и его славе**», в «Повести о **бражниках**» и других произведениях.

Историки литературы давно подметили тот примечательный факт, что острая и временами едкая сатира на служителей церкви, являлась самым ярким и убедительным свидетельством начавшегося кризиса религиозного мировоззрения и «обмирщения» всего культурного процесса. Однако при этом важно понять, что эти сочинения «смеховой литературы» были направлены только против недостойных представителей Русской Православной Церкви, а не против самого религиозного культа и православной веры.

Объектом литературной сатиры были не только служители культа. Не менее едкой и остроумной сатире в целом ряде блестящих сочинений, таких как «Повесть о **Шемакином суде**» и «Повесть о **Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове**», был подвергнут сословный (феодальный) суд **Московского государства**, с его традиционной волокитой, крючкотворством и продажностью судей.

Вторая половина XVII века стала временем зарождения еще одного литературного жанра — **жанра бытовой реалистической повести**. Наиболее ярким произведением этого жанра стала знаменитая **«Повесть о Фроле Скобееве»**, в которой в занимательной манере описывались похождения дворянского отпрыска, пройдохи и плута, сумевшего обвести вокруг носа самого боярина **Нордина-Нашекина**, который женившись на его дочери **Аннушке**, прибрал к своим рукам все состояние новоявленного тестя. Однако, если эта **«Повесть»** носила явно апологетический характер, то другое сочинение, посвященное дворянским отпрыскам, — **«Повесть о Фоме и Ереме»**, возникшая в демократической среде, напротив, в уничижительной форме высмеивала праздную и беззаботную жизнь дворянских недорослей-белоручек.

Многие исследователи русского литературного творчества того периода (**В. Адрианова-Перетц, Д. Лихачев, В. Кусков, А. Панченко**) отмечают, что наряду с отходом от провиденциализма и торжеством рационального начала, в русскую литературу проникают два принципиальных новшества, определившие новый этап ее развития: **1) индивидуальная трактовка персонажей и особый акцент на внутреннем мире героев литературных повествований и 2) отказ от традиционного литературного «историзма», т.е. переход от исторических к вымышленным литературным героям и создание сугубо литературных обобщенных образов.**

Например, в двух замечательных произведениях той поры, в **«Повести о Савве Грудцыне»** и **«Повести о Горе-Злочастии»**, носивших явно нравоучительный характер, красной нитью проходила идея о смертельной опасности отказа от традиционных патриархальных устоев «домостроевской» семьи. В другом не менее известном сочинении, в **«Повести об Улиане Осорьиной»**, автором которой стал ее муж, муромский дворянин **Дружина Осорьин**, был создан идеализированный образ умной и деятельной русской женщины, достойной всяческого подражания. Причем, эта **«Повесть»** стала первой светской повестью с элементами семейной хроники, которая позднее, наряду с **«Повестью о Марфе и Марии»** и **«Повестью о Тверском Отроче монастыре»**, будет переделана в отдельное **«Житие»** и войдет в церковно-нравоучительные сборники.

Во второй половине XVII в. появляется еще один жанр в русской литературе — **мемуаристика**, самым известным произведением которого стало знаменитое **«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»**, автором которого был один из самых непримиримых противников никонианской церковной реформы и видный идеолог старообрядчества, «неистовый» **Аввакум Петров (1610–1682)**. Вместе с тем, нельзя не согласиться с академиком **Д.С. Лихачевым**, который утверждал, что автобиографическими элементами были наполнены и сочинения **Авраамия Палицына, Ивана Тимофеева, Ивана Хворостина** и других известных авторов **Смутного времени**.

По мнению многих ученых (**Н. Гудзий, Е. Петряев, В. Кусков, А. Панченко**), знаменитое **«Житие протопопа Аввакума»** не только биографическое, но и одновременно остро полемическое и сатирическое произведение, которое по своему языку и по внутреннему содержанию мало чем походило на традиционный жанр агиографии. В традиционных произведениях этого жанра все герои житийной литературы наделены всеми человеческими добродетелями и достоинствами. Здесь же, напротив, главным героем выступает реальная историческая личность, которой в равной степени свойственны как достоинства, так и недостатки. По сути дела, эта первая в русской литературе автобиография-исповедь. Более того, ряд исследо-

вателей (**В. Кожин**) полагают, что именно творчество протопопа **Аввакума** стало рубежом между литературой средневековой и литературой нового времени. Вместе с тем, дальнейшее развитие получил и традиционный жанр **агиографии**, наиболее ярко представленный «**Повестью о житии боярыни Феодосьи Прокопьевны Морозовой**», написанной в годы правления «либерального» царя **Федора Алексеевича (1676–1682)**.

К числу блестящих литературных произведений «нового времени» относятся так называемые «**Казацкие повести**», которые продолжили лучшие традиции «**Воинских повестей**». Среди произведений этого жанра особо следует отметить «**Написание о походе Ермака Тимофеевича в Сибирь**» (1623), «**Историческую повесть об Азове**» и «**Повесть об Азовском взятии и сидении**», которые были написаны по горячим следам известного исторического события и, вероятнее всего, были приурочены к открытию **Земского Собора 1641–1642 гг.**, на котором и должна была решаться азовская проблема. Авторство первого произведения установить до сих пор не удалось, а автором «**Азовских повестей**» большинство историков считают **Федора Ивановича Прошина**, бывшего холопа князя **И.Н. Одоевского**, который бежав на **Дон**, стал там есаулом и войсковым дьяком.

Чрезвычайно интересным литературным памятником второй половины **XVII в.** является сочинение бывшего подьячего **Посольского Приказа Григория Карповича Котошихина (1630–1667)** «**О России в царствование Алексея Михайловича**», которое в первоначальном виде называлось «**О некоторых русских церемониях**» (1664). Будучи членом русской делегации князя **И.С. Прозоровского** на переговорах со шведами по демаркации границы, он добровольно стал платным агентом шведского двора и в **1661 г.**, опасаясь своего разоблачения, сбежал в **Вильно**, затем в **Любек**, а оттуда в **Нарву** и **Стокгольм**, где по заданию шведского правительства и составил подробное описание русского государственного аппарата времен царя **Алексея Михайловича**. По мнению идеологически ангажированных советских историков (**А. Сахаров, А. Муравьев**), само это сочинение отличалось едким разоблачительным сарказмом по отношению к правящей аристократии Московского царства и носило заметные черты политического вольнодумства. Однако на наш взгляд, многие пассажи этого произведения носили намеренно злобный и явно предвзятый характер, что было продиктовано неприглядной личностью самого автора, который был казнен в **Стокгольме** за бытовое убийство своего «коллеги», шведского толмача **Даниила Анастасиуса**.

Попробовал свои силы на литературном поприще и сам Великий Государь **Алексей Михайлович**, который, будучи страстным охотником, составил целый свод правил особо любимой им соколиной охоты — «**Устав сокольников пути**», написанный в **1660-х гг.**

Новым явлением русской литературы стало широкое распространение **силлабического стихосложения** или **виршей**, становление которого было напрямую связано с деятельностью знаменитого ученого и просветителя, выходца из русской Литвы **Самуила Ефимовича Петровского-Ситниак** (более известного под именем **Симеона Полоцкого (1629–1680)**), который в **1664 г.** был лично приглашен царем **Алексеем Михайловичем** в **Москву** для обучения царских отпрысков разным наукам. Сам **С. Полоцкий** получил к тому времени очень приличное образование в **Киево-Могилянской Духовной академии** и **Виленском иезуитском коллегииуме**, где

учился «только по-латыни». Вероятно, именно оттуда он и вынес преклонение перед авторитетом Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского и других мыслителей античности и раннего средневековья.

Просветительскую деятельность С. Полоцкого условно разделяют на две составляющих: в первом случае он выступал как интересный и оригинальный поэт и переводчик, а в другом — как издатель и руководитель «Верхней типографии». Литературное наследие Симеона Полоцкого довольно обширно и разнообразно. В 1674–1679 гг. он создал два сборника проповедей «Обед душевный» и «Вечеря душевная», знаменитый катехизис «Венец веры», четыре сборника виршей — «Орел Российский», «Гусль dobroгласная», «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион, или Стихослов», куда, помимо 1100 панегирических стихов, вошли его пьесы «Комедия-притча о блудном сыне» и «О Новохудоносаре-царе» и несколько сатир, в том числе «Купецтво» и «Монах». Наконец, незадолго до смерти, в 1680 г. на свет появилась его знаменитая «Псалтырь рифмотворная», представлявшая собой полное стихотворное переложение ветхозаветной книги псалмов. Кстати, именно этот «Псалтырь» в течение долгого времени использовался в качестве прекрасного учебного пособия, по которому многие отроки учились грамоте, письму и риторике.

По мнению многих советских ученых (А. Морозов, Д. Лихачев, И. Еремин, А. Робинсон, А. Панченко), в творчестве Симеона Полоцкого наиболее ярко воплотился так называемый «стиль литературного барокко», для которого было характерно увлечение внешней отделкой стиха, аллегоризм, стихотворные ребусы, криптограммы и т.д. Более того, по мнению академика Д.С. Лихачева, он логизировал свою поэзию, сближал ее с наукой и облекал морализаторством. По сути, все сборники его стихов напоминали обширные энциклопедические словари, в которых встречались и исторические, и житийные, и апокрифические, и мифологические, и сказочные, и даже басенные сюжеты. Однако их оппоненты (П. Берков, В. Кожин, Г. Макогоненко) решительно выступили против данной точки зрения. Первый автор полагал, что виршевую поэзию и драматургию второй половины XVII в. надо рассматривать как зарождение нового классического направления в русской литературе. А два других автора заявили, что в литературе того времени берет свое начало эпоха русского Возрождения, которая будет определять характер всего литературного творчества в России вплоть до Николая Васильевича Гоголя.

Будучи главой «Верхней типографии», Симеон Полоцкий активно занимался издательской деятельностью. Именно при нем неоднократно издавались «Букварь» Василия Бурцева и разнообразные философские трактаты, притчи и сказания, в том числе «Тестамент или завет Василия царя греческого к сыну его Льву Философу», «История о Варлааме пустынножителе и Иосафе царе Индейском» и многие другие.

Позднее литературные традиции, заложенные С. Полоцким, были продолжены его учениками Сильвестром Медведевым и Карионом Истоминым.

Сильвестр Медведев (Семен Агафонникович Медведев) (1641–1691) — знаменитый уроженец Курска, получив хорошее домашнее образование, в 1658 г. переехал в Москву, где сразу был поверстан на службу подьячим в Приказ Тайных дел, а вскоре стал студентом-старостой Заиконо-Спасской школы Симеона Полоцкого. Затем он стал монахом путивльского Молченского монастыря, а в 1677 г. был переведен на службу в Заиконо-Спасский монастырь, где стал личным секретарем Симеона Полоцкого.

В 1680 г. после смерти своего наставника он стал главой «Верхней типографии» и занял место придворного поэта при особе нового царя Федора Алексеевича (1676—1682). Одновременно, в 1682—1686 гг. он возглавлял Заиконо-Спасскую школу, где продолжил дело своего учителя, подав в 1685 г. царевне Софье (1682—1689) новый проект учреждения Славяно-греко-латинской академии. Однако, вскоре оказавшись в эпицентре борьбы «латинской» и «грекофильской» партий, он проиграл «баталию» братьям Лихудам, которые, имея поддержку со стороны патриарха Иоакима, возглавили Славяно-греко-латинскую академию. Затем ему на короткое время все же удалось одержать вверх, но в августе 1689 г., после поражения царевны Софьи в борьбе с царем Петром, он бежал из Москвы, но был схвачен в Дорогобуже и отправлен в Сыскной Приказ. Здесь его обвинили в преступных связях с казненным главой Стрелецкого Приказа окольничим Ф.Л. Шакловитым и приговорили к смертной казни через отсечение головы.

Несмотря на то, что многие поэтические сочинения С. Медведева по решению Церковного Собора в 1690 г. были сожжены, ряд из них все же сохранились, в частности «Епитафий», «Приветствие брачное Федору Алексеевичу», «Плач и утешение на смерть Федора Алексеевича», «Подписи к портрету царевны Софьи», «Вирши на Великую субботу», «Поздравление царевне Софье по случаю Пасхи» и другие. Однако все исследователи его творчества (В. Кусков, В. Кожинов) считают, что как поэт С. Медведев мало оригинален, очень рассудителен и даже холоден.

Вместе с тем, С. Медведев был блестящим богословом-полемистом, который с позиций «латинства» написал такие трактаты, как «Хлеб животный» и «Известие истинное», направленные против «грекофилов». Кроме того, ему приписывают авторство двух знаменитых сочинений: исторического трактата «Созерцание краткое...», посвященное событиям Стрелецкого бунта 1682 г., и первого библиографического произведения «Оглавление книг и кто их сложил». Хотя, справедливости ради надо отметить, что ряд историков (Р. Агаркова, А. Богданов) приписывают авторство первого трактата Кариону Истомину, а авторство второго — либо Епифанию Славинецкому, либо Ефимию Чудовскому. Но блестящий знаток русской культуры «бунташного века» академик А.М. Панченко, автор известной монографии «Русская культура в канун петровских реформ» (1984), убедительно доказал авторское право С. Медведева на эти сочинения.

Карион Истомин (1640—1722), так же как Сильвестр Медведев, был монахом путивльского Молченского монастыря, а затем стал иеродиаконем кремлевского Чудова монастыря и одновременно преподавал в Заиконо-Спасской школы богословие и риторику. В 1689—1700 гг. он служил в Патриаршей канцелярии и был личным секретарем двух последних патриархов — Иоакима и Адриана и одновременно в 1698—1701 гг. являлся руководителем Московского Печатного двора. Надо сказать, что в исторической литературе Кариона Истомина долгое время «смешивали» с его современником, настоятелем московского Симонова монастыря архимандритом Карионом Заулонским, однако ряд исследователей его творчества (Р. Агаркова) убедительно доказали, что это разные исторические лица.

Литературное наследие К. Истомина очень обширно и разнообразно. В частности, он был автором рукописных («Малых») и печатных («Больших») букварей, входивших в 1692—1699 гг., «Катехизиса», исторического трактата «Летописец великия земля Российская» и других произведений. Но в историю русской лите-

ратуры он вошел, прежде всего, как блестящий поэт, продолживший традиции барочного стихосложения, заложенные **Симеоном Полоцким** и **Сильвестром Медведевым**. К числу самых ярких и талантливых виршей **К. Истомина** принадлежат «**Книга вразумления**», «**Едем**», «**Екклесия**», «**Стихи на воскресение господи нашего Иисуса Христа**», «**Книга стама духоносная**» и энциклопедический трактат в стихах «**Град царства небесного**» или «**Полис**».

В середине-второй половине XVII в. значительно возрос интерес и к переводной литературе, которая стала важным элементом развития русской национальной культуры. Среди наиболее популярных переводных изданий того времени, пришедших в Россию из Германии, Польши и даже Ближнего Востока, следует назвать:

1) «**Повесть о Бове-королевиче**», которая, освободившись под пером русского толмача от традиционных атрибутов германского рыцарского романа, приобрела сказочный характер, вобрав в себя многие мотивы русского народного фольклора.

2) «**Историю о семи мудрецах**», восходившую в своей основе к древним сказаниям о философе **Симбаде**, которая в переводном варианте стала представлять собой целый цикл из семи различных новелл, объединенных общим рассказом.

3) «**Повесть о Еруслане Лазаревиче**», прославлявшая подвиги героя-богатыря в поисках любви и славы, которая, как и предыдущая повесть, пришедшая на Русь из казачьей среды, также испытала сильное влияние русского народного фольклора.

Во второй половине XVII в. в России стали активно переводить различные любовно-авантюрные романы, которые возникли в Западной Европе еще в раннем средневековье. Среди этих романов большую известность получили «**История о храбром рыцаре Петре Златых Ключей и о прекрасной королеве неаполитанской Магилене**», «**Повесть об Оттоне цесаре Римском и о его супруге цесаревне Олунде**», «**Повесть о чешском королевиче Василии**» и ряд других. Получили в России широкое распространение переводные сочинения и других жанров. Например, особой популярностью пользовались четыре книги «**Апофегмата**», представлявшие собой сборники анекдотов и изречений, авторство которых приписывали известным античным политикам и философам. Не меньшей популярностью пользовались сборник нравоучительных рассказов «**Римские деяния**» и сборник рассказов о подвигах и мирских грехах «**Зерцало примерное**» или «**Великое зеркало**».

7. Архитектурное творчество

XVII век занимает особое место в развитии русской архитектуры, поскольку общий для этого столетия процесс «обмирщения» культуры самым непосредственным образом сказался и на творчестве выдающихся русских зодчих. При этом следует отметить тот примечательный факт, что особое влияние на все архитектурное творчество стала оказывать городская светская культура, которая значительно потеснила традиции культового зодчества.

Вместе с тем, подавляющее большинство построек не только в сельской местности, но и в городах по-прежнему возводились из дерева, а каменные храмы и светские здания были еще довольно редки, являясь своеобразными островками в море деревянных построек. Выдающимся произведением русского деревянного зодчества был знаменитый **Царский дворец** в селе **Коломенском** под **Москвой**, по-

строенный в 1667–1681 гг. русскими мастеровыми под руководством плотничьего старосты **Семена Петрова**, московского стрельца **Ивана Михайлова** и государева однодворца **Саввы Дементьева**. Царский дворец **Алексея Михайловича** состоял из многочисленных разнохарактерных построек, связанных между собой многочисленными переходами и галереями. Он насчитывал **270 комнат и 3000 окон и оконцев**, поэтому внешне очень походил на целый сказочный городок с многочисленными башенками, чешуйчатыми крышами, «гульбищами», «кокошниками», крылечками с витыми колонками и т.д. К большому сожалению, во времена **Екатерины II**, в 1768 г., это «восьмое чудо света» из-за ветхости было разобрано и восстановлено как «новодел» только в 2000-х гг.

Но, конечно, самое широкое распространение деревянное зодчество получило в северных уездах страны, где по-прежнему очень активно строились различные шатровые храмы в стиле «восьмерик» на «четверике». Среди самых известных построек того времени следует назвать **церковь Иоанна Предтечи на Широковом погосте под Вологдой (1618)**, **Вознесенскую церковь в Торжке (1653)** и **Троицкий собор под Архангельском (1681)**. При этом надо отметить, что в деревянном зодчестве с особой силой проявилась народная художественная культура, в которой нашла свое отражение не строгий аскетизм, характерный для официальных культовых построек, а мирская жизнерадостность простых селян и горожан русского Севера.

В XVII в. светские элементы все больше стали проникать и в каменное зодчество. Строительству каменных сооружений в тот период придавалось большое государственное значение, поскольку это: 1) диктовалось военно-оборонительными потребностями государства, которое на протяжении всего XVII в. вело тяжелые и длительные войны по всему периметру своих границ, и 2) самым непосредственным образом было связано с усилением государственной власти, авторитет и величие которой требовали соответственного выражения в монументальном каменном зодчестве. Именно для этих целей в 1598 г. по указанию **Бориса Годунова** был создан специальный государев **Приказ Каменных дел**.

Выдающимся памятником светского зодчества первой половины XVII в. по праву считается **Теремной дворец Московского Кремля**, который был построен в 1635–1636 гг. под руководством известных русских зодчих **Бажена Огурцова**, **Трефила Шарутина**, **Антипа Константинова** и **Лариона Ушакова**. Этот дворец представлял собой трехэтажное на высоких подклетьях здание, увенчанное высоким «теремком», в котором с особым изяществом были исполнены так называемые **Прходные сени**, **Крестовая** и **Престольная палаты** и **Верхний теремок**. А позолоченная кровля **Теремного дворца** и два пояса лазурных изразцовых карнизов придавали царской резиденции особо нарядный и сказочный вид.

Черты обмирщения и проникновения народных элементов в каменное зодчество ярко отразились и в культовом строительстве. В первой половине XVII в. излюбленным видом культовых построек оставались **шатрово-купольные храмы**, которые в начале нового столетия в большом количестве стали обильно украшаться разнообразными кокошниками, наличниками и колонками, что придавало этим постройкам еще более изысканный и нарядный вид. Наряду с этим была продолжена старая традиция сооружения традиционных **крестово-купольных храмов**, которые, правда, уступали в своей монументальности аналогичным постройкам прошлых веков.

Выдающимися памятниками культового зодчества первой половины XVII в. были храм Покрова Богородицы в селе Медведково под Москвой, сооруженный в 1619–1621 гг. по заказу князя Д.М. Пожарского, Казанский собор на Красной площади в Москве, воздвигнутый в 1626 г. в честь освобождения первопрестольной от польских интервентов, церковь Покрова Богородицы в царском селе Рубцове (1627), Успенская («Дивная») церковь Алексеева монастыря в Угличе (1628), церковь Зосимы и Савватия в Троице-Сергиевом монастыре (1635–1638), Свято-Троицкий кафедральный собор в Вязьме (1637), храм Преображения Господня в селе Острове под Москвой (1646), Троицкий собор Ипатьевского монастыря под Костромой (1650–1652) и, наконец, знаменитый храм Рождества Богородицы в Путинках (1649–1652).

В 1628–1651 гг. по заказу богатого ярославского купца Григория Леонтьевича Никитникова в Москве была возведена знаменитая церковь Троицы в Никитниках, которая оказала огромное влияние на целый ряд культовых построек в других русских городах, таких как кафедральный собор Троицкого монастыря в Муроме (1642–1648), Вознесенский собор в Устюге Великом, построенный по заказу купца Никифора Федоровича Ревякина в 1648 г., Троицкий храм в Москве, воздвигнутый в 1642–1648 гг., и церковь Николы в Берсенева, построенная в 1657 г.

По мнению многих ученых (М. Ильин, И. Бусева-Давыдова, А. Муравьев, В. Маров), немаловажную роль в «обмирщении» церковного зодчества играло то обстоятельство, что заказы на строительство приходских церквей и храмов все чаще стали исходить не со стороны высших светских и духовных феодалов, а со стороны купеческих артелей и посадских слобод. Стремясь освободиться от традиционного аскетизма и нарочитой религиозности прежних культовых построек, зодчие XVII в., выполняя социальный заказ «простых» горожан, гораздо большее внимание стали уделять декоративной отделке культовых зданий, придавая им нарядный и жизнерадостный вид.

Многие элементы декоративного украшения светских и культовых построек, в 1620-х гг. стали активно проникать и в такую специфическую область архитектуры как крепостное зодчество. Именно в этот период на смену суровым крепостным ансамблям XV–XVI вв. приходят нарядные, богато украшенные и торжественные комплексы оборонительных сооружений многих русских городов и монастырей. В тот же период значительной перестройке был подвергнут и Московский Кремль. В 1624–1625 гг. под руководством английского архитектора Христофора Галовея и выдающегося русского зодчего Бажена Огурцова были возведены «чешуйчатые» шатровые перекрытия на Спасской и Никольской башнях Московского Кремля, которые не только значительно увеличили их высоту, но и придали им чрезвычайно нарядный и изысканный вид. Позднее, в 1672–1686 гг., аналогичные шатровые перекрытия были воздвигнуты и над остальными башнями Кремля. Несколько позднее аналогичной «изысканной» перестройке подверглись башни и стены Калязинского, Троице-Сергиева, Спасо-Евфимьево, Симонова, Новодевичьего, Донского и многих других монастырей в различных городах и всех странах. Но особым изяществом и суровой северной красотой отличался знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь, сооруженный в 1633–1679 гг.

Процесс «обмирщения» культового зодчества, вызвал резко негативную реакцию со стороны высших иерархов Русской Православной Церкви. Поэтому в начале 1650-х гг. новый патриарх Никон установил гораздо более строгие правила,

которыми должны были руководствоваться зодчие и каменных дел мастера при возведении культовых зданий. В частности, новый глава Русской Православной Церкви наложил очередной запрет на возведение шатрово-купольных храмов, и настоятельно рекомендовал возродить древние русско-византийские традиции крестово-купольных построек с классическим пятиглавием, которые всегда отличались особой монументальностью и строгостью форм. Именно под влиянием новых веяний, в **середине — второй половине XVII в.** началось грандиозное строительство монументальных культовых зданий и светских ансамблей на всей территории страны.

Среди светских построек **второй половины XVII в.** особо следует отметить такие шедевры русского зодчества, как **Патриарший дворец в Московском Кремле**, возведенный в **1642–1656 гг.** под руководством **Дмитрия Охлебнина** и **Аверкия Мокеева**, **Царицыны палаты Саввино-Сторожевого монастыря** под Звенигородом (**1650–1652**), **Потешный дворец в Московском Кремле** (**1651–1652**), построенный для влиятельного царского тестя, князя **И.Д. Милославского**, **Патриаршие палаты и трапезную Валдайского Иверского монастыря** (**1656–1659**), **Хамовный двор в Москве** (**1658–1661**), **Гостиные дворы в Москве** (**1661–1665**) и **Архангельске** (**1668–1684**), здание **Земского Приказа в Москве** (**1683**), **Патриаршую трапезную Троице-Сергиева монастыря** (**1692**) и **Архиерейский дом в Суздале** (**1693–1700**).

Среди заметных культовых ансамблей этого времени следует назвать кафедральный **Успенский собор Валдайского Иверского монастыря**, построенный архитектором **Аверкием Мокеевым** в **1653–1656 гг.**, **собор Двенадцати апостолов в Московском Кремле**, возведенный в **1652–1656 гг.**, **церковь Воскресения Христова** (**1670**) и **Звоницу** (**1682–1687**) **Ростовского Кремля**, **Успенский собор в Коломне** (**1672–1682**), комплекс зданий **Крестного монастыря в Онежской губе Белого моря на Кий-острове**, сооруженный в **1660–1680 гг.**, **Большой собор Донского монастыря в Москве** (**1684–1698**) и **Успенский собор в Рязани** (**1693–1699**).

В ряду выдающихся культовых ансамблей **второй половины XVII в.** особое место занимает «любимое детище» патриарха **Никона** знаменитый **Ново-Иерусалимский монастырь** под Москвой, построенный в **1656–1685 гг.** Несмотря на строжайший запрет самого же **Никона**, комплекс этого монастыря представлял собой уникальный синтез крестово-купольного и шатрового архитектурных стилей, где монументальные храмовые постройки венчались традиционным пятиглавием, а колокольни были увенчаны изящными шатрами. Самым значительным сооружением этого монастыря стал кафедральный **Воскресенский собор** (**1685**), который по замыслу его создателя должен был воспроизвести в своем облике **Храм Гроба Господня в Иерусалиме**.

В **1670–1683 гг.** под руководством ростовского митрополита **Ионы Сысоевича** в древнейшем городе **Северо-Восточной Руси** был воздвигнут уникальный ансамбль **Ростовского митрополичьего двора** — так называемый **Ростовский кремль**, который по праву считается настоящим шедевром русской культовой и крепостной архитектуры всего **XVII в.**

Вместе с тем, во **второй половине XVII в.**, несмотря на жесткие запреты, продолжало успешно развиваться светское или «посадское» направление в культовом зодчестве, отличительной чертой которого по-прежнему оставались разнообразные «узорчия». Наиболее интересными памятниками этого периода по праву считаются

храм Покрова Пресвятой Богородицы в Медведково (1634–1635), церковь Иоанна Златоуста в Коровниках (1649–1652), церковь Косьмы и Доминиана в Садовниках (1657–1662), церковь Лазаря в Суздале (1667), церковь Троицы в селе Останкино под Москвой, построенная Павлом Потехиным в 1678–1683 гг., церковь Николая в Хамовниках (1679) и многие другие.

По мнению многих ученых (И. Грабарь, И. Бусева-Давыдова, А. Муравьев, А. Мельник), особенно сильно светское начало проявилось в ярославском культовом зодчестве, где особое положение занимали богатые купеческие корпорации. В этом крупном торгово-ремесленном центре **Верхнего Поволжья** при строительстве культовых зданий значительно большее внимание уделялось внешнему убранству и пышности приходских храмов, что, по мнению их заказчиков, должно было символизировать богатство и мощь ярославского купечества. Характерными памятниками ярославского зодчества **середины – второй XVII в.** являются храм **Ильи Пророка**, возведенный купцами **Скрипиными** в 1647–1650 гг., храм **Иоанна Златоуста**, сооруженный в 1649–1654 гг. на реке **Которосле** по заказу купцов **Неждановских**, и храм **Николая Мокрого**, построенный в 1665–1672 гг. на средства богатых купцов **Андрея Лемина** и **Астафия Лузина**, который отличался особой кирпичной кладкой, множеством изящных изразцов и черепичным покрытием кровли и куполов. В 1671–1687 гг. на средства простых прихожан в селе **Толчково** под **Ярославлем** была построена грандиозная церковь **Иоанна Предтечи**, которая по образному выражению блестящего знатока русской средневековой культуры профессора **Н.Н. Воронина**, являла собой «ликующую симфонию народной фантазии». Выдающиеся памятники культового зодчества, выполненные в «посадском» стиле, были построены и во многих других русских городах, например, **церкви Воскресения в Костроме (1652) и Романове-Борисове (1678).**

В конце XVII в. в России появился еще один архитектурный стиль, получивший название **нарышкинского стиля** или **московского барокко**, основы которого были заложены в западноевропейской архитектуре еще в начале XV в. и пришли на Русь, вероятнее всего, через Малороссию и Речь Посполитую. Характерными чертами нового архитектурного стиля были: **1) четкость и симметричность композиции, 2) подчеркнутая устремленность всего здания ввысь, 3) многоярусность и 4) тщательная разработка различных деталей (лазурных цветных изразцов и резьбы по белому камню),** которые придавали особо нарядный и величественный вид всем постройкам.

В эти годы в различных городах и селах страны были возведены многочисленные светские и культовые здания, которые вошли в сокровищницу отечественной и мировой культуры: **трапезная Троице-Сергиева монастыря (1686–1692), многоярусная колокольня Новодевичьего монастыря (1683–1690), кафедральный собор Успения Божией Матери Иосифо-Волоцкого монастыря (1688–1696), кафедральный собор Донской иконы Божьей матери Донского монастыря (1686–1698), здание столичного Печатного двора (1679), церковь Вознесения в селе Уборы, построенная Яковом Бухвостовым в 1690–1696 гг., Крутицкое подворье в Москве (1693–1694), автором которого был выдающийся русский зодчий Осип Старцев, Палаты думного дьяка Аверкия Кириллова в Москве (1656–1657), знаменитая Сухарева башня, сооруженная в 1692–1701 гг. Михаилом Чоглоковым и, конечно, эталонный шедевр московского барокко церковь Покрова в Филях, построенная в 1690–1694 гг. по заказу Льва Кирилловича Нарышкина, родного дядьки царя Петра.**

8. Живописное искусство

Долгое время в исторической литературе господствовало представление, что XVII век стал временем упадка и регресса в развитии русского живописного искусства. Это мнение было основано только на том факте, что в 1667–1669 гг. высшая светская и церковная власть в лице царя **Алексея Михайловича** и нового патриарха **Иоасафа II** приняли решение о жесткой регламентации всех тем и образов церковной живописи и обязательного соблюдения иконописного канона, утвержденного **Стоглавым Собором** в 1551 г. Однако работы крупных историков и искусствоведов (**И. Грабарь, В. Лазарев, Н. Мнев**) убедительно опровергли это предвзятое мнение и доказали, что процесс «обмирщения» культуры был неумолим и ростки новых элементов в художественном творчестве были налицо. Неслучайно, именно в этот период на свет появилось известное «Послание» одного из видных представителей русской станковой живописи **Иосифа Владимировича Симеоновича Полоцкого**, в котором он утверждал, что: 1) нельзя слепо копировать древние приемы живописного искусства и во всем следовать традициям русских живописцев прошлых веков и 2) нельзя замыкаться только на традициях русской иконописной школы и игнорировать художественный опыт других народов и государств.

«Бунташный век» стал временем дальнейшего развития техника фресковой и темперной росписи, которая была представлена знаменитыми фресками **Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря (1635)** и **Успенского собора Московского Кремля (1642–1643)**, созданные артелью выдающегося живописца **Ивана Паиссеина**, фресками **Княжина монастыря во Владимире (1647–1648)** и **Архангельского собора Московского Кремля (1652)**, выполненные мастерами **Оружейной палаты** во главе с **Яковом Казанцем** и **Степаном Рязанцевым**, фресками церкви **Троицы в Никитниках (1653)**, созданные **Василием Ильиным** и **Гурием Никитиным**, а так же росписями **Троицкого собора Данилова монастыря Переяславля-Залесского (1662–1669)**, храма **Ильи Пророка в Ярославле (1680–1682)**, **Преображенского собора Спасо-Евфимьева монастыря в Суздале (1689)**, выполненные под руководством **Гурия Никитина**, и другими. При этом следует отметить, что во всех этих росписях не только отчетливо звучали сугубо религиозные мотивы, в частности тема «страшного суда», но и прославление верховной светской власти и изображения ликов Великих Государей **Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича**.

Реалистические тенденции в живописном искусстве развивались крайне медленно, и по-прежнему большое место занимала старая традиция отвлеченно-догматического и аллегорического изображения. В результате следования этой традиции фресковые росписи и иконы были очень тщательно и хорошо прописаны, но перегружены мелкими сценами, деталями и предметами, внутренний мир персонажей икон и фресок оставался «тайной за семью печатями» и основное внимание уделялось изображению их внешних поступков и деяний. Кроме того, в живописном искусстве сохранились прежние приемы плоскостного изображения, в результате чего храмовые интерьеры очень часто походили на настенные ковры, сотканые из множества фресковых росписей.

В иконописании по-прежнему были сильны традиции знаменитой «**строгановской школы**», но отмечалось существенное огрубление техники письма и упрощение художественных композиций. Эти явные изъяны живописной техники пытались компенсировать богатыми и дорогими окладами, которые нередко делались из

драгоценных металлов и камней. В результате этого, многие иконы стали больше походить не на произведения станковой живописи, а на предметы ювелирного искусства. Вместе с тем, именно в XVII в. появились и ряд новшеств, которые существенно отличали иконописную традицию этого периода от предшествующих эпох. В частности, живописцы стали более точно изображать пространство и начинают активно использовать приемы светотехники при написании икон.

По мнению блестящего знатока русского живописного искусства той эпохи, профессора В.Г. Брюсовой, самыми известными представителями «строгановской школы» были Прокопий Чирин («Никита Воин» и «Тихвинская богоматерь»), Назарий Истомин (Савин) («Богоматерь Петровская», «Предста Царица одесную тебе», «Успение», «Царевич Дмитрий» и «Ангел-хранитель»), Гурий Никитин («Благовещение», «Сошествие во ад» и «Вознесение и вход в Иерусалим») и Федор Zubов («Апостол Андрей», «Одигитрия Смоленская» и «Иоанн Предтеча в пустыне»).

По мнению большинства ученых, высший этап в развитии русского живописного искусства XVII в. связан с именем гениального русского художника Симеона (Пимена) Федоровича Ушакова (1626–1686), который с 1648 г. возглавлял артель живописцев Оружейной палаты Московского Кремля и пользовался особым расположением ее руководителя боярина Богдана Матвеевича Хитрово, слывшего тонким ценителем и знатоком искусства. Как и многие живописцы той поры, С.Ф. Ушаков отдал дань уважения фресковой живописи и принимал активное участие в росписях Грановитой палаты, Архангельского и Успенского соборов Московского Кремля. Но в историю русского искусства он все же вошел как блестящий мастер станковой живописи.

Самыми знаменитыми его работами стали иконы «Спас Великий Архиерей» (1656–1657) и «Спас Нерукотворный» (1657–1658), которые были написаны им для церкви Троицы в Никитниках. Причем, особенность этих иконописных творения состояла в том, что именно здесь С.Ф. Ушаков изобразил классическое или канонически правильное лицо, ставшее эталонным для многих художников XVII–XVIII вв. Затем, в 1668 г. он создает еще один шедевр живописного искусства — большую икону-картину «Насаждение древа государства Российского» или «Владимирскую богоматерь», которая была посвящена прославлению русской самодержавной власти. Композиция этой иконы была чрезвычайно аллегорична: на фоне Успенского собора Московского Кремля, символа верховной власти русских государей, были помещены фигуры Ивана Калиты и митрополита Петра, поливающих большое дерево с огромной кроной, в ветвях которой были размещены медальоны с изображением всех Великих московских князей и царей. А по краям иконы были помещены изображения царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской с детьми.

В 1671 г. С.Ф. Ушаков создал новую икону на традиционный сюжет божественной «Троицы», которая сильно отличалась от знаменитого рублевского аналога и по манере исполнения, и по своему глубокому философскому содержанию. По сути дела рублевской «Троице» был противопоставлен абсолютно иной образ трех божественных ипостасей: на смену возвышенным и утонченным юношам пришли тяжеловатые «плотские» фигуры, которые сидят за трапезным столом, обильно уставленным разнообразными яствами. В дальнейшем С.Ф. Ушаков еще больше усилил элементы светского начала в своих работах, что отчетливо видно

на примере таких известных икон-аллегорий, как «**Мир**» и «**Брань**», написанных в манере западноевропейских гравюр.

Практически все исследователи творческой манеры **С.Ф. Ушакова** солидарны в том, что этот выдающийся мастер, отвергая сказочность и фантастичность прежних фресок и икон, стремился к предельно точному телесному изображению фигур и концентрировал свое внимание на новых формах живописного искусства, в частности портретной точности изображаемых им персонажей, с максимально возможным использованием техники светотени и приемов второго плана или объема.

Безусловно, **С.Ф. Ушаков** оказал огромное влияние на развитие всей русской живописи **второй половины XVII в.** и создал блестящую школу живописцев, яркими представителями которой были его ученики **Григорий Зиновьев, Тихон Филатьев, Никита Половец, Федор Zubов** и многие другие. Кроме того, он вошел в историю русского искусства и как крупный теоретик, написавший два трактата — «**Слово к люботщательному иконному писания**» (1667) и «**Алфавит художеств**» (1673), в которых решительно встал на защиту реалистических тенденций в живописном искусстве.

По мнению большинства ученых (**В. Брюсова, А. Муравьев, Н. Языкова**), выдающимся явлением в истории русского живописного искусства стала **школа ярославских мастеров**, в творчестве которых с особой силой проявилось влияние многих элементов светской «посадской» культуры. Это отчетливо видно на примере фресковых росписей многих ярославских храмов и соборов, которые часто посвящены не только религиозным мотивам, а чисто бытовым сюжетам и темам. Так, в храме **Ильи Пророка Гурий Никитин** и **Сила Савин** очень реалистично изобразили уборочную страду в знаменитой фреске «**Жатва**» (1680), а в церкви **Иоанна Предтечи** их коллега **Дмитрий Плеханов** не менее реалистично изобразил двух библейских красавиц — **Вирсавию** и **Соломею** (1694–1695).

Наряду с традиционными формами изобразительного искусства, в **начале XVII в.** зарождается новый жанр **портретов-парсун**, которые первоначально ничем не отличались от обычных икон. Именно в такой манере в начале столетия были написаны парсуны с изображением **Ивана Грозного** и **Михаила Васильевича Скопина-Шуйского**. Однако со **второй половины XVII в.** изображения парсунных персонажей стали принимать более реалистический характер. Но, как верно подметила профессор **Е.С. Овчинникова**, автор известной монографии «**Портрет в русском искусстве XVII в.**» (1955), в парсунах, так же как в иконах, на первом плане был все же не внутренний мир человека, а чисто внешние атрибуты его принадлежности к высшим слоям общества, поэтому парсуны совершенно справедливо всегда относили к разряду так называемых «парадных портретов».

К числу самых известных парсун **второй половины XVII в.** принадлежат портрет царя **Алексея Михайловича** (1675), написанный **Ерофеем Елиным**, портрет царя **Федора Алексеевича** (1686), автором которого был **Лука Смолянин**, и анонимные портреты царицы **Натальи Кирилловны Нарышкиной**, ее родного брата **Льва Кирилловича Нарышкина**, стольника **Григория Петровича Годунова**, князя **Бориса Ивановича Репнина** и ряд других.

Ряд современных авторов (**Н. Павленко**) полагают, что во **второй половине XVII в.**, наряду с портретом, возник и другой жанр светской живописи — **пейзаж**,

который, однако, тоже не преодолел аналогичной манеры письма, которая была характерна для всей иконографии. Пейзаж еще не стал объектом самостоятельного изображения и в иконах выполнял сугубо вспомогательную функцию, являясь только фоном для изображаемых персонажей библейской истории и святых.

9. Музыка и театр

К началу XVII века русская музыкальная культура имела устойчивые многовековые традиции, однако, как и другие области народного творчества, она была в основном безымянна. Традиционными чертами русского музыкального искусства, которые были унаследованы им с минувших веков, являлись повсеместное распространение **хорового многоголосного пения** и **жанровое богатство** русских народных песен и распевов. Вместе с тем, в этом столетии возникли и определенные новшества:

1) Во-первых, появились так называемые **«канты»** — внецерковные музыкальные произведения, которые отличались особой пышностью исполнения и были не слишком перегружены характерной канонической «суровостью», которая была обязательным элементом всех церковных музыкальных произведений.

2) Во-вторых, традиционное хоровое многоголосие было дополнено так называемым **«партеносным пением»** для трех голосов, которое, берет свои традиции в далекой **Венеции**. Причем, большой интерес, особенно при царском дворе, стали проявлять к органной музыке.

Как и в прежние века, особой популярностью пользовались **медвежий цирк**, **народный театр скоморохов** и **кукольный театр Петрушки**, репертуар которых был чрезвычайно многолик и разнообразен. Однако официальная власть и Церковь всегда преследовали эти формы народного театрального искусства, объявляя их **«бесовскими игрищами»**. Более того, в **1648 г.** царь **Алексей Михайлович** издал особый указ, по которому **«позорища»** (зрелища) скоморохов были запрещены, а их **«хари»** (маски) и **«бесовские гудевные сосуды»** подлежали уничтожению.

Новым явлением русского театрального искусства стало возникновение первого придворного театра, инициатором создания которого был либо сам царь **Алексей Михайлович**, либо его доверенное лицо, глава **Посольского Приказа** боярин **Артамон Сергеевич Матвеев**. Причем, создание самого театра было приурочено ко дню рождения царевича **Петра (30 мая 1672 г.)**, которое было решено отметить с особой пышностью. Посещать театральные постановки могли только члены царской фамилии и особы, приближенные к государю. При этом женщины могли лицезреть театральное действо только из закрытого от посторонних глаз помещения.

Первоначально театральная труппа, в которой было **60 актеров**, была набрана из обитателей подмосковной **Немецкой слободы (Кокуй)**, а главным режиссером этого театра был назначен местный пастор **Иоганн Готфрид Грегори**. Причем, как установил выдающийся русский историк профессор **С.К. Богоявленский**, автор известной статьи **«Театр в Москве при царе Алексее Михайловиче» (1906)**, практически весь репертуар «придворной хоромины» в основном состоял из произведений европейских авторов, в частности **Иоганна Пальцера**, написанных на библейские сюжеты. Хотя, ряд спектаклей были поставлены по «пьесам» самого **Иоганна Грегори**, **Симеона Полоцкого**, **Степана Чижевского** и архимандрита **Дмитрия Савина**. Среди самых заметных постановок этого театра следует отметить такие

спектакли, как «Артаксерксово действо», «Юдифь», «Товий», «О блудном сыне», «О Егории Храбром», «Грехопадение Адама», «Жалобная комедия об Адаме и Еве», «Давид и Соломон» «Малая комедия о Баязете и Тамерлане», «Комедия о Бахусе с Венусом» и ряд других.

В 1675 г. художественным руководителем театра стал воспитанник Киево-Могилянской Духовной академии Степан Чижевский (Чижинский), который поставил на сцене театра первый в истории русского искусства балет «Орфей» и две комедии — «Адам и Ева» и «Иосиф». Но в 1676 г., сразу после кончины царя Алексея Михайловича, по настоянию патриарха Иоакима первый русский театр был закрыт.

10. Быт и нравы Средневековой Руси

Характерной чертой русского быта Средневековой Руси был консерватизм, присущий всем аграрно-патриархальным обществам, поэтому изменения в быту происходили очень медленно, а многие традиции семейного уклада и образа жизни сохранялись веками, передаваясь из поколения в поколение.

а) Жилище. Основная масса населения страны по-прежнему проживала в сельской местности — деревнях, селах или погостах, и лишь очень незначительная ее часть в различных по размерам городах. Городской посад того времени представлял собой комплекс деревянных дворовых усадеб, которые были очень различны по своим удобствам и размерам. В таких дворовых усадьбах помимо самой **курной избы** или «**хоромины**» находились различные хозяйственные постройки — **амбары, клети, ледники, скотные дворы и погреба.**

Основная масса городских и сельских зданий, за очень редким исключением, была срубной, а в качестве самого ходового строительного материала использовали сосну и лишь изредка дуб. Светских каменных зданий практически не было, за исключением великокняжеских, а позднее царских дворцов, да палат самых знатных и богатых князей, бояр и купцов.

Практически все дома, независимо от социального положения их владельцев, топились по-черному, а каменные печи с дымоходом встречались только в «хоромах» очень богатых и знатных представителей бояро-княжеской аристократии. Такие «**белые**» **хоромы** или **горницы** обычно состояли из нескольких деревянных срубов, стоявших на высоких подклетьях, соединенных между собой переходами на уровне второго этажа. Помимо самой горницы и традиционных хозяйственных построек на территории боярской усадьбы располагались избы для дворовой челяди и так называемая «**повалуша**» или **терем**. Все постройки украшались затейливой липовой резьбой, а окна в таких хоромах закрывались не традиционным бычьим пузырем, а дорогой слюдой, которую в Европе даже называли мусковитом, и изящными резными ставнями. Такие горницы, окна которых пропускали много естественного света, по давней традиции называли «**красными**» или «**светлицами**».

В темное время суток или ненастную погоду для освещения избы, как правило, использовали либо лучину, которая вставлялась в печную расщелину или металлический ставец, либо сальные свечи, которые размещались на деревянных или металлических подсвечниках. В домах боярской знати изредка встречались серебряные «шандалы» или светильники с растительным маслом.

б) Одежда. Основная масса посадского и сельского населения страны по-прежнему носила домотканые или «власяные», довольно длинные туникообразные рубахи, сарафаны и сорочки, порты или штаны и юбки, которые шились из сермяжного или льняного сукна. При этом, что крайне интересно, долгое время сарафан был чисто мужской одеждой и стал исключительной принадлежностью женского гардероба только в **середине XVII в.**

Весной и осенью поверх рубах и сарафанов и мужчины, и женщины носили сначала **плащи (XIV–XV вв.)**, а затем **(XVI–XVII вв.)** **суконные однорядки** — широкие распашные бесподкладочные платья с длинными откидными рукавами и разрезами для рук на уровне пройм. Кроме того, у женщин в моде были короткие безрукавные кофты — **душегреи**, а у мужчин — **охабни**, которые отличались от однорядки широким откидным воротником.

Самыми популярными образцами верхней уличной одежды были **зипуны**, которые одевались поверх рубахи, под **кафтан**. Сами же кафтаны, которые стали носить только в **XV в.**, значительно различались и своей формой, и длиной, и покроем, а потому имели разные названия: **русский, польский, турецкий, венгерский** и т.д. При этом, не меняя самого покроя домашней и уличной одежды, представители бояро-княжеской аристократии предпочитали шить свои наряды из дорогих заморских тканей: венецианского и «рытного» персидского бархата, фландрского сукна, восточной парчи, атласа или тафты.

Такая же разница наблюдалась и в верхней зимней одежде: простолюдины и основная масса «служилых людей» носили **шубы, «кожухи»** или **«опашни»**, пошитые из овечьего, медвежьего, заячьего или беличьего меха, а феодальная знать шила свои зимние наряды из соболя, куницы или горноста. Кроме того, боярские и княжеские шубы часто украшались **«вошвами»**, т.е. золотым шитьем и драгоценными камнями.

Головные уборы (**колпаки, мурмонки, наурузы, «треухи»** или **«малахайи»**) простолюдинов, как правило, шились из войлока, мухояра и недорогих заячьих и беличьих мехов, а головные уборы знати делались из изящного тонкого фетра, отороченного соболем или куницей, которые нередко украшались изумрудами, сапфирами, яхонтом и речным жемчугом. Кроме того, в среде боярской знати была устойчивая мода на восточные головные уборы — **тюбетейки** и **тафьи**.

Летняя и зимняя обувь, напротив, не отличалась большим разнообразием: **бахилы, лапти** или **«лычаницы»** носили только в сельской местности, а посадский люд предпочитал шеголять в **разноцветных кожаных сапогах**, которые шились из сыромятной грубой кожи, причем только на одну ногу. У представителей боярской знати сапоги шились из сафьяна и украшались золотым шитьем, жемчугом и драгоценными камнями.

Парадной верхней одеждой русской знати были **ферязь** и **горлатные шапки**. Ферязь, которая шилась из заморской парчи или тафты, и подбивалась соболем мехом, представляла собой длиннополое платье с откидными рукавами, которая украшалась затейливой вышивкой и драгоценными камнями. А горлатная шапка по старым обычаям шилась из меха бобра и была отличительной чертой членов **Боярской Думы** или дьяков центральных **Государевых Приказов**.

Военное снаряжение, которое было только достоянием «служилого» поместного дворянства, тоже отличалось своим разнообразием. У рядового «служилого люда»

это были стеганные «тегиляи» или «куяки», с нашитыми на них кольчужными кольцами и стальными пластинами, а у феодальной знати в ряду военных доспехов были распространены **кольчуги, байданы, панцыри, бахтерцы, юшманы и зеркала**. Головным убором основной массы ратных людей были, стеганные паклей или ватой, **куячные матерчатые «шлемаки»**, а головы ратных воевод украшали изящные стальные **шлемы-шишаки**, к которым крепилась кольчужная сетка — **бармица**.

Боевое оружие тоже отличалось большим разнообразием. Делилось оно на **холодное** (боевые топоры, булавы, кистени, бердыши, «татарские» сабли, чеканы или клевцы, шестоперы или перначи), **метательное** (джириды и саадаки) и **огнестрельное** (пищали, фузеи и тьюфяки).

в) Домашняя утварь и кухня. В традиционном обиходе у подавляющей части населения страны была глиняная или деревянная посуда (**кадки, чумы, коши, ложки, черпаки, корчаги** и т.д.), а в качестве парадной посуды выступали **оловянные блюда, чарки и ставцы**. В домах богатых бояр и князей оловянные блюда выполняли роль повседневной посуды, а парадная посуда была серебряной или золотой, которая нередко украшалась драгоценными камнями. Перечень столовой посуды различался большим разнообразием: это были всевозможные **тарели, чаши, братины, ковши, ковчеги, потиры, ставцы** и т.д.

Русская национальная кухня на протяжении многих веков практически оставалась традиционной и очень обильной. Из мясных блюд в основном ели баранину и значительно реже говядину и свинину. При этом у знати в особой чести было «верченое мясо», приготовленное на вертеле, а так же жаренные куропатки, лебеди, цесарки, гуси и тетерева. Особой любовью наших предков пользовались различная рыбная снедь, приготовленная из сельди, белорыбицы, нелмижа, осетра, лосося, стерляди, судака, сига, окуня, леща, визиги и многих других рыб. Кроме того, рыбу, как и мясо, солили, коптили, сушили и вялили впрок. Зернистую и паюсную икру красной и белой рыбы, а также ее ксеню, т.е. печень, которые считались деликатесом, готовили в специальном рассоле, хотя соль была сама очень дорогим продуктом.

Среди хлебных злаков в повседневном рационе преобладали ржаные оладья, лепешки и блины, а из пшеницы пекли праздничные караваи, калачи, кулебяки, ростигаи и подовые пироги. Из зерна же делали и различные напитки, в том числе ржаной хлебный квас и ячменное пиво. Кроме того, в чести у наших предков были всевозможные морсы, медовухи и наливки, которые делались из клюквы, смородины, вишни, яблок, сливы, груш и меда.

Очень почитали наши предки различные овсяные, перловые, просяные и гречневые каши и кисели. А среди огородных культур в рационе преобладали репа, редька, огурцы, морковь, капуста, чеснок, лук и свекла. Выращивали также арбузы и дыни, которые на зиму солили или консервировали в патоке. С **XVII в.** на трапезных столах столичной знати стали появляться дорогие восточные пряности (корица, перец, гвоздика), а так же изюм, миндаль, лимон и даже кровавая колбаса, которую стали готовить с гречневой кашей.

Все это изобилие подавалось на стол только в скоромные и праздничные дни, а в период великих и малых постов, которые насчитывали **200 дней** в году, из рациона исключались все мясные продукты, коровье масло и молоко и даже рыба.

г) **Брачный обряд и семейный быт.** В Средневековой Руси все брачные узы, как и раньше, заключались по воле родителей жениха и невесты, которые перед свадьбой заключали меж собой «говорной договор» о времени и месте смотрины невесты и жениха. Смысл этой процедуры состоял в том, что перед смотринами родители невесты собирали сведения о репутации будущего зятя, а родители жениха усердно изучали перечень того, что будущая невестка получит в приданное. Если результат этой кропотливой работы устраивал обе стороны, то наступал обряд смотрины невесты, в котором, опять-таки, вместо жениха по его поручению смотрельщиками выступали его мать и сестры, а также «закадычные дружки». Цель смотрины состояла в том, чтобы установить отсутствие умственных, физических и иных недостатков у будущей невесты. А положительный итог смотрины давал основание для заключения «рядной записи» или «свадебного договора», в котором оговаривались различные условия свадебных торжеств, в том числе и сумма неустойки, которую должна была заплатить виновная сторона за несостоявшийся по той или иной причине, ранее «сговорный брак».

В день венчания невеста шествовала в церковь в плотной закрывающей ее лицо фате, и только во время свадебного пиршества молодой супруг мог хорошенько рассмотреть свою новоиспеченную супругу. Довольно часто случались и забавные казусы, когда за свадебным столом обнаруживалось, что невеста слепа, глуха или слабоумна. Обманутый муж уже дела исправить не мог, поскольку митрополит, а затем и патриарх челобитные о разводе оставляли без внимания, руководствуясь традиционным неписаным правилом: «не проведая подлинно, не женися».

В таком случае муж мог добиться развода только путем ежедневных истязаний супруги, требуя от нее пострижения в монастырь. Если молодка упорно не желала одевать монашескую схиму и уходить на постоянное жительство в монастырскую келью, то ее родители «печаловались» патриарху на жестокость ее супруга. Если жалоба родителей доходила до ума и сердца патриарха, то женоненавистника и изверга посылали послушником в монастырь на год и полтора. А развод давали только в том случае, если возвратясь с монастырского покаяния, благоверный продолжал от души колошматить и дубасить свою суженную. За убийство собственной жены мужу тоже полагалось покаяние, а вот за убийство мужа жену ждала мучительная смерть: ее закапывали по горло в землю, оставляя до самой смерти без питья и еды.

Женились и выходили замуж довольно рано: обычным возрастом замужества было 12–14, а женитьбы 14–16 лет. Свадьба всегда сопровождалась брачным пиром, который назывался «кашей». Гуляли «свадебную кашу», как правило, в доме отца невесты в течение трех дней, а затем молодая супруга навсегда покидала родительский кров и перебиралась к мужу. Кстати, отсюда и происходила знаменитая до сих пор поговорка «с тобой кашу не сварить», т.е. не сыграешь свадьбу.

Семейный быт строился на основе безоговорочного подчинения главе семейства всех его домочадцев, включая жену и детей. За ослушание отцовской воли незамедлительно следовало тяжкое телесное наказание — битие кнутом или чем попало. Традиционная домостроевская обязанность беспрекословного подчинения воли родителей приобрела силу закона после принятия знаменитого **Соборного Уложения 1649 г.**, по которому все челобитчики на родителей подлежали наказанию кнутом.

В семье продолжало существовать издавна сложившееся разделение труда. На долю мужчин выпадали самые тяжелые сельскохозяйственные работы (пахот-

та, боронование, посев и сенокос), а также заготовка дров, охота и рыболовство. В обязанности женщин входило участие в жатве, а также уходе за скотом, огородом и домом. На их же попечении находились и малолетние дети. Особенно тяжелым был труд невесток или снох, которые находились под присмотром и мужа, и тестя, и свекрови.

В обязанности супруга и отца входило поучение домашних, состоявшее в систематических побоях, которыми подвергались и благоверная супруга, и неразумные чада. Считалось, что человек, не бьющий жену, «дом свой не стронет и о своей душе не радеет», за что «будет погублен и в сем веке, и в будущем». Лишь в середине XVI в. само общество как-то попыталось защитить слабую половину человечества и ограничить произвол супруга. Так, знаменитый «Домострой» советовал ревнивцам и особо ретивым мужьям «бить жену не перед людьми, а не едины поучить», и при этом «ни по виденью не бити, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колотити, никаким железным или деревянным не бить». А кто «с сердца или кручины так бьет, много притчи от того бывает: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут и перст, и головное, и зубная болезнь, а у беременных жен и детям повреждение бывает в утробе». Поэтому «Домострой» и давал очень ценный совет не бить жену «по всяку вину и токмо сойма рубашку плеткою вежливенько повить, за руки держа, поелику се разумно, и больно, и страшно, и здорово».

В тоже время следует отметить, что в средневековой домостроевской Руси женщина обладала целым рядом прав. Например, закон устанавливал очень высокие денежные штрафы за «пошибание» (изнасилование) и оскорбление женщины «срамными словесами». Однако настоящую свободу женщина обретала лишь после смерти мужа. Вдовы традиционно пользовались большим уважением в обществе, и к тому же становились полноправными хозяйками в доме, поскольку после кончины благоверного супруга к ним переходила роль главы семейства и распорядителя всего имущества.

д) Имена, фамилии и прозвища. В Средневековой Руси различались канонические и неканонические имена. Каноническое (или истинное) имя, закрепленное традициями православной веры, подразделялось на крестильное (церковное), монашеское (иноческое) и схимническое.

а) Крестильное имя давалось человеку при крещении, в строгом соответствии с православными святыми, ангелом-хранителем которого был именно тот патрональный святой, в честь которого и был назван младенец. При этом надо отметить тот факт, что до середины XV в. основная масса населения страны предпочитала в обиходе обходиться некалендарными языческими именами.

б) Монашеское имя было вторым каноническим именем, которое получал человек при пострижении в монастырь. Обычно принимавший постриг получал имя того святого, память которого отмечалась в этот день, либо то календарное имя, которое начиналось на ту же букву, что и мирское имя монаха или монахини.

в) Схимническое имя давалось монаху или монахине при «третьем крещении», т.е. принятии большой схимы. Оно давалось также всем Великим и удельным московским князьям и боярам, многие из которых, по издревле заведенной традиции, перед смертью и предстоящим восшествию в рай, принимали схиму.

Неканоническое или мирское имя человека не было связано с религиозными традициями и являлось вторым (необязательным) именем каждого светского

человека: **Емеля, Неждан, Елисей, Дядя, Омросия, Гостя** и другие. Прозвище человека, в отличие от его имени, всегда отражало либо его этническую принадлежность, либо место его проживания, либо личные свойства и черты его характера и т.д. Среди средневековых прозвищ, носителями которых были и представители княжеско-боярской знати, встречались и такие непотребные и даже оскорбительные прозвища, как **Дятел, Кобыла, Шевляга (Кляча), Возгивая (Сопливая) Рожа, Турутай** и другие.

Важной уточняющей частью человеческого имени было его **отчество** или **патронимическое прозвище**, которое употреблялось с его именем и происходило от имени его отца. Отчество прямо указывало на происхождение и родственные связи данного лица. В то же время отчество указывало и на социальную принадлежность человека, поскольку считалось почетным наименованием. Если представители высшей феодальной знати именовались полным отчеством, оканчивавшимся на «вич», то остальные либо вовсе обходились без него, либо довольствовались полуотчеством, которое оканчивалось на «ов», «ев» или «ин». **Фамилии** — наследуемые официальные наименования, которые указывали на принадлежность человека к определенной семье, появились только в **XV в.**, и то первоначально у крупных феодалов из числа княжеско-боярской аристократии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991
Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001
Аверьянов К.А. Сергей Радонежский. Личность и эпоха. М., 2006
Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968
Адрианова-Перетц В.П. Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977
Алексеев Ю.Г. Под знаменем Москвы. М., 1992
Алексеев Ю.Г. У кормила российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998
Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001
Алпатов М.В. Андрей Рублев. М., 1972
Алпатов М.В. Феофан Грек. М., 1979
Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л., 1988
Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2006
Арсенев Б.В. Москва и Куликовская битва. 1380 год. М., 2005
Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. М., 2001
Богданов А.П. Царевна Софья и Петр. Драма Софии. М., 2008
Богданов А.П. Опальные воеводы. М., 2008
Богданов А.П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009

- Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. М., 2006
- Борисов Н.С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1986
- Борисов Н.С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988
- Борисов Н.С.* Политика Московских князей: конец XIII – первая половина XIV вв. М., 1999
- Борисов Н.С.* Иван Калита. М., 2005
- Борисов Н.С.* Сергей Радонежский. М., 2009
- Борисов Н.С.* Возвышение Москвы. М., 2011
- Борисов Н.С.* Дмитрий Донской. М., 2014
- Брюсова В.Г.* Гурий Никитин. М., 1982
- Брюсова В.Г.* Русская живопись XVII в. М., 1984
- Буганов В.И.* Медный бунт. Московские «бунтари» 1662 года. М., 1968
- Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII в. М., 1976
- Буганов В.И.* Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980
- Буганов В.И.* Куликовская битва. М., 1985
- Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI в. М., 1947
- Бусева-Давыдова И.Л.* Храмы Московского Кремля: Святыни и древности. М., 1997
- Бусева-Давыдова И.Л.* Культура и искусство в эпоху перемен: Россия XVII столетия. М., 2008
- Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947
- Веселовский С.Б.* Очерки по истории Опричнины. М., 1963
- Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения 50–70-х гг. XVI в. М., 2007
- Виппер Б.А.* Архитектура русского барокко. М., 1970
- Волков В.А.* Войны и войска Московского государства: конец XV – первая половина XVII в. М., 1999
- Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1962
- Вышегородцев В.И.* Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. М., 1996
- Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006
- Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2001
- Горский А.А.* От славянского расселения до Московского царства. М., 2004
- Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до конца XVII в. М., 1954
- Греков И.Б.* Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. М., 1954
- Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992
- Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994
- Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987
- Дмитриев М.В.* Православие и Реформация. М., 1990
- Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003
- Епифанов П.П.* Соборное Уложение 1649 г. М., 1961
- Еремин И.П.* Лекции и статьи по истории русской литературы. М., 1987
- Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. М., 1958

- Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960
Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964
Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982
Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991
Ильин М.А. Русское шатровое зодчество. М., 1980
Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодалные еретические движения на Руси в 14–15 вв. М., 1955
Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М., 1960
Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. М., 1970
Кантерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. М., 1996
Каргалов В.В. Куликовская битва М., 1985
Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. М., 1991
Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967
Кирпичников А.Н. Куликовская битва. М., 1980
Клибанов А.И. Реформационные движения в России в 14 – первой половине 16 вв. М., 1960
Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980
Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. М., 1999
Кобрин В.Б. Власть и собственность средневековой России. М., 1985
Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1990
Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI веков. М., 1995
Кобрин В.Б. Социальный состав Опричного двора. М., 1999
Коваленская Л.М. История русского искусства XVII в. М., 1962
Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007
Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007
Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009
Козляков В.Н. Борис Годунов. М., 2011
Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012
Кожин В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М., 1997
Комеч А.И. Каменная летопись Пскова XII – начала XVI в. М., 1993
Комеч А.И. Русские монастыри. История и культура X–XVII столетия. М., 2001
Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970
Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975
Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986
Корольок А.С. Ливонская война. М., 1954
Костомаров Н.И. Смутное время в Московском государстве в начале XVII в. М., 1994
Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 2003

Кудрявцев М.П. Москва — Третий Рим. Историко-градостроительное исследование. М., 1994

Кузьмин А.Г. Великие духовные пастыри России. М., 1999

Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. М., 2003

Кузьмин А.Г. Мародеры на дорогах истории. М., 2005

Кусков В.В. Литература и культура Древней Руси. М., 1994

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984

Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003

Лазарев В.Н. Феофан Грек и его школа. М., 1961

Лазарев В.Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1966

Лазарев В.Н. Искусство Древней Руси. Мозаики и фрески. М., 1973

Лазарев В.Н. Симеон Ушаков. М., 1977

Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990

Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961

Лихачев Д.С. Истоки русской беллетристики. Л., 1970

Лихачев Д.С. Русское Предвозрождение в истории мировой культуры. М., 1974

Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого». Л., 1977

Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011

Лошниц Ю.М. Дмитрий Донской, князь благоверный. М., 2010

Лупов С.П. Книга в России в XVII в. Л., 1970

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976

Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. М., 1988

Маковский Д.В. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в. С., 1963

Маковский Д.П. Первая Крестьянская война в России. С., 1967

Малето Е.И. Хождения русских путешественников XII–XV вв. М., 2000

Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М., 1962

Маньков А.Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л., 1980

Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998

Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1995

Мнева Н.Е. Искусство Московской Руси: вторая половина XV–XVII вв. М., 1965

Морозова Л.Е. Смута: ее герои, участники, жертвы. М., 2004

Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005

Морозова Л.Е. История России: Смутное время: правда и вымысел, свидетельства современников. М., 2011

Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. М., 1983

- Насонов А.Н.* Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. М., 1940
- Немировский Е.Л.* По следам первопечатника. М., 1983
- Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVII в. М., 1957
- Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. М., 1969
- Овчинникова Е.А.* Портрет в русском искусстве XVII в. М., 1955
- Павленко Н.И.* Спорные вопросы генезиса капитализма в России. // ВИ., № 11, 1966
- Павленко Н.И.* К истории Земских соборов XVI–XVII вв. // ВИ., № 5, 1968
- Павленко Н.И.* Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1969
- Павленко Н.И.* К вопросу о генезисе абсолютизма в России. // И СССР, № 4, 1970
- Павленко Н.И.* К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // ВИ., № 4, 1972
- Панеях В.М.* Холопство в XVI – начале XVII в. Л., 1975
- Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973
- Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. М., 1984
- Панченко А.М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000
- Панченко А.М.* История русской литературы XI–XVII вв. Л., 1985
- Перевезенцев С.В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв. М., 1999
- Почекаев Р.Ю.* Ярлыки ханов Золотой Орды: историко-правовое исследование. СПб., 2006
- Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010
- Платонов С.Ф.* Иван Грозный. Пг., 1923
- Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937
- Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972
- Преображенский А.А.* Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980
- Пресняков А.Е.* Образование великорусского государства. М., 2012
- Пушкарев Л.Н.* Общественно-политическая мысль в России второй половины XVII в. М., 1982
- Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974
- Раппопорт П.А.* Зодчество Древней Руси. Л., 1986
- Рогожин Н.М.* Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948
- Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959
- Сахаров А.М.* Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969
- Сахаров А.Н.* Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966
- Сахаров А.Н.* Степан Разин. М., 2010
- Седов В.В.* Псковская архитектура XIV–XV веков. М., 1992
- Седов В.В.* Псковская архитектура XVI века. М., 1996

Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2008

Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1978

Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 1981

Скрынников Р.Г. Россия накануне смутного времени. М., 1985

Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута» М., 1988

Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. М., 1991

Скрынников Р.Г. Царство террора. М., 1995

Скрынников Р.Г. Царь Бори и Дмитрий Самозванец. М., 1997

Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 2007

Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607 гг. М., 1951

Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М., 1958

Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Л., 1948

Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990

Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004

Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг. Л., 1972

Таирова-Яковлева Т.Г. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття, причини і початок Руїни. К., 1998

Таирова-Яковлева Т.Г. Гетманы Украины. СПб., 2011

Талина Г.В. Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII – начале XVIII века. М., 2010

Талина Г.В. Наместники и наместничества в конце XVI – XVIII вв. М., 2012

Творогов О.В. Древнерусские хронографы. М., 1975

Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1960

Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969

Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973

Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России: феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974

Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980

Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008

Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998

Филюшкин А.И. Андрей Курбский. М., 2008

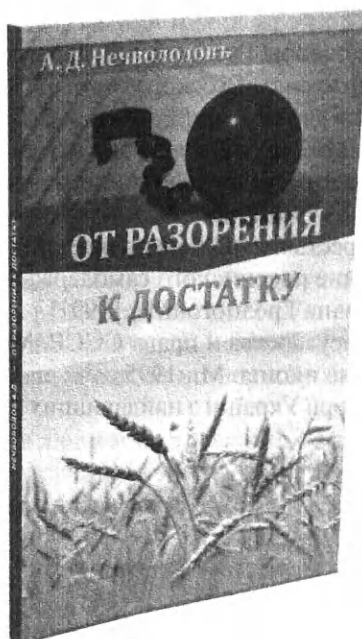
Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010

Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013

Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2000

Фроянов И.Я. Драма русской истории: на путях к Опричнине. М., 2007

- Цветаев Д.В.* Избрание Михаила Федоровича на царство. М., 2013
- Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960
- Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства XVI–XVII вв. М., 1978
- Чернов В.А.* Вооруженные силы Русского государства XV–XVII вв. М., 1954
- Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России в XVII в. М., 1856
- Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. В., 1975
- Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980
- Шапиро А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV–XVI вв. Л., 1987
- Шмидт С.О.* Становление российского самодержавия. М., 1973
- Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999
- Юшков С.В.* История государства и права СССР. М., 1940
- Языкова Н.К.* Богословие иконы. М., 1995
- Яковенко Н.Н.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. К., 2006

От разорения к достатку

Автор: Нечволодов Александр Дмитриевич
Объем: 128 стр.
Переплёт: мягкий

От автора:

Предлагаемый труд основан на ряде общеизвестных цифр. Сказанные вместе, цифры эти проливают яркий свет на главнейшую причину наших современных бедствий. Они показывают также, в чём заключается тайна могущества всемирных ростовщиков, как искусно опутавших своими невидимыми сетями все трудящееся человечество.

Наконец, цифры же эти указывают нам и путь для перехода от современного общего разорения к достатку в будущем.

*18 мая 1906 года
Санкт-Петербург*

Экспертиза Велесовой книги

Автор: Клёсов А.А., Логинов Д.С., Максименко Г.З.,
Осипов В.Д., Цыбульский В.В., Гнатюк В.С.
Объём: 432 стр.
Формат: 60×90/16 (140×210 мм)
Переплёт: твёрдый

Велесова Книга. Одни говорят, что это подделка, другие - что подлинник. Но и то, и другое мнение не имеет твёрдого основания. Ведь полноценного научного изучения Велесовой Книги не было. Точнее, не было до сегодняшнего момента. Собрав в рамках одного проекта лингвистов, историков, этнографов и биологов с разными взглядами, удалось провести всестороннее академическое исследование и впервые ответить на сложные вопросы: вероятное авторство, время и место написания Велесовой Книги; наиболее адекватные варианты перевода текста на современный русский язык; возможные причины разнобоя в грамматике и начертании букв; хронологическая оценка описанных миграций с точки зрения последних исследований человеческой ДНК; взаимосвязь Велесовой Книги с Повестью временных лет и другими древними источниками.

Существенная часть Экспертизы посвящена сравнению аргументов «за» и «против» историчности Велесовой Книги, что ставит точку в многолетних спорах. Своё наследие нельзя ни отвергать, ни принимать на веру. Необходимо его исследовать и делать свои выводы.

Принципы кадровой политики

Автор: Внутренний Предиктор СССР
Объём: 288 стр.
Формат: 60×90/16 (140×210 мм)
Переплёт: твёрдый

Кадры решают всё — эта фраза знакома многим. Но многие ли соотносят её с жизнью? А ведь именно кадровая политика общества определяет качество управления — качество жизни людей и перспективы развития.

В настоящей работе на исторических примерах давнего и ближнего прошлого рассмотрены принципы общественного управления и кадровой политики, которые долгие века считались нормой, и «благодаря» которым человечество пришло к глобальному кризису во всех сферах жизни. Показана роль психологии и основ мировоззрения, которые определяют дееспособность и меру понимания «управленцев». Преодоление кризиса требует переосмысления всего того, что считалось естественным и общепринятым, а также выработки и внедрения альтернативных принципов общественного управления и кадровой политики. Такая альтернатива излагается в книге во взаимосвязи с психологией личности, основами адекватного жизни мировоззрения, принципами формирования и эффективной деятельности слаженного коллектива.

Освоение предлагаемых знаний — потребность и задача каждого, кто желает преобразования общества к человечности и справедливости.

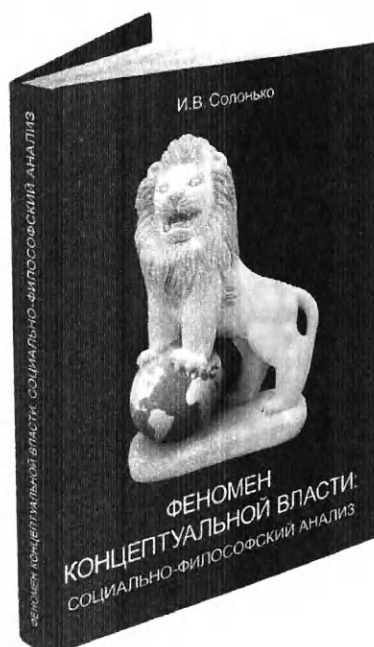
Естественный экономический порядок

Автор: Сильвио Гезелль
Объём: 432 стр.
Формат: 60×90/16 (140×210 мм)
Переплёт: твёрдый

Финансовый реформатор начала XX века Сильвио Гезелль сегодня не слишком известен в среде «профессиональных» экономистов. Свидетельство их «профессионализма» — нынешняя кредитно-финансовая система. Каждые 5–10 лет её сотрясают мировые кризисы. В ней постоянно растёт число миллионеров, но при этом экономике катастрофически не хватает денег. Почему? Потому что традиционные деньги выгодно держать в банке, где они приносят проценты. Во время кризиса это позволяет по дешёвке скупать чужую собственность, паразитируя на бедах остального общества.

Традиционные деньги годятся только для мошенничества, — утверждает Гезелль и создаёт деньги, регулярно теряющие в цене! Так, через год гезеллевская купюра в 100 единиц будет стоить 76 единиц, через два года — 52, а через 4 года и 2 месяца купюра обратится в НОЛЬ! Хранить деньги станет глупо, и они хлынут в реальный сектор, оживляя обмен товарами и услугами. Проверка этой идеи на практике (в том числе и в России) всякий раз приводила к быстрому оздоровлению экономики.

Крупнейший экономист XX века Джон Кейнс сказал: *«Будущее научится больше у Гезелля, чем у Маркса».* И это будущее уже наступает!

Феномен концептуальной власти

Социально-философский анализ

Автор:	Игорь Солонько
Объём:	304 стр.
Формат:	60×90/16 (140×210 мм)
Переплёт:	твёрдый

В монографии рассматривается сложившаяся на протяжении длительного времени система надгосударственного цивилизационного управления обществом определяемая как особый вид власти — концептуальная власть. Концептуальная власть — это власть людей, способных порождать в обществе социальные процессы, охватывающие жизнь общества на протяжении многих поколений и протекающие согласно разработанной концепции. Кроме того, это ещё и власть концепции (замысла или системы идей), по которой живёт общество. В монографии раскрываются способы и средства управления обществом, используемые концептуальной властью. Рассматривается функция концептуальной власти и алгоритм её взаимодействия с другими видами власти в процессе социального управления.

Экономика и ноосфера

Автор: Величко М.В., Ефимов В.В., Иманов Г.М.
Объём: 240 стр.
Формат: 60×90/16 (140×210 мм)
Переплёт: твёрдый

Человеческая цивилизация находится под угрозой самоуничтожения. Экономические кризисы, экологические, социальные проблемы и растущая военная напряжённость — всё это следствия СИСТЕМНОГО кризиса, самоубийственного конфликта с биосферой.

- От каких ноосферных и биосферных факторов зависит жизнь и смерть цивилизации?
- Что такое полная функция управления, как средство решения любой задачи?
- Как благосостояние зависит от нравственности человека?
- Кто и зачем проводит политику разрушения института семьи?
- Как нам вернуть чувство уверенности в завтрашнем дне?

Либеральная модель экономики не решает общественных проблем. За последние 25 лет в России это стало совсем очевидно. Авторы предлагают другую экономическую модель, которая сделает Россию лидером устойчивого развития в гармонии с биосферой планеты и приведёт нас всех к благополучию и достатку!

ПАТРИОТИКА

Союз издателей и предпринимателей «Патриотика» приглашает к сотрудничеству издательства, авторов, розничные магазины, интернет-магазины и точки продаж для совместного продвижения продукции и взаимовыгодного сотрудничества.

Если ваши книги имеют патриотическую направленность, способствуют нравственному, культурному, духовному и физическому преображению современного человека, мы готовы протянуть вам руку дружбы и делового партнёрства. Союз «Патриотика» обладает новейшими технологиями издания и продвижения книг, а также собственными интернет-СМИ.

Наши преимущества:

- Выверенный ассортимент патриотических книг;
- Современная система определения наиболее ходовых позиций;
- Чёткая логистика;
- Дружественная ценовая политика (работаем только с издательствами напрямую);
- Налаженные партнёрские связи с крупнейшими российскими книготорговыми сетями;
- Прозрачная бухгалтерия и своевременный расчёт;
- Возможность бесплатной рекламы в книгах, издаваемых нашими партнёрами;
- Информационная поддержка в СМИ.

+7 (495) 755-45-13
soyuz@patriotika.com

Подробности и свежий прайс на **patriotika.com**

«Концептуал» на Комсомольской:

Комсомольская площадь,
дом 1а, строение 15

Телефон: +7 (495) 755-44-13

Email: kob@konzeptual.ru

«Концептуал» в «Олимпийском»:

м. Проспект Мира,
Книжный клуб СК «Олимпийский»,
торговая точка №109 (1 этаж)

Время работы: 9:00–15:00

Понедельник выходной

Воскресенье 10:00–15:00

Санкт-Петербург

Магазин «Галактика»

м. Елизаровская, проспект Обуховской Обороны, дом 105
ДК им. Н.К.Крупской (правая лестница, 2-й этаж)

Магазин №93, главный зал (место №25); балкон (место №16);

Время работы: 10:00–18:00, выходной — понедельник

Телефоны: +7 (812) 339-09-41, +7 (905) 226-36-28

Дом быта (2-й этаж): м. Нарвская, Нарвский проспект, дом 18

Время работы: 11:00–20:00, выходной — воскресенье

Телефоны: +7 (812) 746-54-45, +7 (911) 911-89-98

СПИЦЫН Евгений Юрьевич

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ IX–XVII ВВ.

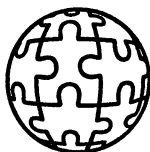
Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов

Книга 1

Подписано в печать 30.09.2015 г.
Формат 70×100/16

Бумага офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 4888

Отпечатано способом
ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru
E-mail: sales@chpd.ru
тел. 8(499)270-73-59

Концептуал

– ЧТОБЫ ПОНИМАТЬ –

.....

СМИ, издательство и интернет-телевидение

Мы распространяем информацию, которая помогает человеку сложить,
как мозаику, адекватную картину мира

концептуал.рф • konzeptual.ru • konzeptual.tv

Спицын Евгений Юрьевич

– историк, публицист, с отличием закончил исторический факультет МПГУ им. В.И. Ленина. Среди его учителей были многие крупные русские советские историки, в том числе доктора наук, профессора А.Г. Кузьмин, Н.И. Павленко, В.Б. Кобрин, В.Г. Тюкавкин, Л.М. Ляшенко, Г.А. Кошеленко и другие.

Е.Ю. Спицын двадцать лет работал учителем истории и директором одной из московских школ. Опубликовал десятки статей и несколько книг для учителей истории, абитуриентов и студентов исторических факультетов, в том числе «История России с древнейших времён до конца XIX века» (2000), «История русской культуры IV–VII вв.» (2004) и «История России 1894–1945 гг.» (2006).

Предлагаемый четырёхтомный труд по истории России создавался более 15 лет и предназначен, прежде всего, учителям истории и преподавателям исторических факультетов. Он также представляет несомненный интерес для преподавателей, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, старшеклассников и абитуриентов, а также для всех интересующихся прошлым нашего Отечества, дезориентированных существующей четверть века на книжном рынке и в сети Интернет литературой сомнительного содержания и качества, с крайне субъективными оценками и вульгарной трактовкой исторических событий, не имеющей ничего общего с научной интерпретацией фактов.

